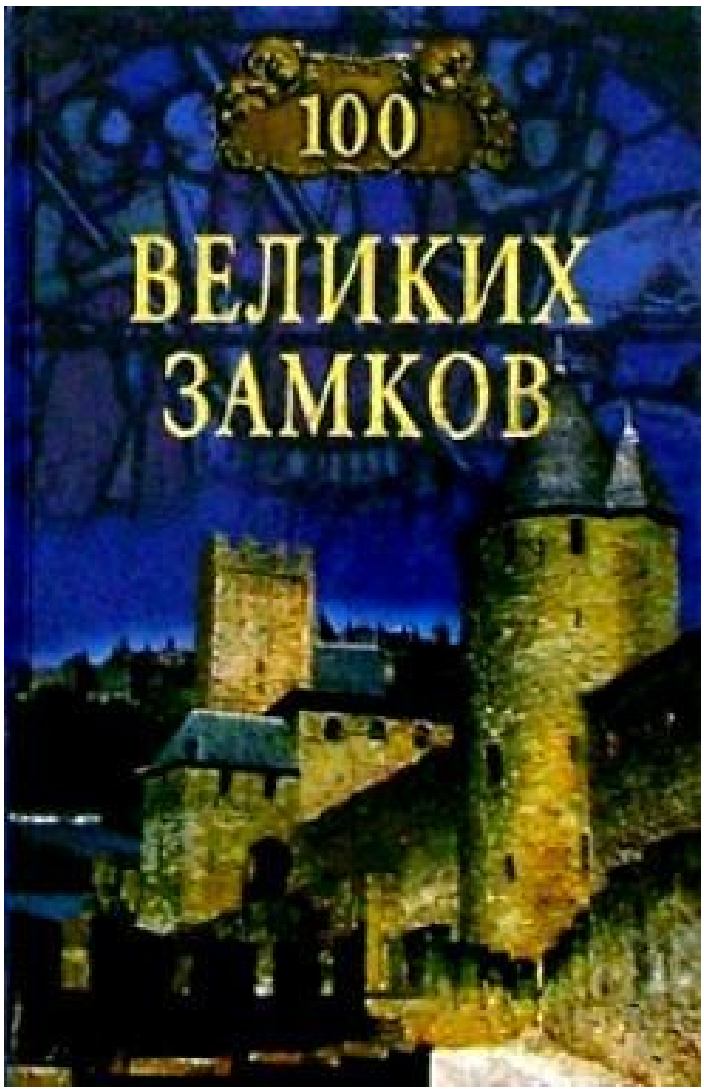
Ионина Н.А.

СТО ВЕЛИКИХ ЗАМКОВ



МОСКВА «ВЕЧЕ»
2007

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление
Крепкостенная Троя
Афинский акрополь
И Карфаген был разрушен…
Великая Китайская стена
Легендарные Диоскурия и Себастополис
Древнеримская крепость Зальбург
Последние защитники Масады
Крепость Дербента
По следам рыцарей Круглого Стола
Замок Святого Ангела в Риме
В крепости Сан-Марино
На берегах голубого Дуная
Феодальные замки Англии
Замки Шотландии
Лондонский Тауэр
Гибралтарская скала
Будайская крепость
Город-крепость Дубровник
Мертвая крепость в Хара-Хото
Открытие в замке Альбрехтсбург
Духовная твердыня болгарского народа
Люксембургский замок
Пражский Град
Крепость Крак-де-Шевалье
Легенды старинной крепости Маркаб
На холме Калемегдан
Новгородский Детинец
Цитадель в Халебе
Вокруг Зальцбурга
Виндзорский замок
Буйон – замок первого Крестового похода
Средневековые укрепления Триполи
На Замковом Холме Братиславы
В Ноттингем – к Робин Гуду
Московский Кремль
Средневековые крепости Кипра
Шильонский замок
Каирская Цитадель
Легендарные крепости Грузии
Замок Вартбург
Монсегюр – последний оплот Катаров
Крепости Ассасинов
Парижский замок Тампль
Где искали сокровища Тамплиеров?
Таллинский замок Тоомпеа
В казематах Бастилии
Мавританский замок Альгамбра
Гапсальский замок
Великая крепость в Килве
Богатырские заставы
«Горное гнездо» в царстве рулетки
В аденском «Кратере» и вокруг него
Королевский замок в Варшаве
Старинные форты Индии
Замок в Выборге
Орешек – Нотебург – Шлиссельбург
Тевтонский замок Прейсиш-Эйлау
Авиньонский замок римских пап
Олесский замок на Украине
Изборск – крепость на Журавлиной горе
Ливонский замок в Нарве
Высокогорные крепости Инков
Большой зимбабве
«Орлиное гнездо» валашского князя
Жанна д’Арк в замке Шинон
В замках «Синей Бороды»
На острове Горé
Родосская эпопея рыцарей-иоаннитов
Измаил
За воротами Голконды
Шамбор – «замок рыцарей и фей»
Узники замка Иф
Форты Картахены
Кубинская крепость Ла-Фуэрса
Астраханский Кремль
«Великая осада» Мальты
Старая Касба в Алжире
Кронборг – «замок Гамлета»
Крепость Интрамурос в Маниле
Смоленские стены
Родовое гнездо д’Артаньяна
Пиратская крепость Удайя
Замки древнего Гондара
Тортуга – гнездо французских флибустьеров
Порт-Ройал под флагом «веселого Роджера»
Петропавловская крепость
Первая крепость русского флота
В заповедной Хиве
Путешествуя по замкам Маркиза де Сада
На «голубом холме» в царстве Имерина
Михайловский замок
Находка в Ренн-ле-Шато
«Новый Лебединый Камень» Людвига Баварского
Долина Кулу, замок в Наггара и праздники
Дзонги «Страны драконов грома»
В «Волчьем логове» Гитлера
Брестская крепость
Гарнизон подземного Аджимушкая
Сокровища замка Кенигштайн
В самом центре Каракаса

Вступление

Есть памятники, которые манят и всегда будут манить всех, кто хочет своими глазами увидеть лучшие творения человечества, что оставила история. Произнесенное вслух, их название уже вызывает какое-то волнение. Московский Кремль, мавританский замок Альгамбра, Петропавловская крепость, лондонский Тауэр, замки на Луаре и другие шедевры не нужно «представлять», так как они принадлежат прекрасному и вечному.

Болгарская пословица гласит: «У камня долгая память», однако и камни стареют. Многие города, крепости и замки, разбросанные по всей земле, мертвы сотни, а некоторые и тысячи лет. Когда-то они были цветущими и богатыми, шумными и полными движения, а потом превратились в немые руины. В древних могилах истлевают кости тех, кто строил эти крепости, ходил по улицам городов, любил и ненавидел, радовался и страдал.

Но они оставили свои легенды и неразгаданные тайны, древние письмена и мраморные статуи. И потому снова и снова возвращаются к ним археологи и историки, писатели и поэты, художники и путешественники. Люди различных профессий всматриваются в древние руины, в полустертые надписи и рисунки, в скульптуры и резьбу, пытаясь восстановить облик разрушенной крепости или разбитого сосуда. И еще они стремятся проникнуть в тайны страстей, когда-то обуревавших жителей ныне мертвых крепостей и замков.

Много событий видели на своем веку крепости и замки. Например, серые массивные стены венгерской крепости Эгер помнят Иштвана Добославного, капитана Добо, который в 1552 году выиграл самое жестокое сражение в истории города. Их, осажденных, было тогда 2000 человек – солдат, женщин, детей. А у стен крепости дымились костры и звенело оружие 120-тысячной турецкой армии. Почти 40 дней длилась осада, но взять крепость туркам не удалось. И потому так тщательно расчищали археологи каждый метр подземного хода. Во время раскопок были обнаружены «телефоны»: это были барабаны, по туго натянутой поверхности которых скользили горошины. Турки пытались прорыть ход в крепость, и осажденные по всей 160километровой сети подземного тоннеля расставили эти «телефоны». От сотрясения земли горошины дрожали, барабаны звенели, разнося тревожную весть о приближавшейся опасности.

В середине прошлого века в Шотландии археологи нашли 1 000 000 гвоздей, и профессор Оксфордского университета предположил, что их оставили римляне. Еще в 83 году они основали здесь крепость, 7 лет удерживали ее в своих руках, а потом вынуждены были отступить. Чтобы местные жители не смогли использовать эти гвозди в качестве оружия, римляне запрятали их в колодец. Так засыпанные землей семь тонн гвоздей и пролежали почти 2000 лет.

Древняя Голконда оставила миру свои бриллианты, о каждом из которых можно рассказать длинные истории о крови и убийствах, человеческой алчности и честолюбии, трусости и самоотверженности. А в горах Кавказа до сих пор стоят башни, которые охраняет бог скал Ерда – бог древних чеченцев и ингушей. Эти башни пытался разрушить Села – бог грома и молнии, к ним прилетала богиня ветров Фурхи, к их дикому или грубо обтесанному камню подступали враги. Но каменные долгожители гор стоят уже несколько веков, хотя вокруг них

Все дико, нет нигде следов
Минувших лет: рука веков
Прилежно, долго их стирала…

Есть на земле и замки, которые создала сама природа. Например, Паммукале в Турции – это террасовидный уступ высотой 20 метров. По-турецки «Паммукале» означает «Хлопковый замок», и действительно, по внешнему виду он очень напоминает белую крепость с тончайшей филигранной отделкой, местами похожей на дивное кружево. Это диковинное сооружение образовалось в незапамятные времена, ведь к уступу издавна несет свои воды теплый источник, который берет начало в горном известняковом массиве, расположенном неподалеку.

У края уступа минерализованная вода источника, прежде чем низвергнуться в долину Мендереса, широко разливается, а местами падает с уступов шумным каскадом. Но большей частью вода течет медленно, почти незаметно. Когда она выходит из трещин на поверхность, растворенный в ней бикарбонат кальция под воздействием света быстро теряет углекислый газ, и выпадающий из раствора углекислый кальций образует кальцит – горную породу ослепительно белого цвета, отливающую стеклянным блеском. Так образовался этот

сталактитовый замок, поражающий своим великолепием и местных жителей, и многочисленных туристов.

В Средние века каждому феодалу приходилось самому заботиться о своей безопасности, потому он и возводил укрепленные замки, где можно было укрыться от набегов соседей. Такими укрепленными замками была покрыта вся Западная Европа, в частности, только во Франции их насчитывалось несколько тысяч. В сравнении с древними крепостями замки имели менее крупные размеры, так как оборонялись меньшим числом защитников. Оборона в них сосредотачивалась в основном в башнях, и только в случае крайней необходимости защитники занимали стены. Слабой стороной в замках были входы-выходы, поэтому их было не более двух, и охранялись они особенно сильно. В них почти всегда устраивались подъемные мосты, которые прикрывались особыми башнями – бастидами и барбаканами.

Большинство феодальных замков сейчас лежат в руинах, и только немногие из них сохранились полностью. Так, например, в Испании осталось около 2000 замков, и лишь 250 из них – в полной сохранности. Феодальные замки совершенно непохожи друг на друга, так как каждая страна породила свой особый архитектурный стиль, свойственный только ей. Еще Витрувий писал, что «одного рода дома следует строить в Египте, другого – в Испании… потому что одна часть земли лежит прямо под путем солнца, другая отстоит от него далеко, третья находится посередине между ними».

Теперь многие цитадели пустуют, их крепостные ворота распахнуты настежь, а сложные защитные сооружения – лабиринты стен и подземных ходов, рвы и башни – разрушает всепоглощающее время. Но сторожевые башни и остроконечные пинакли, увитые плющом и диким виноградом, зубчатые стены с бойницами, лабиринты коридоров, мрачные подвалы и изрядно постаревшие привидения поразят ваше воображение. Огромные камины и старинные лестницы, бронзовые люстры и резная деревянная мебель перенесут вас в эпоху рыцарей Круглого Стола или во времена Крестовых походов.

На дворе замков или в мрачных залах, освещаемых дрожащим пламенем факелов, происходили манящие воображение рыцарские турниры. Некоторые рыцари все свое время посвящали тому, что переходили с одного турнира на другой. Например, английский рыцарь Гийом ле Марешаль одержал 203 победы, после чего вынужден был искать помощи у кузнеца, так как сам не мог снять шлем, искореженный многочисленными ударами. Средневековые хроники гласят, что два писца были заняты учетом его выигрышей, так как с каждого турнира этот рыцарь увозил много призов.

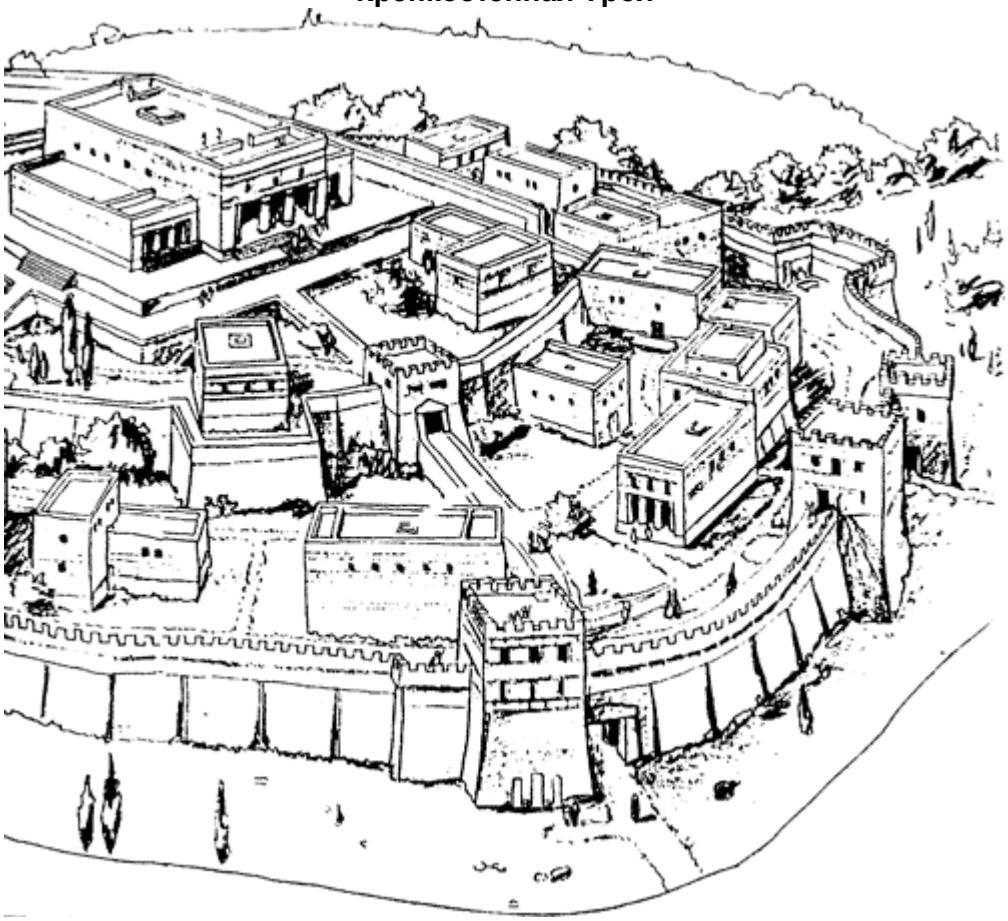
У каждого владельца замка был свой герб – геральдический знак, который относился не к отдельному человеку, а целой семье, роду или династии. На гербе обычно изображались небесные светила (солнце, луна, звезды), оружие, растительные орнаменты (деревья, цветы, фрукты), животные (лев, леопард, змея) и т. д. Гербы обычно были выгравированы у ворот, ведущих в замок, а также на дорогой посуде, мебели, нижней части живописных полотен или гобеленов, которые выполняли по заказу знатных рыцарей художники. Часто к гербам прибавлялись девизы и знаки благородного происхождения.

Медленно пишется история исчезнувших государств, городов, крепостей и замков. Она бывает скрыта в пыльных летописях и старинных фолиантах, засыпана в величественных курганах или неприметных холмах, таится в развалинах некогда великолепных городов и замков и в бесформенных обломках древних сосудов. Порой историческое прошлое несправедливо забывается; жизнь человеческая коротка, и со временем обращается в прах и ничтожное, и великое.

Встав, прошумят и сгинут города,
Пройдут и в вечность канут поколенья…

Молчат руины, и, как писал советский искусствовед М.В. Алпатов, «древние памятники, как и изречения оракулов, требуют толкования». Помня об этом, мы все же постарались составить книгу, чтобы память о прошлом не стала достоянием только ученых-историков.

Крепкостенная Троя



Реконструкция Трои

В 1880-х годах легендарную Трою считали сказкой не только великие поэты И.В. Гёте и Д.Г. Байрон, но и многие европейские ученые. Немецкий археолог Генрих Шлиман доверился поэме Гомера «Илиада» и в 1871 году начал раскопки на северо-западе Турции – на холме Гиссарлык. Впервые холм Гиссарлык как объект раскопок заметил еще в 1820е годы Ч. Макларен, который, изучив его, пришел к выводу, что развалины Трои следует искать внутри холма. Но к раскопкам он так и не приступил.

Археологические работы Г. Шлиман начал с компасом в одной руке и томиком «Илиады» – в другой. Холм Гиссарлык, возвышавшийся к северу от города Бунарбаши, привлек его внимание сразу. И большая группа греческих и турецких рабочих, вооружившись заступами и лопатами, начала «вгрызаться» в этот холм. Работы продолжались несколько лет, и только в 1879 году Г. Шлиман написал одной своей знакомой: «Троя раскопана, и нет второй».

Однако еще с первыми сообщениями о раскопках на холме Гиссарлык начали раздаваться голоса скептиков, одни из которых вообще сомневались в исторической достоверности поэмы «Илиада»; другие, хоть и признавали Трою не мифом, но отвергали разрытый Г. Шлиманом холм и предлагали искать античный город на соседних возвышенностях. Третьи считали, что события Троянской войны и сам город находились вне Троады, а перенесли их туда греческие певцы и сказители при колонизации Малой Азии. Но постепенно скепсис иссяк, и на исторических картах гомеровская Троя прижилась в северо-западной части Малой Азии.

Позже к раскопкам Г. Шлимана присоединился молодой американский архитектор В. Дёрпфельд, установивший, что было открыто целых девять Трой. Все они, одна над другой, были перестроены между третьим тысячелетием до нашей эры и 500 м годом нашей эры.

Троя, основанная около 3000 года до нашей эры, лежала у входа в пролив Дарданеллы, через который из Эгейского моря можно было пройти в Мраморное и далее через Босфор – в Черное. А это был один из важнейших торговых путей древности, и, контролируя переправу через пролив и собирая дань со всех проходящих судов, жители Трои держали в своих руках всю торговлю между Азией и Европой. Лучшего места для города, чем то, на котором была

построена Троя, было и не придумать. И потому всякий раз на месте разрушенного войной или землетрясением города вырастал новый.

После очередного разрушения руины не разбирали, а трамбовали и строили новые сооружения на этом же месте. Троя-I была крепостью с трехметровыми стенами и мощными башнями. После большого пожара, связанного, очевидно, с чужеземным завоеванием, крепость отстроили заново, утолщили ее стены до 4 метров и возвели дополнительные башни. В центре города появился царский дворец, в котором Г. Шлиман нашел знаменитый «клад царя Приама»[1].

Около 2300 года до нашей эры Троя-II тоже погибла в результате завоевания и пожара. Ее правители, покидая город, полагали, что разлука будет недолгой, но вернуться им не довелось, и после этого города появились следующие Трои. После разрушения Трои-V на это место пришло новое население, владевшее новыми методами строительства и изготовления керамики. Именно Трою-VI ученые и считают гомеровской. В этот период город достиг своего наибольшего расцвета, его площадь составляла 18 гектаров – больше площадей всех предыдущих и последующих Трой. Таким образом, наука установила, что на холме Гиссарлык, как в «слоеном пироге», лежат остатки не менее девяти городов.

А древнегреческие мифы повествуют, что первым город построил царь Ил и нарек его Илион – город Ила, называвшийся также и Троей по имени отца Ила.

После Ила царем Трои стал его сын – хитрый и умный Лаомедонт, который умел привлечь в свой город людей из других стран, и потому при нем Троя сильно увеличилась в своих размерах. Лаомедонт заботился о своих подданных, строил водопроводы для орошения полей, проводил дороги, и слава о заботливом царе распространялась по всей округе. Народ охотно шел к Лаомедонту, и вскоре прежние городские стены, возведенные его отцом и первыми поселенцами, стали тесными для города. Приходившие чужеземцы стали селиться вне их, и так вокруг Трои-Илиона со временем образовался второй город, обступивший со всех сторон первый. А на вершине холма в середине этого города возвышался прежний Илион, опоясанный стенами.

И решил тогда Лаомедонт и второй город обнести стенами, чтобы стала Троя самым огромным городом на земле, а он – самым могущественным из всех царей. Но у большого города и стены должны быть другими, чтобы на них не мог взобраться самый могучий герой и не разрушили бы их самые крепкие тараны. Кто же построит царю такие стены? Собственный народ его недостаточно искусен, да и не так уж много у Лаомедонта рабов, которые могли бы выполнять эту трудную работу. А свободных своих подданных царь не хотел принуждать: «Еще, пожалуй, возмутятся да и уйдут к другому царю. Что я тогда буду делать без народа в пустом городе?»

Во время таких размышлений пришли к Лаомедонту два чужестранца. Один из них был исполинского роста, и все в облике его говорило о дикой и неукротимой силе, однако что-то покорное и смиренное было в полусогнувшейся в поклоне фигуре. Другой был стройным и красивым юношей, который обращал внимание каждого своим спокойным и свободным взглядом.

Чужестранцы сказали, что готовы стать рабами Лаомедонта, но только на один год, в течение которого он может возложить на них любую работу. Это были боги Посейдон и Аполлон: наказанные Зевсом, они, не открывая своей божественности, должны были провести год на службе у смертного. И стали Посейдон и Аполлон возводить троянские стены.

Мощный Посейдон вложил много труда: он из недр земли выламывал каменные глыбы, таскал их к городу и складывал из них стену. Аполлон же приводил в движение камни звуками своей лиры: сами собой складывались камни и сама собой воздвигалась стена. Изумился Лаомедонт при виде стены, сложенной из исполинских каменных плит. Как отвесная скала, поднималась стена, оставляя местами просветы, в которых находились крепкие железные ворота. Поверх стены шла широкая дорога, по которой могла проехать колесница. На углах стен возвышались высокие башни с узкими отверстиями, из которых было удобно смотреть на то, что делается

под стенами. За такими стенами нечего бояться ни драконов, ни великанов, ни неприятельского войска. Стоит только запасти достаточно съестных припасов – и сиди себе за стеной хоть целые годы.

Однако вероломный Лаомедонт обманул строителей: он отказал им в обещанной награде, изгнал из своей страны и даже пообещал отрезать уши, если они еще когда-нибудь попадутся ему в руки. Через некоторое время обманул царь и Геракла: не дал ему обещанного волшебного коня и с угрозами изгнал из своей земли. Пошел герой войной на Лаомедонта и взял его город. Царя и всех сыновей его, кроме Подарка, Геракл умертвил своими стрелами. Подарк же и сестра его Гесиона были взяты пленниками. Царственную деву Гесиону отдал Геракл своему другу Теламону, а еще ей было разрешено избрать одного из пленников и даровать ему свободу. Она выбрала своего брата Подарка: при освобождении надлежало дать за него выкуп, и Гесиона отдала свое покрывало. С тех пор брат ее стал называться Приамом, то есть «искупленным».

Гомер описывает Трою как «город, построенный славно, с изящными башнями и величественными стенами». Эта мощная крепость, господствовавшая над окружавшими ее землями, была разрушена около 1250 года до нашей эры в результате землетрясения и Троянской войны, описанной Гомером. Тогда «великий царь греческих царей» Агамемнон, собрав огромный флот, подошел к «крепкостенному» городу, но долгих девять лет греки не могли овладеть Троей.

Чтобы захватить город, нападающие изобретали различные машины для засыпания рвов, стенобитные орудия, платформы для восхождения на стены. А защитники в свою очередь старались все это разрушить или сжечь. Да и как было овладеть Троей, если городские стены возводили боги Посейдон и Аполлон и взять их можно было только «по воле богов». И тогда царь Итаки, хитроумный Одиссей, предложил действовать хитростью.

Он посоветовал соорудить такого огромного деревянного коня, в котором могли бы спрятаться самые могучие герои греков. Все же остальные войска должны были отплыть от берегов Троады и укрыться за островом Тенедосом. Троянцы ввезут коня в город. Ночью выйдут из коня воины и откроют ворота города тайно вернувшимся грекам. Одиссей уверял, что только таким способом можно овладеть Троей.

Читатели знают, что так оно все и случилось. Но ведь у Гомера нет ни одного слова о «Троянском коне», однако, как считает И. Машников, его не следует считать и плодом литературной фантазии Вергилия. Он предлагает предположить, что «Троянский конь» – это стенобитное орудие, и если это так, то оно по своему конструктивному решению было выдающимся явлением. Значит, должно было иметь своего конкретного создателя. У Вергилия об этом сказано, что последним из коня вылезает «Эпей… придумавший лошадь». Следовательно, Вергилий описал конкретное инженерно-техническое сооружение, что было вполне возможно. Но он лишь передал древние сведения о коне, не снабдив их подробными комментариями…

Афинский акрополь

Слово «акрополь» в переводе с греческого означает «верхний город», а на Руси такие укрепленные верхние города называли кремлями. Некогда афинский Акрополь действительно был крепостью, и казалось, сама природа позаботилась о том, чтобы возвышающаяся на несколько десятков метров площадка холма с его отвесными склонами была неприступной для врагов. Афинская равнина со стороны моря открыта, а с остальных – окружена горными вершинами. Таким образом, Акрополь был доступен только с западной стороны, но, имея все географические выгоды, он даже не нуждался в защите. Кроме того, холм так густо порос оливами, что они и сами могли служить прекрасным средством обороны.

На развалинах Акрополя можно прочесть историю Греции от эпохи легендарного царя Кекропа до турецкого владычества. Начало греческой столицы теряется во временах столь древних, что они кажутся баснословными. В середине XIX века до нашей эры, как пишет древнегреческий историк Геродот, прибыл в Аттику царь Кекроп, рожденный землей и имевший туловище змея. Он построил на Акрополе крепость с царским дворцом[2], и основанный царем город стали называть Кекропией, а его жителей – кекропидами. Сначала

Акрополем владел Зевс-громовержец, но когда на земле Аттики появился новый город, за владение им поспорили бог Посейдон и богиня Афина. При царе Кекропе и состоялся этот известный спор за обладание Аттикой.

> Олимпийские боги во главе с Зевсом выступали судьями в этом споре, когда Афина и Посейдон принесли свои дары городу. Ударом трезубца рассек Посейдон скалу, и из камня хлынул соленый источник. Глубоко в землю вонзила свое копье Афина, и на этом месте выросла олива. Все боги поддержали Посейдона, а богини и царь Кекроп сочли оливу более полезным подарком для Аттики [3]. Разгневанный проигрышем бог Посейдон послал на равнину, расстилавшуюся вокруг города, огромные волны, от которых можно было укрыться только в крепости Акрополя. За жителей вступился громовержец Зевс, да и сами горожане умилостивили Посейдона, пообещав воздвигнуть в его честь храм на мысе Сунийон, что впоследствии и сделали.

Несмотря на природную защищенность, Акрополь еще в древние времена был укреплен стеной, которую называли Пеласгийской. По предположению некоторых ученых, это произошло около 1100 года до нашей эры, когда сюда из Беотии (по другим сведениям – из Сицилии) прибыли пеласги, славящиеся своим искусством возводить стены. Персидский царь Ксеркс, захватив в 480 году до нашей эры Афины, повелел разрушить эти стены, но остатки их сохранились и до настоящего времени.

Превращать Акрополь из крепости в святилище первым стал правитель-тиран Писистрат. При нем на месте царского дворца был возведен Гекатомпедон (стошаговый, стофутовый), посвященный богине Афине. Греки так высоко чтили свою покровительницу, что отпустили на волю всех рабов, участвовавших в строительстве этого храма. В 479 году до нашей эры Гекатомпедон разрушили персы во время краткой оккупации Афин, но остатки фундамента этого храма и сейчас видны рядом с Эрехтейоном.

После изгнания Писистратов на Акрополе уже вовсе не было жилых домов, только храмы, жертвенники и статуи. При храмах жили жрецы и жрицы со своими помощниками и служителями.

Захват персами Акрополя, считавшегося неприступным, очень обеспокоил греков, и после их изгнания они начали большие работы по его укреплению. Афинянам пришлось не только восстанавливать укрепления, но и заново возводить почти все храмы. Была расширена площадка на вершине холма, при восстановлении Пеласгийской стены прежняя ее линия была значительно раздвинута, в особенности на север и северо-запад, так что часть долины, простиравшейся между холмами, присоединилась к древней крепости. В пространство между старыми и новыми стенами засыпали развалины храмов, остатки зданий и разбитые скульптуры. При этом древние авторы отмечали, что фрагменты старых храмов и обломки посвященных богам статуй были захоронены «с величайшим тщанием, уважением и почестями», чтобы никогда больше вражеская рука не надругалась над древними святынями.

Вероятно, около 460 года до нашей эры из Делоса в Афины была перенесена союзническая казна, а до этого город не имел своего сокровища. Первоначально богатства из касс союзников хранились скорее всего в святилище Афины, выстроенном на северной оконечности Акрополя. Сначала в храме хранились священные предметы спора между Посейдоном и Афиной – олива и трезубец, соединяя, таким образом, культы обоих божеств и знаменуя последовавшее после спора примирение между ними. Но храм сильно пострадал от персов и не мог больше быть надежным местом для хранения казны. Афины к этому времени достигли уже такого могущества, что можно было заботиться не только о военных сбережениях: своей доли внимания требовали и памятники искусства. Поэтому греки стали использовать союзническую казну не только на сооружение флота, но и на украшение Акрополя. Председателем строительной комиссии народ выбрал Перикла, который вместе с гениальным художником и скульптором Фидием составил план грандиозной реконструкции Акрополя.

Теперь, в эпоху своего процветания, стоя на вершине могущества и славы, Афины более чем когда-либо должны были выразить своей богине чувство признательности за те дары, которыми она их осыпала. Поэтому поистине величественной была идея Перикла превратить Акрополь в священную ограду Афины, а бывшую крепость – в единый архитектурный ансамбль. Народ охотно согласился на значительные затраты для нового строительства и в течение многих лет поддерживал приведение этого плана в исполнение. Плутарх в своем сочинении «Перикл» писал, что на Акрополе

> стали подниматься величественные строения, неподражаемые по красоте и изяществу. Все ремесленники старались друг перед другом довести свое ремесло до высшей степени совершенства.

На самом высоком месте Акрополя высится Парфенон, который кажется продолжением скалы, завершением всего окружающего. Известно, что строить его было трудно и дорого, однако следов человеческих усилий в нем даже незаметно: храм возник как бы сам собой, не было никакого насильственного вторжения в ландшафт, наоборот, – полное единство «замыслов» природы и архитектора.

Парфенон был выстроен на месте древнего святилища, разрушенного персами. Каждый фронтон Парфенона содержал группу скульптур, объединенных определенным сюжетом. Например, на восточном фризе изображено рождение богини Афины, на западном – ее спор с Посейдоном, а завершал скульптурный декор Парфенона фриз, на котором была представлена торжественная процессия во время праздника Великих Панафиней (то есть «всеафинских»).

Панафинеи сначала были сельским праздником урожая: по преданию, Тесей ввел его для всех жителей Аттики, объединившихся в одно государство. Первый день праздника посвящался музыкальным состязаниям, которые проводились в Одеоне – специально построенном Периклом театре. Затем следовали гимнастические игры, хоры, бег с факелами и состязание триер. Победители получали оливковый венок или красивый глиняный сосуд, наполненный оливковым маслом.

Внутри Парфенона, в восточном отделении храма, стояла богиня Афина в окружении двухъярусной колоннады, имевшей форму буквы «П». Павсаний в своем «Описании Эллады» сообщает, что

> статуя Афины изображает ее во весь рост в хитоне, до самых ног; у нее на груди – голова Медузы из слоновой кости, в руке она держит изображение Ники приблизительно в четыре локтя, а в другой руке – копье. В ногах у нее лежит щит, а около копья – змея… Посредине ее шлема сделано изображение сфинкса… по обеим же сторонам шлема сделаны изображения грифонов. На постаменте статуи изображено рождение Пандоры – первой женщины.

Все части статуи были покрыты рельефами: на сандалиях богини показана схватка лапифов с кентаврами, на лицевой стороне щита – битва с амазонками, на внутренней – сражение олимпийских богов с титанами. Перед статуей Афины был устроен небольшой бассейн, чтобы испарения воды не давали пересыхать слоновой кости.

После завершения строительства Парфенона греки принялись за сооружение Пропилей, которые по ширине своей занимают весь западный склон холма. На Акрополь и в наши дни можно попасть лишь по извилистой широкой тропинке, высеченной в скалах. Ступенчатая дорога приводит сначала к торжественному монументальному порталу – знаменитым Пропилеям с колоннами в дорическом стиле. Они целиком построены из белого пентелийского и фиолетового элевсинского мрамора архитектором Мнесиклом в 437–432 годах до нашей эры.

Пропилеи были одним из самых знаменитых и любимых памятников древних Афин. Ораторы VI века до нашей эры указывали народу на Пропилеи как на символ и славу афинского величия, а некоторые античные авторы ставили их архитектуру даже выше архитектуры Парфенона. Строительство этих величественных ворот потребовало огромных средств, однако в связи с рядом поражений в Пелопоннесской войне и началом упадка Афинского государства Пропилеи так и остались недостроенными.

Но прежде чем войти в эти величественные мраморные ворота, каждый невольно оборачивается вправо. Там, на высоком пьедестале бастиона, некогда охранявшего Акрополь, высится маленький изящный храм богини победы Ники Аптерос, украшенный невысокими барельефами на темы греко-персидских войн. На массивном выступе акропольской скалы легкий, воздушный храм поставлен так, что своей белизной он вырисовывается не на фоне других архитектурных сооружений, а на фоне синего неба. Это хрупкое, похожее на изящную мраморную игрушку здание, возведенное архитектором Калликратом во второй половине V века до нашей эры, как будто улыбается само и заставляет улыбаться многочисленных посетителей Акрополя.

Внутри храма была установлена деревянная позолоченная статуя богини, и она так понравилась грекам, что они простодушно упросили скульптора не делать ей крыльев, ведь победа непостоянна и перелетает от одного противника к другому. Афиняне изобразили Нику

бескрылой, чтобы она не могла покинуть их прекрасный город, так недавно одержавший великую победу над персами.

После Пропилей афиняне выходили на главную площадь Акрополя, где стояла бронзовая статуя Афины Промахос (Воительницы) высотой 8,5 метра. Статуя богини была сооружена за счет десятой части добычи, захваченной греками в битве при Марафоне. Об этом же гласила и надпись на каменном пьедестале: «Афиняне посвятили от победы над персами». Скульптор Фидий исполнил ее в полном вооружении: в шлеме, с копьем, щитом и с эгидой[4] на груди. Пьедестал был высоким, и позолоченный наконечник копья богини, сверкая на солнце, был виден далеко с моря и служил для мореплавателей своеобразным маяком.

Самым священным, самым таинственным и загадочным храмом Акрополя считается Эрехтейон, связанный с сокровенными событиями мифологической истории Афин и Аттики. Строительство его велось с большими перерывами, в свободное от войн время: Эрехтейон был заложен в 421 году до нашей эры и окончен после побед Алкивиада в 409–408 годах до нашей эры.

Древнегреческий миф рассказывает, что Эрехтей (или Эрихтоний)

> был сыном богини Геи и бога Гефеста и имел полузмеиное-получеловеческое тело. Младенцем его взяла на воспитание богиня Афина и отдала дочерям Кекропа в закрытом ларце, строго-настрого запретив открывать его. Но две из сестер – Герса и Аглавра – были очень любопытны и заглянули в ларец. Увидев там младенца, которого охраняли две змеи, они очень испугались и, охваченные насланным на них безумием, бросились со скалы Акрополя и разбились. Третья сестра, Пандора, была послушна воле Афины и впоследствии получила на Акрополе свое святилище.

Эрехтейон стоит в той части Акрополя, где еще в догомеровские времена располагался царский дворец. История не сохранила имен создателей этого храма, так как он возводился уже после Перикла и Фидия. Те, кто сооружал это замечательное здание, столкнулись с чрезвычайно сложными строительными проблемами. Прежде всего Эрехтейон должен был связать воедино несколько святилищ, давно существовавших на своих ритуально-неприкосновенных местах, к тому же располагавшихся на разных уровнях. Строителям пришлось практически оставить этот неприкосновенный рельеф площадки и возводить храм из частей, сооружаемых на разной высоте. В результате появилось весьма сложное здание с четырьмя портиками, которое не имеет аналогов в греческой архитектуре[5]. Например, восточной частью своей южной стороны Эрехтейон соединяется с северо-восточным углом фундамента Гекатомпедона; также невидимо он сохраняет связь с камнями царского дворца микенских времен.

Фриз, опоясывавший Эрехтейон, представлял собой сплошную ленту из темно-синего элевсинского мрамора, украшенного скульптурным рельефом из желтоватого паросского мрамора. Между центральной дверью северного портика и дверью портика кариатид находилось продолговатое помещение. С внутренней стороны его западной стены располагался колодец-расщелина, через которую можно было видеть «море Эрехтея» – источник соленой воды. Возле западной стены храма и находится святилище Пандоры, в котором растет священная олива, подаренная Афиной. Дерево всегда оставалось такой же величины, каким впервые появилось после удара копья богини. Предание повествует, что на следующее утро, после того как в 479 году до нашей эры священную оливу сожгли персы, она дала мощный побег и за ночь выросла на 45 сантиметров.

В Эрехтейоне были приделы, имевшие особое назначение, и боковые коридоры, которые использовались для проведения религиозных церемоний. В нише одного из коридоров располагалось укромное место священного змея – любимца Афины, которого жрецы вскармливали медовыми пряниками.

В отличие от Парфенона, который являлся приемным залом богини, Эрехтейон – святая святых Афины, ее дом. Здесь Афина жила в небольшом храме, располагавшемся возле могилы первого греческого царя Кекропа. Эта самая древняя статуя была окружена тайнами и легендами, и считалось, что она не была сделана руками скульптора, а «изображение ее упало прямо с неба». Оливковую статую Афины омывали в море и облачали в одежды, вытканные с особой тщательностью. Плутарх сообщает, что, когда жрецы снимали с богини весь убор и окутывали ее особым покрывалом, афиняне старались провести этот день в бездействии, так как благотворящее могущество Афины в этот момент как бы отключалось от них.

Оливковая статуя Афины называлась «Палеон», перед ней всегда горел огонь в золотом светильнике, изготовленном знаменитым ювелиром Каллимахом. Светильник наполняли маслом один раз в год, а фитиль его делали из асбеста. Дым от светильника отводили к потолку по бронзовой трубе, сделанной в виде ствола пальмы. Перед этой статуей проводились самые таинственные священнодействия жрецов и аррефор, тщательно скрываемые от непосвященных.

> Две девочки, назначаемые ежегодно, жили в небольшом домике возле Эрехтейона. Это и были аррефоры (носительницы тайны), которым в один из дней после сева предстояло испытание, требовавшее немалого мужества. Жрица богини Афины давала им нечто закрытое, чего никто не должен был видеть. Девочки-аррефоры спускались с этой ношей под землю и по потайному ходу проникали в глубь акропольской скалы – в тайник непослушной Аглавры. Там следовало оставить принесенное и взять другое, тоже закрытое и никем не виденное, а потом вновь подняться на поверхность.

Но в 426 году император Феодосий II приказал разрушить все языческие храмы, и Парфенон превратился в христианскую церковь Святой Софии. При переделке здания сильно пострадала скульптурная группа его восточного фронтона. Уничтожаются все метопы (кроме южных), в восточном фронтоне прорубается окно. Над юго-западной частью Парфенона воздвигается колокольня, в восточной части пристраивается апсида, причем гибнет почти все убранство восточного фасада. Статую Фидия перевезли в Константинополь, где она погибла во время пожара.

В 1460 году, после завоевания Афин турками, Парфенон стал мечетью. Но самый страшный удар был нанесен ему в 1687 году во время войны турок с Венецией. Парфенон был превращен в пороховой склад, и при обстреле в него попала бомба. От сильного взрыва средняя часть сооружения рухнула, и пострадали многие скульптуры. После победы над турками Ф. Морозини решил привезти в Венецию в качестве трофеев коней с колесницы Афины (западный фронтон). Однако их спускали на землю так небрежно и неумело, что великолепные скульптуры упали и разбились.

Но и сейчас среди божественных развалин Акрополя можно оставаться часы и дни, бродить среди них и рано утром, и при ярком свете полуденного солнца, и при обманчивом лунном освещении – вы все равно не исчерпаете всеобъемлющей красоты всего того, что вас окружает. Здесь вы стоите лицом к лицу с Афинами V–IV веков до нашей эры, и Акрополь представляется вам почти таким же, каким его видели великие мужи Древней Греции. Окружающая его природа за столетия не изменилась, исчезли лишь деревни, обсаженные оливами и виноградниками. Веками стоит Акрополь под палящими лучами солнца, и мрамор его как будто с каждым днем все больше и больше приобретает золотистый цвет.

Лишь увидев с Акрополя расстилающуюся у ваших ног Аттику, можно понять, что только здесь и мог расцвести эллинский гений, только среди этой природы и обстановки ясно предстанет перед вами законченная форма идеала. Потому что прекраснейшие древнегреческие сооружения, представ даже в остатках и развалинах, являют собой всю мощь эллинского духа и величайшего человеческого творчества.

И Карфаген был разрушен…

Гавань Карфагена

Как начало любого города, история которого уходит в глубь веков, основание Карфагена тоже связано с легендой.

> Дидона, дочь правителя финикийского города Тира, вместе с мужем должна была наследовать царский престол. Но брат Дидоны убил ее мужа, и принцесса, опасаясь, что ее ждет та же судьба, бежала со своими приближенными в Африку. В 814 году до нашей эры корабли Дидоны причалили недалеко от города Утика, где их встретил вождь обитавших неподалеку берберских племен. У коренных жителей не было желания пускать на постоянное поселение целый отряд, прибывший из-за моря.

> Однако Дидона обратилась к нумидийскому царю Гиарбу с просьбой выделить немного земли для постройки дома для себя и своей свиты.
>
> Гиарб разрешил построить дом, но такой, чтобы он занимал места не более того, что ограничит шкура одного быка. И тогда Дидона на глазах пораженных советников вождя разрезала шкуру на тонкие полосы и оградила ими такую территорию, на которой можно было построить целый город.

Так рассказывает легенда о возникновении на северном побережье Африки крепости Бирса, что означает «шкура». Но вероятно и то, что финикийцы сами познакомились с плодородными странами Северной Африки и основали здесь богатую и могущественную Карфагенскую державу. Карфагеняне основали фактории на Балеарских островах, захватили Корсику, постепенно начали прибирать к рукам Сардинию. Их империя охватывала значительную территорию нынешнего Магриба, имела свои владения в Испании и Сицилии. В Испании карфагенян привлекали серебряные рудники, которых у них самих не было. Долгое время они не помышляли о завоевании всей страны и решились на это только после потери Сицилии и Сардинии. Карфагеняне завладели южной и западной Испанией, но отношения между ними были мирными.

Флот Карфагена через Гибралтар стал выходить в Атлантический океан, достигал Англии, Ирландии и даже берегов Камеруна. Карфагенские купцы снаряжали корабли и к неведомым землям: их экспедиции поражают своим размахом и мощью, хоть сведений античных авторов дошло и немного. В «Перипле Ганнона», например, повествуется следующее:

> Карфагеняне решили, что Ганнон выйдет в море за Геракловы столпы и оснует карфагенские города. Он отплыл с шестьюдесятью кораблями, на которых было тридцать тысяч мужчин и женщин, снабженных припасами и всем необходимым.

Карфагенский флот не знал себе равных на всем Средиземном море. Полибий писал, что карфагенские галеры строились так, «что могли двигаться в любом направлении с величайшей легкостью… Если враг, ожесточенно нападая, теснил такие корабли, они отступали, не подвергая себя опасности: ведь легким судам не страшно открытое море. Если враг упорствовал в преследовании, галеры разворачивались и, маневрируя перед строем кораблей противника или охватывая его с флангов, снова и снова шли на таран». Под защитой таких галер тяжело груженные карфагенские парусники могли плавать без опаски.

Карфагеняне были торгующим народом: сами себя они называли «сыновьями ветра» и «детьми моря», и не было в известном древнем мире такого места, где бы ни бросали они свой якорь. Карфагенские купцы развозили товары во многие страны, поэтому им нужны были места, куда можно было бы приставать со своими кораблями и безопасно складывать эти товары, а также для того, чтобы местные жители тоже могли продавать свои изделия. Поэтому карфагеняне основали целый ряд колоний, которые находились от них в строгой зависимости. Колонии служили лишь своего рода складами для товаров, а сами участвовали в торговле только как помощники, и распространение их собственной торговли зависело от воли Карфагена. Поэтому ни одна из колоний не возвысилась до богатства города.

Иностранным купцам и кораблям Карфаген открывал свои гавани в соответствии с заключенными договорами, всем остальным карфагенские территории были недоступны. Только там, где неизбежна была совместная торговля (например, в Сицилии) позволялось торговать и иностранцам, но с большими ограничениями и под надзором чиновников.

Карфаген был одним из сильнейших городов-крепостей древнего мира. Он состоял из предместья Мегара и старого города, который отделялся от предместья поперечной стеной и включал в себя цитадель Бирсу и гавань. Последняя в свою очередь разделялась на военную гавань Кофон и коммерческую. Военная гавань могла вмещать до 220 больших кораблей, для которых имелись специальные сводчатые закрытия: в случае необходимости число военных кораблей удваивалось. Посреди Кофона располагался остров, на котором размещались верфи, арсеналы и магазины.

Длина окружности города составляла 29 километров. С более слабой стороны, с суши, Карфаген был защищен тройной стеной. Высота внутренней каменной стены равнялась 13,5 метра; над ней через каждые 140–175 метров поднимались четырехъярусные башни высотой 18 метров. К этой стене примыкали двухэтажные постройки с прочными потолками, вмещавшие 24 000 человек гарнизона, конюшни на 4000 человек и стойла для 300 слонов, а также провиантские магазины. Вторая стена тоже была каменной, но с башнями меньших

размеров. Третья стена представляла собой палисадированный вал со рвом впереди. В этой тройной ограде было устроено четверо ворот. Со стороны моря стена была одиночной.

Вооружение военных кораблей Карфагена состояло из солдат и гребцов, так что на одном квинкереме находилось 120 солдат и 300 гребцов-невольников, которых специально покупали для этой работы. В общих военных действиях начальники кораблей подчинялись начальникам сухопутных войск, в остальных случаях действовали по приказу Сената. Нередко начальники кораблей получали приказы в запечатанном виде и вскрывали их только в море – в указанном месте.

Сухопутные войска карфагенян сначала были слабы: их завели только во время Пунических войн, и состояли они из наемных войск, куда входили представители разных народов, например, жители Балеарских островов служили в карфагенском войске пращниками. Вооруженные длинными копьями африканцы служили в пехоте и коннице, испанцы с мечами – большей частью в тяжелой пехоте; обнаженные до пояса и вооруженные мечом галлы, лигуры, греки и другие народы тоже служили в карфагенском войске. Конница была нумидийская и составляла главную силу войска. Сами карфагеняне составляли отдельную, весьма незначительную часть войска. Она называлась священным полком, служившим более для охраны полководца и потому отличавшимся личной храбростью и пышностью. В военное время армия карфагенян была огромной, но и в мирное время они содержали войско, хотя и менее значительное.

Все складывалось удачно для Карфагена. В те времена значительно уменьшилось влияние Греции – этого постоянного врага Карфагена. Правители города свое могущество поддерживали союзом с этрусками: союз этот был своего рода щитом, который и прегражда л грекам путь к торговым оазисам Средиземноморья. На востоке тоже дела складывались благополучно для Карфагена, но к тому времени в сильную средиземноморскую державу превратился Рим. Под ударами римских легионеров военная мощь этрусков клонилась к закату, и Карфаген стал искать союза с Римом – своим будущим убийцей.

Рим, не желавший ни с кем делить Средиземное море, встал против Карфагена в середине III века до нашей эры. Почти 120 лет (с перерывами) продолжались между ними войны, которые в истории названы Пуническими. Именно к этому времени Рим обзавелся собственным флотом, а первое знакомство римлян с морскими судами состоялось лишь в IV веке до нашей эры, когда в ходе латинской войны они разгромили приморский город Анциум и захватили его флот. Но тогда римляне не нашли ничего лучшего, как сжечь корабли, а их носами украсить ораторский помост на своем форуме. Ла Варанд поэтому справедливо отмечал, что «римляне никогда не были морской нацией, но потом Рим наделил свой флот теми качествами, которые привели его к успеху на суше, – методичностью и упорством».

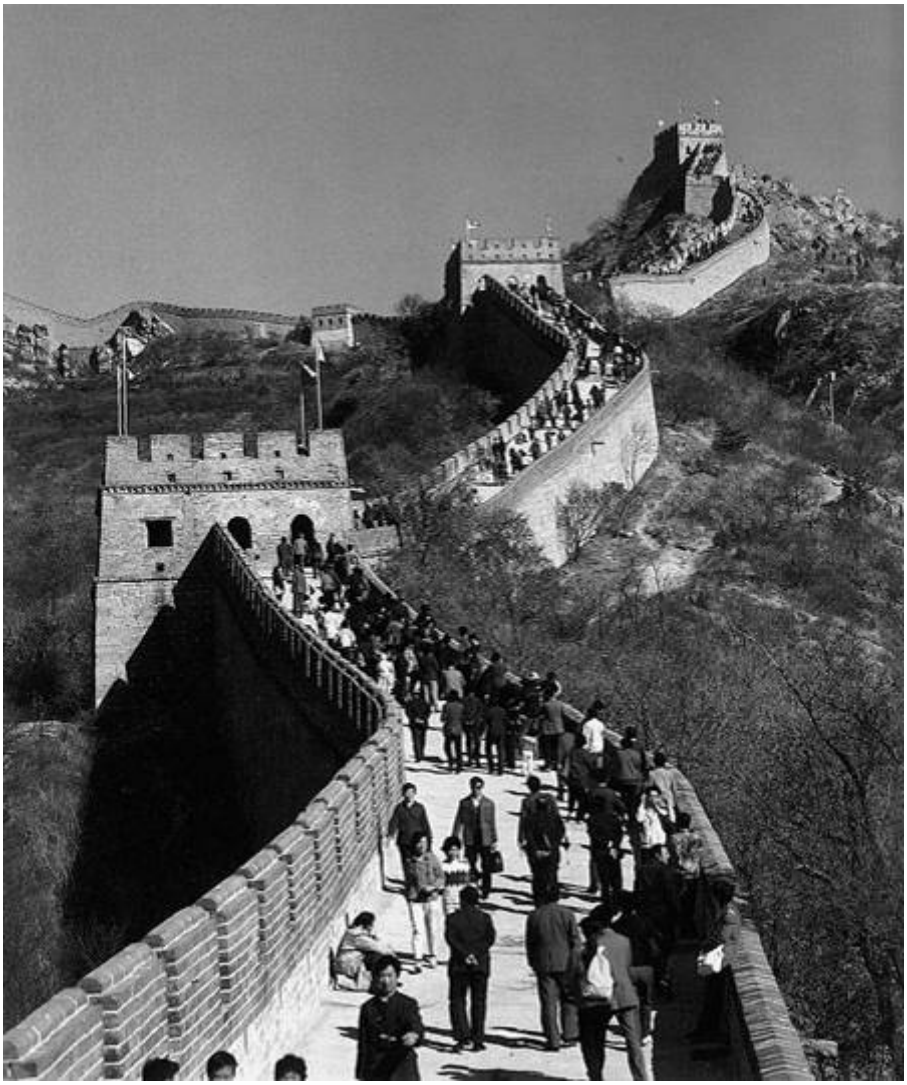
После первой Пунической войны карфагеняне в 241 году до нашей эры заключили с Римом мирный договор, по которому должны были оставить Сицилию и все острова Средиземного моря, не приближаться к Испании и заплатить 2200 талантов. После окончания этой войны в африканских колониях Карфагена возник мятеж и разгорелась междоусобная война, длившаяся более трех лет и положившая начало несчастьям Карфагена. Его не спас даже прославленный полководец Ганнибал, который совершил со своей армией беспримерный переход из Испании в Италию, подошел к Вечному городу и разгромил отборные римские легионы. Но и эта победа в конце концов кончилась поражением: Карфаген потерял Испанию и уплатил 10 000 талантов контрибуции.

Третья Пуническая война началась в 149 году до нашей эры и длилась три года. И все эти три года римский сенатор Марк Порций Катон с фанатичным упрямством все свои выступления в сенате, о чем бы ни заходила речь, заканчивал словами: «Censeo Carthaginam esse delendan!» («Карфаген должен быть разрушен!»).

Три года легионы Эмилиана Сципиона осаждали Карфаген, и как ни отчаянно сопротивлялись его жители, они не смогли преградить путь римлянам. Шесть дней длилась битва за город, а потом он был взят штурмом. На десять дней Карфаген был отдан на разграбление, а потом снесен с лица земли. Тяжелые римские плуги вспахали то, что осталось от его улиц и площадей. В землю была брошена соль, чтобы не плодоносили больше карфагенские поля и сады. Оставшихся в живых жителей, 55 000 человек, продали в рабство. Рассказывают, что Эмилиан Сципион, чьи войска взяли приступом Карфаген, плакал, глядя на то, как гибнет столица могущественной державы.

Карфаген был разрушен, но он был слишком велик, чтобы исчезнуть навсегда. Более того: повернись колесо истории иначе, Карфаген вместо Рима мог бы стать владыкой античного мира[6].

Великая Китайская стена



Это самое грандиозное сооружение древности за более чем две тысячи лет своего существования не раз ремонтировалось и перестраивалось: к нему пристраивались новые участки и проводились дополнительные ответвления. В настоящее время общая длина всех линий Великой Китайской стены составляет 3930 миль, первоначальная длина равнялась 1850 милям.

Основная часть сооружения со всеми сторожевыми башнями, сигнальными вышками и гарнизонными поселениями приобрела свои формы в III веке до нашей эры – во времена правления императора Цинь Ши-хуанди. Это был правитель жестокий и властительный, ломавший в своей империи старые традиции и железной рукой внедрявший новые. При нем горели на кострах древние книги, удельные князья и аристократы теряли свой авторитет и имущество, а их крестьяне становились подданными императора. Миллионы их были оторваны от земли и своих семей для выполнения задуманной Цинь Ши-хуанди программы общественных работ. Возводились храмы, императорские дворцы, строилась столица и одновременно Великая Китайская стена.

Обычно принято считать, что Стена строилась для защиты от набегов северных кочевых племен. Действительно, на Китайское царство с древности совершали набеги степные племена, но для защиты от них еще задолго до Цинь Ши-хуанди возводились земляные валы. Во время правления этого императора племена к северу от Китая были слабы и раздроблены и в то время серьезных забот уже не представляли. Великая Китайская стена должна была служить крайней северной линией возможной экспансии самих китайцев, она должна была уберечь подданных Поднебесной империи от слияния с варварами и перехода к полукочевому образу жизни. Стена должна была четко зафиксировать границы китайской цивилизации, способствовать консолидации единой империи, только что составленной из ряда завоеванных царств. И одних защитных валов было для этого недостаточно…

Древняя легенда повествует о душе спящего императора Цинь Ши-хуанди, которая взлетела на Луну и оттуда посмотрела на землю. С заоблачных высот Китайская империя показалась ей маленькой точкой, и сжалась тогда душа императора при виде беззащитности Поднебесной. Вот тогда-то и родилась у императора мысль возвести стену, которая окружила бы все государство, сделала бы его «единой семьей», спрятала бы от жестоких варваров.

Император Цинь Ши-хуанди был суеверен, в конфуцианстве видел враждебную идеологию, и все его симпатии были на стороне даосизма. Он верил в астрологию и был склонен к мистике. Однажды, как говорится в старинном предании, ему приснился сон, будто заяц держит в руках солнце, а другой заяц хочет его отнять. Но тут появляется третий, черный заяц, который и забирает солнце себе. Утром под страхом смертной казни император потребовал у мудрецов и звездочетов, чтобы они объяснили ему смысл ночного видения. И один из приближенных предположил, что два враждебных Китаю царства были побеждены пришельцем извне. Чтобы избежать такой же участи – надо соорудить защитную стену. Со словом «черный» у китайцев обычно ассоциировались кочевые племена, поэтому вполне возможно предположение, что вещий сон означал защиту не только от реальных кочевников, но вообще от всех злых духов севера.

Шел 221 год до нашей эры. По приказу императора на северную границу была послана армия (300 000 человек) во главе с военачальником Мэн Тянем, на которого и были возложены все обязанности. Он должен был не только соединить существовавшие до этого отдельные земляные валы, заполнив разрывы между ними. Нужно было возвести принципиально новое сооружение из камня и кирпича и с фортификационными укреплениями. Значительная часть стены должна была проходить в горных районах, доступ к которым был сильно затруднен.

Мэн Тянь в непосредственной близости от возводимой стены создал по всей ее длине 34 базы, которые были связаны с южными дорогами страны. Под строгой охраной на эти базы доставлялись нескончаемые обозы со строительными материалами и продовольствием, а также мобилизованные крестьяне. Оттуда все это распределялось по гарнизонным поселкам, которые располагались неподалеку от баз и в которых жили строители.

Реконструкция прежних земляных валов и непосредственное возведение стены начинались со строительства башен, которых было 25 000. Они были неодинаковы по своим размерам и строились из разного материала, но каждая представляла собой внушительную пирамиду шириной и высотой около 12 метров. Друг от друга их отделяло расстояние в «два полета стрелы», а соединялись они толстой отвесной стеной, высота которой равнялась примерно 7 метрам, а ширина была такова, что по ней могла свободно пройти шеренга из восьми человек.

Как же выбиралась линия границы? Об этом тоже повествует древняя легенда.

> У императора Цинь Ши-хуанди была волшебная белая лошадь, которая легко преодолевала горы и долины. Верхом на этой лошади сам император проехал по трассе будущей границы, и там, где лошадь оступалась (а это происходило трижды на протяжении 500 метров), – возводили башню.

Некоторые ученые видят в изломанных линиях Стены гигантского извивающегося дракона, навеки застывшего и надежно охраняющего благополучие Поднебесной империи. Стена, проходившая по северной границе, создавалась с учетом уже существующих земляных валов. А те в свое время строились, тщательно отграничивая плодородные земли от горных и безлюдных районов, не пригодных для земледелия и заселенных только редкими ордами кочевников. Когда же трасса возводилась заново, строители учитывали природные условия местности, ее доступность для строительства и наличие дорог, по которым можно было доставлять все необходимое.

Исследователи отмечают, что по своим природно-географическим условиям район расположения Стены представляет собой переходную зону между кочевым севером и земледельческим югом. Земли к северу от Стены уже не являлись китайскими. Это гигантское сооружение тянется на расстояние 5000 километров, причем все так применено к местности, что своей наружной стороной Стена обращена к крутым горным скатам, а внутренней – к пологим, чтобы облегчить движение оборонявших ее войск. С китайской стороны располагались гарнизоны сторожевой охраны и разветвленная сеть складов. С внешней стороны неподалеку высились сторожевые вышки и дозорные пункты. Еще дальше в сторону степей уходили специальные башни (их было 15 000) – передовые форпосты пограничных линий.

Сооружение Великой Китайской стены в основном было закончено к 213 году до нашей эры. На строительстве Стены было занято не менее 3 000 000 человек, то есть чуть ли не каждый второй мужчина. При малейшем проявлении недовольства или неповиновения их отправляли на строительство. По свидетельству древнего китайского историка Бань Гу, «все дороги были запружены осужденными в ярко-красных одеждах, а тюрьмы переполнены узниками, словно базары с людьми». Мобилизованные крестьяне, оторванные от своих семей, в голоде и холоде, работали на износ и поэтому долго не выдерживали. На смену им присылали новых, которых ожидала та же участь. «Самым длинным кладбищем мира» называют Стену: здесь похоронено 400 000 человек.

Строительство Великой Китайской стены отразилось в сказах, плачах и преданиях, и одно из них – «Сказание о Мэн Цзян-нюй», вобравшее в себя все ценное, что содержалось в фольклоре об эпохе правления первого циньского императора. Так, например, он обладал плетью, от ударов которой горы передвигались или превращались в плодородные равнины; моря разбрызгивались, и на их месте возникала суша… А еще была у императора волшебная игла, с помощью которой он мог останавливать солнце. Когда началось строительство Великой стены, воткнул император иглу в землю, и наступил вечный день. Люди, трудившиеся на строительстве, успевали поесть не больше 18 раз и умирали, так и не дожив до конца этого необычно длинного дня.

Сама Мэн Цзян-нюй выросла такой красивой девушкой, словно была спустившейся с небес феей. Да вот только никто не мог видеть ее: родители ее были людьми богатыми, и девушка росла у них в высоком тереме в саду. За ворота ее не пускали, а в сад никто не входил. Одному только Фань Си-ляну удалось увидеть Мэн, и случилось это в те времена, когда император Цинь Ши-хуанди задумал возвести Великую Китайскую стену. Строительство было огромным, поэтому всех мужчин сгоняли туда, а уж если попадешь на строительство, домой вернуться и не надейся.

Однажды стражники пришли за Фань Си-ляном, но он сбежал и спрятался в саду Мэнов за искусственной горкой из камня. А красавица Мэн со своей служанкой как раз вышла погулять. Увидела она разноцветных бабочек и захотела поймать одну из них. Вытащила Мэн шелковый платочек и хотела бросить его на бабочку, но платочек упал в пруд, а бабочка улетела.

Когда Мэн подошла к пруду, то заметила притаившегося юношу, наблюдавшего за девушками. Не знал Фань как поступить: бежать – стражники схватят, а оставаться в саду с незнакомыми девушками – неловко.

Красавице Мэн приглянулся юноша: и статен, и лицом пригож – и в сердце девушки зародилось робкое чувство. Вместе со служанкой она отвела юношу к своему отцу, который тоже оценил красоту Фаня, но захотел проверить и его знания. Он стал задавать юноше вопросы – тот отвечал без запинки. Обрадовался хозяин и тут же решил сделать его своим зятем, да чтобы в тот же день и свадьбу сыграть.

Но не успели новобрачные войти в цветочный зал и поклониться родителям, как явились стражники и забрали Фаня. Заплакала вся семья, а Мэн поклялась не выходить замуж ни за кого другого и непременно дождаться Фаня. С того дня возненавидела она императора, Великую стену и стражников, которые увели Фаня. Целыми днями тосковала она в своей спальне, не пила, не ела, ночи не спала…

А когда наступил первый день 10й луны, в который жены несут мужьям теплую одежду, решила и Мэн отнести Фаню теплые вещи. Ни отец, ни мать не смогли отговорить и удержать девушку, и старому отцу оставалось только отправить с дочерью слугу. Мэн скромно оделась, привязала к спине узел с теплой одеждой и покинула родительский дом.

Прошла она со слугой одну деревню, потом другую; прошли одно поле, потом другое – и очутились у заставы, через которую лежал путь к Стене. Приглянулась Мэн чиновнику заставы и захотел он взять ее себе в жены, но девушка стала так кричать на чиновника, что тому пришлось пропустить ее. А чиновник этот мечтал разбогатеть и получить повышение по службе, вот и написал он начальнику доклад, что есть мол такая красивая и мудрая

Мэн. Чиновник рассчитывал, что начальник обрадуется, заберет Мэн себе, а ему даст повышение. Но начальник тоже хотел разбогатеть и получить повышение, поэтому написал доклад самому императору.

Когда Мэн добралась до Стены, муж ее был уже давно мертв, но она не знала об этом. А когда узнала, три дня и три ночи плакала так, что от слез ее отвалился кусок Стены, и увидела Мэн останки Фаня…

А в это время император получил доклад, и ему захотелось сделать Мэн своей женой. Приказал он стражникам разыскать девушку и доставить ее прямо в императорскую канцелярию. Увидела Мэн императора и еще больше возненавидела его. Чтобы достойно похоронить Фаня, притворно согласилась Мэн на предложение императора стать его женой, а потом бросилась в реку…

В 210 году до нашей эры император Цинь Ши-хуанди скончался, крестьяне подняли восстание, и династия Цинь пала. Императоры других династий тоже строили и укрепляли Великую стену, но был один император, который не уважал защитные функции Стены. Это был Тай-цзуна из Танской династии, который видел в Стене только элемент консолидации государства и потому вслух отзывался о ней очень пренебрежительно. Своим генералам, которые шли на войну с тюрками, он говорил, что считает их «более эффективной Великой стеной». Тай-цзуна издал даже указ, запрещавший подданным выходить за пределы Стены без разрешения. Из-за этого указа в 629 году буддийский путешественник Сюань-цзан крадучись покинул страну под градом стрел пограничной охраны.

При монгольских ханах, основавших династию Юань и правивших Китаем целое столетие, роль Великой стены свелась к минимуму. Марко Поло, первым из европейцев описавший Китай, о ней даже не упоминает, а ведь ко времени его путешествия она еще не настолько пришла в упадок. Просто в эпоху Юань к Стене относились как к бесполезному пережитку прошлого.

Все изменилось с изгнанием монголов и воцарением чисто китайской династии Мин. При них прежние границы стены были восстановлены, северная ее часть стала вновь проходить вдоль Великой Китайской стены.

С XV века начались основные работы по реконструкции Великой стены, которые с перерывами продолжались свыше двух столетий. Своего размаха эти работы достигли в царствование Ваньли – одного из известнейших и могущественнейших императоров династии Мин. При нем были укреплены, обновлены и заново воздвигнуты все сторожевые башни, в ряде случаев их модернизировали и снабдили дополнительными укрепленными подходами. Изменился и внешний вид Стены: верхняя часть ее приобрела зубчатый бруствер. Камнями укрепили фундаменты там, где раньше этого не делали; поверхность Стены облицевали каменными глыбами или большими кирпичами. Вдоль всей линии соорудили 1200 укрепленных фортов, некоторые сторожевые башни были оснащены пушками, которые у китайцев получили название «Да цзянь-цзюнь» («Большой генерал»). Еще в начале XX века жители Китая именно императора Ваньли считали создателем Стены, и даже ее китайское название «Ваньли чанчэн» расшифровывается именно как «Стена Ваньли».

Однако со смертью этого императора ситуация изменилась. Силы империи были подорваны, наступил период упадка, на страну обрушились голод, бедствия и лишения. Нарушилось снабжение гарнизонов, расположенных вдоль Стены, солдатам перестали платить жалованье, поэтому усилилось дезертирство, и сторожевая система охраны Стены стала разрушаться. Но зато стала возрастать роль Стены как национального памятника – символа китайской цивилизации. И хотя многие участки стены продолжали рушиться и приходить в упадок, но те, что располагались вдоль дорог, – восстанавливались и заботливо охранялись.

На западе Великая Китайская стена заканчивалась крепостью Цзяюйгуань. Ее 10метровые зубчатые стены ровным квадратом опоясывают просторный двор, по углам и в середине каждой стены расположены башни. Во внутренний двор можно было протиснуться только через узкую щель между створками ворот, окованных жестью. Но большая часть построек крепости уже развалилась, сохранилось лишь строение ямыня (управления). Его можно узнать по расположению помещений, которое в те далекие времена было установлено строго: приемная начальника ямыня, дальше шли канцелярия, жилище для стражи, конюшни и уж потом широкий двор, где обычно разбирались жалобы и прошения. Здесь же виновных подвергали телесным наказаниям.

В ямынь пускали не каждого, ведь здесь располагался представитель власти, и потому на воротах управления обычно изображался мифический зверь, который якобы не боялся ни огня, ни воды, ни ветра. Разинутой пастью он старался схватить солнце, однако при первой же попытке проглотить светило его ждала смерть, так как солнце олицетворяло китайского императора.

Те из иностранцев, кто прибывал в Китай сухопутно, – обязательно пересекали один из проходов в Стене. И всегда это производило на них сильное впечатление. К Великой Китайской стене специально привозили английского посла в Китае Маккартнея, хотя он прибыл морским путем. И он сказал, что если вся Стена такая, как та часть, которую он видел, то это «наиболее изумительное произведение рук человеческих».

Легендарные Диоскурия и Себастополис

Волны лениво лижут развалины старой турецкой крепости и остатки былых бастионов, а на дне Сухумской бухты покоится мир древних развалин. Вдалеке виднеются горы, и, может быть, в один из ясных дней увидели их в сиянии белых снегов легендарные аргонавты, приплывшие сюда из Греции в поисках золотого руна. Слухи о сказочных богатствах Колхиды, где горные реки несут золотой песок, заставили их забраться в «угол Понта Эвксинского, где кончается дальнейший путь кораблей».

> Согласно античному мифу, предводитель аргонавтов Ясон похитил у колхидского царя Аэта золотое руно и красавицу-дочь Медею. На обратном пути из Колхиды спутники Ясона, братья-близнецы Диоскуры – Кастор и Полидевк («отроки Зевса») – покинули своего предводителя и поплыли на север. Высадившись в районе нынешней сухумской бухты, они основали город, названный Диоскурией. По другой версии, название города произошло от греческого слова «Диа скури», что означает «Мать рек».

Так рассказывается в древнегреческом мифе, а история говорит, что примерно в первой половине VI века до нашей эры на месте современного Сухуми, в центре древней Колхиды, купцы из Милета основали Диоскурию. В Милете был очень популярен культ братьев Диоскуров, которым приписывалось спасение милетцев от тирании в VII веке до нашей эры. Поэтому их культ получил распространение и в городах Причерноморья, основанных Милетом или связанных с ним.

> Братья Диоскуры олицетворяли собой смену света и тьмы, дня и ночи, рождения и смерти, мира и войны. Одним из главных их атрибутов была утренняя и вечерняя звезды. Поэтому лицо Кастора обычно обращено к небу и солнцу, а лицо Полидевка склонено к земле. По словам древнегреческого писателя Павсания, одеждой им служила пурпурная хламида (короткий плащ), на голове они носили пилос – шапку в виде колпака. Диоскуры – герои ристалищ, покровители наездников, путников и мореплавателей.

В трудах древнегреческих историков и географов Диоскурия упоминается как крупный торговый и культурный центр Колхиды. Но потом о Диоскурии стали упоминать все реже и реже, а там и вовсе забыли о ней. Город словно в воду канул, и что послужило причиной его гибели – люди или природа, какая катастрофа разразилась над некогда могущественным городом?

Древности легендарной Диоскурии давно привлекали к себе внимание исследователей. По сообщениям древних авторов, по старым картам, легендам и лингвистическим параллелям ученые выдвинули несколько версий о местоположении древней Диоскурии. Например, еще в 1712 году здесь побывал французский путешественник де ля Мотрей, которому местные жители показали несколько колонн, изуродованную голову статуи и какую-то медаль (или монету) с надписью «Диоскуриада». В 1874 году немецкий археолог Брунн предположил, что Диоскурия располагалась в районе города Сухуми, но ему не удалось найти следов античной крепости. Однако местные жители не раз после сильных штормов находили на берегу золотые, серебряные и медные монеты античных времен. Много древних предметов попадалось в Сухуми при строительстве зданий, рытье каналов и колодцев. Среди них были остатки греческих сосудов, различные монеты с изображением гербов Диоскурии, Рима, Египта и других городов и государств, с которыми торговало население Черноморского побережья. Сейчас в науке утвердилось мнение, что «остатки основной части древнего

города находятся на дне Сухумской бухты, а на территории современного Сухуми располагались его окраины».

Диоскурия была большим городом, хотя и уступала некоторым колониям северного побережья Черного моря, в частности Ольвии и Херсонесу Таврическому, бойко торговавшим хлебом с греческой митрополией. Но купцы Диоскурии вели оживленную торговлю со многими кавказскими племенами, покупая у них мед, шерсть, ценную древесину и другие товары, а им продавали изделия своих ремесленников и местную соль. В трудах древнегреческого путешественника и географа Страбона указывается, что в Диоскурию прибывали суда из многих стран. «Здесь собиралось до 300 народов, говорящих на разных языках, а дела велись с помощью 130 переводчиков».

Понтийский царь Митридат Евпатор превратил Колхиду в одну из своих провинций, в первые годы его правления в Диоскурии печатались медные монеты, на которых изображались две фригийские шапочки со звездами над ними – атрибуты братьев Диоскуров.

В 66 году до нашей эры римский полководец Помпей вытеснил Митридата Евпатора из Малой Азии, и тот вынужден был провести зиму 66–65 годов до нашей эры в Диоскурии, где и составил план дальнейших действий против Помпея. По разным причинам эти планы были сорваны, и Митридату пришлось покинуть Диоскурию. В дальнейшем она, как и другие цветущие и многолюдные города Колхиды, пришла в запустение…

Но однажды в устье речки Беслетки, которая впадает в Сухумскую бухту, на глубине двух метров археологи обнаружили мраморную надгробную стелу древнегреческой работы. На лицевой стороне ее сохранился прекрасный барельеф – сцена прощания с умершей. Мастер изобразил знатную даму, сидящую в кресле, с которого свисает звериная шкура. Правой рукой женщина обнимает обнаженного мальчика, прижавшегося к ее коленям, левая рука бессильно опущена. На ней – льняная сорочка, на ребенка накинут гимантий (кусок шерстяной ткани), складки которого частью подобраны на коленях женщины, частью тяжело спадают с ее левого плеча. На заднем плане – изваяние молодой девушки-служанки в пеплосе (рубахе без рукавов), которая держит на плече шкатулку, может быть, с погребальным подарком. К сожалению, не удалось обнаружить верхнюю часть надгробия, на котором обычно писали, кому и когда поставлен памятник, но ученые датируют время создания этой стелы рубежом V–IV веков до нашей эры – временем расцвета древней Диоскурии.

На смену греческим мореходам пришли римские легионеры, основавшие здесь во второй половине I века город-крепость Себастополис[7], назвав ее в честь императора Августа, носившего имя Себастос (высокий, священный). Плиний Старший в своей «Естественной истории» оставил сообщения об этой кастелле (крепости), упомянув и Диоскурию, однако о внешнем виде первоначальных укреплений Себастополиса долгое время ничего не было известно.

Сухумская стела

Этот город должен был стать опорным пунктом для завоевания всей Колхиды, поэтому вскоре здесь были построены и другие крепости. В 137 году по поручению римского императора Адриана в Себастополисе побывал Флавий Арриан – правитель Каппадокии. Объехав все побережье Колхиды, он впоследствии сообщал:

> Миновав реку Астлеф, мы раньше полудня прибыли в Себастополь… Поэтому мы в тот же день успели выдать жалованье солдатам, осмотреть коней, оружие, прыганье всадников на коне, больных и хлебные запасы, обойти стену и ров. Себастополис прежде назывался Диоскурией, колония Милета. Крепость Диоскуриада представляет собой конечный пункт римского владычества на правой стороне от входа в Понт.

Остатки древней стены Себастополиса были обнаружены в 1958 году под асфальтом Сухумской набережной, когда здесь занимались разбивкой сквера. Вынимая грунт, рабочие увидели, что параллельно берегу тянется древняя стена, которая под прямым углом поворачивает в море. Аквалангисты исследовали этот участок дна и обнаружили под водой двухметровую стену, длина которой была чуть меньше трех метров, а ширина равнялась 1,5 метрам. За этой стеной смутно вырисовывалась другая, потом еще одна – целый затонувший город, стены которого были сложены из крупного булыжника, скрепленного известняковым раствором. В одном месте море настолько размыло раствор, что кирпичи без особого труда отделялись от стены.

Кирпичи древних римлян (тетрадонты) не были похожи на современные: они имели форму квадрата со сторонами, равными 30 сантиметрам. Толщина их небольшая – всего

3 сантиметра, так как античные строители предпочитали экономить кирпичи, а не раствор, поэтому слой скрепляющего состава в два раза превышал толщину самих татрадонтов.

В начале 1960х годов под руководством В.П. Пачулия начались планомерные исследования дна в прилегающих к Сухуми участках моря. В 60 метрах от берега участники экспедиции обнаружили остатки стен и круглой башни, диаметр которой равнялся 3 метрам. В стене, примыкающей к башне, сохранился пояс из 3 рядов тонкого кирпича: такие кирпичные пояса в Древнем Риме применяли для предотвращения деформации сооружения, которая образовывалась из-за неравномерности нагрузки на стены. В башенной стене (толщина ее равнялась полутора метрам) ученые обнаружили просветы и предположили, что они могли служить бойницами. Вероятно, здесь находились оборонительные сооружения, прикрывавшие вход в реку Басму.

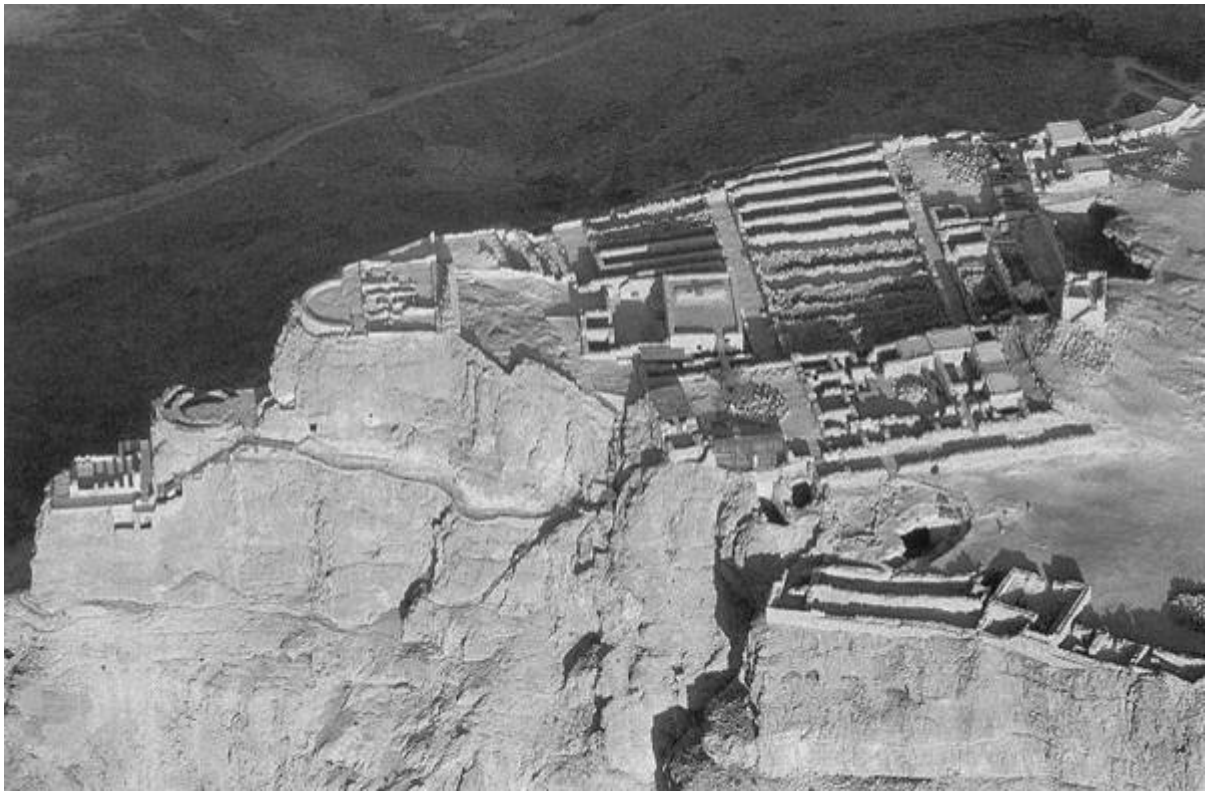
Метрах в 100 от берега проходил южный бастион Себастополиса, стены которого были еще толще. Если мысленно соединить остатки стен, сохранившихся на дне моря, то получится квадрат со сторонами приблизительно 80 метров – это и будет территория римской крепости Себастополис. Она занимала площадь в один гектар, что соответствовало размерам римских крепостей, рассчитанных на гарнизон в 200 солдат. Три ее стены лежат под водой, а четвертая – на суше, у самого берега. От укрепления сохранилась только северная стена толщиной более 2 метров, к которой позднее пристроили три башни и пять контрфорсов. В нижней части стены были сделаны сквозные квадратные отверстия, через которые использованная вода стекала в ров. По предположению ученых, контрфорсы были возведены, чтобы воспрепятствовать падению стены; даже сейчас заметно, как люди боролись с морем, неотвратимо наступающим на крепость. Однако контрфорсы не только не приостановили падения стены, но и сами стали наклоняться.

В VI веке вся Северная Абхазия подпала под власть Византии, но абхазы оказали завоевателям такое сопротивление, что те разместили в Себастополисе и других крепостях большие гарнизоны. В дальнейшем территория Колхиды была ареной многих исторических событий, например, ирано-византийской войны, во время которой укрепления были разрушены. Война эта закончилась победой Византии, и в 565 году император Юстиниан повелел восстановить город и крепость Себастополис. Историк Прокопий Кесарийский в своем сочинении «О постройках» по этому поводу писал:

> Император Юстиниан тот Себастополь, который был только крепостью, заново весь перестроил, окружил его такими стенами и укреплениями, что он стал неприступным, украсил его улицами и другими пристройками. Таким образом, по красоте и величине он сделал его одним из самых замечательных городов.

Изучив расположение стен, ученые сделали вывод, что крепость Себастополис в результате оползней, которые случаются на Кавказском побережье и в наши дни, опустилась на дно морское. Вероятно, такая же судьба значительно раньше постигла и легендарную Диоскурию. В абхазских преданиях сохранились смутные упоминания о каком-то землетрясении, после которого море поглотило города чужестранцев. Может быть, на дне гигантского Сухумского провала и покоится древняя Диоскурия?

Древнеримская крепость Зальбург



Римляне были опытны в военном деле, и от их проницательного взгляда не могло укрыться стратегическое значение того места, где река Майн впадает в реку Рейн. Друз, пасынок императора Августа, которому в 13 году до нашей эры было вверено управление Галлией, заложил здесь сильное укрепление Могонтиак. Оно должно было защищать от воинственных германцев вход в Галлию, а для самих римлян служить базой в их походах на восток. У Майна через Рейн был сооружен мост, и крепость Могонтиак прикрывала собой восточный конец этого моста.

Римляне овладели областью нынешнего Висбадена с ее горячими источниками, а в первые десятилетия нашей эры их военные отряды заняли крепости Гофгейм и Гёхст. Далее на восток римское владычество не простиралось, так как стареющий император Тиберий отказался от смелой мысли продвинуться до Эльбы. Однако со временем плодородная равнина Майна в сторону Франкфурта и Ганау постепенно застроилась дворами и поселениями дружественных маттиаков и выслужившихся римских солдат. Но этим мирным поселенцам вскоре пришлось узнать, что их спокойная жизнь и возрастающее благосостояние не дает покоя алчным до добычи соседям. Нередко их вооруженные отряды нападали на дворы поселенцев, забирали их скот и все запасы, а в случае сопротивления убивали и самих людей.

Следовало положить конец этим хищническим набегам, и вот весной 83 года в лагере близ Ганау была собрана большая армия, во главе которой встал сам император Домициан, нанесший неприятелю тяжелое поражение. После победы к реке Нидде и далее вверх по ней римляне соорудили военную дорогу, а чтобы укрепить свое господство над равниной, возвели три большие крепости (Геддергейм, Окарбен и Фридберг). Одновременно с ними на большом изгибе вокруг плодородной долины реки Виттера и в других местах они построили несколько маленьких земляных крепостей. При помощи превосходных дорог они связали эти крепости с более значительными укреплениями, расположенными на равнине.

В глубоком проходе горной цепи, к северу от Гамбурга, под руководством римских офицеров был выстроен Зальбург – небольшая, почти квадратная земляная крепость, которая располагалась в центре более значительной крепости. Впоследствии на месте этого маленького укрепления император Адриан приказал возвести более значительную крепость с каменной обводной стеной в 100 римских двойных шагов по ширине и в 150 – по длине, то есть площадью 147х221 метр. В последующие времена неприятель очень сильно повредил крепость Зальбург, но в 222–235 годы при императоре Александре Севере ее снова восстановили и даже усилили.

После 238 года алеманны и франки разрушили крепости пограничной линии на правобережье Рейна, в том числе сожгли и Зальбург, который и до этого подвергался неоднократным разрушениям. И вскоре густые заросли молодого леса скрыли под своей

сенью остатки крепостных стен, и место, где прежде царила деятельная жизнь, стало пустынным.

В 1816 году при проведении большой дороги, идущей на восток, строители сломали стены в юго-западной части крепости. Вандализм прекратился только после вмешательства ландграфа Фридриха V, но научное исследование развалин Зальбурга началось лишь через 40 лет. Особый интерес к крепости проявили германский император Вильгельм I и прусский король Вильгельм II, оба не жалевшие средств на изучение крепостных развалин.

Исполнителем их воли стал архитектор Л. Якоби, который задался целью восстановить Зальбург с главными частями в наиболее точном соответствии с его первоначальным видом. И ему удалось это сделать, причем не только в главных частях, но и в деталях. Даже плиты пола, двери и их обивка, замки, деревянные колонны с капителями, колодцы с навесами – все было устроено в соответствии с древнеримским образцом.

Крепость представляла собой большой прямоугольник, но с закругленными углами, была окружена двумя глубокими рвами и защищена каменной стеной, высота которой достигала почти 5 метров. С внутренней стороны к стене прилегал земляной вал с отлогим склоном; под прикрытием бруствера и зубцов защитники могли свободно ходить по верхней площадке вала, ширина которого равнялась 3 метрам.

Всякий, кто вступал в крепость с дружественными намерениями, оказывался в ее западной части, которая служила убежищем. Среднюю площадь занимал преторий, к которому справа и слева примыкали другие постройки. Передняя часть крепости, обращенная к неприятелю, являлась местом расположения военной стражи.

В походном дворе, в середине «Главной дороги», соединявшей боковые ворота лагеря, находилась открытая площадь, на которой вершился суд. На ней же размещалась и палатка главнокомандующего, а вокруг нее располагались палатки офицеров. Солдатские бараки, в которых размещалось до 10 человек, располагались в крепости рядами. Это были небольшие досчатые или глинобитные строения, стоявшие на больших каменных глыбах. Полы в бараках тоже были глиняными, а крышу покрывала дранка, солома или камыш. В северной части крепости была солдатская баня, существовавшая только в первое время римской колонизации, а позднее римляне сами разрушили ее до основания.

Длительные связи с дружественными племенами осуществлялись через Декуманские ворота, которые свое название получили от находившейся здесь площади «десятых когорт» легионов. По краям Декуманских ворот поднимались две каменные башни, соединенные между собой крытым ходом с зубцами. На одном из зубцов возвышалось древко, наверху которого изображен орел XXII легиона, основанного императором Клавдием. Во время бунта Антония Сатурпина этот легион остался верным императорской власти, за что в награду получил в 89 году от императора Домициана почетное название «Pia Fidelis» (Преданный и верный).

Главное здание Зальбурга располагалось в восточной стороне крепости: ширина его равнялась 11 метрам, но оно нигде не преграждалось колоннами. В холодное время года в этом здании, обогреваемом с помощью жаровен, легионеры занимались военной подготовкой. Расставлялись чурбаны, на которые солдаты нападали с мечами как бы на неприятеля или, как в мишень, бросали в них копья. Кроме того, здесь расставляли деревянных коней, и каждый солдат учился вскакивать на них – сначала без оружия, а потом с оружием. В торжественных случаях здесь же проводились и собрания.

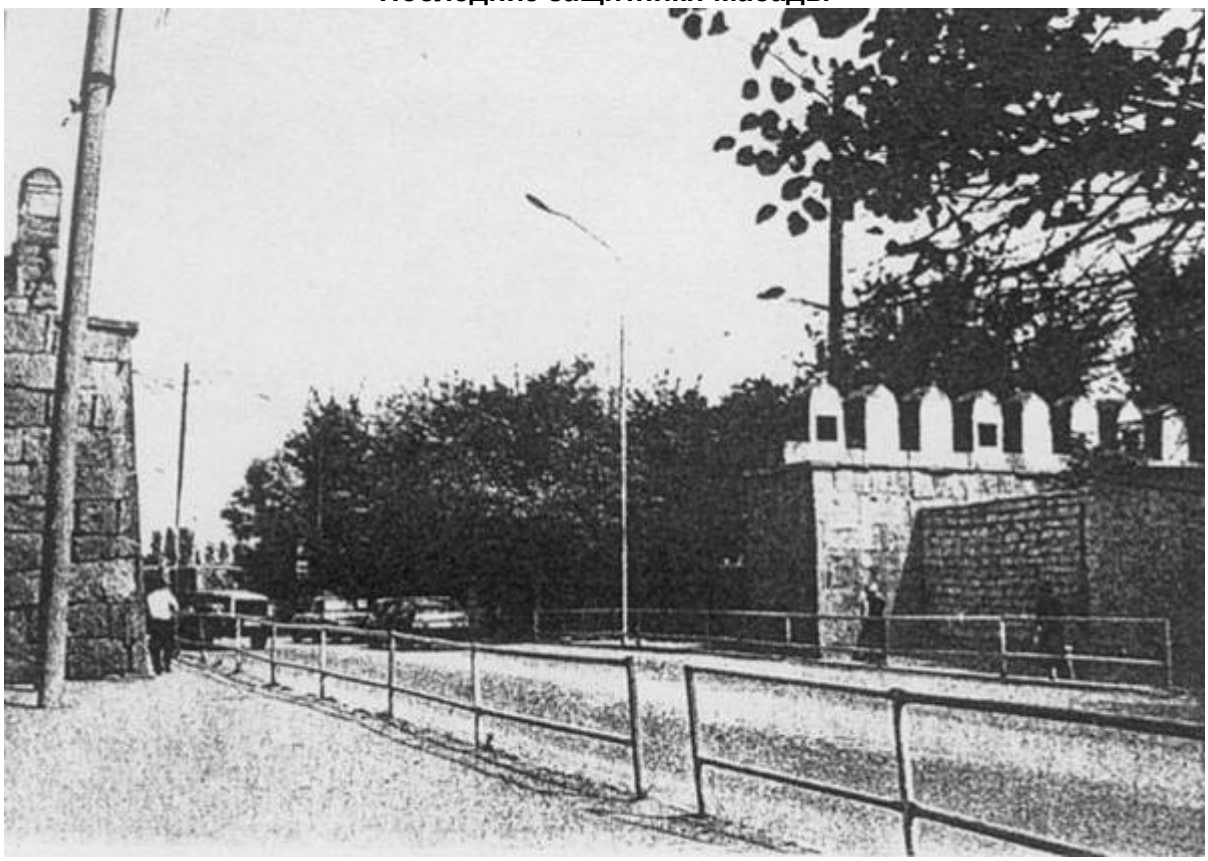
Было в Зальбурге и святилище, которое закрывалось бронзовой решетчатой дверью. В небольших шкафах святилища хранились «полевые значки» когорт и «знамена», чтимые наравне с богами, так как оставить знамя без защиты было для солдат великим преступлением. Со времен императора Адриана в святилище стали размещать бюсты царствовавшего императора и наследника престола. На фасаде святилища помещали почетные надписи, которые отдельные когорты посвящали императорам.

Под святилищем в римских крепостях обычно размещалось казначейство, в которое солдаты складывали свои сбережения. Это называлось «складывать у знамен», так как считалось, что здесь их деньги под охраной богов. Счет поступающих и изымаемых денег вел знаменосец.

У Декуманских ворот, но вне Зальбурга, разбили свои палатки маркитанты и торговцы, которые во время боевых походов шли за римской армией. Искать убежище в самой крепости им разрешалось только в случае крайней опасности. Торговцы строили для себя легкие палатки и хижины, в которых солдаты после караульной службы могли подкрепиться. Впоследствии возле маркитантов стали селиться со своими семьями и окончившие срок

службы солдаты. Они занимались разными ремеслами, сажали в огородах овощи, держали коров и коз, для которых на зиму запасали сено. И вскоре на востоке и западе от крепости, а также перед южными воротами вырос небольшой городок, где в годы его расцвета жило более 2000 человек.

Последние защитники Масады



Ворота северной стены

В 80 километрах от Иерусалима находится заповедник Эйн Геди, а в 20 километрах от него – крепость Масада, с которой связана одна из самых героических страниц истории еврейского народа. Масада – это мощная крепость, расположенная на вершине огромной скалы, которая высится недалеко от берега Мертвого моря.

Географическое положение крепости в зоне безводной пустыни, вдали от населенных пунктов, и природная неприступность сделали ее безопасным убежищем. Римский историк Иосиф Флавий сообщает, что крепость была построена первосвященником Ионатаном, а потом царь Ирод еще больше укрепил ее, соорудив 37 высоких башен. У Иосифа Флавия об этом сказано так:

> Он воздвиг стену вокруг вершины горы и построил поверх стены тридцать семь башен. И царский дворец воздвиг он для себя в крепости, на западном склоне горы – под стеной, замыкающейся на вершине горы. И повсюду в скале были высечены им бассейны для водоемов, благодаря чему ему удалось обеспечить водой жителей крепости… Таким образом, крепость была воздвигнута Богом и людьми для защиты от врага, который поднимется на нее войной…
>
> Это очень сильная крепость, и вот ее особенности: со всех сторон очень высокой и широкой скалы идут отвесные склоны, которые спускаются в такие бездны, что их не измерить. Тут не ступала нога живого существа. Лишь в двух местах есть в скале небольшая покатость и там тропинки, идущие кверху, но они очень узки.

Склоны скалы действительно очень крутые: с восточной стороны их высота достигает 300 метров, а высота самой низкой скалы с западной стороны и то достигает почти 100 метров.

При царе Ироде крепость была обнесена двойной стеной, внутреннее пространство которой разделялось на казематы. В стене было четверо ворот, оформленных в виде квадратных комнат с двумя входами, мощеным полом и сиденьями вдоль стен, украшенных фресками.

Предвидя возможность длительной осады, он приказал построить в северной части скалы целый комплекс продуктовых складов и рядом с ними большую общественную баню. К западу от Мертвого моря располагались два каньона: от них при помощи открытых оштукатуренных каналов отводилась вода в 12 водосборных систем, высеченных двумя параллельными рядами на северо-западе скалы. Из них вода вручную доставлялась на вершину скалы уже в другие цистерны.

В 66 году, с начала Иудейской войны, Менахем (сын Иуды Галилеянина) во главе отряда зелотов захватил Масаду. Они избили римский гарнизон и захватили оружие, которое было сложено еще царем Иродом.

Весной 70 года римская армия под командованием императора Тита осадила Иерусалим, но здесь их ожидало ожесточенное сопротивление жителей города. Предложение о сдаче было с негодованием отвергнуто восставшими, которые своими частыми вылазками пытались помешать осадным работам римских войск. Каждый метр римлянам приходилось брать с боем. Лишь после того, как император Тит окружил Иерусалим кольцом окопов, его армия могла без помех возобновить атаки. В августе легионеры овладели Вторым Иерусалимским храмом, а в сентябре захватили и весь город.

Но и после падения Иерусалима последние бойцы за независимость Израиля защищались с таким упорным ожесточением, будто их дело еще не было проиграно. В руках сопротивлявшихся оставались еще крепости Махеро и Масада и замок царя Ирода. Последний представлял собой просто укрепленный дворец и потому был без особого труда взят Луцием Бассом. А вот крепостью Махеро римлянам удалось овладеть не столь легко, после чего снова начались избиения и продажа евреев в рабство.

С геройством, беспримерным в истории того времени, крепость Масада защищалась еще два года после окончания антиримского восстания. Элеазар бен Яир, потомок Иуды Галилеянина, бежавший в Масаду после смерти Менахема, возглавил гарнизон крепости и превратил ее в оплот зелотов и сикариев (кинжальщиков). Количество запасенных продуктов (муки, масла, сушеных фруктов, вина и т. д.) и всякого рода оружия на долгие годы обеспечивало осажденным существование. Поэтому они с вполне достаточными основаниями считали свое убежище совершенно неприступным.

Через три года после падения Иерусалима римляне двинули против Масады войска. Фульвий Сильва, принявший начальство над римскими войсками после смерти Луция Басса, совершал настоящие чудеса, чтобы захватить Масаду. С большим трудом римлянам удалось укрепиться на единственно доступной площадке и подвести таран. Проникнув через брешь в крепостной стене, они натолкнулись на новый бастион, который им удалось поджечь. Но защитники Масады не стали ждать штурма…

Элеазар бен Яир призвал всех защитников крепости, оставшихся в живых (960 человек), убить своих жен и детей, а затем покончить с собой, чтобы не попасть в руки римлян. Когда мужчины убили женщин и детей, они по жребию избрали 10 человек, чтобы те убили остальных. В свою очередь эти десять человек, как сказано в «Иудейской войне» Иосифа Флавия,

> на том же условии метали жребий между собой, чтобы кто-нибудь один лишил жизни остальных девятерых, а вслед за ними поразил и самого себя… И вот девять человек подставили горло под удары, а последний осмотрел многочисленные тела павших: он хотел удостовериться, не уцелел ли среди этого всеобщего избиения кто-нибудь, кому нужна его рука. Видя, что все мертвы, он поджег дворец, собрал все силы, по рукоять вонзил в себя меч и пал возле своих родных.

Так 15 апреля 72 года погибли последние защитники Масады. Спаслись только две женщины с пятью детьми, которые укрылись в одной из пещер.

Крепость Дербента

На географической карте есть несколько городов с названием Дербент, но только один из них выделяется своим почтенным возрастом, значимостью в истории народов и древними архитектурными памятниками. Об этом Дербенте сведения встречаются уже у знаменитых историков, географов и путешественников древности: Гекатея Милетского, Хареса

Митиленского, Геродота, Страбона, Корнелия Тацита, Иосифа Флавия и других. Много раз город упоминался и в трудах средневековых авторов. Причем в многочисленных письменных источниках город называется разными именами, а его современное название появилось только в VII веке, и означает оно «Запертые ворота», «Ворота на запоре».

Дербент расположился на западном побережье Каспийского моря – там, где труднодоступные отроги Кавказского хребта почти вплотную подходят к морю, оставляя лишь узкую прибрежную полосу. С древнейших времен здесь пролегал знаменитый Прикаспийский путь из Европы в Переднюю Азию. Этим путем прошли древние арии из степей Восточной Европы на территорию Иранского нагорья; в VII веке до нашей эры этот путь использовали многочисленные кочевые племена, устремляясь к богатым земледельческим районам Юга, чтобы в течение долгого времени грабить и опустошать их.

История Дербента теряется в веках. И хотя древние письменные источники много сообщают о знаменитом городе, но каких-либо конкретных сведений о времени его возникновения они не дают. Заселение этого района было связано не только с его удобным географическим и исключительным стратегическим положением, но и с благоприятными климатическими условиями. Поэтому поселения здесь возникали еще в ранний период человеческой истории, и уже тогда они были хорошо укреплены.

Мощные фортификационные сооружения Дербента, изумляющие своей монументальностью, стали предметом многочисленных преданий и легенд. Буйное воображение народа, стремившегося возвеличить свой и без того таинственный город, приписывало основание его то огнедышащим великанам, якобы жившим на Земле еще до появления людей; то фантастическому народу Яджудж – Маджудж (библейским Гоге и Магоге). Арабский историк X века Масуди в своей книге «Золотые луга» передает рассказ о сыне царя Гиштаспа царевиче Исфендияре, который построил цитадель Нарын-кала, а у декабриста А. Бестужева-Марлинского сказано:

> Они (дербентцы. – Н.И.) говорят, что их город построен чертом… Черт строил в потемках и торопливо; месил в своих лапах камни, дробил их, плевал на них, бросал дома один на другой, отбивал улицы по хвосту. И к рассвету Дербент поднялся на ноги.

В трудах местного летописца Мирзы—Хедир Везирова (XIX в.) основание Дербента приписывается шаху Лехрасибу из династии Каянидов – современнику библейского царя Соломона. Древнегрузинская хроника повествует о страшном нашествии хазар, для усмирения которых по приказу персидского царя Афридона полководец Ардом вошел с большим войском в страну хазар, разбил их, «воздвиг город у морских ворот и назвал его Дарубанди, что в переводе означает «замкнул ворота».

Существует и легенда, в которой говорится, что Дербент основал Александр Македонский. Он воздвиг между морем и горами стену с башнями, которую запер окованными железными воротами, «чтобы люди, жившие по ту сторону, не смогли причинить ему никакого вреда». Великий полководец древности никогда не был в этих местах, однако уже само существование многочисленных легенд говорит о том значении, какое имели Дербентский проход и возведенная там система укреплений.

Оборонительный комплекс Дербента условно можно разделить на три части: цитадель Нарын-кала, морские стены и Даг-бары (горная стена). Каждое укрепление могло функционировать самостоятельно, и в то же время они являются частями единой оборонительной системы. Ядром ее является цитадель Нарын-кала, которую сначала возводили из сырцового кирпича. Ее крепостные стены сохранились почти полностью, хотя именно они более всего подвергались переделкам, особенно в позднее время (XVII–XIX вв.).

Холм, на котором расположена цитадель, на северной стороне имеет круглые склоны – в сторону оврага, а на востоке – в сторону города. Южный и западный склоны холма более пологие. Общая протяженность стен Нарын-калы достигает 700 метров, а толщина их равняется 2 метрам. В плане цитадель имеет форму неправильного многоугольника, все выступы ее глухие: два из них имеют внутренние лестницы, по которым поднимались на стены. С восточной и северной стороны выступов меньше, так как неприступными эти стороны цитадели делает крутой склон холма.

Южная сторона цитадели, где нет естественных преград, укреплена сильнее, чем северная. Стена здесь значительно выше (местами достигает в высоту 20 метров) и мощнее, с множеством выступающих квадратных фортов. Мощные стены с бойницами, глубокое ущелье с крутыми склонами, опоясывающими цитадель с 3 сторон, система водохранилищ для больших запасов воды – все делало Нарын-калу почти неприступной.

О названии цитадели легенды и предания рассказывают разное. В одних из них говорится, что шах назвал ее именем любимой жены Нарын, что означает «нежная, изящная». В других повествуется, что название закрепилось за цитаделью из-за ее размеров: слово «нарын» еще имеет значение «маленькая, компактная». Третьи предания утверждают, что на территории цитадели росло много померанца («нарынч») и первоначально цитадель называлась «Нарынч-кала», а потом последняя буква утратилась.

Из-за довольно крутого холма, на котором расположена Нарын-кала, все четыре ее внутренних двора размещаются на разных уровнях в виде искусственно выровненных террас с системой подпорных стен. В надвратной части входа в цитадель находились Диван-хана (ханская канцелярия и судилище) и приемная, возведение которых относится к XVII веку.

У северной стены цитадели, позади ханского дворца, размещался «Зиндан» – подземная тюрьма («каменный мешок»). Легенды и предания многое рассказывают об ужасах этого мрачного сооружения, прозванного в народе «Гедян гяльмяз» («вошедший не вернется»). Некоторые ученые считают, что первоначально это было одно из древних водохранилищ, впоследствии приспособленное под тюрьму.

К древним сооружениям цитадели относится и огромный, в плане квадратный резервуар, который перекрыт куполом, стоящим на четырех арках. Внушительные размеры резервуара отличают его от остальных древних водохранилищ Дербента, которые к тому же имеют прямоугольную форму. Необычная для мусульманского Востока крестообразная форма резервуара дала некоторым ученым основание предположить, что его строителями были византийские мастера-христиане. По другим версиям под водохранилище приспособили христианский храм раннего Средневековья. Однако крестообразная форма характерна не только для христианских сооружений, так как по древним поверьям горцев крест олицетворял «все четыре стороны света» и потому часто использовался как знак-оберег.

Одно из самых маленьких водохранилищ Нарын-калы – тоже квадратное (2,65х2,65 м) и тоже перекрыто куполом. Оно расположено у входа в цитадель, и легенды рассказывают, что водой из него пользовались только хан и члены его семьи. У резервуара постоянно стоял вооруженный слуга, который, кроме охраны водоема, первым должен был пить воду, прежде чем ее поднесут хану или члену его семьи.

В Нарын-калу ведут двое ворот: восточные обращены в сторону города, западные – Горные ворота – ведут в цитадель, минуя город. Для внешних связей особое значение имели Горные ворота, поэтому в народе их прозвали «тайными». Однако гордые и смелые жители Дербента дали им и еще одно название – «Ворота позора», имея в виду, что ими можно было воспользоваться для побега в трудную для города минуту.

От цитадели до моря тянулись две почти параллельные стены – северная и южная. Первые авторы, описывавшие Дербент, увидели, что городские стены уходят далеко в море. Упоминавшийся уже арабский историк Масуди, например, отмечал: «Часть этой стены, которая вдается в море, называется «эль-каид» (цепь), ибо она останавливает неприятельские корабли, которые бы старались пристать к этому берегу». Он же описывает и способ, который якобы применялся при возведении этих стен. Делалось это при помощи надутых бурдюков, на которые укладывали каменные блоки до тех пор, пока они не достигали морского дна и не поднимались выше уровня воды. После этого вооруженные ножами ныряльщики прорезали бурдюки, и стена прочно вставала на морское дно. Подобное описание встречается и у некоторых других авторов, а вот Баладзори в своей «Книге побед» сообщает о другом способе.

> И приказал он (Ануширван. – Н.И.) возить на кораблях камни и бросать их в море, а когда они оказались над водой, то он построил на них стену, проложив ее в море на три мили.

Все авторы сходятся на том, что морские стены выполняли чисто оборонительные функции. Правда, существует и легенда об одном торговом караване, который шел с севера.

> Прибыв к городу ночью, он расположился на его северной стороне, чтобы утром, как только откроют ворота, продолжить путь. Но утром открывавшие ворота привратники увидели, что каравана нет. А так как другого пути тоже не было, то стало ясно, что караван прошел по мелководью, чтобы не платить положенной дани. Вот тогда-то правитель города и повелел проложить стены, чтобы невозможно было обойти Дербент по морю.

В настоящее время та часть стен, которая вдавалась в море, полностью разрушена, и потому об их длине, конфигурации и материале, из которого они были сделаны, можно судить только по противоречивым, а порой и взаимоисключающим сообщениям древних авторов.

Фортификации Дербента сложены из крупных блоков местного камня-ракушечника. Два ряда каменных плит образуют наружную облицовку стены, а пространство между ними заполнено забутовкой на известняковом растворе. Для прочного соединения облицовочных блоков с «телом» стены в кладке чередовались плиты, уложенные тычком (узкой стороной наружу) и ложком (широкой стороной наружу).

Толщина городских стен в некоторых местах достигает 3,8 метра, но некоторые источники сообщают и о более значительной их толщине. У Якуби, например, можно прочитать: «Ширина стены… такова, что по ней проедет двадцать всадников (в ряд), не теснясь»; Адам Олеарий писал, что на дербентских стенах «можно было ездить на телегах». Городские стены много раз перестраивались и реставрировались, и потому кладка поздних времен отличается более строгой геометричностью и обработкой блоков, одинаковой высотой рядов и горизонтальностью швов.

В городских стенах особое место занимали ворота, которые являлись не только частью оборонительной системы, но одновременно и украшением фасада Дербента, говорящим о мощи и богатстве города. Северные ворота, обращенные к враждебно настроенным народам, имеют массивные архитектурные формы, что придает им суровый облик. Ворота южной стены, наоборот, имеют вид легкий, изящный и торжественный.

Сколько первоначально было ворот в Дербенте, сейчас уже установить трудно. С течением времени и при длительных осадах и кровопролитных штурмах одни ворота разрушались, затем вновь восстанавливались; другие – теряли свое оборонительное значение и потому закладывались; третьи прорубались заново и в другом месте. Ворота северной стены, первые от цитадели, называются «Джарчи-капы» (Ворота вестника), так как около них ханский вестник передавал приказания повелителя. Арабы называли их «Баб-эль-Мухаджир» (Ворота беглецов), а русские – «Водяные ворота», так как через них защитникам города легче всего было добраться до находящегося за ними родника.

По следам рыцарей Круглого Стола

История рыцарей Круглого Стола началась с весьма примечательного события, происходившего в корнуолльском замке Тинтагел.

Славный рыцарь Горлуа, владелец замка и правитель Корнуолла, был женат на красавице Игрэн, к которой вдруг воспылал страстной, но безнадежной любовью король Утер Пендрагон. И тогда на помощь отчаявшемуся королю пришел волшебник Мерлин, который жил во времени «задом наперед»: он придал королю Утеру облик рыцаря Горлуа и помог таким образом добиться расположения неприступной красавицы.

Вскоре Игрэн родила мальчика, которого назвали Артуром и которому суждено было затмить своими подвигами всех рыцарей Англии. Со временем Артур стал королем и поселился с молодой женой, красавицей Гвиневерой, в замке Камелот. Он призвал к себе самых достойных рыцарей Европы, разместил их вокруг огромного Круглого Стола и провозгласил свой рыцарский девиз: «Сила – это еще не справедливость, справедливость – это и есть сила». Благородство король Артур вознамерился сделать знаменем своего королевства.

Но вскоре бурные события потрясли замок Камелот. Рыцарь Тристан воспылал любовью к ирландской принцессе Изольде, жене короля Марка, и в конце концов погиб от его копья. Доблестный рыцарь Ланселот полюбил королеву Гвиневеру, сердце которой ответило ему. Их любовь была столь беззаветна, что перед ней отступили и рыцарская дружба, и супружеская честь. Но велико было и благородство короля Артура, который долго не принимал никакого решения в отношении влюбленных, чтобы не разрушить братство Круглого Стола. И тогда коварный рыцарь Модред убедил короля Артура поехать на охоту: он прекрасно рассчитал, что влюбленные, воспользовавшись его отсутствием, захотят встретиться… И тогда он

позаботится, чтобы об этом все узнали. Королю Артуру не останется ничего другого, как действовать.

Так все и случилось. Модред, подкараулив свидание Гвиневеры с Ланселотом, ворвался в покои королевы. Ланселот бежал, а сторонники Модреда потребовали суда над королевой. И король Артур вынужден был подписать смертный приговор жене – сожжение на костре.

Он стоял у окна и с ужасом смотрел на привязанную к столбу Гвиневеру, а палач уже ждал его знака. Модред торопит, но король Артур медлит: неужели Ланселот не успеет придти на помощь своей возлюбленной? Но Ланселот прибыл вовремя и увез Гвиневеру, а королю Артуту не оставалось ничего другого, как идти походом на франков. Однако из Англии он получает тревожные вести: Модред, воспользовавшись его отсутствием, намерен себя провозгласить королем. Артур возвращается: у реки Комблан сходятся для решающей битвы отряды Модреда и воинство короля Артура. Много славных рыцарей погибло в этом сражении, был убит и вероломный Модред. Но он успел смертельно ранить короля Артура…

Перед смертью король Артур повелел рыцарю Бедиверу бросить в озеро свой знаменитый меч, чтобы никто не мог запятнать его разбоем и бесчестием. Когда Бедивер исполнил волю короля, из воды показалась нежная женская рука волшебной «хозяйки озера» и бережно приняла меч короля Артура. А самого его отвезли в замок на острове Авалон, где он и умер. Но король Артур лишь временно покинул этот бренный мир, скрывшись на блаженном острове, где отдыхают и залечивают раны. А потом он очнется от долгого сна и вновь возглавит свой народ…

В течение нескольких веков романы о рыцарях Круглого Стола являлись творениями, которые всецело воплощали идеал знати. Аристократы собирали их в своих библиотеках, после обильных возлияний ими развлекались гости знатных феодалов. Незнание рассказов о рыцарях Круглого Стола считалось признаком невежества, именами действующих лиц (Артура, Ланселота и др.) называли младенцев при крещении и т. д. Сохранились сведения, что в 1113 году группа французских монахов посетила Корнуолл. Местные жители рассказали им о короле Артуре, который жил в Корнуолле, сражался против саксов и все еще жив. Когда монахи подняли их на смех, разгорелось побоище, после которого монахам пришлось бежать.

Смерть короля Артура

Но легенды о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола были известны не только в Англии. Они перелетели границы, сказители украшали их самыми различными подробностями и деталями; их переводили на многие языки, и они получали новое толкование. В конце XII века о короле Артуре, в частности, писали:

> В какое из мест, куда простирается христианское владычество, крылатая слава не занесла и где не сделала известным имени бритта Артура? Кто… не толкует о нем, когда он, как говорят нам паломники, возвращавшиеся с Востока, почти известнее азиатским народам, чем бриттам? Об Артуре говорят жители Востока, как и жители Запада, хотя их разделяет пространство всей земли. О нем говорит Египет, не молчит уединенный Босфор. Деяния его воспевает владыка государств Рим, да и некогда сопернику Рима Карфагену известны брани Артура, которые прославляет Антиохия, Армения, Палестина…

Но где кончаются легенды и начинаются исторические факты? Легенды и предания связывают жизнь короля Артура с местами конкретными, и что-нибудь да должно было остаться от Камелота и других замков, где пировали и сражались рыцари Круглого Стола.

Замок **Тинтагел**, куда король Горлуа отправил свою жену Игрэн, чтобы уберечь ее от взглядов короля Утера и в котором будто бы и произошла легендарная встреча родителей будущего короля Артура, стоял на берегу Корнуолла. Сейчас развалины замка расположены на краю высокого каменистого обрыва, об основание которого где-то далеко-далеко внизу с шумом бьются морские волны. За обрывом – скалистый остров, на котором располагалась вторая часть замка. Чтобы добраться до нее, надо спуститься по бесконечным каменным ступеням до обрыва, а потом вновь подняться на вершину острова. Замок Тинтагел, вероятно, был и впрямь недоступен, так как летописец Джеффри Монмутский в своей «Истории бриттов» писал о нем:

> Он расположен на море, и море окружает его со всех сторон. Нет к нему доступа, кроме узкой тропинки в скалах, которую могли бы преградить три вооруженных рыцаря, если бы ты и наступал по ней со всей армией Британии.

Правда, впоследствии ученые установили, что замок Тинтагел был построен примерно в XII веке норманнским герцогом Реджинальдом, и, следовательно, при короле Артуре этой грозной крепости не было. Однако археологи установили, что в «темную эпоху» здесь действительно были строения, по-видимому, монастырь кельтов. Во время раскопок ученые обнаружили не только монеты XI века, но и керамические изделия, вывезенные из Средиземноморья примерно в V веке. Значит, Игрэн могла находиться в этом монастыре, когда ее посетил король Утер Пендрагон?

А недалеко от города Фоуи приезжим показывают грубо отесанный камень высотой 2 метра, на котором высечена латинская надпись: «Drustanus hic pacit filius Cunomori» (Здесь лежит Друстанус, сын Куноморуса). Средневековые барды превратили имя Друстанус в Тристан, а Куноморус – это латинская форма кельтского имени Кунвоур, которое носил в VI веке правитель Западной Британии.

Рядом с камнем археологи обнаружили следы древнего деревянного здания с обширным залом и керамику, сходную с той, что нашли в замке Тинтагел. И тогда ученые предположили, что, может быть, это и был замок **Тор**, в котором король Марк, Тристан и Изольда переживали свой трагический роман?

В английском графстве Соммерсет находится холм, у подножия которого раскинулись руины Гластонбэрийского аббатства. Многие исследователи отождествляют этот холм с островом **Авалон**, куда отвезли в ладье смертельно раненного короля Артура. Известно, что раньше холм был окружен болотами, которые во время весеннего половодья превращались в глубокое озеро. Во время раскопок на вершине холма ученые обнаружили остатки древнего здания, но еще в 1190 году здесь произошло событие, о котором говорится во многих исследованиях. Например, писатель Р.У. Даннинг в своей книге «Артур – король Запада» рассказывает об этом так.

> Один из монахов умолял похоронить его на древнем кладбище – на месте между оснований двух крестов, на которых неразборчиво было написано несколько имен. Когда монах умер и на указанном месте стали

> копать могилу, то наткнулись на гроб, в котором были останки женщины с сохранившимися волосами. Под ним был найден второй гроб с останками мужчины, а еще ниже – третий, на котором был закреплен свинцовый крест с латинской надписью: «Здесь покоится прославленный король Артур, погребенный на острове Авалон».
>
> По сообщению хрониста аббатства Маргэма, в первом гробу находились останки Гвиневеры, во втором – останки Модреда, а в третьем – останки короля Артура.

Вторая запись об уникальной находке сделана хронистом Джеральдом Уэлльским, посетившим Гластонбэри после этого удивительного открытия. Он описал и свинцовый крест, и череп, и бедренные кости – все, что ему показали. Однако ко времени его посещения история открытия этих реликвий рассказывалась уже несколько иначе. Например, ей сопутствовали «чудесные и таинственные знамения», призванные ободрить могильщиков.

По описанию Д. Уэлльского в земле сначала лежал камень, к которому и был прикреплен свинцовый крест. Под камнем находился только один гроб, но он был разделен: две трети его (в изголовье) содержали останки мужчины, а одна треть (в ногах) – останки женщины с хорошо сохранившимися золотистыми волосами, заплетенными в косу. Но как только к ней прикоснулись нетерпеливые монахи, коса рассыпалась в пыль. Другой была и надпись на кресте: «Здесь лежит погребенный на острове Авалон знаменитый король Артур со своей любимой женой Гвиневерой».

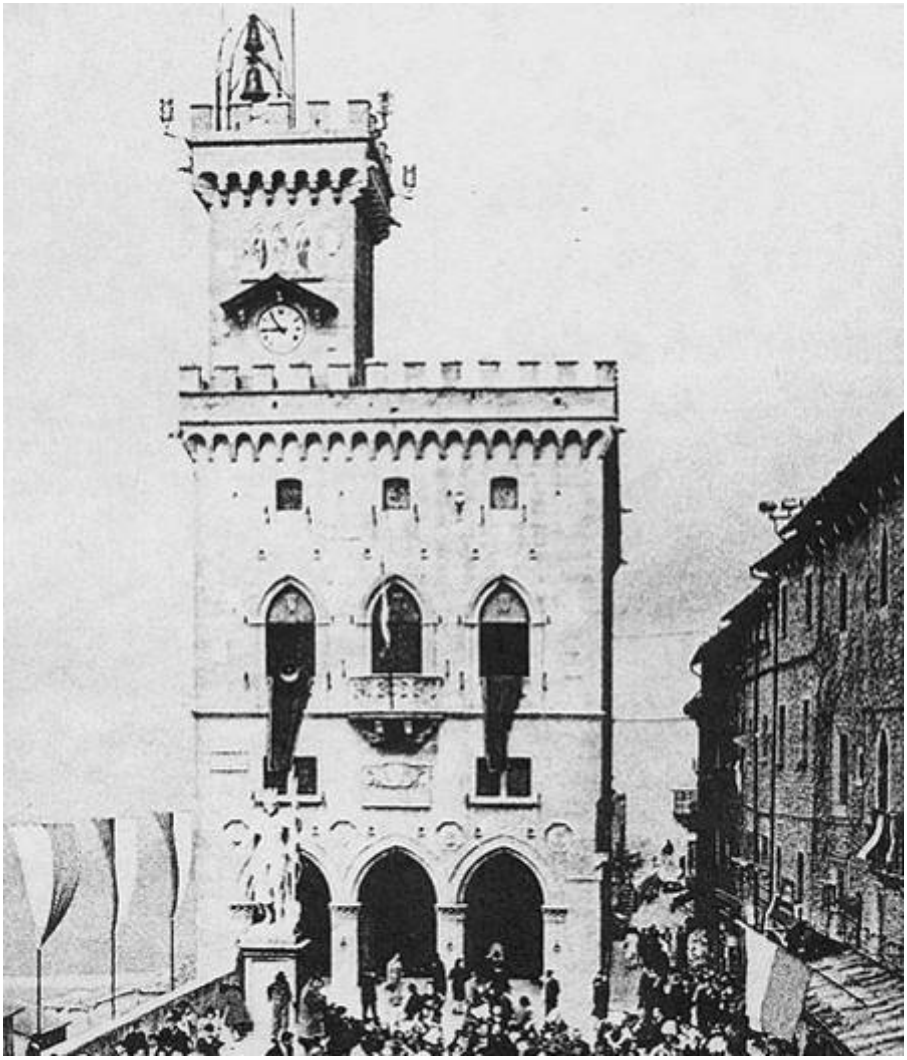
Были свидетельства еще нескольких хронистов, поэтому, естественно, достоверность их вызывала у ученых сомнения. Не сомневались только в двух фактах: в наличии могилы и существовании креста. В 1607 году антиквар У. Кэдмен опубликовал графическое изображение этого креста, и это был единственный ключ к расшифровке надписи, так как после XVII века крест исчез. Изучив форму букв и характер надписи, ученые установили, что крест определенно относится к «темной эпохе».

Найденные останки монахи перенесли в монастырскую церковь и погребли в могиле в центре ее. В 1278 году аббатство Гластонбэри посетили король Эдуард I и королева Элеонора, чтобы встретить здесь Пасху. Могилы были вновь вскрыты, и на другой день после Великого четверга король и королева обернули останки в тонкие саваны, окропив их слезами: открытыми оставили только головы и колени, «дабы люди могли им поклониться». Из сообщений некоего Адама из Домэрхэма, очевидца происходившего, можно узнать:

> Король Эдуард… со своей супругой, леди Элеанор, прибыл в Гластонбэри… и приказал открыть могилу знаменитого короля Артура. В ней были два гроба, украшенные портретами и гербами, и обнаружены кости короля, крупного размера, и кости королевы Гинервы, которые были прекрасны.

Однако упоминавшийся выше писатель Р.У. Даннинг считает, что этот церемониал заранее был подготовлен ловким аббатом Джоном из Тонтона, чтобы добиться для аббатства привилегий.

В годы правления Оливера Кромвеля аббатство в 1539 году ликвидировали, могилу уничтожили, а кости короля Артура и королевы Гвиневеры развеяли по ветру. Археологи, в 1931 году изучавшие место предполагаемой могилы короля Артура, нашли прочную, но пустую гробницу. Сейчас здесь осталась только табличка для туристов: «Место могилы короля Артура».



Одна из башен крепости

К югу от Гластонбэрийского холма виден на горизонте другой холм – **Кэдбэри**, который над небольшой деревушкой возвышается своей вершиной, поросшей лесом. Лес этот скрывает крепостные валы огромной цитадели, внимание к которой у археологов пробудила некая миссис Харфильд, любившая гулять по холму со своей собачкой. Однажды, ковыряя землю зонтиком, она заметила мелкие обломки глиняной посуды. Ученые определили, что осколки эти относятся еще к доримской эпохе истории Англии, но два-три из них определенно – к «темной эпохе» короля Артура. А в конце 1960х годов археологи открыли остатки зданий, которые могли существовать только в эпоху короля Артура. В центральной части холма, например, явно заметны следы большого здания, построенного в форме креста, что было характерно для европейских церквей V–VI веков.

На плоской вершине холма Кэдбэри нет никаких руин, здесь никогда не стояли средневековые замки. Так может ли этот холм, в прошлом хорошо укрепленный, быть центром мира короля Артура? Название двух близлежащих деревень – Южный и Королевский Камел, как и название реки Кам, протекающей в тех местах, как будто наталкивают на мысль о замке **Камелот**. Ведь и по легендам он был окружен равниной с лесом и протекающей неподалеку рекой, но конкретное месторасположение замка никогда не указывалось. Сначала считалось, что замок располагался где-то на юге Англии, но такое мнение существовало до тех пор, пока не появилась версия, что замком Круглого Стола является Винчестер. И только местные жители без всяких версий, но уверенно заявляют, что именно здесь находился Камелот со знаменитым Круглым Столом. Они так и называют этот холм «Замком короля Артура» и дружно утверждают, что в ночь на Святого Джона можно услышать топот копыт боевых коней короля Артура и его рыцарей, спускающихся к ручью…

Замок Святого Ангела в Риме

В 136 году римский император Адриан в подражание мавзолею Августа, и даже желая затмить его, решил воздвигнуть себе и своим преемникам на императорском троне гробницу, великолепие которой должно было превзойти все здания Рима. Возвратившись из путешествия по всей Римской империи, император и занялся исполнением своего плана. Начатое строительство было закончено уже его наследником – Антонином Благочестивым (или Кротким), который в 138 году в достроенный мавзолей, согласно завещанию императора Адриана, перенес его прах.

Первоначально усыпальница была возведена из травертина, кирпича и пеперина (вулканического туфа) и покрыта белым паросским мрамором. Мавзолей императора Адриана представлял собой круглую башню (диаметром более 60 метров) и опирался на огромный квадратный цоколь, каждая сторона которого равнялась 80 метрам, а высота их была не менее 15 метров. Башня заканчивалась конической крышей, покрытой слоем земли и засаженной кипарисами по образцу этрусских могил-курганов. По свидетельству Иоанна Антиохийского, в центре крыши возвышалась огромная мраморная статуя императора Адриана, стоящего в колеснице Гелиоса, запряженной четырьмя конями. Эти кони были столь огромны, что сквозь отверстие их глаз мог свободно пролезть взрослый человек. До наших дней от статуи сохранилась лишь голова императора, которая хранится в Ватиканском музее – в отделении «Пио Клементино».

Квадратное основание мавзолея было обнесено бронзовой решеткой со столбами, украшенными бронзовыми позолоченными павлинами[8]. Снаружи его украшали пилястры с роскошными капителями, на которых стояли мраморные статуи, привезенные из разных концов Римской империи. В их числе был и знаменитый «Фавн», найденный при археологических раскопках, проводимых при папе Урбане VIII.

Через узкие ворота и темный коридор со сводами открывался вход в четырехугольную погребальную камеру, тоже построенную со сводами, в которой находился порфировый гроб императора. Освещалась она косыми отверстиями, сделанными в стенах, в нишах которых некогда стояли урны с прахом императоров Антонина Благочестивого, Марка Аврелия, Коммода и Септимия Севера. Септимий Север был последним императором, которого похоронили внутри мавзолея, после чего в течение двух столетий усыпальница оставалась запертой.

Мавзолей Адриана сохранял свой первоначальный вид и украшения до 400 года, когда император Гонорий составил новый план укрепления стен Рима, по которому усыпальница императоров включалась в фортификационную систему. В 410 году Рим подвергся нападению армии вестготского короля Алариха I, и в превращенном в укрепление мавзолее римляне разрушали украшения, разбивали статуи и их обломки бросали в осаждающего врага. Захватив город, король вестготов отдал его своим воинам на три дня. Столица Римской империи была разграблена, и из мавзолея императора Адриана унесли все, что в нем было ценного.

В Средние века, в период междоусобных войн, мавзолей Адриана стал крепостью, которая часто переходила из рук в руки. Здесь находили убежище бароны, спасаясь от гнева римских пап, а нередко и сами понтифики искали в крепости спасение от неприятелей и народного гнева. Они бежали из Ватикана по идущей прямо к мавзолею высокой галерее, которая была возведена при папе Николае III. Галерея была такой широкой, что по ней могла свободно проходить запряженная повозка.

В 1379 году во время внутренних раздоров в мавзолее Адриана засел со своим ополчением Роберт Женевский, который защищал его от народного гнева. После долгого и упорного сопротивления римский народ, захватив эту крепость, решил срыть ее до основания и даже отчасти исполнил свое варварское намерение. Многие плиты и квадратные камни с мавзолея были сорваны, а потом использованы на мощение улиц и другие нужды.

Впоследствии римские папы постепенно восстановили крепость, а в XVI веке «Адрианова башня», как называли усыпальницу императоров, получила свое нынешнее название – «Замок Святого Ангела», и произошло это по следующему поводу.

> В конце VI века в Риме свирепствовала моровая язва, и жители города в страхе и трепете молились о спасении. Римским папой был тогда Григорий Великий, который, подняв икону Божьей Матери, крестным ходом стал обходить город. Когда процессия переходила через Элиев мост, направляясь к Ватикану, над башней Адриана послышались голоса певших ангелов: «Аллилуйя! Воскресе якоже рече, аллилуйя!». Проникнутый благоговением народ пал ниц, а верховный понтифик обратился с мольбой

к иконе Божьей Матери: «Моли Бога о нас, аллилуйя!». И удостоился видеть благословенное явление Ангела Божьего, парящего в воздухе над гробницей императора Адриана и вкладывающего карающий меч свой в ножны. Язва тотчас прекратилась…

Папы Николай V и Александр VI особенно способствовали тому, чтобы мавзолей Адриана принял совершенно новый вид. В конце XV века папа Александр VI Борджиа укрепил обветшавшее сооружение, возвел вокруг него четыре бастиона, названные именами четырех евангелистов; сделал парадный двор, где декоративной горкой были сложены уже ненужные мраморные ядра. Правда, по преданию, одно из них было использовано и в XVII веке, когда шведская королева Христина стреляла с крыши замка в сторону холма Пинчо.

Римские папы постоянно занимались перестройками в замке, превращая его в укрепленное место. Для большей безопасности верховных понтификов из Ватиканского дворца в замок провели тайный подземный ход длиной около одного километра; в случае опасности папы могли перейти прямо из своего дворца и укрыться в этой крепости. Кроме того, в замке были устроены папские покои, комната для хранения казны и сокровищ, дворики и помещения для хранения продовольствия на случай длительной осады.

Со временем некоторые помещения замка превратились в тюремные камеры, в которых в разное время томились архитектор Аристотель Фиораванти, Галилео Галилей, Бенвенуто Челлини, граф Калиостро, семейство Ченчи и др. Иногда осужденных казнили прямо на верхней террасе замка, и тогда над Римом раздавался печальный звон колокола, и поныне находящегося здесь.

Венгерский замок Вайдахунед

В XVI веке при римском папе Павле III на вершине замка была поставлена мраморная статуя архангела Михаила (работа Р. Монтелупо); в XVII веке по повелению папы Венедикта XIV ее заменили бронзовой, которая возвышается там и поныне. Ее выполнил скульптор Ф. Жирардин по рисунку фламандского живописца П. Феншенфельда. Бронзовые входные двери, которые вели в гробницу, в 1825 году сняли, так как был открыт коридор, который ведет от входа в большую нишу. Возле нее начинается спиральный вход, огибающий все здание внутри пандусом и достигающий самой вершины замка.

Церковь в замке Святого Ангела небольшая, всего с одним престолом. В стене, с левой стороны алтаря, в рамке за стеклом висит индульгенция римского папы Григория XVI. Она

была в 1838 году дана на всю жизнь солдатам, жившим в верхней части замка и охранявшим ее…

В настоящее время в замке Святого Ангела устроен Военно-исторический музей, в котором отражены различные моменты римской средневековой истории и представлена богатая коллекция произведений искусства. Так, например, сохранился зал папы Павла III с картиной Перина де Вага – ученика великого Рафаэля, который расписал и несколько других залов сценами из римской истории.

В крепости Сан-Марино

Окруженная со всех сторон итальянской территорией, маленькая Республика Сан-Марино сохраняет свою независимость уже более 1000 лет. На ее гербе, известном с XV века, изображен горный массив Монте-Титано с тремя вершинами, на каждой из которых расположены замки – Гуати, Сеста и Монтале. Их донжоны увенчаны большими металлическими флюгерами, а сами замки символически представлены башнями с геральдическими плюмажами из страусовых перьев.

История этой самостоятельной и независимой страны насчитывает почти семнадцать веков, и до сих пор ее государственное устройство регулируется установлениями 1600 года: страной правит парламент, а высшую исполнительную власть осуществляют два капитана-регента. Временем основания республики считается 301 год, и с тех давних пор многие исторические факты и события обросли легендами и преданиями. Официальная история гласит, что

> в конце III века жил на Арбе, одном из далматинских островов, каменотес Марино, который был известен своими смелыми выступлениями против местных феодалов. Спасаясь от преследователей, он вместе со своими спутниками-христианами переправился через Адриатику и укрылся в Римини, однако и на берегу солнечной Италии враги не давали им покоя. Тогда каменщик ушел в горы и у неприступной вершины Монте-Титано, в одной из горных пещер, построил себе жилище.
>
> Слух об отшельнической жизни Марино распространился по всей округе, и вскоре к нему присоединилось еще несколько человек, из которых впоследствии образовалась целая община. В нее охотно принимали всех людей, в том числе и скрывавшихся от преследований феодалов, а также гонимых христиан. После смерти основателя общины, который был причислен к лику святых, местность эта стала называться в его честь Сан-Марино. Впоследствии далматинцы построили небольшую крепость, которая стала первым зданием будущего государства…

В общине, созданной каменотесом Марино, все внутренние дела решались на общем собрании, где право голоса имели и мужчины, и женщины. Это было на закате Римской империи, когда на Апеннинский полуостров обрушились нашествия франков и германцев. Скрывшись на вершине скалы, последователи Сан-Марино избежали той участи, которая постигла жителей других итальянских городов. Впоследствии, в бесконечных войнах между окружающими их феодальными сеньорами, саммаринези (так сами себя называют жители республики) старательно держались нейтралитета. А при попытках покорить их силой могли дать достойный отпор.

Впервые о Сан-Марино упоминается в документе X века, в котором перечислялись самостоятельные государства Апеннинского полуострова. В настоящее время на картах Европы «Светлейшая Республика Сан-Марино» (таково ее официальное название) отмечена точкой, со всех сторон окруженной территорией Италии, а в прежние времена ее иногда даже забывали наносить на общегеографические карты мира.

То, что в течение нескольких столетий республика могла сохранять свою самостоятельность, связано с несколькими причинами. Первоначально, и довольно длительное время, государство было столь бедным и незначительным, что соседи даже не соблазнялись завоевывать его. Кроме того, пока в столицу не были проложены удобные дороги, чужеземные войска практически были не в состоянии добраться до ее укрепленных стен и захватить страну. Но уже в Средние века многие захотели прибрать Сан-Марино к своим алчным рукам, и ей приходилось быть постоянно настороже. Бесконечные войны, нашествия и захваты принесли немало бедствий гордой республике, но особенно много горя сан-маринцам доставили Малатесы – владельцы Римини. Неоднократно пытались они подчинить себе маленькое государство, но при нападении врага весь народ – от мала до

велика – поднимался на защиту родины, а крепость на высоком крутом утесе была действительно неприступной. В Сан-Марино до сих пор рассказывают предание об одном каменщике, который пожертвовал жизнью, сражаясь за независимость родины. Захваченный в плен наемниками Пандольфо Малатесы, он был подвергнут страшным пыткам, но не открыл врагам тайный вход в крепость.

Правда, впоследствии республика три раза подвергалась оккупации, но всегда на очень короткое время. Первый раз это произошло в 1503 году, когда сан-маринцы на несколько месяцев оказались под властью Цезаря Борджиа. Как одна из наиболее старинных христианских общин, Сан-Марино пользовалось особым покровительством римского папы, однако в 1739 году на территорию страны вторглись войска кардинала Альберони. Но и им через четыре месяца пришлось с позором удалиться. И в 1740 году римский папа Климент XII вынужден был признать независимость страны: это ему приписывают знаменитую фразу: «Эта республика застряла, словно кость в горле».

Оставил свой след в истории Сан-Марино и Наполеон Бонапарт. Потопивший в крови революционные свободы у себя на родине и державший в руках всю Европу, он побывал в древней республике и оставил такую надпись: «Преклоняюсь перед республиканским строем Сан-Марино». Эти слова, собственноручно написанные Наполеоном, вам с гордостью покажет любой сан-маринец, едва вы переступите порог национального музея. Проходя со своими войсками по Италии на рубеже XVIII–XIX веков, Наполеон предложил даровать сан-маринцам оружие, хлеб и земли. Однако те поблагодарили за зерно, согласились принять оружие, но от чужих земель отказались наотрез.

С 1463 года Республика Сан-Марино не вела объявленных военных действий против кого-либо: исключение составляют 15 сан-маринских солдат, которые в Первую мировую войну воевали на стороне Италии. В сентябре 1944 года немецко-фашистским войскам удалось ненадолго оккупировать страну, однако войти в ее столицу они не решились. И саммаринези, не защищенные ничем, кроме своего нейтралитета, укрывали у себя десятки тысяч голодных и обездоленных беженцев, которые бежали сюда со всей Европы.

Республика Сан-Марино не прославилась великими поэтами, художниками или музыкантами. Но высокая гора Монте-Титано, по которой петляет асфальтированное шоссе, не просто одна из тех, что составляют отроги Апеннинского хребта. На ее вершине разместилось целое государство со столицей, окруженной крепостными стенами. Город Сан-Марино – столица государства Сан-Марино – расположен на четырех террасах горного склона, почти у самой его вершины. Ему трудно расти, потому что расти некуда: стена завершается крепостью, которая была возведена в 1525 году. За древними крепостными укреплениями – лабиринт узеньких извилистых улочек с многочисленными лестничными подъемами и спусками.

Зубчатую крепостную стену, которая опоясывает самую макушку Монте-Титано, венчают башни, расположенные на севере горы и видимые на десятки километров днем и ночью. С самой высокой из них открывается великолепная панорама: на юг, запад и на север раскинулись ленты крепостных стен, между ними – красные черепичные крыши, затем отроги гор, поля, виноградники, сады… Восточный склон Монте-Титано – это совершенно отвесный обрыв в несколько сотен метров, поэтому он составляет естественное неприступное укрепление. В 25 километрах синеет Адриатическое море, и в ясную погоду можно увидеть противоположный берег – югославский.

Никто не защищает границ этой маленькой горной страны, въезд и выезд из нее можно совершить беспрепятственно. Дворцовая стража и несколько десятков полицейских заменяют здесь армию. Бюджетная статья «военные расходы» в государстве отсутствует, а военный арсенал Сан-Марино исчерпывается музейной коллекцией старинного оружия. Даже пост на границе установлен главным образом для туристов – любителей фотографироваться. Костюм гвардейцев состоит из зеленого мундира с аксельбантами, красных панталон, на ботинках – белые краги, а высокие черные фуражки увенчаны пышным бело-красным плюмажем. Но в зимний сезон у въезда в Сан-Марино не встретишь ни одного гвардейца.

Через крепостные ворота попадаешь на маленькую площадь, куда сходятся несколько узеньких улочек. На фоне серых домов, одного цвета с крепостными стенами, еще больше бросается в глаза буйство красок в витринах магазинов и бесчисленных лавчонок. На площади поставлен памятник Джузеппе Гарибальди: надпись на нем гласит, что это самый первый из всех памятников, сооруженных итальянскому патриоту. Именно в Сан-Марино летом 1849 года, после падения Итальянской республики, гарибальдийцы укрылись от

преследований. В местном музее хранятся документы с собственной подписью Д. Гарибальди, его личные вещи и знамя гарибальдийцев.

В центре города, на площади Свободы, находится Дворец правительства. На башенке, венчающей средневековое здание с тремя входными порталами, установлен колокол. В былые времена он возвещал о приближении неприятеля и призывал к защите страны.

Главы государства – два капитана-регента – избираются из числа депутатов парламента сроком на шесть месяцев. Их имена становятся известны 1 октября и 1 апреля. Верховные правители Республики Сан-Марино облачаются в традиционный наряд: он состоит из шелкового костюма с кружевным жабо, короткой черной бархатной накидки и маленькой золотой шпаги. Головной убор капитанов-регентов сделан из черного бархата, отороченного белым мехом. На церемонию передачи власти приезжает множество туристов, и в эти дни улицы Сан-Марино заполнены до отказа. На торжественный парад выходят обычно все «вооруженные силы» Сан-Марино: 12 гвардейцев и милиция, в которую призываются граждане республики в возрасте от 16 до 50 лет.

Третьего сентября сан-маринцы чтут память основателя своей республики. В этот день тишину миниатюрной площади у правительственного дворца взрывает марш военного оркестра. Под бой барабанов идут арбалетчики, которые в старом амфитеатре будут демонстрировать свое искусство; пройдут соревнования между «крепостями», как с давних пор именуются городки республики. Для состязаний в стрельбе из арбалетов извлекаются тяжелые крепостные орудия, все остальное время хранящиеся в башне Ла Фотта – самой высокой из трех. Все в этом празднике соответствует веками освященным традициям – и наряд капитанов-регентов, и средневековое вооружение дворцовой гвардии. Так живет самая древняя на земном шаре Республика Сан-Марино, один из главных принципов внешнего общения которой – не стремиться к расширению своей территории за счет чужих земель…

На берегах голубого Дуная

Дунай, воспетый Иоганном Штраусом, представляется нам голубой полноводной рекой, спокойно несущей свои воды среди отрогов Венского Леса. Тесно обступают Дунай горы, на тихих и пустынных берегах его царит тишина, как, например, в ущелье Казане, где слышен лишь шум реки. Но далеко не на всем своем протяжении она спокойная и голубая. Иногда сжатый кручами скалистых гор Дунай сердито бросает волны навстречу судам, которые с трудом преодолевают их напор.

Дунай на судне не принято называть рекой: Дунай – это Дунай, и люди, занятые на дунайском транспорте, – не речники, а моряки. Плавание по нему заграничное, как на море, и глубины здесь не по речному большие: они позволяют и морским кораблям подниматься по Дунаю высоко вверх. А о трудностях плавания и говорить не приходится, ведь иногда Дунай просыпается таким хмурым и озабоченным, что даже солнечные лучи его не радуют.

На мраморе римских алтарей бог Дунай изображался гневным и насупленным старцем в длинных одеждах, развевающихся на резком ветру. Нетрудно представить, как истово возносили молитву такому богу! Но не раз люди пытались и поспорить с ним: тысячи рабов по повелению Цезаря высекали углубления в русле, в заводях и там, где помельче, чтобы построить удобные для судов каналы.

Волны Дуная знают немало языков: они слышат речи венгров и чехов, болгар и румын, народов Югославии и многие другие. Донау и Дуна, Дунав и Дунэря – каждый народ по-своему называет эту вторую по величине реку Европы. Тому, кто умеет слушать его волны, Дунай расскажет о многом.

Река-граница не сулила спокойствия, и на берегах ее мало кто надолго строил прочный домашний очаг. Зато испокон веков вырастали здесь крепости и воинские лагеря, сначала римские, потом турецкие и австрийские. Затем и они сметались историей, оставив на необъятных просторах горных берегов зубчатые стены и башни, воздвигнутые людьми.

В 513 году до нашей эры персидский царь Дарий I Гистап предпринял поход против жителей Придунайского края, но, потеряв множество своих солдат, позорно бежал. Недалеко от современного села Новосельское, расположенного за озером Ялцух, стоит курган, на котором по преданию находилась ставка царя Дария. Здесь он принимал послов от скифского вождя Иданфирса, вручивших ему ультиматум с требованием покинуть придунайские степи.

В 334 году до нашей эры попытку Дария повторил знаменитый полководец древности Александр Македонский. Он переправился на левый берег Дуная, разорил прибрежные поселения, но закрепиться здесь не смог и ушел со своим войском на Балканы. А в Килие, в память о своем пребывании, поставил памятник богу Зевсу.

В I веке римский император Тиберий построил на правом берегу Дуная дорогу через Катарактскую теснину, но важное стратегическое значение она получила позже, когда император Траян продолжил ее дальше. У входа в Казаны, на отвесной скалистой стене, находится хорошо сохранившаяся памятная доска императора Траяна (103 г.).

Одним из многочисленных укрепленных пунктов римлян на правом берегу Дуная была крепость **Ятрус**, письменные источники о которой скудны и весьма отрывочны. Самое раннее упоминание о ней встречается во второй половине II века и первой половине III века, когда крепость находилась под командованием дукса провинции Вторая Мезия и в ней размещался гарнизон конников-щитоносцев. Последующие события неизвестны историкам, но в VI веке император Юстиниан «возобновил новой стройкой пострадавшие части так называемых укреплений Ятрус и Тигас». В VIII веке Ятрус в письменных источниках не упоминался, так как уже был разрушен аварами и, вероятно, славянами.

Впоследствии «Городище» у села Кривина (так местные жители называют развалины Ятруса) служило карьером, откуда брали камень для сельских построек и даже для возведения пристани в городе Свиштов на Дунае. Более всего при этом пострадали крепостные стены, сложенные из хорошо обтесанных квадров. Ни в юго-западной, ни в юго-восточной стене ворот не было, но при раскопках из юго-западной стены был вынут надгробный памятник с рельефными изображениями членов семьи (отец, мать, сын и дочь) и с латинской надписью. Из развалин Ятруса происходит также мраморная голова мужчины…

Наиболее опасным для судоходства является на Дунае вход в Катаракты – участок в три километра длиной, так называемые «Железные ворота». Это название связано с временем, когда турки решили закрыть доступ к Катарактам и перегородили русло руки в этом месте железными цепями. Здесь, около Трансильванских Альп, равнина неожиданно кончается, и Дунай вынужден пробивать себе дорогу через южные отроги гор, образуя свое самое великолепное ущелье. Берега его вдруг поднимаются на 100метровую высоту, а посреди реки торчит над бурунами каменный зуб, похожий на остаток расколовшейся башни. На самом деле это природная скала Бабакай, напоминающая судам, что надо быть начеку…

На отвесных скалах, на противоположных берегах Дуная, виднеются развалины двух крепостей, которые когда-то закрывали вход в долину. Крепость **Голубац** построил сербский князь Бранкович, **Ласловар** – король Зигмунд, но со временем здесь обосновались захватившие их турки. Голубац, что по-русски значит «голубятня», – одна из самых красивых и наиболее хорошо сохранившихся крепостей средневековой Сербии. Она известна еще и тем, что в ее пещерах обитали ядовитые мухи, очень опасные для животных. Старинная легенда рассказывает, что

> в одной из крепостей жила молодая, красивая турчанка, которая покинула своего господина и перешла к владельцу крепости на противоположном берегу реки. Такого обмана и обиды со стороны гаремной наложницы разъяренный ага вынести не мог и успокоился только тогда, когда изменница вновь оказалась в его руках. Он приковал ее к скале Бабакай, чтобы она, умирая с голода, покаялась («бабакай» в переводе с турецкого «каяться»). Но прекрасная турчанка была освобождена, а ревнивый ага впоследствии погиб в одном из боев с христианами.

Прямо из воды дунайской рождается остров **Ада-Кале**, как будто бы созданный театральным художником. Тут и мечеть возвышается над киноварью черепицы и над яблоневой чащей; и переулок, неизвестно куда убегающий от замшелого лодочного причала; и ветхие, поросшие ивняком стены старинной крепости. Из нее ведут 7 подземных ходов (один под Дунаем), сохранились и остатки старинных казематов, в которых сейчас играют дети, поэтому крепость – совсем не грозная, а более похожая на доброго дедушку, который только притворяется сердитым.

Остров Ада-Кале вовсе не сказочный, здесь и поныне живут турки – мирные потомки прежних завоевателей: живут, работают на табачной фабрике, ловят рыбу и мастерски готовят рахат-лукум. В переводе с турецкого Ада-Кале означает «остров-крепость». Легенда рассказывает, что

> первое поселение основал здесь бродячий дервиш Мишкин-баба. Был он беден, ходил в рваной одежде и опорках, а богат был одной только добротой и лаской к людям. Да так богат, что солнце светилось в его глазах! По всему свету искал Мишкин-баба место, укрытое от злобы,

притеснений и жадности, и в конце концов выбрал остров меж пустынных дунайских берегов.

До 1912 года остров Ада-Кале принадлежал Турции, а сейчас – Румынии, а вот чья тут вода – определить трудно, так как здесь проходит граница Румынии и Югославии. На румынской стороне прячутся за отрогами гор крыши города Оршова, в окрестностях которого жил Геркулес, омывавшийся после своих подвигов в священных водах Дуная. На венгерском берегу стоит небольшой и тихий городок Мохач, земля которого в европейской истории три раза становилась ареной кровопролитных боев: дважды с турецкими янычарами, а потом с гитлеровскими захватчиками в XX веке.

Пологим островом Сентэндре широкий Дунай разделился на два рукава, и трудно было найти место более удобное для переправы. Потому и скрещивались тут пути разных народов, потому и появилось тут торговое поселение. На южной окраине Сентэндре сохранились развалины древней **Кастры Констанции** – пограничной крепости римлян, которая долгое время ощетинивалась стрелами. В V веке крепость была разрушена гуннами, да и потом излучина Дуная переходила из рук в руки – кельты, римляне, гунны, германцы, авары, славяне, венгры…

В 1009 году, еще до появления Буды и Пешта, венгерский король Стефан I пожаловал селу название Сентэндре, не менявшееся с тех пор. В 1146 году королевским указом село было возведено в ранг города, через 100 лет у Дуная осадили своих коней монголы, и на месте Сентэндре осталось пепелище. Потом город отстроили, и он ничем не отличался от других венгерских городов, а в XIV веке сюда пришли первые сербские беженцы…

Протяженность Дуная в пределах Австрии – 350 километров. Сами австрийцы говорят: «Дунай течет не только через нашу территорию, но и через нашу историю». До сих пор стоят по обоим берегам реки замки и крепости: Кройценштайн – бывшая римская крепость «Кастеллум Пергум»; замок Перзенбойг, который упоминается еще в «Песне о Нибелунгах»; замки Шпильберг, Тиллисбург и многие другие.

Волны истории смели многих завоевателей, разрушили многие их замки и крепости. Все прошло, остался лишь Дунай – шумливый и грохочущий, журчащий и ревущий. Дунай, который издавна привлекал к себе своей красотой и дикостью, величием и коварством, холодом своих глубин и теплыми водами отмелей…

Феодальные замки Англии

Лето в Англии – сезон осмотра исторических памятников. Поэтому владельцы рыцарских замков каждый по-своему рекламируют старину: реставрируют старые пятна крови на стенах многочисленных склепов, катают гостей по дворцовым прудам, где среди водорослей видны «останки» утонувших предков. А в середине XIX века маркиз Гертфорд осветил свой родовой замок 5000 свечей и установил распылители, которые рассеивали аромат, бывший в моде несколько веков назад. В замке герцога Рутланда любознательным туристам показывали покрытые плесенью стены, старинную паутину и пыль. При этом оговаривалось, что первозданность обстановки сохранена для того, «чтобы не потревожить привидения».

Замки стали строить в Англии с XI века. В 1066 году умер, не оставив наследников, король Эдуард Исповедник. Английская знать тотчас провозгласила королем его родственника – могущественного эрла (князя) Гарольда. Однако вскоре выяснилось, что на английский престол метят еще два претендента: знаменитый викинг король Норвегии Харальд Суровый и нормандский герцог Вильгельм, которого поддерживал римский папа.

Англосаксонское войско уже несколько месяцев стояло на южном побережье острова, ожидая вторжения герцога Вильгельма, когда пришло известие о высадке на северо-востоке страны норвежского короля. Англосаксы стремительным маршем бросились на север и в тяжелой битве с трудом одолели норвежцев. Сам Харальд Суровый погиб в бою, а из 300 его кораблей домой вернулись только 24.

Не успели англосаксы отпраздновать победу, как гонец принес весть о том, что Вильгельм Нормандский высадился на юге. И снова англосаксонскому войску пришлось спешить через всю страну – теперь уже с севера на юг. Решающая битва между англосаксами и нормандцами произошла 14 октября 1066 года при Гастингсе. Армия эрла Гарольда расположилась на холме примерно в 12 километрах от Гастингса. Он не хотел сражаться на равнине, так как у него было мало конных воинов, а пехотинцы его даже не все имели кольчуги и были не так хорошо вооружены, как нормандцы. Многие сражались только копьем и боевым топором.

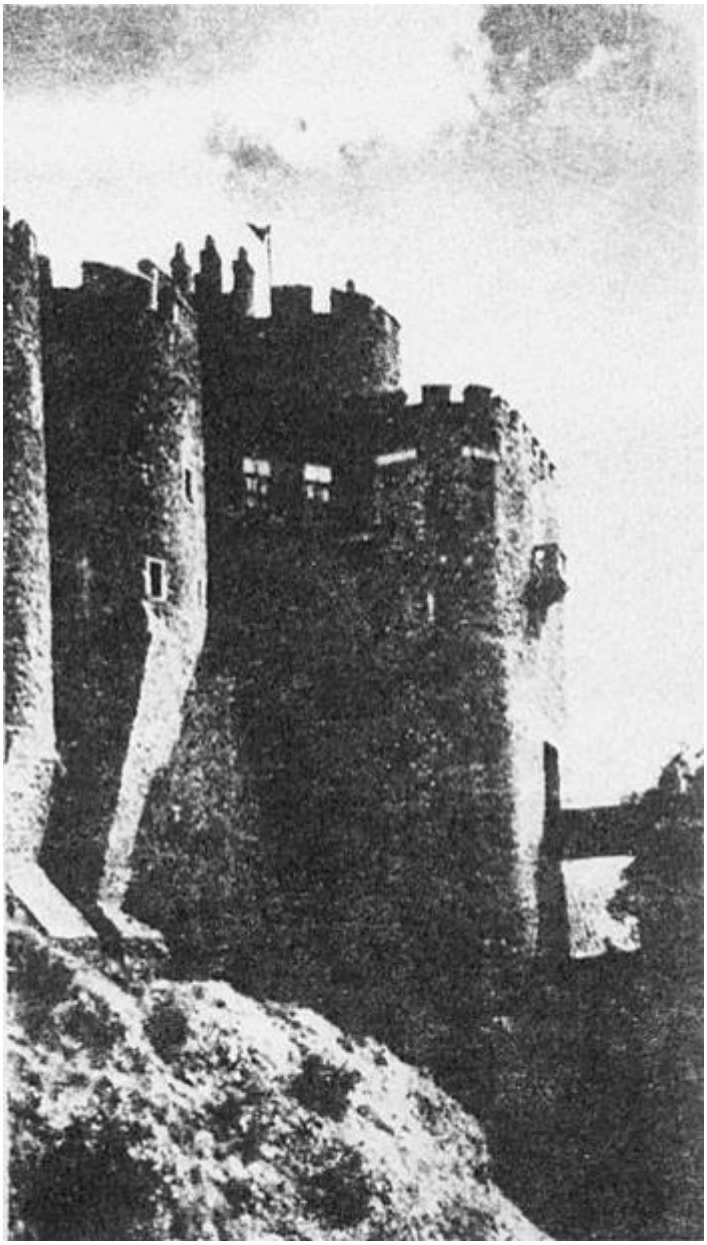
Англосаксы стояли плотным строем, выставив перед собой сомкнутые щиты. Несколько раз нормандцы бросались в атаку, пытаясь пробить эту стену, но безуспешно. Тогда герцог Вильгельм приказал своим воинам отступить якобы в страхе перед стойкими англосаксами. Эрл Гарольд не разгадал этой хитрости и начал преследовать врага. Его войско сошло с холма и расстроило свои ряды. Тут нормандцы прекратили «бегство» и снова перешли в атаку. Битва продолжалась до позднего вечера, войско эрла Гарольда было разбито, а сам он пал в бою[9].

Лондон открыл городские ворота нормандцам, и англосаксонская знать провозгласила королем Вильгельма I, которого прозвали Завоевателем. Почти половину английских земель он роздал своим нормандским баронам, но ему еще много лет приходилось подавлять выступления англосаксов, и потому он повелел строить крепкие каменные замки, откуда можно было бы держать в повиновении всю округу.

Другие короли Англии тоже занимались возведением укрепленных замков. На XII век приходится основной период строительства замка **Рочестер**. При его возведении было предусмотрено несколько линий обороны и куртины с внешней стороны от центрального донжона, завершенного в 1139 году. Башни в плане имеют форму квадрата, а сам донжон разделен стеной на две самостоятельные части, несколько напоминая водонепроницаемые переборки на корабле. Вместе с тем камни, использовавшиеся в кладке, были маленьких размеров.

Когда в 1215 году замок подвергся нападению, атакующие попробовали сделать подкоп у подножия одной из угловых башен. Они подперли ее большущими деревянными балками, а внутрь затолкали сорок свиных скелетов с остатками сала, а потом подожгли их. Жар, исходивший от горящего жира, был так силен, что каменная кладка не выдержала и угол башни рухнул. Нападающие проникли внутрь донжона и вынудили защитников сдаться. Разрушенная башня впоследствии была заменена другой, круглой формы, которую было сложнее подкопать. Но с тех пор Рочестер называют еще «замком на свином сале».

В 1154 году королем Англии становится граф Анжуйский Генрих Плантагенет. К этому времени он владеет районом Луары, а также Аквитанией, но в результате новое королевство оказывается разделенным морем на две части. Чтобы защитить морской путь, связывающий Анжу с Англией, король Генрих II решает возвести в Дувре мощный замок. Там уже находились руины древнего римского маяка: огонь на одной из башен указывал им путь, когда они переправлялись через пролив Па-де-Кале. Впоследствии, возвращаясь из заморских путешествий, свет его ловили кормчие судов короля Артура; эти места укреплялись и перед отплытием Вильгельма Завоевателя.



Дувр

Возведенный замок **Дувр** включал три линии обороны. Первая стена хорошо заметна еще и сейчас, хотя в XVIII веке она была срезана, чтобы установить пушки. Дальше шла вторая стена, а в центре Дувра располагался донжон, укрепленный с боков четырьмя квадратными башнями. Основание донжона укреплено откосом, так что металлические снаряды обрушивались на самих нападающих. Внутри его стен, толщина которых равнялась 5–6 метрам, были выстроены небольшие комнаты.

Донжон замка в Дувре являлся крупнейшим из построенных в XI веке, а сам замок был для Англии своего рода форпостом. В 1246 году он устоял при нападении французов, предотвратив захват страны.

В мирной жизни самым большим событием для рыцаря было участие в воинском состязании – турнире. Воины всегда любили померяться друг с другом силами и мастерством, но церковь долго не одобряла эти «бесцельные» схватки. И все же турниры стали популярны во многих странах, и на крупные состязания собирались рыцари и зрители со всех концов государства и даже из чужих краев.

Теперь сошлись они друг с другом.
Колотят копья по кольчугам,
И древки яростно трещат,
И щепки на землю летят.
Ах, в беспощадной этой рубке

Ждать не приходится уступки…

Король Ричард Львиное Сердце издал указ, в котором назывались места, где могли проводиться турниры, и среди них почетное место занимал замок **Чилем**. Участвовать в турнирах можно было лишь имея своего рода лицензию, за которую надо было заплатить (и немало!) королю. До короля Ричарда Львиное Сердце рыцарский поединок был своего рода «Божьим судом», который устанавливал истину о виновности и невиновности. Если на поединке сражались люди знатные, победитель получал имущество поверженного противника как законную награду…

> Через 800 лет Макс Даймонд основал «Британскую федерацию рыцарских состязаний» и возродил рыцарские турниры в славном замке Чилем, который находится к западу от известного города Кентербери. Современные рыцари тренируются целый год, чтобы в первый майский понедельник[10] выехать на турнир в парк замка Чилем. Зрителям показывают все, чему научились за год: «тайтл» (когда всадники мчатся навстречу друг другу с копьем наперевес), «сарацин» (испытание, при котором на землю бросают шар, и рыцари на скаку должны нанизать его на свое копье) и т. д.
>
> Когда на арене появляются рыцари в металлических поножах, шлемах, кольчугах и в плащах, на которых вышиты их гербы, кажется, что на широких полях замка Чилем и на его древних камнях оживают старинные легенды. Полощутся на ветру знамена, сверкают копья и щиты, хотя быть современным рыцарем – дело довольно дорогое: всего одна неделя обучения может разорить и состоятельного человека, а ведь еще нужно приобрести коня, объездить его, раздобыть рыцарскую экипировку… Но в «Британской федерации рыцарских состязаний» уже сегодня насчитывается 40 рыцарей, и еще больше людей ждут своего часа.
>
> В далекие времена Средневековья рыцари сражались в 20килограммовых доспехах, с мечом весом в 8 килограммов и запасным мечом весом в 12 килограммов. Современные рыцари участвуют в турнирах с тем же грузом…

В конце XIII века король Эдуард I, желая усмирить западные границы королевства и укрепить там свою власть, распорядился выстроить комплекс мощных крепостей. Руководителем работ был поставлен Жак де Сен-Жорж из Савойи, который решил использовать при возведении задуманных крепостей весь опыт христиан и мусульман, накопленный за несколько столетий.

Замок **Бомарис** был возведен по концентрическому проекту, однако характерно, что в нем отсутствует привычный для того времени донжон. Однако замок обладал естественной защитой – рекой, что делало его с этой стороны неприступным. Наверху стен архитектор устроил широкий проход без ступеней, чтобы защитники могли без помех добраться до любого места. Укрепленные феодальные замки Англии были настолько хорошо спроектированы, что почти никогда не подвергались серьезным осадам, так как было известно, что их невозможно взять приступом.

В проливе Ла-Манш лежат шесть Нормандских островов, которые составляют часть территории Англии. На берегу одного из них, острова Гернси, высится замок **Корнет**, издали похожий на беспорядочное нагромождение гранита. Это сооружение XIII века выглядит театральной декорацией к исторической драме, и такая драма действительно имела место. Во время гражданской войны в Англии, когда остров объявил себя сторонником парламента, роялисты долго еще отсиживались за крепкими стенами замка. В результате остров Гренси оказался последним оплотом королевской власти на Британских островах, впоследствии павшим под натиском сил парламента.

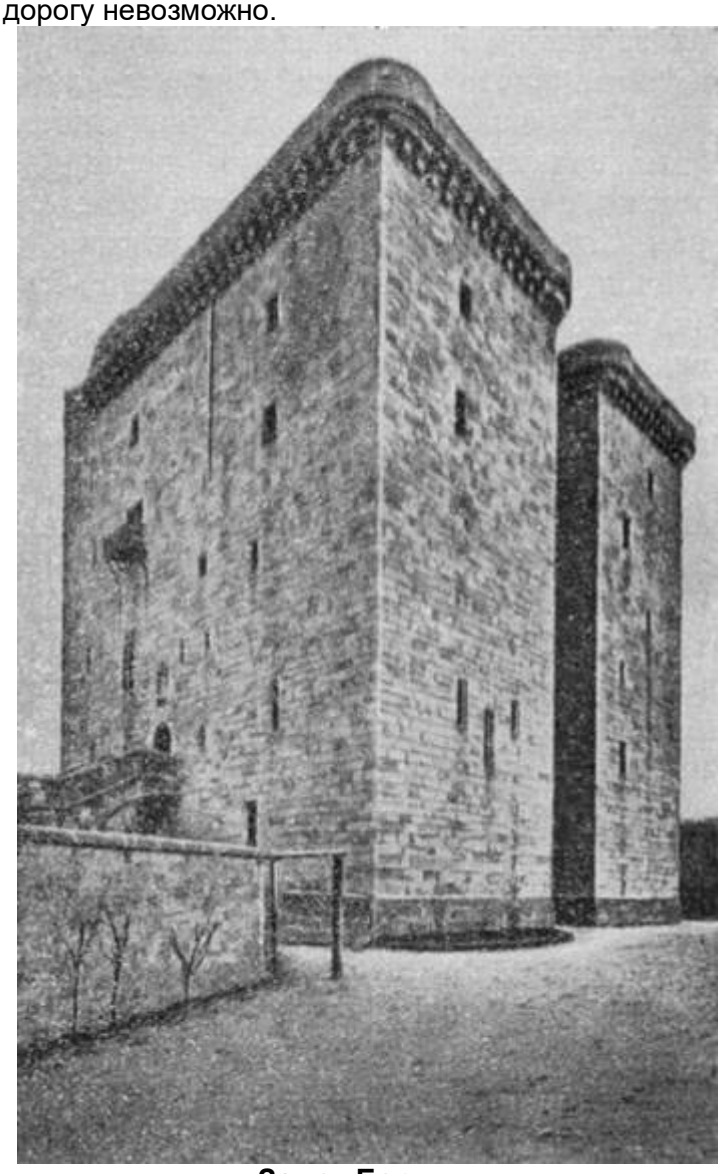
В XVIII веке замок Корнет стал базой английских каперов, выходивших отсюда в море за добычей. Трудились пираты с законными лицензиями на свой промысел прилежно, и к 1800 году они захватили добычу на 2 000 000 фунтов стерлингов.

А на острове Олдерни более всего военных сооружений. В течение всего XIX века этот «Гибралтар в Ла-Манше» грозно ощетинивался в сторону Франции, но стреляли отсюда редко. А впоследствии многие фортификационные сооружения были переоборудованы в квартиры…

Замки Шотландии

Шотландия по праву считается страной средневековых замков. И привидения, часто посещающие их развалины, в значительной степени способствовали тому, что они стали знамениты. Этот край знает немного гигантских крепостей, зато он усеян многочисленными укрепленными строениями вроде «домов-башен». В силу соображений финансового, семейного или стратегического характера шотландские сеньоры предпочитали вверять свою безопасность именно сооружениям подобного рода.

К их числу относится замок **Бортвик**, выстроенный в 1440 году сэром Вильямом Бортвиком. Архитектор хотел придать замку угрюмый, холодный и настороженный вид, и потому стены замка, имеющие мало окон, практически глухие. К тому же их углы не смягчены округлостями башенок или угловых сторожевых вышек. Въездные ворота в замок прячутся между главными башнями, устроенными в основании 20метровой гладкой стены – суровой и неприступной. Внутри лестничные проходы теряются в сумрачном лабиринте, где постороннему найти дорогу невозможно.



Замок Бортвик

История Эдинбурга, не очень ясная и сегодня, своими корнями уходит в глубь веков и тоже начинается с замка. Искусствовед Л.Н. Воронихина в своем исследовании о шотландской столице предполагает, что еще в V веке пикты – коренное население Шотландии – выстроили на Замковой скале укрепление. И за это укрепление они два века сражались со своими соседями с юга – племенами англов и саксов, которые пришли на Британские острова с континента. В VII веке саксы надолго овладели крепостью, и вплоть до XI века Эдинбург находился в подчинении у Нортумбрии – самого могущественного из англо-саксонских королевств.

В течение многих веков маленькая и небогатая, но гордая Шотландия вела неустанную борьбу за независимость и утверждение своей самостоятельности, и многое в этой борьбе выпало на долю **Эдинбургского замка**. Первые достоверные сведения о нем восходят к XI веку – времени правления Малькольма III, сына короля Дункана, по легенде убитого Макбетом. Памятью об этом периоде в истории замка и города осталась часовня Святой Маргариты на вершине Замковой горы, названная в честь набожной жены сэра Малькольма.

Вместе с замком его бурную судьбу переживала и часовня Святой Маргариты. До наших дней дошло любовно хранимое шотландцами предание о том, что королева Маргарита умерла, когда получила известие о смерти в бою мужа и старшего сына. Претендент на освободившийся престол осадил Эдинбургский замок, и младшие сыновья королевы Маргариты вынесли тело матери, чтобы спасти его от поругания.

Как и многие другие средневековые крепости, Эдинбургский замок не раз подвергался нападениям и разрушениям, но вновь отстраивался, обретая еще большую мощь. Ныне он представляет собой комплекс разновременных построек, достаточно хорошо сохранившихся, несмотря на свое бурное прошлое.

Основные укрепления замка сооружены в XVI веке, дворец же начали строить еще в XV веке[11], а несколько зданий появились совсем недавно – в XX веке. Укрепления и жилые помещения замка выстроены по всем правилам фортификационного искусства того времени. Но привлекают они не столько своей мощью, сколько живописностью расположения.

Путь к замку лежит через плац-эспланаду, современный вид которому был придан в первой половине XIX века. Он занимает узкий перешеек между Замковой скалой и более низкой частью гряды, застроенной домами Старого города, так что эспланада образует как бы мост между замком и Старым городом. В прошлые времена это было место ежедневных военных упражнений гарнизона крепости, а в настоящее время (в дни всемирно известных эдинбургских фестивалей) здесь проводятся торжественные парады шотландских войск.

Глубокий ров отделяет замок от эспланады. Переброшенный через него мост в прежние времена был подъемным, теперь он ведет к укрепленным входным воротам – так называемому внешнему барьеру. Старинные ворота не сохранились, и сейчас на их месте находится надвратная башня (вход в замок), возведенная уже в XX веке, но по своему облику она соответствует суровому духу средневековой крепостной архитектуры. Стена башни увенчана зубчатым парапетом, под которым размещены скульптурные украшения в виде средневековых химер-водосливов. Узкие щели башенных окон напоминают бойницы, над трехстворчатым окном над аркой нависают две круглые башенки, характерные для замков шотландских баронов, и высокая черепичная крыша самой башни. Однако все эти элементы декоративные, да и кладка стен сильно отличается от старинной кладки крепостных сооружений, возвышающихся над башней.

Вход «сторожат» две торжественно застывшие статуи, установленные в нишах в 1929 году. Одна изображает Ричарда Уолласа, возглавившего в 1297 году народное восстание против англичан; другая – Роберта Брюса, короля Шотландии с 1306 по 1329 год. Р. Брюс продолжил дело Р. Уолласа и одержал несколько побед над английскими войсками, а в битвах с королем Эдуардом II шотландцам даже удалось завладеть северными графствами Англии. В 1328 году, за год до смерти короля Роберта Брюса, Шотландия была признана независимой.

Несколько нападений на Эдинбургский замок особенно запомнились шотландцам и за несколько веков стали легендой. Например, в 1296 году английский король Эдуард I захватил замок, который оставался в руках англичан целых 17 лет. Архив и ценности шотландских королей были вывезены в Лондон, но шотландцы не хотели сдаваться, и потому войско графа Морея решило отвоевать замок. Старинное предание повествует, что

> в войске графа оказался солдат, который еще до захвата замка англичанами обнаружил на неприступной скале путь, по которому он по вечерам уходил в город на свидание со своей возлюбленной. Солдат и помог графу Морею, у которого было всего 30 человек, ночью тайно подняться по скале и захватить англичан врасплох.

Шотландцы отвоевали замок, но все его сооружения, кроме часовни Святой Маргариты, оказались почти разрушенными. Через 40 лет им пришлось снова отвоевывать свой замок, и снова шотландцы уступали англичанам в силе и численности войск. Однако и на этот раз их выручила смекалка. В замок послали группу переодетых воинов якобы для продажи вина и продовольствия. «Торговцы» так расположили свои товары, что помешали закрыть ворота, это и позволило шотландским войскам ворваться в замок.

С конца XIV века, с приходом к власти династии Стюартов, замок служил и королевской резиденцией, и тюрьмой для непокорных феодалов, а позже и убежищем для самих королей во время битв и придворных распрей. Как раз к этому бурному времени и относятся замковые сооружения и стены, которые возвышаются над надвратной башней. Особенно в этом отношении выделяется Батарея-полумесяц – не очень высокая, но кажущаяся несокрушимым монолитом. Ее возвели в тот период, когда появилась крепостная артиллерия и в крепостном строительстве стали отдавать предпочтение не высоте, а толщине стен.

Одновременно с Батареей возвели и вторую надвратную башню – небольшое сооружение под высокой черепичной крышей. Если бы не почти полное отсутствие окон, издали эту башню можно принять за мирное жилище. Башня имела 4 защитных барьера: две двойные наружные двери, железную решетку, которую опускали, блокируя доступ атакующим, и внутреннюю двойную дверь.

Вторую надвратную башню выстроили в 1574 году, а позднее ее назвали в память маркиза Аргайла. В годы реставрации монархии Стюартов он, несмотря на союз с роялистами, был казнен как бывший сторонник Оливера Кромвеля. По преданию ночь перед казнью маркиз провел в этой башне, а в 1680-х годах в нее был заключен и его сын, выступивший против короля Якова II.

В XVII веке Эдинбургский замок не остался в стороне от религиозных войн, всколыхнувших всю Европу. С 1640х годов он находился в руках партии Ковенанта,

поддерживавшей завоевания шотландских реформаторов и энергично противившейся вмешательству английского короля Карла I в политику Шотландии. В 1650 году, через год после казни короля Карла I, Эдинбургский замок был захвачен О. Кромвелем, с которым раньше шотландцы были союзниками.

Последняя осада замка относится к 1745 году, когда его атаковали войска Чарльза Эдуарда Стюарта – претендента на английский престол. Памятью об этих днях остался так называемый Дом с ядром. По преданию ядро, застрявшее в стене, послали в войска короля Чарльза из замка, но оно не достигло цели. Военная история замка на этом кончается, и с первой четверти XIX века к нему начали относиться как к национальной святыне.

Одной из достопримечательностей Эдинбургского замка является гигантская пушка XV века длиной 4 метра. Как сообщают шотландские хроники, при заряде весом около 3 килограммов пороха она посылала на три четверти мили железное ядро и на полторы мили – каменное. Для шотландцев эта пушка, которая называется Монс Мег, – предмет особой гордости и славы. Поэтому, когда ее в 1758 году перевезли в Тауэр, негодование было всеобщим. Только благодаря большому содействию писателя Вальтера Скотта пушку Монс Мег в 1829 году возвратили в Эдинбургский замок.

Лондонский Тауэр

Панорама Тауэра

После битвы при Гастингсе, несчастливой для Англии, победоносный предводитель норманнов Вильгельм Завоеватель торжественно короновался в Вестминстерском аббатстве английской короной. Но новый король не захотел поселиться в Лондоне среди враждебного населения, и норманны стали укрепленным лагерем у стен Сити, а потом и свою стоянку обнесли стенами. Так возник Тауэр, и некоторое время бок о бок существовали Сити за своими стенами и король – за укрепленными башнями замка. Таким образом, этот лондонский замок строился не только для того, чтобы держать под контролем устье Темзы, но и для острастки непокорных горожан. Однако Тауэр лишь частично был построен Вильгельмом Завоевателем, а потом он расширялся и перестраивался при многих королях.

Сегодняшний Тауэр стоит на широком поле коротко подстриженной травы. Высокие стены, казематы из потемневшего камня, засыпанные рвы… Узкими бойницами хмуро глядят на Темзу его квадратные башни, туда же смотрят жерла старинных пушек, поставленных на газоне у парапета набережной. Когда-то эта крепость одиноко высилась над рекой, прикрывая собой город, который занимал тогда всего лишь квадратную милю. А сейчас надменные небоскребы из стекла и бетона почти вплотную обступили некогда грозный и неприступный Тауэр.

Сегодня Тауэр представляет собой комплекс разновременных зданий, окруженных двумя рядами мощных стен с зубчатыми башнями и массивными воротами. В центральной его части находятся казармы, церковь и целый городок различных служб. Место прежнего вала теперь превращено в сад и плац для учений.

Самая старая часть Тауэра и одновременно древнейший архитектурный памятник всего Лондона – огромная четырехугольная Белая башня. Строительные работы по ее возведению, которыми руководил епископ Гундульф Рочестерский, были начаты в 1078 году и продолжались почти 20 лет. Воздвигнута она на месте более древних бастионов короля

Альфреда. Башня имеет длину 35 метров, ширину – 29 метров, а толщина ее стен равняется 3–4 метрам. Но если сейчас начать искать Белую башню, то поиски ни к чему не приведут. Массивное, почерневшее от времени сооружение с зубчатыми стенами и четырьмя башенками на углах – это и есть Белая башня. Возможно, в XIII веке ее стены были выбелены, отчего она и получила свое название.

В Белой башне четыре этажа. Наружную лестницу, которая вела на второй этаж, защищала каменная пристройка, до настоящего времени не сохранившаяся. Отсюда по внутренней винтовой лестнице можно было спуститься в сводчатые подземелья, служившие кладовыми и тюрьмой, или подняться наверх – в жилые помещения.

На третьем этаже Белой башни находится капелла Святого Иоанна, считающаяся самым лучшим памятником английской архитектуры того времени. Ее могучие стены и тяжелые коробковые своды, круглые опорные столбы, увенчанные кубами капителей, и гладкие арки безо всяких украшений – все впечатляет своей массивностью и напоминает о том суровом времени, когда капелла создавалась.

На третьем этаже начинается часть огромной оружейной коллекции, которая занимает и четвертый этаж Белой башни. В Восточном зале выставлено оружие европейское, арабское и турецкое – булавы, алебарды, штыки разных эпох, арбалеты и луки, рапиры, шлемы и т. д. Здесь же посетители могут увидеть и мундир герцога Веллингтона, который он носил, когда был комендантом Тауэра. Здесь и военные доспехи, подаренные Великим Моголом королю Чарльзу II, и каска, которую надевал Наполеон III во время турнира 1839 года.

Главная часть коллекции размещается на четвертом этаже – в зале Совета. В нее входит богатейшее старинное вооружение – греческое, римское, англосаксонское; здесь же выставлены и рыцарские доспехи, некоторые весом до 50 килограммов. Одни доспехи изготовлены для человека ростом более двух метров.

Через площадь от Белой башни стоит часовня Святого Петра в узах, возведенная в XIII веке. Она много раз перестраивалась и до настоящего времени дошла в том виде, какой получила уже при реконструкции в XVI веке. В часовне находятся надгробные памятники комендантам Тауэра; около нее – небольшое кладбище, на котором погребены обезглавленные Анна Болейн – супруга короля Генриха VIII, Екатерина Ховард и юная леди Джейн, бывшая королевой всего несколько дней.

Возле часовни можно увидеть медную доску, обозначающую то место, где ставили эшафот для лиц, которых опасно было выводить на народ. Влево от часовни несколько ступеней ведут в башню Бигем: на втором этаже ее собраны и замурованы в стену различные надписи, оставленные на стенах казематов знаменитыми узниками.

За долгие годы своей истории Тауэр выполнял различные функции. В Средние века в его стенах чеканили монету, позднее в нем хранился государственный архив и находилась обсерватория, пока ее не перевели в Гринвич. И, конечно, с самого начала своего существования Тауэр, как и многие другие средневековые крепости и замки, служил тюрьмой и местом заключения пленных коронованных особ. В 1356 году Черный Принц (Эдуард Уэльский) взял в плен французского короля Жана Доброго и заключил его в Тауэр. Короля освободили только через 4 года, но он не смог заплатить за себя выкуп и был вновь посажен в Тауэр, где и умер.

В 1415 году после новой блестящей победы Англии король Генрих V опять привел в Тауэр пленников, потом в замок был заключен герцог Бурбонский и 25 лет просидел в Тауэре Шарль Орлеанский. В 1535 году в Тауэре был казнен знаменитый мыслитель Томас Мор. Туристам и сейчас показывают место у «Ворот изменников», где дочь великого гуманиста, прорвав кордон стражи, в последний раз бросилась на шею отцу.

В Соляной башне замка сохранились изображения знаков Зодиака, начертанные в XVI веке неким Хью Дрейпером из Бристоля, заключенным в замок по обвинению в колдовстве. Среди пленников Тауэра называют и Уолтера Рэйли – знаменитого мореплавателя и пирата и одновременно известного английского поэта начала XVI века. Последними заключенными Тауэра были лорд Чистервуд и его сообщники, которых казнили в 1820 году.

Входят в Тауэр через «Львиные ворота» по висячему мосту, каждый конец которого заканчивается башней. Первая башня называется «Колокольная»: здесь Елизавета, прежде чем стать королевой, долгое время провела в заточении. Слева от входа стоит турецкая пушка – дар султана Абдуль Меджид-хана.

За наружные ворота широкой лестницей, нижние ступени которой раньше омывались водами Темзы, выходят «Ворота изменников». К этим воротам государственных изменников привозили из Вестминстера в лодке. Против них возвышается Окровавленная башня, в

которой были убиты дети короля Эдуарда VII по приказу их дяди герцога Глочестерского, узурпировавшего королевский трон под именем Ричарда III.

В Вейксфильдской башне Тауэра за особо толстыми стенами до 1850х годов хранились государственные бумаги, а затем экспонировались королевские регалии. Они выставлялись на обтянутой бархатом этажерке за двойным стеклом и за железной решеткой. Среди коронных драгоценностей – скипетр Святого Эдуарда длиной 140 сантиметров, сделанный из золота. В скипетре сверкает один из крупнейших бриллиантов мира – «Звезда Африки» (516 каратов), а в шар наверху скипетра вделана частица Креста Господня.

В Вейксфильдской башне выставлен и браслет с копией «Кохинора» – одного из известнейших бриллиантов мира. Вес этой «Горы света» (так переводится название бриллианта) около 162 каратов[12].

Для охраны королевских регалий была устроена особая защита. Например, стоило сторожу при малейшей тревоге нажать кнопку, и несокрушимая стальная броня сразу же укрывала все драгоценности. С июля 1967 года королевские регалии были переведены в новое выставочное помещение – в бетонированное подземелье на территории Тауэра, оборудованное по последнему слову музейной техники.

Нынешний Тауэр уже мало похож на грозную крепость. Еще в 1843 году был засыпан крепостной ров, и на его месте появился ярко-зеленый газон, оттеняющий серый камень стен замка. Во время многочисленных реставраций увеличили окна, в том числе и в Белой башне. В прошлом такой суровый и буквально политый кровью внутренний двор Тауэра засеян травой, и по ней важно разгуливают черные тауэрские во'роны.

Во'роны окружены особой заботой государства, выделяющего специальные средства гарнизону Тауэра для кормления птиц. По декрету короля Карла II, жившего в XII веке, во'ронов должно быть восемь, так как согласно старинной легенде устои Британии незыблемы до тех пор, пока во'роны не покинут Тауэр. Однако для полной гарантии им подрезают крылья.

Своеобразный колорит Тауэру придают охраняющие его гвардейцы в красных мундирах и высоких медвежьих шапках и стража, корпус которой был сформирован еще при короле Генрихе VIII. До сих пор эта гвардия облачена в средневековый костюм, слегка измененный в 1858 году. Теперь этот костюм состоит из черной круглой бархатной шляпы, обрамленной лентами, и черной суконной блузы с красными лентами, гербом Англии и инициалами короля на груди. Стражники встречают посетителей у главных ворот Тауэра, и они же с наступлением темноты закрывают ворота замка – секунда в секунду согласно ритуалу, существующему уже более семи столетий.

Гибралтарская скала

Гибралтар напоминает пеструю и веселую мозаику, но судьба этого города – это история кровопролитных сражений и войн, хотя вокруг него нет ни золота, ни нефти. Вся ценность Гибралтара в его географическом расположении, и потому город порой называли своего рода «пробкой», которой в любой момент можно заткнуть пролив, соединяющий Средиземное море с Атлантическим океаном.

С высоты птичьего полета Гибралтар напоминает лезвие ножа. Узкий и длинный, строго по меридиану – с севера на юг, полуостров врезается в Средиземное море, нацелившись на африканский город Сеута, от которого его отделяет 14 километров пролива. И как говорится в одном из путеводителей по Марокко, в ясную погоду отсюда невооруженным глазом виден «андалузский» берег.

Гибралтар иногда называют «краем материка», но это не совсем точно: южная оконечность Европы – это испанский мыс Марокки, расположенный примерно в 30 километрах к юго-западу. А вот со вторым названием Гибралтара – Скала – спорить трудно. Скала – длиной почти 5 километров и шириной 1200 метров – это, в сущности, и есть полуостров, высшая точка которого расположена на высоте 426 метров над уровнем моря. С востока и с севера Скала неприступна, зато к западу ее склоны более пологие: как раз с этой стороны, у подошвы Скалы, и расположился город Гибралтар, он же – страна.

Город Гибралтар красивый и странный. Он похож на гигантского многоногого краба, разбросавшего в стороны сочленения пристаней и молов. В ясной вышине роятся шумные белые чайки, а над флотилией океанских судов и рыбацких лодок встают портовые краны. Гибралтар – это и город-амфитеатр. Первый ряд его образует древняя городская стена, тут же тянется главная улица города, а вот дальше дома уже лезут в гору. У каждого яруса своя архитектура: мавританская сменяется испанской, а та в свою очередь – генуэзской.

Излюбленным символом Гибралтара является изображение ключей: замо'к – это сама Скала, а ключи у того, кто ею владеет. А владеть Гибралтаром хотели многие: на протяжении столетий различные государства, дальние и близкие, не уставали подбирать ключи к заветному замку'.

До VIII века постоянных поселений здесь не было, хотя уже римским и греческим географам пролив был известен под названием Калпе и Абила. Калпе на европейском берегу вместе с Абилой на африканском по понятиям древних составляли знаменитые Геркулесовы столбы, далее которых в течение очень долгого времени мореходы пускаться не дерзали.

Первыми оценили стратегическое значение Скалы мавры. В 711 году, преодолев узкий пролив, они вторглись в Испанию и на северном, обращенном к Испании, выступе скалы построили замок, который и теперь называют мавританским. Крепость они назвали по имени своего предводителя Тарика-ибн-Саида – «Джебель-ат-Тарик» (Гора Тарика). Со временем это название превратилось в Джибралтар, так же стали называть и строящийся город, а впоследствии и пролив. Для мавров крепость «Гора Тарика» стала первым форпостом в Европе, откуда они совершали дерзкие набеги через горы и моря.

Одно из гибралтарских преданий гласит: «Каждая гора требует поклонения. Хочешь понять Гору Тарика, покори ее вершину. И лишь когда небо над ней станет неестественно близким, тебе откроется тайна этих мест». Однако многочисленные завоеватели устремлялись к Гибралтару не за тайной. С переменным успехом крепость осаждали нормандцы, кастильцы, испанцы… В 1309 году Алонсо Перес де Гусман захватил крепость от имени испанского короля Фердинанда IV и превратил ее в место ссылки преступников. Однако мавры вскоре вернули ее себе, и лишь в 1462 году испанцы отвоевали полуостров.

Не прошло и 100 лет, как началась новая осада. На этот раз Гибралтаром вплотную заинтересовались алжирские пираты, но подступы к крепости были так хорошо укреплены, что долгое время она считалась неприступной. Испанцы удерживали Гибралтар в своих руках 250 лет.

В начале XVIII века из-за обострившейся борьбы крупнейших европейских держав Гибралтар стал объектом их колониальных устремлений. В 1704 году, в ходе борьбы за «Испанское наследство», английские и голландские каперы высадились на Гибралтаре. Испанский гарнизон сопротивлялся всего один день, после чего адмирал английского флота Джордж Рук поднял на Скале флаг Соединенного Королевства Великобритании. Так у британской короны появилось новое владение, которое было формально закреплено Утрехтским договором 1713 года. Десятая статья этого договора гласила:

> Король католический от имени своих наследников и преемников уступает короне Великобритании в полное и безраздельное владение город и замок Гибралтар вместе с портом, укреплениями и фортами.

Но Испания, конечно же, не смирилась с потерей Гибралтара и много раз пыталась вернуть его себе. Самой драматичной была четырнадцатая по счету осада Скалы, которая продолжалась 4 года. С 1779 года Гибралтар осаждали соединенные силы испанских и французских армий, но неоднократные штурмы не принесли успеха.

Казалось, что англичане пришли в Гибралтар навсегда, о чем гласили многочисленные плакаты на стенах. «Гибралтар останется британским!» уверяли и яркие открытки. Поэтому неудивительно, что здесь были сосредоточены большие военные силы. Англичане превратили Скалу в хорошо оснащенную крепость. Еще в конце прошлого века на рейде Гибралтарского порта стояли эсминцы, один за другим взлетали боевые самолеты, у подножия Скалы целились в небо зенитные установки. Однако саму военную базу увидеть на полуострове было сложно: она скрывалась в железобетонном чреве пещеры, а общая длина тоннелей, продырявивших Скалу, как головку голландского сыра, превышала 50 километров.

Будайская крепость

Южный фасад церкви Матяша

Будапешт называют «жемчужиной Дуная, выброшенной на берег». Матовой белизной своих зданий, стесненных в перспективе серебристыми горами, город действительно похож на большую жемчужину, оправленную в серебро. На всех гостей венгерской столицы неизгладимое впечатление производят богатство и пышность ее дворцов и парков, мостов и знаменитой Будайской крепости.

В I веке до нашей эры одно из кельтских племен – арависки – первым основало здесь военное поселение Ак-инк, название которого означает «Обильные воды». В I веке уже нашей эры римляне отвоевали его у кельтов и основали свой город, переименовав его в Аквинкум. Вскоре быстро растущая римская колония превратила его в важную оборонительную крепость. Во II веке в Аквинкуме насчитывалось уже около 30 000 жителей, отдельно вырос гражданский город в северной части нынешней Буды. Во времена римлян Крепостная (или Замковая) гора была необитаемой, хотя археологи иногда находят здесь памятники римских времен. Однако они попадали сюда из Аквинкума как пригодный строительный материал. Сами же легионеры возвели укрепленную заставу Контр-Аквинкум в районе нынешнего центра Будапешта, у переправы через Дунай, а на южной окраине Буды – город-лагерь Кампона.

После распада Римской империи Аквинкум в эпоху нашествия сменявших друг друга народов был уничтожен полностью, так что даже название его не сохранилось. Территория эта находилась в руках аваров, франков, готов, гуннов и многих других народов. Старинная легенда рассказывает, что

> вождь гуннов Аттила поручил своему брату Буде защищать отвоеванные у римлян территории. Буда построил хорошо укрепленный военный лагерь, который и стал носить его имя. Но впоследствии Буда

изменил брату, и Аттила, возвратясь из завоеванной им Италии, повелел убить Буду и даже запретил произносить его имя.

Есть и другая версия о происхождении этого правобережного поселения: название его идет от болгаро-славянского слова «буда» (хижина, домик). В науке эта версия считается наиболее достоверной.

После гуннов в средней Дунайской области появились мадьяры во главе со своим вождем Арпадом. Покорив (или вытеснив) проживавшие здесь племена, основатель династии венгерских королей в 896 году избрал для себя местом постоянного жительства древнюю Буду, существовавшую и до прихода венгров.

В 1242 году огромные татарские армии перебрались через замерзший Дунай, разрушили и сожгли придунайские поселения. Король Бела IV, опасаясь нового нашествия татар, начал возводить по всей стране крепости, вот тогда необитаемое до того плоскогорье Крепостной горы и привлекло его внимание. Замковая гора была самой низкой из гор Буды, над уровнем моря она возвышалась всего лишь на 151 метр, однако по своему расположению была очень удобной для возведения укреплений.

В 1255 году король Бела IV приказал возвести здесь крепость для защиты страны, вокруг которой вырос город с гражданским населением. Для верующих стали строиться церковь Святого Николая, церковь Богородицы и церковь Марии-Магдалины. Для самого короля возвели замок.

К XIV веку Будайская крепость еще не стала центром страны, им она становится только в первой четверти XV века. Король Сигизмунд, став императором Священной Римской империи, окончательно перенес свою столицу в Буду. Рядом с простой королевской жилой башней он построил прекрасный готический Новый дворец и начал перестройку крепостной стены, состоявшей до этого из плетня и земляного рва. Были возведены совершенные для того времени бастионы, а великолепный замок с его огромным рыцарским залом и оставшейся незаконченной Усеченной башней служили местом рыцарских турниров.

Во второй половине XV века, в правление короля Матяша, Будайская крепость достигла своего расцвета. Король Матяш расширил и реконструировал королевский дворец, Пешт окружил крепостной стеной и наплавным мостом соединил его с Будой. Он пригласил из Италии талантливого архитектора и скульптора А. Фиораванти, а также Д. Далмата, Б де Майано и других мастеров.

При возведении королевского дворца господствовали два архитектурных стиля: сначала – готика, а после свадьбы короля с Беатрицей восторжествовал Ренессанс. В залах дворца были выложены мозаичные полы, все помещения украшались скульптурами, зеркалами, коврами; рельефы и камины из красного мрамора привлекали внимание не только своими формами, но и сверканием всех оттенков камня. Хроники тех лет отмечают, что величественный вид приемного зала короля и королевской свиты произвел на турецкого посла такое ошеломляющее впечатление, что он даже запутался в своей речи и не смог досказать ее до конца, хотя был весьма опытным дипломатом. Во дворце короля Матяша размещалась и библиотека, сводчатый потолок которой изображал небесный свод: на нем различные конфигурации звезд отмечали важные события в жизни короля. О самой библиотеке очевидцы XVI века писали так:

> Большая часть томов – из пергамента, с шелковым переплетом, позолоченными серебряными пряжками… Во время Матиаша при королевском дворе всегда жили около тридцати живописцев, опытных мастеров по переписке книг…

В правление этого короля была перестроена церковь Богородицы, которая по своей новой башне до наших дней называется церковью Матиаша. Но со смертью короля славная эпоха в истории Будайской крепости закончилась. Прекрасный дворец начал приходить в упадок, хотя королевский двор и старался сохранить свой прежний блеск и роскошь. Однако придворный штат, обремененный долгами, уже не мог оплачивать расходы по содержанию зданий в надлежащем порядке. Многие из них стали просто разрушаться, а ценности растаскивались в уплату долгов.

Во время турецкого господства замок, построенный королем Белой, а также Новый дворец короля Сигизмунда и замок короля Матиаша были разрушены. Впервые турки вошли в Буду в 1526 году после битвы при Мохаче, и Будайская крепость вызвала восхищение даже у завоевателей. Турецкий путешественник Э. Челеби в своих записках постоянно называет Буду из-за домов с красными крышами «золотым яблоком Турецкой империи». Он взбирается на гору Геллерт только для того, чтобы со всех сторон увидеть крепостную стену.

Завоеватель влюбляется в Буду, но не может уберечь ее от гибели. Крепостные стены гудят от бесконечных осад, взрываются пороховые склады, однако туркам не удается закрепиться на этой территории. Отступая, они сожгли и разграбили дворец и город, большая часть зданий была полностью разрушена, но и тогда осталась красота гордых руин, занимающих вершину холма.

В 1541 году после длительной осады туркам с помощью обмана снова удалось захватить Будайскую крепость. Янычары султана Сулеймана под видом гостей пробрались через северные ворота[13], по сигналу напали на стражу и разоружили ее. В последние дни августа, в день 15й годовщины битвы под Мохачем, в гости к королеве Изабелле и маленькому Яношу Жигмонту прибыли послы султана. Они вручили ей указ, по которому новым местом жительства королевы назначалась Трансильвания, а Буда бралась турками под сохранение до достижения Яношем совершеннолетия.

После этого в истории Будайской крепости начинаются печальные события, о которых много рассказывается в исторических хрониках. Например, «Янош Подманицкий был умным человеком. Обрезав бороду свою во власяницу», оделся он и с кадкой на спине бежал из крепости. Оставшиеся же стали узниками Усеченной башни или рабами.

При турецком господстве развитие многих венгерских городов сильно замедлилось, и Буда из королевской резиденции превратилась в пограничный город отдаленной провинции огромной турецкой империи. Крепость с ее великолепными зданиями погибала: и хотя они оставались в относительной сохранности, внутреннее их убранство было полностью разгромлено. Королевский дворец был превращен в казармы и склады, церкви перестроили в мечети. Казалось, что даже сама природа помогает гибели Будайской крепости. В 1578 году молния ударила в пороховой склад,

> взрыв разбросал соседние дворцы, засыпал землей государственную казну и убежище королей, находившееся под землею, выбросил пушки из крепости в Дунай; крепостные ворота, как будто их двигала неведомая власть, сами собою открылись, воды Дуная целыми днями сплавляли вниз трупы…

Господство турок продолжалось долгих 145 лет. На рубеже XVI–XVII веков армия ополченцев, сформированная из венгерских крестьян, не раз пыталась отвоевать Будайский замок, но безуспешно. Только в 1686 году объединенные христианские армии под предводительством лотарингского князя Карла и баварского курфюрста Максимилиана окружили Будайскую крепость, и началась борьба не на жизнь, а на смерть. Штурм следовал за штурмом, однако героизм венгерских гайдуков, бывших в атаках всегда первыми, и пушечный огонь не приносили успеха. Вновь взорвалась пороховая башня, на воздух взлетело 800 тонн пороха и погибли 1550 человек.

Решающая атака началась 2 сентября 1686 года. У Эстердомской ротонды осаждающие пробрались в крепость, пушки замолчали, и началась рукопашная схватка. После гибели паши Абдурахмана турки отступили на территорию королевского дворца, а потом вывесили белое знамя. Почти вся крепость была покрыта телами многих тысяч погибших. Вспыхнул пожар, и

> прежняя королевская резиденция, красавица городов турецкой эпохи, «красное яблоко» со своими лежащими в развалинах домами, со сгоревшими ценностями, обугленно торчащими к небу стенами и выгоревшими окнами представляла собой такое страшное зрелище на ярком позднелетнем солнце, как темной ночью освещенный изнутри череп.

Последующие столетия тоже были не особенно счастливыми для Будайской крепости: друг за другом следовали чума, землетрясения, ливни, пожары. Пороховой взрыв и огромный пожар в 1723 году причинили разрушения не меньшие, чем осада турок. Восстановление ее началось только в XVIII веке, и над руинами стали возводить новые здания в стиле барокко.

Свою окончательную форму Будайский замок приобрел в XIX веке, когда был полностью перестроен архитектором Миклошем Иблем. Однако и его громадные корпуса с сотнями залов почти полностью сгорели во время Второй мировой войны. Гитлеровские войска в первую очередь захватили крепость, где и расположился штаб оккупационной армии. Когда в феврале 1945 года было сломлено сопротивление последних эсэсовских частей, в Буде в результате артиллерийского и минометного огня не осталось ни одной целой крыши, ни одного неповрежденного фасада. Вынужденные отступать, немцы поджигали красивейшие исторические здания, и их зияющие окна мрачно смотрели на город. А потом началась долгая

и кропотливая работа по восстановлению крепости, и мастера-реставраторы старались сохранить как можно больше памятников архитектуры и остатки средневековых построек.

Сейчас Будайская крепость представляет собой величественную и прекрасную картину. Над неровной линией крыш домов и небольших дворцов возвышаются готические главы церквей, романские башни и аркады Рыбацкого бастиона, большой фасад и купол королевского дворца… А в середине августа в Будайской крепости проводится праздник ремесел. Время его проведения было установлено по неписаному крестьянскому закону: в августе завершаются все сельскохозяйственные работы, и селяне могут ненадолго перевести дух. Частью этого торжества становится шествие со снопами: оно проводится 20 августа, и принимают в нем участие многие музыканты, певцы, танцоры и ремесленники. А завершается оно перед собором короля Матиаша, где происходит освящение хлеба нового урожая. Здесь же на площади краснодеревщики, кузнецы, ткачи, гончары раскладывают свои изделия, изготовляемые прямо на глазах у изумленной публики.

Город-крепость Дубровник

О времени основания Дубровника нет точных исторических сведений. В сочинении византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей» рассказывается о славяно-аварских вторжениях на Балканский полуостров в VI–VII веках, упоминается и о разрушенных старых римских городах Салона и Эпидавра. Часть их жителей укрылись на неприступном скалистом островке с греческим названием Лау, положив начало новому городу – Рагузе. Югославские историки считают эти сведения достоверными, но вносят в них некоторые уточнения: беженцы из римских городов не были первыми поселенцами островка, так как люди жили здесь с незапамятных времен. А название «Рагуза» происходит от иллирийского слова, означающего «крутизна», «крутой склон».

Согласно другой версии требинский барон Павлимир, возвращаясь в IX веке из Италии на родину, причалил со своими кораблями к берегам Гружского залива и заложил на узкой

части берега, окруженной с трех сторон густым дубовым и сосновым лесом, город. От славянского слова «дубрава» и произошло поэтическое название нового города – Дубровник.

Третья точка зрения как бы объединяет две первые. Жители Эпидавра Иллирийского, спасаясь от преследования варваров, поселились на неприступном скалистом острове, который от материка отделялся узким проливом. Напротив них, на другом берегу, обосновались пришедшие почти в то же самое время славяне. Впоследствии оба поселения слились и образовали новый город, который долгое время хранил оба названия: Рагуза – в латинских источниках, Дубровник – в сербо-хорватских.

Создание защитных сооружений началось сразу же после основания Дубровника и продолжалось несколько столетий. Скала, занятая беженцами с Эпидавра, протянулась месяцем вдоль берега. Но вновь прибывшие заняли даже не всю ее территорию, им вполне хватило западной оконечности этого скалистого островка. Обрывистые, почти неприступные утесы вскоре были укреплены каменными стенами, образовавшаяся крепостица получила название «Кастеллюм» (или «Кастель Лаве»). Так возникла первая часть города, где впоследствии разместились городские власти – князь и епископ.

Вскоре на прилегающей территории возник новый квартал, который в VIII веке окружили уже более прочной стеной, сложенной из камня с известью. В северной части эта стена была даже укреплена башнями, одна из которых называлась «Болотными воротами», так как воздвигли ее на пологом берегу острова, открытого гнилому болоту, которое отделяло остров от материка. Через болото горожане перебирались по деревянному мосту, и в городе еще долгое время все, кроме стен и башен, строилось из дерева.

Бесплодная скала, лишенная растительности и питьевой воды, спасла горожан, но одновременно и обрекла их на неустанный многовековой труд. Первые столетия существования города были заполнены непрерывной борьбой с камнем, водой и болотистой почвой. Ни один другой город далматинского побережья не встретился в начале своей истории с подобными трудностями. У первых дубровчан не оказалось в распоряжении античного поселения, которое доставалось в наследство жителям других районов; не было у них и дворцов, которые впоследствии можно было бы разобрать и использовать в качестве строительного материала, как это было в Сплите. Пожалуй, лишь венецианцам, построившим свой город среди болот и плавней, пришлось пройти схожий путь.

Старое, прилепившееся к утесу поселение постепенно начало благоустраиваться, окружило себя прочными стенами, строило башни, деревянные и каменные дома, расширяло площади, на которых возводили храмы и общественные здания. Старая часть Дубровника как бы вырастает из глубины лазурного моря, которое окружает ее с трех сторон; оно то ласково плещется у стен, то обрушивает на них огромные валы с зеленой пеной на гребнях. Мощные крепостные стены из светлого камня с башнями различных очертаний массивным кольцом окружают тесно застроенный старый Дубровник.

Город устоял во всех столкновениях Востока и Запада между собой, и к IX веку он был уже настолько укреплен, что выдержал 14месячную осаду сарацинского флота, и настолько самостоятелен, что вел переговоры с соседними славянскими племенам.

В XIV веке дубровчане усилили свой флот, и город наряду с Венецией становится главным портом на Адриатике. Далматинский поэт XVI века А. Сасин в эпической поэме «Флот» писал:

Флот Дубровницкий крылатый
Шлет суда быстрей, чем стрелы…
Моряки, как львы в сраженье,
Лучше нет на океане —
Быстры, ловки их движенья.

Во время расцвета Дубровницкой республики гавань становится самым оживленным местом города. В ней выгружались и принимались на борт грузы из Италии, Леванта и с Балкан. Здесь желтели воск и мед, пахло смолой и свежесрубленными бревнами, блестели серебро и медь, железо и свинец; рядом с этим экспортным товаром мычал и блеял скот, тащились боснийские и герцеговинские рабы, сбывавшиеся в страны Западной Европы, несмотря на протесты славянских князей…

Когда венецианцы заняли Далмацию, а турки, завоевав Боснию и Герцеговину, окружили Дубровник, горожане еще больше укрепились. Но огромные линии воздвигнутых ими крепостных стен не обагрились кровью, фитили их пушек не были зажжены, трубы не возвестили ни о военных тревогах, ни о завоевательных походах, не ходили дубровчанские

боевые дружины и на штурмы. Антон Джика, первый русский консул в Дубровницкой республике, в 1794 году отмечал в своем «Описании», что

> со времен, еще предшествовавших приходу турок в Европу, рагузинцы всегда действовали в соответствии с одним и тем же принципом, а именно: стремились вовремя сменить покровителя, отдавая предпочтение более сильному. Они держались за Византийскую империю, как только она обосновалась на Адриатическом море. Но как только она распалась… они отошли от нее. Они поступили так же с деспотами Боснии, которым были преданы некоторое время. Встав под покровительство республики Венеции, которая благодаря своим морским силам стала в то время самой мощной в Далмации и арбитром в Адриатическом море, она восприняла ее форму правления и законы. Но как только рагузинцы догадались о своей опрометчивости… то, предвидя многие угнетения, они пожертвовали многим, чтобы от них избавиться. Тогда они сочли, что могут найти более сильную опору в короле Венгрии, в объятия которого и бросились… Он открыто объявил себя покровителем Рагузы, в этом качестве воевал с Венецией и вынудил ее отказаться от всяких притязаний на Рагузу.

Город на прибрежной морской скале, архитектурно закругленный и снабженный всем для удовлетворения тогдашних нужд, неизменно привлекал жадные взоры пиратов, которые видели в нем сказочный ларец, полный драгоценностей. Ткачи Дубровника ткали прекрасное сукно, кузнецы ковали оружие, кожевенники дубили кожи, кирпичники обжигали кирпич и черепицу… На складах хранились отрезы мягких домотканых тканей, блестели шелк и тонкое полотно, пахли кожи и пряности, звенело только что выкованное оружие, бережно переносились сосуды с провансальским маслом и укрывались от влаги южных ветров мешки с солью… Достаточно было горстки умело расставленных людей, чтобы поддерживать порядок и спокойствие в городе и в гавани.

Лукавством, деньгами и хитростью округлили дубровчане свои владения, присоединив к себе винообильный Пелешац с его прибыльными солеварнями, рыболовецкие острова Млет и Ластово, лесистые островки Шипан и Лопуд, Локруп и Колочеп с удобными бухтами, бережливыми жителями и надежными монахами. Им удалось убедить Порту в своей нейтральности и получить права свободной торговли на всей территории Османской империи, согласившись платить ежегодный «харач».

Хотя с Османской империей Дубровник жил мирно, успокаиваться не приходилось, и город по-прежнему много внимания уделял возведению оборонительных укреплений. Наиболее интенсивное строительство приходится на XIV–XV века, именно тогда крепость приобрела тот вид, который восхищает всех и поныне, сооружение же новых фортов и реконструкция старых продолжались до конца XVII века. До середины XIV века возводились в Дубровнике городские башни, которые снаружи защищали зубцы, а изнутри – ограда из дерева. На их верхних площадках сооружаются «мантелеты» – временные деревянные укрытия для стражи.

Оборонительные работы XV века превратили Дубровник в настоящую крепость, вероятно, именно тогда и возникла поговорка, ставшая впоследствии широко известной: «Когда зайца гонят, он спасается в Дубровнике». Поэт второй половины XV века М.М. Тарханиота писал:

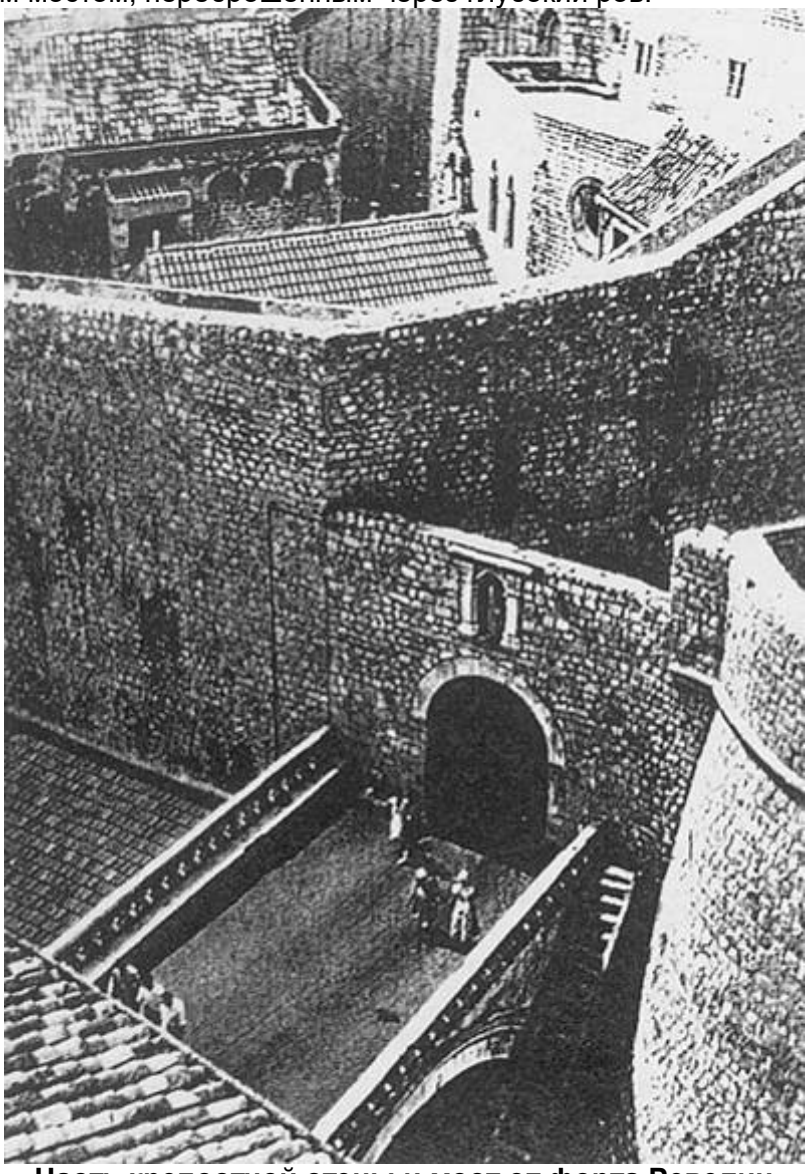
Двойной гордятся стены защитою,
Восходят ввысь; обрывы глубокие
Внизу разверзлись. Так природа
Охраняет город, парящий в небе.

Проектировали Дубровницкую крепость виднейшие архитекторы Италии и Далмации, в числе которых были Дж. да Сиенна и флорентиец М. Микелоцци, более известный под именем М. ди Бартоломео. Он возводит западную и северную стены крепости, а в северо-западном углу, на самом высоком месте крепости, начинается сооружение мощной и красивой башни Минчеты, названной по имени семьи Минчетич, на чьей земле она была воздвигнута. Башня видна отовсюду, и жители Дубровника считают ее не только самой могучей, но и самой элегантной в городе. Заканчивали возведение башни и ближайших частей стен уже по проекту Юрия Далматинца в 1460е годы.

Башня Минчета имеет две смотровые площадки – на первом и втором ярусах. По верхнему краю высокого нижнего яруса стены ее прорезаны квадратными бойницами, а завершение второго яруса украшает изящный резной каменный пояс. Именно башня Минчета всегда изображалась как символ Дубровницкой республики.

С верхней площадки Минчеты хорошо виден форт Ловренац (Святого Лаврентия) – грандиозное крепостное сооружение, воздвигнутое на вершине огромной скалы (37 метров над уровнем моря). Отвесные, заросшие колючим кустарником склоны ее совершенно неприступны. Ловренац возвели еще в XI веке, когда началось строительство дополнительных фортификационных сооружений, впоследствии он постоянно укреплялся и реконструировался. Сейчас жители Дубровника называют этот форт своим «седовласым старцем», на его воротах сохранилась старинная латинская надпись: «Свобода не может быть продана ни за какие сокровища».

По проекту архитектора и инженера А. Феррамолино в XVI веке в Дубровнике был сооружен Ревелин – монолитное, отдельно стоящее укрепление, соединенное со старым Дубровником узким мостом, переброшенным через глубокий ров.



Часть крепостной стены и мост от форта Ревелин

Город пережил многие бури: и чуму, и величайшую свою катастрофу – сильное землетрясение 1662 года, разрушившее красоту и накопленные богатства старинного Дубровника, в котором тогда погибло более половины трудоспособных жителей.

Крепость Дубровника представляет собой сложную систему укрепленных стен и башен-фортов, не случайно город называют «адриатическим Новгородом». Наиболее мощные двойные стены возвели со стороны материка, где велика была опасность нападения. По периметру крепостных стен расположились 14 прямоугольных и полукруглых башен и четыре

мощных бастиона. В комплекс крепостных укреплений, как указывалось выше, входят еще два отдельно стоящих форта: Ловренац защищает город с запада, а Ревелин надежно охраняет восточные стены и гавань.

Почти по всей крепостной стене идет широкий проход, огражденный высоким каменным парапетом. Именно здесь в случае нападения находились защитники города, которые могли свободно маневрировать во время боя. С западной стороны располагаются ворота, ведущие в крепость из района Пиле: их так и называют – «Ворота Пиле». Находятся они в невысокой полукруглой башне, и, чтобы приблизиться к ним, надо пройти по невысокому каменному мосту и другому мосту – деревянному и подъемному, который продолжает первый. Ворота Пиле особенно романтично выглядят вечером, когда специальная подсветка четко освещает башенную стену, ее замшелые камни, мост и часть деревьев.

Через небольшой дворик Ворота Пиле приведут вас в старый Дубровник, который сохранился почти неприкосновенным, и недаром его называют «каменным сказанием», «летописью прошлого». Старый город настолько каменный, что на улицах, улочках и в переулках, большинство из которых представляют собой лестницы, не встретишь ни деревца, ни кустика. Только в некоторых дворах из щелей пробивается зеленая жизнь, зато стены самих домов сплошь увиты плющом и другими вьющимися декоративными растениями.

Геометрически правильные крепостные стены Дубровника не производят впечатления грубых сооружений: они, как кружево, срослись с городом, скалами и окрестностями. Кое-где двойные и высокие, где-то узкие и приземистые, отовсюду доступные защитникам, разноликие по силуэтам своих башен, они образуют неповторимую картину красоты и мощи. В начале XX века известный французский историк Ш. Диль в своем сочинении «По берегам Средиземного моря» отмечал: «По очарованию своего пейзажа, по тонкому изяществу памятников и по воспоминаниям своей славной истории Рагуза является жемчужиной Далмации». А английский писатель Бернард Шоу говорил: «Тот, кто ищет рая на земле, должен приехать в Дубровник». Здесь всех встречают с распахнутыми объятиями и доброй душой…

Мертвая крепость в Хара-Хото

Легенды о мертвом городе Хара-Хото передавались из века в век, и сейчас уже трудно сказать, кто из европейских путешественников первым узнал о нем. Этот город сменил много названий. Уйгуры называли его Индикутшари, китайцы – Хочжоу (Огненный город), а монголы именовали Хара-Хото. Назывался он и Гаочаном – по имени государства, столицей которого был.

Много преданий слышал об этом городе русский путешественник П.К. Козлов еще во время своей первой экспедиции в Монголию. Его неудержимо влекла к себе тайна мертвого города, но пустыня ревниво хранила эту тайну, а скотоводы-кочевники на все вопросы уклончиво отвечали: «Вы, русские, хотите знать больше нас даже о наших местах».

Многие путешественники и до П.К. Козлова пытались отыскать дорогу к Хара-Хото, но только монголы знали, где находятся развалины города. Однако они никому не хотели раскрывать свои святыни, и потому одного из путешественников местные жители направили по заведомо ложному пути. В 1886 году экспедиция русского путешественника Г.Н. Потанина, пересекая пустыню Гоби, остановилась на отдых в низовьях реки Эдзин-гол. Неподалеку располагалось стойбище монголов, от которых русские узнали о развалинах какой-то крепости, покинутой людьми и засыпанной песками. В записках Г.Н Потанина были лишь сведения о том, что древний город «находится в одном дне пути к востоку от Кунделен-гола». В 1893 году эти места посетил В.А. Обручев, который подробно расспрашивал о руинах древней крепости, но сам их так и не увидел.

Интерес к Хара-Хото постепенно исчезал, но П.К. Козлов продолжал верить в сообщение Г.Н. Потанина. В свою первую экспедицию он мало что нового мог узнать о таинственном городе, но русский ученый твердо решил побывать там и упорно шел к своей цели. Более того, он был уверен, что именно ему удастся обнаружить древний Хара-Хото.

В 1907 году при поддержке Географического общества снаряжается экспедиция в Монголию. Отправляясь в свою вторую экспедицию, П.К. Козлов писал: «Таинственный голос дали будит душу, властно зовет ее снова к себе». В середине февраля путешественники достигли хребта Гурбун-сойхан («Три прекрасных»), за которым лежало урочище Уголцзин-тологой, где находилась ставка местного князя Балдын-цзасака. Экспедиция простояла в урочище 10 дней, и П.К. Козлов ежедневно навещал князя, который оказался человеком радушным и общительным. Сначала Балдын-цзасак отговаривал его идти к реке Эдзин-гол,

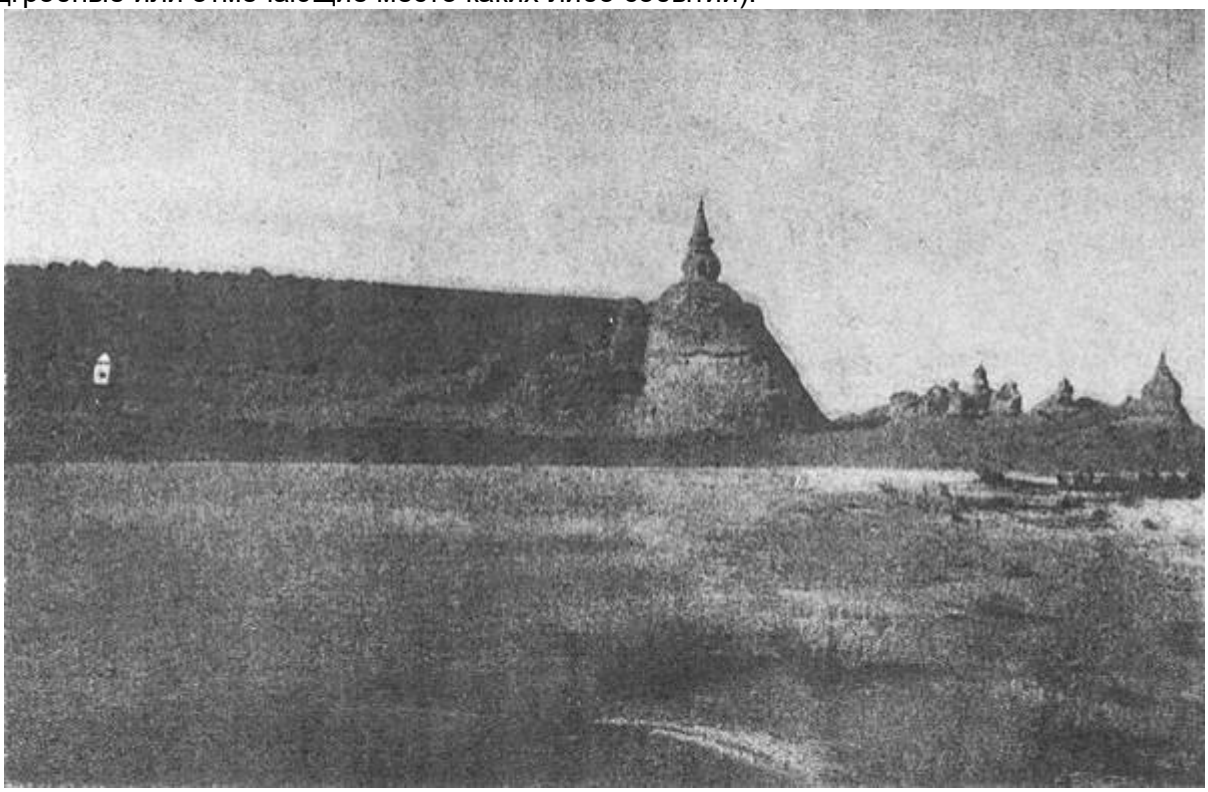
так как, мол, дорога туда трудная. Наконец, взяв с П.К. Козлова слово никому не говорить об этом, старый князь указал дорогу в Хара-Хото. И даже согласился дать проводников и вьючных животных.

Путь туда действительно был трудным и опасным. П.К. Козлов писал впоследствии: «По сторонам ни зверя, ни птички – все абсолютно тихо, только ветер свободно гуляет на просторе, поднимая порою пыльные вихри». Однажды путешественники попали в такую пыльную бурю, что сбились с пути и пять суток блуждали в пустыне. Наконец с одного из увалов они увидели древнюю дорогу, на которой уже попадались полузасыпанные песками развалины глинобитных построек, свидетельствовавшие о былой оседлой культуре.

В своем дневнике П.К. Козлов записывал: «По мере приближения к заветной цели наше волнение все увеличивалось… Мы пересекли древнее сухое русло с валявшимися по нему сухими, обточенными песком и ветром стволами деревьев». А дальше, на возвышенном берегу, показались стены самого города. «Мы поднялись на террасу, и нашим глазам представился Хара-Хото во всей внешней прелести».

Мечта русского путешественника исполнилась: он ступил на улицы Хара-Хото – «азиатской Помпеи», погребенной песками пустыни Гоби. Одни здания были совсем разрушены и сровнялись с землей, другие еще держались. Когда-то здесь жили люди, работали, молились, страдали, веселились; теперь здесь не было ни одного человека, и даже имя города было забыто, ведь «Хара-Хото» означает «Мертвый город», а это не название.

Город-крепость представлял собой прямоугольник площадью 380х450 метров, длинной стороной ориентированный (как многие китайские крепости) в направлении «запад—восток». Высота глинобитных стен достигала 6–8 метров при толщине у основания 4–6 метров. Вся внутренняя часть крепости была разбита на правильные кварталы; от ворот, устроенных в западной и восточной стенах и несколько смещенных относительно друг друга, к центру шли две большие улицы. На них стояли ряды небольших глинобитных домишек, прикрытых соломой, а сверху – сплошной твердой коркой глины. Следы бойниц были заметны только в очень немногих местах, зато повсюду стояли субурганы – памятные буддийские знаки (надгробные или отмечающие место каких-либо событий).



Полуразвалившийся субурган в крепости

Свой лагерь П.К. Козлов решил разбить прямо внутри крепости – возле развалин храма, разрушенного почти до основания. И начались раскопки, результаты которых прославили русских географов на весь мир. В мертвом городе были сделаны ценнейшие археологические находки: обнаружены рукописи и книги, картины и предметы религиозного культа, относящиеся к XI–XII векам. Среди книг находилась и знаменитая книга «Китаб и Синдбад» –

рассказы семи мудрецов, а также книга гаданий с рецептами лекарств от лошадиных болезней…

В одном из субурганов были найдены небольшие фигурки и большая, чуть улыбающаяся красивая маска; в другом – несколько экземпляров стекловидных глаз и глаз из горного хрусталя и топаза, выпавших из глиняных статуй, уничтоженных временем. Был обнаружен и чудный образ на полотне – «Явление Амитабхи». Краски на нем сохранились такими яркими и свежими, как будто образ был написан только вчера, а ведь он пролежал под землей не один век. «Явление Амитабхи» сохранилось так хорошо потому, что рисунок прикрывался тонкой шелковой занавеской, вместе с ней был накручен на палку и зарыт в субургане, где было очень сухо и куда не проникал воздух. Попадались путешественникам и пачки ассигнаций, на которых, как потом выяснилось, было написано, что подделывателям будут отрубать головы. Все найденные сокровища нагрузили в 10 ящиков и отправили в Санкт-Петербург, чтобы ученые могли разобрать их. А экспедиция П.К. Козлова отправилась дальше – в гористый Тибет. Через некоторое время они получили вести, где их поздравляли с важными открытиями.

Экспедиция П.К. Козлова побывала в Хара-Хото еще раз, но сначала что-либо новое найти не удавалось. Люди уже начинали роптать, что измучились и пора бы возвращаться домой. Но вдруг… один субурган оказался полным сокровищ. Едва сняли его верхушку, как открылись книги, рядами стоящие на полках. Тут были и свитки, и рукописи, и даже печатные книги – целая библиотека. Было множество разноцветных буддийских образов на полотне и шелке, расписанных красной, голубой и золотой краской. Две недели участники экспедиции отрывали сокровища. Ниже книг и картин было найдено множество статуй – глиняных и деревянных, а также останки женщины-святой, которой принадлежали все эти сокровища.

Огромная библиотека содержала 2000 рукописей, написанных на «мертвом» тангутском языке, о котором почти ничего не было известно. Но найденный здесь же тангутско-китайский словарь дал возможность прочитать эти рукописи, и ученые познакомились с жизнью исчезнувшего, но в прошлом цветущего и могущественного царства тангутов Си-Ся. Так была открыта блестящая цивилизация, и тангутам, давно забывшим свой язык и письменность, была возвращена яркая страница их истории.

Царство Си-Ся располагалось в тех местах, где ныне простираются песчаные пустыни. Казалось бы, их государство должно было быть бедным и малочисленным, на самом же деле оно содержало армию в 150 000 всадников, имело университет, школы, судопроизводство и т. д. Хара-Хото когда-то был столицей государства Си-Ся, и столица эта была очень богатая, так как через нее пролегал путь из Китая. По этому пути проходили многочисленные караваны с товарами, и жители города за безопасный проезд взимали с них определенную дань.

Форпостом Китая оазис в низовьях Эрцин-гол стал еще во II–I веках до нашей эры: тогда вдоль реки шла оборонительная полоса, защищавшая Китай от набегов кочевников. С III века упоминается стоявший в оазисе город Сихай, но через 300 лет на его месте возводится крепость Тунчэн. Раскопки установили, что она занимала треть территории Хара-Хото и помещалась в его северо-восточной части. Потом эта местность перешла под власть тибетцев, от них – к тюркским князьям, во второй половине IX века управлялась уйгурами.

В это время на исторической сцене и появляются тангуты, создавшие в X веке свое мощное государство. Си-Ся, что по-китайски означает «Западное Ся», простиралось на сотни километров с запада на восток и с севера на юг. На месте старой китайской крепости они и основали город Хара-Хото, причем в войнах с Китаем им удалось сохранить свою независимость, но вот ударов с севера они не выдержали. В 1226 году войска Чингисхана двинулись на Китай, государство Си-Ся находилось на их пути и… в 1227 году перестало существовать. Но монгольские завоевания не разрушили цивилизацию тангутов, они продолжали жить на своей территории и сохранили свою религию.

И хотя разрушение крепости приписывают монголам, которые захватили столицу тангутов и жестоко расправились с ее жителями, город продолжал жить и в XIV веке. А погиб Хара-Хото в 1372 году, когда был взят китайскими войсками династии Мин, воевавшей с последними потомками Чингисхана. Древняя легенда рассказывает об этом так.

> В XIV веке в Хара-Хото жил последний правитель тангутов – храбрый Хара-Цзянь-Цзюнь. У него было непобедимое войско, при появлении которого трепетали все соседи. И задумал Хара-Цзянь-Цзюнь отнять престол у самого китайского императора. Дошли его хвастливые речи до китайцев, и решил император не ждать прихода тангутов, а сам послал против них войско.
>
> Сражение с китайцами было неудачным для правителя тангутов, пришлось ему отступить и укрыться за крепкими стенами своей столицы, которая тогда называлась «Крепостной город». Провизии здесь было припасено много, через город протекала река, и ничего не могли сделать китайцы с крепостью, хотя и долго ее осаждали.
>
> Тогда один китайский инженер предложил отвести реку в другую сторону, чтобы уморить защитников города жаждой. Китайцы вырыли новое русло, перекопали песчаную насыпь реки и накидали в нее мешки с землей. Не смогла река течь по прежнему руслу, и тангуты остались без

воды. Кинулись они было рыть колодцы, но сколько ни копали – до воды не дошли.

Увидел Хара-Цзянь-Цзюнь, что приходится умирать, и наполнил все вырытые колодцы своими сокровищами. На 40 телегах привезли золото, серебро и другие драгоценности и закопали их в землю, чтобы не достались они китайцам. А затем правитель умертвил двух своих красавиц-жен, сына и дочь, чтобы не могли над ними надругаться враги. И велел пробить брешь в северной стене, вышел через нее со своим войском и кинулся в последний бой, в котором и погиб со всей своей армией.

Китайцы ворвались в город, разгромили его, но сокровищ не нашли. Вскоре опустевший Хара-Хото стали заносить пески пустыни, и богатая и славная столица царства Си-Ся превратилась в мертвый город.

Местные жители страшились приближаться к его развалинам, боялись духов и наваждений, особенно после случая, когда некоторые хотели найти сокровища, но вместо богатства отрыли на дне колодца двух больших змей, ярко блестевших красной и зеленой чешуей. В Хара-Хото давно нет следов завоевателей, поэтому высокие и толстые стены, ворота и массивные башни хорошо сохранились до наших дней, хотя и были сложены из земляных глыб.

Открытие в замке Альбрехтсбург

История города Мейсен восходит к 929 году, когда германский король Генрих I приказал построить на лесистом холме близ Эльбы замок Мисни. Это было первое немецкое поселение в областях, населенных славянскими племенами восточнее рек Эльбы и Заале. Замок располагался на окраине плодородного района, который уже несколько веков населяли лужицкие сербы. Здесь лужичане заложили много сел, которые в настоящее время о своем славянском происхождении напоминают только названиями.

Возведение замка Мисни входило в систему мероприятий, которые Генрих I проводил для защиты от набегов венгров, а его наследник Отто I стал уже присоединять славянские земли к создававшемуся немецкому государству. Область эта была превращена в маркграфство Мейсен, управлявшееся маркграфом, а в 968 году в нем было основано мейсенское епископство.

За владение мейсенским маркграфством вели борьбу германские, польские и чешские феодалы, но к XI веку верх одержали германцы. В это время города еще не было, он состоял всего лишь из замка с военным гарнизоном и резиденций нескольких светских и духовных феодалов. Вся округа по-прежнему была заселена крестьянами, но потом рядом с замком возник рынок, где продавали свои товары заезжие купцы, а со временем вокруг рынка стали селиться и ремесленники.

В 1423 году маркграфы Мейсена становятся герцогами и курфюрстами, а город с прилегающей к нему территорией становится герцогством, которое сразу начинает

присоединять к себе соседние земли. В 1471 году началось строительство новой резиденции, порученное архитектору Арнольду фон Вестфален. Замок, позднее названный по имени одного из владельцев «Альбрехстбург», по своему архитектурному стилю находится на рубеже готики и Ренессанса. Но в нем нет ничего от готической мистики, готические вертикали замка больше не выражали оторванности от земли, более того – здание подчинено членению по горизонтали, не свойственному готике.

Во время строительства нового замка резиденцией курфюрстов стал Дрезден, а Мейсен быстро превращался в провинциальный городок. Может быть, благодаря этому Альбрехтсбург в последующее время не подвергался переделкам и в почти нетронутом виде сохранился до наших дней. Он высится над Мейсеном на скале на берегу Эльбы. Его башни и шпили, часто окутанные дымкой тумана, видишь задолго до того, как въезжаешь в город. Издали он похож на другие немецкие замки – угрюмые, неприступные крепости, в которых средневековые бароны без труда месяцами выдерживали осаду и откуда частенько совершали набеги на земли соседей. Лишь вблизи можно заметить, что у замка Альбрехтсбург нет ни скрипучих подвесных мостов на толстых железных цепях, ни окованных дубовых ворот, прострелить которые не под силу пушке. В замке открытый изящный парадный вход, вместо узких окон-бойниц – широкие окна с ажурными деревянными переплетами…

Альбрехтсбург был гордостью курфюрстов – самодержавных правителей Саксонии. Здесь они принимали послов соседних государств и депутации подданных. Замок на скале, изящный и в то же время грозный, был символом курфюрстской власти – традиционно абсолютной, но в духе эпохи вроде бы не чуждой и новым веяниям.

Начало XVIII века, казалось, навсегда покончило с пышными приемами и шумными празднествами, прославившими Альбрехтсбург. Сотни мастеровых под бдительным надзором перегородили анфилады замка грубыми деревянными стенами, положили печи, пробили дымоходы, в блистательных прежде залах появились унылые ящики и кадки. Когда работы были закончены, в закрытой карете под эскортом роты драгун в замок доставили какого-то человека. Хозяин расположенного на окраине города трактира рассказывал потом, что это был совсем еще юноша – лет девятнадцати, не более. По городу поползли слухи: в замке поселили алхимика, чтобы он делал курфюрсту золото. Да и ради чего другого стал бы курфюрст превращать свой замок в мастерскую?!

В XVIII веке алхимия еще не сделалась областью преданий, и потому в королевских дворцах, резиденциях епископов, замках крупных феодалов и уединенных лабораториях часто трудились люди с безумными глазами. Золото нужно было всем, и алхимики довольно легко находили кров и стол у европейских владык того времени. Алхимиков носили на руках, их берегли так, что практически каждый из них становился узником, за любым шагом которого следила специально приставленная стража.

История сохранила имя мейсенского алхимика: Иоганн Фридрих Бётгер, аптекарь, 19 лет… В 1701 году его доставили сначала ко двору курфюрста Августа Сильного в Дрезден, а затем в замок Альбрехтсбург. В одном из залов замка висит большая картина, на которой И.Ф. Бётгер изображен в минуту сосредоточенных размышлений. Он действительно молод, красив и без придворного парика, который был не нужен среди тиглей и лабораторных посудин. На плечи алхимика наброшена меховая шуба, ведь в просторном каменном замке всегда очень холодно, но рубашка на груди распахнута, чулок на одной ноге спустился, другая нога, похоже, и вовсе не обута. В перепачканных руках И.Ф. Бётгер держит колбу с золотистой густой жидкостью… Может быть, это и есть та самая тинктура, с помощью которой можно любые металлы превращать в золото?

Однако, займись И.Ф. Бётгер поисками, например, философского камня, история вряд ли сохранила бы его имя, ведь так много алхимиков кануло в безвестность. А он обессмертил свое имя тем, что открыл тайну производства фарфора. Еще со времен раннего Средневековья фарфор попадал в Европу из Китая, но все попытки выведать у китайцев секрет его изготовления заканчивались неудачей. Фарфор стоил в Европе страшно дорого: он был предметом не просто роскоши, а роскоши королевской. Известен, например, случай, когда китайский столовый сервиз выменяли на полк бравых прусских солдат. В Италии и во Франции делались попытки создать свой фарфор, но он ни в какое сравнение не мог идти с китайским.

И вот аптекарь И.Ф. Бётгер, изобретатель и экспериментатор, сделал первый фарфор в Европе – настоящий фарфор! Другим «отцом» саксонского фарфора считается известный математик, физик и минеролог Э.В. Чирнгаузен. Вдвоем они установили, что таинственный

«петунцзе», который входит в состав необходимого для фарфора каолина, – это полевой шпат. Но годился только тот, что добывался в Скандинавии, а догадаться об этом можно было, только обладая солидными научными знаниями.

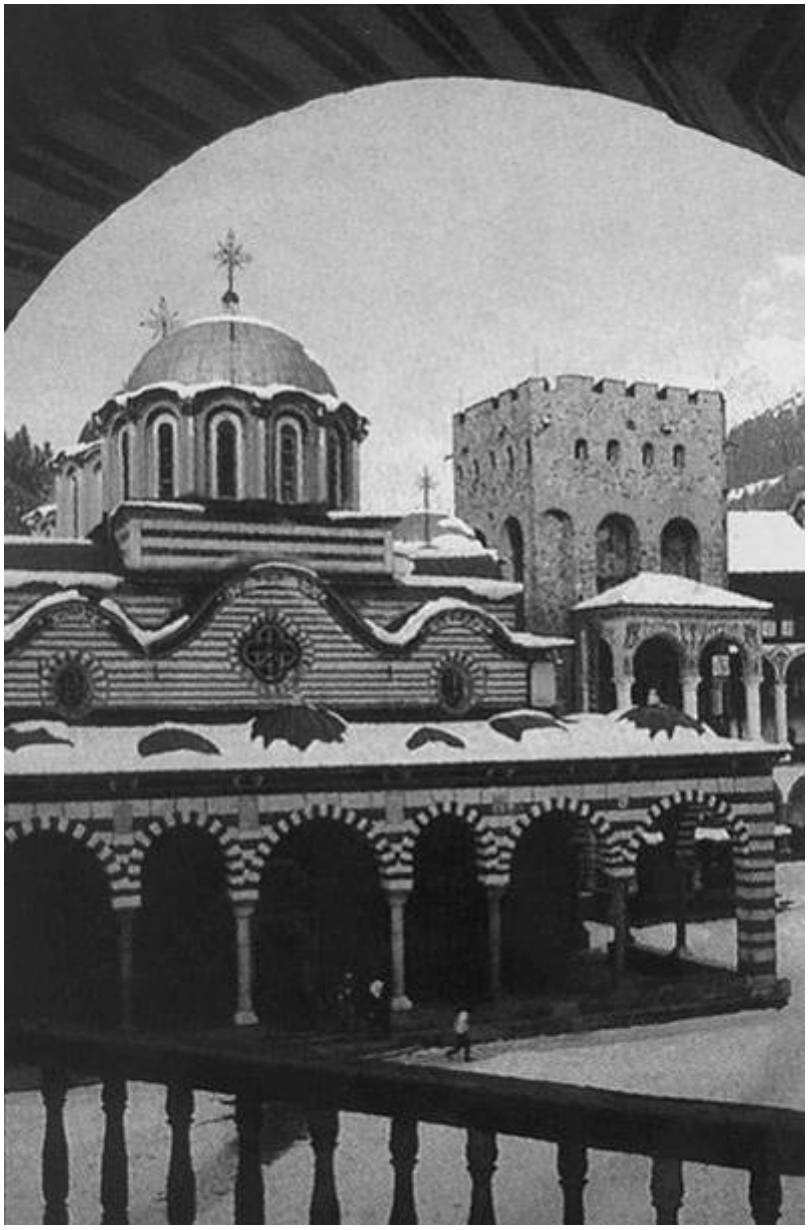
По соседству, в городе Фрайбурге, находилась старейшая в мире Горная академия, в которой были собраны данные о минералах чуть ли не со всей Европы. В ней в то время работали ученики знаменитого Георга Агриколы, впервые обобщившего опыт горно-металлургического производства и написавшего 12томный труд «О горном деле и металлургии».

А в Дрездене тогда жили и творили выдающиеся скульпторы, художники и ювелиры, без которых фарфор так бы и остался ценным, но бесформенным керамическим материалом. Художник Г. Герольд открыл немеркнущие краски, позолоту и подглазурную живопись: он был первым и до сих пор остался непревзойденным мастером «мейсенского декора» – художественной росписи по фарфору. Так появился на свет саксонский фарфор, и вскоре его марка – два голубых скрещенных меча – стала известна всей Европе. Краски, сделанные 300 лет назад, не потускнели: они такие же яркие и живые, как и на только что созданных вазах, чашках и сервизах, на которых скрестились голубые саксонские мечи…

Полтораста лет фарфоровая фабрика не выходила за пределы нагорного замка Альбрехстбург, в котором не раз возникали пожары. Только в 1864 году расширившаяся мануфактура была переведена вниз – на окраину Мейсена.

А 36летний алхимик И.Ф. Бётгер, безнадежно отравленный химикатами и хронически простуженный сквозняками замка Альбрехтсбург, скончался 13 марта 1719 года. Никто не знает, где он похоронен, и под установленным много позже памятником открывателю фарфора никто не лежит…

Духовная твердыня болгарского народа



Рильский монастырь

В лесных дебрях Рильских гор, на высоте почти 1150 метров над уровнем моря, расположился Рильский монастырь – духовная крепость, основанная в X веке святым пустынником Иваном Рильским. От юности презревший богатство, славу и все утехи мира, после смерти своих благочестивых родителей он на время поселился в тихой обители, где принял иноческий постриг. Но здесь он пробыл недолго, ибо душа инока возжелала всецелого отречения от мира, чтобы ничем не возмущаемой общаться с Богом. Инок Иван Рильский решил удалиться в такое место, где бы можно было вдали от людей совершенно предаться иноческим подвигам, и просил Господа указать ему такое место. Во сне ему были указаны близлежащие горы, и, оставив обитель, не взяв с собой ничего, кроме кожаной одежды, взошел инок Иван на высокую и необитаемую гору. Здесь он поселился в темной пещере, где и пробыл ровно 12 лет, проводя дни и ночи в молитве, трудах и подвигах.

Оставил он это место поневоле. Однажды по дьявольскому наущению на него ночью напали разбойники, избили до полусмерти и, утащив далеко от пещеры, запретили возвращаться в нее. И отправился Иван Рильский искать новое место, где бы он мог поселиться и продолжить свои подвиги. Долго ходил он и наконец дошел до Рильской безлюдной пустыни, на окраине которой, между реками Рило и Ильинка, нашел пустой дуб и поселился в нем. День и ночь он славил Бога в своих песнопениях и молитвах, ничто не возмущало его покоя, лишь дикие звери воем своим оглашали по ночам пустыню да воды потоков шумели, быстро катясь по стремнинам диких ущелий и скал. Не видя ни одного человеческого лица, прожил он здесь целых 60 лет, спокойно созерцая Бога и беседуя с Ним.

Но не удалось Ивану Рильскому совсем укрыться от людей, и первыми место его пребывания обнаружили пастухи. Возвратившись домой, они рассказали родным и знакомым о подвигах пустынника, и весть эта быстро разнеслась по окрестностям. Все спешили посмотреть на великого подвижника и принять от него благословение, а некоторые захотели и остаться с ним, чтобы тоже предаться подвижничеству, но старец отклонил их намерение.

Чтобы избежать славы человеческой, удалился он в глубь пустыни, где в одном из ущелий нашел очень высокий камень, взошел на него и с еще большим усердием предался молитвам. Терпя ночной холод и дневную жару, прожил Иван Рильский здесь 7 лет и 4 месяца. Слава о его подвигах достигла болгарского царя Петра, который повелел своим слугам во что бы то ни стало разыскать великого отшельника и не разыскавши – домой не возвращаться. Долго ходили они по Рильским горам, обошли там все пустынные места, но преподобного не отыскали и не знали, что делать им. Домой возвращаться не смели, а продолжать поиски от слабости уже не могли. Последний раз решили они попытать счастья и в скором времени нашли Ивана Рильского, поклонились ему и попросили у него благословения.

Предание рассказывает, что Иван Рильский не пожелал встретиться с царем, не принял от него драгоценности и золотые предметы, заявив, что для жизни среди природы они ему не нужны. Слава о преподобном и на этот раз разнеслась по всем окрестностям, и народ стал отовсюду стекаться к нему. Одни просили пустынника помолиться за них, другие ждали исцеления от недугов, немало нашлось и таких, кто захотел остаться с ним. Они и стали его первыми учениками-последователями, положившими начало монастырю.

Место, где жил Иван Рильский, было таким скалистым и неудобным, что лишь небольшое число иноков могло поселиться с ним. Но когда число их увеличилось, они нашли новое место для поселения, и через некоторое время дикая пустынная местность со своими высокими горами и неприступными ущельями и скалами превратилась в «место обительное» с могуществующей братией, во главе которой встал избранный ею игумен. Время от времени Иван Рильский приходил к ним, давал наставления, а потом вновь возвращался в свою пещеру. Монахи соорудили в ней храм, названный именем преподобного, в котором хранится и гроб его. Согласно устным преданиям, первоначально монастырь был построен в трех километрах от нынешнего его месторасположения. Первые насельники старались во всем подражать своему учителю, всячески соблюдая его иноческие законоположения, что благотворно сказывалось и на внешнем устройстве монастыря, хотя сначала он был невелик и все его здания были деревянными.

Достоверные данные о Рильском монастыре встречаются только с 1335 года, когда он находился во владении полунезависимого феодала Хреля. В этот год в целях обороны была возведена крепкая и мощная башня, которая должна была внушать страх врагам и

покорность закрепощенному населению и в то же время украшать монастырь. Кроме защиты от неприятеля, башня должна была служить и удобным жилым помещением для феодала и его семьи. В первой половине XIV века в монастыре была возведена новая каменная церковь, а также обновлены и укреплены все здания.

Во второй половине XIV века на Балканский полуостров из Малой Азии двинулись турки, подвергая все на своем пути разграблению и опустошению. Благодаря тому, что монастырь стоял в стороне от дорог, по которым могли передвигаться турецкие войска, его положение было относительно безопасным. Но взятие турками в 1382 году Софии и битва на Коссовом поле осложнили положение монастыря, так как его связь с Тырновским царством была прервана. Монастырь вошел во владения кюстендилского феодала Константина, сделавшегося вассалом турецкого султана, что сильно встревожило братию. Через три года тогдашний игумен Дометиан приказал зарыть все монастырские ценности и древние рукописи в окрестностях. Тогда же был переписан и «Завет» Ивана Рильского, оригинал которого, спрятанный в неизвестном месте, не найден до сих пор.

Около 1395 (или 1396) года турки почти до основания разрушили и разорили монастырь: целыми остались только каменная церковь и Хрельова башня. Несколько десятилетий монастырь находился в запустении и скорее всего в нем никто не жил, так как на развалинах выросли деревья, из-за которых виднелись только церковь и башня.

Когда вся Болгария оказалась под властью Османской империи, монастыри оставались почти единственными очагами болгарского национального духа и культурных традиций народа. Однако общий упадок, наступивший в порабощенной стране, отразился и на положении Рильского монастыря. Уменьшился поток паломников, несмотря на фирманы турецких султанов, монастырь лишился части своих земель. Во второй половине XV века при султане Мураде II монастырь вновь был разорен, и монахи вынуждены были уйти из него. О бедственном положении говорит, например, летописец Владислав Грамматик:

> Много стран и селений вместе с честными монастырями и Божьими храмами были разрушены огнем и по причине этого обречены на полное запустение. Тогда же разрушена была и опустела… пресвятая обитель боголюбивого отца в Рильском монастыре.

Вновь Рильский монастырь восстановили, немало потрудившись, три брата-иеромонаха – Иоасафан, Давид и Феофан. Наряду с обновлением монастыря, возродился и культ мощей Ивана Рильского, ставших символом могущества христианской церкви и роста самосознания болгарского народа. В мрачные годы ига Османов, когда болгарскому народу грозила ассимиляция, восставший из руин Рильский монастырь возглавил борьбу против духовного порабощения народа. Для возрождения былой славы монастыря монахи решили вернуть мощи святого Ивана Рильского, находившиеся в Тырново. Немалых усилий стоило получить разрешение турецких властей, однако в 1469 году состоялось торжественное перенесение мощей святого в Рильский монастырь, которое превратилось во всенародный праздник. В восстановленный монастырь шли на поклонение со всех концов страны, ведь здесь сберегались и другие реликвии прошлого, а церковная служба велась на родном языке. Здесь болгарский народ чувствовал свою общую сплоченность, здесь жил болгарский дух.

За счет щедрых дарений монастырь стал быстро богатеть, а благодаря умелому руководству деятельностью братьев в нем развернулась огромная литературная работа. Именно в те годы в обители работали известные литераторы Владислав Грамматик, Димитр Кантакузин и Гавриил Мардарий.

На рубеже XVI–XVII веков в Рильских горах свирепствовали разбойники, но монастырь пострадал не от них, а от турецких солдат, которых послали преследовать разбойников. И многое из восстановленного было снова разрушено. Но несмотря на все перипетии судьбы, Рильский монастырь оставался религиозным и культурным центром Болгарии. В нем работали многие книжники, и, в частности, были написаны «Апостол» и «Евангелие» Спиридона Афанасия, сборник житий и другие сочинения. Кроме того, монастырь приобретал рукописи, которые создавались и в других литературных центрах. В 1577 году крупницкий митрополит Иоасаф подарил Рильскому монастырю «Четвероевангелие» в позолоченном окладе, выполненном с большим художественным мастерством. На его лицевой стороне изображены болгарские святые Иван Рильский, Прохор Пшинский и Иоаким Сарандапорский, а по краю выгравирована надпись: «Поминайте в своих молитвах брата Матея, золотых дел мастера из Софии, который потрудился над окладом сего Евангелия».

В 1833 году в Рильском монастыре случился большой пожар, после чего его заново следовало восстанавливать. Но не так-то просто было получить на это разрешение турецких

властителей, которые рьяно следили за тем, чтобы монастырь не расширялся. В фирмане Мехмед-хана II дается разрешение на обновление сгоревших помещений, но «на старых основах согласно старому положению». С внешней стороны восстановленный Рильский монастырь своими мощными каменными стенами с несколькими оборонительными башнями, которые в случае нападения должны были выполнять свое прямое назначение, напоминает крепость. Узкие бойницы в стенах башен использовались осажденными, чтобы лить на головы нападавших кипяток и горячую смолу.

В 1876 году в монастыре скрывался участник антитурецкого восстания поп Стоян Разловский, но потом его схватили и заключили в Хрельову башню уже как пленника. Когда вооруженная турецкая стража вывела его из башни, чтобы переправить в город Дупницу[14], он покончил с собой, но не выдал своего отряда.

Насколько строг и суров монастырь внешне, настолько внутри него все исполнено изящества и гармонии. Четырехэтажные монастырские строения опоясаны галереями, своды и колонны которых покрыты росписью. Это подлинный дворец эпохи Возрождения: например, монастырский двор строился так, чтобы в первую очередь гарантировать надежную безопасность насельникам. Однако когда впервые попадаешь в него, первое чувство, которое вас охватывает, – это восхищение от красоты ажурных фасадов монументальных монастырских построек, от легкости и изящества деревянных лестниц и галерей…

Хрельову башню, высота которой 23 метра, поддерживают 12 пилястров (по три с каждой стороны): наверху они объединены арками, украшенными карнизом из красного кирпича. Симфония красок – желтых, красных, зеленых, черных и белых – еще больше усиливает ваше восторженное чувство. Очень живописна и дорога, которая ведет к монастырю: кругом горы, поросшие вековыми соснами и буками, зубчатые скалы и белые полотна водопадов…

Люксембургский замок

Государство Люксембург напоминает «лабиринт, где природные скалы и искусственные укрепления как бы бросают друг другу вызов среди цепи весьма необычных ущелий». Таким в 1792 году увидел герцогство Люксембург великий немецкий поэт И.В. Гёте. Сейчас от большинства укреплений, так поразивших поэта, остались лишь развалины, но уцелевшие казематы и сторожевые башни в сочетании с живописной природой создают неповторимое очарование.

С незапамятных времен в этих лесах и горах, рассекаемых быстрыми реками, жило кельтское племя треверов. В 53 году до нашей эры территории по Мозелю и Рейну были завоеваны Юлием Цезарем, а временной резиденцией римских императоров на пять веков стал город Трир. В начале IV века потомки Юлия Цезаря, завоевавшие территорию нынешнего герцогства Люксембург, воздвигли здесь сигнально-наблюдательную башню. Она располагалась на перекрестке важных дорог северной провинции Римской империи и была частью оборонительной системы, сдерживающей натиск германских племен. Башня оказалась прочнее и долговечнее Римской империи и в конце IV века перешла в руки германцев. Со временем ее расширили и дали ей название – замок Люцилинбургук.

Среди красно-желтых камней резвой речушки Альзет туристам показывают и тот, на котором по преданию

> сидела, расчесывая свои прекрасные волосы, русалка Мелузина. Чтобы пленить витязя Зигфрида, она обернулась девушкой, от их союза и пошли люксембуржцы.
>
> Но Мелузину тянуло к реке, и время от времени она принимала облик русалки. Однажды Зигфрид увидел свою подругу в таком обличье и… лишился Мелузины: русалка испугалась и исчезла в расступившейся скале.

Сказочный воитель и охотник Зигфрид, известный от Рейна до Дуная, в народной фантазии соединился с Зигфридом историческим – германским рыцарем, основателем города. Сведений об историческом Зигфриде до нашего времени дошло не очень много, но точно известно, что он происходил из богатого и могущественного Арденского рода – из семьи крупных землевладельцев. Зигфрид был правителем одного из лотарингских графств, а сама Лотарингия входила тогда в Германскую империю. Одновременно он был владельцем и многочисленных деревень, которые находились далеко друг от друга. Чтобы держать их под надежным контролем, Зигфрид решил подыскать подходящее место для строительства нового замка. Он нашел его на берегу реки Альзет – там, где сейчас расположена столица Люксембурга.

В апреле 963 года Зигфрид приобрел эту землю у аббатства Сан-Максимина, которое в свою очередь получило ее как дар от короля Карла Мартелла – одного из предков Карла Великого. Приобретенное Зигфридом место как нельзя лучше соответствовало своему назначению, и он стал возводить здесь замок, на строительство которого согнали крестьян и ремесленников со всех окрестностей. Со временем вокруг замка стал возникать город, который получил свое название от легендарного укрепления римлян – Lucilinburhuc, что означает «маленькая крепость». Это название впервые было упомянуто в обменной грамоте, которая в настоящее время хранится в городском архиве Трира. От него потом произошли другие названия, а французская норма – Luxembourg – появилась во время первого французского владычества.

Замок выстроили на торговой дороге от французского города Реймса в немецкий город Трир – в крае, заведомо беспокойном и обреченном на кровавые испытания. Хотя на земле Люксембурга целых пять веков царил мир, но герцогство-крепость, стоявшее на стратегически важном пересечении европейских дорог, словно магнитом притягивало к себе завоевателей. К середине XV века герцогство в результате сложных династических комбинаций стало составной частью Федерации бельгийских провинций. Как известно, Федерация эта не была особенно удачливой, часто воевала и почти всегда терпела поражения. В результате почти все 400 лет, пока Люксембург считался членом Федерации, он находился под чужеземным игом. Сначала его властителями были бургундцы, потом – испанцы, после них – французы, снова испанцы, затем австрийцы и опять французы. Однако несмотря на жестокие войны, средневековое государство продолжало существовать, словно многочисленные удары судьбы только крепче сплачивали его упрямых жителей.

В середине XV века Люксембургом овладели французы, а в 1542–1544 годы великолепный замок был разрушен, но позднее на его месте воздвигли новое крепостное сооружение. На протяжении последующих лет замок переходил из одних рук в другие: каждый из завоевателей старался укрепить свое владение, возводя новые фортификационные сооружения, по прочности своей не уступавшие скалам, которые служили им основанием. Когда в конце XVIII века французы в очередной раз попытались захватить Люксембург, они поняли, что взять крепость штурмом невозможно. Но что оказалось не под силу оружию, сделал голод: почти годовая осада вынудила защитников города сдаться. Объявляя Национальному собранию Франции о победе 1795 года, генерал Лазар Никола Карно

подчеркнул: «Эта крепость уступает лишь Гибралтару». С тех пор столицу герцогства Люксембург нередко стали называть «Северным Гибралтаром».

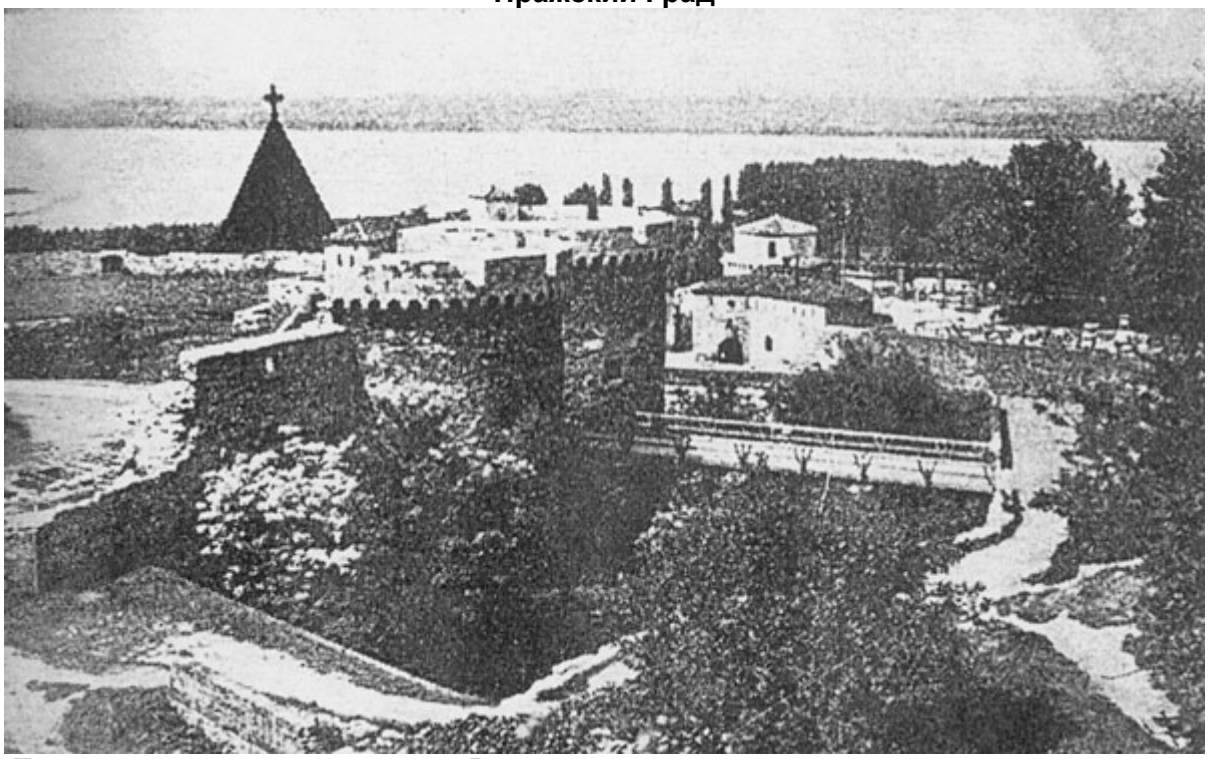
Несмотря на свою громкую славу, Люксембург не мог противостоять армии Наполеона. А в 1815 году, когда европейские монархи решали в Вене судьбы Европы, герцогства Люксембург домогались король Голландии и король Пруссии. Люксембург стал той гирькой, которую подбрасывали на чашу весов для полного их равновесия. Надо было ублажить недовольного короля Голландии – добавить ему Люксембург! Но нельзя было обижать и венценосного короля прусского, опасавшегося, не будет ли неприятностей от усилившихся голландцев! И гирьку-Люксембург пришлось «разрезать»! Решение на Венском конгрессе было вынесено двойное: Люксембург получал голландские законы и голландских чиновников, а в крепости разместился прусский гарнизон.

Досужие люди подсчитали, что герцогство Люксембург в 213 раз меньше Франции и в 12 раз меньше Бельгии. Однако, с другой стороны, Люксембург – первое среди малых государств и оставляет позади Андорру, Сан-Марино и Лихтенштейн. На одном из центральных памятников города выбиты слова: «MIR WOLLE BLIVE BAT MIR SIN» («Мы хотим остаться такими, кто мы есть»).

Люксембург – это лестницы и мостики, выбитые в берегах оврага галереи, фасад подземного храма, самые причудливые сочетания скал, зелени и зданий… Древние камни расскажут и о правительнице Эрмезинде, при которой в XIII веке процветали науки и искусства. Именно тогда в монашеской келье родилась поэма «Летцебургеш» в 6000 строк – едва ли не самое грандиозное творение средневековой поэзии.

Мирно ржавеют в замке крепостные пушки, а в казематах вместо пороха и ядер лежат бочки со знаменитым мозельским вином: оно стареет там, отчего становится еще крепче. В самом дальнем тупичке катакомб лежит загадочная каменная фигура – «беспокойный Пьер». Какой ваятель и когда высек его – неведомо! Глаза озорные, лукаво прищуренные, над изголовьем теплятся свечки. И девушки порой втыкают иголку в свечной воск, чтобы вонзилась боль в сердце неверного возлюбленного и коварного изменника…

Пражский Град



Прага, расположенная на реке Влтаве, по праву считается одним из самых красивых городов мира. И действительно, немного есть городов в Европе, которые при самом своем рождении получили бы в дар такое красивое месторасположение. Но прежде чем город стал «златой Прагой», прошло много веков.

А начиналось все с Пражского Града, высоко возвышающегося над городом. Ученые установили, что около 850 года уже упоминается край Fraganeo (Пражско), следовательно, Прага – как торговый и культурный центр – тогда уже существовала. Для защиты ее от нападений были построены две крепости – Вышеград и Пражский Град. Древние предки

выбрали идеальное место для возведения укрепленного городища, которое с течением времени стало местом важнейших событий не только в истории чешского и словацкого народов, но и всей Европы. Об одних событиях повествуется в старинных легендах, о других рассказывают страницы истории. Пражский Град являлся и крепостью, и святым местом, и резиденцией правителей, двор которых был то прихотливо пышным, то аскетически простым и скромным.

Сначала Пражский Град, который долгое время называли «выжженным холмом», был небольшим укрепленным поселением, вокруг которого, куда ни бросишь взгляд, простирались дремучие леса. Правда, славяне, заселившие долину Влтавы в IV–V веках, ставили свои деревянные крепости и на других холмах, но именно здесь вырос Пражский Град – треугольная в плане крепость, которая по своей топографии сближается с Московским Кремлем. Именно здесь начиналась потом Прага каменная, здесь она возникла как твердыня чешского государства.

Пражский Град был основан в конце IX века по воле князя Борживоя из рода Пржемысловичей[15]. Сначала это была просто деревянная крепость, но вскоре к первоначальной ограде из кольев и рву, который при необходимости быстро заполнялся водой, добавились рубленые башни с проездными воротами и брустверы, сложенные из толстых бревен и обмазанные глиной. В центре этого укрепления стоял княжеский «дворец» – низкое, приземистое строение на каменном фундаменте. Из его узких окон трудно было увидеть, что делается за частоколом и уж тем более за верхушками могучих деревьев. До настоящего времени от этого княжеского «дворца» ничего не сохранилось, но располагался он приблизительно под окнами нынешнего Владиславского зала.

Неподалеку от княжеского жилища, как предполагают ученые, под сенью деревьев стоял княжеский трон. За оврагом, который отделял княжескую обитель от жилищ челяди, возвышался курган Жижи – место языческих жертвоприношений и погребений.

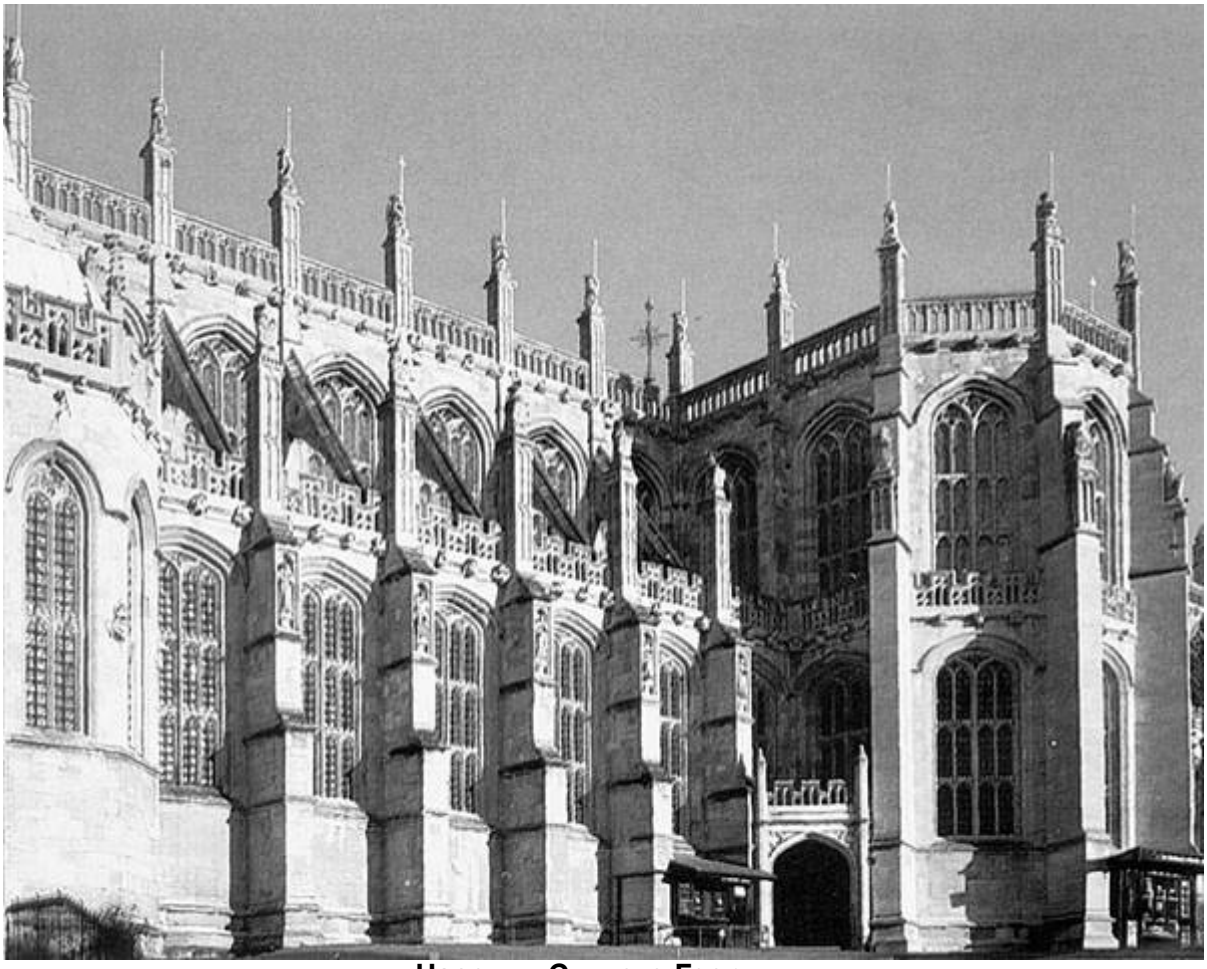
В те далекие времена попасть в Пражский Град было очень нелегко. Поднимались туда либо пешком, либо на лошадях, а знатных дам слуги несли на носилках. Много воды утекло во Влтаве, прежде чем через нее перекинули мост. А до той поры каждый, будь он знатный господин или простолюдин, должен был искать перевозчика или переходить вброд, так как крепость располагалась между Влтавой и потоком Бруснице – выше главного влтавского брода.

На территории этого первого Града были поставлены церкви Богородицы, Святого Георгия и Святого Вита, а в 953 году здесь была возведена епископская резиденция.

В XI веке, во времена немецкой агрессии и польского вторжения в Чехию, обнаружилось, что прежняя система укреплений Града уже не является достаточно надежной защитой. И потому во время властвования князя Бржетислава I (1034–1055) старые укрепления заменяются новыми, окруженными уже каменной стеной. Для входа в Град с восточной стороны была построена Черная башня, возведенная на склоне старых укреплений. Очевидно, уже тогда было заложено и основание первого каменного княжеского дворца.

По мере усиления княжеского рода Пржемысловичей, постепенно объединивших окрестные территории, заселенные чешскими племенами, росло и значение Пражского Града – резиденции княжеской, а затем и королевской власти. Если первые княжеские дворцы были деревянные, то при князе Собеславе в первой половине XII века возводится дворец из известняка. Белоснежные прямоугольные блоки для него доставлялись с белой горы, а сам дворец построили в романском стиле, который господствовал тогда во всей средневековой Европе[16]. Южный фасад дворцового здания сливался с крепостной стеной, а украшали его башенки, служившие во время обороны Града местом сбора лучников. Крепостные стены Пражского Града были подняты на 14метровую высоту, увеличилась и высота башен, в которых устроили новые входы и ворота.

Начало правления Владислава II неблагоприятно отразилось на Пражском Граде. В это время он подвергся нападению зноемского князя Конрада и был сильно поврежден. Особенно пострадала епископская резиденция, поэтому ее пришлось отстраивать заново, а также перестроить церковь Святого Георгия. При реконструкции план и художественные формы церкви сохранились в прежнем виде, но были сделаны и небольшие изменения: в частности, построили две башни и новые кафедры внутри храма, над боковыми нефами вывели крестовые своды и т. д.



Часовня Святого Георгия

Пражский Град того времени был одной из самых пышных резиденций правителей: здесь собиралось вече, избирались правители, проходили большие собрания и торжественные празднества. На Большой площади Града (нынешней Георгиевской) когда-то стоял знаменитый каменный княжеский трон, о котором летописец писал: «Это самый драгоценный камень, ибо из-за него пролилось крови больше, чем из-за всех других».

Романский облик Пражского Града сохранялся до XIII века – времени правления королей Вацлава I и Пржемысла II. Потом начинает распространяться готический стиль, однако это время оставило небольшой след в Граде. Во время правления Пржемысла II – одного из могущественнейших государей Европы того времени – наступает новый расцвет Пражского Града. Однако созданные тогда новый дворец с западной стороны старого княжеского дворца, капелла Всех Святых, укрепления Града были уничтожены пожарами и временем или снесены при позднейших перестройках.

Феодализм в чешских землях своего наивысшего расцвета достиг во время правления короля Карла IV, который настолько усилил и возвеличил Прагу, что она стала главным городом Римской империи. Король решил построить новый королевский дворец в готическом стиле, одновременно в Граде ремонтировались старые укрепления и реконструировались ворота Белой и Черной башен замка. А на месте базилики Святого Вита в октябре 1444 года заложили новый кафедральный собор.

Народное движение Яна Гуса и последующие десятилетия междоусобных войн прервали строительные работы в Пражском Граде. Чешские короли переселились в Королевский двор в Старом городе, и замок стоял в запустении, пренебрежении и даже подвергался осаде противоборствующих сторон. Только весной 1485 года король Владислав, опасаясь дальнейших выступлений пражского народа, переселился в Град, который решил перестроить в соответствии с требованиями того времени. Особое внимание было уделено перестройке Королевского дворца, в котором был создан новый Тронный зал, ныне названный Владиславским. Начались работы и в соборе Святого Вита: сначала была построена королевская часовня, потом реконструировали старый епископский дом, дом пражских викариев и т. д. Кроме того, расположение Пражского Града на вершине горы уже

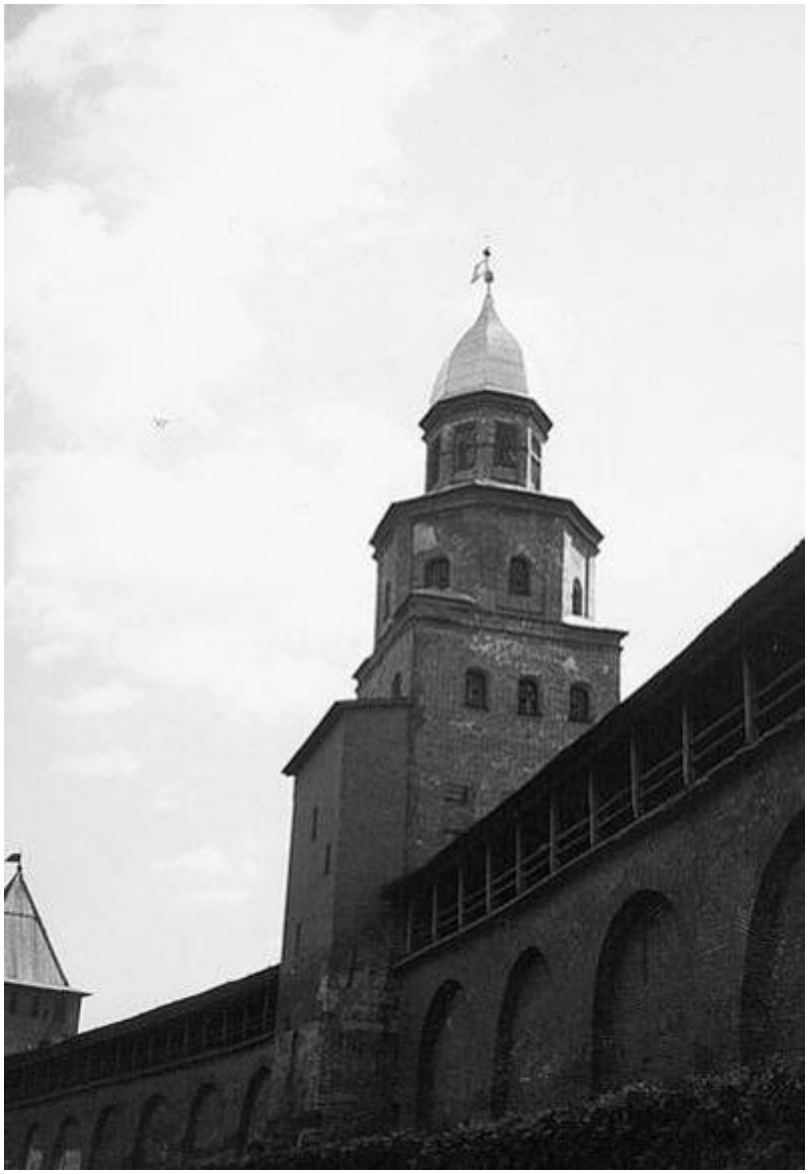
не было естественной защитой от нападений, так как к этому времени появилась артиллерия и противник мог беспрепятственно обстреливать Град.

Работы, начатые под руководством Бенедикта Рида из Пистина, восстановили безопасность Пражского Града и исправили его фортификационные недостатки. Готическая стена была удвоена по всей окружности, снабжена системой бастионов и артиллерийских башен, которые давали большую возможность сосредоточить огнестрельные силы во всем укреплении и главное – в опасных местах.

В октябре 1526 года на чешский трон после смерти Людовика Ягеллона, погибшего в битве с турками под Могачем, был приглашен Фердинанд Габсбургский. Его правление стало новой эпохой в истории Пражского Града. Средневековый замок уже не удовлетворял новым требованиям и влиянию итальянского Возрождения, поэтому главной задачей широко задуманного строительства стало создание Королевского парка с летним дворцом и реконструкция жилой части Королевского замка.

Пражский Град был свидетелем многих исторических событий, но после бурных событий 1620х годов Фердинанд II оставил Град, а после него и другие члены династии Габсбургов жили здесь редко. Однако строительство в Граде не прекращалось: некоторые изменения произошли в нем под влиянием сильно распространившегося в Праге стиля барокко. На северной стороне Града возвели манеж и небольшой зал для игры в мяч; собор Святого Вита украсился новым фасадом, в нем была устроена часовня Яна Непомуцкого.

Большой ущерб Праге нанесла прусская осада 1757 года: в Граде были сильно повреждены Испанский зал, Галерея, собор Святого Вита и другие сооружения. Начавшиеся восстановительные работы продолжались 25 лет, в результате была устранена смесь различных архитектурных стилей и создано единое монументальное целое, соответствовавшее новым требованиям, но не нарушающее его силуэта. Силуэт этот не был нарушен благодаря башне Святого Вита и двум башням Святого Георгия. С того времени контуры Пражского Града уже не изменялись до наших дней.



Все на Пражском Граде сооружалось целыми поколениями мастеров, и потому каждый камень здесь – святыня для чехов. И нет ни одного старинного города, особенно готического, где бы водилось столько привидений, как в Праге: здесь почти каждое место имеет свое предание или легенду. На Вальдштейнской площади появляется безглавый трубач Рупрехт, на Бетлемской – тоскливый магистр Палеч, по улице Карлова бродит сумасшедший брадобрей. А недалеко от Пражского Града, у Вышеградского форта, является дух французского майора в военной форме XVIII века.

> В свое время майор командовал французскими войсками, занявшими Прагу в 1741 году, и погиб в бою. С тех пор его дух и стал бродить по Вышеграду, и не было привидения более кровожадного, чем он. «Майор» нападал на патрули, щекотал часовых и даже напугал нескольких офицеров австро-венгерской армии. А выпущенные в «майора» пули пролетали сквозь него, не причиняя никакого вреда.
>
> Утихомирился «майор» только в конце XIX века, когда один поручик приветствовал его, как и положено при встрече двух военных. «Майор» улыбнулся, потрепал поручика по плечу и растаял в воздухе. И с тех пор он стал появляться на Вышеграде только в хорошем настроении: на приветствия прохожих вежливо кивает и вообще ведет себя очень достойно, как и положено хорошо воспитанному привидению…

Крепость Крак-де-Шевалье

Рыцари Ордена Святого Иоанна Иерусалимского проявили особое мужество и после окончания крестовых походов. Ряд замков и крепостей в Сирии и Палестине они удерживали и тогда, когда крестоносцы были уже изгнаны с этих земель.

Недостаток людей заставлял рыцарей организовывать свою оборону по европейскому образцу. Все свои усилия они направляли на строительство гигантских крепостей, чтобы отражать из них натиск мусульман. Наиболее совершенной в архитектурном отношении цитаделью на франкском Востоке являлась крепость Крак-де-Шевалье. Она была возведена еще до крестоносцев, и уже во время Первого крестового похода ее осаждали французские рыцари на своем пути в Сирию. Крак-де-Шевалье располагался на стратегически важной высоте, имел огромные размеры и искусные фортификационные укрепления. Но вскоре после основания графства Триполи его правители поняли, что не смогут содержать крепость в должном состоянии, и в 1144 году граф Раймунд II Триполийский передал ее Ордену иоаннитов.

К фортификационным сооружениям той эпохи предъявляли четыре главных требования. Крепость должна была иметь мощные стены с хорошо разработанной системой обороны, чтобы удерживать ее малыми силами и обеспечивать перспективный обзор местности. Внутри она должна была обладать большим пространством, чтобы при необходимости там могли разместиться население окрестных деревень, скот и запасы продовольствия. И, кроме того, крепостные стены должны были выдерживать возможную прямую атаку противника.

Крак-де-Шевалье, как и другие крепости Ордена иоаннитов, полностью соответствовал этим требованиям. Рыцари не только восстановили старые стены и постройки, но и значительно расширили крепость и улучшили ее оборонительные укрепления. Даже в мирное время в крепости мог разместиться гарнизон в 2000 человек.

Крак-де-Шевалье располагался в 40 километрах к северу от Триполи, на склоне одного из отрогов Ливанских гор, и господствовал над равниной, по которой пролегали пути в долину реки Оронт. Система крепостных укреплений включала два ряда исполинских стен, сложенных из пригнанных друг к другу известковых блоков, каждый из которых был высотой полтора и шириной один метр. В укрепления входили и мощные башни, чьи закругленные формы и толщина каменной кладки позволяли выдержать стрельбу из стенобитных машин. За тот период, когда крепостью владели рыцари-иоанниты, она выдержала более 10 осад. Кроме того, ее не могли разрушить даже многочисленные землетрясения, часто происходящие в той местности.

Внутри крепости, площадь которой равнялась 2,5 гектара, размещались резиденция магистра Ордена, жилые помещения для оруженосцев и хозяйственные постройки – амбары для зерна, конюшни, мельница, пекарня, маслобойня и т. д. Здесь же располагались открытые цистерны, в которые питьевая вода поступала по акведуку из пробитой в горах скважины.

Следуя полумонашескому образу жизни, рыцари позаботились и о церковных постройках. В Крак-де-Шевалье существовал монастырь, в кельях которого жили рыцари, здание орденского Капитула и часовня, где службы отправляли иоанниты-капелланы. Правда, кельи эти по своему убранству порой были весьма далеки от того аскетизма, который провозглашали рыцари, и соблюден был только внешний декор. По этому поводу американский исследователь В. Дьюрант метко заметил, что братья-иоанниты, «индивидуально дававшие обет бедности, в своих крепостях меж ратными трудами коллективно наслаждались роскошью».

На рубеже XII–XIII веков Орден Святого Иоанна Иерусалимского достиг уже такого могущества, что мог соперничать с государственной властью. К этому времени ему принадлежали почти все основные сооружения крестоносцев, особенно в княжестве Антиохия и графстве Триполи, а также целые кварталы некоторых городов: например, совместно с тамплиерами они владели Тартусом, Сафадом и Аскалоном. Владетельным князьям приходилось шаг за шагом уступать рыцарям-иоаннитам некоторые из своих привилегий. В частности, Ордену уже предоставлялось право заключать мирные договоры с соседями-мусульманами, и эти договоры имели юридическую силу для правителей государств крестоносцев. Такие же договоры, подписанные самими правителями, для иоаннитов не являлись обязательными.

Укрепившиеся в своих неприступных крепостях рыцари не подчинялись никакой власти, кроме власти магистра, и вели себя так, как будто Орден является независимым. Магистр объявлял войну, взимал дань с арабского населения и диктовал свои условия во всех владениях крестоносцев. Королям и князьям волей-неволей приходилось считаться с требованиями рыцарей-иоаннитов, численность которых вместе с тамплиерами равнялась численности всех вооруженных сил Иерусалимского королевства.

Однако достигнутыми победами крестоносцы были обязаны не столько своей сплоченности и единодушию, сколько разобщенности мусульманского мира, переживавшего период феодальной раздробленности и религиозных распрей. Но к XII веку ситуация в мусульманском мире изменилась: Египет на юге и турки-сельджуки в Сирии постепенно объединили свои силы. Первыми показали свою возросшую мощь сельджуки: в декабре 1144 года под их ударами пала Эдесса, а через год они полностью очистили от франков долину Евфрата.

Государства крестоносцев, окруженные могущественной державой египетского султана Салах-ад-Дина, попали в тиски с востока и юга, но бароны даже перед лицом все нарастающей опасности не желали поступаться своими правами и вольностями. Вместо того чтобы объединиться, они продолжали междоусобицы и распри, однако некоторые из своих позиций в Палестине им все же удалось сохранить. На территории бывшего Иерусалимского королевства в их руках оставались Бельфор и Тир, в княжестве Антиохия уцелели лишь его столица и цитадель Маркаб, а в графстве Триполи – несколько небольших замков тамплиеров и неприступная крепость Крак-де-Шевалье.

Салах-ад-Дин действовал осторожно и целых 12 лет не касался христианской полосы Сирии, но подчинял одну за другой ее турецкие части. Однако мирные отношения с христианами, закрепленные договором 1180 года, прервались из-за барона-авантюриста Рено Шатильонского, впрочем в Сирии он был тогда такой не один. Рено Шатильонский ограбил отправлявшийся на богомолье караван, в котором находилась сестра Салах-ад-Дина. Египетский султан потребовал удовлетворения у иерусалимского короля и, не получив его, призвал к газавату.

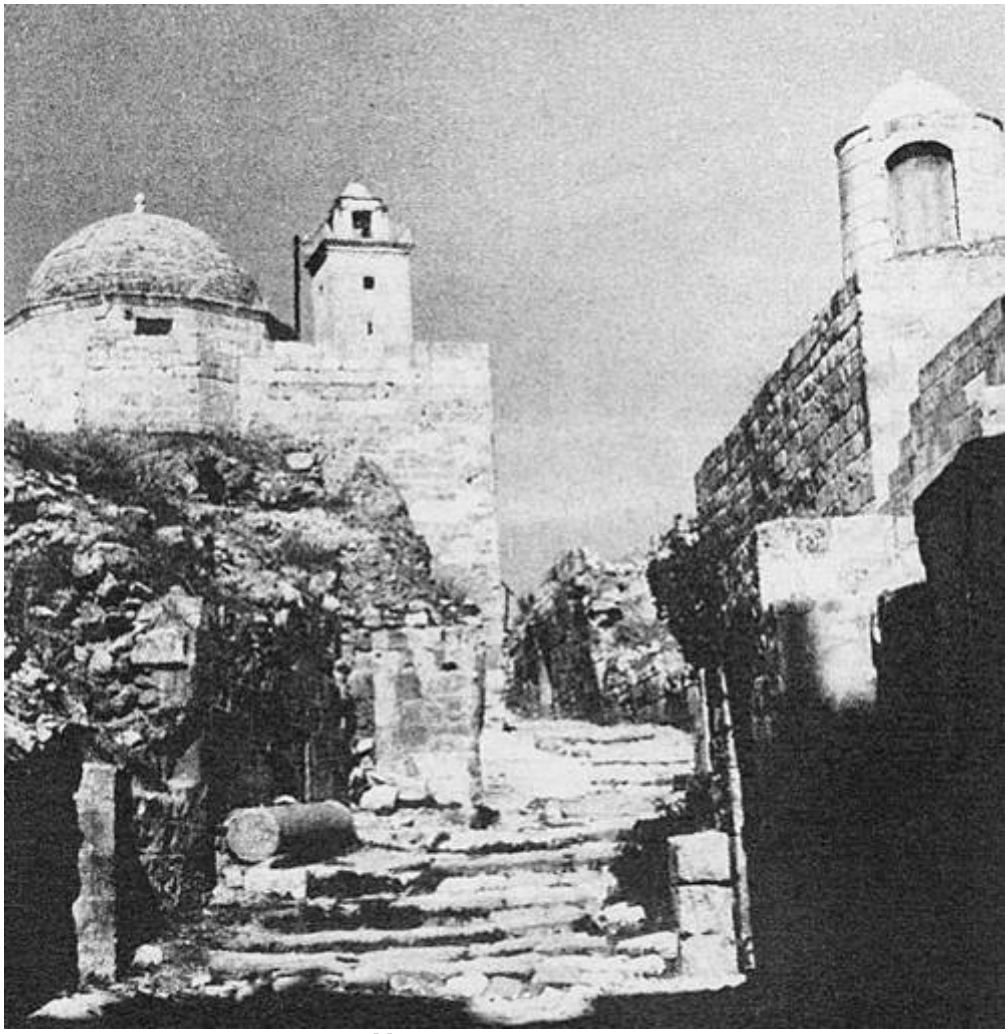
«Священная война» застала христиан врасплох, а продвижения Салах-ад-Дина были быстрыми и уверенными. В июне 1147 года он взял Тивердиаду, нанес поражение главному войску крестоносцев на высотах Гиттина и многих из них взял в плен. Затем египетский султан захватил Акру, Бейрут, Кесарию и Аскалон, а Иерусалим даже и не пытался защищатсья. При первой бреши, пробитой в стене, город капитулировал: 2 октября 1147 года Салах-ад-Дин вошел в Иерусалим, и над его стенами взвились турецкие знамена.

Но неприступный Крак-де-Шевалье не смог взять даже этот всесильный и талантливый полководец. И только султан Бейбарс свел владения франкских баронов до нескольких укрепленных пунктов, располагавшихся вдоль побережья Средиземного моря. А в 1271 году он разгромил и цитадель иоаннитов Крак-де-Шевалье, считавшуюся самой главной и мощной в Сирии.

Легенды старинной крепости Маркаб

Как немой свидетель давних сражений крестоносцев стоит на горной вершине прибрежной полосы крепость Маркаб, расположенная между городами Баниас и Тартус. На вершине горы Нсарие, сложенной из вулканических пород, господствуют над близлежащим побережьем мощные стены средневекового замка. Такое местоположение крепости и дало ей название Маркаб, что в переводе с арабского означает «наблюдательный пункт».

Первые укрепления Маркаба появились в 1062 году, но уже через полвека они были захвачены византийцами во время их военных походов по северной Сирии. Позже – в 1118 году – крепость штурмом взяли отряды Роджера Антиохийского – одного из предводителей крестоносцев. После этого она превратилась в сторожевой пост Антиохийского княжества.



Улица в цитадели

В 1186 году на башне крепости взвился флаг рыцарей-госпитальеров Ордена Святого Иоанна Иерусалимского. Они значительно перестроили и укрепили крепость, ее гарнизон достигал численности 1000 человек и мог выдержать длительную осаду. Этому способствовало и само положение Маркаба: с запада и севера – отвесный крутой обрыв, с востока – глубокая долина, и только с юга к крепости мог подойти неприятель. Но здесь ее стены были особенно мощны.

В основании массивной башни и до сегодняшнего времени сохранился резервуар для дождевой воды. По специальным трубам вода стекала с крепостных стен и башен, проходила через фильтр из мелкого камня, песка и угля и попадала в каменный бассейн. Кроме того, для обеспечения гарнизона водой на случай осады в крепости было вырыто несколько глубоких колодцев.

Используя неприступный Маркаб в качестве плацдарма, крестоносцы все дальше и дальше проникали на восток, захватывая новые земли. Не один раз арабы пытались разрушить крепость, но каждый раз безуспешно. Даже султан Салах-ад-Дин, знаменитый победитель крестоносцев, не решился атаковать Маркаб.

Наконец в 1285 году султан Каляун с огромным войском осадил крепость. Он мобилизовал всех местных князей и поставил свой лагерь на окрестных холмах, ведущих к подножию горы Нсарие. Несколько раз водил султан свое войско на штурм крепости, но ее стены, сложенные из черного базальта, были неприступны. Легенда рассказывает, что

> как-то после одного из неудачных штурмов полководец сидел возле костра у своей палатки. «О, Аллах, – воскликнул он, сжав в руке осколок черного базальта. – Проклятый камень не поддается никакой силе». И в ярости бросил его в огонь.
>
> Долго сидел Каляун у костра, мрачно разглядывая языки пламени, и вдруг на его глазах раскалившийся камень треснул. Обрадованный султан собрал военный совет и раскрыл свой план.

И вновь арабское войско ринулось на приступ. С крепостных стен Маркаба летели сотни стрел и огромные камни, лилось кипящее масло, но под южной стеной арабские воины пробили углубление и подвели под нее деревянный запал. Жарко запылало дерево, раскаляя каменную кладку; осадные машины забрасывали на стены горящую смолу, и под напором огня сдался черный камень.

Воины Каляуна бросились в пролом, захватывая бастионы крепости. Крестоносцы взмолились о пощаде: один за другим, низко опустив голову, проходили они через крепостные ворота, а сверху на них смотрел торжествующий султан Каляун.

Когда последний крестоносец покинул крепость, арабские воины заложили проем и выстроили на этом месте новую башню из черного базальта. Причудливая арабская вязь на полоске из белого мрамора, опоясывающей башню, и сегодня рассказывает потомкам историю мудрого сирийского полководца Каляуна.

Еще не раз вторгались завоеватели на землю Сирии, и древние стены крепости Маркаб хранят много тайн. Вот небольшое помещение в здании бывшей базилики. Часть штукатурки здесь снята, и со стен строго смотрят лики христианских святых. Плавно ниспадают с плеч их одеяния, выписанные мерцающей в полутьме охрой. Ученые предполагают, что фрески относятся к началу XII века, когда арабы, занявшие крепость на какое-то время, превратили помещение церкви в мечеть. Христианские фрески не были уничтожены, их просто покрыли штукатуркой…

А найти фрески помог случай. В конце 1970х годов кусок штукатурки отвалился, и под ней появился древний рисунок. После этого начались реставрационные работы: сначала были раскрыты лики святых на стенах в одном из приделов бывшей базилики, а вот что скрывается под штукатуркой на сводах – еще неизвестно.

Не найден пока и подземный ход, соединявший крепость со сторожевой башней, расположенной у подножия горы Нсарие. Удалось обнаружить только небольшой его отрезок, ведущий от башни к берегу моря. Оказалось, что устройство подземного хода было тщательно продумано: примерно через каждые 100 метров в нем можно было устроить засаду, чтобы уничтожить преследующего противника.

При турках крепость Маркаб была превращена в тюрьму, в которой томились борцы за независимость своей страны. В 1920 году здесь укрывались сирийские партизаны, боровшиеся под руководством Салеха аль-Али против французских колонизаторов.

Вход в крепость начинается у ворот донжона – массивной прямоугольной башни. Под мрачными, темными сводами легко представить, как здесь, гулко цокая копытами, когда-то проходили могучие кони крестоносцев и огонь факелов отражался в латах рыцарей. Пройдя вереницу залов и низких коридоров, попадаешь на залитый солнцем внутренний двор крепости. Возле полуразрушенных ступеней, ведущих на стены, сложены грубо отесанные каменные ядра: теперь они мирные, и на их изъеденных веками боках греются серо-желтые ящерицы…

На холме Калемегдан

Белград – древний город, история которого насчитывает 24 века. Он возник на перекрестке дорог, связывавших Европу, Азию и Африку, – там, где у слияния рек Савы и Дуная стоит высокий холм Калемегдан. В прошлом этот холм был военным ядром города «Сингидунум», основанного кельтами. Здесь, на перекрестке важных дорог, с давних времен встречались торговые караваны, и потому город стремились захватить армии многих завоевателей, наступавших на него с севера и юга, запада и востока. В нем оставили следы своего пребывания кельты и древние римляне, византийцы, австрийцы и турки…

Но город, располагавшийся на плоскогорье между двумя реками и опоясанный крепостными стенами, всегда был готов к обороне. Сотни раз он подвергался нашествиям и штурмам, не менее 40 раз переходил из рук в руки. От древнего кельтского названия «Сингидунум» до наших дней не осталось почти никаких следов, кроме самого этого названия[17]. В I веке сюда приходят римляне, которые владеют городом почти четыре столетия. После распада Римской империи Сингидунум вошел в состав Византии, но так как он был пограничным городом, а Византия не всегда могла отразить нашествия завоевателей, то он часто переходил из одних рук в другие и менял своих хозяев. Город часто разрушали и сжигали, особенно сильно пострадал он от нашествия гуннов в 449 году.

Византийский царь Юстиниан I восстановил город и построил крепость, чтобы защищать северные рубежи своей державы. Но после смерти императора, в начале VII века, город разорили окончательно: забылось его имя, исчезли многочисленные памятники, до основания были уничтожены крепость и лагерь византийцев… Но осталась земля, осталось устье Савы и Дуная, остался Калемегданский гребень как вызов новым завоевателям.

Долгое время Белград оставался вне сербской державы, и только в 1284 году венгерский король Владислав I передал Мачванскую бановину с Белградом в пожизненное владение своему зятю – сербскому королю Драгутину, когда тот уступил престол своему младшему брату. После смерти Драгутина его младший брат Милютин хотел было удержать Белград, но сделать это ему не удалось, и в 1319 году город снова переходит под власть венгров.

Во время царствования короля Душана II город два раза был в составе сербской державы (1334 и 1354), но венгры снова завоевали Белград и владели им вплоть до 1403 года. Потом король Сигизмунд вследствие турецкого нашествия передал Мачву вместе с городом в пожизненное владение Стефану Лазоревичу, который восстановил запущенную крепость и перестроил укрепления на Калемегдане, а также предместье, пристань и сам город.

Но Белграду и 30 лет не давали прожить мирно. После венгров сюда пришли турки, назвавшие Белград «городом войны», тем самым лаконично выразив его историю. В 1717–1718 годах молниеносным нападением Белград заняли австрийские войска под предводительством Евгения Савойского. По мирному договору 1718 года Австрия получила и всю Сербию.

Хорошо понимая стратегическое положение Белграда, Австрия начинает укреплять город по новейшей для тех времен фортификационной системе французского инженера Вобана. На холме Калемегдан были возведены более мощные крепостные стены, построены башни, убежища, амбразуры и крепкие ворота. В город, обнесенный глубоким рвом, входили через несколько ворот.

Но долго австрийцы не задержались ни в Белграде, ни в Сербии, так как в войне 1737–1738 годов были разбиты турками. Город опять представлял собой пепелище. Турки снова начали превращать христианские церкви в мечети, разрушили все большие здания в городе и из этого материала построили новые дома в восточном стиле.

И еще раз побывал Белград в руках австрийцев, которые потом передали его туркам по Свищевскому мирному договору 1791 года. В то время город представлял собой страшное зрелище. Крепостные ворота и площадь перед ними были использованы для пыток и мучений. Особенно дурной славой в этом отношении пользовалась Стамбол-капия, где посаженные на кол сербы умирали в страшных муках. Их лица были обращены к сербской части города, чтобы испытываемые ими страдания и муки устрашили население.

Сербы два раза поднимали восстание. После второго с турками был достигнут компромисс – образовать сербское государство во главе с Обреновичами. В 1830 году Сербское княжество получило автономию, а турки могли оставаться только в Калемегданской крепости. Весной 1867 года здесь в торжественной обстановке был обнародован указ султана, согласно которому турецкие гарнизоны выводились из сербских государств. Последний турецкий комендант Калемегдана – Али Риза-паша – торжественно и с надлежащей церемонией передал князю Михаилу Обреновичу ключи сербских государств.

Так и жил Белград, как легендарная птица Феникс, каждый раз возрождающаяся из пепла. Битвы следовали за битвами, и крепость на Калемегдане всегда была в центре событий. Гитлеровцам, как и многим другим завоевателям, тоже казалось, что Югославия будет с легкостью захвачена, ведь они прошли пол-Европы, почти не встречая сопротивления. Но уже через два месяца после начала оккупации в руках югославских партизан заговорили ружья, и фашисты не решались проникать в горы и леса, где почти за каждым деревом таилась засада.

Операция по освобождению Белграда началась в конце сентября 1944 года. Преодолевая отчаянное сопротивление врага, советские войска вместе с югославскими частями и подразделениями болгарской армии уже в первые дни операции достигли немалых успехов. Был освобожден город Неготин – крупный пункт обороны противника, разбиты основные силы группировки «Сербия», захвачен плацдарм в районе Велика-Плана. В октябре советские войска прорвались в Моравскую долину, а советские самолеты буквально днем и ночью висели над шоссе, парализуя движение противника. Гитлеровцы пытались выиграть время, чтобы перегруппировать свои основные силы и отвести их к Белграду, но 4й гвардейский моторизованный корпус помешал осуществлению их планов. Штурмовать

Белград предстояло танкистам под командованием генерала В.И. Жданова – Героя Советского Союза.

Мощной артиллерийской подготовкой штурм югославской столицы начался 14 октября 1944 года после полудня. В разгар сражений по позициям гитлеровцев били 600 орудий и минометов, и через несколько дней Белград был полностью очищен от врага. 20 октября 1944 года на самой высокой башне Калемегдана взвился красный флаг, и у стен крепости по-братски обнялись советский генерал В.И. Жданов и югославский генерал П. Дапчевич.

Панорама города с крепостью Хоэнзальцбург

Под напором свежего ветра в городе быстро рассеялись клубы дыма и гари, и на улицы вышли все жители югославской столицы, с восторгом приветствуя солдат-освободителей и осыпая советские танки цветами. А ночью, по сербскому обычаю, зажглись трепетные огоньки свечей. Югославы хоронили павших солдат у стен домов и в городских скверах. Когда Белград был восстановлен, прах всех погибших перенесли на мемориальное кладбище.

Сейчас тысячи белградцев приходят на Калемегдан вечером, и крепость, заполненная живой и яркой толпой, представляется уже не грозной, а живописной декорацией, оставшейся после исторического действа. Воображение вызовет образы витязей из дружины первых сербских князей, а посмотришь на граненую башенку Небойша («Не бойся»), построенную в нижней крепости, – и представишь защитников города, насмерть бившихся с турками. Коренастые башни выглядят словно каменные короны, и только по-южному напористая зелень осаждает теперь Калемегдан вьющимися растениями. Местами они прорвались и дружно хлещут со стен в укромные улочки и проулки. А на самой стрелке, у слияния Савы и Дуная, стоит над крепостью на рифленой колонне бронзовый воин, устало опирающийся на меч…

Новгородский Детинец

Древнейшая история Новгорода с трудом обнаруживается сквозь сказочный туман легенд и преданий. До недавнего времени эти легендарные сказания, занесенные в новгородские летописи XI–XII веков, были единственным источником для изучения ранней истории города. Но в середине 1930х годов было раскопано так называемое Рюриково городище, находящееся в двух километрах к югу от Новгорода – у истоков Волхова. Однако дальнейшие раскопки вскрыли на городище слои, относящиеся к более древнему периоду – рубежу IX–X веков.

Ярослав Мудрый до конца жизни своей был благодарен новгородцам, посадившим его на киевский престол. Дал он им в князья любимого своего сына – Владимира, который в 1044 году начал закладку в городе Детинца (кремля), о чем свидетельствуют и летописи. Никаких следов этого Детинца до нас не дошло, так как в последующие годы он неоднократно перестраивался. Но находился он на том же самом месте, где размещается и нынешний

Новгородский кремль, хотя размеры первоначального Детинца были, конечно же, значительно меньше.

Он состоял из мощного вала, обнесенного деревянной стеной и частоколом и окруженного рвом. Возле Дворцовой башни Новгородского кремля во время археологических раскопок ученые обнаружили остатки этого вала, который находится под современной каменной стеной. В нижней части вала сохранился настил из бревен, уложенных как вдоль, так и поперек; а в северной части Детинца, возле Владимирской башни, был обнаружен другой вал. Вал 1044 года состоял из дубовых городен, поставленных в его основании и засыпанных землей, и слоя светло-коричневой глины. Городни делились на клети дополнительными срубными стенками. Некоторые из срубов сохранились на высоте десяти венцов.

В 1045 году князь Владимир начал возведение в Детинце Софийского собора, который строили 7 лет. Освящение его состоялось в 1052 году: после освящения святой князь Владимир прожил менее месяца и похоронен был в церкви Святой Софии[18].

В те времена, когда еще не знали огнестрельного оружия, Детинец был надежной защитой от внезапного нападения врагов, тем более что находился он на возвышенном месте. За весь период своего существования он был только один раз захвачен врагом – полоцким князем Всеславом Брячиславичем в 1065 году. Но деревянные стены, стоявшие на валу, не раз горели. В 1097 году деревянный Новгородский кремль в очередной раз сгорел: вновь он был срублен только в 1116 году при князе Мстиславе Владимировиче, расширившем и перестроившем его. В это время Новгород становится столицей огромного государства, территория которого простиралась от Северного Ледовитого океана до верховьев Волги. Разросшийся по обе стороны Волхова город превращается в крупный центр ремесла и торговли, что вызывает в свою очередь бурное строительство. Детинец был увеличен в южную сторону и достиг размеров современного Новгородского кремля. Основу вала южной стороны составляют уже не городни, а деревоземляной массив с поперечными и продольными бревнами. Верхний слой вала состоит из глины.

Но в 1136 году новгородцы и жители пригородов собрались на вече, сместили князя, потом его арестовали и заключили вместе с семьей на дворе архиепископа, где они просидели под стражей два месяца. День и ночь 30 вооруженных новгородцев сторожили князя, а потом началась борьба, продолжавшаяся несколько лет. В результате власть князя была сильно ограничена, и он становится зависимым от вече: призывается на правление или смещается им. Князья переселяются на Городище, а Детинец с этого времени становится оплотом новой власти – Новгородской вечевой республики. Значительную часть Детинца занимала резиденция архиепископа – Владычный двор, который застраивается многочисленными церквями, жилыми и хозяйственными постройками.

В конце XII века к воротным башням изнутри Детинца пристраиваются надвратные каменные храмы. В 1195 году на воротах, выходивших к мосту через Волхов, новгородский епископ Мартирий возвел каменную церковь «Положение ризы и пояса Богородицы», от которой ворота получили название Пречистенских. В 1233 году над воротами, которые вели в Неревский конец, была заложена каменная надвратная церковь Святого Федора, в конце XIII века архиепископ Климент поставил каменную надвратную церковь Воскресения… В возведении надвратных храмов Детинца главная роль принадлежала новгородским архиепископам, а князья в строительстве уже не участвовали.

В последующие века строительство надвратных храмов было продолжено: в 1311 году архиепископ Давид поставил каменный храм князя Владимира над воротами, которые вели в Неревский конец; в 1398 году архиепископ Иоанн соорудил новую каменную церковь Воскресения… От крепостной стены 1116 года в результате более поздних перестроек, как и от надвратных храмов, до наших дней не сохранилось ничего. Теперь на крепостной стене нет церквей, а остались только две часовни, пристроенные к башням в более позднее время: Спасская (на южной стороне стены) и Никольская (на восточной). В уцелевшей нише старинных железных ворот Спасской часовни поставлен образ Спасителя.

В самом начале XIV века новгородский Детинец подвергся новой перестройке, однако летописи не сообщают, по чьей инициативе она была начата. После 1302 года в летописях встречается запись: «Заложиша город камен Новуграду», которая относится к возведению каменных укреплений Владычного двора – главной части Детинца, с которой и началась постепенная замена деревянных стен каменными. Вероятно, в это же время возводятся и проездные башни Детинца, хотя некоторые исследователи (например, В.В. Косточкин)

считают, что для начала XIV века (да и для всего этого столетия) боевую основу крепостей составляли не башни, а стены.

По каким-то причинам начатые работы вскоре были прекращены, и возобновились они только в начале 1330х годов. Этот этап в истории Детинца относится ко времени архиепископа Василия – крупного политического деятеля, проявлявшего большую заботу об укреплении Новгорода. «Заложи владыка Василий город камен от Святого Володимера до Святой Богородицы (т. е. от ворот Владимирской башни до Пречистенских. – Н.И.) и от Богородицы до Бориса и Глеба (т. е. от Пречистенской башни до храма Бориса и Глеба, стоявшего в южной части Детинца. – Н.И.)». За 3 года почти вся стена Детинца вдоль Волхова была создана заново, однако на этом работы были приостановлены. Шведы, нарушив Ореховский договор, в 1348 году вторглись в новгородские земли, захватили Вотскую пятину и крепость Орехов, и потому строительные работы в Детинце возобновились только во второй половине XIV века. Правда, вскоре они опять остановились, так как все силы были направлены на сооружение Окольного города. Вновь каменное строительство возобновилось только при владыке Иоанне IV и завершилось в 1430е годы.

Следующая коренная перестройка Новгородского кремля началась после присоединения Новгорода к Москве, когда политическим хозяином Детинца становится московский великий князь. Отныне все постройки в Детинце и ремонт его делаются по повелению из Москвы, хотя и не всегда на московские деньги. Не прошло и века после последней перестройки Детинца, и стены его еще не успели обветшать, но они уже не соответствовали новой военной технике того времени. В 1484 году «повелением великого князя Ивана Васильевича начаша здати град камен Детинец по старой основе». Новая перестройка была столь значительной, что фактически он был построен заново, хотя летописец и подчеркнул, что возведен он был «на старой основе». Археологические раскопки подтвердили, что стены и башни были поставлены на прежнем месте[19].

При Иване III и архиепископе Геннадии были возведены круглые башни на месте более древних, тоже круглых. Основание их составляют огромные и величественные подземелья, служившие в старые времена тайниками и темницами, а потом превращенные в погреба и кладовые. Новгородский кремль XV века представлял собой мощную оборонительную систему с двенадцатью каменными башнями, пять из которых были проездными, а остальные – глухими. Стены завершались двурогими зубцами и имели деревянную кровлю, башни покрывались невысокими шатрами.

С середины XVI века в Новгороде появились воеводы сначала в качестве военачальников при наместниках. Однако к XVII веку в их руках сосредоточилась почти вся власть, так как Новгород был одним из важнейших пограничных городов Русского государства. Влияние и авторитет воевод были так велики, что они пользовались правом самостоятельного чекана монеты на своем денежном дворе.

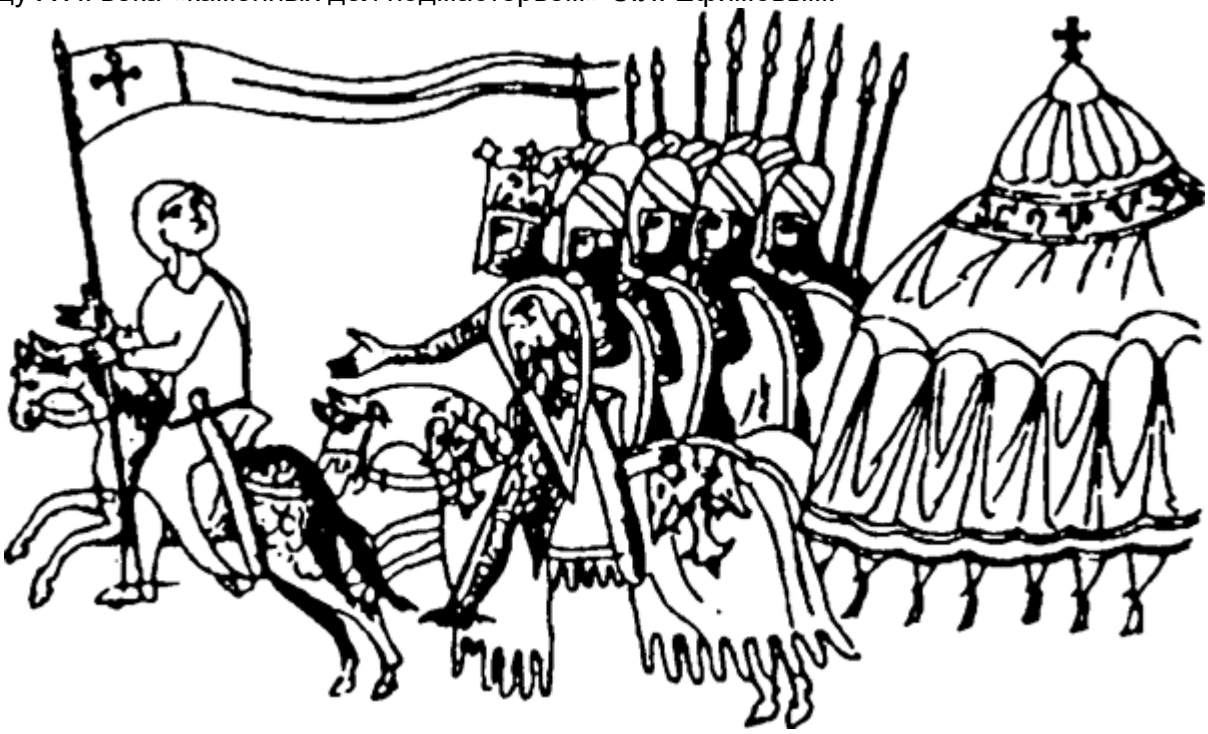
Специальный Воеводский двор появился только в начале XVII века, а окончательно он оформился в юго-западной части Детинца только к 1670 м годам. Он представлял собой большую усадьбу городского типа, состоявшую из нескольких жилых и хозяйственных построек, огражденных деревянным тыном. Однако во время народных восстаний воевода не мог укрыться в своем дворе: например, в 1650 году он вынужден был спасаться в неприступном Владычном дворе.

Центральным служебным помещением воеводы была Приказная палата, располагавшаяся к северу от Воеводского двора. Это было большое по тем временам здание, в котором находились «столы» – обрядный, посольский, денежный, поместный, судный, хлебный и др. Подьячие этих столов распоряжались определенными сторонами жизни Новгорода. В Приказной палате в ларце, обклеенном бархатом, хранилась государственная серебряная с золочением печать, которой скреплялись челобитные, зазывные, повинные и другие внутренние дела.

В начале февраля 1686 года постройки Воеводского двора сгорели во время большого пожара, и воевода боярин П.В. Шереметев строит новый Воеводский двор на месте старого. На возведение его собирают деньги с городского и уездного населения, тратятся деньги из государственной казны, причем московские власти даже не ставятся в известность. Новый Воеводский двор занял весь юго-западный участок Детинца, но число его построек было невелико. Главным служебным помещением стала «тройня» – изба, состоявшая из двух больших комнат, разделенных сенями. Она располагалась поблизости от Покровской башни и церкви: из ее передних сеней в церковь и на крепостную стену был сделан переход с

лестницами и перилами. Рядом с «тройней» поставили «двойню» – избу из двух комнат с печами, подклетами и т. д.

Строительство Воеводского двора в 1686 году было не только невеликим, но и не отличалось хорошим качеством. Поэтому уже через 6 лет воевода Прозоровский просит у Москвы разрешения на возведение нового Воеводского двора, который и был сооружен к концу XVII века «каменных дел подмастерьем» С.Л. Ефимовым.



Значительное обновление стен и башен новгородского Детинца произвел Петр I ввиду ожидавшегося нашествия шведов. Но в XVIII веке многие русские крепости, потерявшие свое былое назначение, начали понемногу рушиться. В связи с этим в 1743 году императрица Елизавета Петровна издала указ, по которому во всех городах и провинциях ветхие крепостные сооружения и прочие казенные здания следует отремонтировать по усмотрению местной администрации, а если это невозможно, то опасные места и здания разобрать. Состояние новгородского Детинца к середине XVIII века сделалось угрожающим, и городские власти, опасаясь обвалов, не раз обращались в Сенат с просьбой выделить средства на ремонт крепостных стен и башен.

В начале 1817 года из Петербурга в Новгород был отправлен «каменный мастер» Иосиф Лукини, представивший по возвращении в столицу планы и отчет, по которым следовало: «Сие древнее сооружение, близкое к разрушению, сломать до основания и построить новое». К счастью, это безумное предложение не нашло поддержки в Строительном комитете, и, чтобы окончательно выяснить ситуацию с новгородским Детинцем, в город был отправлен адъюнкт-профессор архитектуры А.И. Мельников. Ему предписывалось подробно объяснить, «в чем ветхости или повреждения крепости» и «какие средства могли бы быть единственными и надежными к исправлению оных». Выполнив все пункты задания Строительного комитета, А.И. Мельников составил смету на ремонт крепостных стен и башен – 53 665 рублей. Его предложение было одобрено, и деньги на строительство выделили.

В 1820 году все кремлевские стены Новгорода покрыли тесом, однако кровлю сделали не над всей стеной (как это было в старину), а только над боевым ходом, и потому «зубцы стены, не будучи защищены с верхней поверхности», вскоре снова «пришли в полуразрушенное состояние». Через 15 лет старинная крепость вновь потребовала к себе внимания.

При императоре Николае I с 1842 года из государственной казны стали ежегодно отпускать по 1000 рублей – немалые по тем временам деньги. Император считал, что это позволит привести крепость «в прежний вид», причем требовал не делать «ни в коем случае никаких новых регулярных украшений».

Особый интерес к новгородскому Детинцу возник в период создания памятника «Тысячелетие России», что способствовало притоку средств и на строительные работы в кремле. Они сводились к починке разрушавшейся облицовки стен и башен, ремонту зубцов и устройству покрытия боевого хода. В некоторых местах проводилась разборка ветхих частей кладки с заменой ее новой.

В 1860 году, готовясь к торжествам по случаю открытия памятника, был перестроен значительный участок береговой стены (100 м), примыкающий к месту бывшей Борисоглебской башни. В пылу рвения инженер Евреинов предложил разобрать 100 метров крепостной стены по обе стороны от Московских (Пречистенских) ворот и устроить «вместо оной» террасу для обозрения будущего памятника с Торговой стороны. Но император Александр II не изъявил на то своего согласия и повелел подумать над тем, как лучше исправить крепостную стену. Но в самый разгар работ к торжественному открытию памятника «Тысячелетие России» – в 12 часов ночи 7 мая 1862 года – в сторону Волхова рухнул большой участок стены, значительная часть которой была перестроена за два года до этого. А поскольку торопились успеть к торжествам, то восстановили ее очень быстро, нимало не заботясь о восстановлении древних форм.

К началу XX века угрожающее состояние Детинца вновь стало очевидно, и городские власти решились опять просить денег у правительства на капитальный ремонт стен и башен. Академик П.П. Покрышкин, большой знаток древнерусского зодчества, составил смету – приблизительно 200 000 рублей, однако грандиозной работе по реставрации Детинца помешали Первая мировая война, Октябрьская революция и Гражданская война. Из-за последующей разрухи длительное время никаких существенных ремонтно-строительных работ в кремле не велось. Санитарные службы города даже предлагали засыпать «зловонный ров» Детинца, чтобы «не распространять заразу». Но было принято более конструктивное решение: очистить склоны и дно рва, а для стока воды прокопать по дну рва канаву.

Эти работы начались в 1936 году, но до конца довести их не пришлось из-за начавшейся Великой Отечественной войны. После войны Новгородский кремль представлял собой печальное зрелище, и потребовались долгие годы и усилия многих людей, восстановивших его и превративших в сокровенное и святое место земли Русской.

Цитадель в Халебе

Сирию, расположенную на стыке трех континентов, не зря называют перекрестком цивилизаций, ведь на ее территории сохранились памятники ассирийской, римской и византийской культур. Более тысячи лет назад в различных уголках обширного арабского мира уже существовало развитое искусство стихотворных и прозаических восхвалений родных мест: чей край древнее, чей род знатнее, чьи мужи мудрее и доблестнее? Тысячу лет жители Мекки и уроженцы северной Аравии спорили об этом с жителями Йемена, иракцы препирались с магрибинцами. Сирийцы были не последними в этом споре…

Похвала Сирии начиналась по обычаю с притчи о том, как пророк Мухаммед отказался ступить под сень цветущих садов Дамаска, объяснив своим спутникам, что ему уготовано оказаться в раю лишь единожды. Восхваляя Сирию, вспоминали Омейядских халифов, во время правления которых Дамаск был столицей государства, простиравшегося от долины Инда до африканских берегов Атлантики. Не забывали и об эмире Сейф ал-Деуле, храбром военачальнике и щедром покровителе искусств, правившем северной Сирией из Халеба в 944–967 годы.

Древний Халеб[20], расположившийся в живописной холмистой местности, орошаемой небольшой рекой Куэйн, называют второй столицей Сирии. Город построен из серого камня, и потому местные жители называют его Халеб аш-Шахба – «пепельно-серый». Издали город кажется безжизненным, но стоит только въехать в него, как вас тут же захватит бьющая ключом жизнь, не замирающая даже в знойное полуденное время.

История Халеба начинается в глубокой древности. Документально подтверждено, что 4500 лет назад, когда существовали Бейрут и Библос, Содом и Гоморра, Дамаск и даже легендарный Ирам – «обладатель колонн», упомянутый в 89й суре Корана, существовал и Халеб. Через город проходил важный торговый путь в Месопотамию, и потому его не раз завоевывали – ассирийцы и греки, римляне и египтяне, турки… В 333 году до нашей эры, разбив персидские войска, город занял великий Александр Македонский. После его смерти полководец Селевк обосновался в Халебе и построил здесь знаменитую цитадель. Она располагалась на высоком естественном холме Телля: суровая и неприступная крепость являлась достойным завершением исполинского холма, высота которого увеличивалась временем и наслоениями сменявших друг друга цивилизаций.

Цитадель Халеба не раз страдала от землетрясений и завоевателей, но каждый раз восстанавливалась. Свой современный вид она получила в основном на рубеже XII–XIII веков при султане аль-Малике аз-Захире, приказавшем вырыть ров, окруживший цитадель

правильным овалом, и покрыть склоны холма каменной облицовкой. При нем же была возведена монументальная входная башня. Самые крупные строительные работы в крепости проводились мамлюками в начале XVI века, когда с северной и южной сторон были возведены бастионы для защиты рва.

Цитадель Халеба давно уже утратила свое первоначальное назначение, но еще и теперь ее могучие крепостные стены и башни, возвышающиеся над крутыми склонами холма, производят неизгладимое впечатление. По сторонам главной входной башни видны остатки каменной облицовки склонов холма, которая состояла из прямоугольных плит размером 1 х 0,4 метра. Вместе с колоннами, поставленными во рву у основания холма, эта облицовка защищала его склоны от оползней. Стены цитадели, вознесенные на огромную высоту, кажутся неприступным каменным венцом Халеба. Их башни, арки, бойницы и окна еще более усиливают величие и неодолимость этого грозного сооружения.

Вход в цитадель охраняли две башни, одна из которых, построенная на внешней стороне рва, достигала в высоту 20 метров. Равномерно размещенные квадратные окна, машикули, зубцы и бойницы в сочетании с полосой узорной кладки из цветного камня над входом придают порталу башни торжественную нарядность. Построена она была по приказу султана Кансуха аль-Гаури в 1542 году, вероятно, на месте ворот XIII века, от которых сохранились только прекрасные железные двери с надписью и датой.

Башня эта защищала ведущий в крепость мост через ров. Мост, опиравшийся на полукруглые арки (со стрельчатым завершением) на столбах, повышавшиеся по мере приближения к крепости, образовывал пологую лестницу, под которой проходил акведук. В случае необходимости ров мог заполняться водой, и тогда цитадель окончательно превращалась в неприступную преграду.

Мост подводит к громадной башне, в которой устроен главный вход с двумя массивными дверями, и еще три двери были пробиты в толще самих стен. Нижняя часть башни относится к XIII веку, верхняя была надстроена в XV веке. Внутри ее была устроена сложная система многократно изгибающегося прохода, чтобы не допустить проникновения в крепость врага.

Всю цитадель пересекает узкая улочка, начинающаяся от главного входа. По правой ее стороне сохранились подземные помещения византийского времени. Часть их арабы использовали как водохранилища, а в низком сводчатом зале, похожем на каменный мешок, устроили тюрьму, которая получила страшное название – «Тюрьма крови».

На территории цитадели до сих пор сохранились остатки царского дворца, жилых строений, подземных складов и Большой мечети, построенной в 1212–1214 годах. Эта мечеть с прямоугольным двором и высоким трехъярусным минаретом была типичной постройкой айюбидского зодчества, когда монументальные формы размещались на небольшом пространстве. В 1240 году пожар разрушил мечеть, и от нее сохранился только каменный михраб и несколько келий на северной стороне двора, со всех сторон окруженного крытыми портиками.

К востоку от мечети, вдоль северной стены крепости, тянется длинное приземистое здание казарм, возведенное одним из османских правителей Халеба в 1834 году. Неподалеку от казарм виден квадратный колодец начала XIII века: глубина его составляет 60 метров, и внутрь ведут ступени, которые на трети глубины подводят к нескольким подземных ходам и каналам. Они соединяли цитадель с городом и окрестностями, а также вели к бастиону, нависшему надо рвом с севера.

От царского дворца сохранился просторный двор с айваном с южной стороны и большой бассейн в центре. Двор покрывала мозаика из разноцветных камней; коридор, выложенный белыми и черными каменными плитками, соединял двор с домашними банями, в стенах которого были устроены шкафы для одежды и диванчики с нишами для обуви. К двору примыкал банный зал, где располагались маленькие альковы с резервуарами для воды и парильня.

Сейчас с главной башни крепости открывается прекрасный вид на город, расположенный в плодородной равнине, и на его окрестности. В цитадели давно уже никто не живет, лишь крупные ящерицы да куропатки нашли себе здесь приют.

Вокруг Зальцбурга

Истинный ценитель старины и искусства не может, побывав в Австрии, миновать Зальцбург. Этот совсем небольшой городок, вписавшийся в фантастический горный ландшафт Альп, известен всему миру как «австрийский Рим» и родина великого Моцарта.

Каждый год город превращается в «музыкальную Мекку». Поклонники композитора со всего света собираются в этом уютном австрийском городке, где господствует музыка. Гимны и фокстроты, сонаты и вальсы сливаются с мелодией колокольного звона. Музыку слушают и бронзовый Моцарт, который, подняв лицо к небу, стоит на городской площади, и Кафедральный собор, и мост Шатсбрюкке, и древний **Горный** замок, который стоит на горе с 1077 года.

Зальцбург – удивительный, неповторимо своеобразный город: в центре – широкие площади с фонтанами, украшенными скульптурами, красивые церкви, воздушные портики и легкие колоннады, а на окраине – кривые и тесные, но поразительно чистые улочки. Со всех сторон город окружают холмы и горы. В северо-восточном направлении местность постепенно понижается, переходя в равнину, покрытую полями, рощами, садами и деревушками. К югу и западу они поднимаются все выше и выше, замыкая горизонт суровой скалистой грядой. Совсем высоко, на голой вершине горы, чернеет мрачный средневековый замок. Когда мутная мгла заволакивает гору, кажется, что тяжелые стены замка повисают в воздухе. Узкие улочки города напоминают паутины, а замок – паука, стерегущего свои владения.

Давным-давно, еще в самом начале XI века, воздвигли этот замок для защиты владельцев Зальцбурга от врагов. Властителям города, а позже и целого княжества – епископам и архиепископам – достался лакомый кусочек. В окрестностях Зальцбурга были обнаружены богатейшие залежи золота и соли, которая в те времена ценилась немногим меньше золота. Недаром и город, и река, на которой он стоит, получили свои названия от немецкого слова Salz – соль.

С той поры каждый день, от зари до полуночи, трудились в горах обездоленные бедняки. Злой ветер вперемежку с колючим снегом, налетавший с отрогов Альп, хлестал едва прикрытые рубищем тела, соль до костей разъедала босые ноги, частые горные обвалы заживо хоронили сотни людей.

К середине XVIII века князь избрал своей резиденцией великолепный дворец, возведенный в стиле барокко в центре Зальцбурга, а Горный замок превратился в тюрьму. И горожане, выходя на улицы, всякий раз с опаской поглядывали вверх – туда, где мрачно вырисовывались грозные и массивные башни замка.

Неподалеку от Зальцбурга находится замок **Фушль**. Он привлек внимание иностранных корреспондентов, аккредитованных в Вене, после выхода в свет послевоенных мемуаров В. Шелленберга – шефа VI отдела Главного управления имперской службы безопасности. В этой книге высокопоставленный эсэсовец рассказывал о планах покушения на И.В. Сталина, с которыми его впервые познакомили именно в замке Фушль. В курс дела В. Шелленберга ввел хозяин замка – Иоахим Риббентроп, министр иностранных дел Третьего рейха.

Есть под Зальцбургом и замок **Хельбрунн**. Когда-то, в самом начале XII века, его построили для архиепископа Маркуса – человека далеко не аскетичного. Рассказывают, что архиепископ любил и вино, и красивых женщин, но настоящей его страстью были… игрушки. Но не простые, а приводимые в движение водой! А еще рассказывают, что архиепископ был большой шутник. Он чинно рассаживал за мраморный стол своих гостей, и вдруг со всех сторон начинали бить струи воды, так что гости от неожиданности замирали на своих мраморных сиденьях. А потом облегченно вздыхали, ведь все было устроено так, что ни одна струйка воды на них не попадала. Только отойти от стола было нельзя, и гости вынуждены были много есть и много пить.

Однако на этом шутки архиепископа не заканчивались, и из самой середины сидений вдруг начинали бить фонтаны. И тут уж, – ясное дело! – все гости оказывались мокрыми… За исключением хозяина, который сидел во главе стола как ни в чем не бывало.

В парке замка Хельбрунн еще больше удивляешься изобретательности средневековых мастеров. Вот, например, искусно сделанная панорама площади средневекового города. Настоящая площадь – собор, дома, люди… И вдруг через какое-то мгновение все оживает: важно прогуливаются дамы, маршируют солдаты, плотники достраивают крышу, из собора доносятся звуки органа… Экскурсовод расскажет, что из 253 фигурок этого своеобразного театра 113 двигаются при помощи воды. Стоишь, изумленный совершенством этой старинной игрушки, и вдруг в тебя самого летят струйки воды. До сих пор стоит замок Хельбрунн, и до сих пор в нем работают чудесные водные игрушки…

Виндзорский замок

По преданию Виндзорский замок, название которого означает «извилистые берега», был основан самим Артуром – королем бриттов. На самом деле история замка началась только в XI веке – со времен правления Вильгельма Завоевателя. Как только этого нормандского герцога объявили английским королем, он издал указ о строительстве оборонительных замков, которые окружили бы Лондон, причем каждый из них должен был находиться от столицы на расстоянии не более одного дня пути. На крутом известковом холме, возвышавшемся прямо над Темзой, Вильгельм Завоеватель выбрал место, на котором в 1070 году и построили деревянную крепость, чтобы она держала под наблюдением западную дорогу на Лондон. Замок возводили на искусственной площадке из известняка: внешней его защитой служил надежный частокол, тянувшийся по всей окружности холма.

При короле Генрихе I, младшем сыне Вильгельма Завоевателя, около 1107 года приступили к расширению замка, а еще через 100 лет король Генрих II издал указ о строительстве первых каменных сооружений. Начались работы по возведению «королевских домов», которые расположились с северной стороны Верхней территории – на самой крутой части холма, которая со стороны реки была совершенно неприступной. Но от этих построек до настоящего времени практически ничего не осталось кроме фундамента, который находится под возведенными позднее Почетными палатами.

В годы смут и волнений, наступивших после правления короля Генриха II, потребовалось возвести каменную стену длиной 800 метров, которая окружила замок с трех сторон. По прямоугольному периметру возвели 19 сторожевых башен: искусственно насыпанный холм к тому времени был уже так утрамбован, что мог выдержать их тяжесть. Многие из этих башен сохранились до наших дней, например, башня Винчестер.

Значение столь грандиозных оборонительных работ выявилось только со временем, когда принц, а впоследствии король Иоанн Безземельный начал вооруженную борьбу против своего брата Ричарда. Король Иоанн укрылся в Виндзорском замке со своими сторонниками-галлами: они выдержали осаду, и братьям пришлось искать согласия.

Дальнейшие работы по укреплению стен замка продолжились в царствование короля Генриха III, но истинным создателем Виндзора в его нынешнем виде является король Эдуард III, учредивший после славных побед над французами у города Кале и при Креси рыцарский Орден Подвязки. Исторические хроники свидетельствуют, что при учреждении ордена английский король явно имел в виду образец рыцарей Круглого Стола. Один из ключевых эпизодов романа «Мерлин» повествует, как волшебник явился к королю Утеру Пендрагону и предложил создать для него «Круглый Стол». Вместе со столом, за которым сидел Иисус Христос во время Тайной вечери, и столом Святого Грааля он составит полную символическую «триаду столов». За «Круглым Столом» хватит места для 51 рыцаря: 50 имен

Мерлин назвал сам – это самые родовитые, благородные и отважные рыцари, собравшиеся при короле Артуре. Последнее, 51е место достанется некоему, пока не известному рыцарю «без страха и упрека» – истинному рыцарю Святого Грааля, который в свое время явится ко двору короля Артура.

Хронист Жан де Бель сообщает, что, когда король Эдуард III захотел восславить свое победоносное войско, он

> в благородстве сердца своего решил, что заново отстроит замок Виндзор, который некогда построил Артур и где впервые был установлен Круглый Стол, в честь своих доблестных рыцарей, бывших тогда при нем и так хорошо ему служивших. Король чрезвычайно высоко оценил их службу и счел их настолько благородными, что, по его словам, подобных им не сыскать было ни в одном другом королевстве. И ему показалось, что какие бы почести он ни оказал им, они не могут быть чрезмерными – так сильно он их (этих рыцарей) полюбил. И наш король объявил по всему королевству, что будут устроены великий праздник и большой прием по случаю учреждения этого Круглого Стола, и пригласил отовсюду благородных дам и девиц, рыцарей и оруженосцев прибыть на этот великий праздник…

Собрав цвет английского рыцарства в Виндзорском замке, король Эдуард III учредил Орден Подвязки[21]. В замке был установлен «Круглый Стол», за которым могли одновременно сидеть 300 рыцарей, и король даже приказал начать возведение «Дома Круглого Стола». Но затею эту пришлось отложить, так как понадобились деньги для ведения войны с Францией. А после смерти короля Карла II замок вообще стал приходить в запустение, так как короли из династии Стюартов мало что делали для него.

Ни королю Георгу, ни королю Георгу II замок не нравился, королевские помещения пустовали в течение большей части XVIII века, хотя другие помещения в Виндзоре были заняты. Только при Генрихе IV замок был перестроен таким образом, что превратился во дворец, достойный короля. Мрачные помещения северной стороны замка были переделаны в пышные Парадные палаты, предназначавшиеся для самых торжественных случаев.

Самым старинным в Парадных палатах является Тронный зал Ордена Подвязки. Его стены относятся к XII веку, а само помещение на протяжении многих столетий выполняло различные функции. Кавалеры Ордена Подвязки собираются здесь один раз в год, чтобы обсудить дела Ордена и принять в свои ряды новых кавалеров. Когда появляется вакантное место, о новом назначении сообщается 23 апреля – в день Святого Георгия. Затем процессия кавалеров Ордена Подвязки спускается на Нижнюю территорию замка, через западные ворота входит в часовню Святого Георгия и направляется к почетным местам хоров, после чего происходит торжественная церемония и служится благодарственный молебен.

Каждый кавалер имеет свое почетное место, которое украшено флагом с его гербом, гребнем шлема, плащом, шишаком и символизирующим мир деревянным мечом. У дам, кавалеров Ордена Подвязки, меча нет, за исключением королевы Елизаветы II, которая возглавляет Орден. На спинке каждого почетного места укреплена пластинка с именем кавалера; после его смерти пластинка неизменно остается на почетном месте.

Буйон – замок первого Крестового похода

Христианские паломники начали посещать Святую землю с конца IV века, когда религиозное рвение императора Константина и царицы Елены, его матери, возвратило Иерусалиму его имя и честь «святого города» вместо языческого названия «Элия Капитолина». Были открыты пещера Гроба Господня и холм Голгофы, на горе Елеонской и на холмах Сиона засияли базилики, были установлены памятные места священной истории Ветхого и Нового Заветов. Вот тогда туда и двинулись тысячи паломников, чтобы поклониться этим священным местам.

Затем начались мусульманские и персидские нашествия, но вначале мусульмане отличались веротерпимостью и разрешали паломникам свободно посещать храм Гроба Господня. Затем они ввели въездную пошлину для всех, кто хотел попасть в Иерусалим, и те, кто не мог заплатить ее, стали подвергаться угрозам и побоям, иногда их даже убивали. Подобные вымогательства, а также желание отвоевать Святую землю и стало одной из причин Первого крестового похода. История их не до конца изучена, и в настоящее время существует несколько версий об их организации и начале.

Первый крестовый поход начался в 1096 году, а последний (официальный) закончился в 1270 году. Но паломники ходили в Святую землю до, во время и после крестовых походов, которые это название получили гораздо позднее. А сначала, как писал французский хронист Жан де Жуанвиль, сопровождавший короля Людовика IX, они назывались «паломничеством к кресту».

В ноябре 1095 года римский папа Урбан II повелел собрать во французском городе Клермон собор, на который должны были прибыть 310 епископов и аббатов, а также и светские лица, главным образом французские вельможи и рыцари. На широкую равнину близ города 26 ноября начали стекаться священники и монахи в черных сутанах, знатные сеньоры в сопровождении оруженосцев и слуг, а также множество простых рыцарей, облаченных в доспехи. Но основную массу собравшихся составляли простолюдины в войлочных шапках, грубых шерстяных рубахах и холщовых штанах, обутые в башмаки из необработанной свиной кожи, а то и вовсе босые, несмотря на конец осени.

Папа окинул пронзительным взглядом колебавшуюся, как океанская волна, многотысячную толпу, тяжело поднялся на дощатый помост и распростер руки, требуя тишины.

> Иерусалим – это пуп земли; край, плодоноснейший по сравнению с другими, земля эта словно второй рай. Ее прославил Искупитель рода человеческого своим приходом, украсил ее своими деяниями, освятил страданием, искупил смертью, увековечил погребением. И этот-то царственный град, расположенный посреди земли, ныне находится в плену у своих врагов и уничтожается народами, не ведающими Господа. Он… жаждет освобождения, он не прекращает молить о том, чтобы вы пришли ему на выручку.
>
> Необходимо, чтобы вы как можно быстрее поспешили на выручку вашим братьям, проживающим на Востоке… Если кто, отправившись туда, окончит свое житие, пораженный смертью, – будь то на сухом пути, или на море, или же в сражении против язычников, и отныне да искупаются ему все грехи!..

Альфред Ахенский изображает Первый крестовый поход как результат внезапного озарения, как чудо Божие, и направил его не папа римский, а Петр Отшельник. Он пробрался в Палестину и,

> глубоко опечаленный языческой мерзостью, заснул с молитвою в церкви Гроба Господня. И явился Спаситель в небесном сиянии и сказал ему: «Петр, дорогой сын мой, восстань, иди к патриарху Иерусалимскому и возьми от него письмо послания Моего. На родине расскажешь ты о несчастиях и запустении святого места и возбудишь сердца тех, кто верует, чтобы они очистили Иерусалим и освободили святых из рук язычников. Ибо открыты им, избранникам моим, врата рая». И Петр встал на заре и пошел к патриарху… и тот дал ему письмо и очень благодарил Петра. Тот пошел и совершил морской путь с великим опасением.
>
> В Риме папа с радостью и умилением услышал слова призвания и… стал проповедовать путь Господа. И поднялись все земли, все князья и рыцари всей Франции, чтобы освободить Святой Гроб.

У епископа Вильгельма Тирского история крестовых походов начинается с бедственного положения всех слоев населения в Европе. Положение крестьян ухудшалось из-за усиления феодального гнета, рыцарство беднело и нищало, католическая церковь разрушалась сверху и снизу. Поэтому крестовые походы и тот идеалистический ореол, который их окружил, были необходимы уставшей и исстрадавшейся Европе, чтобы спасти ее от окончательного грехопадения. Сотни знатных особ вознамерились освободить святые места Палестины от ига мусульман. Многие пустились в предприятие, которое сулило им лишь нужду и страдания да еще надежды на отпущение грехов. Такой взрыв религиозного рвения было ничем не обуздать, и французская знать стала собирать два войска, итальянцы – еще одно, а Готфрид Буйонский набирал свои отряды в Германии и Нидерландах. Всем им надлежало соединиться в Константинополе, но многочисленные горстки простого люда отправились туда еще раньше. Вот как писал об этом Ж. Ногентский – хронист XII века.

> Бедняги скоро загорелись таким пылом, что ни один из них не остановился и не призадумался ни о скудности своих средств, ни о том,

> разумно ли поступает он, оставляя дом свой, виноградники и поля… Истинные чудеса предстояло увидеть им, порой такие, при виде которых невозможно было удержаться от смеха: бедняги подковывали своих быков, будто лошадей, впрягали их в двухколесные повозки, на которые сваливали свои скудные пожитки и малых детей, и вели упряжки в поводу…

Черепичные крыши, теснящиеся в ущелье у подножия скалы, увенчанной замком, – это и есть маленький бельгийский городок Буйон, затерявшийся в Арденнах, откуда отправились воины-паломники – зачинатели крестовых походов. Эти легендарные рыцари нашивали на свои одежды красные кресты и шагали вперед, пока башмаки не превращались в лохмотья кожи, а лошади – в кляч, не способных нести своих седоков. Но именно они совершили единственный удачный поход в Святую землю, пережили три года сражений, болезней и голода, чтобы в конце пути овладеть Иерусалимом, взяв штурмом стены Святого города, и основать Иерусалимское королевство. Однако, как утверждают средневековые барды, не было среди них ни одного, кто мог бы сравниться с Готфридом Буйонским, сыгравшим одну из главных ролей в единственном победоносном крестовом походе рыцарей.

По преданию на семействе герцогов Буйонских висело родовое проклятие. Жившие в основном войной, предки Готфрида нередко нападали и на более могущественных соседей, один из них не побоялся даже противостоять Франции, захватившей Верден. А третий Готфрид, по прозвищу Бородатый, сжег Верденский собор, что было великим святотатством.

У герцога Готфрида Горбатого не было детей, и он назначил своим наследником племянника – тоже Готфрида – и даже посвятил его, как повествует старинное предание, в тайну проклятия рода Буйонских. Вручая ему в подземелье аббатства Сент-Юбер меч Готфрида Бородатого, он сказал племяннику, что все Буйонские много грешили и даже были противниками церкви. Но все же они надеялись, что когда-то явится на землю их потомок, который совершит подвиг во имя церкви и выполнит волю Господню.

Готфрид Горбатый считал, что этим потомком должен стать его юный племянник, который и искупит все грехи рода Буйонских. Сам же Готфрид Горбатый более других верил в роковое проклятие, нависшее над его родом, и всегда был готов к грядущей расплате. Он часто говорил, что погибнет в результате заговора: во время боев в Нидерландах в 1076 году по усмирению бунтующих зеландских сеньоров он пал от руки наемного убийцы.

Готфрид вступил на престол в возрасте 16 лет. Он серьезно относился к семейному проклятию, тем более что грешить пришлось и ему. Самым страшным было участие в штурме Рима с армией германского императора Генриха IV и разгроме войск римского папы. Предание повествует, что Готфрид тяжело переживал свое участие в разгроме Рима. Мысли об очередном предательстве церкви не покидали его, и когда он вернулся в свой замок, то выглядел так, что были все основания считать его душевнобольным. Готфрид целыми сутками не выходил из своей комнаты, много читал и размышлял…

В то же время мать его, считавшаяся провидицей, напророчила ему свершение великих дел – некий подвиг во имя церкви. В Буйонском замке появился монах-аскет Пьер Амьенский по прозвищу Петр Отшельник, проповедническая деятельность которого имела сильное влияние в Арденнах и Фландрии. Особенно проникся его словами Готфрид, который сдружился с монахом и почитал его за своего учителя. Рассказы дяди, Готфрида Горбатого, пророчества матери, собственная неспокойная совесть стали благодатной почвой для призывов Петра Отшельника – идти в Палестину и отвоевывать христианские святыни.

Герцог Буйонский стал объезжать замки своих вассалов и соседей. В число первых своих соратников он привлек старшего брата – графа Эсташа Булонского и младшего – Бодуэна. Впоследствии к Готфриду примкнули и другие знатные сеньоры, а сам он принял решение, поразившее тогда многих. Он продал свое герцогство, на борьбу за которое положили много сил и немало жизней его предки, да и он сам. Богатейшее владение покупает его сосед – епископ Льежский Отберт за 1300 марок серебром и три марки золотом. Правда, приближенным удалось уговорить герцога продать герцогство с правом выкупа, которое истекало через 3 года после начала крестового похода. Готфрид продает также свои замки в Стене и Музе, освобождает от зависимости жителей Меца в обмен на 100 000 экю. И чтобы отмолить спасение души, дарит каноникам Маастрихта замок Рамиуль, находившийся на Маасе.

Когда Готфрид Буйонский выступил в поход, за ним следовал цвет фландрского, лотарингского и арденнского рыцарства. Но от перехода к переходу армия крестоносцев таяла, сражения и голод опустошали ряды воинов с красными крестами на плащах. В

1097 году Готфриду удалось разгромить и изгнать мусульман в Дорилес, затем он захватил Никею и Эдессу, а в 1098 году – Антиохию. Наконец обессиленная армия – из 600 000 солдат оставалось только 50 000 – подошла к воротам Святого города.

Это долгожданное событие вернуло мужество армии, превратившейся почти в призрак. Да, Иерусалим окружали три ряда стен, и 13 ворот преграждали путь в него, но тараны, передвижные осадные башни и отвага рыцарей одержали верх. После трех дней ожесточенных боев, во время которых свирепствовали пожары и кровь лилась ручьями, Готфрид Буйонский, сопровождаемый своим братом Бодуэном, преодолел стену с криком: «На то воля Господня!»

После завоевания Иерусалима собрание христианских сеньоров избрало Готфрида королем Иерусалимского королевства, но он отказался от этого титула, заявив, что он – всего лишь страж Гроба Господня и его единственной короной может быть разве что терновый венец. Первым королем Иерусалимского королевства стал его брат Бодуэн.

Однако мусульманские армии не давали покоя новому королевству, и потому боевой поход Готфрида Буйонского не закончился взятием Святого города. Но ему, как и многим другим рыцарям, не суждено было вернуться на родину. Возвращаясь из военной экспедиции против султана Дамаска в 1100 году, он умер в возрасте около 39 лет. Было несколько версий о смерти Готфрида Буйонского: по одной из них он будто был отравлен плодом, преподнесенным ему эмиром Кесарии. Похоронили его в храме Гроба Господня – у подножия Голгофы, а соратники по походу высекли над гробом надпись:

Здесь похоронен
знаменитый герцог Буйонский Годфрид,
который отвоевал эту землю христианской церкви.
Да воспарит его душа в Христе.
Аминь.

Перед смертью сэр Готфрид призвал к себе одного из рыцарей, подал ему небольшую шкатулку, которую велел отвезти в Бельгию и открыть в замке Буйон. Рыцарь исполнил эту просьбу. Стоя на крепостной стене замка, он открыл шкатулку и увидел внутри ее горсть семян. Налетевший ветер унес их, и семена упали вниз – в трещины между громадными каменными плитами двора. С тех пор каждый год, в июне, здесь расцветают маленькие гвоздики, подобные нежным краскам далекого Иерусалима…

К 900летию начала Первого крестового похода в замке Буйон прошел блестящий рыцарский турнир в исполнении французских каскадеров. На бешеной скорости неслись навстречу друг другу кони, «падали» с них сраженные рыцари, буянил и нарушал благородные правила состязаний Черный рыцарь, выступавший без герба и девиза в наказание за прежние прегрешения на турнирах. На стенах крепости самодеятельные актеры разыгрывали сцены из истории подготовки к Первому крестовому походу. А потом к великому удовольствию и неописуемому восторгу зрителей был показан великолепный исторический спектакль из жизни герцога Готфрида Буйонского, завершившийся грандиозным фейерверком над замком-крепостью.

Средневековые укрепления Триполи

В свое время великий древнегреческий философ Аристотель назвал Ливию страной перемен. И хотя для древних эта страна была синонимом всей Африки, знали они практически только север континента. На территории современной Ливии и ее нынешних соседей побывали многие завоеватели – финикийцы, греки, римляне, вандалы, желавшие переделать жизнь на этой земле по-своему. В 641 году в Ливию пришли арабы, которые через два года штурмом взяли порт Триполи. Смешавшись с местным населением, они остались в Ливии на века; и хотя сюда еще не раз вторгались иноземцы (испанцы, турки, итальянцы), страна осталась арабской.

Время не всегда щадило ливийскую столицу, опаляя ее огнем многочисленных сражений. Честь называться «воротами в Африку» и «средиземноморским перекрестком» давалась недешево. Современному Триполи дали название три римских полиса – Эя, Лептис Магна и Собрата, от которых в настоящее время осталось совсем немного. Город, раскинувшийся на берегу моря, приземист и, кажется, не испытывает никакой потребности тянуться вверх. Самыми «высокорослыми» порой оказываются минареты мечетей, которым несколько веков от роду. Яркие страницы в истории Ливии связаны с крестоносцами, которые еще в начале XII века начали строить здесь многочисленные крепости и замки. Цитадель Святого Жиля – самое знаменитое сооружение тех времен.

По описанию арабских и европейских авторов, Триполи был одним из важнейших городов Северной Африки и в Средние века многих впечатлял своими красивыми зданиями, укрепленным портом и крепостными стенами. Тунисский путешественник Абу Мухаммед Абдалах бен Мухаммед бен Ахмед ат-Тиджани, совершивший в 1306–1308 годах поездки по Северной Африке, писал о городе:

> …Мы приблизились к Триполи, белизна его ослепляла. По справедливости он назывался белым городом… Удивили меня и улицы города, я не видел более чистых, широких и прямых улиц, чем в этом городе. И это потому, что большинство из них пересекают город вдоль и поперек, как на шахматной доске, и пешеход ходит по ним, как шахматная ладья.

Ат-Таджини указывает также, что укрепления Триполи, разрушенные во время нашествия арабов во главе с Амрой ибн Иса, были не только восстановлены, но стали более величественными.

В 1510 году ливийской столицей захотели овладеть испанцы, направившие сюда эскадру с 8000 солдат под командованием графа Педро Наварро. Эскадра вышла из порта Бужи и направилась к маленькому острову Фавиньяна, где стала ожидать подхода кораблей с солдатами из Неаполитанского и Сицилийского королевств, чтобы потом совместно приступить к захвату Триполи. По пути к ней присоединились еще 5 мальтийских кораблей, и 25 июля к Триполи подошел флот, состоявший из 120 крупных и мелких судов, на которых разместились 18 000 испанских и итальянских солдат, а также наемники из европейских стран.

Командующий испанскими войсками позднее писал, что Триполи оказался более крупным городом, чем он до этого представлял себе. Среди всех городов, которые ему раньше доводилось видеть, не было такого, который мог бы сравниться с Триполи своими укреплениями и чистотой. Описание командующего дополняет испанец Баттистино де Тонсис – участник военной кампании по захвату Триполи. По его свидетельству, город, расположенный на равнине, окружен крепостными стенами, протянувшимися более чем на милю. Одна стена была низкая, другая – высокая и широкая, с укрепленными башнями. Между двумя крепостными стенами пролегали узкие и глубокие траншеи. Город с трех сторон омывается морем и имеет порт, который может принять не менее 400 кораблей.

Процветание Триполи объяснялось тем, что он служил перевалочным пунктом торговых путей, соединявших Восток и Запад. Кроме того, главным источником и основой существования его жителей была транссахарская торговля. Накануне испанского вторжения Триполи был богаче Туниса, город посещали купцы из арабских стран, Турции, Северной Африки, Венеции, Сицилии и Мальты.

Испанцы начали нападение на Триполи с суши и с моря: их корабли подошли вплотную к берегу и стали обстреливать город. В ответ на это начали бить орудия из крепости, да и сами жители оказали неприятелю ожесточенное сопротивление. Во время штурма крепостных стен у главных ворот, когда испанцы хотели проникнуть в город с помощью лестниц, защитники обрушили на них град камней и стрел, кипящую воду и горящую смолу. Ожесточенная схватка длилась 4 часа, но испанцам все же удалось открыть ворота и ворваться в город. Озлобленные упорным сопротивлением, они учинили над жителями жестокую расправу: оставшиеся в живых были объявлены пленниками и проданы в рабство на рынках Сицилии и других городов Италии.

Успех вдохновил испанцев на дальнейший захват опорных пунктов в Северной Африке, и потому они стали превращать завоеванные порты в хорошо укрепленные крепости с гарнизонами. Однако торговая и экономическая жизнь Триполи приходила в упадок. В сложившейся ситуации испанцам трудно было удерживать город как опорный пункт в борьбе с Османской империей, к тому же им надо было ликвидировать базу пиратов на острове Джерба. Со временем вылазки корсаров приобрели религиозный характер, и Османская империя стала использовать пиратство в своих захватнических целях и для ослабления своего главного противника – Испании. Поэтому действия корсаров, поднявших знамя «священной войны» против испанских христиан, нашли широкую поддержку среди арабо-берберского населения прибрежной части Магриба.

Для защиты Триполи требовались большие средства, а у испанского короля Карла V их не было, поэтому он серьезно задумался над предложением рыцарей Ордена Святого Иоанна Иерусалимского о передаче им Мальты. Вскоре император Священной Римской империи сделал им встречное предложение: обещал отдать Мальту, если они возьмут на

себя обязанность защищать Триполи. Однако рыцари-иоанниты сначала решили выяснить положение дел на месте и отправили в город делегацию из восьми человек. В докладе, подготовленном делегацией для Великого магистра, говорилось, что город расположен в благоприятном для здоровья месте; две трети его омываются морем, а третья часть ограждена стенами в 3728 шагов. Высота стен достигает 8–9 метров, но большая часть их в очень плохом состоянии, почти на грани разрушения, так что интенсивного артиллерийского огня они не выдержат. Нуждается в ремонте и цитадель с двумя бастионами, повернутыми в сторону города. Понимая, что защита Триполи стала бы большим бременем для Ордена, рыцари не спешили принимать предложение испанского короля. Только в марте 1530 года был подписан указ Карла V о передаче на вечные времена иоаннитам цитадели и города Триполи, острова Мальта и всего имущества, там находящегося.

Первым правителем Триполи из иоаннитов стал Гаспаре де Сангесса, который главное внимание уделил укреплению города и крепости. Но сделать это было непросто, так как доходы от таможенных сборов были незначительными. И тем не менее рыцари возвели в Триполи фортификационные сооружения, едва ли не самые лучшие в ту эпоху. Дом самого правителя и жилища рыцарей и солдат находились в крепости, где размещались также и все склады.

В первые годы своего правления рыцари-иоанниты стали взыскивать с подвластного населения налоги, причем, опасаясь выступлений против непомерных поборов, брали заложников. Местное население не признало власти рыцарей и продолжило борьбу против иноземных поработителей. Центром сопротивления оставалась, как и при испанцах, Таджура, располагавшаяся в 12 километрах к востоку от цитадели Триполи. Таджура была превращена в хорошо укрепленный населенный пункт, вход в ее маленькую гавань защищал бастион с установленными на нем крепостными орудиями. Но в 1531 году войска пирата Хайр ад-Дина Барбароссы захватили Таджуру, изгнали оттуда сторонников хафисидского султана и оставили в крепости отряд воинов, необходимое количество оружия и военного снаряжения. С захвата Таджуры началось открытое завоевание турками всей Триполитании.

Хайр ад-Дин Кирмон расположил вокруг Триполи свои войска, а в миле от городских стен – на холме Зогри – построил крепость. В ней были установлены орудия, снаряды которых наносили городу большой урон. Готовясь к штурму Триполи, Хайр ад-Дин Кирман набрал в

свою армию добровольцев, которые хотели изгнать со своей земли рыцарей. Получив приказ о наступлении, воины повели ожесточенную атаку на город и были уже близки к цели: рыцари оказались перед выбором – смерть или плен. Они уже готовились выбросить белый флаг, когда разнесся слух о смерти Хайр ад-Дина. Слух этот оказался ложным, но боевой дух наступавших заметно снизился, и они стали постепенно уходить с занимаемых позиций. Так совершенно неожиданно мальтийским рыцарям удалось удержать Триполи в своих руках.

Великий магистр Ордена, воспользовавшись благоприятной обстановкой, направил в Триполи подкрепление, а правитель города решил перейти от обороны к наступлению и все свое внимание направил на маленькую крепость на холме Зорги. Под натиском наступавших рыцарей войско Хайр ад-Дина отошло на 8 километров от города, и оставленная без прикрытия крепость была окружена. Осажденные, отчаявшись получить помощь от своего военачальника, в плен сдаваться тоже не хотели: они взорвали крепость и погибли вместе с первыми прорвавшимися туда рыцарями.

Бурную историю ливийской столицы отражает и планировка города. Примыкающий к порту клочок земли – это то немногое, что осталось от финикийской фактории. В наследство от римского полиса Эя город сохранил арку императора Марка Аврелия – великолепное творение архитектуры II века. В нишах ее когда-то стояли статуи богов и императоров, которые потом перекочевали в музей. Строилась знаменитая арка на деньги богатого эйского горожанина Кая Кальпурния Цельса, о чем сказано в выбитой надписи рядом с посвящением императору и датой – «163 г.». Остатки Эи оттеснены к морю мединой – старым городом периода господства арабов, хотя сегодняшняя медина в Триполи более позднего происхождения – турецкого.

В центре последнего наружного пояса стен Триполи высится замок, внушавший ужас средневековому люду и, как говорят, даже римлянам. Но римлян, конечно, помнит не этот замок, а его «прапрадедушка». Каждый новый завоеватель перестраивал крепость по-своему: нынешний вариант замка называется «Ассарайя аль-Хамра» (Красная крепость), и приходится он на первый период турецкого правления. Она представляет собой массивное сооружение с 8угольными башнями, прямоугольными зубцами и строгими линиями – ничего лишнего, никакого украшательства…

На Замковом Холме Братиславы

В своем среднем течении Дунай с обеих сторон сжимается последними отрогами Карпат и Альп, которые образуют естественное ущелье – ворота в обширную словацкую и венгерскую низменность. Здесь и была основана столица Словакии – Братислава, в значительной мере обязанная богатством своей истории именно выгодному географическому месторасположению.

Словакия – небольшая страна в центре Европы, тысячелетие томившаяся под игом венгерских князей. История оставила свои следы в Братиславе, но это прежде всего история словацкого народа, чьи предки испокон веков населяли этот край с заросшими лесом горами и искрящимися солнцем полосками долин. Эта история такая же древняя, как и каменные развалины первой сторожевой башни на скале Девин, нависшей над берегом у слияния Моравы и Дуная.

Самое раннее поселение на Братиславском холме, на месте которого впоследствии был построен замок, относится к эпохе неолита, потом здесь жили люди железного века, а еще позже места эти заселили кельтские племена. В сражении с даками кельты потерпели поражение, но ученые считают, что какая-то часть их устояла и удержалась как раз на территории современной Братиславы. Здесь они основали крупное поселение городского типа, но в конце I века до нашей эры сюда пришли римляне, установившие с кельтами дружественные отношения. Однако вскоре эту территорию захватили германские племена, вступившие в конфликт с Римской империей.

По сообщениям зальцбургских летописей, в 907 году под Братиславским холмом произошло кровопролитное сражение баварских войск с незадолго до этого пришедшими сюда венграми. Это сообщение позволило ученым предположить, что существовавшее здесь поселение занимало приблизительно такую же площадь, что и более поздний готический замок. Оно было укреплено стеной, сложенной из дерева и земли: впоследствии эта стена оказалась внутри готического укрепления.

На вершине замкового холма возводились каменные и деревянные жилища, а на его южной стороне построили дворец, состоявший из двух частей. К востоку от него располагался небольшой дом, возведенный на каменном фундаменте, но стены его, вероятно, были

деревянными. Пол в нем был глиняным, а в восточной части находился очаг. Как выглядели остальные жилые помещения, сейчас уже трудно установить, так как неоднократные перестройки и переделки уничтожили их или закрыли к ним доступ.

Во второй половине IX века на замковом холме была возведена трехнефная базилика, от которой до настоящего времени уцелела только небольшая часть. Изнутри она была оштукатурена и украшена фресковой росписью коричневого, красного и желтого цветов. После гибели в X веке Великоморавской державы – крупного и могущественного государства западных славян, их судьба складывалась сложно и противоречиво. Но жизнь на Братиславском холме не прекращалась никогда, и на этот раз здесь вскоре началось строительство. На части фундамента базилики было построено каменное укрепление, но просуществовало оно недолго, так как уже в XI веке на том же месте построили новую церковь. А от укрепления уцелели только крепостная стена да фундамент одной из башен.

Церковь Сальватора была возведена в крепости в тот период, когда закладывались основы венгерской церковной организации. При церкви вскоре был учрежден капитул, ставший для окрестных селений центром церковной жизни. Первое письменное упоминание об этой церкви встречается в указах короля Коломана и относится примерно к 1100 году, когда «суды Божьи» было разрешено проводить и в Братиславе.

Братиславский замок играл важную роль не только при создании церковной организации Венгрии, но и в административно-политической организации государства как замок комитата. Его местоположение вблизи австрийской границы выдвигало на первый план и его значение в военном отношении. За господство над Братиславой в первые века существования венгерского государства велись жестокие бои как при нападениях внешних врагов, так и при распрях из-за престола. Чтобы завладеть Братиславой, в первой половине XI века предприняли несколько походов чешский король Бржетислав и германский император Генрих III. Нападения начались в 1030 году – еще при жизни венгерского короля Стефана – и не раз повторялись после его смерти. В 1073–1074 годах венгерский король Шаламун укрепил Братиславский замок, который стал для него убежищем во время борьбы с герцогами Гезой и Ладиславом.

В начале XII века в спор за венгерскую корону вновь вмешался германский император – Генрих V. В 1108 году он осадил Братиславу, но замок оказал ему сильное сопротивление и устоял, хотя сражения за него в продолжение всего века велись не раз. Но чаще всего Братиславе удавалось выстоять, так как в замке всегда стоял надежный и сильный гарнизон, отчаянно защищавшийся. На протяжении всего XII века оборонительным сооружением служило укрепление из земли и дерева, возведенное еще в IX веке. Конечно, оно постоянно перестраивалось и обновлялось и в качестве фортификации служило вплоть до XV века.

В 1241 году Словакия пострадала от опустошительного набега татар, но Братиславский замок им захватить не удалось. Однако вслед за татарами в Западную Словакию последовали нашествия австрийского герцога Фридриха II, продолжавшиеся и после смерти последнего представителя Бабенбергов, когда в 1246 году между чешским и венгерским королями начались споры из-за австрийского наследства. Под давлением этих событий венгерский король Бела IV начал укреплять обороноспособность своей страны.

Военные события показали, что во время осад и сражений устоять удавалось лишь мощным каменным замкам, поэтому при возведении новых оборонительных сооружений полагались уже на новый тип крепостной архитектуры – жилую башню. На руинах старых дворцов на Братиславском холме построили башню, фундамент которой заложили глубоко в земле. Квадратная в плане (со сторонами 22 метра), эта постройка своими размерами выделялась среди подобных ей в Западной Европе: по периметру она имела 12 опорных столбов.

Вход в башню Братиславского замка вел через специальную пристройку, в которой была лестница, соединявшая ее этажи. В низком первом этаже установили небольшую цистерну, вода в которую поступала с крыши башни, поэтому защитники могли выдержать длительную осаду. Верхние этажи башни, по всей вероятности, были жилыми. Через несколько лет на замковом холме построили вторую башню, которая защищала первую с той стороны, откуда удобнее всего было вести атаку. Вторая башня была 4этажной, имела подземелье, а наверху – галерею с зубчатой стеной.

Во время правления Анжуйской династии (1308–1382) значение Братиславского замка несколько упало, хотя в его истории и продолжались бурные периоды. Не один раз его осаждали и захватывали, а после падения Анжуйской династии король отдал весь

Братиславский комитат в залог. Жупаном стал Смил из Кунштата, который разместил в замке моравский гарнизон.

На рубеже XIV–XV веков Братиславский замок уже не отвечал требованиям своего времени ни как крепость, ни как жилище. Поэтому его заново стали укреплять, а позднее возвели и новый дворец. На северо-западной и северной сторонах была возведена большая стена, новые укрепления усилили двумя выступающими полукруглыми бастионами. Один из них остался без имени, а другой (северо-восточный) благодаря своему выгодному положению с видом на обширный край назвали Лугинсландом.

На внутренней стороне новых укреплений находилась галерея с бойницами, частично сохранившаяся и до наших дней. От бастиона Лугинсланд укрепление ровной линией проходило над рыбацким поселением, расположившимся возле церкви Святого Микулаша, и тянулось до места, где находился вход в крепость со стороны города. В 1430е годы там построили новые входные ворота с башней – ворота Жигмонда, другая проездная башня появилась в юго-западном углу крепости. Эти надвратные башни соединялись между собой стеной с бойницами, от которой до настоящего времени сохранилось всего несколько метров. Со временем юго-западные ворота были уничтожены, а на их месте в середине XVII века построили большой бастион с тоннелем.

В 1430е годы на месте старой жилой башни возвели новый дворец. Император и король Жигмонд Люксембургский хотел основать в Братиславе новую резиденцию венгерских королей – вблизи императорской Вены. Вход во дворец шел через богато украшенный готический портал, над которым парил высеченный в камне герб с императорским орлом. В четырех крыльях дворца должны были располагаться самостоятельные, функционально различающиеся его части. Например, в южном крыле – с видом на Дунай и Придунайскую низменность – размещались жилые помещения правителя; в северном крыле, по предположениям ученых, были кухни, подсобные помещения и т. д.

Готический дворец для короля Жигмонда возводился под руководством мастера Конрада из Эрлинга, и на его строительстве работало около 300 ремесленников. К 1437 году, когда король умер, коробка здания была уже готова, но отделочные работы еще не закончены. Дело подвигалось медленно, а когда начались споры за королевскую корону, и вовсе остановилось. Строительная артель распалась: некоторые из ремесленников продолжили работу на других стройках Братиславы, остальные – ушли.

Помещения, предназначавшиеся для короля Жигмунда, остались недостроенными. Когда в замке должен был поселиться Ладислав Погребок – молодой внук короля, то архитектурный вкус уже был другим, изменились и требования, которые стали предъявлять к отделке дворцовых интерьеров. Будущего правителя воспитывали в Вене, и только в 1453 году он переселился в Венгрию. Кроме королевского замка в Буде, для Ладислава оборудовали и Братиславский замок, в парадных помещениях которого уже стояли роскошные кафельные печи, привезенные из Австрии и Южной Германии.

В период правления Ягеллонов замковый дворец пустовал. Он сильно пострадал во время распрей между Габсбургами и Запольскими, и поэтому при императоре Фердинанде в нем была начата большая реконструкция. Дворец был перестроен под руководством придворного живописца и архитектора Л. Феррабоско. Рыцарский зал во дворце ликвидировали, из большого зала на первом этаже сделали несколько небольших помещений, в которые со двора вели новые порталы. На втором этаже был устроен просторный Тронный зал, парадные залы и жилые помещения императора богато отделали лепниной и украсили фресками.

После реконструкции изменился и фасад дворца. Различные по форме и величине готические окна заменили новыми – со строгим каменным обрамлением, скупо декорированным символами ордена Золотого Руна. Первоначальный парадный вход в готический дворец был закрыт, вместо него на несколько метров восточнее сделали новый и защитили его выступающим фортификационным сооружением с мощной круглой башней.

В конце XVI века обновленный и оборудованный в соответствии со всеми достижениями своего времени замок в пожизненное пользование получил палатин Микулаш Пальфи, но дворец радовал его недолго. В начале XVII века он сильно пострадал от стихийных бедствий и внутренних войн, и обновление дворца потребовало много сил, времени и больших средств. Одновременно для М. Пальфи в саду, на месте бывших виноградников, строился новый дворец. Работу на обоих объектах поручили одним и тем же итальянским мастерам и ремесленникам.

Над крыльями старого дворца надстроили четвертый этаж, на всех углах появились стройные башни. Здание приобрело вид замка-усадьбы эпохи позднего Ренессанса – с центральным двором, с двух сторон окаймленным аркадами. Заново были украшены и внутренние залы, особенно богато отделывались жилые помещения императора на первом этаже. Сюжетами фресковой живописи стали сцены из жизни императора Фердинанда и его супруги Элеоноры; декоративное убранство было дополнено эмблемами различных добродетелей и нравоучительными надписями.

Император бывал в Братиславе редко, а семейство Пальфи предпочитало просторный дворец, убранство которого не нуждалось в постоянном уходе. Зато модернизация укреплений постоянно требовала больших расходов. Последние большие переделки в замковом комплексе Братиславы были предприняты во время правления императрицы Марии-Терезии. Мрачная крепость должна была превратиться в роскошную резиденцию в стиле рококо, где должен был поселиться наместник – зять императрицы. План перестройки поручили разработать придворному архитектору Ж.Н. Жадоте, однако из задуманного им проекта осуществлено было немного. Не были построены ни монументальная эллиптическая капелла, ни двухосевой перистиль дворца, не была возведена и новая парадная лестница в западном крыле.

Однако при Марии-Терезии в Братиславском замке заложили декоративные сады по образцу садов во французских замках. На склоне холма, расположенного к северу от дворца, был разбит большой сад; такой же сад, но меньшего размера, заложили на восточной террасе перед небольшим дворцом «Терезианумом».

Старый дворец и «Терезианум» впоследствии приспособили под главную семинарию. В 1784 году по проекту Й. Таллера большие залы разделили и превратили в комнаты для занятий, библиотеки и общежитие для студентов и преподавателей. При этом декоративное убранство времен Марии-Терезии почти полностью было уничтожено. Пришли в запустение и сады замка, а караульные помещения превратились в хозяйственные. Однако погибающая резиденция сделалась очагом распространения национального самосознания и национального возрождения словацкого народа. И хотя в семинарии воспитывались семинаристы со всех краев Венгерского королевства, больше всего их было из Словакии.

Здания замка даже после их дорогостоящей реконструкции все равно не удовлетворяли потребностям семинарии, поэтому после смерти императора Иосифа II ее перевели в пустующее здание бывшей иезуитской коллегии в Трнаве. Братиславский замок опустел до 1802 года, а потом его передали армии.

Тысячелетнее иго венгерских князей в 1918 году сменилось для словаков прозябанием в составе буржуазной Чехословакии. Армия использовала территорию замка до окончания Второй мировой войны, а потом казармы были ликвидированы. Но чтобы открыть замковый комплекс для посещений, его надо было восстановить и отреставрировать. После войны организацию работ по восстановлению Братиславского замка взял в свои руки Словацкий национальный музей. В настоящее время замок используется как Национальный музей Словакии, в котором действуют и постоянные экспозиции, и временные выставки.

В Ноттингем – к Робин Гуду

Замок в Ноттингеме

В средневековой Англии немало песен и баллад было сложено про веселого Робин Гуда – защитника угнетенных. Под протяжное гудение волынки на зеленых полянах их исполняли странствующие музыканты-глимены. Народ узнавал из этих легенд о вольном Шервудском лесе, о метких стрелках, притаившихся в заповедных чащах, и о том, как боролись они с феодалами, шерифами и жадными монахами.

Робин Гуд, как говорится в балладах, жил во второй половине XII века – в царствование короля Генриха II. В те времена в Шервудском лесу укрывались саксы – последние представители старинного населения Англии. Этот свободолюбивый народ не желал подчиняться власти завоевателей, чужим законам и обычаям. Они жили в лесу, сохраняя военную организацию, которая отличала их от простых разбойников больших дорог: нападали только на богатых норманнов, на их судей, священников и монахов. И Робин Гуд был вождем именно таких благородных разбойников. Вместе со своими храбрыми и веселыми друзьями он отбирал земли у богатых и раздавал деньги беднякам. Хронист того времени говорит о нем всего несколько слов.

> Между людьми, лишенными собственности, был тогда знаменит Робин Гуд, которого простой народ так любит выставлять героем своих игр и комедий и которого история, воспеваемая менестрелями, занимает саксов более всех других историй.

Вот и все, что сказано о Робин Гуде хронистом той эпохи, но популярность его была так велика, что в течение веков жители городов и деревень ежегодно (обычно в один из майских дней) устраивали в честь любимого героя торжественные игры – праздник весны и леса. В этот день вся Англия откладывала свои дела и занятия, «церкви и мастерские были пусты; ни святой, ни проповедники не могли одержать в этот день победы над народным любимцем». Жители всей страны наряжались в зеленые кафтаны и отправлялись в лес, где проводили состязания в стрельбе из лука, разыгрывали сцены из жизни Робин Гуда и его друзей. Почти 400 лет праздновался этот день, и английский епископ Латимер, живший еще в XVI веке, жаловался, что

> церковь небольшого города близ Лондона оказалась пуста, когда он хотел произнести в ней проповедь. Какой-то человек сказал: «Сэр, мы

сегодня не можем слушать вашу проповедь, потому что мы празднуем день Робин Гуда. Все наши прихожане в лесу, и вы напрасно стали бы ожидать их».

Любой англичанин уверен в историческом существовании Робин Гуда, однако находятся ученые, которые порой решают полностью изменить устоявшееся во всем мире представление о нем. Например, в 60-х годах прошлого века появилось сообщение, что профессор Ч. Уайкилс готовится написать подобную книгу: известие это было враждебно встречено во всей Англии, но особенно неприязненно в графстве Ноттингемшир. Власти решительно заявляли, что не позволят украсть собственные легенды графства и часть своей истории. Мол, знаем мы этих исследователей: каждые два-три года они выступают с очередной теорией, что Робин Гуда, дескать, вовсе не было; а если и был, то совсем другой; а если и такой, то жил он не в Ноттингемшире, а в каком-нибудь другом графстве…

На этот раз профессор утверждал, что Робин Гудов было много, трудно даже сказать сколько. После завоевания Англии норманнами множество саксонских феодалов – баронов, баронетов, графов и т. д. – всех, кто лишился земли, ушли в леса. И всех, кто в то время боролся с королем и укрывался в лесах, звали Робин Гудами, что означает «лесная птаха». Знатные саксонцы, хотя и стали жертвами завоевателей-норманнов, в своем отношении друг к другу были завистливы и коварны и только грабили крестьян. Норманнские короли, в отличие от них, стремились объединить страну и как следствие лишить саксонских баронов власти. В этой объединительной политике помощниками королей стали шерифы, утвердившиеся в замке Ноттингем и замках других графств. Их задача состояла в постоянном наблюдении за исполнением королевских законов, и саксонские бароны вскоре превратились в обычных разбойников, готовых напасть на очередного встречного.

Да и беднякам такие «робин гуды» ничего не раздавали, потому что бедняки не жили в лесах. Поэтому трудно поверить, утверждает профессор, будто защитники угнетенных выбирались из лесов, чтобы облагодетельствовать какого-нибудь бедняка. Если же такое и случалось, то это не было актом благотворительности: просто лесные разбойники платили за молчание тем, с кем время от времени сталкивались, ведь за их головы всегда назначались большие выкупы.

Так было до времени правления короля Генриха II, а потом удалившиеся в леса аристократы поняли, что тягаться с королем им не под силу, и стали искать поддержку у Ричарда Львиное Сердце, известного своими воинскими доблестями. Если бы баронам удалось посадить его на английский трон, они вернули бы свои прежние права. И в самом деле: едва Ричард Львиное Сердце надел корону, как бароны с триумфом вернулись в свои замки, а в леса потянулись крестьяне и йомены. Когда же Ричард отправился в крестовый поход и там погиб, законным монархом стал его брат Иоанн. Для баронов пробил последний час: под шервудским дубом, прозванным «парламентским», король Иоанн объявил о своем решении ликвидировать власть благородных разбойников. Времена «робин гудов» кончились – началась эпоха легенд о Робин Гуде.

Так в общем виде выглядят основные положения, выдвигаемые профессором в своей книге. Однако история не впервые грозила раздавить миф фактами, и разве погибла под тяжестью исторических доказательств хоть одна легенда? Про Шекспира тоже говорили, что его не было на свете или что он ни строчки не написал сам. Поэтому, как говорят жители деревни Мирфолд, все эти ученые могут хоть в лепешку разбиться, а легенда все равно останется. И потому посетителей маленькой деревенской таверны «Три монахини» окружают витражи, на которых изображены главные герои легенд и баллад: сам Робин Гуд, Маленький Джон, брат Тук и настоятельница монастыря Элизабета Стейнтон, у которой укрылся раненый Робин Гуд. Из монастырского окна храбрый предводитель вольных стрелков выпустил последнюю стрелу и сказал Маленькому Джону: «Куда она упадет, там меня и похороните». Стрела полетела к Шервудскому лесу, где вонзилась в землю возле векового дуба. Потом на могиле выросла трава, и теперь никто не знает, где покоится Робин Гуд.

Легендарному дубу очень много лет, но выглядит он еще молодцом. Ствол его могуч и кряжист, сильные корни вздулись, будто вцепившиеся в землю когти. Лишь ветви, похоже, не выдерживают тяжести многих веков, и люди поддержали их распорками и стальными цепями. Ведь это не просто дуб, это дерево примечательное – дуб Робин Гуда! Под ним располагались отряды его лесных товарищей, здесь они обсуждали планы нападения на епископов, стражу короля и людей шерифа из Ноттингемского замка. Здесь храбрые лучники пировали, разделав добытые меткой стрелой туши кабанов и оленей; здесь они пили и пели, допрашивали пленных и в шутку сражались друг с другом.

В самом Ноттингеме есть улица, таверна и даже целый район, названные в честь Робин Гуда. В 1952 году жители города торжественно открыли памятник славному защитнику угнетенных. Известный английский скульптор Д. Вудфорт изобразил героя с натянутым луком, который Робин Гуд направляет в сторону Ноттингемского замка. Автор монумента не забыл и о его веселых спутниках: сцены из жизни Маленького Джона и других друзей Робин Гуда скульптор воссоздал в небольших статуэтках, окружающих центральную фигуру, и в медальонах на стене замка…

Сначала памятник Робин Гуду украшал одну из площадей Ноттингема, но потом его перенесли во двор замка. Сделано это было по необходимости, потому что охотники за сувенирами слишком настойчиво пытались выкрасть лук и стрелы героя. Так Робин Гуд оказался там, где при жизни никогда и не думал искать убежища…

Московский Кремль

Первоначальная ограда появилась на Кремлевском холме одновременно с селением, которое расположилось тут, как считают ученые, в первой половине I века, когда русские начали заселять междуречье Оки и Волги. Славяне издавна жили под защитой ограды и укрепляли не только каждое селение, но часто и каждый двор. Гардарикой (страной городов) называли Древнюю Русь жители Скандинавии, так как каждое селение, окруженное оградой, казалось им городом. А место на высоком мысе при слиянии Москвы-реки и Неглинной с самого начала представляло собой стратегический пункт, так как находилось на перекрестке дорог – с севера на юг и с северо-запада на северо-восток.

Зерно будущего Кремля и по месту, и по размерам очень походило на древние городища, которые почти всегда располагались на высоких холмах при слиянии двух рек: с двух сторон они были ограждены крутыми обрывами, а с третьей – рвом и валом. К 1147 году, когда Москва впервые упоминается в летописях, она сделалась уже значительным селом, и к этому времени укрепления ее состояли, по-видимому, не из одних только земляных насыпей с частоколом наверху. О размерах этого укрепления можно судить по местоположению первой на Москве церкви во имя Иоанна Предтечи, которая до 1847 года стояла на старом месте. Находилась она в 120 шагах от Боровицких ворот, а так как церкви ставились обычно на середине селения, то Кремль простирался и по другую сторону от церкви тоже на 100–120 шагов. Предположение это впоследствии подтвердилось, когда при возведении Большого Кремлевского дворца нашли остатки вала и рва. Таким образом, вся крепость тогда из конца в конец равнялась приблизительно 250 шагам.

В начале апреля 1147 года суздальский князь Юрий Долгорукий, возвращаясь из похода на Новгород, пригласил на пир своего родственника и союзника Святослава Северского. Князья встретились на высоком берегу Москвы-реки, где среди густого бора стояла сельская усадьба. Так что своих гостей хлебосольный князь встретил не на пустом месте, и ему было чем угостить их: обед в честь званых гостей, по словам летописца, был «силен» – то есть щедрый и обильный. Существует легенда, что Юрий Долгорукий будто бы повелел заложить новый город после одного чудесного видения.

> Ехал князь с дружиной через дремучие леса, топкие болота, по сторонам посматривал. Вдруг видит, что впереди между деревьями то ли туман встает, то ли дым клубится.
>
> – Что это там такое? – воскликнул князь.
>
> Посмотрели все и увидели, как облако на глазах превращается в неведомого зверя с тремя головами и пестрой шерстью. Замерла княжеская дружина в изумлении, а чудный зверь стал таять да и исчез совсем.
>
> – Что сие значит? – спросил князь мудрого старца. Задумался тот, а потом ответил:
>
> – Явление сего чудного зверя есть знак, что поблизости сих мест быть великому городу.
>
> Молча поехал князь дальше, погрузившись в свои думы. Ведь в нескольких землях его обширного Владимиро-Суздальского княжества уже есть города: Переславль-Залесский, Дмитров, Юрьев-Польский…

Через девять лет после пира Юрий Долгорукий привел сюда суздальских, владимирских и псковских мастеров и повелел своему сыну Андрею насыпать новую крепость, так как старая была не только мала, но уже и обветшала. Автор древней повести «О зачале царственного града Москва» писал:

> Юрий князь взыде на гору и обозре с нее очима своими семо и овамо, по обе стороны Москвы-реки и за Неглинною, возлюби села оные и повелел вскоре сделати град мал древлян, по левую сторону реки на берегу и прозва его званием реки Москва град.

Город был действительно мал, занимал одну десятую часть нынешнего Кремля, но место было выбрано очень удачно. На мысу между реками срубили княжеский дом и церковь; над 40метровым обрывом (у нынешних Боровицких ворот) углом сходились бревенчатые стены, на земляном валу стоймя укрепили бревна, остро обтесанные сверху. В новом городище, защищенном с двух сторон обрывами и реками, узкий, но глубокий ров выкопали только со стороны «приступного места». Края рва укрепили кольями и надолбами, а с приземистых вежей[22] вглядывались вдаль дозорные.

Главным сооружением всей фортификации как раз и были башни: заполненные землей и камнями, они могли противостоять ударам стенобитных орудий. Если врагу и удавалось завладеть стеной, он оказывался под огнем башен. Каждая из них представляла собой крепость, отдаленную друг от друга на полет стрелы. Хоть и невелик был сначала Кремль, но своими укреплениями он прикрывал торговые пути и поселения, расположившиеся вокруг Боровицкого холма, да и люди могли укрыться в лихое время за его стенами.

После смерти Юрия Долгорукого летописи упоминали о Москве лишь изредка. Так, например, в них отмечалось, что через 21 год после возведения кремлевских укреплений над ними взметнулось пламя и толпы половцев с гиканьем кинулись на приступ. Однако нелегко было «брать копьем» новое поселение, и потому приведший половцев рязанский князь Глеб «пожже Московь всю, город и села», чем и положил начало длинному списку осад и пожаров.

Но городок над рекой не сдавался, само его расположение стягивало к нему людей, которые упорно и терпеливо рубили на пепелищах новые хоромы, сквозь бор прокладывали дороги, заселяли окрестности… Много сделал для Москвы князь Андрей Боголюбский – сын Юрия Долгорукого. Он не поехал в Киев сесть на престол отца и деда, а заставил признать себя князем всей Русской земли. Некоторые ученые даже предлагают считать его основателем Москвы, другие же считают, что он был только исполнителем работ, задуманных его отцом.

В 1272 году в городище над холмом поселился удельный князь Даниил Александрович – сын Александра Невского. Над частоколом засверкал крест небольшой церквушки, над крутым берегом реки Неглинной поднялись жилые терема. В грубом, но прочном доме князя Даниила разместились низенькие горницы и клети, под ними – в амбарах и ледниках – хранились всевозможные припасы. В Кремле разместилась и ближняя дружина князя, на береговых пристанях год от года ширился торговый и ремесленный посад, лепившийся поближе к крепости. А на площади, где сейчас стоят кремлевские соборы, паслись коровы и росла репа.

В смутное время феодальной раздробленности и иноземных нашествий вокруг Москвы стало складываться централизованное русское государство, ибо не было другого княжества, которое располагалось бы так выгодно и удобно. На окраинных землях жить опасно, каждый час можно ожидать набегов, пожаров, смерти… На западных границах Руси крепнет литовский князь, в юго-восточных степях – жестокая и дикая Орда. Далеко на север тоже забираться опасно – неприютен суровый край, поэтому охотнее всего переселенцы тянулись к Москве-реке: соседние княжества, леса и болота, кольцом окружавшие Москву, сдерживали врагов. Богатейшие заливные луга обеспечивали скот кормами, реки изобиловали рыбой, леса давали хороший строительный материал, да и зверья в них много…

При Иване Калите московская крепость становится уже тесной для двора князя и двора митрополита Петра, который в 1328 году перенес свою резиденцию из Владимира в Москву. Поэтому решено было снести старые стены, возведенные из смолистой горючей сосны, и в 1339 году был заложен «град Москвов дубов». Иван Калита отдал свой дворец митрополиту, а для него поставили новый деревянный дворец – по соседству с нововоздвигнутыми храмами. Из аршинных дубовых брусьев строители возвели новые стрельницы и стены, Кремль раздался в ширину (в сторону нынешней Красной площади), и теперь в крепости сидела уже не ближняя княжеская дружина, а большой гарнизон: лучники, пушкари метательных машин, оружейники для починки «ратного сосуда» и прочий военный народ.

Всего за пять месяцев при Иване Калите возвели мощные дубовые стены, быстро строился и укреплялся новый город, но от пожаров он также быстро превращался в золу и пепел. Чуть больше 30 лет простоял дубовый Кремль, а в княженье Дмитрия Ивановича, которого впоследствии назовут Дмитрием Донским, от церкви Всех Святых на Черторьи

(Кропоткинские ворота) начался пожар невиданной силы. В лето 1365 года огненный смерч обрушился на скученные строения Кремля, и за два часа гибельный пожар уничтожил все до основания; остались только уныло торчащие обугленные кремлевские стены с выгоревшими навесными бойницами.

После такого бедствия молодой князь Дмитрий Иванович созвал бояр и князей на совет о новых укреплениях города, потому что негоже было Москве впредь обходиться деревянными стенами, как деревне. Все лето и зиму заготовляли белый камень в селе Мячково, а весной 1367 года собрали со всех русских земель мастеров каменного дела, которые и стали выкладывать первые каменные стены Кремля. Но старые дубовые стены снесли не сразу, так как нельзя было даже на короткий срок оставлять Москву без укреплений. На смену «великой тишине», которую оставил своим преемникам искусный правитель Иван Калита, пришло время военных столкновений с Золотой Ордой и с соседями. Москве по-прежнему угрожали тверские князья, все еще добивавшиеся великокняжеского престола. На западе вставала могущественная Литва, поддерживавшая в своих интересах воинственные устремления Твери; со всех сторон и в любой час великокняжеский стольный град ожидало внезапное нападение.

При возведении белокаменных стен Кремля трудилось более 2000 строителей – неслыханные по тем временам масштабы. Каменные стены ставили вне деревянного Кремля, местами отдаляясь от старой линии на 35 и более метров. Крепость росла быстро, и работы в основном были закончены к началу 1368 года. Над Москвой засияли белоснежные каменные стены и башни, и новый Кремль расширился почти до размеров нынешнего. Он был опоясан глубоким рвом и имел железные ворота; на его высоких стенах грозно ощетинились каменные зубцы, пространство между которыми забиралось толстыми досками для защиты от стрел нападавших.

Население посадов при нападении врага укрывалось за кремлевскими стенами, принимая самое активное участие в обороне. А таких случаев в то тревожное время было немало, и не зря спешили москвичи с возведением каменных стен. Едва успели строители покинуть места работ, как примчался в Кремль гонец: литовский князь Ольгерд «тихим обычаем» перешел русский рубеж и перебил пограничный сторожевой пост. Узнав, что князь в Москве и почти без рати, литовцы поспешили сюда. На разбогатевший город, который за 40 лет мира будто бы отвык воевать, Ольгерда натравливали тверские князья, пуще всего боявшиеся возвышения Москвы. Когда литовское войско, одетое в звериные шкуры, подошло к Кремлю, он был готов к обороне. Мосты над рвами были подняты, ворота наглухо заложены камнями и бревнами, над башнями зловеще поблескивали щиты и копья…

Окружив Кремль, литовцы занялись грабежом близлежащих сел, но князь Ольгерд видел уже, что здесь он напрасно теряет время. А тут еще из дома пришла тревожная весть, что в Литву пожаловали тевтонцы, и через три дня литовцы сняли осаду Кремля.

Несмотря на победу русских войск в знаменитой Куликовской битве, в 1382 году хан Тохтамыш решил отомстить Москве за разгром Мамая. При пособничестве рязанского князя Олега он с огромными силами внезапно обрушился на город. Москвичи заперлись в белокаменном Кремле, и все попытки татар взять его штурмом окончились полной неудачей. Три дня кремлевские стены осыпались тучами стрел, приступ за приступом следовали беспрерывно, но осажденные мужественно выдерживали натиски врага, обливая его со стен Кремля горячей водой, осыпая градом камней и скатывая толстые бревна. Только обманом татарам удалось захватить Кремль: у них в плену находились нижегородские князья, которые торжественно поклялись, что хан не причинит никому никакого вреда, если его впустят в Кремль и в знак уважения поднесут дары. Защитники доверчиво поверили нижегородцам и открыли городские ворота. Русский историк Н.М. Карамзин писал по этому поводу:

> Сие злодейство было началом ужаса: по данному знаку, обнажив мечи, тысячи монголов в одно мгновение обагрились кровью россиян безоружных… хотевших спастись бегством в Кремль; варвары захватили путь и вломились в ворота; другие, приставив лестницы, взошли на стену… Неприятель в остервенении своем убивал всех без разбора, граждан и монахов, жен и священников, юных девиц и дряхлых старцев; опускал меч единственно для отдохновения, а потом снова начиналось кровопролитие.
>
> Многие укрывались в церквах каменных. Татары отбивали двери и везде находили сокровища… свезенные из менее укрепленных городов. Кроме богатых икон и сосудов, они взяли несметное количество золота и серебра в казне великокняжеской, у бояр старейших и купцов знаменитых –

наследие их отцов и дедов, плод бережливости и трудов долговременных. К вечному сожалению потомства, грабители предали огню множество древних книг и рукописей…

Через 13 лет после нашествия хана Тохтамыша на Москву двинулась новая гроза – полчища Тамерлана, разгромившего могущественного турецкого султана. Но Тамерлан не пошел дальше Оки, а разбойный набег свирепого хана Тохтамыша уже не мог сломить возвышавшуюся Москву. И хотя ей снова пришлось спешно восстанавливать кремлевские укрепления и соборы, она быстро оправилась при Василии Дмитриевиче – сыне Дмитрия Донского.

Наступило время правления Ивана III – период создания единого Русского государства, которое проходило в непрерывной борьбе с татарами, Литвой и Польшей, Ливонским орденом и Швецией. Все они стремились ослабить Русское государство, не допустить его к Балтийскому морю и изолировать от Западной Европы. Но именно тогда, как писал Карл Маркс в «Секретной дипломатии XVIII века», «изумленная Европа, в начале царствования Ивана едва замечавшая существование Московии, стиснутой между татарами и литовцами, была ошеломлена внезапным появлением на ее восточных рубежах огромного государства, и сам султан Баязет, перед которым Европа трепетала, впервые услышал высокомерную речь московитов».

Во второй половине XV века белокаменный Кремль уже ни своим внешним видом, ни внутренним состоянием не соответствовал международному и политическому положению московского государя. Утратил он и свою оборонительную мощь: белый известковый камень не обладает достаточной прочностью, поэтому кремлевские стены и башни к этому времени уже сильно обветшали. Кроме того, после многочисленных пожаров они были настолько сильно залатаны деревом, что в 1470-х годах показались итальянскому путешественнику Контарини деревянными. Не в лучшем состоянии был и деревянный Кремлевский дворец, некогда великолепно украшенный, сильно пострадали от пожаров и каменные храмы.

Внутри Кремль, за небольшими исключениями, представлял собой «городок» всевозможных деревянных построек – жилых и служебных домов. Кроме великокняжеской семьи, бояр, высшего духовенства и многочисленной придворной челяди, в Кремле проживал еще самый разнообразный люд. Неприглядные домишки обывателей заполняли все пространство в границах кремлевских стен и лепились по склонам холма.

Иван III задумал перестроить Кремль, сделать его достойной резиденцией правителя могучей державы и неодолимой твердыней, чтобы в случае необходимости отразить натиск любого врага. А вместе с тем и украсить Кремль величественными зданиями, которые олицетворяли бы мощь Русского государства. В 1480 году сносятся обветшавшие стены и башни, а на их месте закладываются новые. Первыми были заложены башни, прикрывавшие равнинную тыловую площадку – «приступ» – и речную полосу; крепятся сваями крутые берега, в реку выводятся подземные ручьи. Надо было укреплять и грунт, чтобы он надежно держал каменные громады.

Иван III приказал «на сто сажен да на девять» расчистить пространство за стенами, снести десятки лачуг и церквушки с погостами, облепившие старые стены. Явное святотатство рушить Божьи престолы и выбрасывать кости из древних могил, но князь и слушать не хочет: пусть мертвые не стесняют живых… А на месте, где располагались небольшие дворцы купцов и бояр, поднялись великолепные здания, блистающие своей красотой.

Весь Кремль – его стены, башни и соборы – сложены руками русских мастеров, собранных из разных городов. Именно они возвели крепкой русской кладкой уникальный кремлевский ансамбль, который и поныне восхищает всех своим величием и монументальностью. К этому времени уже в течение 60 лет строили и обустраивали каменную Москву итальянцы-фрязове, но и иностранные «муроли» (архитекторы), прежде чем приступить к работам, должны были поездить по другим городам, чтобы познакомиться с русским зодчеством.

Укрепляя Кремль, итальянские зодчие использовали и весь опыт римских фортификаторов: стены и башни располагались по заветам хитроумного Витрувия: «Надо, чтобы башни прерывали ход по стенам; если неприятель завладеет одной частью стены, остальные были бы от него отрезаны». Каждая башня являлась самостоятельной крепостью: отняв приставную лестницу, гарнизон наглухо замыкался в каменной ограде, но в случае необходимости мог скрыться потайными ходами. Круглые башни, если их заполнить землей,

оказывали громадное сопротивление снарядам. Кроме того, у них нельзя было разрушить углы, как в квадратных башнях.

Новые укрепления отвечали требованиям тогдашнего фортификационного искусства, и Кремль представлял собой систему надежных и сильно вооруженных башен, контролирующих окружающее пространство. Стены идут с небольшим изломом, башни же несколько выдвинуты вперед. Благодаря этому с каждой стрельницы во время осадного боя можно было наблюдать за положением на соседних башнях и своевременно оказывать им помощь. Внутри башни были разделены сводами и деревянными настилами на несколько ярусов и имели хитро расположенные друг над другом амбразуры. Приспособленные для верхнего, среднего и нижнего боя, они располагались так, что никто не мог укрыться, притаившись у стены, или скрытно подобраться к ней. Сверх того, были устроены и навесные бойницы, а наверху башни заканчивались боевыми площадками, прикрытыми деревянными навесами, что придавало им еще более суровый вид. Под стенами, башнями, храмами и другими постройками нового Кремля были устроены подземные ходы и водоемы, сводчатые погреба и кладовые для хранения пороха, оружия и других запасов.

Когда в Кремле завершились каменные работы, в 1508 году итальянский мастер Алевиз Фрязин поднял шлюз на реке Неглинной и бурный поток наполнил ров, прорезавший всю Красную площадь от Неглинной до Москвы-реки. Кремль, окруженный с трех сторон водной преградой (Москва-река, Неглинная и ров на Красной площади), стал возвышаться как неприступный замок на острове. Проникнуть в него можно было только через подъемные мосты проездных башен, ворота которых дополнительно забирались железными решетками. За щетиной своих зубчатых стен Кремль стал подлинно неприступным и ни в чем не уступал прославленным замкам Западной Европы. Однако, в отличие от них, он не имел угрюмого вида благодаря своим новым храмам с блестящими главами и нарядным дворцовым палатам с пестрыми кровлями, живописно поднимавшимися за укреплениями.

Еще в 1499 году в том месте, где ныне высится Кремлевский дворец, для Ивана III был сооружен каменный дворец, одна из палат которого получила название Грановитой[23]. В том же году итальянский архитектор Аристотель Фиораванти, точно следуя образцам русского зодчества, воздвиг Успенский собор – самый большой из кремлевских соборов. Через 11 лет неподалеку от него псковские мастера возвели Благовещенский собор, в котором проходили повседневные моления великого князя и его семьи. А в 1509 году Алевиз Фрязин рядом с Благовещенским построил Архангельский собор, ставший усыпальницей великих князей. На Соборной площади находились также церковь Ризположения, собор Двенадцати апостолов и другие памятники.

Высоко поднялась над кремлевскими стенами колокольня Ивана Великого, сооруженная в первые годы XVI века. Этот своеобразный храм, служивший одновременно и сторожевой башней, возводил Бон Фрязин, который закончил строить его в 1508 году. К востоку, за огромным столпом Ивана Великого, широко раскинулась Ивановская площадь, которая была довольно оживленным местом. У зданий многочисленных приказов всегда толпился народ и челобитчики, подьячие громко зачитывали царские указы и распоряжения приказов, отсюда и родилось выражение «кричать во всю Ивановскую».

По повелению Бориса Годунова колокольню Ивана Великого в 1600 году надстроили, и в таком виде она сохраняется до наших дней. Еще через 20 лет архитектор Петрок Малый начал сооружать звонницу с церковью, непосредственно примыкающую к колокольне. В 1624 году была воздвигнута увенчанная шатром пристройка, получившая название Филаретовской.

После смерти Бориса Годунова наступило время смут и потрясений, появились самозванцы и началась польско-шляхетская интервенция. Поляки засели в Кремле, а когда их выгнали оттуда, он, еще недавно такой богатый и красивый, представлял собой весьма печальную картину. Все кремлевские хоромы и палаты стояли без крыш, полов, дверей и крылец; все деревянное в них было сожжено, «государева казна» разграблена. Вокруг Кремля стояли почерневшие укрепления Китай-города и Белого города, а за ними простирались полусожженные слободы и разоренные деревни и села.

К приезду нового царя Михаила Романова постарались привести в пристойный вид жилые царские палаты, но денег, мастеров и строительного материала не было, поэтому все делалось наскоро, лишь бы хоть чуть-чуть прикрыть следы разрушения. Но уже с 1620х годов возобновилось такое широкое строительство, что «невозможно было подробно рассказать или описать множество новых сооружений, возникших тогда в Москве».

Когда Русское государство раздвинуло границы, Кремль утратил свое военное значение. В первой половине XVII века его боевые башни начали перестраивать, в результате чего они получили стрельчатый верх. Деревянная крыша над стенами и забрала между зубцами, выгоревшие при очередном пожаре, больше не восстанавливались; мелели и высыхали рвы, а потом их совсем засыпали.

В последний раз стены Кремля видели чужеземную армию в 1812 году, когда в нем с торжеством разместился французский император Наполеон. Но вскоре тревожность положения и неизвестность насчет будущего стали смущать Наполеона, его маршалов и солдат. Некоторые историки считают, что во время своего пребывания в Кремле французский император задумывал поход на Петербург, но затем оставил эту мысль как неосуществимую. Между тем дисциплина в рядах французов падала с каждым часом, недостаток съестных припасов и рано наступившие холода еще более способствовали этому. Хотя надежды на мир с Россией таяли, Наполеон хотел показать своим солдатам и офицерам, что в Москве их положение прочное. Узнав, что в русской столице находятся несколько французских актеров, он повелел устроить театральные представления, которые давались в доме Познякова на Никитской улице. В Кремлевском театре представлений не было, но устраивались концерты, в которых выступали итальянский певец Тарквинио и пианист Мартини.

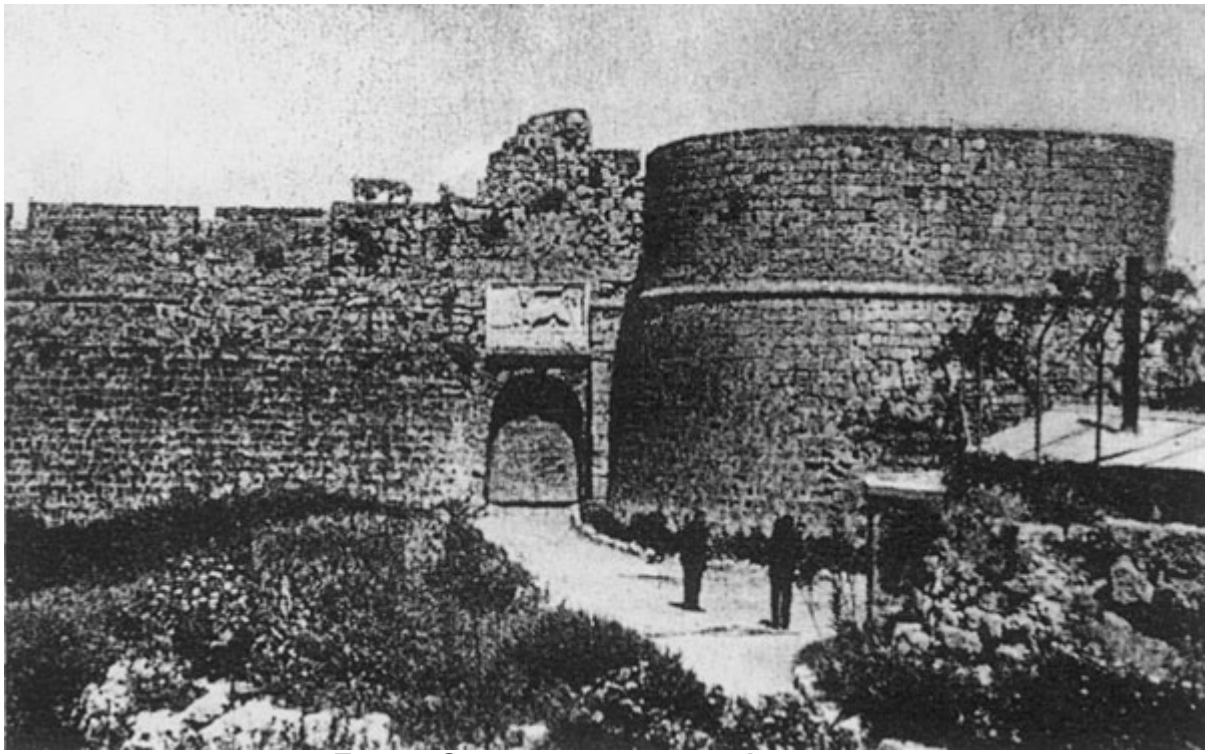
В Кремлевском дворце французский император предавался разным фантазиям, например, велел собрать сведения о Емельяне Пугачеве, чтобы, подобно последнему, произвести волнения среди крестьян России по поводу их крепостного положения. С той же целью он мечтал возбудить волнения татар против России, даже посылал своих шпионов в Казань. Но Наполеону пришлось оставить Кремль, и в бессильной злобе он приказал взорвать его со всеми стенами и башнями.

В ночь с 11 на 12 октября маршал Мартье покинул Москву и, отойдя на значительное расстояние от нее, пушечным выстрелом подал знак к взрыву. Кремлевская земля заколебалась, от чего дрогнули все здания; во многих домах города обрушились потолки и стены, и внутри них все сдвинулось со своих мест. В ночной темноте, освещаемой пожаром Кремля и других горевших зданий, слышались плач и стоны… В Кремле были разрушены часть арсенала, примыкавшая к нему восточная часть стены и верх башни у Никольских ворот. Но над воротами уцелели не только образ Николая-чудотворца, но даже стекло киота и висевшая перед ним лампада.

Взорванной оказалась часть южной стены с Петровской, Рождественской и Филаретовской башнями. Колокольня Ивана Великого треснула сверху донизу и зашаталась, но устояла. На воздух взлетела Водовзводная башня, завалив своими обломками набережную и реку. Но хлынувший во время взрывов дождь залил несколько мин и подкопов в Кремле, откуда потом было вынуто около 60 бочек с порохом. Другие подкопы были засыпаны камнями и землей от первого взрыва, поэтому и не причинили вреда. К общему удивлению и радости, в Кремле уцелели все соборы, церкви и монастыри.

Опустошения, производимые литовцами и крымскими татарами, бесчисленные пожары, нашествие польской шляхты в 1610–1612 годах, вторжение наполеоновских войск в 1812 году – ничто не могло сломить силу и мужество русских людей. И торжественно державный Кремль как живое воплощение великой несокрушимости народа всегда вставал из пепла и руин.

Средневековые крепости Кипра



«Башня Отелло» в крепости Фамагуста

Выгодное географическое положение Кипра, расположившегося на пересечении путей из Европы в Азию и Африку, и благодатный климат острова издавна притягивали к нему взоры многочисленных завоевателей. Это был один из очагов человеческой цивилизации, где воедино сплавились культурно-исторические традиции греков и ассирийцев, персов и византийцев, венецианцев, турок и англичан… Все они в разные периоды истории владели Кипром. Многотысячелетнюю историю острова вдохновенно выразил поэт Федосис Пиеридис:

И каждый наш холмик
Стал мавзолеем,
И волны теплы, как живая ладонь.
Мы – Кипр,
Мы – родина Одиссеев,
Мы – Кипр,
Мы древни, как первый огонь!

Действительно, прошлое этого острова овеяно многочисленными легендами, преданиями и поэтическими сказаниями. В Пафосе, у скалы Ромиос, из морской пены вышла Афродита – богиня любви и красоты, которую почитали во всей Греции. Легенды приписывают и особую роль Кипра в победе греков над троянцами. Бронзовый панцирь, подаренный кипрским царем Кинерасом вождю греков Агамемнону, предохранил его от стрел троянцев, чем и предопределил их поражение…

Много осталось на острове и памятников эпохи крестовых походов, и один из них – замок в **Колосси**, недалеко от Лимасола. Он был сооружен в XIII веке после того, как король Гуг I отдал эту местность рыцарям Ордена Святого Иоанна Иерусалимского. После падения Акры, когда Орден обосновался на Кипре, замок стал основной резиденцией рыцарей-иоаннитов. Он не раз подвергался нападениям, например, в 1373 году овладеть им пытались генуэзцы, а в 1425 году – турки-мамелюки. Во время этих штурмов замок был сильно разрушен, но в середине XV века его восстановили и перестроили, и в таком виде он дожил до наших дней.

Замок возвышается на открытой площадке, окруженной невысокой оградой. Вокруг растут небольшие деревья и древовидные кактусы. Мощное 4угольное здание замка по верхнему краю увенчано широкими зубцами; стены, сложенные из больших блоков желтоватого камня, прорезают немногочисленные окна, глубокие проемы которых подчеркивают массивность и толщину этих стен. Снаружи (на восточных стенах) единственным украшением замка являются мраморные панели с рельефными

изображениями герба королей рода Лузиньянов и гербом Великого магистра Ордена рыцарей-иоаннитов.

Немало руин замков и сейчас возвышается на скалах горной цепи, поросшей лесами и тянущейся вдоль побережья. Наиболее известным из них и лучше других сохранившимся является замок **Святой Иларион**, получивший свое название от находившегося неподалеку византийского монастыря Святого Илариона. Монастырь уступил свое место крепости, которая сыграла известную роль во времена завоевания острова английским королем Ричардом Львиное Сердце. Оборонявшиеся здесь киприоты выдержали осаду крестоносцев и сдались только по приказу Исаака Комнена – наместника византийского императора и его родственника. Он вступил в борьбу со своим сюзереном и в 1184 году, присвоив титул императора, объявил себя независимым правителем Кипра. Жестокий и властный, Исаак Комнен не приобрел симпатий своих подданных, и английский король взял его в плен.

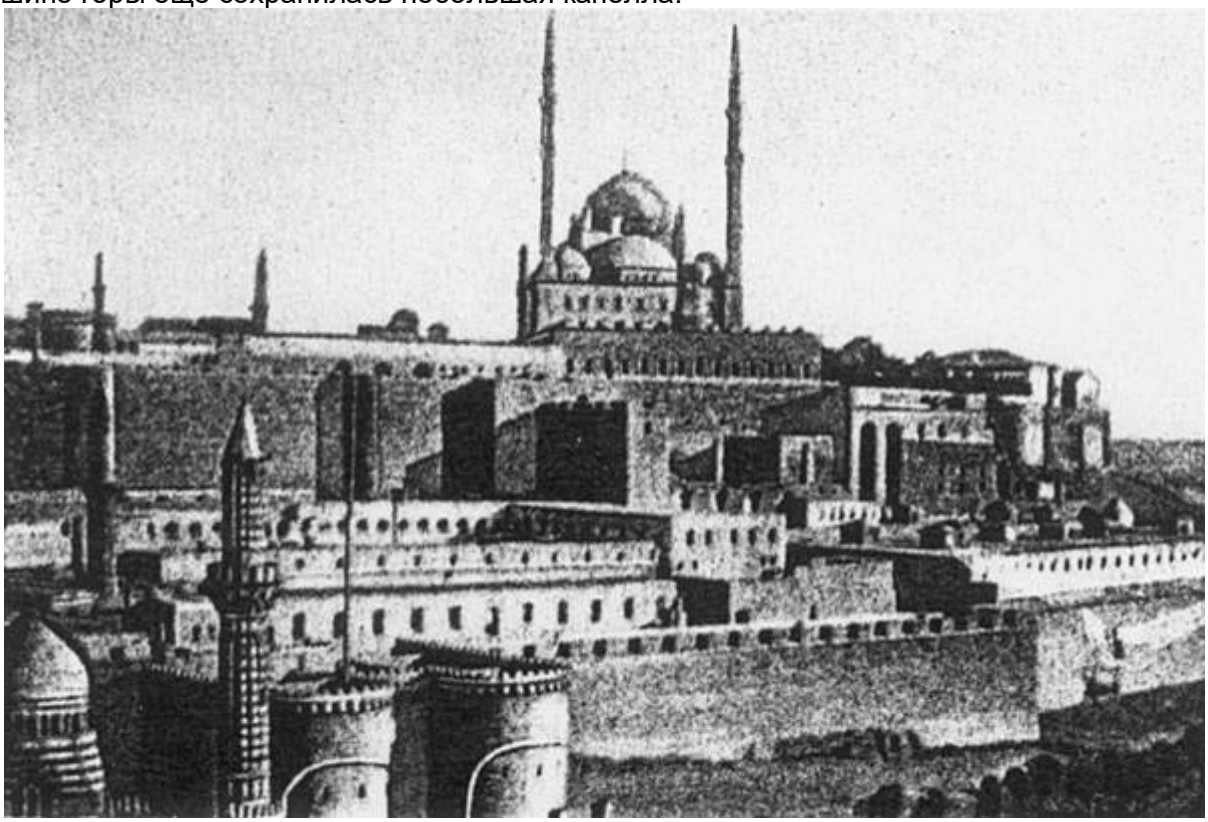
Но Ричард Львиное Сердце спешил в Святую землю Палестину, и остров Кипр в тот момент не был ему нужен, поэтому он продал его рыцарям-тамплиерам. Однако те своей жестокостью вызвали такое недовольство местного населения, что вынуждены были вернуть остров английскому королю, который отдал его франкскому рыцарю Ги де Лузиньяну. Он и перестроил замок-крепость, который послужил королевскому семейству убежищем в 1228 году, когда германский император Фридрих II, воспользовавшись своими родственными связями, попытался силой добиться регентства при малолетнем кипрском короле Генрихе I. После изгнания германского императора с Кипра замок Святой Иларион в течение почти 150 лет не служил военным целям: в нем построили новый дворец, ставший излюбленной летней резиденцией королей рода Лузиньянов.

Последние значительные события в замке произошли в 1373 году, когда в нем оборонялся принц Иоанн Антиохийский от напавших на остров генуэзцев. С конца XV века горные замки-крепости потеряли свое оборонительное значение, были заброшены и стали разрушаться. Но несмотря на сильные разрушения, причиненные временем, замок Святой Иларион остается самым впечатляющим памятником лузиньянской эпохи на Кипре. Этому способствует его великолепное месторасположение на вершине и склонах горы, отчего уже самим рельефом местности замок делится на три части – верхнюю, среднюю и нижнюю. Весь он, за исключением самых неприступных частей, расположенных на скалах, был окружен крепостными стенами.

Не менее живописно располагались и замки Буффовенто и Кантара, но сохранились они гораздо хуже, чем Святой Иларион. По предположению некоторых исследователей, название замка **Буффовенто** происходит от латинизированного имени расположенной поблизости

деревушки Кантофентус. Другие ученые полагают, что название замка произошло от итальянских слов «buffo vento» (порывистый ветер), так как на горной вершине, где он располагался, действительно дуют очень сильные ветры. В настоящее время от замка Буффовенто остались лишь незначительные руины двух помещений и остатки крепостных стен.

Самым восточным пунктом этой оборонительной системы был замок **Кантара**, название которого происходит от арабского слова «мост» (или «арка»). Оно было дано этому месту по форме горы, видимо, еще до возведения на ней самого замка. Он был тоже возведен на месте византийского монастыря Кантаротиссы (Девы Марии Кантары), от которого на вершине горы еще сохранилась небольшая капелла.



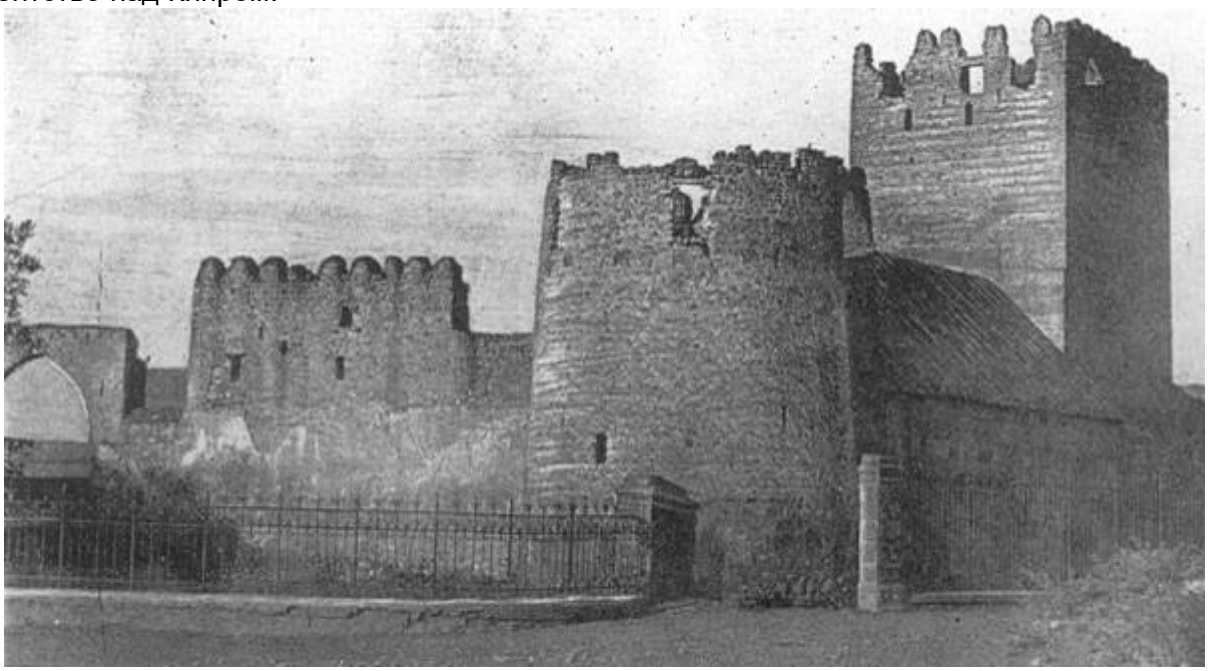
В истории Кипра был период, когда на острове господствовала Венецианская республика. Венецианцы обновили крепости, сооруженные византийцами и королями рода Лузиньянов, и возвели новые, более мощные укрепления. Особенно большие строительные работы были проведены в Кирении и Фамагусте, однако усилия венецианцев не принесли им большого успеха. Через столетие, в 1570 году, их мощные крепости одна за другой сдались туркам, которые быстро овладели всем островом.

Турки поддерживали крепости-замки в хорошем состоянии, достраивали и расширяли их. В этом отношении очень интересен замок города **Лимасол**, расположенный на южном берегу Кипра – в том месте, где высадился на острове король Ричард Львиное Сердце и где он венчался с Берегарией Наваррской. Рыцари-тамплиеры получили тогда во владение замок, стоявший неподалеку от разрушенной церкви. В XIII веке замок в Лимасоле был значительно расширен, позже сильно пострадал от землетрясения, но в конце XVI века турки восстановили его.

От замка времен рыцарей-тамплиеров сохранилась лишь прекрасная готическая капелла: почти квадратная в плане, она поражает высотой своих светлых стен, сложенных из блоков желтоватого камня. Под этой капеллой расположена более ранняя церковь, в которую можно по небольшой лестнице спуститься прямо из капеллы. Тяжелые низкие своды придают какую-то мрачную торжественность этому помещению, которое и при венецианцах, и при турках использовалось как тюрьма.

Замок в Лимасоле сравнительно невелик по объему, значительно обширнее крепость в **Кирении**, расположенная на северном берегу Кипра. Византийцы сложили ее, вероятно, в VII веке, когда на остров начались набеги арабов. В этой крепости Исаак Комнен разместил свою семью и сокровища, когда вступил в борьбу с Ричардом Львиное Сердце, но крестоносцы быстро овладели ею. Крепость играла важную роль и при Лузиньянах: она переходила из рук

в руки во время войны между германским императором Фридрихом II и Жаном д'Ибелином за регентство над Кипром.



Восточная стена крепости Квемо Чала

В дальнейшем крепость тоже не раз подвергалась нападениям: в последний раз она оборонялась в 1765 году, когда поднял восстание ее комендант Халил-Ага. При англичанах в замке была устроена тюрьма, а потом здесь разместились полицейские казармы.

Замок **Кастелло** в Фамагусте невелик по своим размерам, но с ним связана трагическая история Отелло и Дездемоны, хотя великий английский драматург Вильям Шекспир нигде не называет места действия своей пьесы, а говорит только о крупнейшем портовом городе Кипра. Однако нет никакого сомнения, что он имел в виду Фамагусту, где жили венецианские наместники. Считается, что история венецианского мавра была навеяна В. Шекспиру судьбой Христофора Моро, командовавшего венецианскими войсками на Кипре в начале XVI века.

Замок представляет собой правильный прямоугольник с массивными круглыми башнями по углам. Вход в него находится неподалеку от юго-восточной башни – так называемой «башни Отелло» (это название часто распространяется и на весь замок). Над аркой входа укреплена белая мраморная плита с рельефным изображением герба Венецианской республики (крылатого льва Святого Марка) и надписью, сообщающей о Николо Форнарини – венецианском наместнике на Кипре, перестроившем замок в 1492 году.

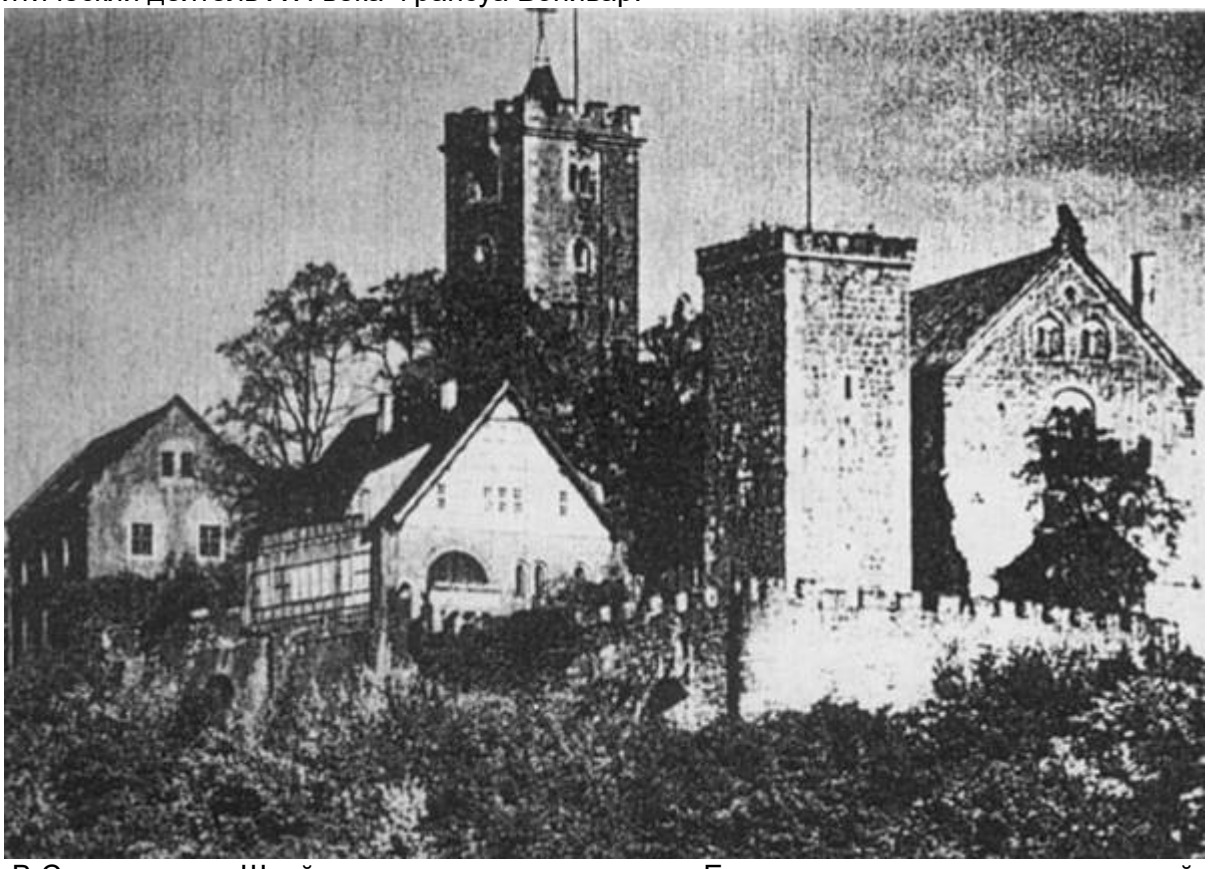
По современной лестнице можно подняться на крепостные стены замка и по узким проходам, идущим вдоль стен, пройти на широкие площадки. Эти площадки венчают круглые башни замка, где еще и сейчас стоят старые венецианские пушки, хранящие печать веков.

Шильонский замок

На скале-островке, расположившемся у самого берега в восточной части Лемана (так сами швейцарцы называют Женевское озеро), величественно стоит грозный и мрачный замок Шильон – некогда древнеримское поселение. По дороге к нему растут пальмы, магнолии, акации, нарциссы и другие цветы, которые пытаются затмить друг друга яркостью своих красок. А сам Шильон, окруженный со всех сторон водой и защищенный гранитными стенами с бойницами, всегда был надежным укрытием от вражеских нападений.

Первое упоминание о Шильонском замке относится к 1160 году, хотя люди в этих местах жили с древнейших времен. В самом начале замок строился для наблюдения за судоходством на озере Леман, а в XI веке здесь были возведены донжон и первая крепостная стена. В XIII веке замок перешел во владение графов (потом герцогов) Савойских, которые, став собственниками этих мест, решили максимально воспользоваться преимуществами скалистого острова. Их архитектор проектирует компактный замковый ансамбль, абсолютно защищенный с фасада, повернутого к береговому откосу. Со стороны озера замок не нуждался в обороне, так как ждать отсюда нападения было нечего. Недостатка в пресной воде не было, но для провианта были выстроены огромные склады.

Сейчас Шильонский замок, ставший собственностью Женевы, превращен в музей, в котором всегда многолюдно. Многоэтажные жилые помещения, трапезные залы, очаги, утварь прошлых времен – все вызывает у многочисленных посетителей большой интерес. Но больше всего их манит подземная тюрьма, в которой к каменной колонне был прикован политический деятель XVI века Франсуа Бонивар.



В Средние века Швейцарию, как и другие страны Европы, охватили религиозные войны и феодальные междоусобицы. В начале XVI века женевцы были расколоты на два лагеря: одни стояли за союз с Савойей, другие выступали за независимость своего города. Предводителем последних был приор одной из женевских церквей Франсуа Бонивар – ярый поборник реформации церкви. Участь тех, кто выступал против властей, была очень тяжелой: если не мучительная смерть, то вечное заточение в тюрьме или темнице. В 1530 году за участие в женевском восстании савойский герцог Карл III и повелел заточить гуманиста Франсуа Бонивара в подземелье Шильонского замка.

Зимы у берегов Лемана обычно бывают мягкими, вода в озере не замерзает даже в самую что ни на есть стужу. Только наливается свинцовым цветом, хмурится глубокими волнами и тогда становится неприветливой и даже враждебной человеку. Бывают и совсем суровые дни, когда студеный ветер будоражит озеро, бросая волны на песчаные пляжи и кустарники – на все, что летом было таким приветливым и радужным. Особенно тяжелыми были такие зимы для узников, заключенных в подземелья и темницы замка. Открытые всем ветрам смотровые щели, заменявшие окна, стояли без стекол и ставней и потому вбирали в себя всю стужу неприветливого озера.

В начале XIX века эти места посетил английский поэт Д.Г. Байрон, который услышал историю о Франсуа Бониваре от одного швейцарца. Поэта потрясли мужество и стойкость священника, а также мученичество всех, кто был заключен в подземелья Шильона. Мысль воспеть борца за свободу давно вынашивалась Байроном, и Шильонский замок дал ему тему. В поэме «Шильонский узник» поэт использовал и поныне распространенные в Швейцарии публикации о судьбе Франсуа Бонивара: отец его был сожжен на костре, братья замучены и погибли в тюрьме. Сам он 6 долгих лет провел в подземелье Шильона, и может быть, просидел бы там всю жизнь, но в 1536 году замок штурмом взяли бернцы. Их бальи (мэр) решил устроить в нем свою резиденцию, для чего внутренняя часть замка переоборудуется, чтобы сделать его более комфортабельным.

Франсуа Бонивар обрел свободу только на склоне лет, но после еще долго трудился над составлением летописи Женевы. Своей поэме Байрон предпослал «Сонет к Шильону», в котором есть такие строки:

Когда в цепях, во тьме сырого свода,
Твоих сынов томят за годом год, —
В их муках зреет для врагов невзгода,
И слава их во всех ветрах поет.

Как и многие другие феодальные замки, сохранившиеся до настоящего времени, Шильон подвергся кое-какой реконструкции, но внешний его вид остается почти неизменным. Сейчас Шильонский замок, особенно в погожие дни, кипит жизнью и весельем. Люди приезжают сюда не только как в музей: они располагаются на берегу озера под сенью раскидистых деревьев, раскладывают привезенные с собой яства и отдыхают, наслаждаясь окружающими красотами. И замок для многих из них становится всего лишь экзотическим штрихом пейзажа, который подарила природа вместе с озером и нависающими над ним горами, покрытыми лесами и виноградниками.

Каирская Цитадель

Каир – удивительный город: как и другие древние города, он соединил в себе многие века и цивилизации, на его улицах и площадях находятся памятники ушедших эпох и воспоминания о предках. Одной из главных достопримечательностей египетской столицы является возвышающаяся над городом Цитадель, возведенная в XII веке.

Крестоносцы не захватили Каир, их оттеснили войска сирийцев, которыми командовал полководец Ширкух. Сначала он стал союзником халифа в его борьбе против крестоносцев, а потом занял должность визиря. В этой должности Ширкуху наследовал его племянник Салах-ад-Дин, захвативший в 1171 году престол и положивший начало династии Айюбидов.

Предприимчивый и смелый, Салах-ад-Дин расширил границы государства, захватив Сирию, Ливию, Южную Аравию, Верхнюю Месопотамию и Иерусалим. Гражданское строительство его мало занимало: за 22 года правления он прожил в Каире всего шесть лет и все свое время и внимание уделял укреплениям города. Салах-ад-Дин окружил Каир и Фустат стенами, а на склонах горы Мукаттам в 1176 году была возведена Цитадель. По замыслу султана от Цитадели к Нилу, охватывая город с двух сторон, должны были идти мощные стены. План этот не был осуществлен, но крепость все равно получилась внушительная. Следуя контурам возвышенности, неправильный многоугольник крепостных стен Цитадели охватывал площадь около 18 гектаров.

Строил крепость архитектор Каракуш, использовавший остатки так называемой «стены Иосифа», которая существовала здесь раньше. Он приказал отрыть ее и включил в архитектурный ансамбль всего сооружения. Арабские писатели утверждали, что при сооружении Цитадели использовались также каменные глыбы из пирамид Гизы. В крепость был проведен хитроумный водопровод со стоком, так что вода здесь всегда была проточной. Этим водопроводом пользовались вплоть до середины XIX века.

Построенные руками пленных крестоносцев каменные стены Цитадели с полукруглыми башнями служили надежными оборонительными укреплениями. Крепостные стены, в отличие от городских, имели внутренний ход, выложенный каменными плитами. Это была образцовая средневековая крепость, великолепное военное сооружение. Но, сооружая Цитадель, Салах-ад-Дин видел в ней не только крепость, но и резиденцию для себя и своих наследников. Поэтому, кроме армии, офицеров и главных должностных лиц государства, в Цитадели размещался и дворец султана. Во дворце был прекрасный зал, который поддерживали 32 колонны из розового гранита, взятые из римских и греческих памятников и переделанные в арабском вкусе.

Салах-ад-Дин не хотел жить там, где жили предшествующие владыки, поэтому для величия и авторитета собственной власти он и решил построить в столице собственную столицу. Но ее постигла судьба резиденций других правителей: Цитадели не удалось стать столицей в столице – великий город поглотил ее и втянул в водоворот своей истории. Она стала частью Каира, каждое завоевание которого начиналось с захвата именно Цитадели.

Наследники Салах-ад-Дина подновили городские стены, укрепили Цитадель, пристроив к ней несколько бастионов. Кроме того, они закончили второй ряд стен дворцовой ограды, расположенный ниже по склону, и с тех пор Цитадель стала резиденцией правителей Египта. После смерти султана ас-Салиха на престол взошла его вдова Шагар ад-Дурр – женщина исключительного ума и твердого характера. Но появление на троне женщины было весьма холодно встречено в Дамаске и Багдаде, и только после ее брака с эмиром Айбаком, положившего начало правлению мамелюков, авторитет каирского двора был восстановлен.

В XVI веке Цитадель захватили турки, и в ней разместилась резиденция османского паши. Средневековье кончилось в Египте египетской экспедицией Наполеона, мечтавшего присоединить к своей империи плодородную долину Нила. После битвы при Эмбабе в 1798 году французские войска вступили в Каир, но уже через три года под давлением Англии и Турции они вынуждены были покинуть страну. В возникшей сумятице и столкновении разнородных сил власть захватил Мухаммед Али – предприимчивый и энергичный офицер албанского отряда, основавший последнюю королевскую династию Египта. При нем Египет, формально оставаясь владением Османской империи, фактически стал самостоятельным государством.

Со времен турецкого завоевания Египта Мухаммед Али был не первым, кто восставал против султана. Но именно ему с сотней молодцов удалось отбить власть у мамелюков и укрепиться в Каире против воли Великой Порты. Мухаммед Али прекрасно понимал, что во время анархии только порядок может стать зародышем могущества страны, поэтому он укрепил в армии дисциплину и правильно распределил обязанности государственной администрации. Тем самым он снискал расположение народа и улемов, так что Порта, тревожно глядевшая на его деятельность, решила отнять у него Египет, а его самого отправить на жительство в какой-нибудь далекий аравийский пашалык. Однако египтяне не только удержали своего правителя, но и поставили это на вид турецкому правительству.

Мухаммед Али освобождает священные города Аравии, нападает на султана и разбивает его войско, грозит самому Константинополю, но под давлением Европы останавливается… Окончательно упрочил он свою власть после победы над вахабитами, которая стоила ему большого труда, но и прославила его как защитника мусульманской веры. Отправляясь в дальний поход против вахабитов, Мухаммед Али чувствовал, что враги воспользуются его отсутствием и попытаются захватить власть в Каире. Не идти в поход было невозможно, однако и оставлять столицу в руках мамелюков тоже было нельзя. И Мухаммед Али прибегнул к военной хитрости, на которую мамелюки легко поддались, потому что незадолго до этого правитель стал выказывать им свое необыкновенное радушие и желание окончательно помириться с ними. В подтверждение своих слов он пригласил 430 человек, то есть всех сколько-нибудь уважаемых беев, к себе на завтрак. Когда все предводители мамелюков въехали на внутренний двор Цитадели, он приказал своим албанским воинам закрыть ворота и перестрелять их всех. И в первый день марта 1811 года все они были расстреляны, кроме одного: Амин-бею удалось избежать ужасного избиения почти чудом.

Через пролом в стене с высоты 40 метров он бросился в крепостной ров и таким образом спасся, но впоследствии все равно был пойман и казнен. Так Мухаммед Али полностью покончил с властью мамелюков и освободил место своей династии.

После этих побед Мухаммед Али обратился к мирной деятельности и продолжил дело цивилизации страны по-своему. В годы его правления строились каналы, он завел военные школы и арсеналы, создал многие отрасли промышленности, запретил вывозить из Египта произведения древнего искусства. Мухаммед Али предпринял меры к обновлению Каира: в городе начали расчищать руины, прокладывать улицы, сажать сады, за городскую черту удалили кладбища. На месте лагуны Эзбекия возникла одноименная площадь, от которой к Цитадели провели прямую магистраль, а в самой крепости построили дворец по европейскому образцу. Грандиозный комплекс дворца включает зал для приемов, зал правосудия, гарем и множество служебных и жилых помещений. Большие внутренние дворы, напоминающие европейские курдонёры, высокие стены, сочетание арочных перекрытий с плоскими потолками – все свидетельствовало о подражании дворцам французской и итальянской знати. Но желание применить европейский способ оформления интерьера к дворцу восточного правителя порой приводило к курьезам. Например, большие четырехугольные проемы были нецелесообразны в условиях жаркого климата, или другой пример – изображение одной и той же битвы, подобно орнаменту, повторялось на 20 панно.

В 1824 году в Цитадели взрывом был разрушен возведенный Салах-ад-Дином дворец, чтобы расчистить место для мечети Мухаммеда Али. Но и сейчас ниже основания мечети можно еще заметить остатки этого замечательного дворца, сводчатый зал которого и стены с контрфорсами напоминают сирийские замки крестоносцев. Строительство мечети было завершено уже после смерти основателя – в царствование Сеида. Возведением ее руководил грек Юсуф Башна из Константинополя с помощниками – тоже греками. Здание строилось в формах османской архитектуры, и нетрудно заметить, что прототипом его являлись мечети Стамбула.

Мечеть Мухаммеда Али окружают легкие фонтаны и тонкие грациозные минареты, поднимающиеся в высоту на 82 метра. Особенно красива она в часы заката, когда белые минареты сверкают, как стрелы, ясно выделяясь на темном фоне горы Мукаттам. Внутри – резные двери, арабские надписи, стихи из Корана, разноцветные поливные кафели с прекрасным рисунком… Кругом – безмолвие и тишина, поражающие европейцев при входе в мусульманский храм.

С юго-западной стороны терраса мечети огорожена парапетом. Стены самой мечети, как и ограда двора, на высоту 11 метров 30 сантиметров облицованы белым гладким алебастром, отчего она и стала называться Алебастровой. Выше идет рельефный орнамент – позолоченный и покрашенный. В мечети находится мраморное надгробие Мухаммеда Али.

С правой стороны от входа во двор Алебастровой мечети возвышается башня, которая оканчивается своего рода китайским павильоном. На башне установлены часы, подаренные Мухаммеду Али французским королем Луи Филиппом.

Недалеко от мечети располагается «колодец Иосифа» – квадратная шахта со спиральным спуском вокруг. По преданию колодец был выкопан Иосифом – сыном Иакова, ставшим министром у фараона, так что сооружение это очень древнее. Султан Салах-ад-Дин восстановил колодец и дал ему свое имя: глубина колодца равняется 88 метрам, так что дно его находится на одном уровне с дном Нила. Колодец разделен на два этажа широкой площадкой, по которой ходил бык, приводивший в движение водоподъемное колесо. Другое колесо находилось на поверхности и поднимало воду в обширный каменный бассейн уже с верхней площадки.

В конце XIX века, когда Египет был оккупирован англичанами, в Цитадели разместился британский комендант Каира. Русский путешественник А. Картавцев в начале XX века так описывал Цитадель:

> Мы вышли на внутреннюю площадь у Цитадели. Отсюда весь Каир как на ладони. Мало того, виден Нил верст на двадцать вверх и вниз по течению, видны пирамиды: три ближайшие к городу весьма ясно, другие, более отдаленные, как бы окутаны дымкой. Вид, надо отдать ему справедливость, великолепный. Мы долго не могли от него оторваться.
>
> В Цитадели теперь многое переделано. Въезд в Цитадель широк и удобен. Но не сила египетских хедивов владеет Цитаделью, она занята англичанами. На бастионах ее стоят повернутые на город пушки; и пушки эти, и подходы к ним охраняются «красными мундирами».

Английские «красные мундиры» покинули Египет только в 1936 году, но с началом Второй мировой войны в Цитадели вновь появился английский гарнизон. В крепости была установлена и зенитная артиллерия, так как ожидались налеты немецкой авиации на Каир. Здесь же частично размещался и танковый парк англичан.

Сегодня, как и в течение многих веков, с парапета Цитадели египетская столица видна как на ладони. Внизу расстилается неоглядное море домов, дальше горбатятся дюны Ливийской пустыни и высятся серые громады знаменитых пирамид Гизы. А древняя и прежде грозная крепость мирно дремлет под жарким африканским солнцем, ведь и крепости уходят на покой…

Легендарные крепости Грузии

На протяжении многих веков Грузии, как и всему Кавказу, приходилось защищаться от бесконечных вражеских нападений, поэтому здесь строилось много военных укреплений и селений-крепостей. Ацкури, Хертвиси, Хулути, Абиси, Ксани, Амета, Рухи… Время и войны разрушили и их, и многие другие, и потому некоторые башни и крепости сохранились только в отдаленных и труднодоступных местах.

Вдоль узкого русла реки Терек проложена северная часть Военно-Грузинской дороги, стиснутая почти вертикальными утесами. Этот самый узкий участок пути называется «Дарьялом», что в переводе с персидского означает «Врата аланов», а сами грузины называют эту теснину «Арагвис кари» («Врата Арагви»). Дарьяльское ущелье соединяет Грузию с Северным Кавказом, и грузины владели им издавна. Еще в I веке до нашей эры ущелье было перегорожено высокой стеной с железными воротами.

Среди укреплений, расположенных вдоль этого ущелья, выделяется **Дарьяльская** крепость, возведенная на высокой конусообразной скале над левым берегом бурного Терека. С севера и востока, откуда ожидалась самая большая опасность, крепость была неприступна из-за природной крутизны скалы; с запада к ней можно было подойти по перешейку, соединяющему скалу с соседней горой. Впоследствии его перегородили высокой стеной и огороженную территорию превратили в дополнительную площадь крепостного двора.

Первоначально крепость занимала всю верхнюю часть скалистой горы, теперь же от нее остались лишь ограды, башни и остатки различных строений. Вход в нее был, вероятно, с юга; здесь же находился и подземный ход к реке. Позднее Дарьяльская крепость снабжалась питьевой водой через расположенный с западной стороны водопровод. Этой крепости М.Ю. Лермонтов посвятил такие строки:

В глубокой теснине Дарьяла,
Где роется Терек во мгле,
Старинная башня стояла,
Чернея на черной горе.

Благодаря известности этого стихотворения, Дарьяльскую крепость прозвали «Замком Тамары», которую часто отождествляют с царицей Тамар. Руины другого древнего замка, который народная молва тоже упорно связывает с именем легендарной царицы, высятся над Алазанской долиной – на неприступной скале, поросшей дремучим лесом. Однако грузинские археологи установили, что здесь существовал древний укрепленный город, основанный еще в конце первого тысячелетия до нашей эры. На отрогах замковой скалы и соседних вершин до сих пор виднеются остатки этих древних строений.

Тропинка, вьющаяся меж остатков сторожевой башни, постепенно переходит в каменную лестницу, по которой просто так не заберешься: приходится карабкаться, цепляясь за ее ступеньки ногами и руками, и в эти мгновения даже страшно обернуться назад. Когда лестница кончается, справа вновь нащупывается заросшая кустарником тропинка, которая выводит к старинной беседке. Над небольшой площадкой нависает каменная глыба, образующая своего рода крышу над головой. В скале выдолблена скамья, а с обрывистой стороны растут деревья, чудом прицепившиеся к ней своими корнями.

Самым опасным является последний участок пути. Он начинается маленьким уступом перед сплошной отвесной скалой с кое-где торчащими камнями, за которые едва можно ухватиться. Только цепляясь за них и карабкаясь над пропастью, можно добраться до самой вершины – туда, где ты стоишь, чуть ли не касаясь головой клубящихся облаков.

Здесь и стоит башня: войти в нее можно через проем, в котором когда-то были двери. Впереди – большое квадратное окно, основание стены выложено камнями, которые скреплены раствором, смешанным с известковой крошкой: «возрастным пределом» такого

раствора ученые считают V–VII века. А вот камни, лежащие выше основания, связаны раствором извести, смешанным уже с серым речным илом (таким раствором местные строители пользовались в VIII–IX веках). А еще выше белый камень сменяется красным кирпичом, и это уже X–XV века.

Столетия охватывает эта строгая и немногословная строительная летопись. Над башней теперь нет крыши: каменный свод, как рассказывают старики, обрушился примерно лет 70 назад. В скале, чуть правее башни, темнеет широкий колодец. От колодца, как повествуют старинные предания, идет подземный ход в тайник, в котором царица Тамар хранила свои сокровища. Отыскать их пытались многие, роясь в бесконечных горных пещерах.

В том, что в замке существовали подземные ходы, пробитые на многие километры сквозь толщу скал, местные жители не сомневаются и сегодня. Например, сохранился скрытый зарослями туннель, идущий по направлению к замку. Свод его нависает так низко, что передвигаться здесь можно только на четвереньках. Над головой переплетаются корни деревьев, сверху осыпается рыхлая земля, и кажется, что своды вот-вот рухнут… Подобных потайных ходов и пещерных тайников в окрестностях замка немало.

Легенды о подземных ходах имеют связь с научными данными о существовании в замке подземного водопровода. Рассказывают, что именно этот замок был излюбленным местом летнего отдыха царицы Тамар: именно там проводила она свой досуг с мужем – русским князем Георгием, сыном Андрея Боголюбского. И чтобы даже в самые знойные дни в замке была вода, повелела она на вершине скалы вырубить каменный мешок, от которого тянулись керамические трубы. В мешок набивали снег, он постепенно таял, и вода шла по трубам. С этим замком связана и такая легенда.

> Один персидский шах, несмотря на то, что царица Тамар была помолвлена, захотел жениться на ней. Но, убедившись, что никогда не овладеть ему сердцем прославленной царицы, дал клятву овладеть ее прахом, чтобы душа этой женщины навсегда осталась в его власти. Зная об этом, царица Тамар перед смертью приказала своим приближенным приготовить для себя 12 совершенно одинаковых саркофагов и тайно захоронить их в различных местах Грузии. А чтобы недруги не узнали о настоящей могиле и не покушались бы на ее прах, повелела тем, кто будет хоронить ее, убить и самих себя…

Как рассказывают, гроб с телом царицы Тамар был захоронен в окрестностях именно этого замка, хотя исторические хроники не сохранили об этом никаких сведений. Однако старинные предания очень устойчивы, и на протяжении столетий многие пытались отыскать могилу царицы, но пока попытки эти не увенчались успехом.

Когда-то замок царицы Тамар имел огромное стратегическое значение, так как был почти неприступен. В Средневековье в Кахетии существовала целая сеть подобных крепостей, расположенных вдоль Алазанской долины. Этот же замок охранял вход в долину, первым вставая на пути неприятеля.

А в Хевсуретии есть старинная крепость **Муцо**, которая стоит вдалеке от дорог и туристских маршрутов – на высокой скале глубоко в горах. В старинных книгах она иногда именовалась не Муцо, а Муцу, и с ней связано много преданий и легенд, обычно относящихся ко времени правления царицы Тамар и к временам еще более ранним.

Чтобы добраться до крепости, нужно идти вверх по дну Ардотского ущелья, потому что другого пути туда нет. На дне его деревья и кустарники уже давно не растут, склоны делаются все более отвесными, а само ущелье все уже и уже. Когда тропа переходит на вырубленную в скалах площадку-полочку, появляется первая боевая башня. Для врага путь закрыт: внизу – река, по бокам – каменные стены, впереди – бойницы сторожевой башни. Это место – само по себе неприступная крепость, созданная природой. Но если подняться выше, на вершине скалы откроется целый город, к которому можно подобраться лишь по извилистой, выбитой в камне тропе.

Чтобы по-настоящему оценить крепость Муцо, лучше подняться сначала на противоположный склон. Оттуда открывается зрелище, ради которого стоило карабкаться по этим неприступным скалам. Выросшие из скал стены, боевые башни, дома-башни с бойницами вместо окон, сложенные из сланцевых плит крыши, древние могильники… Муцо возведена так, что с одной стороны представляет собой единый комплекс – крепость, служившую защитой всем ее жителям. И в то же время внутри ее, как отдельные ячейки, расположились жилые дома, каждый из которых тоже выглядит маленьким укреплением в большом замке, обнесенном стеной с крепостными башнями. Но впечатление мрачности и

неприступности сочетается здесь с удивительной красотой окружающей природы. Серые стены и башни крепости гармонично сливаются с такого же цвета скалами, а дальше – острые изломы горных хребтов со снежными вершинами…

В крепости Муцо сохранилось довольно много могильников, расположенных как в самом замке, так и у его подножия. Могильники эти имеют вид небольших каменных домиков без дверей и с одним окном. Если заглянуть в такое окно, можно увидеть человеческие останки, сложенные на полу и на каменных лежанках, выступающих вдоль стен. Много легенд ходит об этих могильниках. Обычно рассказывается об эпидемиях чумы или черной оспы и о традиции, по которой заболевший должен был сам приходить сюда, ложиться на лежанку и дожидаться смерти. Трудно сказать, так ли было на самом деле. Может быть, таков был способ захоронения, хотя рядом с крепостью расположено старое кладбище, где на каждой могиле поставлены большие сланцевые плиты. Все в этой крепости таинственно и неизведанно, и можно предположить что угодно…

Например, что замок возведен в «золотой век» Грузии – при царе Георгии III и царице Тамар (XII–XIII вв.). Одна из наиболее старых легенд рассказывает, что

> основателем крепости Муцо был знаменитый герой Торквай. Каждому хевсуру этот непобедимый воин известен своей волшебной кольчугой, которую не могли пробить ни кинжал, ни пуля. Как только пуля подлетала к кольчуге Торквая, кольца ее мгновенно собирались, и пуля, отскакивая от воина, падала к его ногам.
>
> Торквай решил построить крепость, чтобы навсегда закрыть Ардоти от врагов. Он собрал людей возле селения Анатори, которое располагалось при впадении реки Ардоти в реку Аргун. И пришло так много хевсуров, что они встали в ряд от селения до вершины скалы. Торквай взял большой камень и передал его стоящему рядом хевсуру, тот передал другому… Так, передавая камни из рук в руки, они за один день построили крепость Муцо.

Легенда легендой, но крепость Муцо действительно четко определяла северную границу Грузии. А вот о дальнейшей ее судьбе известно очень мало. Люди жили здесь еще в начале прошлого века и даже при советской власти. Как военное укрепление замок со временем потерял свое значение, и люди постепенно покинули Муцо, переселившись в новые дома. Шло время, одно поколение людей сменяло другое, а крепость Муцо как стояла на скале, так и стоит. Она сделалась частью темно-синего неба, пустынных гор и суровых скал, где стоишь лицом к лицу с веками…

По своему значению одной из самых главных была и **Сурамская** крепость, располагавшаяся на пересечении двух основных дорог. Одна дорога идет из Западной Грузии через Сурамский перевал, а другая – из узкого Боржомского ущелья вдоль реки Куры. Об основании этой крепости почти ничего неизвестно, позднее она превратилась в замок, внутри которого возвели царский дворец и церковь.

В 1742 году Гиви Амилахари, владетель центрального Картли, восстал против Ирана и поставил в Сурамской крепости своих людей. Иранский шах послал для расправы над восставшими свои войска, которые разорили многие крепости Картли, но потом отступили, даже не приблизившись к Сурами.

Иранцы постоянно угрожали Гиви Амилахари, но не могли взять крепость, так как ее защитники всегда яростно и упорно сопротивлялись. Шах, изумленный неслыханным противодействием, послал своего художника, чтобы тот составил план Сурамской крепости. Рассмотрев рисунок, шах приказал:

> Окружить эту крепость такой оградой, чтобы человек не смог бы ее перейти; кругом ограды расположить войско… Осаждаемые пусть дойдут до отчаяния, видя себя отрезанными от всего мира.

Сурамскую крепость по приказанию шаха окружили большой стеной и кольцом войск, но защитники продолжали держаться. Осаждавшие подрывали крепость минами, и от взрывов, как пишет летописец, «половина крепости совсем разрушилась». Гиви Амилахари пришлось сдать крепость и сдаться самому. Шах щедро наградил свое победоносное войско, а Гиви Амилахари за мужественное сопротивление был великодушно прощен.

После захвата Сурами иранский шах приказал разрушить все крепости, которые поддерживали мятежных восставших. В Сурами разрушили южную часть крепости, но позднее ее восстановили, так как такой важный стратегический пункт не мог долго оставаться в запустении. Только в XIX веке Сурамская крепость утратила свое значение, после чего начала приходить в упадок и постепенно разрушаться.

Замок Вартбург

У подножия лесистых гор Тюрингии расположился старинный городок Айзенах – не самый большой и не самый известный в Германии. С высоты горного хребта, господствующего над городом, величественно озирает окрестности замок Вартбург. В Средние века эта неприступная крепость славилась еще и как гнездо рыцарей-разбойников – воинов из дружины своевольных и могущественных князей Вартбургских. Рыцари грабили на дорогах всех проезжавших купцов, феодалы воевали друг с другом, а во время войн под защиту стен Вартбургского замка устремлялись жители Айзенаха и окрестных деревень.

Влиятельные хозяева замка где силой, где хитростью, а где и при помощи дальновидных браков по расчету добились такого положения, что с ними уже не могли соперничать никакие бароны и графы Тюрингии. Деревни, располагавшиеся вблизи замка, и стали ядром города Айзенах, сделавшегося перевалочным пунктом на старинном торговом пути. Он был известен под названием «Королевская дорога», соединял крупные торговые центры Европы и потому имел большое значение.

В XII веке Вартбург превратился в центр придворного искусства и культуры, а также свободолюбивой немецкой песни. Сюда часто приглашались странствующие певцы-миннезингеры, и те подолгу оставались в Вартбурге, а потом разъезжались отсюда по всей стране. В этот период большую известность приобрело творчество лучших немецких миннезингеров, лавры победителя друг у друга оспаривали поэты Вальтер фон дер Фогельвейде, Вольфрам фон Эшенбах и Генрих фон Фельдеке. В 1208 году в Вартбурге долго гостил один из самых прославленных немецких миннезингеров Вальтер фон дер Фогельвейде, который сказал тогда, обращаясь к вечно враждующим феодальным властителям Германии:

> Если вы сумеете установить в Германии прочный мир, то и чужеземные народы не откажут вам в уважении.

В замке Вартбург брали свое начало многие исторические движения немецкого народа: на историю города Айзенах и крепости наложили свой отпечаток Реформация и Крестьянская война. Невольным гостем Вартбурга стал и немецкий реформатор церкви Мартин Лютер, отлученный в 1520 году от церкви и лишенный всех гражданских прав. С того момента, как за ним закрылись ворота Вартбурга, он потерял свое имя и облик: монах и теолог Мартинус больше не существовал. В замке гостил заезжий «юнкер Йорк», Мартин Лютер перевоплотился в помещика и не выдавал себя ни внешностью, ни манерами. Его обрядили в костюм небогатого дворянина, он отрастил рыцарскую бородку, усы и бакенбарды, ел ту же пищу, что и обитатели замка.

Лютер поселился в наименее пригодной для жилья башне, и замок предоставил ему богатую пищу для всякого рода видений. На чердаках гнездились совы, филины и сипухи, бормотание которых отдаленно напоминало человеческую речь. Полчища крыс наводняли подвалы и рыскали по всем помещениям, скрипели старые половицы и ссохшаяся мебель. В таких условиях человек, веривший в черта, просто не мог не увидеть его воочию, и Лютеру казалось, что дьявол швыряет орехи в потолок и с грохотом катает бочонки по лестнице. Поэтому впоследствии в комнате, где жил Мартин Лютер, посетителям показывали пятно на стене, свидетельствующее о том, что реформатор церкви однажды запустил в черта чернильницей.

Но коварнее дьявольских проделок были горестные вопросы, которыми мучился Мартин Лютер: «Неужели один лишь ты мудр? Неужели столько веков все заблуждались?». А наутро, распахнув окно, он долго смотрел на прекрасные горы Тюрингии. В отдалении поднимались клубы дыма: это в ямах обжигом получали древесный уголь. Взметнулся порыв ветра и развеял дым, точно так же развеивались сомнения и укреплялась вера, но наступал вечер, и вновь начинались внутренние страдания и размышления. Тревога Лютера еще больше усиливалась его одиночеством: дворянские развлечения и шумные пирушки ему были не по душе, и хотя рядом с ним были комендант и двое слуг, но это были не те люди, перед которыми он мог бы облегчить душу.

К одиночеству и невозможности участвовать в общественной жизни прибавились физические недуги, обострились старые болезни, мучила жестокая бессонница. Единственным лекарством от этого стала работа. Мартин Лютер писал своему другу в Страсбург:

> Мною написаны ответ Катарину, еще один – Латону, а на немецком – работа, посвященная исповеди, комментарии к псалмам 66 и 35,

комментарий к Magnificat – перевод ответа Меланхтона Парижскому университету. Сейчас я тружусь над несколькими проповедями относительно тех уроков, которые можно извлечь из Посланий и Евангелий. Я выступаю против кардинала Майнцского и пишу комментарий к истории о десяти прокаженных.

Помимо всего этого, Мартин Лютер перевел на немецкий язык Библию и тем сделал ее доступной для народа. В комнате реформатора демонстрируется экземпляр Библии, напечатанный в 1541 году. Переводя псалмы, он решил переложить их для богослужебного пения: так возникла духовная немецкая песнь.

В Вартбурге содержались и были казнены предводители крестьянской армии, которых предал городской совет старейшин, не посчитавшийся с просьбой Томаса Мюнцера, ходатайствовавшего об их помиловании.

Вартбург с его дворцом, новыми покоями и крепостной стеной является жемчужиной романского стиля в архитектуре Германии. В настоящее время во многих помещениях замка капители колонн украшены скульптурами: например, Рыцарский зал украшает капитель с орлами, певческий зал – огромная фреска Морица фон Швиндта, посвященная легендарному состязанию лучших миннезингеров Германии XIII века. Его же фреска в Княжеском кабинете посвящена легендарной предыстории Вартбурга: охотясь на высокой горе, граф Людвиг I решил построить здесь крепость. К сокровищам Вартбурга относится и так называемый «дюреровский шкаф», часть резных украшений копирует произведения А. Дюрера.

Через 300 лет после Мартина Лютера замок увидел в своих стенах первый слет объединившихся в корпорации студентов, которые в годы мрачной реакции и раскола продолжали высоко держать национальное знамя. Демократическая студенческая организация «Буршеншафт» записала в своей программе: «Мы должны встать на защиту самых низших слоев населения». В Парадном зале замка до сих пор хранится старинное знамя буршей, напоминающее о вартбургском празднике немецких студенческих корпораций, где прогрессивные профессора и студенты потребовали покончить с феодальной раздробленностью и гарантировать демократические права и свободы. Это происходило в 1817 году, после низвержения Наполеона, и участники праздника поклялись неизменно и всегда бороться за свободу своей страны.

В 1845 году композитор Рихард Вагнер написал оперу «Тангейзер», в которой увековечил легендарную средневековую «войну певцов» в Вартбурге. Видная роль в ней отведена княгине Елизавете Тюрингской, с именем которой связано немало легенд и рассказов о ее помощи больным и старым людям, которые оказывались жертвой жестоких феодальных междоусобиц. Впоследствии за набожность и любовь к ближним церковь причислила Елизавету Тюрингскую к лику святых. В 1867 году, в связи с 800летием замка, венгерский композитор Ференц Лист дирижировал своей ораторией «Легенда о Святой Елизавете».

В настоящее время особое место в жизни Вартбургского замка занимает праздник «Встреча лета», который с незапамятных времен устраивается в предпасхальную субботу и сопровождается торжественным шествием. В течение всего праздника на украшенных грузовиках играются сцены из истории города Айзенаха, а завершается он аллегорическим представлением победы солнца – в образе древнегерманской богини «фрау Зунна» – над зимой.

Монсегюр – последний оплот Катаров

В июне 1209 года в Сан-Жилье, одном из городков Лангедока, совершался торжественный обряд церковного покаяния графа Раймунда Тулузского. Могущественный государь – родственник королей английского, арагонского и французского – смирялся перед непреклонной силой римского папы. Толпы народа окружали площадь перед городским собором, и в числе их на этой церемонии присутствовали вассалы и рыцари графа Тулузского – невольные свидетели унижения своего сюзерена.

Впереди папской делегации находился легат Милон – представитель папы и исполнитель наказания. Граф Раймунд, обнаженный до пояса, со свечой в руке опустился на колени перед легатом и молил о пощаде. Он сам прочел длинный список своих прегрешений перед католической церковью, обязывался впредь беспрекословно подчиняться всем повелениям Святого престола, отказывался от всякой свободы в своих

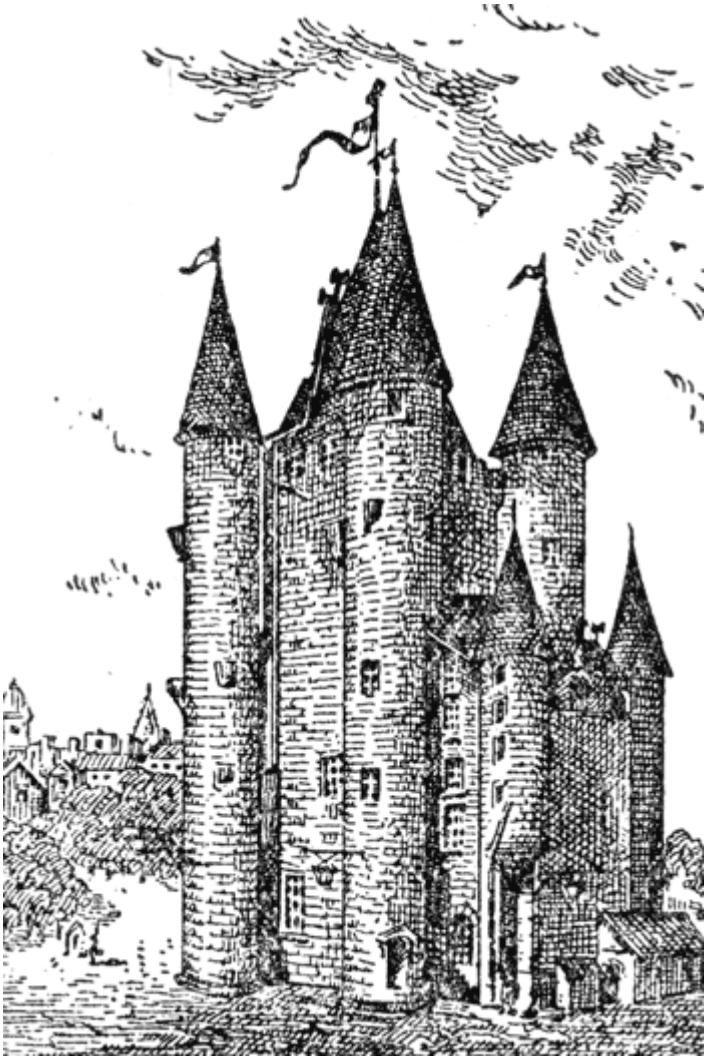
действиях. Когда шестнадцать вассалов подтвердили присягу своего государя, легат Милон поднял графа Раймунда, накинул ему на шею веревку и повел к церкви, а по дороге стегал его розгами. Со слезами покаяния, а может быть, горького оскорбления граф Раймунд распростерся на церковном амвоне…

Так церковь карала тех, кого подозревала в отступничестве или даже в малейшем небрежении к католицизму. Некоторые уклонения графа Раймунда Тулузского от мелких обрядов католической церкви послужили поводом к тому, чтобы его самого и его подданных назвали еретиками.

В начале XIII века Лангедок не входил во Французское королевство. Эта земля, раскинувшаяся от Аквитании до Прованса и от Пиренеев до Креси, была независимой. Причем ее язык, культура и политическое устройство больше тяготели к испанской короне, чем к французской. Управляли Лангедоком дворянские династии, самыми значительными из которых были графы Тулузские и могущественная семья Тренкавель.

В Лангедоке господствовала известная веротерпимость, сильно отличавшаяся от религиозного фанатизма других государств Европы, и римско-католическая церковь большим уважением здесь не пользовалась. Многие священники занимались не исполнением своих прямых обязанностей, а торговлей и имели огромные поместья. В графстве были католические храмы, в которых по 30 лет не служились мессы. Архиепископ Нарбона, например, вообще ни разу не посетил свою епархию. Неудивительно, что при таком положении дел в Лангедоке начала распространяться ересь, пришедшая, по мнению некоторых исследователей, с Балкан. Все графство охватило альбигойское учение, которое католические иерархи назвали «вонючей проказой Юга». Эта ересь представляла настолько серьезную угрозу католической церкви, что к началу XII века возникла реальная возможность вытеснения католицизма из Лангедока. К тому же она перекинулась и на другие части Европы, в особенности на крупные города Германии, Фландрии и Шампани.

Ереси разного характера развивались и ранее описываемых событий и имели огромное число последователей в разных концах католического мира. К началу XIII века было уже более 40 различных религиозных организаций, уклонявшихся от ортодоксальности. Лангедокских еретиков называли по-разному: альбигойцы – по названию города Альби, где их осудили на церковном совете в 1165 году; катары – от греческого слова «katharos» (чистые). Называли их и вальденсами – по имени лионского купца Пьера Вальдо, который, согласно легенде, провозгласил жизненным идеалом бедность и аскетизм и роздал все свое имущество беднякам. Таким образом, название «альбигойцы» не означало последователей какого-либо целостного учения, в то время это было наименованием всех не согласных с ортодоксальной церковью.



Из их среды резко выделялись катары с их традицией гностицизма и философскими системами в их применении к христианству. Катары утверждали, что исповедуют истинное христианство, не искаженное последующими домыслами. Оно было сообщено им в откровении через Иоанна Богослова – любимого ученика Иисуса Христа. Одни ученые считают, что материальный мир в представлении катаров был сотворен богом-узурпатором, богом зла, который у них назывался «REX MUNDI». Другие исследователи полагают, что хоть мир и был, как считают катары, сотворен сатаной, но по «предначертанию невидимого Отца»[24], поэтому Антихрист не может нарушить это предначертание. Таким образом, катары заявляли о существовании двух богов, относительно равных по силе: один из них – добрый бог любви, не запятнанный материей (чистый дух). Но любовь несовместима с принципом власти, а материальное творение как раз и является проявлением власти и могущества. Поэтому, по учению катаров, материальному творению («миру сему») изначально присуще зло – природное свойство всей материи.

На месте веры, по мнению катаров, должно стоять непосредственное, личное «знание», в первую очередь – религиозный или мистический опыт (гнозис), который для них был выше всех догм и символов. При таком мировоззрении, когда человек вступает в личный контакт с Богом, священники и епископы становились ненужными.

Люди, по учению катаров, – это оружие в руках духа, но никто не видит направляющей руки. От начала творения ведется непримиримая борьба между светом и тьмой, духом и материей, добром и злом.

Тягчайшее преступление катаров, по мнению католической церкви, состояло в том, что материальный мир они считали «злым», а Бога – существом, незаконно захватившим власть. Поэтому они отрицали, что Иисус Христос, будучи воплощен в человеческом облике, оставался Сыном Божиим. Они видели Бога абсолютно бестелесным существом, которого нельзя было распять. Иисус Христос представлялся катарам совсем иным, чем католикам, и это являлось одним из главных пунктов расхождения между ними. Для них Спаситель не искупал своей жертвой грехи человеческие, а только изложил учение о спасении. Это был ангел, небесный посланец, который пришел указать людям путь к спасению, поэтому Его

страдания на кресте – не настоящие, а мнимые, и потому в распятии нет ничего божественного. Катары не поклонялись ни иконам, ни кресту, считая его орудием, с помощью которого, по наущению сатаны, был убит один из пророков. Они отвергали Крещение и Воскресение во плоти – основу основ христианства.

Вот чему учили в деревнях и городах Лангедока люди, одетые в черное и подпоясанные веревкой. Они жили в простоте и смирении, а так как не признавали католических храмов, то молились под открытым небом или в обычных домах (иногда даже сараях). Передвигались они парами и несли в кожаных футлярах Евангелие от Иоанна, которое почитали больше других Евангелий. Жили катары на подаяние верующих, совсем не ели мяса, так как эта пища могла пробудить плотские страсти. Кроме того, они верили в перевоплощение, и потому всякое убийство, даже животных, у них запрещалось, но употребление рыбы разрешалось. Когда катары занимались миссионерской деятельностью, они жили в мужских и женских домах, похожих на монастыри.

Катары жили в полном целомудрии, отказались от деторождения, поскольку оно исходит не из принципа любви, а служит лишь целям злого бога. Они осуждали плотский грех в любых обстоятельствах, даже в законном браке. Все материальное исходит от сатаны, а души человеческие исходят от Бога доброго, но они заключены в свои телесные оболочки, как в тюрьму, и потому в темницы человеческих тел могут попасть новые души.

Эти суровые и одновременно добрые люди пользовались большим уважением, так как их жизнь представляла полный контраст с жизнью большинства представителей католического духовенства. Католическую церковь катары считали церковью Антихриста: она свернула с правильного пути со времен римского папы Сильвестра, когда из церкви гонимой превратилась в официальную.

Их учение было простым и вполне доступным даже для неграмотного люда, но движение катаров не было народным, так как в большей степени оно охватило людей образованных. Многие из них были астрономами, философами, математиками, строителями, врачами; они говорили о Платоне и Аристотеле, истории и философии Древнего Египта, Палестины и Персии. Детей бедняков катары учили грамоте в созданных ими школах. Некоторые положения этого учения нравились даже феодалам, которые, например, хотели положить конец церковной десятине, так как значительная часть этих доходов оседала в папской казне.

Неудивительно, что все это навлекло гнев католической церкви и святой инквизиции, и Рим был серьезно обеспокоен таким поворотом событий в Лангедоке. Кроме того, исходя из своего учения, катары вступали в противоречие и с мирскими властями: их утверждение о господстве в мире зла принципиально отвергало и светский суд, и вообще всю светскую власть.

Однако в Риме прекрасно понимали, как завистливо смотрят бароны Северной Европы на богатые южные земли и города. Не хватало лишь повода, чтобы воспользоваться этой ситуацией и составить из северных дворян своего рода «штурмовые отряды» церкви. Такой случай представился в январе 1208 года, когда в Лангедоке один из придворных графа Раймунда Тулузского убил Пьера де Кастельно – одного из легатов папы римского. Может быть, это преступление к катарам и вовсе не имело никакого отношения, но повод был такой соблазнительный и такой долгожданный… И папа Иннокентий III немедленно объявил крестовый поход против катаров.

Через год после свершения церемонии покаяния графа Тулузского в сторону Пиренеев двинулась армия крестоносцев, которую возглавлял аббат Арнольд – настоятель крупнейшего католического монастыря Сито. А «светским начальником» был назначен Симон де Монфор: сам французский король Филипп II Август не мог возглавить поход, так как готовился к решительным действиям против английского короля Иоанна Безземельного.

В ходе военных действий был опустошен весь Лангедок: рыцари и их кони вытоптали крестьянский урожай, стерли с лица земли города и деревни, большую часть населения перебили. В письме папе Иннокентию III аббат Арнольд с гордостью сообщал, что в расчет не принимались «ни возраст, ни пол, ни занимаемое положение». После такого религиозного «вразумления» Лангедок нельзя было узнать: он превратился в опустошенную, разграбленную, распятую землю.

Не смирившись, Лангедок восстал снова и снова был побежден, но и покоренный, он не оставляет мысли о борьбе. Следует отметить, что после завоевания Иерусалима султаном Салах-ад-Дином, когда многим рыцарским орденам пришлось покинуть Палестину, в Лангедоке осело большое число рыцарей-храмовников. Богатые землевладельцы,

симпатизировавшие катарам, подарили Ордену крупные земельные участки, замки и крепости.

Альбигойские войны с перерывом длились 20 лет. В конце их у катаров оставался только последний очаг сопротивления – хорошо укрепленный замок Монсегюр, бросивший вызов огромной армии крестоносцев. Замок стоял на крутой скале, охваченной кольцом гор, и возвышался над окрестными долинами наподобие небесной арки. Почти всегда он был освещен солнцем, и редкий человек даже в наши дни не подивится упорству тех, кто воздвиг на дикой и неприступной вершине его циклопические стены. Атака с ходу была невозможной, как и полное окружение такой большой горы, поэтому в 1234 году королевское войско не решилось на его осаду.

Замок Монсегюр принадлежал Раймону де Перэйе и его знаменитой сестре Экслармонде, которая сама была еретичкой и потому предоставила его катарам для убежища. Возвращаясь из своих опасных и изнурительных поездок по Лангедоку, растоптанному слугами инквизиции, они находили в Монсегюре спокойное и тихое пристанище. Катары считали замок своим святилищем: пока держался Монсегюр, дело их не было до конца проигранным. Это было их духовное царство, куда в минуты самой невыразимой тоски и тяжкого отчаяния обращались взоры южан.

В мае 1243 года осаду Монсегюра начал сенешаль Гуго де Арси: он подошел к замку и окружил его, чтобы взять катаров голодом. Однако начавшиеся дожди позволили осажденным запастись водой на достаточно долгий срок; не опасались они остаться и без продуктов, так как всегда ожидали осады и заранее копили продовольствие. Да и связь с внешним миром никогда не прерывалась, так как сочувствие всего местного населения было на стороне осажденных. Кроме того, многие из крестоносцев сами были выходцами из Лангедока и втайне сочувствовали катарам, оставаясь с этой точки зрения ненадежными воинами. Поэтому в некоторых местах катары легко преодолевали неприятельские линии, доставляя в крепость провиант и подкрепление. Ведь к крепости можно было подобраться только по крутому восточному склону, к которому вели горные тропинки, известные местным жителям.

Но именно оттуда и пришла гибель Монсегюра. Может быть, кто-то из жителей края предал своих и открыл врагу труднейшую дорогу, которая вела к непосредственным подступам к крепости? Баскским горцам удалось забраться на самую вершину горы и захватить барбакон, выстроенный с этой стороны для защиты замка. Это произошло незадолго до Рождества 1243 года, но и после этого осажденным удалось продержаться еще несколько недель.

Только в последний день февраля 1244 года на стенах Монсегюра затрубили рога, возвестившие о том, что осажденные согласны на переговоры. Они сами попросили перемирия и даже предложили заложников в обмен на него. Примерно 400 остававшимся в крепости катарам предложили необыкновенно «мягкие» условия капитуляции: всем воинам даровалось прощение за совершенные преступления, им даже разрешался свободный выход из крепости со всем своим имуществом и ценностями. Многим объявлялась свобода, если они откажутся от своих убеждений и еретических заблуждений и покаются перед инквизицией в грехах. Для обсуждения этих условий катарам даже позволили сохранить за собой Монсегюр еще на две недели.

Срок перемирия истек 15 марта. На рассвете следующего дня из крепости грубо выволокли и стащили по склону горы более 200 катаров. Никто из них не отрекся от своей веры, и тогда их заперли в большом деревянном складе, располагавшемся у подножия горы, и подожгли его. А оставшимся в крепости приказали смотреть на пылавший костер…

Однако уцелевшие защитники скрывали в крепости еще четырех парфитов (проповедников и учителей), которые в ночь на 16 марта в сопровождении проводника совершили дерзкий побег, спустившись вниз по отвесному западному склону. Что заставило их совершить этот отчаянный и опасный побег, подвергая смертельному риску стольких людей? Согласно старинному преданию, эти четверо унесли с собой легендарные сокровища катаров. Но ведь сокровища были вывезены еще за три месяца до падения замка, да и много ли могли унести четыре человека на своих спинах, прыгая на веревках по отвесной скале?

Многие исследователи, в частности, английские писатели М. Бейджент, Р. Лей и Г. Линкольн (авторы книги «Святая кровь и Святой Грааль»), предполагают, что в последнюю ночь из замка были унесены архивы катаров и предметы религиозного культа. И было среди них «нечто», что не могло быть вывезено заранее и оставалось в крепости до самого последнего и опасного момента. Поэтому защитникам Монсегюра и понадобилось время, и не

просто время, а определенная дата. Это был день весеннего равноденствия, по-видимому, совпадавший с каким-то религиозным обрядом катаров. У христиан весеннее равноденствие соотносится с Пасхой, но катары вряд ли придавали этому празднику большое значение, так как считали Иисуса Христа всего лишь одним из пророков и не верили в Распятие, а следовательно, и в Воскресение.

Однако 14 марта, за день до окончания перемирия, в Монсегюре проводился праздник, который даже на осаждавших произвел сильное впечатление. Многие рыцари, презрев неизбежную смерть, приняли веру катаров, просили и получали утешение, тем самым обрекая себя на костер. Значит, это таинственное «нечто» было необходимо для проведения праздника и не могло быть вывезено заранее. Как и не должно было попасть потом в руки врагов… Через некоторое время комендант Монсегюра под пыткой признался, что

> бежавших звали Гуго, Амьел, Экар и Кламен. Я сам организовал их побег, чтобы они унесли наши сокровища и сверток, в котором заключались все тайны катаров.

Монсегюр был превращен в развалины, и крестоносцы победоносно заявляли, что ни один из еретиков «не оскверняет больше мир своим дыханием». Замок пал, однако рыцари не нашли там ничего для себя интересного. Но в любом случае вывезенное из Монсегюра нужно было куда-то доставить. Традиционно считается, что сокровища катаров были упрятаны в укрепленные пещеры Орнолака в Арьеже, где вскоре был уничтожен один из последних отрядов катаров. Но и здесь, кроме скелетов, ничего больше не нашли, однако до наших дней сохранились легенды о сокровищах – то ли материальных, то ли духовных, которые были сокрыты в горных пещерах, окружавших селение…

Крепости Ассасинов

Основатель секты ассасинов Хасан ибн-Саббах

После смерти Пророка Мухаммеда в 632 году сразу же разгорелся спор о его преемнике. Первое несогласие среди мусульман произошло из-за принципа наследования власти, но в конце концов ученики Мухаммеда объединились вокруг «верного из верных» – Абу Бакра,

которого и провозгласили первым халифом («заместителем» Пророка). Однако не все были довольны таким выбором, и вокруг Али – двоюродного брата и зятя Мухаммеда – сгруппировались его сторонники. Они объявили, что лишь прямые потомки Пророка могут быть вождями мусульман – имамами, которые получают сокровенное знание от Мухаммеда и передают его своим потомкам – тоже имамам. Этих людей стали называть шиитами – от арабского слова «шиа» (группа).

С самого начала шииты отделились от тех, кто придерживался другого взгляда на власть, – от мусульман, которые звались суннитами. Первоначально «шиа» была чисто политической группировкой, но после 680 года произошел раскол и в области религии. Главной причиной начавшихся беспорядков и неурядиц они считали незаконную власть халифов. Как указывалось выше, шииты считали, что лишь прямые потомки Пророка Мухаммеда могли быть стражами истины и закона, только из их числа мог появиться на свет долгожданный спаситель, который устроит государство, угодное Аллаху.

Вожди шиитов – имамы – были потомками Али по прямой линии, значит, все они корнями своими восходили к Пророку. Поэтому для них не было никакого сомнения в том, что спаситель будет шиитским имамом. Но в 765 году раскол произошел и в шиитском движении. Имам Джафар объявил, что его старший сын Исмаил не достоин звания имама, поэтому имамат будет передан младшему сыну – Мусе. Большинство шиитов спокойно приняли этот выбор, но некоторые из них взбунтовались, посчитав, что традиция прямого наследования была нарушена. Они остались верны Исмаилу, почитали его как имама, а вслед за ним и его сына – тоже Исмаила. Они объявили этого имама последним, который скрывается до того часа, когда настанет время возвестить людям о царстве справедливости. В будущем он явится как «махди» (мессия), чтобы обновить мир. Их стали называть исмаилитами.

Идеи исмаилитов находили сочувствие у бедных людей и недовольных властями. Их проповеди привлекали людей по самым разным причинам: правоведы и богословы были убеждены в правоте притязаний Исмаила и его прямых наследников на звание имама, ученых людей привлекали таинственные, полные мистики изречения исмаилитов и их изощренное философское толкование веры, беднякам же более всего нравилась деятельная любовь к ближнему, которую проявляли исмаилиты.

Исмаилиты основали халифат, названный в честь Фатимы – дочери Пророка Мухаммеда. Со временем их власть настолько окрепла, что в 969 году армия Фатимидского халифата вторглась в Египет, захватила страну и основала новую ее столицу – город Каир. В период своего расцвета этот халифат охватывал Северную Африку, Сирию, Сицилию, Йемен и священные города мусульман – Мекку и Медину. Крепкие позиции занимали исмаилиты в Иране, особенно много их было среди ремесленников и торговцев. Именно в этой среде в большом торговом городе Рее прошла юность Хасана ибн Саббаха – человека, который занял в исмаилизме особое место.

Хасан ибн Саббах родился в 1050 году в небольшом персидском городе Кум. Вскоре после его рождения родители перебрались в городок Рею – пригород современного Тегерана. Здесь юный Хасан получил образование и уже с юных лет, как пишет он в автобиографии, дошедшей до нас в отрывках, «воспылал страстью ко всем сферам знаний». Больше всего ему хотелось проповедовать слово Аллаха, во всем «храня верность заветам отцов».

> Я никогда в жизни не усомнился в учении ислама; я неизменно был убежден в том, что есть всемогущий и вечносущий Бог, Пророк и имам, есть дозволенные вещи и запретные, небо и ад, заповеди и запреты.

В своей статье «Ассасины, или Люди гашиша» А. Волков пишет, что эту веру в Хасане не могло поколебать ничто до той поры, пока он не встретился с профессором Амир Заррабом. Тот смутил чуткий ум юноши, казалось бы, неприметной оговоркой, которую повторял раз за разом: «По этому поводу исмаилиты полагают, что…», но Хасан поначалу не придавал значения этим словам, всячески противясь семенам странной веры. Однако, как сказано в автобиографии Хасана ибн Саббаха, Амир Зарраб «опровергал мои верования и подтачивал их. Я не признавался ему в этом открыто, но в моем сердце его слова нашли сильный отклик».

В 1078 году Хасан прибыл в Египет и пробыл там несколько лет, став известным проповедником в кругах исмаилитов. Однако при Фатимидах он не остался, поняв, что этот халифат клонится к закату. Молодой исмаилит (ему не было тогда еще и 30 лет) после целого ряда приключений прибыл в иранский город Исфаган – столицу сельджукского султаната. Он замыслил сделать Персию оплотом исмаилизма, откуда его сторонники поведут сражение с

мыслящими иначе – суннитами, шиитами и сельджуками. Оставалось только выбрать место, чтобы начать наступление в войне за веру.

В течение долгих 10 лет Хасан ибн Саббах переезжал из города в город, без устали проповедуя среди исмаилитов – гонимых и преследуемых, и число его сторонников постепенно росло. Проповедовал он главным образом среди крестьян отдаленных провинций, так как именно этот путь был главным в осуществлении его замысла – создать систему форпостов на окраинах империи, в которых можно было укрыться от преследований и готовить силы для дальнейшей борьбы.

Первым таким форпостом стала крепость **Аламут**, располагавшаяся на южном побережье Каспийского моря – на горном утесе высотой более 200 метров. Правда, крепость была занята другими людьми, и, чтобы завладеть ею, коменданту предложили 3000 динаров и право свободного выхода из Аламута. Понимая всю сложность своего положения – с горсткой солдат, вдали от других гарнизонов, в долине, где жили сторонники Хасана, – комендант впустил в крепость исмаилитов.

Известие о падении Аламута и о дальнейших действиях исмаилитов сильно встревожило султана Мелик-шаха. С этого дня Хасан не сделал из крепости ни шагу, но, как пишет иранский летописец, «напряг все силы, чтобы захватить округа, смежные с Аламутом, или места, близкие к нему… Везде, где он находил утес, годный для укрепления, он закладывал фундамент крепости».

Хасан прожил в крепости 34 года – до самой смерти, не покидал даже свой дом. Он был женат, обзавелся детьми, но по-прежнему вел жизнь отшельника. Даже злейшие враги Хасана среди арабских биографов, непрестанно черня и пороча его, неизменно отмечали, что он «жил как аскет и строго соблюдал законы», а к нарушавшим их не ведал никакой пощады. Исключений из этого правила Хасан не знал: так, он велел казнить одного из своих сыновей, застав его за распитием вина. Другого сына Хасан приговорил к смерти, заподозрив, что тот был причастен к смерти одного праведника.

Сторонники Хасана, видя такую неуклонность в его поступках, были преданы ему всем сердцем. Многие мечтали быть при нем агентами или проповедниками, и были эти люди «его глазами и ушами», доносившими обо всем, что творилось за стенами замка. Саббах пугал власти своей непонятностью. Если прежние проповедники обычно шли из города в город и проповедовали тайно, то он сидел в своей неприступной крепости и открыто бросал вызов всем. Кто уходил в Аламут, становился неподвластен земным правителям, а о небесном заботился Хасан.

Первым из иранских правителей отправился в поход, чтобы ликвидировать гнездо исмаилитов, эмир провинции, где действовал Хасан ибн Саббах. Он сжег все селения в долине, перевешал тех исмаилитов, которые попались ему в руки, но дальше подножия утеса подняться не смог. Через год султан послал своего полководца с сильным отрядом и приказал не возвращаться до тех пор, пока ростки заразы не будут вырваны с корнем.

Аламутская долина еще не оправилась от похода эмира, и в крепости оставалось не более 70 человек. Три месяца продолжалась осада, и сельджуки уже не сомневались в своей победе. Но Хасану ибн Саббаху удалось ночью, в плохую погоду, спустить по веревке одного из своих воинов, и тот благополучно выбрался из долины. На следующий день он уже был в городе Казвине, где местные исмаилиты с тревогой ждали вестей от Хасана.

Через несколько дней 300 мобилизованных в Казвине исмаилитов ночью подошли к Аламуту. В крепости уже знали, что помощь идет, и приготовились к вылазке. Хасан оставался в своей келье, которую построили специально для него, как только Аламут был захвачен. Все знали, что он будет беседовать со скрытым имамом и просить его о помощи и защите.

Сонные часовые из отряда султана не успели даже поднять тревогу, и началась страшная резня. Не понимая, что происходит, сельджуки метались в темноте между шатрами. Ржали кони, скрипели опрокидывавшиеся повозки, крики и звон оружия долетали до кельи Хасана ибн Саббаха. Лишь очень небольшая часть сельджуков смогла вырваться из Аламутской долины. После этого сражения по всему Востоку растеклись слухи о старце, который живет в неприступной крепости, и какие бы армии ни посылали султаны, – им его не одолеть.

В Аламуте были собраны знаменитые ученые, маги, алхимики и оккультисты; в замке шла по-настоящему большая и напряженная научная работа. Эти титанические усилия были направлены на подчинение чужой воли, на умение распознавать сущность скрытого, на передачу мыслей, а значит, и приказов на большое расстояние…

Когда в крепости появлялся знатный гость или посланец коронованных владык с угрозой, просьбами или с чисто разведывательными целями, Хасан ибн Саббах использовал один неоспоримый довод. Он указывал на воина, стоящего на страже на вершине высокой башни, который по взмаху его руки моментально бросался головой вниз. В зависимости от важности вопроса, собственного настроения и скептического взгляда визитера таких знаков и прыжков могло быть три, пять, десять…

Держава Хасана ибн Саббаха росла, под его властью пребывало уже около 60 000 человек, но он все рассылал и рассылал своих эмиссаров по всей стране. Власти Персии не любили исмаилитов, за ними зорко следили и за малейшую провинность жестоко карали. В городе Саве сторонники Хасана пытались переманить на свою сторону муэдзина, но тот отказывался и грозил пожаловаться властям. Тогда исмаилиты убили его. В ответ был казнен руководитель местных исмаилитов, а тело его по личному приказу визиря Низам аль-Мулька проволокли по базарной площади. Хасану ибн Саббаху этот частный случай подсказал новую стратегическую линию: в тишине аламутского уединения была сформулирована теория политического террора, которая надолго пережила своего создателя. Убийства врагов тщательно планировались и были прекрасно организованы. Хасан ибн Саббах разработал тактику покушений, создал систему подготовки смертников и убийц, способных преодолеть любые кордоны и готовых погибнуть, сделав святое дело.

Первой жертвой стал жестокий визирь. Поднявшись на крышу дома, Хасан объявил своим сторонникам: «Убийство сего шайтана возвестит блаженство». Готовность освободить мир от «сего шайтана» изъявил человек по имени Бу Тахир Аррани. Убийство свершилось 10 октября 1092 года. Едва Низам аль-Мульк покинул комнату, где принимал гостей, и поднялся в паланкин, чтобы проследовать в гарем, как Аррани откинул полог и вонзил нож в сердце визиря. Стражники сперва опешили, но в следующую секунду метнулись к нему и задушили на месте, однако визирь был уже мертв.

Весь арабский мир ужаснулся, в Аламуте же царила великая радость. Хасан ибн Саббах приказал вывесить памятную таблицу и на ней выгравировать имя убитого, а рядом – имя

святого творца мести. Султан Мелик-шах приказал немедленно собирать большую армию, чтобы уничтожить гнездо исмаилитов в Аламутской долине. Но через 20 дней султан неожиданно умер, и современники были убеждены, что его отравили.

Как только центральная часть государства после смерти султана пошатнулась, начались восстания во всех провинциях и подвластных территориях. Для Хасана ибн Саббаха эти годы были благодатными. Они дали ему передышку и возможность распространить свое влияние не только на отдельные крепости, но и на целые области. Когда жители долины Ламасар отказались работать на восстановлении крепости, Хасан приказал всем немедленно перейти в исмаилизм. Неподчинившихся зарезали, а крепость **Ламасар** была превращена в столицу исмаилитов.

В обширном замке Ламасар готовили «жертвующих жизнью» – фидаев. Подготовка каждого занимала долгие годы. Их выбирали из самых темных горцев, но потом они могли принимать обличье купцов и вельмож, разносчиков воды и музыкантов, солдат и муфтиев, месяцами умели выжидать момент, удобный для удара. Убийцы не любили спешить, и потому покушения были подготовлены до мелочей. Фидаи проникали в свиту будущей жертвы, старались завоевать ее доверие и совсем не заботились о том, как самим выжить после покушения.

Рассказывали, что «рыцарей кинжала» вводили в транс, давая им наркотическую смесь, содержащую индийскую коноплю «гашиш» и вызывающую галлюцинации. Марко Поло, проезжавший Персию в 1293 году, позднее рассказывал, что молодого юношу, выбранного в убийцы, одурманивали наркотиком и относили в чудесный сад,

> где росли все дивные плоды и благовонные кусты, которые только можно было сыскать. В разных уголках парка высились дворцы самой разнообразной архитектуры, украшенные золотом, картинами и богатыми шелковистыми коврами… Каждого, кто попадал в это благословенное место, встречали очаровательные девушки, обученные искусно петь, танцевать, играть на музыкальных инструментах, а главное – им не было равных в кокетстве и искусстве обольщения. Но зачем же было это великолепие?.. Дело в том, что Магомет обещал тем, кто повинуется его законам, радости рая и чувственные удовольствия в обществе очаровательных гурий. Хасан же внушал своим последователям, что он тоже пророк и ровня Магомету, раз у него есть власть впустить заслуживающих его милость в рай еще при жизни.

Именно из-за фидаев исмаилиты получили прозвище «ассасины», так трансформировали крестоносцы слово «гашиш». По другой версии название это произошло от арабского слова «асас» – основа, что для самих исмаилитов означало верность первоначалам, основам ислама. Большинство учеников, успешно прошедших теоретический курс Хасана, попадали в этот рай, предварительно испробовав усыпляющий напиток. Проведя несколько дней в мире немыслимых наслаждений, они, вновь одурманенные, возвращались обратно. Их души были целиком во власти своего господина, и они готовы были выполнить любое его повеление.

Получив прекрасное образование, молодые люди по приказу Хасана ибн Саббаха шли на службу к правителям Востока и Европы. Они быстро делали там карьеру, становились любимцами своих повелителей, но по несколько лет, а то и всю жизнь ждали от главы ассасинов приказа. И тогда, совершенно не заботясь о собственной безопасности, пускали в ход яд, кинжал или шелковый шнурок… Одной из первых известных жертв был Конрад Монферратский – король Иерусалима. По словам историка Б. Куглера, Конрад «вызвал против себя месть фанатической секты, ограбив один ассасинский корабль».

> По приказу Хасана ибн Саббаха два ассасина поступили к нему на службу и даже крестились, чтобы завоевать его доверие. Но получив условленный знак и улучив момент, они напали на своего хозяина и кинжалом нанесли ему несколько ран. При этом одному из ассасинов удалось скрыться в церкви, но, услышав, что Конрада уносят еще живого, он покинул свое укрытие и добил раненого…

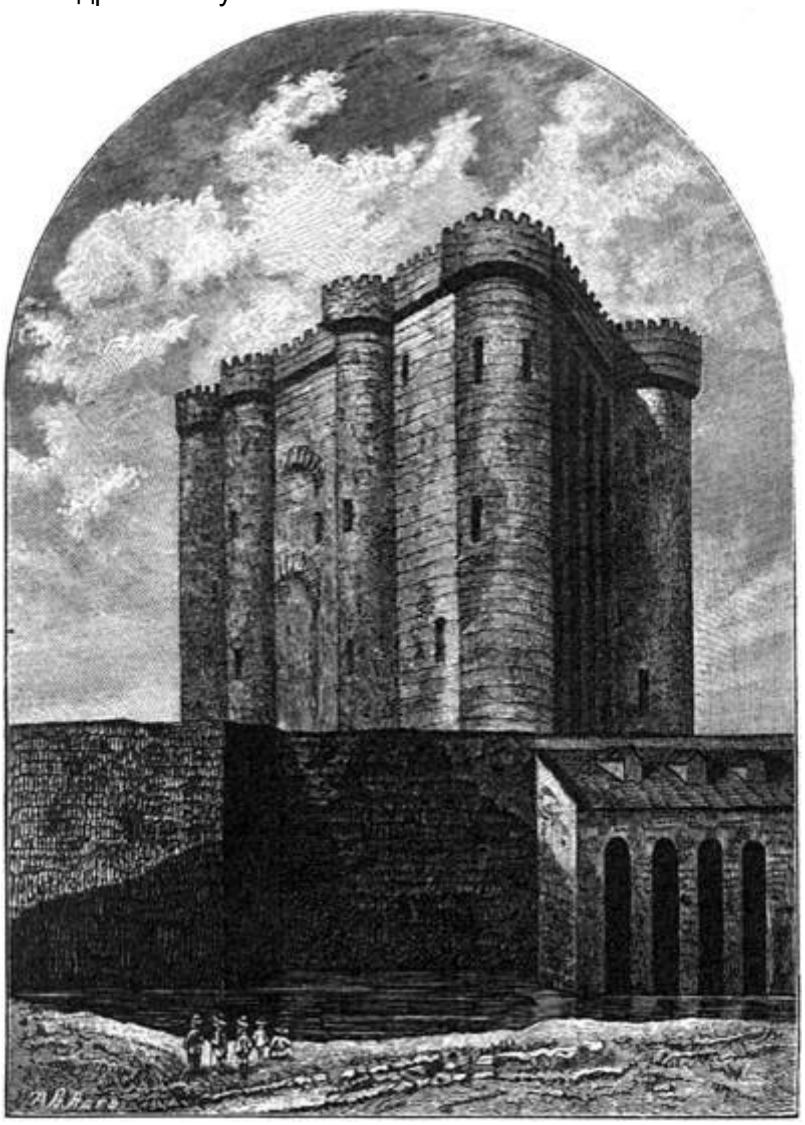
В число форпостов ассасинов вошла и крепость **Шахриз**, где в смутные времена расположился арсенал и куда перевели султанский гарем. Охрану ее несли горцы из северной провинции Дейлем, среди которых было несколько тайных исмаилитов. И в крепость зачастил добродушный исфаганский купец Атташ, который был там всем нужен: гаремным красавицам он привозил ткани и благовония, всем необходимым снабжал и солдат, брал недорого, да к тому же часто отпускал в долг. Но в Исфагане этот мирный купец и

счастливый отец семейства командовал боевым отрядом исмаилитов, о чем, конечно же, никто и не подозревал. В крепости Шахриз он занимался еще и активной пропагандой, и все больше дейлемцев становились его тайными сторонниками. Но надо было получить в крепости официальную должность: исмаилитам пришлось потратить немало золота, чтобы подкупить нужных людей, и вот уже купец Атташ – комендант Шахриза. А потом Атташ провел в крепость фидаев, расставил в караул своих людей – и все неисмаилиты в крепости были зарезаны.

В Исфагане спохватились, но было уже поздно: чтобы взять крепость, надо было штурмовать ее целой армией. Когда на престол вступил 25летний султан Мухаммед, он все же приказал немедленно собирать войско против крепости Шахриз. Пока султан готовился к походу, Атташ пытался организовать его убийство – через визиря, который в свое время продал исмаилитам должность коменданта крепости. Визирь подослал своего слугу к брадобрею султана, и за 1000 динаров тот согласился сделать султану очередное кровопускание отравленным ланцетом. Но у слуги была красавица-жена, от которой он ничего не скрывал, а у жены – любовник, от которого она тоже ничего не скрывала. Так тайна стала достоянием нескольких человек…

Брадобрей должен был придти к султану после завтрака. Любовник, который был мелким придворным, решил, что может недурно заработать на этой истории, и пробрался к султану до завтрака. Когда пришел брадобрей, султан приказал сделать ему кровопускание отравленным ланцетом и вызвал вероломного визиря, чтобы тот при этом присутствовал…

А через день султан Мухаммед сам повел отряд гвардейцев-гулямов на штурм крепости, поклявшись собственными руками убить Атташа. Осада могла длиться долго, но, к счастью для султана, перебежчик-исмаилит показал тайный ход в крепость… Коменданта Атташа везли по улицам Исфагана, заполненным народом, и горожане кидали в него камни и навоз. Потом с него живьем содрали кожу и набили ее соломой.



Последние годы жизни Хасана ибн Саббаха прошли в тяжелых оборонительных боях с войсками сельджуков. Султан Мухаммед был неутомим в походах против «империи крепостей», но истребить державу исмаилитов не мог. Вместо павших крепостей и замков они подкупом и убийствами захватывали новые – в Иране, Сирии, Палестине… Но множество крепостей – это не страна, хоть она и называлась государством исмаилитов.

После смерти Хасана ибн Саббаха в 1124 году каждая группа крепостей стала проводить собственную политику: вступать в союзы с сельджуками, а то и с врагами ислама – крестоносцами. Неприступность крепостей позволила исмаилитам дольше всех на Ближнем Востоке не покоряться монголам. Но в середине XIII века, управившись с другими непокорными, монголы решили покончить и с исмаилитами. Их задача облегчилась тем, что очередной властитель исмаилитов был человек слабый: он страшился монголов и больше всего хотел сохранить свою жизнь и богатство. Силой, обманом, уговорами монголы брали одну крепость ассасинов за другой, пока имам не был осажден в Аламуте, где он в конце концов и сдался.

В глухих горных ущельях и до сих пор встречаются развалины крепостей ассасинов. В 1920-х годах группа археологов добралась до развалин Аламута. От крепости мало что сохранилось – остатки ворот, квадратная башня и часть комнаты с очень толстыми стенами, примыкавшей к такой же толстой крепостной стене. Внутрь комнаты вела лишь небольшая дверь, со стороны крепости окон не было. Зато в крепостной стене была прорублена вторая дверь, за которой находилась небольшая терраса-уступ, повисшая на 200метровой высоте. Именно отсюда на много километров и просматривалась Аламутская долина…

Парижский замок Тампль

После захвата Иерусалима войсками египетского султана Салах-ад-Дина монашеско-рыцарским орденам пришлось покинуть Палестину. Тамплиеры еще в середине XIII века перенесли свою резиденцию в замок Лимасол на Кипре, и потерю Палестины рыцари-храмовники восприняли довольно спокойно; к тому времени их земельные владения в Европе были велики, а богатства огромны. Им принадлежали земли, укрепленные замки, дома в городах, разнообразное движимое имущество и неисчислимое количество золота. Источником этих невиданных богатств были не военная добыча и не пожертвования верующих, а ростовщичество, поставленное храмовниками на недосягаемый для своего времени уровень. Располагая приоратами (органами городского самоуправления) во всех странах Европы и Ближнего Востока, тамплиеры осуществляли безналичный перевод денег; они изобрели систему банковских представительств, чеков и аккредитивов; отделили банковское дело от купеческой торговли и ввели в практику «текущий счет».

Кроме того, у Ордена был очень мощный флот, и тамплиеры получили монополию на плавание по Средиземному морю между Европой и Ближним Востоком. Корабли Ордена перевозили войска крестоносцев и богатых паломников из Европы в Святую землю и обратно, получая за свои богоугодные дела щедрую мзду и благодарность папы римского. Флот тамплиеров был настолько силен, что судовладельцы из Марселя его весьма опасались и ввели суровые ограничения на высадку рыцарей в их порту.

Во Франции позиции тамплиеров были особенно сильны, так как значительная часть рыцарей происходила из французского дворянства. К этому времени Орден был уже настолько опытен в банковско-финансовых делах, что нередко возглавлял казначейства в своих государствах, пуская золото в оборот. Золото помогло тамплиерам добиться особых привилегий, и их земли перестали облагаться налогом, а церкви Ордена не платили церковный налог. Лица, вступающие в Орден, освобождались от ответственности не только за совершенные ранее проступки, но и за серьезные преступления.

Замок Ордена тамплиеров в Испании

Казалось, что во Франции Ордену тамплиеров ничто не угрожает, но наступило время правления короля Филиппа IV Красивого, который был главным должником: его долг тамплиерам составлял астрономическую по тем временам сумму. Орден с большой выгодой использовал положение кредитора короля и держал себя как особое государство во французском королевстве: в этом государстве не действовали ни королевские, ни общецерковные законы. К концу XIII века доходы тамплиеров во Франции в несколько раз превышали доходы королевской казны, и Филипп Красивый решил покончить с властью Ордена на территории своего королевства.

А в это время Жак де Моле – Великий магистр Ордена тамплиеров – готовил на Кипре поход на Сирию. Филипп Красивый отправил прошение Великому магистру, в котором просил оказать ему честь и сделать его, короля Франции, почетным рыцарем Ордена тамплиеров. Однако Жаку де Моле было ясно, что французский монарх добивается столь высоких достоинств, чтобы со временем превратить это звание в наследственное для французской короны. В учтивых, но твердых выражениях Великий магистр отклонил притязания Филиппа Красивого. Тогда французский король решил подойти к тамплиерам с другой стороны – через римского папу, который высказывался о целесообразности слияния Ордена храмовников с иоаннитами. На этот раз Жак де Моле ответил решительным отказом, так как видел в этом слиянии, к тому же под эгидой папы и короля, конец независимости Ордена тамплиеров. Однако по просьбе римского папы приехать в Париж посоветоваться, что нужно сделать для освобождения Святой земли, Великий магистр оставил Кипр и приехал во французскую столицу.

Весной 1306 года тысячи парижан высыпали на улицы города, чтобы посмотреть на въезд в столицу Жака де Моле, которого сопровождали 60 рыцарей. Несмотря на свой возраст (ему было тогда 60 лет), Великий магистр твердо сидел в роскошном восточном седле: на нем был белый плащ с красным крестом на плече, такие же плащи были надеты и на 60 сопровождавших его рыцарях – членах Капитула Ордена тамплиеров. За рыцарями следовали служители в темных плащах с капюшонами, оруженосцы и лучники…

Великий магистр привез с собой 150 000 золотых флоринов, которые лежали в окованных железом сундуках. А серебра было столько, что его везли в кожаных тюках, навьюченных на 12 мулов. Завершали процессию священники в черных балахонах и убранные во все черное лошади, которые везли черный катафалк. Так переезжал в парижский замок Тампль Великий магистр Ордена тамплиеров, который вместе с казной перевозил и прах своего предшественника – Великого магистра Гийома де Божё.

Замок Тампль был построен в 1222 году: его высоченные стены окружал глубокий ров, так что замок считался неприступной крепостью. Внутри него, вдоль стен, тянулись конюшни и казармы для целого войска. Посреди крепостного двора располагался плац для воинских упражнений, колодезь и маленький садик с лекарственными растениями. Над ними высились собор и семь башен: могучая главная башня была высотой с 12этажный дом, а толщина ее стен равнялась восьми метрам.

Главная башня, которая являлась резиденцией Великого магистра, не была связана ни с одним из зданий замка Тампль. Подъемный мост вел с крыши одной из казарм прямо к дверям, поднятым высоко над землей. Сложная система рычагов и блоков позволяла в считанные секунды поднимать и опускать мост, открывать и закрывать могучие дубовые ворота и устанавливать за ними массивные железные решетки. В сводчатом зале башни и жил Великий магистр Ордена тамплиеров, который давал отчет в своих действиях только Капитулу Ордена, да и то только в случаях, когда находил это нужным.

Местом заседания орденского Капитула была церковь с толстыми стенами и окнами, похожими на бойницы. Колонны делили церковь на сводчатые коридоры, вытянутые с запада на восток. Посреди главного коридора располагалась винтовая лестница, которая вела в крипту (подземную церковь), служившую усыпальницей для предшественников Жака де Моле. Их хоронили в полу, под массивными каменными плитами. В Тампле был захоронен и привезенный из Палестины гроб с прахом его предшественника и друга Гийома де Божё.

Казна Ордена тамплиеров хранилась на нескольких ярусах подземелья, под башней, где жил Жак де Моле. О размерах этой казны знали только сам Великий магистр и Великий казначей Ордена.

План короля Филиппа Красивого к тому времени еще не созрел окончательно, и потому он пока оказывал Великому магистру высочайшие почести и уважение. Например, французский монарх пригласил его в крестные отцы своему сыну, но великолепие встречи и почести, которых удостаивались только короли, лишь на время развеяли опасения Жака де Моле, который прекрасно знал, что король не прочь поживиться за счет сокровищ Ордена.

Несметные богатства и золото тамплиеров действительно не давали покоя французскому монарху. Прошло около полутора лет после торжественного въезда Великого магистра в Париж, и Филипп Красивый возбудил инквизиционное дознание против тамплиеров. В ночь на 13 октября 1307 года Великий магистр Жак де Моле и три высших сановника Ордена были арестованы по приказу легиста короля Гийома де Ногарэ. Когда в Тампль ворвались вооруженные королевские стражники, Великий магистр и еще 150 рыцарей не оказали никакого сопротивления и позволили увести себя в тюрьму.

Последний раз прошел по Парижу Великий магистр Ордена тамплиеров – босой, в колпаке из желтой льняной ткани, на котором были изображены черти и языки пламени. Еще так недавно его сопровождали слуги и оруженосцы, а теперь перед ним шли 100 угольщиков (поставщиков «материала» для костра) и 12 священников в белых облачениях. Замыкали шествие доминиканцы в черных сутанах и капюшонах, закрывающих лица.

> После этого, – как пишет Ф. Поттешар, – под стенами орденского замка разыгралось разнузданное языческое празднество, напоминающее праздник шутов в Рождественскую ночь, когда после мессы толпа мужчин и женщин всех сословий врывается в собор и предается там блуду и пьянству. Именно так случилось и вчера: как только разнесся слух, что вооруженный отряд проник в резиденцию Ордена, парижане бросились в замок, чтобы принять участие в кощунстве. Людям хотелось отомстить тамплиерам за их суровость и спесь. Толпа пускалась в погоню за теми, кто пытался бежать, ловила их, избивала и жалких, истерзанных вручала королевским прево. Из погребов выкатили бочки, и вино полилось рекой. Кухни были разграблены. Всю ночь народ пировал при свете факелов, и на следующее утро, несмотря на дождь, люди теснились вокруг костров, разведенных под открытым небом. Пьяницы храпели на голой земле;

публичные девки, надев на себя белые рыцарские плащи, отплясывали непристойные танцы, а увешанные серьгами цыганки били в тамбурины…

Крики и смех были слышны в самом сердце замка, в подземельях большой башни, но туда они доносились приглушенно и неясно. Сержантов и братьев-служителей согнали в большую сводчатую залу, а сановников и рыцарей разместили в одиночных камерах. Со вчерашнего дня они не получали пищи, и никто не пришел к ним, никто не объяснил причин внезапного ареста и незаконного заключения. Время от времени они слышали шаги в переходах, звон оружия, скрип замка, порой вдалеке – голос одного из братьев, горячо спорящего с теми, кто его уводил. И снова наступала тишина, нарушаемая лишь далеким гомоном праздника да глухими ударами колокола, отсчитывающего часы.

Скорый суд обвинил Жака де Моле и высших сановников Ордена в ереси и приговорил их к сожжению заживо. За казнью Великого магистра и членов Капитула, совершавшейся на одном из островов Сены, наблюдали Филипп Красивый и члены его семейства, а потом король лично руководил конфискацией сокровищ Ордена.

Но каково же было разочарование французского монарха, когда добыча оказалась не такой огромной, как он рассчитывал. Видимо, основную часть своих сокровищ тамплиеры успели спрятать, и все усилия короля найти их оказались безуспешны…

Где искали сокровища Тамплиеров?

Хотя французский король Филипп Красивый и использовал момент внезапности, но главной своей цели он не добился, сокровища и документы Ордена тамплиеров ему не достались. Инквизиционное дознание Филиппа Красивого не было для тамплиеров неожиданным, и известно, что до начала арестов Жак де Моле успел сжечь многие документы и рукописи Ордена. Во все орденские дома Франции ему удалось отправить письма, в которых Великий магистр приказывал не сообщать никаких сведений об организации и ритуалах рыцарей-храмовников.

Сокровища Ордена тамплиеров так и не найдены, и где они – об этом до сих пор спорят ученые. Некоторые из них предполагают, что в одну из ночей перед арестами сокровища были вывезены из Парижа и доставлены в **Ла-Рошель**. Среди множества признаний, под пытками вырванных у тамплиеров, французского историка Жана де Майе особенно заинтересовало одно. В протоколе показаний рыцарь Жан де Шалон утверждает, что в ночь перед арестами из Парижа выехали три крытые повозки, груженные сундуками с тайными архивами Ордена. Повозки сопровождали 42 рыцаря: груз и рыцари должны были прибыть в один из портов, где их ждали 17 кораблей.

В этом факте французского исследователя поразило несоответствие числа кораблей и содержимого трех повозок. Но, возможно, в условленный порт направлялись обозы и из других районов Франции? И в них тоже находились секретные архивы Ордена, которые надо было спрятать в надежном месте?

В ту тревожную ночь рыцари-храмовники могли направиться только в Ла-Рошель – порт, который принадлежал тамплиерам. Другие были ненадежны, и в них не было кораблей Ордена. Но достиг ли секретный груз пункта своего назначения? Сейчас мы знаем, что архивы Ордена не значатся в списках имущества, которое было захвачено французским королем. А имена рыцарей, сопровождавших таинственные повозки, названы в числе тех, кто избежал арестов. Некоторые корабли тамплиеров нашли убежище в Португалии, однако кораблей, прибывших из Ла-Рошели, среди них не было…

Но куда же все-таки ушли корабли с сокровищами и архивами, которые удалось спасти в 1307 году? Некоторые ученые предполагают, что они направились в Новый Свет, о существовании которого тамплиеры знали еще до открытия его Христофором Колумбом. И это была их большая тайна – тайна настолько важная, что знали о ней только Великий магистр и самые высшие сановники Ордена… Жан де Варанд в своей книге «Дворяне» рассказывает, что тамплиеры регулярно посещали Америку, где у них имелись рудники, откуда они привозили серебро.

Когда решено было учредить следственные комиссии, римский папа Климент V объявил, что сам будет рассматривать дела высших сановников Ордена тамплиеров, взятых под стражу. Совершая инспекционную поездку, местом своего пребывания он выбрал город Пуатье и потребовал, чтобы туда и доставляли рыцарей-храмовников. Обоз с пленниками направлялся из Парижа в Пуатье, но перед городом Тур путешествие было прервано, так как

узники будто бы заболели. Их отправили в замок **Шинон**, стоявший на землях королевского домена и находившийся под юрисдикцией короля. В ожидании встречи с папой узники-тамплиеры находились здесь некоторое время, но встреча не состоялась, и их увезли обратно в Париж. Однако за те дни, что рыцари пробыли в замке Шинон, они успели вырезать на его каменных стенах совершенно необыкновенные рисунки.

Все изображения носят символический характер, а большинство из них имеет отношение к инициациям: это пылающие сердца, крест, тройная ограда, карбункулы, поле с квадратами… Заключенные в замке Шинон тамплиеры принадлежали к числу посвященных, хотя указанные знаки могли узнать и те, кто не проходил ритуала посвящения. Сами по себе эти символы большого секрета не представляли, и вопрос заключался в том, как ими пользоваться. Ясно, что они были вырезаны с определенной целью – передать послание в настоящее и будущее тем, кто понимает сакральное значение этих символов.

Со временем о сокровищах тамплиеров понемногу стали забывать, и прошло несколько веков, прежде чем они снова оказались в центре внимания. В 1745 году немецкий архивариус Шитман опубликовал один документ, в котором утверждалось, что Жак де Моле передал перед смертью юному графу Гишару де Божё – племяннику своего предшественника на посту Великого магистра – следующее послание:

> В могиле твоего дяди, Великого магистра де Божё, нет его останков; там тайные архивы Ордена и реликвии – корона Иерусалимских царей и четыре золотые фигуры евангелистов, которые украшали Гроб Христа и которые не достались мусульманам. Остальные драгоценности хранятся внутри двух колонн, против входа в крипту. Капители этих колонн вращаются вокруг своей оси и открывают отверстие тайника.

Молодой граф де Божё якобы вынул из колонн золото, драгоценные камни и вместе с гробом своего дяди перенес архив и ценности в новый тайник. Сообщение немецкого архивариуса всколыхнуло всю Европу, тем более что оно получило косвенное подтверждение: одна из колонн действительно оказалась полой. Найденный документ заинтересовал историков, и они занялись изучением хроник XIV века. После долгих исследований удалось установить, что после казни Жака де Моле юный граф Гишар де Божё попросил у короля Филиппа Красивого позволения вывезти из замка Тампль хранившийся там прах его знатного родственника. Король дал такое разрешение, и, возможно, осуществляя перезахоронение, юный граф извлек из колонн золото и другие драгоценности…

Но куда же Гишар де Божё перепрятал сокровища? Одни исследователи предположили, что золото вернулось на Кипр; другие уверяли, что гроб с мнимыми останками Великого магистра должен храниться в фамильном склепе де Божё. Последнее предположение считалось в середине XVIII века настолько вероятным, что после Великой Французской революции родовое поместье де Божё было разобрано так, что вся территория его превратилась в хорошо вспаханное поле. Но ни в склепе, ни в подвалах, ни в земле сокровищ не оказалось…

После этого опять наступило некоторое затишье, но длилось оно не очень долго. В 1870е годы Париж подвергся реконструкции, в результате которой была снесена церковь тамплиеров. И оказалось, что одна из могил в открывшемся подземелье была пустой. Вот тут и вспомнили снова о Великом магистре Гийоме де Божё, в могиле которого его преемник хранил сокровища и архивы Ордена.

А вскоре удалось найти еще один документ, в котором говорилось, что семейству де Божё, кроме уже обследованного имения, принадлежало еще поместье **Аржиньи** – средневековый замок с башнями, сводчатыми входами и глубокими рвами, который располагался в департаменте Рона. В 1307 году он находился за пределами владений Филиппа Красивого и потому не пострадал.

Несмотря на свой почтенный возраст, замок Аржиньи хорошо сохранился, к тому же весь он был испещрен таинственными знаками тамплиеров: ключ ли это к сокровищам или магические заклинания против злых волшебников, в существовании которых рыцари не сомневались? Странными знаками была испещрена и главная башня замка – Башня восьми блаженств, которая была сложена из подогнанных друг к другу каменных глыб и в которой было восемь отверстий.

В середине XX века замком владел Жак де Розман. Еще отец его искал предполагаемый тайник тамплиеров, однако сын не придавал значения легендам… Но в 1950 году его посетил один английский полковник и предложил заплатить за замок неслыханную цену – 100 миллионов франков. Вот тогда у владельца и возникло предположение, что в английских

архивах нашлись какие-то новые сведения о сокровищах тамплиеров. Жак де Розман отказался продать замок, решив сам заняться поисками клада. Но и на этот раз найти ничего не удалось…

К поискам сокровищ тамплиеров подключились и магистры оккультных наук. Некий Арман Барбо, под руководством которого велись эти поиски, впоследствии писал:

> Перешли к ночным вызовам способом постукивания, в результате чего явились духи одиннадцати тамплиеров. Они соглашались ответить на вопросы, однако говорили бессвязно; а сказать, где спрятаны сокровища, отказывались наотрез.

Многие были ослеплены легендарным блеском сокровищ тамплиеров. В числе искателей этого клада были ученые и авантюристы, политики и многие другие лица. Например, в одной из старинных книг хранился листок со следующим текстом:

> Под старинным замком **Валь-де-Круа** находятся сокровища Ордена тамплиеров. Иди и ищи. Святой и Истина укажут тебе дорогу.

После 1948 года один из демобилизованных французских солдат решил поселиться где-нибудь в тихом уголке Франции и провести там остаток жизни. Случай привел его в покинутое поместье Валькроз со старым, изрядно разрушенным замком. Этот замок когда-то действительно принадлежал тамплиерам; в часовне была найдена картина, изображающая Святого Целестина, преклонившего колена перед неким видением. В центре ее было начертано слово «Veritas». Святой и Истина! Специалисты обследовали весь лабиринт подземелий, залов и тайников, а также подземную тюрьму и кладбище. И опять никаких сокровищ…

Почти семь столетий историки гадают о судьбе золотой казны знаменитого Ордена тамплиеров, которая так и не была обнаружена королевскими чиновниками. Но рыцари-храмовники были первыми банкирами Европы, и устранение их капиталов не могло не сотрясти самих устоев европейской хозяйственной системы и политической жизни. Российский историк Виталий Смирнов считает, что нужно обратить внимание на те страны, в которых золото появилось неожиданно. Это прежде всего Англия, которая стала орудием мести против Франции за разгром Ордена тамплиеров.

Когда в 1337 году разразилась Столетняя война между этими странами, военные успехи англичан просто ошеломили современников. Ведь в то время Англия была не той богатой и могущественной державой, какой она стала впоследствии; страна представляла собой бедное захолустье тогдашней Европы, а в военном отношении она была просто несопоставима с процветающей Францией. И вдруг в распоряжении английского короля Эдуарда III оказывается несметное количество золота, которое расположило к нему рыцарей Гаскони и Бордо. Золотом были подкуплены муниципалитеты французских городов, перешедших на сторону англичан; золотом оплачивались многочисленные отряды лучников и профессиональной наемной пехоты, которая снискала Англии славу в битвах при Креси и Пуатье.

Вслед за военными поражениями на землю Франции пришли голод, разруха, феодальные междоусобицы, народные мятежи, целые области королевства на десятилетия оказались ввергнутыми в кровавую анархию. И все это было сделано на золото, происхождение которого до сих пор ставит историков в тупик…

Если деньги из Франции и западноевропейских отделений банков Ордена были переведены в Англию, то деньги восточноевропейских и азиатских отделений рыцари стянули в Москву. Храмовники понимали, что в то время только Москва могла дать на своих землях убежище гонимым рыцарям. Благодаря покровительству церкви именно здесь принимали всех «лишних людей» Средневековья.

В 1325 году Иван Калита получил от своего отца третьестепенное Московское княжество, но сумел расширить его владения и привлечь в Москву много энергичных и напористых людей. Он уговорил митрополита Петра перенести митрополию из Владимира в Москву и сделать ее церковной столицей всей Руси. Добиться всего этого ему удалось с помощью золота, которого у московского князя появилось столько, что он скупал у бедных князей-соседей не только деревни и села, но и целые города – Галич, Углич, Белозерск…

Но что же еще, кроме золота, таят в себе сокровища тамплиеров? Когда в 1099 году крестоносцы захватили Иерусалим, то на южной окраине города они увидели «высокий холм» горы Сион, где обнаружили развалины древней византийской базилики высотой около 4 метров. Эту базилику крестоносцы назвали «матерью всех церквей». Многие хроники рассказывают, что Готфрид Буйонский – завоеватель Иерусалима – поспешил возвести на

месте руин здание аббатства. По словам летописей 1172 года, оно было величественным и хорошо укрепленным – с башнями, стенами и бойницами. Это аббатство назвали Нотр-Дам-дю-Мон-де-Сион – аббатством Богоматери на горе Сион. Монахи аббатства могли организовать свой отряд наподобие того, какой создали монахи и рыцари Гроба Господня.

Об этом же сообщают и другие хроники:

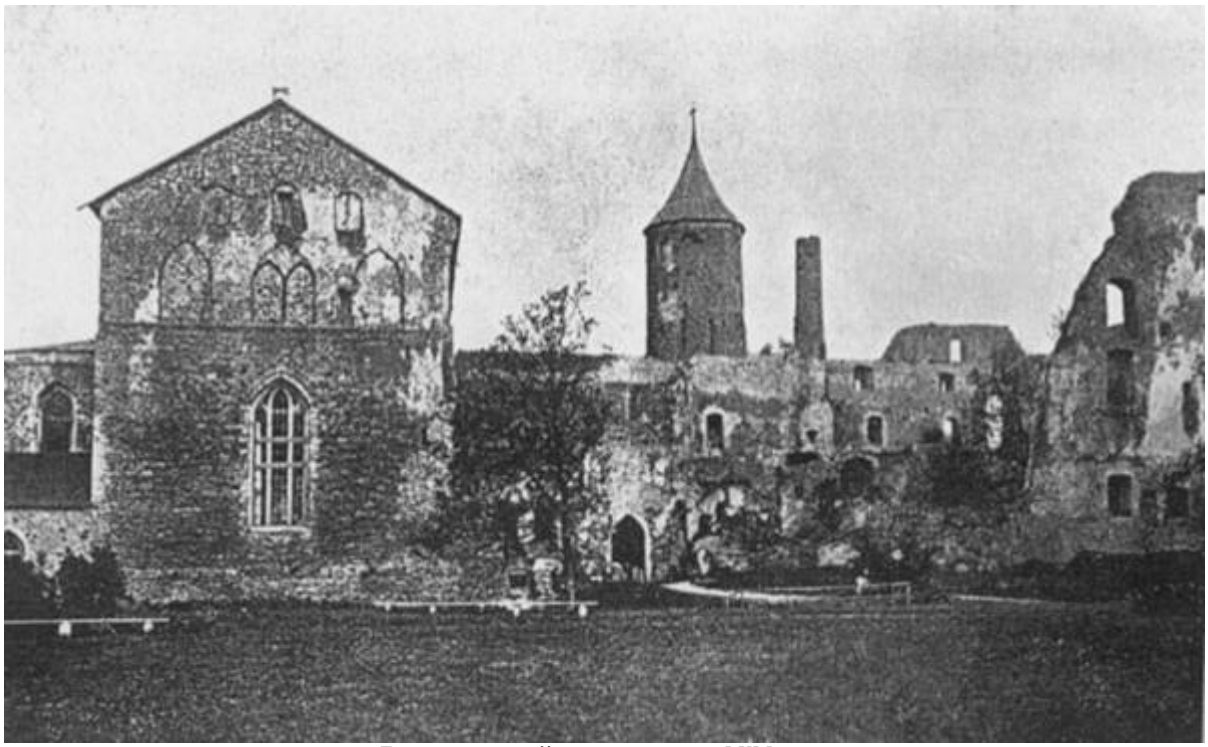
> …и так как дали ему главным местом приют, построенный на горе Сион в Иерусалиме, посвященный Божией матери, это дало право звать рыцарей: орден Богоматери Сиона.

И здесь мы снова сошлемся на книгу английских авторов «Святая кровь и Святой Грааль». Глубоко изучив архивные документы, они пришли к выводу, что общеизвестная история Ордена тамплиеров – всего лишь миф. На самом деле он был не самостоятельной организацией, а военной ветвью глубокого законспирированного Ордена Сиона.

Французский исследователь Л. Шарпантье в своей книге «Тайны тамплиеров» писал:

> Девять рыцарей-храмовников продолжают охранять дорогу для паломников. Какой бы грозной ни казалась опасность, они не принимают участия в битвах и не вербуют неофитов. Они остаются в том месте, где находился Храм Соломона, и впоследствии становятся единственными его обитателями. Они занимаются расчисткой подземных конюшен, но зачем девяти бедным рыцарям такие обширные помещения? Можно предположить поэтому, что девять рыцарей приехали не только охранять дороги, но и с целью найти, сберечь и забрать с собой Ковчег Завета и Таблицы Закона, которые хранились в Храме Соломона.

Таллинский замок Тоомпеа



Внутренний вид замка. XIX век

В 1154 году арабский географ и путешественник Идриси составил атлас, в котором было отмечено: «К городам Астленды относится и город Колуван. Это маленький, похожий на большую крепость городок». В этом описании нетрудно узнать нынешний Вышгород (Тоомпеа) – высокое известковое плато с обрывистыми склонами, располагавшееся на высоте 48 метров над уровнем моря и уже в силу природного расположения представлявшее собой почти неприступное укрепление.

В эстонском народном эпосе «Калевипоэг» говорится, что Тоомпеа – это курган над могилой сказочного короля Калева, который в память о славном муже сложила из валунов его неутешная вдова Линда. Тоомпеа уже 1000 лет назад был самым крупным поселением Эстляндии, занимавшим почти все 7 гектаров территории современного Вышгорода. В начале

XII века городище представляло собой двор, окруженный стенами с башнями на углах. Под прикрытием городища не позже XI века на том месте, где позже будет расти Нижний город, возникает поселение: здесь стали селиться земледельцы и скотоводы, торговцы и ремесленники.

К началу XIII века поселение у подножия Вышгорода разрастается, а несколько поодаль от его центра – вблизи тогдашней гавани – возникли независимые торговые дворы русских и скандинавских купцов. В силу традиции вместе с торговыми рядами стали строиться и церкви.

Ранним летом 1219 года датский король Вальдемар II с большим флотом и крупными силами высадился на берегах Таллинского залива и, не встретив на первых порах никакого сопротивления, сошел на берег и занял полупустое городище. Только на третий день вспыхнуло сражение, однако наскоро собранная из окрестных деревень дружина эстов не смогла одолеть самое сильное войско тогдашней Северной Европы. И датский король Вальдемар II объявил себя королем Эстляндии.

Но древние эсты не хотели мириться с неволей и несколько раз штурмовали стены города, однако возвратить его им не удалось. Датчане избрали Тоомпеа базой для своих дальнейших походов, и по указаниям самого Вальдемара II завоеванное городище в первое же лето стали укреплять и частично перестраивать. Они снесли старые сооружения эстов и начали возводить свои, уделив основное внимание укреплению южного склона, который был более доступен для захвата. Этот отрезанный мыс после реконструкции оказался настолько хорошо защищенным, что неоднократные попытки эстов овладеть им оказались безуспешными.

К осени 1219 года датская крепость на Тоомпеа в основном уже была готова, но в ту же осень Вальдемар II покинул Таллин, оставив в только что сооруженной крепости гарнизон во главе с архиепископом Лунда Андреасом, которого назначил наместником в завоеванной стране. За столь короткий срок датчанам вряд ли удалось возвести капитальную каменную крепость. Постоянная опасность новых нападений со стороны эстов и неустойчивое положение в завоеванной стране не позволили им приступить к широким строительным работам. Многие исследователи считают, что датчане построили лишь прочное деревянное городище, укрепленное палисадами. Об этом же свидетельствует и попытка жителей острова Сааремаа захватить в 1221 году городище, а если бы крепость была каменной, то такая попытка была бы просто бессмысленной.

Но датское господство на Тоомпеа длилось недолго. Уже в 1227 году власть в северной Эстляндии захватил Орден меченосцев, созданный в 1202 году в Риге специально для завоевания Прибалтики. Орден сумел продержаться на Вышгороде более 10 лет, и в эти годы известковое плато было разделено на Большую и Малую крепости. Благодаря действиям магистра Ордена рыцари-меченосцы возвели из известняка Малый замок с достаточно мощными стенами, который от остальной части Вышгорода был отделен сухими рвами. В «Хронике Хермана фон Вартберга» сказано, что Малый замок был хорошо укреплен и башнями, однако последние археологические раскопки не подтверждают существование этих башен.

Малая крепость занимала южную часть плато и служила как бы для защиты Большой крепости. В плане она представляла собой правильный прямоугольник, окруженный крепостной стеной. Строительство такого замка требовало не очень больших средств и относительно мало времени. С севера и востока новую крепость защищал широкий ров, вырубленный в известняке, а с запада – естественный обрыв.

В 1229 году на Вышгороде стали возводить Домский собор монахи-доминиканцы, основавшие здесь свой монастырь. Однако основанная ими церковь просуществовала недолго: в конце XIII века ее перестроили, сделав более просторной. До настоящего времени от нее дошла до нас только алтарная часть.

Рыцари-меченосцы недолго господствовали в Таллине. По требованию римского папы они вынуждены были в 1238 году уступить северную Эстляндию и Таллин датчанам, которые на этот раз воцарились здесь более чем на 100 лет. Они сразу же приступили к перестройке Малой крепости, которая становится резиденцией наместника датского короля. Сохранив внешние очертания крепости, датчане разделили ее внутреннее пространство поперечной стеной, протянувшейся с востока на запад. В юго-западном углу северной части они возвели внутреннюю крепость, в которой построили для королевского наместника так называемый Датский дворец с 4угольной башней, впоследствии названной Пороховой. Остальная часть Тоомпеа раздается датским феодалам для строительства жилых домов. Однако к началу XIV века нехватка земельных участков на Вышгороде заставила их заселять и Нижний город, с

которым Тоомпеа соединялся улицами Пикк-Ялг (Длинная нога) и Люхике-Ялг (Малая нога). Первое время улица Пикк-Ялг не имела высокой каменной стены, и в зимнюю гололедицу и осеннюю слякоть эта дорого часто бывала опасной.

В таком виде крепость просуществовала до 1346 года, а потом датчане окончательно убедились, что не могут управлять своей эстонской колонией. Северную часть страны, в том числе и Таллин, они уступили Тевтонскому ордену, получив за это 19 000 серебряных марок (4443 кг серебра). Через год Тевтонский орден перепродал эту землю подвластному ему Ливонскому ордену – уже за 20 000 серебряных марок.

Новые хозяева все свое внимание сосредоточили на строительстве оборонительных сооружений. В Таллине с необыкновенной быстротой была возведена крепостная стена вокруг северной части города, до этого времени недостаточно защищенной. Крепости на Тоомпеа с их устаревшей фортификацией подверглись коренной перестройке, и главный замок теперь задумывался как конвентное здание. Этот своеобразный тип замка возник в XIII веке: с одной стороны – в соответствии с предписаниями внутреннего распорядка жизни Ордена, с другой – по примеру монастырских комплексов. Поэтому конвентный замок строился по общей схеме: это был замкнутый блок из четырех стоящих под прямым углом зданий, построенных внутри прежнего замка. Внутри располагался прямоугольный двор, соединявшийся с внешним миром через сильно укрепленные ворота. Четырехгранную привратную башню, сохранившуюся с датских времен, рыцари укрепили и надстроили. К северной стороне прежнего замка было пристроено второе крыло, в котором разместились зал заседаний орденского Капитула, капелла с высокими стрельчатыми окнами, спальни рыцарей и трапезная. Здание конвента было окружено рвом, который полностью изолировал замок от Большого Тоомпеа и восточного форбурга.

По углам южной крепостной стены рыцари возвели две особо мощные башни – «Длинный Герман» (в юго-западном углу) и «Стюр ден Керл» («Отражай врага») – в юго-восточном. При перестройке внешней стены около 1400 года (или чуть позже) в ее северо-западном углу была выстроена небольшая круглая башня «Пильстикер» («Точильщик стрел»).

Работы по укреплению Вышгорода производились и впоследствии, но к XVI веку замок Тоомпеа устарел не только фортификационно: старое мрачное здание конвента уже не отвечало требованиям эпохи Возрождения. Поэтому, как только завершилась Ливонская война, по повелению шведского короля Иоханна III начали возводить здание Государственного зала в форбурге – в непосредственной близости от башни «Длинный Герман». И хотя оно было довольно представительное, но до нашего времени не сохранилось.

В XVII веке на замок Тоомпеа, как уже на совершенно устаревшее оборонительное сооружение, обращали мало внимания. Лишь во второй половине столетия были предприняты некоторые работы по перестройке, чтобы приспособить его помещения для нужд королевского наместника. Во время Северной войны Таллин был взят русскими войсками, но тогда поддержанию замка в порядке внимания почти не уделялось, поэтому его сооружения оказались в плохом состоянии. Некоторое внимание на Тоомпеа было обращено во время правления императрицы Екатерины II, которая в 1776 году отдала распоряжение эстляндскому рыцарству и городу Таллину привести замок в порядок для размещения в нем Эстляндского губернского правления.

Пол Вышгородской церкви, в течение многих веков служившей усыпальницей, устлан старинными надгробными плитами. Стены ее увешаны гербами и мемориальными досками дворянских семейств, члены которых были погребены в ней. Видные представители гильдии ремесленников тоже имели в церкви свои места для погребения, о чем свидетельствуют плиты, где под тремя таллинскими геральдическими львами помещена фигурка быка, указывающая, что погребенные принадлежали цеху мясников.

По повелению Екатерины II было воздвигнуто надгробие Самуилу Грейгу – герою Чесменской битвы. Проект гробницы исполнил знаменитый петербургский архитектор Д. Кваренги, а выполнил в классическом стиле, по предположению некоторых исследователей, не менее знаменитый скульптор И.П. Мартос. На памятнике сделана латинская надпись: «Здесь покоится шотландец Самуил Грейг, его прославляют Балтийское море, Архипелаг и берега, которые он охранял от вражеского огня».

Рядом высится надгробный памятник адмиралу И.Ф. Крузенштерну, сделанный в готическом стиле. Надпись на нем гласит: «Первому русскому плавателю вокруг света 1803–1806».

В казематах Бастилии

В одно прекрасное сентябрьское утро 1377 года в Париже было заметно необыкновенно оживленное уличное движение. Монахи, сеньоры, лавочники, студенты, солдаты городской стражи – почти все население города высыпало на улицы. Торговые лавки были закрыты, дома остались только старики и дети, а по нарядным костюмам и оживленным лицам горожан было видно, что спешили они на праздник. В этот день на площади должна была состояться церемония раздачи университетом ученых степеней и прием новых студентов.

Но в этот же день на эшафот, возведенный на площади перед собором Нотр-Дам де Пари, был приведен Гуго Обрио – прево Парижа, которому за несколько лет до этого было поручено возведение Бастилии. В Средние века были особого рода укрепления, которые назывались «бастидами» (или бастилиями): одни из них были постоянными, другие возводились на время. Бастиды существовали уже у древних римлян: обычно они были деревянными, по большей части 4угольными и с платформой для приведения в действие метательных машин.

Для охраны Парижа вокруг него тоже были устроены бастиды, а между ними находились рвы и стены. Бастидами назывались также и главные ворота города. Во время правления короля Иоанна II (1350–1364) при входе на улицу Святого Антония находилась такая бастилия, с обеих сторон которой были устроены две крепостные башни. Карл V (1364–1380) решил превратить их в сильное укрепление и приказал Гуго Обрио пристроить к ним еще 6 башен, соединив их толстыми стенами.

Гуго Обрио начал строительство башен в 1369 году, а закончилось возведение Бастилии в 1383 году – уже при короле Карле VI. Хотя новая крепость сооружалась главным образом для защиты от врагов, но уже с самого начала своего существования стала использоваться как государственная тюрьма, тем более что само устройство ее было к этому приспособлено.

Бастилия представляла собой довольно правильный параллелограмм длиной около 65 метров и шириной около 35 метров. На каждой из длинных сторон располагалось по четыре полукруглых 5этажных башни (толщина стен равнялась 1,5 метра), соединявшиеся друг с другом галереями, на которых стояли пушки. Одной своей стороной Бастилия была обращена к Парижу, а другой – к Сент-Антуанскому предместью. Со всех сторон ее окружал широкий и глубокий ров с перекинутым через него висячим мостом. В башнях были устроены верхние камеры для заключенных: свет и воздух в них проходили через небольшие отверстия, закрытые решетками, так что в достаточном количестве свет и воздух туда никогда не поступали. Но были в Бастилии места заключения и более ужасные, устроенные на 6 метров ниже уровня двора: в эти подземелья упрятывали тех, от кого хотели поскорее

отделаться, а также непокорных и буйных арестантов, нарушавших суровую тюремную дисциплину.

Гуго Обрио не довел возведение Бастилии до конца. Уличенного в любовной связи с еврейкой и в том, что, угождая ей, он плевал на Распятие, топтал его ногами и произносил при этом кощунственную хулу, его приговорили к сожжению на костре. Поэтому и спешил парижский народ в сентябре 1377 года на площадь, где на эшафоте прево Парижа встал на колени перед ректором университета, инквизитором и епископом Парижа, раскаиваясь в своих преступлениях и прося прощения. Из уважения к его прежним заслугам казнь Гуго Обрио заменили пожизненным заключением в крепости-тюрьме, которую он сам и возводил.

Это был первый узник, которому пришлось выдержать заключение в Бастилии. Но в 1381 году парижский люд, раздраженный новыми налогами, бросился убивать чиновников, которые эти налоги собирали, и освободил узников Бастилии, в том числе и Гуго Обрио. Ему даже предложили стать главой восставших парижан, но он уже так был потрясен тюремным заключением, что отказался и уехал к себе в Бургундию, где через год и умер.

Царствование Карла VI было одним из самых печальных периодов в истории Франции: постоянные войны с Англией и при этом страшные внутренние междоусобицы, во время которых крепость-тюрьма служила убежищем то одной, то другой стороне. В 1420 году Бастилией, Лувром и Венсенским замком завладел английский король Генрих V: англичане укрепились в Бастилии и продержались там 16 лет. После их изгнания французскому королю Карлу VII пришлось вести борьбу со своими непокорными вассалами. Он восторжествовал над ними, хотя его сын – дофин Людовик – был во главе непокорных и руководил заговорами против отца. Впоследствии и сам дофин Людовик вынужден был бежать к герцогу Бургундскому, у которого и находился до самой смерти отца.

Волнения сеньоров продолжались и после восшествия на престол Людовика XI. Ведя в течение всего своего царствования борьбу с вассалами, постоянно встречая с их стороны измены и черную неблагодарность, король в своем мщении тоже действовал коварно, и потому многие из них побывали в Бастилии.

При этом короле в крепости были введены два новшества – **железные клетки** и комната ублиеток. Железные клетки существовали и до Людовика XI, но именно при нем в Бастилии и других французских тюрьмах были устроены такие камеры, в которых нельзя было ни встать в полный рост, ни лечь – только сидеть согнувшись. Такие клетки король называл своими доченьками. Первым муки заключения в железных клетках испытал на себе Вильгельм де Горакур – епископ Верденский. Сначала он был в милости у короля, потом изменил ему и протомился в железной клетке целых 10 лет.

Ублиетками назывались камеры и глубокие колодцы, куда сажали приговоренных к смерти людей, поэтому они отличались еще более утонченной жестокостью. Комната ублиеток была устроена в одной из бастильских башен, которая по иронии называлась башней Свободы. Сначала приговоренного к смерти приводили к коменданту в комнату, называвшуюся «комнатой последнего слова». Она была довольно большого размера, но освещалась только одной лампой и так, чтобы можно было рассмотреть на стенах кинжалы, пики, шпаги и огромные цепи.

После допроса комендант и несчастный узник входили в комнату ублиеток – очень светлую и с запахом чудесных цветов. Здесь они оба садились, и комендант в разговоре подавал арестанту надежду на скорое помилование. Жертва немного успокаивалась и даже ободрялась, но уже в следующую секунду по знаку, данному комендантом, пол под несчастным опускался, и он падал на колесо, утыканное острыми ножами. Невидимая рука приводила это колесо в движение, и узника разрезали на кусочки…

В Бастилию никогда не заключали уголовных преступников, находившихся под следствием или отбывающих наказание по приговорам общих судов: для них существовали другие тюрьмы. «Высокой чести» попасть в Бастилию удостаивались только те, о ком давались именные королевские приказы – так называемые «letter de cachet». Такие приказы составлялись без указания срока: узник одинаково мог провести в крепости-тюрьме и несколько дней, и несколько десятков лет. Если у него не находилось влиятельных покровителей или они отказывались хлопотать за него, он рисковал просидеть в Бастилии большую половину своей жизни. Иногда о заключенном совсем забывали, и он оставался в тюрьме только потому, что им никто не интересовался.

Во времена правления Бурбонов придворные дамы получали от министров и других высокопоставленных лиц тайные приказы (иногда в качестве новогоднего подарка), в которых было пропущено имя осужденного. И в подходящий для себя момент, вписав нужное имя,

дамы могли освободиться от надоевшего мужа или какого-либо другого неудобного лица. В царствование Людовика XV такие тайные приказы можно было получить и за деньги. Например, министр Ла Врийер сначала продавал их через графиню де Лонжак, но потом дошел до того, что стал продавать их через своих слуг, так что за 25 луидоров можно было кого угодно засадить в Бастилию.

В знаменитую тюрьму сажали не только людей, но и внушавшие опасения книги: королевский приказ о заключении под стражу книг писался точно таким же образом, как и обычные приказы. Книги помещались в каземат, находившийся между башнями Казны и Конде. В 1773 году начальник парижской полиции попросил коменданта Бастилии принять «все инструменты тайной типографии, помещавшейся в одной из комнат аббатства Сен-Виктор». Когда те или иные книги переставали внушать опасения, им возвращали «свободу»: так, «Энциклопедия» Дени Дидро появилась на свет только после нескольких лет заточения.

История этой крепости представляет собой описание стольких страданий, несчастий, ужасов и злодейств, что парижане во все времена говорили: «О Бастилии безопаснее молчать, чем говорить». Кто попадал туда, назад обычно уже не возвращался. Если же случайно кто-то и встречался из бывших там, то такой человек при первом же вопросе отвечал, что при выходе из Бастилии дал клятвенное обещание ни с кем ни слова не говорить о том, что там было. Трагедий и сломанных человеческих судеб было так много, что для подробного повествования о них потребовалось бы несколько томов. Одна только история Латюда могла бы составить отдельную книгу и стать материалом для романа.

Жан-Анри Латюд – сын лангедокского помещика средней руки и известного своими подвигами офицера. Но брошенный отцом на произвол судьбы, он вынужден был с ранних лет сам пробивать себе дорогу в жизни. Успев получить кое-какое образование и неплохо зная математику, Латюд в 1747 году, будучи 22 лет от роду, поступил на службу военным фельдшером в саперный полк. Ему довелось участвовать в войне против Голландии, но мир, подписанный в 1748 году, положил конец его военной карьере.

После этого Латюд некоторое время перебивался в Париже, приготовляя пилюли и помаду для какого-то аптекаря. Очутившись в трудовой и в то же время полной развлечений парижской жизни, он решил во что бы то ни стало пробить себе дорогу, причем как можно быстрее, так как хотел разом попасть на вершину могущества. Для достижения своей цели Латюд не видел лучшего средства, как войти в близкие отношения с маркизой де Помпадур – фавориткой короля Людовика XV, которая раздавала места и должности, комплектовала кадры и везде рассовывала своих протеже. Немаловажную роль в мечтах Латюда играла и красота маркизы…

Чтобы добиться расположения королевской фаворитки, он на свою беду задумал весьма легкомысленную проделку и даже пустился на обман. Латюд насыпал в конверт белый, совершенно безвредный порошок, запечатал пакет, написал на нем адрес – Версальский дворец, маркизе де Помпадур – и сам отнес его на почту. А потом отправился в Версаль и потребовал, чтобы о нем доложили маркизе, которой якобы угрожает опасность, и только он может ее спасти.

Маркиза тотчас приняла Латюда, и он рассказал, что два молодых человека задумали погубить ее и послали конверт с каким-то ядом, «который должен будет засыпать вам глаза при вскрытии письма». Побледневшая от ужаса маркиза стала благодарить молодого человека и опустила ему в руку кошелек с золотом. Латюд покраснел и тихонько отстранил дар.

– Прошу вас, не лишайте меня возможности изредка свидетельствовать вам мое глубокое почтение. Эта милость будет более достойна как вас, сударыня, так и меня, так как я сын маркиза Латюда – кавалера королевских орденов.

– Я всегда буду помнить вашу услугу, – проговорила маркиза, – и никогда не забуду вашего имени, но я могу забыть ваш адрес. Вот вам бумага и чернила, напишите его.

Ослепленный красотой и любезностью мадам де Помпадур, Латюд поспешил написать свой адрес, совершенно позабыв, что его же рукой надписан и конверт с порошком. Через несколько дней его арестовали и отправили в Бастилию, где одели в арестантский балахон, который был таким ветхим и грязным, будто его носили не менее 20 заключенных. На другой день после заключения Латюда посетил начальник парижской полиции Бернье: на все его вопросы арестант отвечал так искренне, что Бернье даже пообещал уговорить маркизу простить его. Надежда ожила было в сердце Латюда, но мадам де Помпадур оказалась непреклонной.

Начальник полиции всеми силами старался облегчить участь легкомысленного молодого человека: приказал отвести ему лучшую комнату в Венсене, куда перевели Латюда, давал ему книги, бумагу, приказал, чтобы ему отпускали хорошую пищу, но все это не могло заменить желанной свободы. И тогда Латюд решил бежать, что вскоре ему и удалось совершить. Он нашел в Париже верное убежище и два дня не мог успокоиться от радости. Латюд много думал и размышлял, но зародившиеся мысли, к несчастью, привели его к новой опрометчивости.

Казалось бы, довольно он уже настрадался за свой необдуманный поступок и узнал, на что способна раздраженная фаворитка короля. Но любовь ослепляла Латюда настолько, что он решил: маркиза не забыла его, а ее ненависть и злопамятство не что иное, как знаки внимания, которым она почтила жертву. Латюд полагал, что она сама уже ищет случая, чтобы увериться в хороших качествах своего обожателя и приблизить его к себе. Убедив себя в этом, он написал на имя короля письмо, в котором безмерно расхваливал маркизу и выражал сожаление, что огорчил ее своим безрассудным поведением. В конце письма указал адрес дома, в котором скрывался…

На следующий день Латюда снова отвезли в Бастилию, осудив на тяжкое одиночное заключение при самом скудном содержании. Но начальник полиции Бернье, искренне сострадавший несчастному, просил отпускать ему сносную пищу и давать книги и бумагу, перья и чернила. Однако заключенный слабел и чах от тоски, и тогда Бернье разрешил ему держать слугу. Положение слуги заключенного было весьма печальным и безотрадным: он должен был делить со своим господином его удел, жить с ним и умереть в неволе. На третий месяц несчастный слуга умер возле своего господина…

А Латюду снова удалось убежать из Бастилии и даже добраться до Голландии, но и в этой свободной стране деньги и угрозы мадам де Помпадур сделали свое дело. Он был арестован среди бела дня и вновь доставлен в Бастилию, где на этот раз его посадили в самый глухой каземат. Для присмотра за ним приставили тех самых охранников, которых он успел обмануть и которые отсидели за его побег по три месяца.

Новый каземат Латюда был почти темным, свет и воздух проникали в него через две бойницы, устроенные в широкой стене и суживающиеся к наружной стороне. Вся «мебель» каземата состояла из двух связок соломы, которые служили узнику и постелью. И в таком «логове» Латюд провел более трех лет. Тюремный врач не раз уведомлял начальство о страданиях заключенного, но это нисколько не изменяло положения несчастного. До самой весны 1757 года он оставался в своем мрачном каземате, и в другое помещение перевели его только потому, что вышедшая из берегов Сена могла затопить каземат. Да и это «облегчение» было сделано по просьбе тюремщиков, которым «крайне неудобно было носить пищу в каземат Латюда, так как приходилось брести по колена в воде и грязи».

После Бастилии несчастный Латюд еще раз побывал в Венсенском замке, а потом в Бисетре – тюремной больнице, известной под названием «Бастилия для сброда». Здесь Латюда окружали эпилептики, паралитики, люди помешанные, неизлечимо больные, зараженные венерическими болезнями… Все они представляли картину печальную и отталкивающую,

здесь Латюд изнывал от холода, голода, болезней и отравленного воздуха, так что даже Бастилия виделась ему раем. В местах заключения Латюд провел 35 лет: маркиза де Помпадур уже давно умерла, и обида, нанесенная ей, всеми была забыта, но новый начальник полиции не хотел простить заключенному его побеги и те дерзкие письма, которые он писал из тюрем. И потому узник оставался в заключении год за годом.

Освободила Латюда одна честная небогатая женщина по фамилии Легро, к которой случайно попало одно из написанных им писем. Прочитав его, она прониклась всеми теми мучениями, которые выпали на долю узника. Все свое свободное время госпожа Легро посвящала делу освобождения Латюда, порой пренебрегая даже торговлей и заботой о семье, так сильно хотелось ей освободить невиновного, но сделать это удалось только после долгих лет неимоверных стараний и усилий.

Однако число заключенных в Бастилии было все же не так велико, как можно было бы предполагать. При Людовике XIV, когда правительство свободно выдавало «тайные приказы», в тюрьму в среднем попадало не больше 30 человек в год, причем в некоторых случаях пребывание их здесь было непродолжительным. За все время царствования Людовика XVI в Бастилию было посажено 240 человек, то есть в среднем по 16 человек в год. Несмотря на свои внушительные размеры, тюрьма могла вмещать только 42 человек, так как каждый заключенный находился в отдельной камере.

К 1789 году Бастилия была почти пуста, и если бы не решение помещать туда преступников, которых надлежало содержать в других тюрьмах, то она была бы необитаема. Содержание тюрьмы обходилось королю очень дорого: только комендант получал ежегодно 60 000 ливров жалованья. Сюда следует отнести еще расходы по содержанию офицеров, тюремщиков, врачей, хирурга, аптекаря, священников; к тому же расходы на питание и одежду заключенных, на ремонт зданий, так что общая сумма оказывалась огромной.

Некоторые предлагали упразднить Бастилию «ради экономии», например, в 1784 году художник Густав Курбе – городской архитектор Парижа – представил проект открытия «площади Людовика XVI» на месте старой крепости-тюрьмы. Составлением проекта памятника на месте Бастилии занимались и другие художники, один из таких проектов заслуживает особого внимания. Согласно ему, из восьми бастильских башен семь должны быть снесены, а последняя оставаться в состоянии полной ветхости. На месте снесенных семи башен предполагалось воздвигнуть памятник во славу короля Людовика XVI: пьедестал должен состоять из груды цепей и оков государственной тюрьмы, а наверху всего этого возвышалась бы статуя короля, протянувшего руку жестом освободителя по направлению к ветхой башне.

В 1789 году начальник парижской полиции Крон в сопровождении члена парламента прибыл в Бастилию, чтобы провести ее осмотр. В это время вопрос об уничтожении государственной тюрьмы был уже официально решен, таким образом, накануне революции Бастилия как тюрьма уже не существовала, хотя 8 ее башен продолжали стоять. Когда 14 июля 1789 года восставший народ Парижа ворвался по подъемному мосту в ворота Бастилии, ярость его не знала границ, громовой крик огласил тюремные дворы и каменные коридоры. Комендант Бастилии был обезглавлен, семь заключенных освобождены: четверо из них должны были бы находиться в других тюрьмах, двое были сумасшедшими и молодой граф де Солаж, обвиненный в ужасном преступлении, которое хотели скрыть из уважения к его семье (содержание в Бастилии оплачивал его отец). После освобождения заключенных началось разрушение королевской крепости-тюрьмы, и стены ненавистной твердыни восставший народ сровнял с землей.

Мавританский замок Альгамбра

«Львиный дворик» в Альгамбре

Зарождение мавританского искусства в Испании относится к эпохе расцвета Кордовского халифата – обширного и мощного государства, независимость которого была в 929 году провозглашена перед лицом всего мусульманского мира. Но в XI веке Кордовский халифат распался, однако это не задержало дальнейшего развития «мавританского стиля» в искусстве. Он только приобрел черты большего лиризма, интимности, утонченной чувственности и вместе с тем еще большей жизненной энергии.

Своей вершины мавританское искусство достигло в прославленном архитектурном комплексе «Альгамбра», с которым ассоциируется множество легенд о любви и рыцарстве. Дворцовый ансамбль складывался в Гранаде в разное время и, конечно, не имел первоначального общего плана, а вместе с тем он отличается удивительным архитектурным единством.

Честь основания Альгамбры как новой правительственной резиденции династии Насридов принадлежит ее первому эмиру Аль-Ахмару. На самом высоком холме Гранады –

Красном холме, где еще в IX веке существовала древняя римская крепость, он начал в 1239 году возводить новый замок. Однако дошедшие до нас дворцовые и административные здания Альгамбры относятся к XIV веку, когда в Гранаде правили просвещенные государи – Иусуф I и его сын Мухаммед I. Во многом благодаря именно Мухаммеду I Альгамбра и сохранилась до сих пор: он общался с архитекторами, художниками и рабочими; много времени проводил в садах, где сам сажал деревья, редкие растения, прекрасные кусты и красивые цветы.

Парадной резиденцией в Альгамбре был дворец Комарес, а композиционным центром его служил знаменитый теперь на весь мир Миртовый дворик. Название это было принято только в XVII веке, и произошло оно от прямоугольного водоема, который занимает большую часть двора и обсажен по длинным сторонам подстриженными миртовыми деревьями. Отражая в своем зыбком преломлении золотисто-розовую башню Комарес (высота ее 45 метров), возвышающуюся на северной стороне дворика, и голубое небо, водоем расширяет пространство двора и создает ощущение простора.

В башне Комарес все пространство занимает великолепный квадратный Тронный зал (или Зал послов), в котором прямо против входа возвышался трон правителей Гранады. Этот зал, возведенный в XIV веке, является самым обширным в Альгамбре: его размеры – 11,3x11,3x18,2 метра. На уровне пола в нем расположились 9 больших арочных окон, три из которых по центру разделены мраморными колоннами.

Толщина стен Зала послов достигает 3 метров, поэтому каждое из окон образует самостоятельное, богато украшенное помещение – типа лоджии. Окна-лоджии придают парадному залу Альгамбры поэтическую интимность, из них гранадские правители наблюдали картины мирной жизни и чудесную природу Гранады. Создавая Зал послов, искусные мавританские архитекторы показали весь свой талант манипулирования светом, направляя его через замысловатую резьбу окон, которые раньше закрывались цветными стеклами. Свет падает на сверкающие стены, освещая весь зал пронизывающим мерцающим сиянием. Мягкий свет идет не только из нижних окон, но и из 20 верхних, забранных решетками. Выше тени сгущаются, но даже они не могут скрыть вдохновенное создание арабских мастеров – знаменитый наборный потолок из кедрового дерева. Он окаймлен сталактитовым фризом и состоит из 3 сужающихся кверху наклонных плоскостей, в центре завершающихся маленьким сталактитовым куполом.

Зал послов является не только самым обширным, но и самым историческим залом Альгамбры. Правда, не все ученые до конца уверены, что именно в нем происходили некоторые действительные события. Например, предания утверждают, что в этом зале королева Изабелла принимала Христофора Колумба и здесь же султан Боабдиль сдал Гранаду католическим королям Испании.

По контрасту с открытым и освещенным пространством Миртового дворика затененный арочный проход в башне Комарес влечет к себе таинственной, прохладной полутьмой. Входу в башню предшествует вытянутый в длину, узкий «Зал ла Барка» – Зал Лодки. Некоторые исследователи объясняют это название сходством росписи потолка зала с килем корабля. Однако испанский писатель Карлос Паскуаль выводит этимологию слова «барка» от арабского «барака» – «благословение, благодать», и это кажется наиболее правдоподобным.

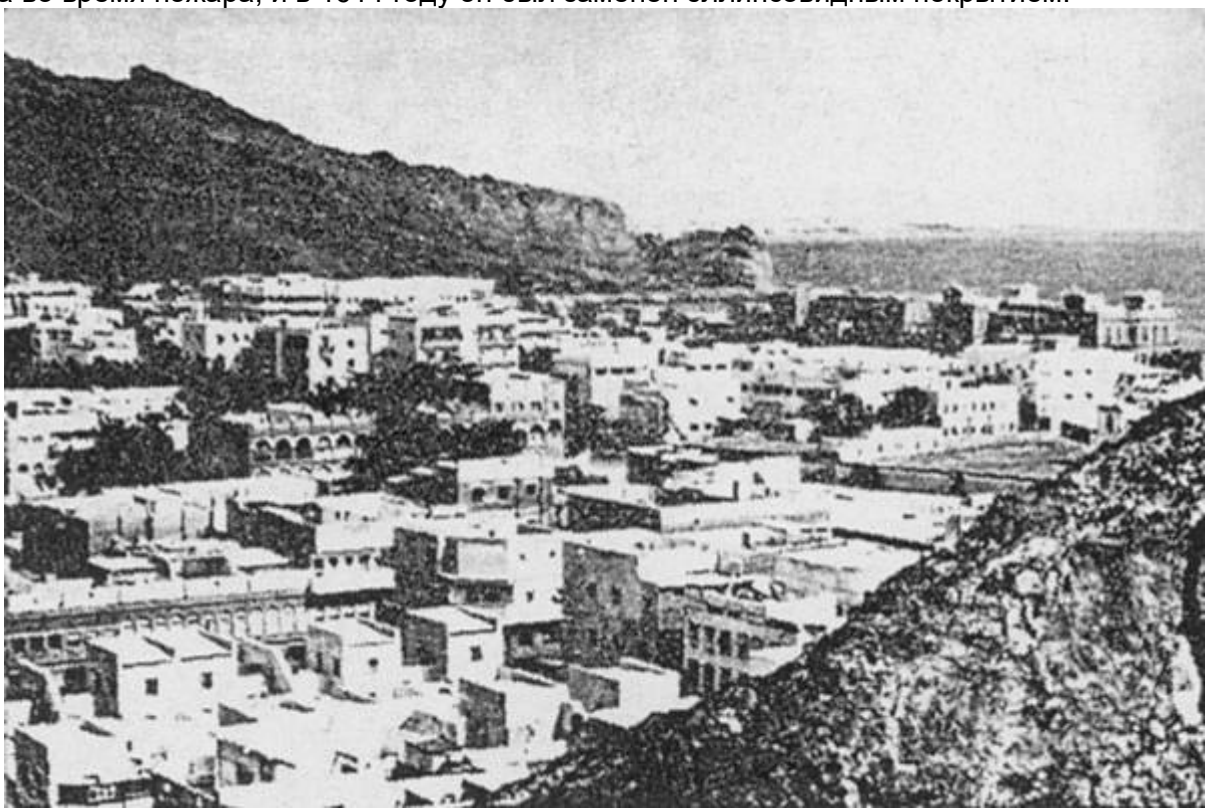
К дворцу Комарес тесно примыкает Львиный дворик, представляющий собой тип дворцового здания-сада. Здесь протекала частная жизнь гранадских халифов, что придавало ему камерный, интимный характер. Здание дворца-сада целиком относится ко второй половине XIV века. В центре небольшого открытого дворика располагается фонтан, окруженный двенадцатью львиными фигурами, отчего впоследствии и произошло название всего двора. Львы, изваянные из какого-то особого полудрагоценного мрамора, расставлены как лучи звезды.

Число львов неслучайно. Согласно легенде, 12 львов поддерживали трон царя Соломона, и об этом султану Мухаммеду аль-Гани рассказал его визирь ибн-Нагрелла, еврей по происхождению. Он же и посоветовал султану украсить фонтан фигурами львов, которые в Альгамбру принесли из старого дворца в Альбуйсине. Дотошные исследователи и эту историю относят к легендам, так как львы у фонтана появились якобы только в XVI веке – уже после падения Гранады. Но как бы ни спорили историки и искусствоведы, в одном они сходятся: в Львином дворике живет сама тишина, нарушаемая только журчанием водяных струй, к узорам которых добавляются узоры орнамента.

Вода, в изобилии поступавшая с горных склонов Сьерра-Невады, наполняла ручьи, сады и фонтаны Альгамбры и была той стихией, которую мавры ценили больше всего. Для арабов

фонтаны, ручьи и водопады являются не менее характерной частью архитектуры, чем колонны для греков. Неслучайно на фонтане в Львином дворике сохранилась надпись: «Смотри на воду и смотри на водоем, и ты не сможешь решить, спокойна ли вода или струится мрамор».

На западной стороне Львиного дворика располагается «Зал сталактитов», который назвали так из-за кружевного убранства потолка. К сожалению, потолок этот погиб в конце XVI века во время пожара, и в 1614 году он был заменен эллипсовидным покрытием.



На северной стороне Львиного дворика располагается обширный «Зал двух сестер», в котором сначала томились, а потом умерли две сестры-христианки, разлученные со своими возлюбленными. Этот квадратный зал принадлежит к числу самых совершенных в Альгамбре: его отличают великолепное орнаментальное убранство, создавая которое арабские мастера искусно обыграли холодный блеск изразцов, теплоту и благородство дерева и пластичность матового стука. Лепные украшения этого зала одержали победу над временем и достигли здесь своего совершенства: ни один изразец не похож на другой в этих резных сотах. Присутствие красоты в «Зале двух сестер» чувствуется так сильно, будто она поселилась здесь только вчера…

Напротив этого зала расположился «Зал Абенсерхав», куда посетители входят с невольным трепетом. В 1482 году, как гласит легенда, здесь произошли кровавые убийства. Чтобы освободить своему сыну путь к трону, отец вызвал в Альгамбру еще 36 претендентов на престол. Их встречал в этом зале уже поджидавший палач и всем перерезал горло. Рассказывают, что даже сейчас, спустя почти 6 веков, в зале можно увидеть кровавые пятна.

«Радостью детей», «неувядающим садом цветов и фруктов», «истинным раем Магомета» называли Гранаду и замок Альгамбра мавританские поэты. Образ рая у мусульман красочен и роскошен и в отличие от христианского пронизан всеми радостями бытия. Он представляет собой чудесный сад, в котором текут несущие прохладу реки и царят земные наслаждения.

Когда строилась Альгамбра, в Испании завершалась реконкиста – многовековая борьба испанцев против арабских завоевателей. Перешагнув порог Альгамбры, властитель Гранады хотел оставить за его стенами свои горькие мысли, не думать об опасностях, изменах и междоусобицах и не тревожиться о том, что принесет завтрашний день. Здесь до сих пор царит безмятежность, сладкая и манящая мечта, все здесь подчинено изощренной, чувственной роскоши.

Бесконечно повторяя совершенно простые элементы, мавританские мастера тем самым создали самые сложные формы. Ислам запрещает изображать живые существа, и они черпали свое вдохновение в природе. Сорванный в саду лист превращался в геометрическое совершенство, и даже арабские письмена стали особой формой искусства. Каждая арка Альгамбры заключена в узорную раму, в орнамент которой вплетена вязь арабских букв. «Нет

Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – посланник его», – эта фраза повторяется несчетное число раз.

Рассказывают, что, когда кастильская и арагонская христианские армии подошли к Альгамбре, султан Боабдиль спрятался в тайном месте за пределами замка, чтобы не видеть, как над мавританским дворцом взовьется христианский флаг. А мать сказала ему: «Ты оплакиваешь, как женщина то, что не мог защитить, как мужчина».

Христианский правитель Фердинанд Великолепный в 1515 году отдал специальный приказ о сохранении Альгамбры – «столь исключительного и великолепного сооружения». Сейчас на территории замка находится королевский дворец, который был возведен одним из следующих испанских королей. Архитектор Педро Мачука занимался тогда реставрацией Альгамбры и следил за ее садами. Но он был еще и учеником великого Микеланджело и потому, выполняя повеление короля, замыслил построить величественное здание в стиле Ренессанса.

Дворец испанского короля со своими пилястрами и барельефами совершенно не похож на воздушную архитектуру Альгамбры. Он представляет собой другую эпоху, другие вкусы, совсем иную систему эстетических и нравственных ценностей и потому выглядит несколько чужеродно среди зданий мавританского ансамбля. Американский писатель В. Ирвинг даже сравнивал его «с высокомерным и непрошеным гостем».

В 1536 году Карл V – император Священной Римской империи – перенес свою резиденцию в Гранаду и с большим трудом согласился не перестраивать Альгамбру. Правда, он хотел возвести здесь ротонду, но она так и не была закончена…

Гапсальский замок

Гапсальский уезд (западная, богатая островами часть Эстонии) с древних времен был заселен племенем эстов, которые в русских летописях известны под названием «чудь». Это был сильный и отважный народ, готовый отстаивать независимость своего края до последней капли крови, поэтому все притязания викингов, русских и датчан оставались безуспешными. Русским князьям, правда, удалось на некоторое время обложить эстов данью, но зависимость эта продолжалась недолго.

Роковая опасность угрожала местному населению только с юго-запада, когда в XIII веке на Прибалтику нахлынули рыцари Ливонского ордена, желавшие обратить язычников-эстов в католичество.

К числу древнейших и живописнейших памятников Остзейского края относятся развалины древнего Гапсальского замка, построенного на низменном берегу Гапсальского залива – на месте разрушенного поселения эстов Haawasalu, название которого означает «священная осиновая роща». От него получил название и замок, который долгое время служил своеобразным маяком для мореплавателей. Еще и в начале XX века он был виден далеко с моря, возвещая о своей былой неприступности.

В 1228 году рижский епископ объединил Ляэнемаа, Сааремаа, Хийумаа и еще несколько небольших островов в единое епископство, центр которого находился сначала в Лихула, а потом в Старом Пярну. Через 35 лет литовцы разгромили Старый Пярну, и епископ Герман I решил построить новую резиденцию в Гапсале (ныне Хаапсалу), где было подходящее место для гавани и возведения замка[25].

Время основания замка достоверно неизвестно. Исследователи предполагают, что он был построен уже в 1228 году гроссмейстером Ордена меченосцев после покорения немецкими рыцарями мятежных эстов, хотя в документах замок упоминается только с 1293 года. В 1265 году епископ со своими канониками переехал в Гапсаль, где и началось возведение замка. Для его строительства епископ приказал согнать крестьян со всех своих владений, которые и стали работать в каменоломнях Кильтси и Унгру. Под руководством мастеров Ордена цистерианцев крестьяне по суше и по морю перевозили известняк на строительные площадки, рыли глубокие рвы, гасили известь и возводили крепостные стены.

Близ замка епископ Герман фон Буксгевден выбрал место и для города, поэтому сюда приглашаются все желающие строить этот город и поселиться в нем. Жители обязаны были защищать главную соборную церковь, и за то им были дарованы многие права.

К 1279 году строительство Малого укрепления – центральной части замка – было почти завершено, уже действовала Домская церковь, ставшая впоследствии главной церковью епископства. Малое укрепление, целиком принадлежавшее духовенству, было наиболее защищенным сооружением замка. Здесь размещались рабочие и жилые комнаты епископа,

каноников и других служителей церкви, и потому светские люди в Малое укрепление обычно не допускались.

В первые годы особенно строго воспрещалось пускать в Малое укрепление женщин, но впоследствии этот запрет превратился в пустую формальность. Разбогатевшие каноники стали вести жизнь беспечную и разгульную, а потом вообще предоставили отправление богослужений викариям, а сами разъезжались по своим имениям. По этому поводу возникали многочисленные споры с епископами Эзеля, которые сделали Гапсаль своей резиденцией. Особенно обличал каноников епископ Гейнрих, умерший в 1381 году загадочной смертью. Каноников заподозрили в убийстве, и, чтобы отомстить им за смерть епископа, рыцари Икскюль и Шэренбэк ночью залезли со своими помощниками в замок, многих каноников перебили, других пленили, сожгли их жилища и похитили казну.

В западном крыле Малого укрепления находился Зал орденского Капитула[26] – Собор высшего духовенства. Из числа 12 членов Капитула избирался обычно новый епископ, но посвятить его в сан мог только римский папа. В Зале Капитула проводились все совещания и судебные заседания. Над Залом находилось сводчатое помещение, назначение которого сейчас установить уже трудно, а под ним – сводчатые подвалы, где начинался подземный вход в церковь, сейчас полностью развалившийся. Ворота над Залом Капитула вели в западную часть Большого укрепления, откуда начинался замурованный подземный ход по направлению к Стрелочной башне.

К настоящему времени от Малого укрепления сохранилось только южное крыло, в свое время занимаемое Домской церковью, построенной в строго готическом стиле. У южной стороны церкви находились ризница и круглая часовня – уникальное строение в прибалтийской архитектуре, так как она стояла отдельно от церкви. Часовня, вероятно, была возведена в XV веке, и с ней связана легенда о «Белой даме», которая порой затмевает более чем 700летнюю историю самого замка. В XVI веке Гапсальский замок, как уже говорилось выше, был широко известен царившей здесь роскошью и бесконечными кутежами.

> Один из каноников привел к себе женщину, переодетую клиросником. Долгое время никто не догадывался об этом обмане, только у епископа, посетившего замок, закралось подозрение. Когда все каноники находились на богослужении, епископ велел обыскать подозрительную келью и нашел клиросника в женской одежде. Тотчас было назначено заседание Собора, на котором постановили женщину замуровать в церковном приделе, а провинившегося каноника бросить в тюрьму и там уморить голодом.
>
> В стене придела было сделано углубление, куда посадили несчастную, дав ей кружку воды и кусок хлеба, а потом стену замуровали. Некоторое время крики женщины доходили до слуха людей, а потом все стихло. Но в светлые ночи она показывается на том месте, где ее постигла страшная участь, и тогда на стене придела можно видеть фигуру сгорбившейся женщины. Днем же различимы только неясные очертания…

В западном крыле Малого укрепления хорошо сохранилась пятиярусная Сторожевая башня, высота которой от основания составляет 35 метров. С верхней ее площадки открывался вид в сторону Гапсальского пролива на расстояние 20 километров, и в Средние века отсюда полностью контролировалось судоходство в проливе, так как вражеский флот можно было обнаружить за несколько часов до его прибытия.

О Большом укреплении Гапсальского замка впервые упоминается в грамотах 1314 года. Поначалу Большое укрепление, по всей видимости, было форбургом – деревянным укреплением перед замком. В 1343 году в ночь на Святого Георгия (23 апреля по старому стилю) вспыхнуло возмущение викских поселян, решивших восстать против немецких владетелей и два месяца осаждавших замок. Епископ Герман II и его приближенные укрылись в замке, и только наступление Орденского войска вынудило часть поселян отступить на остров Сааремаа, где они еще два года продолжали свою борьбу.

В феврале 1576 года под стенами Гапсаля появился 6тысячный отряд под командованием князя Ю. Томакова, состоявший из русских и татар. Хотя в замке был достаточно сильный гарнизон, провиант и другие припасы и он мог бы устоять против большой армии довольно длительное время, но дворяне и мещане сдали его русским, причем почти без единого выстрела со своей стороны. Во дворце замка Генрих Бойсман, придворный камер-юнкер герцога Голштинского, не заботясь о постыдном плене, весело и беспечно шутил с двумя молоденькими барышнями. Тогда один из русских дворян сказал ему:

> Генрих, вы (пленники. – **Н.И.**) – должно быть, весьма редкий народ. Если бы нам, русским, случилось так легкомысленно сдать столь сильную крепость, как Гапсал, мы бы не смели поднять глаз ни пред одним честным человеком. И не знали бы, какую казнь наш Великий князь назначил преступникам.

Во время владения Гапсалем и другими завоеванными замками Лифляндию опустошали междоусобные войны, и русские в завоеванных ими крепостях не знали покоя. В том же 1576 году Гапсаль разграбил датский наместник Клаус Унгерн, но внезапной вылазкой из замка был отброшен от города. В сентябре 1579 года Гапсаль вновь был осажден многочисленными поселянами, которые могли бы взять замок, если бы со стороны России не подоспели татары, которые разогнали осаждавших и тем спасли замок.

Замок и город Гапсаль еще много раз переходили из рук в руки, а в 1710 году они снова без сопротивления сдались русскому войску под командованием генерала Ф. Бауэрса. Переход Гапсаля и его окрестностей к русским состоялся очень легко, так как жители, которым надоели бесконечные войны, ничего не имели против русского правления. В церковных книгах об этом было сказано так:

> Мы не имеем повода жаловаться на русское правление. Боже, веди и сохрани оное! О, высокочтимое правительство, которое оказало нам снисхождение, разрешив нам нашу веру и обычай; этого римско-католические государства не делают. Боже, благослови нашего Императора и все государство во Христе. Аминь.

Но вспыхнувшая в том же году эпидемия чумы превратила Гапсаль почти в необитаемый город, в котором оставалось менее 100 жителей. Через пять лет замок посетил Петр I, и по приказу царя оборонительную линию рвов уничтожили: так крепость окончательно утратила свое военное значение.

До 1870х годов Гапсальский замок разрушался силами природы, чему немало способствовали и люди, превратившие бывшую крепость в удобную и дешевую каменоломню. Но прочный известковый раствор, который использовали средневековые строители, уберег замок от полного разрушения, оставив основные его стены. А крепостные валы, засаженные деревьями, разрослись в красивый тенистый парк, ставший любимым местом отдыха горожан.

Великая крепость в Килве

География библейских повествований не очень обширна: описываемые земные события происходят в основном на территории Ближнего и Среднего Востока. Но есть в одном месте Библии, в третьей Книге царств, сообщение, которое вот уже многие века будоражит воображение географов, путешественников и искателей сокровищ. В нем говорится, что примерно в 945 году до нашей эры иудейский царь Соломон заключил договор с финикийским царем Хирамом I, правившим в городе Тире, располагавшемся на Средиземном море.

> Царь Соломон… сделал корабль… на береге Чермного моря, в земле Идумейской. И послал Хирам на (этом) корабле своих подданных корабельников, знающих море, с подданными Соломоновыми: и отправились они в Офир, и взяли оттуда золота четыреста двадцать талантов, и привезли царю Соломону.

Страна «Офир» упоминается в Библии еще несколько раз. «Корабль Хирамов, который привозил золото из Офира, привез из Офира множество красного дерева и драгоценных камней»; «В три года раз приходил фарсисский корабль, привозивший золото, и серебро, и слоновую кость, и обезьян, и павлинов»; «(Царь) Иосафат сделал корабли на море, чтобы ходить в Офир за золотом, но они не дошли, ибо разбились при выходе из Акабского залива».

Однако в Библии не указано даже приблизительного месторасположения Офира. И где теперь искать его? И искать ли вообще, ведь страна «Офир» может оказаться просто легендой. Но мифы и легенды не возникают из ничего, и человеческая фантазия даже в самых смелых своих предположениях всегда имеет более или менее конкретные географические привязки. Тем более что в некоторых других древних текстах тоже есть упоминания о «стране золота».

После расшифровки египетских иероглифов стало известно о стране Пунт, куда фараоны еще за десять веков до царя Соломона посылали свои суда за благовониями, слоновой костью, золотом и драгоценными камнями. Шумерский царь Лагаша тоже посылал свои

корабли за золотом в некую страну Мелухху, лежавшую «на берегах Нижнего моря» (Индийского океана – Н.И.). В III–I тысячелетиях до нашей эры многие древние источники упоминали о существовании некоей области с несметными богатствами…

Золотоносный Офир помещали в самые разные места – в Индию и даже Перу. В Индии действительно есть и слоны, и павлины, и благовония, не говоря уже о золоте, ведь за 15 веков до нашей эры в стране этой уже знали золотое литье. Однако немецкий историк Р. Хениг справедливо замечал, что «здесь вряд ли разрешили каким-либо иноземным морякам заниматься разработкой залежей и запросто вывозить из страны богатейшие сокровища». Если даже предположить, что на побережье Индии совершались лихие набеги, то вряд ли можно было бы за один раз взять несколько десятков тонн золота. И уж тем более такие набеги не могли быть регулярными…

Ряд современных исследователей считает, что речь идет об одной области, которая фигурирует, однако, под разными названиями. Во-первых, путь в «золотой край» идет только по морю; во-вторых, маршрут во всех случаях вел из Красного моря дальше к югу – вдоль берегов Восточной Африки. Известно, что финикийцы очень ревностно хранили тайны своих торговых путей, и уж если они согласились пойти в совместное плавание с кораблями царя Соломона, то только потому, что у них не было своей колонии на Красном море, а другим путем попасть в Восточную Африку они не могли. О том, что это была именно Африка, говорят многие факты из древних текстов. Например, на одной из клинописных табличек аккадского царя прямо указывалось, что заморские диковинки прибыли из «черной страны». В пользу Африки говорят даже смутные указания на то, что финикийцы бросали якорь где-то на 20° южной широты – в районе побережья нынешнего Мозамбика.

В самом конце XV века побережья Юго-Восточной Африки впервые достигли корабли португальцев, которые были потрясены пышностью местных приморских городов. Португальцы застали уже закат этой торговли, но арабы писали о ней еще за 500 лет до них. Книга крупнейшего арабского историка X века аль-Масуди так и называлась: «Промывальни золота и россыпи драгоценных камней». В ней он, в частности, писал:

> Вся земля черных – золото, и россыпи у них на поверхности. В их пустынях есть рудники, а самородки бывают такими большими, что торчат из песка наподобие явной зелени. От жары, сухости и пламени серебро в этой стране превращается в золото по причине его растопления солнцем.

Еще более поразительные подробности содержались у знаменитого хорезмского путешественника Ахмада аль-Бируни в «Собрании сведений для познавания драгоценностей». Он приводит услышанные от арабских купцов подробности об этом золотом крае, в котором «такое обилие золота, которое дает возможность в любое время находить потребное количество его». Португальцы сразу же задались вопросом: «Откуда столько золота в здешних портах – Софале, Килве, Момбасе?» Но они пришли на землю гостеприимных суахили как завоеватели, не хотели делить богатства с местными правителями, не хотели и торговать с купцами. Они пришли грабить и потому не нашли в Килве и Софале союзников: тайны Африки для них так и остались тайнами.

Не прошло и 100 лет, как из некогда цветущих государств, так много суливших португальской короне, в Лиссабон полетели сообщения: «Золота нет, а отбираемые у местного населения ценности не могут покрыть даже расходов на экспедиции». Отобрав у людей золото и слоновую кость, дома и земли, португальцы под конец отобрали у них и свободу. Так начался век работорговли…

Потеряв всякую надежду найти «копи царя Соломона», португальцы покинули Килву. Бурная история, пожары и тропическая сырость ничего не оставили от города, но сохранилась и до сих пор поражает своими размерами огромная крепость Хусуни Кубва, название которой так и переводится: «Большая крепость». Выстроенная на крутом обрыве над океаном, она сразу же давала всем заморским гостям представление о городе, о его могуществе и богатстве. Даже знаменитый путешественник Ибн Баттута, повидавший средневековый мир и в 1331 году добравшийся до Килвы, называл ее «одним из наиболее прекрасных и мастерски распланированных городов мира».

Крепость Хусуни Кубва была сложена из кораллового известняка, который добывали на соседних рифах. Более 700 лет стоит она над океаном, лицом к прибою, отражая циклоны, пожары и осады, и вовсе не собирается разрушаться. Только крышу унес ветер, и потому буйная растительность давно уже заселила ее дворы, залы, коридоры и бесчисленные комнаты. В крепости много ям, и в одну из них, глубина которой 26 метров, в старые времена сбрасывали преступников. Те, кто не разбивался насмерть сразу, тонули позже. Где-то яма

соединяется с океаном и с наступлением прилива заполняется водой. Тысячи крабов ползают по ее замшелой стене.

Хусуни Кубва была не только грозной крепостью, но и пышным дворцом султанов. На облупившейся штукатурке бесчисленных апартаментов кое-где еще сохранился богатый орнамент, на дверных проемах осталась некогда украшавшая их вычурная резьба. Рядом с дворцом располагался султанский бассейн, вмещавший 90 000 литров воды. От океанского побережья к главному входу во дворец вела широкая лестница: немного фантазии, и можно представить, как подходила к этим берегам роскошная лодка, инкрустированная бронзой и слоновой костью; как по коврам сходил с нее всемогущий султан, перед которым раболепно склоняли головы визири и шейхи.

Грандиозность Хусуни Кубва ощущается, если отойти от берега и смотреть на нее издали – с развалин города, который она защищала. Современные ученые-африканисты называют крепость самым большим сооружением, построенным в Тропической Африке в доевропейский период.

Богатырские заставы

К началу XIV века Русская земля несколько оправилась от бедствий, вызванных татарским нашествием. В центре Руси стало крепнуть Московское княжество, которое начало собирать вокруг себя русские земли. А вот псковская земля из-за своего порубежного расположения вынуждена была постоянно вести войны с западными соседями. Обычно войны начинались с небольших столкновений, и в летописях можно прочитать, например, как однажды немцы убили псковских «гостей» в озере или «ловцов» (рыбаков) на Нарове; в другой раз они убили «псковских послов пять муж» или не дали косить траву на «обидном» (спорном) месте и т. д.

Впоследствии ливонцы уже не ограничивались отдельными столкновениями, а «собрав силы своея множество ратных вои», вторгались в псковские земли, «пленяюще и жгуще волости псковские»… Поэтому с XIV века здесь начало разворачиваться каменное строительство, особенно крепостное. Кроме укреплений в самом Пскове, строились и новые города, например, в середине XIV столетия были возведены каменные стены **Острова**, через который проходил путь в Смоленск и Литву. Первое сообщение о нем относится к 1341 году: в летописях упоминались посадник Острова, который уже не один год исправлял эту должность, а также церковь Николы. Крепость Острова и городской посад соединялись деревянным мостом «на клетках» длиной около 120 метров. Крепость сообщалась только с одним берегом реки Великой: прохода по мосту на левый, «немецкий», берег не существовало.

Наряду с Островом, важным укрепленным пунктом являлась **Велья**, защищавшая южные части псковской земли, так называемую Велейщину – богатейший населенный край. Название «Велья» ученые связывают с финским словом «пространный, свободный», однако в нем можно найти и русскую основу: «велий» – великий, большой.

Древняя крепость располагалась на холме высотой 16 метров и размерами 85х270 метров. Со всех сторон холм был труднодоступен, что оказалось благоприятно для возведения на нем оборонительных сооружений. Велья была важной порубежной крепостью: под ее стенами нередко происходили столкновения псковских ратей с немецкими и литовскими войсками. Неслучайно в крепости возвели церковь во имя архангела Михаила – покровителя воинов. В 1408 году город выдержал четырехдневную осаду: тогда «Бог град соблюде и люди сущая в нем».

Сейчас опустели валы Велья, Опочки, Воронича. Еле заметна поросшая травой осыпь фундаментов давно разрушенной крепости в Острове; в Гдове остатки крепостной стены перевиты корнями молодых деревьев… А еще в начале XV века в своем историко-географическом описании Восточной Европы польский путешественник Матвей Меховский сообщал: «Земля Псковская имеет тридцать каменных замков по направлению к Ливонии». Замков было не тридцать, но эта, на первый взгляд, странная ошибка, вкравшаяся в пунктуальное повествование поляка, разъясняется очень просто. Псковские земли охранялись тогда крепостями, которых было почти в три раза меньше, и не все они были каменными. Но каждая из них была шире того понятия «замок», к которому их примеривал странствующий поляк. Для него «замок» – это замок западноевропейского феодала, настороженно и недобро оглядывающий мир стрельчатыми бойницами и отчужденный от его забот. А здесь перед М. Меховским вставали крепкие дома, рожденные заботами мира. Они стояли широко и вольно, готовые принять под свою защиту людей своей земли. Ставили эти

крепости всем миром и защищали всем миром. Да так защищали, как М. Меховский не мог тогда видеть нигде!

> Братья мужи псковичи! Не посрамим отец своих и дедов. Кто стар – то отец, кто млад – то брат, се же братья надлежит нам живот и смерть потягнем… за свое отечество.

Смутно угадывая ту силу, что поставила эти крепости, и могучее желание мирных людей жить спокойно в своих пределах, М. Меховский и увеличил число крепостей псковского края.

В древности на Руси крепостные и сторожевые башни называли кострами. Некоторые ученые считают, что название это восходит к временам былинным, когда богатырские заставы, стоявшие на дальних рубежах своей земли, зажигали на вершинах холма, горы или иной какой «твердости самородной» сигнальный костер. И тут же в отдалении вспыхивал другой, за ним третий, так и бежала к городам и поселкам тревожная весть. Потом на пограничных рубежах выросли крепости, каждая из которых стала сторожевой башней – каменным костром. Незримая крепостная стена протянулась на Руси на тысячи верст – от города к городу. «И каков город, и какова которая башня мерою… то писано в тех тетратех подлинно, порознь, по статьям».

Неприступно, как былинные богатыри на заставах, встали около семи веков назад эти каменные крепости на рубежах вольных земель Пскова и Великого Новгорода. За два столетия, когда собирались русские земли в единое государство, выросла здесь единая система крепостей. Северная линия обороны начиналась в верховьях Волхова, потом она шла на запад вдоль южного берега Ладожского озера к восточному берегу Финского залива. Западная линия проходила по восточным берегам Чудского, Теплого и Псковского озер, спускаясь на юг к истокам реки Великой.

Себеж, Опочка, Гдов, Печоры, Изборск… Много славных мест на древней Псковской земле, и среди них – небольшой городок **Порхов**, живописно раскинувшийся над извилистой рекой Шелонью. Принято считать, что город возник в 1239 году, когда в «Новгородской летописи» было записано:

> В лето 1239 оженися князъ Олександръ в Новегороде, поя въ Полотьске у Брячеслава дщерь, и венчаша в Торопчи… Того же лета Олександръ съ Новгородци сруби городцы по Шелони.

Крепость предназначалась охранять владения Великого Новгорода на юго-западе. В 1200 метрах от каменной крепости, выше по течению Шелони, сохранилась ровная площадка, обнесенная земляным валом и рвом. С двух сторон она омывалась Шелонью и пересохшей ныне речкой Дубянкой. Этот мыс оказался очень удобным местом для возведения деревянной крепости: высота ее валов с внутренней стороны достигала 3 метров, а снаружи в древности они были еще выше. На этих валах порховичи и возвели деревянные стены при Александре Ярославиче, но, по народному преданию, оно уже давно было заселено славянами.

Первая военная гроза пронеслась над Порховом через столетие после основания города, когда его осадил литовский князь Ольгерд. Он «приехав с братьями, со всею литовскою силою, и взяша Шелону до Голинъ и Лугу до Сабля на щитъ, а с Порховского городка окуп взяша 300 рублей и 60 новгородских».

К началу XIV века Порхов превратился в пригород Великого Новгорода, и административно его жизнь походила на новгородскую: он имел свой торг, народное вече, свой суд, но без права выносить смертные приговоры без разрешения Новгорода. В отличие от других пограничных крепостей Порхов занимал наиболее видное место в обороне Новгорода. Удобное стратегическое положение на самой юго-западной границе, выгодное положение на торговом пути между Псковом и Новгородом выделяло город из ряда других крепостей на границе Новгородской республики. Поэтому новгородское вече постановило: «Построити город Порхов каменны».

Каменную крепость строили около 10 лет – с 1378 по 1387 год. Для возведения новых укреплений мастера выбрали очень удобный и живописный мыс, вокруг которого река Шелонь делает свой очередной изгиб. Крепость строили жители окрестных сел и деревень под руководством воеводы Ивана Федоровича – замечательного мастера и знатока военного зодчества, умело использовавшего природный рельеф местности. С юго-западной стороны была возведена неприступная стена; с северо-восточной, откуда более всего ожидалась осада, выстроили четыре высоких башни, которые в основании были совершенно разной формы. Малая башня была прямоугольная и значительно выступала с наружной стороны крепости: толщина ее стен равнялась приблизительно 1,4 метра. На каждой из трех ее наружных стен располагалось по три щелевидные бойницы, расширяющиеся вовнутрь.

На северо-восточной стороне крепости поднялась Никольская башня, под которой имеется проход под стену. В XVIII веке над башней надстроили колокольню. До настоящего времени лучше всего сохранилась Средняя башня, которая в плане имеет подковообразную форму. Она расположена в восточной части крепости, и толщина ее стен достигает 4 метров. А вот Псковская башня более 100 лет назад была подмыта полноводной тогда Шелонью и обрушилась: восстанавливать ее не стали.

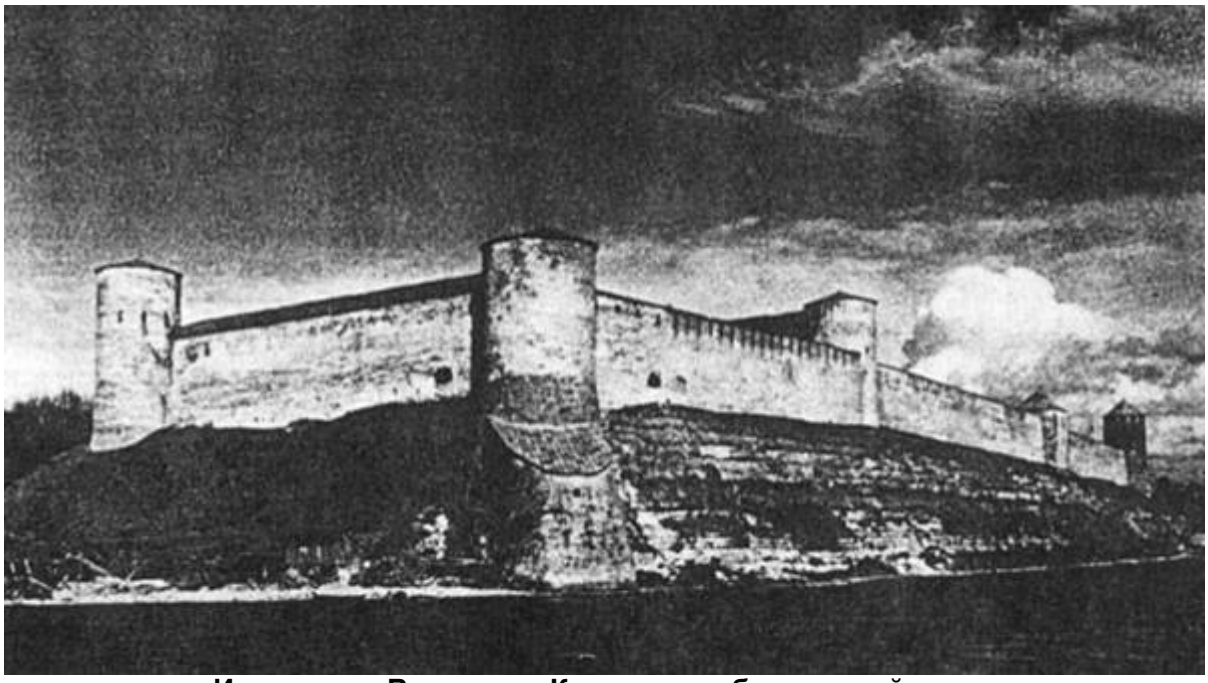
В разные времена под стены каменного Порхова приходили многие завоеватели, но защитникам всякий раз удавалось отстоять свою землю. Только в начале XVII века, в период Русско-шведской войны, крепость была сдана шведам. После их ухода она утратила свое военное значение, и вокруг нее стал расти город.

С присоединением к Москве княжества Тверского и Великого Новгорода в 1485 году Великое княжество Московское превратилось в централизованное государство. Летом того же года Иван III стал именовать себя государем «всея Руси», заявляя тем самым претензии на господство над всеми русскими землями – в том числе и над теми, которые входили в состав Великого княжества Литовского. В последнее десятилетие XV века он попытался обрести выход к Балтийскому морю, без чего невозможно было установить прямые торговые связи с Западной Европой.

Большую опасность в те годы представляли для русских Швеция и Ливонский орден, поэтому на Балтике требовался порт для обороны земель, расширения торговли и создания собственного флота. И такой крепостью-портом на море, «которым опоясывается и замыкается земной круг», стал **Ивангород**. Место для новой крепости выбрали на крутой излучине реки Наровы – Девичьей горе, на которой в языческие времена собирались весной

девушки и водили хороводы. Гора, уступами обрывающаяся к речным водам, весьма выгодно располагалась со стратегической точки зрения. Строгий четырехугольник с тремя приземистыми квадратными башнями по углам был врезан в высокий берег точным расчетом. Эти строгость и четкость были так же торжественно державны, как и слова летописи, отметившие появление нового города:

> В лето 7000… прислал князь Иван Васильевич всея Руси воеводы своя и повелел поставить на рубеже близ моря Варяжского на устии Наровы город и нарече его в свое имя Ивангород; и оттоле переста ша немци ходить на Русь.



Ивангород. В центре – Колодезная башня с тайником

Сначала Ивангородская крепость была столь небольшой, что по легенде мастера отмеряли длину ее стен ремнями, нарезанными из одной лошадиной шкуры. Она встала напротив Ливонского замка, стены которого настороженно высились на другом берегу Наровы. Расстояние между крепостью и замком равнялось всего 150 метрам – одному полету камня малой баллисты. Крепость представляла собой выдвинутую в сторону Нарвского замка цитадель, окруженную тыном, и примкнувший к ней огромный, но более низкий Большой Бояpший город с круглыми башнями по углам. О появлении новой крепости иностранные послы и лазутчики спешно отправили депеши в столицу Швеции, магистру Ливонского ордена и королю Дании. Фогт Нарвы сообщал магистру Ливонского ордена:

> Замок и палисад на русской стороне еще не завершены, но четыре башни уже есть, стены с зубцами высотой 7 саженей и башни в 9 саженей высотой… Они не выстроили пока никакого укрепления и сруба, откуда могли бы стрелять пушки, что меня очень удивляет… Русские построили крепостные стены и башни и оставили их стоять без народа; ваша милость могла бы взять этот город, разве что некоторое кровопролитие может быть с нашей стороны.

Возведение Ивангорода, а затем строительство наплавных мостов и дороги, соединившей крепость с Ямгородом, стоявшим на реке Луге, – все это сильно обеспокоило соседей. Гроссмейстер Ливонского ордена писал тогда, что новая русская крепость «будет процветать во вред нашему Ордену… и причинять большой вред замку Нарвы». И в августовское утро 1496 года 60 шведских кораблей вошли в устье Наровы. Рыцари числом 6000 человек, поддерживаемые огнем осадной артиллерии, бросились на штурм Ивангорода. Несколько дней длилась осада, несколько дней беспрестанно летели в крепость чугунные ядра, и над Ивангородом стояло зарево пожара. А в крепости было тогда всего два-три десятка стрельцов. Последний штурм длился семь часов, и, когда уже не осталось на стенах защитников, шведы ворвались в город.

Быстро дошла весть о захвате Ивангорода до Пскова, и нарочные, загоняя коней по осеннему бездорожью, поспешили с тревожной вестью в Москву. Но, не дожидаясь прихода московского войска, к Ивангороду двинулось уже псковское ополчение. И шведы, прослышав про то и не приняв бой, побежали «из града в море», взорвав стены и башни крепости.

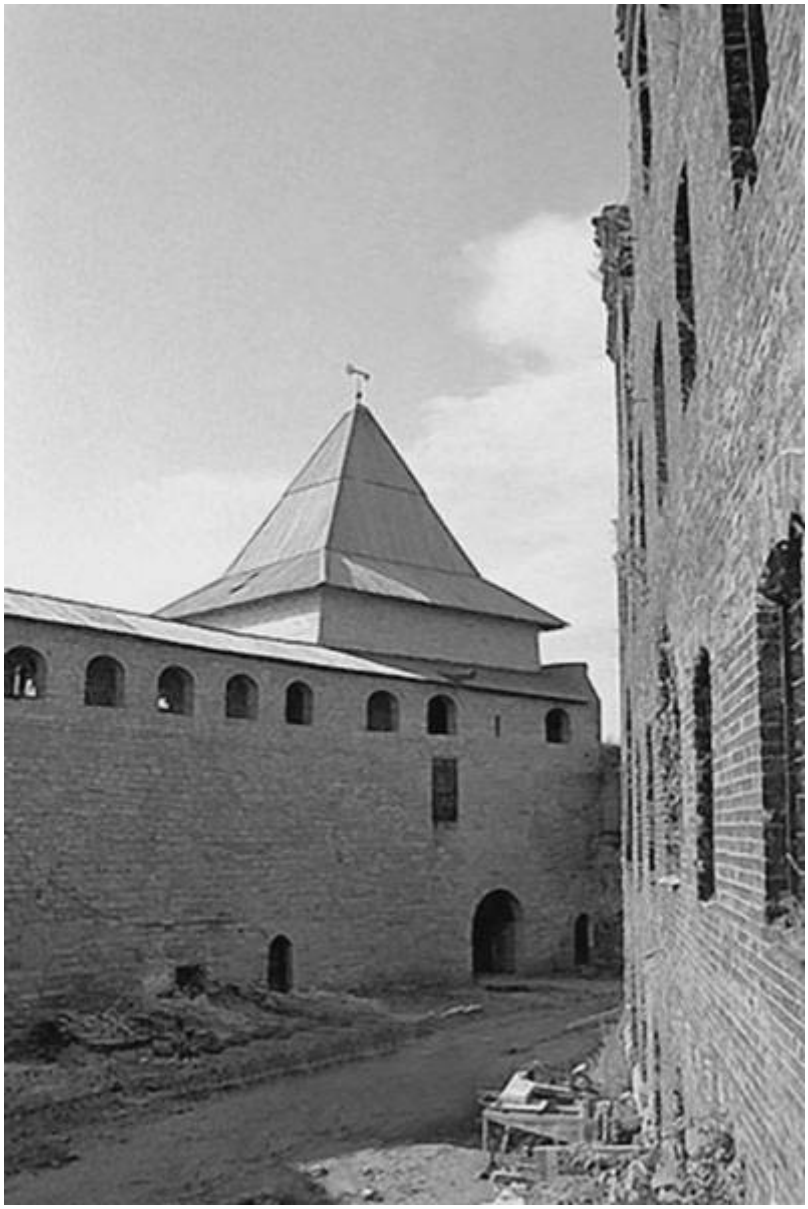
В том же 1496 году она была восстановлена, и, как писал один из иностранных очевидцев, город стал «еще более красивым и более защищенным». Псковские и новгородские мастера не только возвели новые укрепления Ивангорода, но и пристроили к ним стены с башнями. Каменные стены, заменившие первоначальный тын крепости, заняли всю северо-западную часть Девичьей горы и защитили цитадель с наиболее уязвимой стороны – со стороны вражеского замка. В пристроенную часть входили две башни – Колодезная и Пороховая. Первая из них имела тайный спуск к колодцу, находившемуся у самой воды.

Через 10 лет по повелению московского князя в крепости начались новые строительные работы, в результате которых были возведены Замок и Передний город и произведена частичная модернизация каменных укреплений. Тогда появились сводчатые перекрытия башен, щелевидные бойницы с трапециевидной печурой и т. д.

Иван Грозный тоже расширял и укреплял Ивангород, но, как известно, Руси не удалось закрепить успехи начального периода Ливонской войны. Против нее выступили Речь Посполитая и Швеция: летом 1581 года шведы взяли Копорье, Корелу, Яму, а 17 сентября пал и Ивангород. Еще один этап в истории Ивангорода приходится на период шведского господства – почти весь XVII век. На руинах разрушавшейся юго-западной стены крепости в 1650-х годах был выстроен пороховой погреб; возможно, еще один пороховой амбар находился у восточной башни крепости.

Исчезло время, что разделило заросшую мхом выбоину от ядра и следы пуль на уровне человеческой груди у восточной стены Ивангорода, где фашисты добивали раненых красноармейцев. Это время навсегда ушло от нас и навсегда осталось с нами!

Тихо и спокойно сейчас в старых крепостях. Неторопливо смотрятся в темные воды реки Шелонь стены Порхова, которые одними из первых испытали на себе действие огнестрельного оружия. Неторопливо шелестят дубы Велья на грузных валах меж двух светлых озер, над которыми висят стрекозы и высоко в небе поют птицы. Ворчливо вспарывает Волхов свой глинистый берег, где почти к самой воде спускаются фундаменты Старой Ладоги – одной из древнейших новгородских крепостей. Спокойные дороги идут по мосту, похожему на римский акведук, к раскрытым воротам Копорья – форпосту новгородской земли.



Отгремели осады и сражения, оставив на страницах каменных летописей беды и радости тех, кто строил эти стены и вверял им свою судьбу. Историки, археологи и архитекторы прочитали много страниц этой каменной летописи, но остались еще и непрочитанные строки. Затерялись в них и имена многих безвестных героев, но осталась память о них в выщербленных ядрами стенах, что сейчас мирно стоят в луговой траве и безмятежно смотрят черными бойницами в чистое голубое небо над землей, которую они защищали…

«Горное гнездо» в царстве рулетки

Княжество Монако, если не считать Ватикана, – самое маленькое государство в Западной Европе. Монако – это пара диких утесов, омываемых перламутровыми водами Средиземного моря и покрытых вечно ясным, голубым небом. Как орлиное гнездо, приютилось на этих скалах древнейшее в Европе государство. Альпы окаймляют Монако красивым амфитеатром горных вершин, на протяжении многих веков защищавших крохотную страну не только от северных ветров, но и от набегов завоевателей.

Жители Монако – монегаски – с гордостью говорят, что их страна существует с такой незапамятной древности, что Вечный город Рим кажется перед ней просто мальчишкой. Основание государству было положено задолго до возведения египетских пирамид, потому они и взирают на него с завистью. По преданию основал Монако сам Геркулес, который, возвращаясь из Испании, заложил город у порта, назвав его своим именем – Portus Herculis. А по имени порта стал называться и город – Portus Herculis Monaci, что означает «уединенный». Некоторые из монегасов идут еще дальше в определении древности своего государства и приписывают его основание финикийскому полубогу Мелькарту.

Время разрушило великую Римскую империю, империи Карла Великого и Наполеона, но пощадило это крошечное государство, хотя оно принимало участие в войнах и революциях

двух империй. Уединенное положение Монако позволило его владельцам сохранять относительную независимость на узкой полоске береговой земли длиной всего в три километра. Все княжество можно пешком обойти часа за два: места явно не хватает, и дома уступами громоздятся на склонах гор. В узких улочках, меж высоких каменных домов, плотно прижатых друг к другу, прохладно, тихо и веет стариной. На одном из зданий можно прочитать: «Улица Гримальди». С этим родом история Монако связана более тысячелетия.

Одним из старейших в княжестве является форт Антуан, а некогда на берегах Средиземного моря стояли десятки таких укреплений. Например, если, выехав из Ниццы, обогнуть полуостров Сент-Оспис, то за кронами деревьев можно увидеть силуэт арабской крепости Оз. В древности в ней укрывались сарацины, совершавшие набеги на южное побережье Галлии.

В Средние века крепость Монако называли «каменным гнездом». Тогда говорили: «Кто владеет крепостью, тот держит ключ от Средиземноморья». Скрипучая лестница ведет на смотровую башню форта, откуда открывается безбрежная панорама моря.

В давние времена Монако было колонией Генуи. В 951 году германцы, совершив бросок через Альпы, покорили Рим, и королем Италии стал император Оттон I, но тогда генуэзцы не потеряли своего владения. Однако, как рассказывают, семь веков назад некий Франсуа Гримальди, одевшись монахом, попросился на ночлег в замок, принадлежавший тогда генуэзцам. Ночью он открыл своим людям крепостные ворота и, перебив гостеприимных хозяев, объявил себя правителем. Так будто бы было положено начало княжескому роду, который правит в Монако и поныне.

Средневековая история Монако полна жестокой борьбы за власть, кровавых государственных заговоров. В XVI веке князь Жан II Гримальди был убит на двенадцатом году правления своим братом Люсьеном. Братоубийца княжил 18 лет, пока не пал от руки своего племянника Бартоломео Дориа. Преемник последнего Геркулес правил пятнадцать лет, а потом был утоплен в ванне во время купания.

Сейчас о дурной славе Монако предпочитают не говорить. Лишь герб княжества, на котором изображены два монаха с обнаженными мечами, напоминает, что здешние рыцари некогда были грозой для жителей богатого Прованса.

Княжество расположено очень выгодно – на самом перекрестке торговых путей, поэтому в древности оно было то оживленным центром негоциантов, то гнездом пиратов. В ту пору крепость контролировала горные дороги, по которым шествовали караваны с товарами. И на подходах к «каменному гнезду» его владельцы совершали дерзкие набеги. Франсуа Гримальди нападал на торговые суда, проходившие неподалеку от его владения, и безжалостно обирал богатых купцов. Преемники князя решили узаконить грабежи и потому ввели для купцов плату за проезд через Монако. Цена определялась в два процента от стоимости провозимого груза. Традиция грабежей переходила от отца к сыну, и так продолжалось не один век, лишь Великая Французская революция на время обуздала это разбойничье гнездо. В 1793 году Национальный конвент монегасков принял решение присоединиться к Франции, но после падения Наполеона монархия в княжестве была восстановлена, и к Гримальди вернулось право «на грабежи».

На рубеже XIX–XX веков княжество Монако имело жандармов, армию в 800 человек и даже артиллерию, состоявшую всего из трех пушек, выставленных на дворцовой площади на радость и гордость монегаскам. Но надпись была очень красноречивой: «Ultima ratio regum» («Последний довод королей»).

Столица княжества Монако стоит на отвесной скале, с трех сторон омываемой морем, а четвертой стороной примыкает к Франции. Старинный замок, обнесенный крепостной стеной, как корона венчает вершину утеса. Четыре зубчатые крепостные башни, похожие на шахматные ладьи, смотрят прищуренными бойницами и на сушу, и на море. В крепостной стене всего один вход – арка сводчатых, словно туннель, ворот. По обе стороны стоят караульные будки, разрисованные в красно-белую пограничную елочку.

Княжеский замок, богатство и разнообразие растительного мира в крошечном княжеском саду, нежное благоухание цветов, веселое небо – все создавало на обнаженном утесе убежище, которому могли позавидовать «зимние сады» могущественных монархов. Но не все князья видели красоты пышной растительности, окружавшей дворец, или чудного моря, даже в декабре залитого лучами солнца. Князь Карл III был слеп, и это несчастье постигло его, когда ему было чуть больше 30 лет.

Все произошло оттого, что и в крошечном Монако оказались недовольные. Жители Ментоны подняли бунт, и князь Карл III, вознегодовав, встал во главе своей армии и пошел

усмирять бунтовщиков. Война велась с переменным успехом: и та и другая сторона показали, что недаром в их жилах течет кровь Геркулеса и Мелькарта. Война эта могла бы благополучно окончиться, если бы не шальная пуля, попавшая в князя. После этого жители Ментоны сделались так противны князю, что он продал их Наполеону III за несколько миллионов франков.

Но однажды к князю Карлу III явился некий Франсуа Блан и сказал, что, взимая дань за проезд через Монако, они занимаются ребячеством. О происхождении самого Ф. Блана ходят разные рассказы: например, говорят, что в 1850-х годах он держал рулетку в Гамбурге. Плененный местоположением Монако, Франсуа Блан понял, что на этих красивых скалах можно создать приманку для праздных светских европейцев. Он попросил кусок территории по другую сторону бухты, чтобы построить там город, который очарует всю Европу. За это он обещал отдавать князю десятую часть дохода, но тот торговался, так как хотел получать четверть дохода. Однако делец был упрям, и, когда, казалось бы, переговоры зашли в тупик, он выложил свою козырную карту.

– Соглашайтесь на десятую часть, – сказал он, – и вы войдете в историю. Город, который будет здесь построен, я назову вашим именем.

Сделка состоялась, и на голых утесах, спускающихся к морю, вырос Монте-Карло, в котором предприимчивый Франсуа Блан открыл первое казино.

В аденском «Кратере» и вокруг него

Древнейший период аденской истории окутан легендами, и в одной из них рассказывается следующее:

> Если праведный человек поднимется в полнолуние на вершину холма на острове Сира и посмотрит вниз, то увидит чудо. В отраженном свете луны перед его восхищенным взором предстанет волшебный город Ирам, который построило племя титанов по имени «ад». Они шли из Лахджа в Хадрамаут, чтобы создать там «рай», но путь им преградила река Таакир, и титаны в течение 70 лет рыли туннель, пока не вышли на равнину, где и построили город.
>
> Все здания в Ираме были украшены колоннами из золота, серебра и драгоценных пород деревьев. Город утопал в изумрудных садах, раскинувшихся на жемчужных берегах медовых рек. Но Аллах не стерпел вызова титанов и направил на город песчаную бурю, которая погубила почти все его население и разрушила здания.

Изначальный из всех районов Адена[27] – Кратер, появившийся так давно, что даже трудно установить, когда именно. Первые упоминания о нем, которые встречаются в Библии, относятся ко времени царей Сабы; в главе 27й «Книги пророка Иезикииля» говорится о «купцах Савейских» и т. д.

Больше половины Адена устроилось у скал, на скалах и под скалами. Скалы создали город, скалы и отделили в нем один район от другого. Очень заманчиво было иметь с трех сторон в качестве укреплений и прикрытий 500метровые края вулкана и лишь неширокий выход к морю. Город поступил как рак-отшельник, сделавший своим домом пустую раковину. Примерно в X веке в скалах пробили туннель, а позже проход, который впоследствии расширили. Теперь через него идет дорога, соединяющая Кратер с другими районами города. Когда-то туннель был единственным выходом из Адена, причем подземным, он так и назывался – аль-Баб-эль-Бур (Проход на суше). В XVIII веке его называли «Воротами водоносов», потом он был известен как «Верблюжий тоннель», так как до середины XX века через него входили в город караваны верблюдов.

Как и любой древний город, Аден повидал всякое и пережил многое. В 24 году до нашей эры божественный император Август послал завоевать его свой X легион, которым командовал Элия Галла – римский наместник в Египте. Римский император полагал, что вокруг города добывают золото, ладан и мирру, бывшие тогда ценнейшим товаром. Однако римские легионеры сгинули где-то в песках Аравии, а сам император вскоре переключил свою энергию на другие дела.

В VI веке Аден был оккупирован эфиопами, а затем персами. В XII веке город захватили отряды арабского полководца Салах-ад-Дина. Аден приобретал все большее значение как порт и перевалочный пункт, он перестал укрываться внутри созданной природой крепости и стал расти за ее пределами. Перешеек, образовавшийся в результате заиления, увеличился

до таких размеров, что на него можно было попасть по суше. Низина, заливаемая водой во время приливов и отделявшая Аден от суши, была засыпана.

Аден посещали известные путешественники Марко Поло и Ибн Баттута, и каждый оставил записи о городе. Например, венецианец Марко Поло писал:

> Живут там сарацины, молятся Мухаммеду, а христиан ненавидят. Много тут городов и замков, и есть пристанище, куда приходят суда с товарами из Индии… Везут из этой пристани в Индию много красивых да дорогих арабских скакунов, и большая купцам прибыль от этого товара.

Ибн Баттута видел в Адене огромные резервуары для сбора дождевой воды. Время их создания до сих пор не установлено, и на этот счет у ученых имеются только гипотезы. Однако всем ясно одно: чтобы в древности вырубить в скалах гигантские водохранилища в условиях аденского климата, нужно было располагать огромной армией рабов. Резервуары находятся в Кратере и соединены между собой так, чтобы дождевая вода и потоки с гор наполняли их один за другим. При этом система резервуаров функционировала только тогда, когда содержалась в чистоте. А так как из-за песчаных бурь они часто засорялись, то за ними был установлен постоянный уход.

После длительных странствий в 1509 году побывал здесь и итальянец Л. де Вартема, который называл Аден самым укрепленным городом из всех, которые он когда-либо видел на равнинной местности. С двух сторон его окружают горы, с двух других – крепостные стены. Пять замков возвышаются над Аденом, а суда бросают якорь у подножия одной из гор, которую увенчивает форт.

Когда Адену стали угрожать турки, египтяне и португальцы, аденский эмир Муирджан укрепил стены и построил новые оборонительные сооружения вокруг Кратера. Чтобы корабли неприятеля не могли приблизиться к берегу, были возведены Зугольный форт и каменная башня в северо-восточной части острова Сира.

В Средние века особенно беспокоили жителей Адена португальские пираты. Поэтому, когда в 1538 году в Аденской бухте появился турецкий флот, горожане даже обрадовались, так как подумали, что это пришли к ним на помощь единоверцы. Эмир бин Дауд, управлявший тогда Аденом, с готовностью согласился поставлять морякам Османской империи провиант и даже сам отправился на корабль адмирала – благодарить и приветствовать. Но назад эмир не вернулся: единоверцы повесили его на рее, высадились на берег и занялись грабежом. С тех пор Аден, бывший до того главным портом аравийской торговли, начал хиреть.

Турки владели городом почти 100 лет – до 1630 года, но строили в Адене немного. Однако они возвели по гребню гор между Кратером и Хормаксаром крепостную стену и установили на ней огромные медные пушки, которые смотрели в море. Построили они и зигзагообразную каменную дорогу, которая когда-то вела на вершину горы Шамсон, где располагался сторожевой пост.

В 1609 году в Аден прибыл корабль, принадлежавший английской Ост-Индской компании, на котором находился представитель этой компании Джон Джурдейн. Он характеризовал Аден как неприступную крепость, окруженную стеной с тремя воротами. Наиболее уязвимые для нападения ворота были укреплены железной решеткой, которую можно было поднимать и опускать. Порт находится в окружении гор, на которых тоже имеются крепости и сторожевые посты. С моря порт прикрыт «весьма высоким островом, лежащим на расстоянии ружейного выстрела. На острове находится укрепленный замок, взять который при условии, что осажденные не испытывают недостатка в съестных припасах, представляется совершенно невозможным, поскольку замок расположен на горе и является крепостью по самому своему местоположению».

Турецкие укрепления в 1839 году не остановили английских солдат: они стащили пушки с платформ, почистили их и отправили в подарок королеве Виктории[28]. Англичане выровняли склоны вулкана, взорвав его уступы, и вместо развалившейся турецкой стены построили свою. Английские солдаты сами в Кратере не жили, так как знали легенду о Каине, якобы похороненном у главной дороги в Кратер, и верили, что это место проклято.

В 1839 году на берег Адена сошли и два первых индийских купца, которые успешно начали свое дело. Вслед за ними сюда стали прибывать мастеровые, ремесленники, ювелиры, парикмахеры. Среди них были мусульмане, образ жизни которых мало чем отличался от жизни мусульман-йеменцев. Были и те, кто исповедовал индуизм, и их странные для местных жителей обычаи долго служили темой разговоров на рыночных площадях и в кофейнях. Третьи приобрели в Кратере, неподалеку от древнего водохранилища, участок земли и стали уединяться там для совершения каких-то таинственных обрядов. Было

замечено, что за стеной, окружающей территорию, часто мелькает пламя костра. Но для тех, кто хотел бы удовлетворить свое любопытство, проход в стене был закрыт: люди в белоснежных одеждах строго хранили свою тайну.

Эти люди принесли с собой одну из самых древних и загадочных религий на земле – парсизм (зороастризм), или огнепоклонничество. Парсы считают, что из четырех стихий (огонь, вода, земля и воздух) огонь – самый главный. Он священен, потому что несет в себе божественное начало; с ним связаны понятия чистоты, белизны, непорочности, доброты, света… Перед чашей с огнем совершаются все богослужения парсов, священный огонь горит не только в храмах зороастрийцев, но и в их домах.

В 1847 году на земле, купленной аденской общиной парсов, был вырыт колодец и построена Башня молчания – таинственное обиталище мертвых. А в конце XIX века на вершине горы вознеслась другая, еще более величественная. Башня молчания внушала ужас окрестным жителям, которые видели, как после очередной похоронной процессии над ней начинали кружить хищные птицы. Мало кому удавалось узнать подробности о погребальных обрядах парсов и тем более посетить территорию Башни молчания и храмового огня. Даже самолетам британских ВВС запрещалось пролетать над Башней молчания, чтобы не оскорбить религиозные чувства влиятельных в колонии парсов.

Зороастрийцы считают, что все вышли из земли и уйдут в землю, но ей должны достаться очищенные останки. Душа умершего еще три дня витает в этом мире, а потом покидает его. Три дня жрец молится в особом помещении, стоя вблизи от умершего – перед чашей со священным огнем. На четвертый день он молится в храме, куда умершего вносить нельзя. Во время ритуальных обрядов жрец должен быть одет в белую одежду, волосы его убраны под белую повязку, лицо до самых глаз закрывается белой тканью. И умершего, и тех, кто прикасался к нему, очищают особой жидкостью «нирang».

После того как над умершим совершены все положенные обряды, 16 носильщиков доставляют его тело на железных носилках в Башню молчания. Внутри нее от стен идет пологий спуск, на котором расположены три площадки: для мужчин, для женщин и самая близкая к центру – для детей. Посередине находится колодец, окруженный еще одной стеной.

Башню молчания полагается строить на высокой скале, чтобы нельзя было увидеть происходящего внутри и чтобы она не занимала нужной людям земли. Чтобы построить Башню, надо было соблюсти много сложных обрядов. Входить в нее не имеет права никто, кроме служителей и носильщиков, но и они после обрядов должны были очиститься.

В алтаре аденского храма парсов священный огонь хранится в большой серебряной чаше. Его поддерживают, подбрасывая на решетку внутри чаши кусочки сандалового или другого дерева твердой породы. А для совершения погребальных обрядов жрец берет малую серебряную чашу, огонь в которой составляется из четырех источников: он берется из очагов богача, бедняка, ювелира и купца.

Королевский замок в Варшаве

Королевский замок начали возводить в Варшаве одновременно со строительством города, причем не в отдалении от него, а как один из органичных элементов в системе оборонительных стен, как угловой бастион фортификации. Этот деревянно-земляной град возводится в конце XIII века князем Конрадом I Мазовецким. Сначала град был деревянным, а первым монументальным кирпичным сооружением на его территории стала высокая Гродская башня, которую называли также Большой. Вначале в этой башне находилась тюрьма для шляхты, и сегодня на ее стенах еще можно увидеть вырезанные гербы, знаки и надписи. В XV веке часть башни обвалилась, и в документах того времени ее стали называть Сломанной: в первоначальном своем виде она уцелела только до второго этажа.

Княгиня Анна, жена князя Конрада II, значительно расширила княжескую резиденцию, которая имела вид четырехугольника с четырьмя воротами и четырьмя башнями по углам. Замок был окружен стеной и глубокими рвами с подъемными мостами. Ученые считают, что уже в середине XVI века на территории замка выросло два парадных ансамбля-резиденции, которые одновременно имели и оборонительное значение. После смерти последнего из князей Мазовецких Варшава перешла во владение королей из династии Ягеллонов, и замок занял Сигизмунд Старый. В нем неоднократно проводились ремонтно-строительные работы, однако происходили они нерегулярно и на архитектурный облик замка особенно не повлияли.

При Сигизмунде Августе (последнем короле из династии Ягеллонов) Варшава, расположенная почти в самом центре государства, приобрела гораздо большее, чем когда-либо до этого, значение, и король собирался серьезно перестроить Королевский замок. В

1563 году королевские архитекторы создали макет нового замка, но строительные работы начались только летом 1569 года. Особенно большие изменения претерпели внутренние помещения Большого дома: на первом этаже был выстроен зал (30х10 м), в котором стали проводить заседания государственного сейма. Ряд из шести колонн разделил зал на две части: в одной половине – Посольской палате – собирались депутаты сейма, во второй – публика, наблюдающая за их работой. На втором этаже размещалась Сенаторская передняя, а из нее двери вели в Сенаторскую палату. Напротив входа в нее стоял королевский трон, а вдоль стен в два ряда – кресла сенаторов.

Королевские апартаменты располагались в Новом королевском доме, стоявшем под тупым углом к Большому дому. Столь необычное расположение обоих зданий объяснялось рельефом местности и формой высокого обрывистого берега Вислы. В 1572 году перестройка замка была прервана из-за внезапной кончины короля Сигизмунда Августа, и после этого больших строительных работ в нем не велось.

Новый период в истории Королевского замка начинается на рубеже XVI–XVII веков, когда король Сигизмунд III из династии Ваза решает перенести столицу государства из Кракова в Варшаву. В новую столицу переезжают многие государственные учреждения, для размещения которых требовалось расширить замок. Согласно проекту главного королевского архитектора Д. Тревано, руководившего возведением постоянной резиденции для короля, его семьи, двора и многочисленных государственных учреждений, около пятиугольного дворца возводится комплекс зданий и появляются два двора в форме, приближающейся к треугольнику. Над всем ансамблем господствовала башня с высоким барочным покрытием.

Строительство северного и западного крыльев нового Королевского дома с высокой башней и южного крыла затянулось на 25 лет, и достроили Королевский замок только к 1610 году, а башню возвели в 1619 году. Она называлась Башней Сигизмунда (по имени короля), а еще ее называли Часовой, так как на ней располагались большие часы, на циферблате которых была помещена дата – 1622. Изображений этого замка не сохранилось, кроме очень приблизительной передачи его архитектурных форм на панорамных изображениях города. Однако известно, что замок представлял собой четырехугольник и состоял из отдельных частей. В одной из них, которая занимала часть Замковой площади и именовалась «Грудь»[29], проводились судебные разбирательства. Вторая часть замка, с обширным двором, предназначалась для королевских апартаментов, а третью занимали придворные и различные службы.

В первой половине XVII века Королевский замок был свидетелем важных государственных событий, а кроме того, в нем была собрана богатая коллекция картин, куда вошли полотна Рубенса, Рембрандта и других великих художников. В замковом театре играли пьесы В. Шекспира еще при жизни автора, а во время правления короля Владислава IV для старой итальянской оперы выстроили новый театр.

В 1644 году король Владислав установил памятник своему отцу – королю Сигизмунду III. Памятник состоял из мраморной колонны коринфского ордера, которую венчала медная, вызолоченная в огне статуя короля – монарха и воина: с плеч его ниспадает коронационный плащ, открывающий рыцарские доспехи. В правой руке король держит искривленную саблю, в левой – крест, своими размерами превышающий саму статую. Когда колонна обветшала, ее заменили новой, а старая – со следами пуль от уличных битв – находилась во дворе близлежащего монастыря Бернардинов.

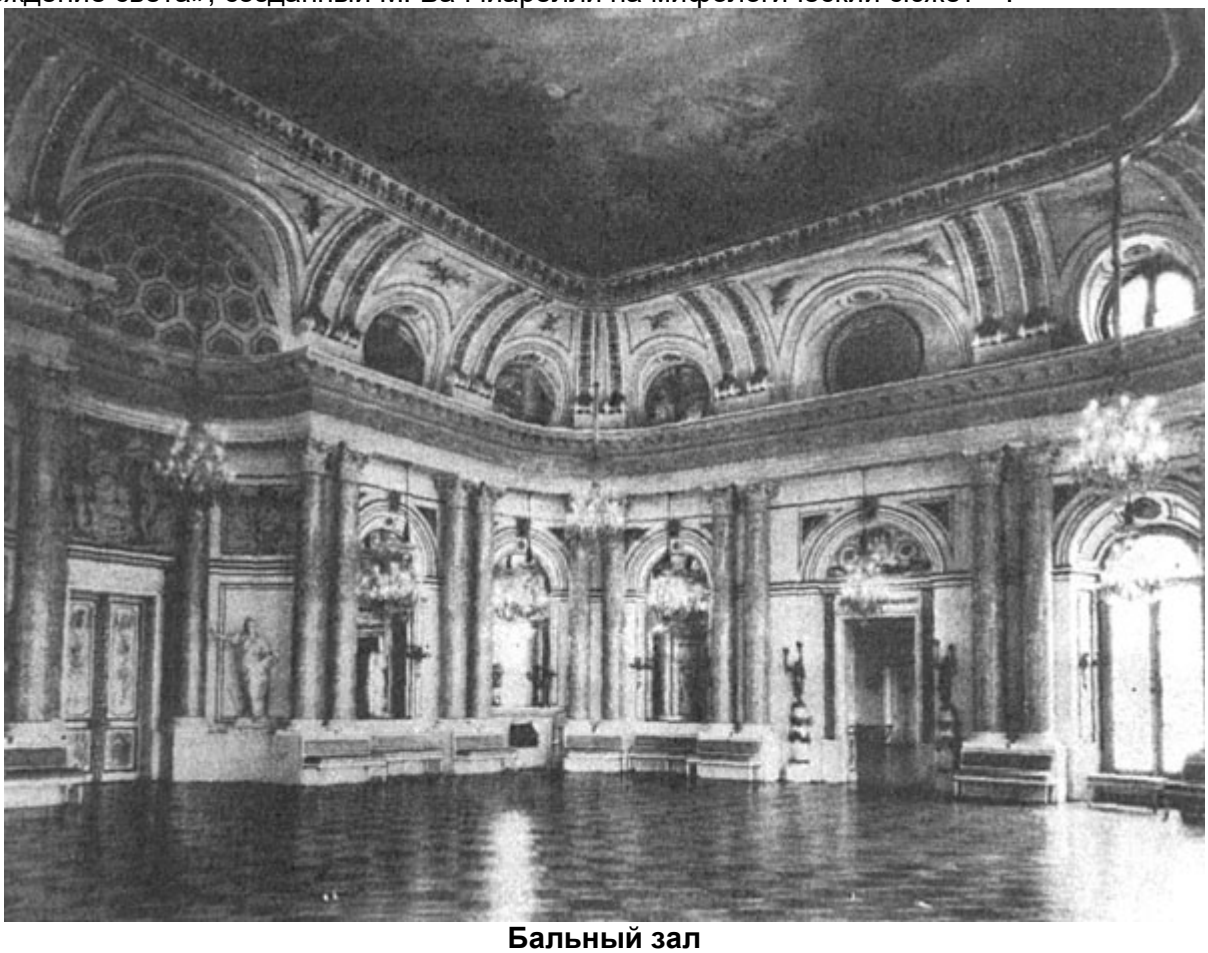
Великолепию Королевского замка положила конец шведская интервенция 1655–1656 годов. Сожженный и разоренный шведами замок долгое время оставался заброшенным. Король Август II вместо того, чтобы восстановить историческую резиденцию польских монархов, построил себе новый дворец, который получил название «Саксонский». Но замок был несколько подправлен: была обновлена та его часть, которая выходила на Вислу, и отделаны некоторые залы. Все намеченные работы по восстановлению замка еще не были закончены, как в 1767 году случился пожар.

За год до пожара на польский престол был избран Станислав-Август Понятовский, который принес с собой ту любовь к искусству и «манию строительства», которой в то время были подвержены все государи Европы. Новый король устраивает в Варшавском замке театр, собирает при своем дворе архитекторов и живописцев; он любит литературу, поощряет даже сатиру, бичующую растление нравов в польском обществе, курьезные пережитки и слишком поспешное подражание всему новому. В Королевском замке начинаются большие строительные работы, и вообще всеми своими памятниками, отразившими искусство и вкусы XVIII века, Варшава обязана эпохе правления Станислава-Августа Понятовского.

Составление проектов по возведению замка король поручил итальянцу Д. Мерлини. Строительство началось в 1770 году и закончилось через 16 лет. Кроме Д. Мерлини, к украшению Королевского замка были привлечены художники М. Баччиарелли и Плерш, скульптор Я. Моналди и другие мастера-исполнители. Три новых зала Замка посвящались истории Польши, развитию науки и искусства в век Просвещения. Стены Рыцарского зала украшали 6 больших полотен М. Баччиарелли, посвященных важным общественным и государственным событиям. Декоративное убранство Рыцарского зала дополняли бронзовые и живописные портреты выдающихся полководцев, дипломатов, поэтов и ученых, и среди них – портрет великого астронома Н. Коперника.

На стенах соседнего зала, названного Мраморным кабинетом[30], размещались портреты 23 польских королей. А в Конференционном кабинете, располагавшемся возле Тронного зала, находилось 7 портретов европейских государей – современников короля Станислава-Августа, что означало близкие связи Польши с другими государствами Европы. Тронный зал был обит красным дамасским бархатом и декорирован богатой скульпторной резьбой в виде позолоченной листвы. Балдахин королевского трона украшали орлы, шитые серебряными нитями.

Самым пышным в Королевском замке был Бальный зал, стены которого украшали сдвоенные колонны из золотистого стука; над ними расстилался прекрасный плафон «Рождение света», созданный М. Баччиарелли на мифологический сюжет[31].



Бальный зал

Стены одного из залов в Замке покрывали 22 картины с изображением Варшавы 1770—1780х годов, написанные художником Бернардо Беллотто, прозванным Каналетто. Картина, изображающая избрание Станислава-Августа королем, тоже была написана этим художником, поэтому зал стали называть «залом Каналетто».

Когда король Станислав-Август оставил Варшаву, замок пришел в совершенный упадок, а разделы Польши положили конец его великолепию. Ценнейшие коллекции из него были вывезены, и в XIX веке замок служил для целей канцелярских, а нижние этажи его даже сдавались внаем частным лицам. Наполеон во время своего пребывания в Варшаве в 1806 году занимал часть замка, а потом король Саксонский (и герцог Варшавский) повелел возобновить замок и жил в нем вместе со своим двором. В царствование русского

императора Александра I, когда Варшава стала украшаться новыми зданиями, не был забыт и старый Королевский замок. Краковские ворота и строения перед замком были сломаны, после чего открылись две его стены. Со стороны Вислы на высоких арках развели висячие сады, с которых открывался далекий вид на реку и предместье Прагу.

После получения Польшей независимости в 1918 году польские реставраторы вернули Замку его первоначальный вид, а историческим залам – их великолепие. Следующая катастрофа для замка наступила в самом начале Второй мировой войны. В середине сентября 1939 года, когда немецкие летчики стали бомбардировать Замок зажигательными бомбами, запылали крыши. После того как Замок подвергся еще более сильной бомбардировке, было решено перевезти самые ценные его коллекции в Национальный музей, так как уже окончательно стало ясно, что фашисты хотят уничтожить Замок дотла. В самом начале ноября 1939 года А. Гитлер приказал сровнять его с землей, чтобы уничтожить этот символ польского государства и народа. Гитлеровские саперы пробуравили в стенах Замка 10 000 отверстий для динамитных зарядов, однако, к счастью, этот варварский акт был отложен. Но перед бегством врага из Варшавы в ноябре 1944 года заряды динамита были заложены в подготовленные отверстия, и стены Замка взлетели на воздух.

Он превратился в развалины, а на Замковой площади, возле взорванной колонны и дымящихся развалин Варшавы, лежал монумент короля Сигизмунда III. Но уже тогда родились строки надежды:

Он и лежа еще грозит,
Значит, не все потеряно…[32]

Старинные форты Индии

На севере Индии, на реке Ганг, расположен город Варанаси (Бенарес), а в 37 километрах от него стоит форт **Чунар**. Он возведен на большой скале длиной в полмили и высотой в 51 метр, которая своей северной оконечностью вдается в Ганг, меняя его русло. Скала имеет форму ступни, и рассказывают, что это отпечаток ноги гиганта, который шел из Гималаев к мысу Коморин.

В XVI веке форт Чунар был стратегически важным пунктом во время непрестанных сражений между патханами и моголами. Бабур, основатель династии Великих Моголов, побывал здесь в 1529 году, а через год форт получил афганский правитель Шер-шах Сури, когда женился на вдове коменданта форта. В 1536 году форт Чунар осадил правитель Могольской империи Хумаюн и после шестимесячной осады захватил его. Но как только Хумаюн ушел из форта, чтобы продолжить свое наступление на юг, Шер-шах вновь захватил Чунар. И форт оставался в его руках и руках его потомков до 1575 года, когда им завладел

Акбар. Позднеев Чунар был отдан компании «Ист Индиа» в обмен на форт в Аллахабаде, и в 1781 году, когда восстал раджа Сингх, сюда бежал лорд Уоррен Хастингс. Через 10 лет форт Чунар стал штаб-квартирой европейского «инвалидного» батальона, и здесь были размещены люди, служившие в Индии в течение 21 года и уже негодные для активной службы.

Путь в форт проходит через европейское кладбище, разместившееся у его западной стороны. Форт обнесен высокими стенами, и за воротами открывается вид на нижнюю часть Чунара, а впереди – через подъем – еще одни ворота, которые были добавлены к форту, видимо, в XII веке. Эти ворота представляют собой две колонны, украшенные огромными каменными шарами и аркой, тоже с шарами и цепями. После ворот дорога поднимается вверх и поворачивает налево, а на вершине стоит сооружение из песчаника, декорированное несколькими арками.

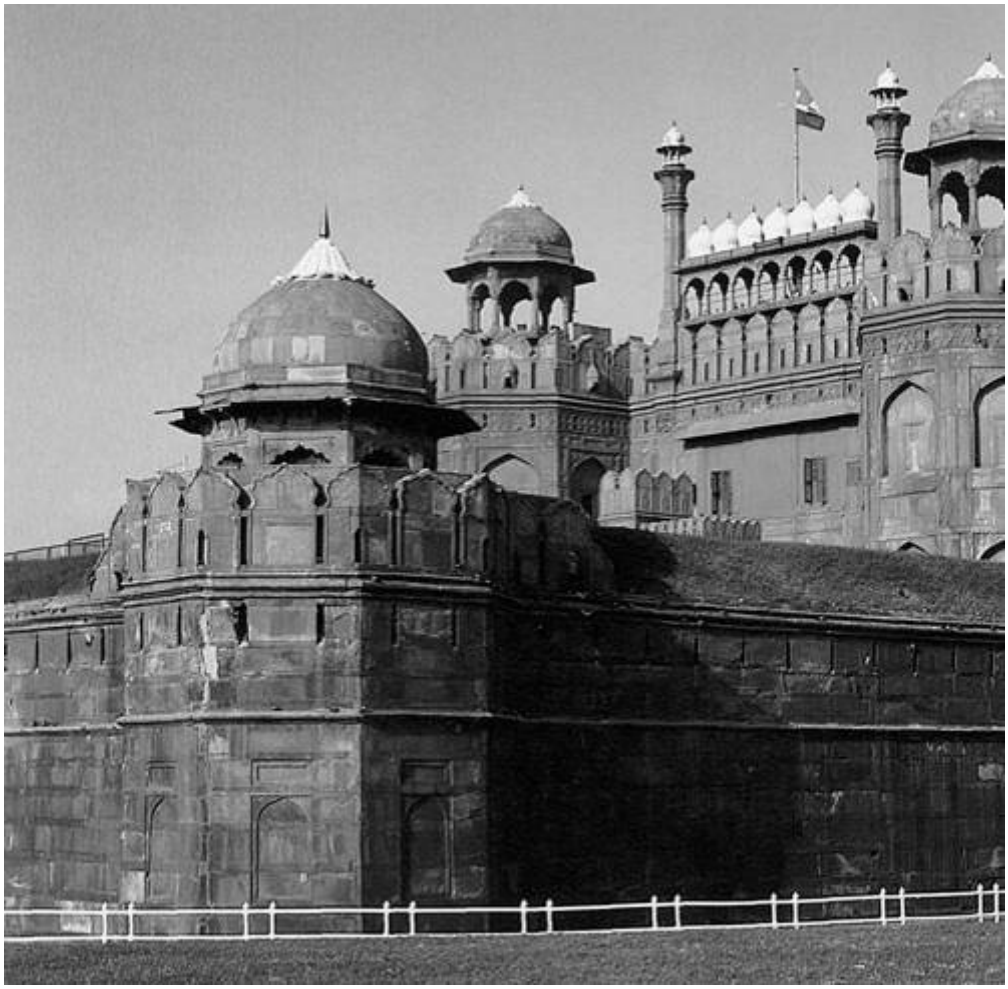
Слева от здания расположены старые запущенные бараки, в которых высокие потолки выложены из дерева. А внизу о камни бьются воды Ганга, и, таким образом, форт Чунар как бы поднимается из реки – терраса за террасой. К бастионам ведет лестница, которой пользовались британский солдаты, чтобы спуститься к реке. Говорят, что под Гангом проходил подземный туннель, который связывал форт с Варанаси.

Символом далекого прошлого является раджпутский форт **Дундлор**, расположенный в Раджастане. Он относится к XVII веку и является воплощением культурного синтеза Раджпутаны и могольской школы искусства и архитектуры. Минареты форта, его интерьер с картинами на мифологические темы, резьба в виде цветочных узоров, архаическая мебель и настенные украшения – все напоминает о его древнем прошлом.

Форт Дундлор находится в самом центре региона Шекхавати, названного по имени храброго короля раджпутов Рао Шекхаджи. Войдя в форт через импозантные ворота Солнца (Сурадж Пол), посетитель как бы вступает в другое временное измерение. Это эпоха далекого прошлого с мебелью в стиле Людовика XIV, величественным залом для приемов «Диван-ханой» с ее могольской архитектурой и т. д.

В форте Дундлор специально сохранен его традиционный декор, и сейчас многочисленные посетители могут любоваться с его террасы красивыми «хавели». В крепости имеется прекрасная библиотека с редкими книгами по истории Индии. Для туристов организуются специальные сафари – на лошади или на джипе. А можно и на верблюде отправиться любоваться достопримечательностями форта.

Величественный **Красный форт**, воздвигнутый в Дели в середине XVII века, сооружался как резиденция императоров из династии Великих Моголов. Лал-кила (Красный форт) – один из наиболее прославленных комплексов мусульманского зодчества, архитектурное сокровище индийской столицы, воспетое многими историками и поэтами. И действительно, лишь поэзия способна описать его мощные стены и дворцовые залы с уникальной резьбой по камню и драгоценными инкрустациями.



Красный форт

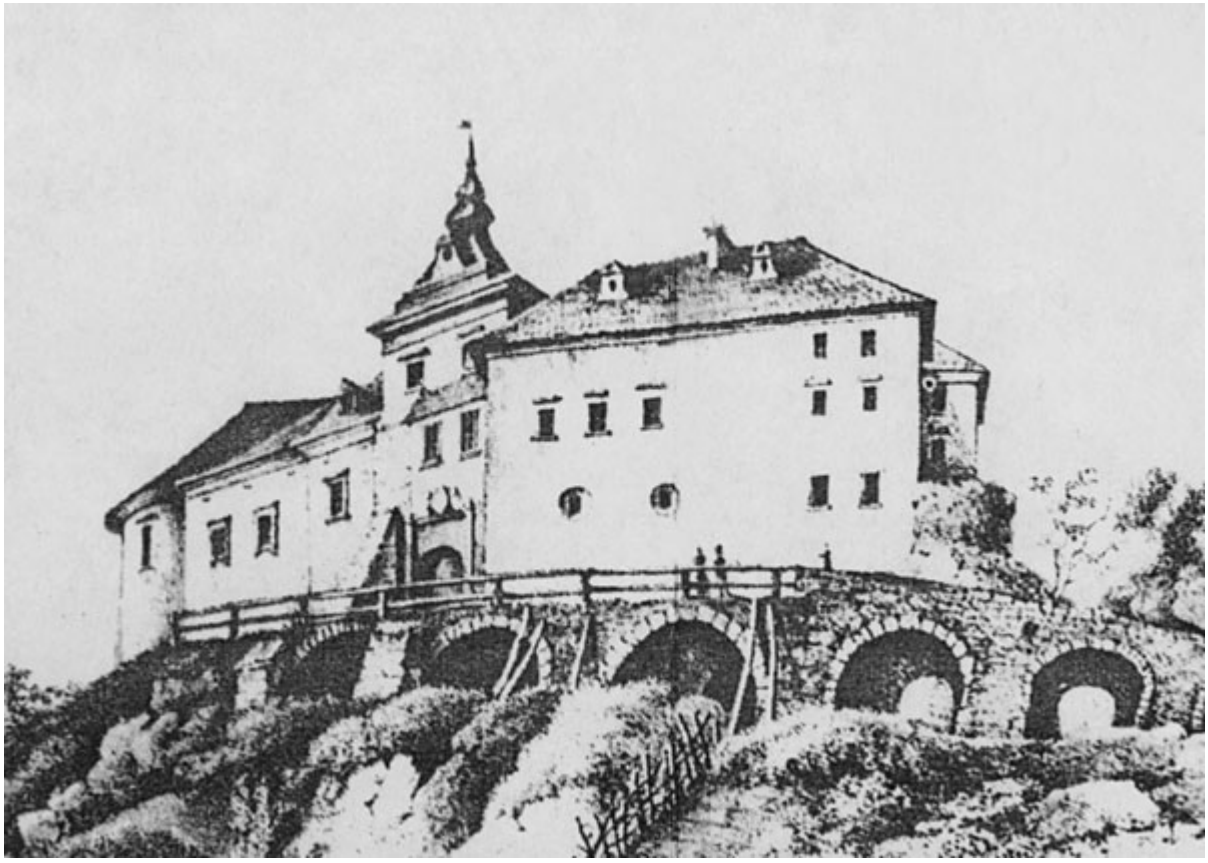
Красный форт начали строить в 1639 году после того, как Шах-Джахан перепланировал крепости Лахора и Агры. Стены его были выше, толще и крепче, чем стены возведенного им города Шахджанабада, ставшего центром Дели. На стенах форта установили несколько небольших полевых пушек, направленных жерлами в сторону города.

По форме Красный форт представлял собой неправильный восьмиугольник с вытянутыми к западу и востоку сторонами. Главные его ворота – Лахорские – открывались на запад, а перед ними лежала большая квадратная площадь со стоявшими на ней палатками раджей, которые состояли на службе у падишаха и еженедельно несли караульную службу. Здесь же, на площади, по утрам объезжали лошадей правителя и производилось их клеймение. Государственное клеймо ставили только на лошадей тюркской породы, если они были достаточно рослые и красивые.

По обе стороны Лахорских ворот стоят два больших каменных слона. На одном из них сделаны скульптурные изображения братьев-раджей раджпутской крепости Читор. Согласно индийской легенде, эти герои вместе со своей отважной матерью храбро защищали Читор, взятый войсками Акбара, и погибли, не желая повиноваться завоевателю.

Со всех сторон, кроме обращенной к реке Джамне, Красный форт был окружен глубоким рвом с водой, в котором водилась рыба. Ко рву примыкал большой сад с зеленеющими круглый год кустами и пышно распускающимися цветами. Внутри Красного форта, на лугах и меж садов с бесчисленными фонтанами, постепенно возводились мечети, здания государственных учреждений, личные покои царя и его гаремы.

От Красного форта до реки Джамны расстилалась широкая песчаная полоса. На ней часто проводился регулярный смотр войск или устраивались бои слонов, за которыми шах наблюдал из восточной половины своего дворца.



Но военное значение Красного форта было не особенно велико, так как стены его все же не были достаточно крепкими. Даже небольшая батарея могла бы быстро сровнять их с землей. Зато когда-то стоявшие здесь шесть королевских дворцов своей пышностью и великолепием поражали всех видевших их. Со временем некоторые здания были разрушены, многие сокровища из них исчезли, но даже и то, что осталось, дает представление об империи Великих Моголов во время ее расцвета.

Ослепительное великолепие одного из царских дворцов было выражено в словах, вырезанных древним мастером над аркой «Зала частных приемов»: «Если на земле есть рай, то он здесь, он здесь, он здесь». Говорят, что слова эти принадлежат самому Шах-Джахану. А в XVII веке один путешественник говорил про Красный форт, что «этот дворец прекраснее тех, которые обещаны нам на небесах»[33].

Замок в Выборге

После распада Киевской Руси в XII веке Новгород образовал самостоятельную феодальную республику, влияние которой (политическое, экономическое и культурное) со временем стало возрастать и на Карельском перешейке, и на прилегающих к нему землях. Одновременно обострялась борьба Новгорода с иноземными пришельцами на берегах Финского залива. На Карельском перешейке новгородцы создали несколько военных опорных пунктов, чтобы отражать нападения врагов, и одним из таких поселений стал Выборг.

На территории бывшего выборгского парка Монрепо еще в XII веке находилось торговое карело-русское поселение, долгое время называвшееся Старым Выборгом. У этого места к Финскому заливу выходил один из существовавших тогда рукавов реки Вуоксы[34], другой рукав, как и сейчас, впадал в Ладожское озеро, и таким образом Вуокса связывала озеро с Финским заливом. Этот удобный торговый путь и использовали новгородцы, владевшие Карельским перешейком. Но в 1293 году, воспользовавшись тем, что Русь была занята борьбой против татаро-монгольских завоевателей на востоке и немецких крестоносцев на западе, во главе большого войска в Карелию вторгся Торкель Кнутсон – правитель Швеции (опекун малолетнего короля Биргера).

Оценив стратегическое положение этих мест, шведы заложили на небольшом островке замок и назвали его Выборгом (от шведского слова «Viborg», что буквально означает «поселение у залива»). Известный шведский стихотворный рыцарский роман «Хроника Эрика», составленный анонимным автором в XIV веке, так излагает факт захвата этой территории:

> …и построили они крепость в том краю, где кончается христианская земля и начинается земля языческая. Эта крепость называется Выборгом и находится на востоке. У русских стало таким образом меньше подвластной им земли, и беда оказалась у них у самых дверей…

«Хроника Эрика» свидетельствует, что замок был сооружен в течение лета 1293 года: «В камень одели крепости стены». Осенью часть военного отряда отправилась домой, а в крепости остался суровый фогт (наместник) Сигурд Локке. Основанный шведами замок стал на завоеванной земле оплотом их власти и укрепленным опорным пунктом, откуда они неоднократно совершали набеги на русские земли. Укрепление шведов в Карелии побудило новгородцев дать им отпор. Они собрали свои рати и ранней весной 1294 года появились у Выборга – в виду строившегося укрепления. Но сил у новгородцев было меньше, и потому им пришлось отступить с большими потерями. В дальнейшем Великий Новгород не раз пытался сокрушить владычество шведов, 30 лет длились кровопролитные столкновения, однако вернуть утраченные земли новгородцам не удалось. Неудачей закончился и поход великого князя Юрия Даниловича летом 1322 года. Возглавляемый им отряд новгородцев пытался взять Выборг, били по замку из 6 стенобитных орудий, много шведов полегло и было взято в плен, но и на этот раз русским воинам пришлось отступить.

В августе1323 года в только что отстроенном городе Орехове враждующие стороны заключили мир, по которому впервые официально устанавливалась граница между Новгородской республикой и Швецией. Русский текст договора была передан на хранение в Выборгский замок, но после смерти в 1325 году князя Юрия Даниловича шведы объявили, что потеряли текст. После этого они перестали соблюдать установленные договором границы и даже предприняли в 1337 году поход на Ладогу.

На долгие годы замок в Выборге стал главным форпостом шведов на востоке, одновременно являясь центром большого административного округа, в котором земельные владения жаловались какому-либо человеку на условии, если он будет исполнять военную или административную службу. Главными обязанностями владельцев таких ленов было защищать край, содержать в замке войско и заботиться о его вооружении, продовольствии и т. д.

Под защитой замковых стен на острове стал зарождаться город, который через несколько десятилетий перешагнул через пролив и раскинулся на противоположном полуострове. В 1403 году шведский король Эрик III даровал Выборгу, игравшему уже значительную роль в торговле, официальные права города. Во главе Выборга стоял бургомистр, но решающая роль принадлежала коменданту замка, как правило, представителю одного из знатных шведских родов.

Положение на русско-шведской границе всегда было напряженным. Летом 1495 года войско шведов вторглось на русские земли, но встретило отпор и вынуждено было отступить в Выборг. Вскоре сюда подошли полки великого князя Ивана III, возглавляемые воеводой Василием Даниловичем Щеней и новгородцем Яковом Захарьивичем. Осада города длилась три месяца, а в последний день ноября русские пошли на приступ. Гарнизон Выборгской крепости готов был уже сдаться, но шведский военачальник приказал взорвать в подвалах башни Андерса (центральной башне в системе городских укреплений со стороны материка) пороховую смесь. Взрыв был таким сильным, что башня содрогнулась и обрушилась: штурмовые лестницы были отброшены и многие из осаждавших погибли…Случай этот в истории города получил название «Выборгский гром».

В конце XV века шведы стали строить крепостную стену вокруг города. В восточной части стена, пересекавшая полуостров с севера на юг, была очень сильно укреплена. Здесь находилось пять из десяти башен: Монастырская, Андреевская, башня Ратуши, башня Скотогонных ворот и пятая на берегу залива – у Рыночной площади.

С ростом города жители стали селиться уже и за крепостной стеной, так что со временем она утратила свое оборонительное значение и впоследствии была разобрана: до наших дней от нее сохранилась только башня Ратуши, которую переоборудовали под колокольню. Во второй половине XVI века встал вопрос о новых крепостных сооружениях, и в 1563 году началось возведение так называемой Рогатой крепости. Новые укрепления начинались от Круглой башни (с севера) и от Монастырских ворот (с юга): они имели форму большого 4угольника и тянулись в юго-восточном направлении. По углам возвели выступавшие вперед мощные бастионы, или «рога», как их тогда называли: от них получила свое название и вся крепость. Со временем свое военное назначение потеряли и эти укрепления. В 1860е годы

валы Рогатой крепости были срыты, так как мешали новой планировке города. Оставлен был только бастион Панцерлакс (Щит залива) как исторический памятник.

Русские никогда не прекращали попыток отвоевать Выборг. В октябре 1706 года Петр I с 20тысячным войском и 200 морскими судами двинулся к Выборгу и окружил его и с суши, и с моря. На город было брошено 1067 бомб, но это не имело успеха, а с моря взять Выборг было невозможно, так как его защищал замок и крепости.

Новая попытка отвоевать Выбор была предпринята весной 1710 года. Произведенная по приказу Петра I разведка местности показала, что имевшиеся о Выборгской крепости сведения не совсем точны. Например, неожиданностью явилось то, что «сей город стоит на морской протоке», следовательно, без военных судов и транспортных средств его полная блокада невозможна.

В середине марта 1710 года с острова Котлин по льду Финского залива к Выборгу двинулся 13тысячный осадный корпус генерал-адмирала Ф.М. Апраксина. В сильный мороз пехота и кавалерия «с орудиями и со всем обозом» совершили тяжелый 130километровый переход по непроторенной ледовой пустыне. Датский посланник Юст Юль так описывал этот поход.

> Выступили войска в самый ужасный мороз, какие бывают в России; перешли они прямо через лед с орудиями и со всем обозом. Всякая другая европейская армия наверно погибла бы при подобном переходе.

21 марта совершенно неожиданно для шведов русские подступили к городу с северо-запада, закрыв подступы с той стороны, откуда шведы могли бы получить помощь. На другой день началась осада Выборга. В мерзлой и каменистой земле рыли зигзагообразные рвы-апраши и земляные окопы-шанцы. Бомбардировка крепости началась 1 апреля, хотя артиллерии у осаждавших было недостаточно, что не давало развернуть военные действия широким фронтом.

Оборонял Выборг более чем 5тысячный шведский гарнизон, на вооружении которого находилось 151 орудие. Огнем своих пушек особенно большой урон наносила русским солдатам главная башня замка. В середине апреля шведы попытались сделать вылазку из крепости, но «авантажу себе не получили» и, понеся большие потери, отступили назад.

В конце апреля Петр I по заранее разработанному плану направил в Выборг молодой Балтийский флот, состоявший из 250–270 судов – военных кораблей и транспортных судов. Переход флота из Санкт-Петербурга в Выборг был рискованной и смелой операцией, так как Финский залив еще не до конца очистился ото льда, который местами был сплошным. Но в начале навигации ожидался подход шведского флота, и потому русской флотилии приходилось торопиться.

9 мая российские корабли подошли к Выборгу, и на берег ступили прославленные в боях Семеновский и Преображенский полки. Русская артиллерия получила 80 дополнительных пушек, 26 мортир и другое вооружение. Главный удар, согласно плану Петра I, направлялся на береговые укрепления, чтобы уничтожить имевшиеся здесь три бастиона. С материковой (петербургской) стороны вспомогательный удар на береговой бастион Панцерлакс осуществляли полки генерал-майора В. Берхгольца.

Для бомбардировки залива было установлено 98 пушек и 28 мортир, действие которых началось 1 июня. Обстрел крепости русской артиллерией длился 6 дней, в результате чего в крепостной стене на направлении главного удара была пробита большая брешь, через которую русские должны были ворваться в город. Все было приведено в боевую готовность, но до штурма дело не дошло. Шведский гарнизон, в полной мере оценив безвыходность своего положения, решил сдаться на почетных условиях. Но они не были приняты Петром I, потребовавшим безоговорочной сдачи. 13 июня шведский гарнизон капитулировал, а утром 14 июня в Выборг вошел лейб-гвардии Преображенский полк, «с которым и сам государь в город пошел, яко полковник от оной гвардии, и разставя по городу караул, осматривал его фортеции».

На другой день совершился торжественный вход в Выборг графа Ф.М. Апраксина, которого встречали оба коменданта, бургомистр города и купечество, вручившие ему крепостные ключи на серебряном блюде. На флагшток подняли царский штандарт, со всех ворот сняли шведские гербы и заменили их русскими. 16 июня в крепости, в которой виднелись развалины и выбоины от бомб, был отслужен торжественный молебен.

Выборг был единственной большой крепостью, которая в течение 400 лет являлась крепостной стеной шведов на востоке. Поэтому горе их при потере передового своего оплота было тем более велико, что у них не было никакой надежды вернуть его обратно. С

покорением Выборга для русских открывалась дальнейшая дорога на Финляндию, а плавание российского флота в восточной части Финского залива становилось более безопасным.

В память о взятии Выборга была отчеканена медаль. На ее лицевой стороне – портрет Петра I, на оборотной – план осады Выборгской крепости, аллегорическое изображение победы русских над шведами – орел, преследующий журавля, и надпись по-латыни из Овидия: «Взят дерзновенный».

Орешек – Нотебург – Шлиссельбург

В ноябре 1700 года молодой шведский король Карл XII разбил под Нарвой московского царя Петра Алексеевича. Русская армия чуть ли не полностью была уничтожена: значительная часть ее полегла под Нарвой, много русских солдат было взято в плен, уничтожена воинская артиллерия и военные припасы. Это поражение действительно было для русских огромным, и Карл XII решил, что победа уже окончательная.

Петр I, воспользовавшись передышкой, создал новое войско, с которым и решил ответить шведам таким же ударом, причем на их же территории. Русский царь задумал перенести борьбу в Ингерманландию, которая перешла во владение шведов по Столбовскому договору, а раньше называлась Ижорской землей, и название это ей дал еще Великий Новгород.

В конце сентября 1702 года Петр I обложил шведскую крепость Нотебург – древний новгородский город Орешек, основание которого относится ко времени похода великого князя Юрия Даниловича против шведов в 1323 году. В летописи об этом сказано так:

> Ходиши новгородци с князем Юрьем и поставиша город на устье Невы, на Ореховом острове. Тут же приехавши послы велики от свенского короля и докончаша мир вечный с князем и новым городом.

Новгородцам надо было укрепиться у истоков Невы, чтобы преградить шведам дорогу в русские земли да и свои торговые пути обезопасить. Поэтому на острове Орехове, стоящем посреди Невы в том месте, где она выносит свои воды из Ладоги, и заложили крепость, которая сначала состояла из нескольких изб. По периметру острова избы были обнесены валом, над которым высился частокол из бревен.

После укрепления этого важного рубежа новгородских земель и был заключен договор о вечном мире и границах между новгородскими и шведскими владениями. По условиям этого договора крепость Орешек и вся Нева, а также часть Финского залива и половина острова Котлин навсегда оставались за новгородцами. Однако, несмотря на торжественное обещание жить с ними в мире, шведский король Магнус через 25 лет возобновил войну, воспользовавшись борьбой новгородцев с Иваном Калитой. Он требовал, чтобы русские приняли то же исповедание, что и шведы, а в случае несогласия новгородцев перейти в католичество грозил обрушить на них всю силу шведского войска. Армия короля Магнуса подступила к крепости и захватила ее, но через 7 месяцев новгородцы вернули себе Орешек обратно.

В 1352 году на пепелище старой крепости новгородцы «заложиша град камен» – так и возникла на Ореховом острове многобашенная каменная твердыня могущественного Новгорода. Общая длина первоначальной стены составляла не менее 350 метров и защищала она наиболее возвышенную часть острова. Возводили ее из крупных и мелких валунов на известковом растворе с лицевыми прикладками плитняка. Перед крепостью, как предполагают исследователи, пролегал ров, который делил остров на две части. В 1430 году берега его облицевали трехстенными срубами, над которыми проходила мостовая с балюстрадой.

Впоследствии укрепления Орешка оказались под землей, хотя и не были разрушены. А произошло это потому, что в оборонительном строительстве в связи с применением огнестрельного оружия произошли большие изменения, и все прежние укрепления строители сровняли с землей. Не стали даже использовать камни-валуны, на смену которым пришел плитняк.

В 1411 году шведы вновь неожиданно появились под стенами Орешка и после нескольких приступов захватили крепость. Они перестроили ее, и потому стены и башни крепости не были похожи на кремлевские строения Древней Руси. Впоследствии Орешек еще несколько раз переходил из рук в руки, но шведы упорно стремились овладеть им.

Постоянная опасность осады и соседство с воинственной Швецией требовали присутствия в Орешке более сильного гарнизона, крепких стен и высоких башен с орудиями. Поэтому новгородцы опоясали крепость каменной оградой, поставили 5 круглых башен, насыпали новый вал и вырыли ров. Островок превратился в каменный замок, со всех сторон

омываемый водой, и действительно стал неприступной опорой русского владычества на севере.

Когда Иван Грозный завоевал и разорил Великий Новгород, к Москве отошел и Орешек. Выстроенная в эпоху Московского государства крепость затмила свою новгородскую предшественницу. Высокие военные качества новой твердыни изумляли и друзей, и врагов: когда шведы осматривали новые укрепления, они поняли, что крепость «нельзя ни обстрелять, ни взять штурмом из-за ее мощных укреплений и сильного течения реки». Однако в 1667 году не завоеванный, а отданный по Столбовскому договору Орешек снова перешел к Швеции и стал Нотебургом. Шведы еще больше укрепили теперь уже свою крепость, построили в ней внутреннюю цитадель, которая потом стала известна под названием «Секретного дома».

Петр I называл Нотебург «изрядной и неприступной крепостью», но тем не менее решил завоевать ее, так как она предопределяла дальнейшее освобождение от шведов всей Ингерманландии. Для защиты Нотебурга у шведов находилась на Ладоге хорошо вооруженная эскадра под командованием генерала Нумерса. У Петра I в 1702 году морских сил не было, поэтому он планировал напасть на крепость зимой, не беря с собой осадной артиллерии. Но зима 1702 года стояла необычайно теплая, следовательно, пути к Нотебургу не было, и поэтому составленный план пришлось отменить.

Новое завоевание Нотебурга началось осенью 1702 года. С 1 по 11 октября крепость подвергалась непрерывному бомбардированию, кроме того, по Неве и Ладожскому озеру ее окружала целая флотилия судов и лодок. «Жестокий штурм» начался 11 октября: после 13часового приступа гарнизон крепости понес огромные потери, и «пылкий Шлиппенбах» сдал Нотебург. При сдаче комендант, по обычаю того времени, поднес Петру I ключ от крепостных ворот, и русский царь повелел прибить его над входом в западную башню, которая впоследствии была названа Государевой. После этого решили не возобновлять старое название «Орешек», а назвать завоеванную крепость Шлиссельбург – Город ключа, так как после ее взятия истоки Невы вновь оказались русскими.

Петр I задумал разместить в Шлиссельбурге тыловую военно-административную и правительственную резиденцию. Осуществил замыслы русского царя архитектор Д. Трезини, который выстроил в крепости ансамбль деревянных домов и 40метровый шпиль Часовой башни, изменившей силуэт укрепления. Круглые башни крепости были снижены почти до уровня стен, бойницы заложены камнями, ров цитадели засыпан. Над входной четырехугольной башней появилась надпись «Государева», а над ней – черный двуглавый орел и ключ – гербы государства и крепости. На этом боевая история крепости на время закончилась, и началась мрачная повесть превращения ее в государственную тюрьму.

С завоеванием Озерной области и возведением Петропавловской крепости военное значение Шлиссельбурга постепенно сошло на «нет», зато крепость стала идеальным местом, чтобы в ней надежно спрятать и вместе с тем держать недалеко врага или соперника. Но так как тюремных зданий в ней не было, заключенных размещали в солдатской казарме, а также в не сохранившихся до нашего времени доме Меншикова и Государевом доме.

Вид замка с запада

Одно время в Шлиссельбурге находилась в заточении Евдокия Федоровна Лопухина – первая жена Петра I. Сосланная первоначально (1698) в суздальский Покровский монастырь, она была насильно подстрижена в монахини под именем инокини Елены. Но бывшая царица не хотела подчиняться монастырскому режиму, носила светское платье и называла себя прежним именем. Она находилась тогда в полном расцвете красоты и здоровья, ей было 25 лет, и она жаждала любви и власти. Когда в Суздаль по делам службы приехал генерал-майор Глебов, между ними случился роман, за который они оба поплатились. Генерал-майора предали «лютой казни» (посадили на кол), а Евдокию Федоровну сослали под строгий надзор в Ладожский монастырь. Екатерина I, вступив на престол, видела в ней опасную соперницу, и поэтому строптивую узницу перевели в Шлиссельбург, где содержали «в самом тесном заточении».

Одновременно с Евдокией Федоровной в Шлиссельбурге томилась царевна Мария Алексеевна, дочь царя Алексея Михайловича. Вся ее вина состояла в том, что она состояла в переписке с Е.Ф. Лопухиной, когда та еще находилась в суздальском заточении.

При Бироне в Государевой тюрьме пытали и казнили четвертованием князей Долгоруких, при Елизавете Петровне здесь были заточены раскольники, а потом и сам Бирон с семейством, и наконец несчастный Иоанн Антонович.

Перед смертью импратрица Анна Иоанновна подписала манифест о передаче престола трехмесячному Иоанну VI, на который он номинально и вступил в октябре 1740 года. Когда в результате дворцового переворота к власти пришла Елизавета Петровна, Иоанн Антонович был обречен на вечную ссылку, а потом и на пожизненное заключение. Под именем Григория его увезли в далекую Архангельскую губернию, где секретно и под особым караулом держали 12 лет.

В марте 1856 года его привезли в Шлиссельбургскую крепость и заключили под именем «безымянного колодника» в особый секретный каземат. Условия его содержания определялись специальной инструкцией, и тайна, которой было окружено его заточение в Шлиссельбурге, была так велика, что даже комендант крепости не должен был знать, кто же такой этот таинственный узник. Надзор за Иоанном Антоновичем поручался трем офицерам, которым предписывалось соблюдать в строжайшей тайне все, что относилось к узнику. Под страхом смертной казни они не должны были никому говорить, «каков арестант: стар или молод, русский или иностранец» и т. д. Офицерам строжайше было запрещено отвечать на его вопросы, да и сам он не должен был знать, где находится, – «далеко ли от Петербурга или от Москвы».

Иоанн Антонович не получил никакого образования, так как запрещалось учить его чему бы то ни было. Однако еще в Холмогорах один из тюремщиков сжалился над несчастным ребенком и обучил его грамоте, но и это не доставляло ему радости, так как книг для чтения в

Шлиссельбурге у него не было. Однако, несмотря на все принятые меры, Иоанн Антонович знал о своем происхождении и называл себя государем.

Петр III, вступив на русский престол после смерти Елизаветы Петровны, подписал указ, сыгравший роковую роль в жизни узника. Этим указом охрана обязывалась при попытке его освобождения или захвата «противиться сколько можно и арестанта живого в руки не давать». Когда поручик Я.В. Мирович, находясь в карауле, попытался освободить его, царственного узника застрелили.

Печальная участь Иоанна Антоновича чуть было не постигла самого Петра III. Свергнув мужа с престола, Екатерина II решила заточить его в Шлиссельбургскую крепость, для чего уже было приготовлено специальное помещение. Но оно не понадобилось, так как в угоду новой императрице А. Орлов и князь Барятинский собственноручно задушили бывшего императора.

Если с царственными узниками обходились так жестоко, что было говорить о простых смертных. «Исключение» составляет только раскольник Круглый, но и поступили с ним исключительно: замуровали вход в его «тесную палату», оставив только небольшое отверстие, в которое подавали хлеб и воду. Но «подлый» арестант избавил тюремщиков и от этой заботы, уморив себя голодом.

Условия тюремного содержания в Шлиссельбурге постоянно менялись в зависимости от настроений, которые господствовали в правительстве в тот или иной момент. Но всякий раз эти условия были такими, что не надо было никаких пыток в духе испанской инквизиции. Камеры были выкрашены в черный цвет, окна почти не пропускали дневного света через матовые стекла, и нельзя было бросить через них взгляд на волю. Ни книг, ни письменных принадлежностей узникам не давали; койка в камере даже у больных открывалась только ночью, днем спать запрещалось не только на полу, но даже сидя за столом. Все болели самыми разнообразными болезнями, но общим уделом были туберкулез и ревматизм, у всех – сплошная цинга, неизбежная при постоянном недоедании. Неудивительно, что многие узники подчас добровольно выбирали смерть, поэтому сюда и заключали самых опасных и неугодных людей, чтобы заживо похоронить их, скрыть от людских взоров и медленно сгноить в сырых казематах крепости. Имена заключенных держались в тайне и внутри самой крепости, даже память о них должна была умереть. В рапортах запрещалось упоминать фамилии и имена заключенных, которые фигурировали только под номерами.

Самым страшным было повальное безумие, которое в той или иной степени, в той или иной форме овладевало заключенными. И сколько доведенных до сумасшествия было замуровано в этих камерах!

> По делу Южно-Русского Рабочего Союза был приговорен к смертной казни Н.И. Щедрин, но потом ее заменили вечной каторгой. По пути на каторгу, в Иркутской тюрьме, он узнал, как бесстыдно обращается с политкаторжанками местный тюремщик, и решил вступиться за оскорбленных женщин. Улучив подходящий момент, Н.И. Щедрин ударил его по лицу в присутствии всех арестантов и тюремной стражи. Новый судебный процесс снова вынес смертный приговор, но и на этот раз его заменили вечной каторгой, дополнив прежний: «Приковать к тачке». А потом Н.И. Щедрина перевели в Алексеевский равелин Петропавловской крепости – вместе с тачкой.
>
> Равелин он вынес, после чего его перевели в Шлиссельбург, где долгие годы одиночного заключения оказались сильнее железной воли Н.И. Щедрина. Целых 15 лет провел он душевнобольным «арестантом № 3». Его камеру заполнили жуткие призраки-чудовища, которые его «жалили и мучали»… Дикие вопли неслись из камеры Н.И. Щедрина, но о переводе его в какую-нибудь больницу не было и речи. Одна из характерных особенностей Шлиссельбурга в том и заключалась, чтобы здоровых и больных держать вместе. Вместо лечения «нарушающих тишину и порядок били смертным боем», и, глядя на сумасшедших, здоровые видели свою страшную судьбу.
>
> Главной из навязчивых идей Н.И. Щедрина стала ненависть к жандармам, у которых он ничем не хотел одалживаться: пищу приносит жандарм – он не будет ее есть; одежду приносит жандарм – он не будет ее носить и останется голым. Со временем его увлекла мысль издавать в Шлиссельбурге газету «Эхо» и на доход от нее начать новую жизнь.

Впоследствии он стал воображать себя то лордом, то «царем царей»; потребовал английского консула, чтобы заявить цивилизованному миру о своей судьбе и потребовать немедленного вмешательства международной дипломатии.

Проходят годы, десятилетия… В соседней камере томится другой сумасшедший – Конашевич, приговоренный на вечное тюремное заключение по делу об убийстве. Богатырского здоровья, он попал в Шлиссельбург 20летним юношей, но тюрьма быстро сломала и его. Сначала Конашевича стали посещать зрительные галлюцинации, потом слуховые… Жандармы боялись его силы и не применяли к нему рукопашных методов усмирения. Они воспользовались страстью больного писать записки и даже приносили ему бумагу и карандаши.

Дни и ночи Конашевич писал записки и прошения, заполненные изобретениями, алгебраическими и геометрическими формулами или… требованием немедленно созвать Земский собор. Он требовал обо всех своих записках «немедленно докладывать государю императору», так как ему нужно строить величественный собор и дворец, а злые враги беспрестанно гипнотизируют его, отчего строительство может затянуться.

Идут долгие годы, а Сагайдачный (так Конашевич стал называть себя в Шлиссельбурге) жалобно воет и все пишет свои прошения: он «изобрел металлический дом» – очень дешевый и удобный для крестьян, а также «металлическую дорогу сквозь земной шар». Он разработал проект машины, которая будет делать другие машины простым поворотом ключа… Он открыл способ, как доить овец и свиней салом, для чего изобрел снаряд, который, выдавливая сало из овцы, не будет лишать ее жизни…

В 1869 году Шлиссельбург превратился в военно-исправительные арестантские роты, а еще через 10 лет – в дисциплинарный батальон. Все содержавшиеся там политические заключенные были вывезены и распределены по центральным тюрьмам России. Однако в начале 1880х годов было решено вновь превратить Шлиссельбург в политическую тюрьму для особо важных государственных преступников.

Взойдя на престол, император Александр III, потрясенный смертью своего отца и напуганный выступлениями террористов, распорядился построить в Шлиссельбурге «Новую тюрьму» со строжайшим режимом и закрытую для какого-либо посещения. Новое узилище, ставшее местом заключения политических, строилось на острове среди Ладожского озера, и его сравнивали с Сахалином, о котором говорили: «Кругом море, а посередине – горе».

«Новая тюрьма» представляла собой 2—3этажное здание, в котором разместилось 40 камер: в них со временем перевели заключенных, которые раньше содержались в Петропавловской крепости и других местах. В Шлиссельбургскую крепость были привезены и участники покушения на императора Александра II – народовольцы А. Ульянов, В. Осипанов, П. Шевырев и другие. На рассвете 8 мая 1887 года они были казнены, а тела их зарыли во дворе крепости.

Заключенные всеми силами боролись со скукой и одиночеством, старались находить себе занятия и развлечения. Почти все они изучили шахматную игру, выписав руководство, и решали шахматные задачи, которые помещались в «Ниве». Когда увлечение этой игрой прошло, все стали писать стихи, причем у некоторых заключенных обнаружился явный талант, многие изучали иностранные языки, занимались переводами, писали статьи на самые разнообразные темы. Так, Н.А. Морозов, просидевший в крепости четверть века, написал здесь капитальный научный труд «Периодические системы строения Вселенной», высоко оцененный Д.И. Менделеевым. А народоволец М.В. Новорусский изготовил несколько геологических и ботанических коллекций.

В.С. Панкратов вспоминал: «По содержанию наши стихотворения были довольно разнообразны: воспевалась прошлая жизнь, погибшие товарищи; «прославлялась» тюремная администрация, слабые призывались к стойкости и мужеству и т. д. Писались стихи и к торжественным дням: на именины и рождения товарищей, вместо подарков на Новый год. Некоторые поэты писали только юмористические стихи».

После революции 1905 года ворота Шлиссельбургской крепости распахнулись, узники вышли на свободу, и вскоре в печати стали появляться их стихотворения. А в 1909 году в свет вышел сборник «Под сводами», в котором было напечатано такое произведение:

Долгая ночь наступила, всюду молчанье кругом,
Словно в могиле, лишь только вьюга шумит за окном,
Да в тишине пронесется бой на часах и замрет:
Это молчание мертвое душу невольно гнетет…
Образы милого прошлого вновь обступают меня,
Вижу знакомые лица в ярком сиянии дня;
Слышу горячие речи, споры о том, как скорей
В будущем можно добиться лучших и радостных дней…

Во время Великой Отечественной войны древние бойницы Шлиссельбургской крепости вновь запылали огнями выстрелов. Немцы подвергли крепость сильной бомбардировке с воздуха, но многовековые стены и башни уцелели, хотя и были сильно повреждены. Однако все позднейшие кирпичные пристройки разрушились и превратились в голые остовы. Враг рассчитывал форсировать Неву, чтобы на ее правом берегу соединиться с наступавшими с севера финскими войсками и полностью завершить окружение Ленинграда. Но дорогу ему преградила древняя крепость, куда на шлюпках и баржах скрытно прибыла группа советских бойцов из соединения полковника С. Донского. Затем сюда были переброшены дополнительные подкрепления с орудиями и пулеметами, которые и не дали гитлеровцам соединиться с финскими войсками.

От переднего края немцев на левом берегу Невы батарею Шлиссельбургской крепости отделял только проток шириной 180 метров, но старинный Орешек не позволил врагу наглухо замкнуть кольцо вокруг Ленинграда. В течение 500 дней крепость вела непрерывное сражение. Оборону приходилось строить под непрерывным огнем врага, когда часто вспыхивали пожары и одно за другим рушились здания, а ожесточенные бои продолжались иногда по несколько часов подряд. Однажды фашисты сбросили на крепость 500килограммовую бомбу, которая сильно разрушила крепость. Но ее осколки посыпались на берег, занятый самими фашистами, и, подсчитав свои жертвы, гитлеровцы больше уже не рисковали сбрасывать на остров крупные бомбы.

Они разделили крепость на своего рода квадраты и стали методично крушить их своими фугасными снарядами, поэтому пыль почти никогда не оседала. Враг установил на церкви в городе Шлиссельбурге мощные репродукторы, которые вещали: «Герои крепости, ваше сопротивление бесполезно! Сдавайтесь! Германское командование вас помилует!». Но советские бойцы не отходили от орудий, и на полуразрушенной колокольне крепости продолжало развеваться красное знамя. Каждый раз, даже если фашистам удавалось его сбить, оно водружалось на прежнем месте.

Среди боевых реликвий крепости сохранился уникальный окопный журнал, который выпускали ее защитники. Помещенные в нем заметки, статьи, рисунки были написаны участниками обороны – артиллеристами, минометчиками, связистами. Серые твердые листы сшивались в одну тетрадь, рисовался заголовок, и очередной номер отправлялся к читателям. Его передавали из рук в руки, из одной землянки в другую, от траншеи к траншее, вплоть до командных и наблюдательных пунктов…

Тевтонский замок Прейсиш-Эйлау

Предшественником Тевтонского ордена, который сначала назывался «Орденом Пречистой Девы Сионской», традиционно считается «Германский госпиталь в Иерусалиме», организованный для немецких пилигримов Генрихом Вальдпортом. Он возник позже военно-монашеских организаций иоаннитов и тамплиеров, и в нем были представлены в основном германские рыцари, в отличие от первых орденов, ряды которых составляли рыцари из разных стран. Основная сфера деятельности Тевтонского ордена распространялась скорее на Европу, чем на Восток, хотя резиденция Ордена до 1241 года находилась неподалеку от Акры.

Рыцарь Тевтонского ордена XII–XIII веков

После захвата святого города Иерусалима мусульманами госпиталь был восстановлен герцогом Фридрихом Швабским, но уже совсем в другом месте. Верховный магистр Тевтонского ордена переехал сначала в Венецию, а затем в прусский замок Мариенбург, откуда управлял орденскими владениями, разбросанными по многим странам Европы.

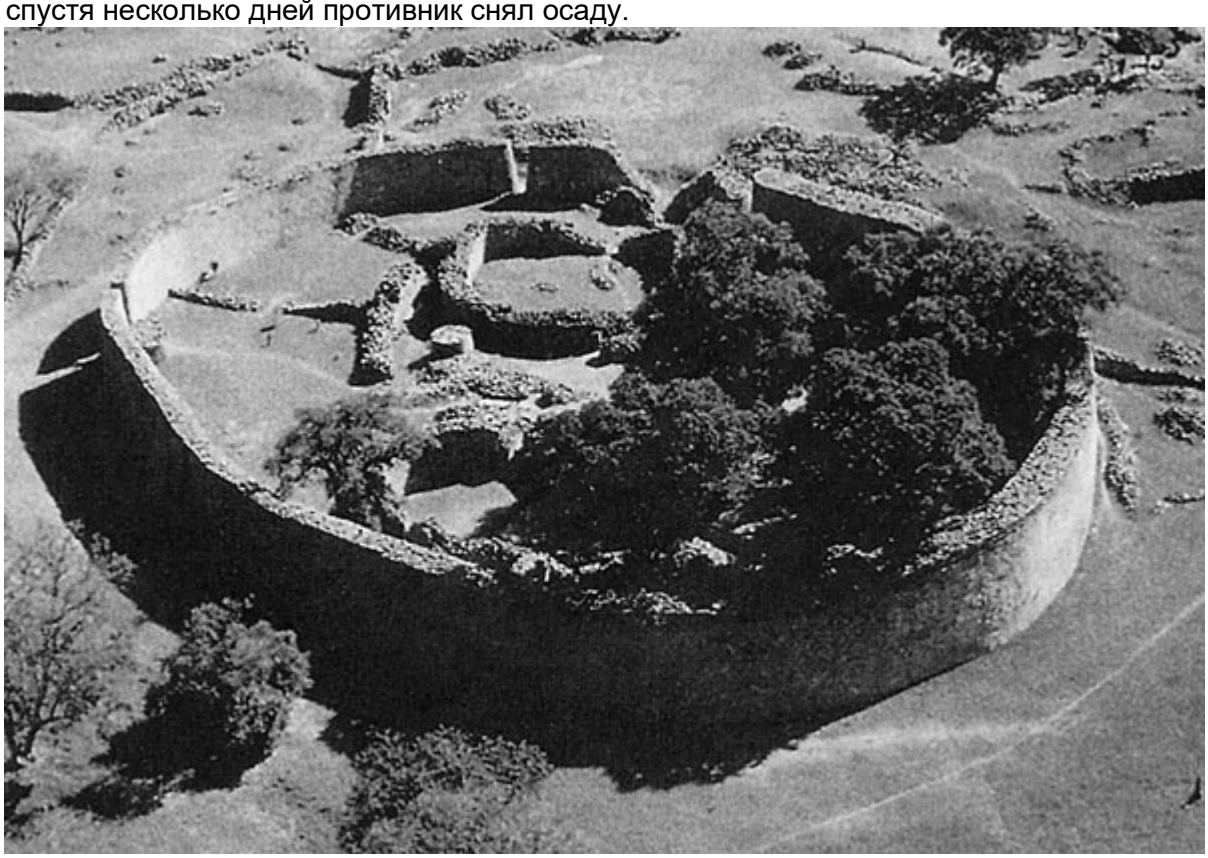
Среди владений Тевтонского ордена был и замок Прейсиш-Эйлау, возведенный в 1325 году в той части Пруссии, которая простиралась севернее залива Фриш-Хафф. Некоторые немецкие историки считают, что замок возник на месте существовавшего прусского поселения, название которого могло быть Сутвирт. Это название будто бы упоминалось в числе других прусских поселений в Христбургском договоре 1273 года, однако фактов, подтверждающих это предположение, пока не обнаружено. Единственным прусским памятником в ближайших окрестностях является святилище, которое раньше называлось Кегельберг, располагающееся у истоков реки Пасмар.

Замок начали строить при магистре Вернере фон Орзельне, а решение о его возведении исходило от бургграфа фон Альтенбурга. Название замка происходит из прусского слова, и все исследователи его смысл объясняют одинаково, связывая слово «Эйлау» со значением «темный» и с русским словом «ил». Вероятно, название это произошло от природных особенностей реки Пасмар, места вокруг которой были болотистыми.

В исторических документах первое упоминание о замке Прейсиш-Эйлау относится к 1326 году, где он называется «Иле», в записях 1342 года его именуют «Иладия», в 1400 году – «Пруще Илов» и т. д. Когда в 1454 году разразилась Тринадцатилетняя война, все замки Тевтонского ордена (Прейсиш-Эйлау, Бранденбург, Кройцбург и др.) оказались в руках бунтовщиков, но победа под Каницем в сентябре 1454 года побудила многие из них вновь перейти на сторону Ордена. Замок Прейсиш-Эйлау был заново вооружен и получил гарнизон, состоявший из рыцарей-тевтонцев и 60 «уважаемых землевладельцев окрестностей». В 1455 году на Кенигсберг двинулось польское войско, но, не добившись там успеха, хотело захватить замок Прейсиш-Эйлау. Командующий польским войском Ремшель фон Криксен с отрядом в 2000 человек вплотную подошел к замку, но гарнизон его был на страже, храбро оборонялся и защитил Прейсиш-Эйлау. В середине октября поляки вновь атаковали замок и даже взяли форбург, а в мае 1456 года в надежде захватить богатую добычу неприятель вновь появился под стенами замка.

В 1492 году магистр Тевтонского ордена Иоганн фон Тифен передал замок Прейсиш-Эйлау брату Ордена – Генриху Ройсу фон Плауену в пожизненное пользование. К этому времени относится и герб замка: в верхней части щита изображен атакующий золотой лев рода Ройсов, а на серебряном поле нижней части – три орденских креста.

В дальнейшей истории Прейсиш-Эйлау был период, который называется «война всадников». В мае 1520 года польский отряд в 4000 воинов после взятия Ландсберга двинулся к замку, осадил его и не раз пытался захватить. Но гарнизон Прейсиш-Эйлау под руководством рыцаря Фридриха Трухзеса Вельтбурга и курляндского военачальника Фирике отразил все атаки неприятеля и удачной орудийной стрельбой нанес ему столь сильный урон, что спустя несколько дней противник снял осаду.



Цитадель замка (хохбург) представляла собой единый, близкий к квадрату четырехугольник, состоявший из четырех флигелей. В восточном флигеле находились ворота, в восточной части южного флигеля размещалась капелла с четырьмя очень большими окнами: других окон такой величины в замках Пруссии больше нигде не наблюдалось. Три флигеля цитадели выполняли оборонительные функции: по периметру она была оборудована военным ходом и бойницами, через которые обстреливалась прилегающая к замку местность. Внутри замкового двора располагался колодец, а по

периметру двора проходила двухэтажная галерея, на которую выходили двери помещений второго этажа.

С востока к Прейсиш-Эйлау примыкал трапециевидный форбург (предкрепость), который располагался на площадке, плавно понижающейся к северу и резко – к югу. От замка форбург отделялся глубоким рвом, выкопанным еще при строительстве замка. Выбранную землю использовали, чтобы насыпать с восточной стороны форбурга высокий вал, который сверху крепили каменной стеной. В северо-восточной части располагалась круглая башня; по предположениям исследователей, в юго-восточном углу тоже находилась башня, которая прикрывала ведущие в форбург ворота. В постройках форбурга размещались жилье для прислуги и хозяйственные службы: конюшни, амбары, склады, мастерские по изготовлению оружия, пекарня, пивоварня, больница и т. д. Ученые не исключают, что на противоположной стороне рва находился еще один форбург или небольшое укрепление, прикрывавшее подступы к мосту. В результате слияния замка и церковной деревушки, располагавшейся в полутора километрах к востоку от него, возник город Прейсиш-Эйлау.

В 1525 году Тевтонский орден был упразднен, возникло светское герцогство Пруссия, замок стал ведомственным имением гауптмана Прейсиш-Эйлау. Со временем замок стал утрачивать свое первоначальное назначение, так как к XVII веку перестали содержать фортификационные сооружения подобного рода, ведь они возводились тогда, когда огнестрельное оружие было еще редкостью. Да к тому же в казне прусского герцога и средств не было для реконструкции замка и поддержания его в обороноспособном состоянии. К концу XVIII века здание замка полностью обветшало и использовалось как каменоломня и свалка[35]. Полученные при их разборке материалы использовались на строительстве новых сооружений.

В 1807 году под Прейсиш-Эйлау произошло событие, навсегда связавшее этот город с историей России, – сражение русских и французских войск. Наполеон в этот день, 27 января, не собирался воевать, так как ждал подхода корпусов маршалов Даву и Нея, к тому же бушевала сильная метель. Но неожиданно в Прейсиш-Эйлау завязалась схватка русских с французскими фуражирами. Вскоре она переросла в целое сражение, в которое втянулись обе армии. Подоспевшие корпусы Наполеон направил в обход русских войск, чтобы отрезать им отступление к русской границе. В центр он бросил корпус Ожеро, который из-за снежных вихрей «неожиданно появился за пятьдесят шагов». Русская артиллерия в упор расстреляла его, и он был почти весь истреблен.

Для Наполеона создалось критическое положение: русские войска охватили французов полукругом, артиллерия стихла, и противники сошлись в рукопашной схватке. На русских всей своей мощью обрушилась кавалерия Мюрата. К этому моменту погода прояснилась, буран стих. Денис Давыдов, адъютант П.И. Багратиона, так описывал это сражение:

> Около получаса не было слышно ни пушечных, ни ружейных выстрелов, ни в середине, ни вокруг: слышен был только какой-то невыразимый гул перемешавшихся и резавшихся без пощады тысячей храбрых. Груды мертвых тел осыпались свежими грудами; люди падали одни на других сотнями, так что вся эта часть поля сражения вскоре уподобилась высокому парапету.

И вдруг произошло то, чего Наполеон совсем не ожидал. Весь французский центр был опрокинут конницей Д.В. Голицына, бросившейся на помощь русской пехоте. Французы в панике ринулись по косогору вверх, к кладбищенской часовне, откуда Наполеон наблюдал за сражением. Но русский генерал-фельдмаршал Л.Л. Беннингсен, к сожалению, не использовал переломный момент битвы и не дал свой резерв для подкрепления наступления. Сам он уехал с поля сражения за помощью к прусскому союзнику генералу Лестоку и, как писали современники, «по дороге заблудился».

А в это время на центр русских напирал корпус Сульта с остатками корпуса Ожеро, а Ней и Даву обходили его с флангов. Генерал Ф.В. Сакен, заменивший Л.Л. Беннингсена и командовавший центром, решил отступить. Но тут вмешался находившийся в резерве П.И. Багратион, решительным ударом отбросивший французов. К тому же удачный маневр А.И. Кутайсова и помощь подоспевшего прусского корпуса укрепили положение русской армии. А французы бежали, и очень далеко! Русские потеряли в сражении под Прейсиш-Эйлау 18 000 убитыми и 7900 человек были ранены. И все-таки это была победа русских, завоеванная огромной кровью.

В 1831 году на фундаменте крепостного форбурга Прейсиш-Эйлау, между восточным флигелем и амбаром, было возведено здание новой усадьбы, строившейся в

неоклассическом стиле. В стену парадной стороны этого здания был вмурован гранитный камень, на котором изображалась голова рыцаря в шлеме. Во второй половине XIX века было построено еще одно здание, на расстоянии одного километра от бывшей крепости, куда и перенесли почти все хозяйство. В 1932 году семейство Валентини передало старое здание усадьбы, находившееся в замке, городскому магистрату Прейсиш-Эйлау, и в том же году там был создан музей.

Авиньонский замок римских пап

В средневековой Западной Европе прочность и могущество римской церкви были такой незыблемой основой жизни, что казалось, ничто их не поколеблет. Но в XIV веке зашатались и эти устои, а началось все с неожиданной победы французского короля Филиппа IV Красивого над римским папой Бонифацием VIII.

Французский король Филипп IV, вступив в 1294 году в войну с Англией, для покрытия военных расходов ввел новый налог, которым облагалось и духовенство. Папа Бонифаций VIII в специальном послании выступил против мероприятий французского монарха, который словно бы хотел подчеркнуть, что прежнее согласие Рима на обложение налогом духовенства и церковных земель ему не требуется. Папа запретил начинание Филиппа IV, отменил все уступки в этом вопросе, сделанные его предшественниками, и угрожал церковными карами тем, кто будет взимать или платить налоги, не разрешенные папской курией. В ответ на это французский король запретил вывоз из страны золота, серебра и всяких драгоценностей за границу, и Рим лишился средств, получаемых из Франции.

Однако римский папа вскоре нашел новый источник доходов: 1300 год был объявлен юбилейным (святым) годом, и всякий грешник, прибывший в апостольскую столицу на 15 дней и ежедневно молившийся в храмах Святого Петра и Святого Павла, не только очищался от всех грехов, но и приравнивался к крестоносцу, который пользовался особыми милостями церкви. За сравнительно короткий срок в Риме побывали 2 000 000 человек, которые оставили церкви и хозяевам постоялых дворов огромные суммы.

А между тем из Франции приходили известия, что духовенство облагается там большими налогами, а король ведет себя так, будто «папы и на свете не существует». Филипп IV Красивый, несмотря на поражение в битве с англичанами, вовсе не собирался покоряться папской курии. Более того, он вступил с папой Бонифацием VIII в решительную борьбу. По инициативе Гийома Ногарэ, ближайшего советника короля, римского папу обвинили в противозаконном занятии Святого престола, и Государственный совет Франции решил немедленно созвать церковный собор, который осудил бы верховного понтифика как еретика и чудовищного преступника.

Гийом Ногарэ по поручению французского короля отправился в Италию, противников папы собрал в небольшой отряд, многих подкупил и настиг Бонифация VIII в резиденции Ананьи, где арестовал его и надавал пощечин. Но вскоре для спасения сошедшего с ума папы из Рима прибыли 400 всадников, с которыми 86летний Бонифаций VIII перебрался в столицу, где через месяц и умер.

Начались долгие поиски нового папы, в результате которых престол занял безвольный монах Бенедикт XI, но вскоре его отравили. После этого в течение года опять лихорадочно искали нового папу, причем каждая сторона настаивала на своем: одни жаждали мести за поругание Бонифация VIII, другие готовы были примириться с Францией. Но французскому королю мало было примирения, он требовал полного подчинения, а Гийом Ногарэ угрожал сторонникам Бонифация VIII суровыми карами.

Следующую страницу в истории папства, которую впоследствии стали называть «авиньонским пленением», открыл дотоле никому не известный гасконский прелат Раймон Бертран де Го – папа Климент V, выбранный под давлением французского короля. Сразу же после избрания он удивил всех, решив провести свою коронацию в Лионе в присутствии короля Филиппа Красивого и французских аристократов.

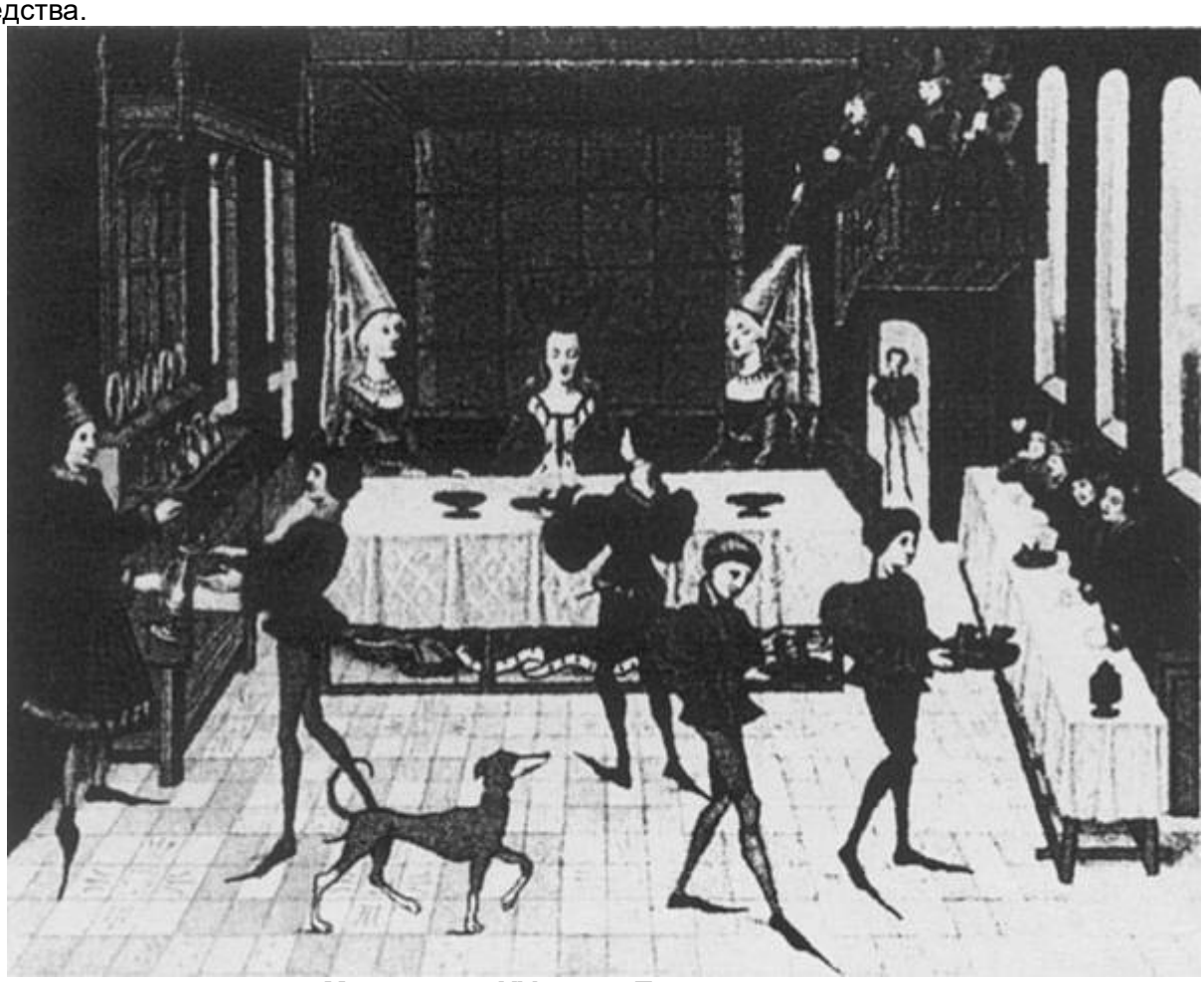
Новый папа покинул «небезопасный» Рим, и для постоянного проживания ему был предоставлен французский город Авиньон, расположенный на юге страны – на левом берегу Роны. Здесь для верховного понтифика был выстроен громадный замок-дворец, в котором все было устроено, как в крепости. Но на соседнем холме был разбит прекрасный парк, откуда открывался чудесный вид на Рону с ее старинными мостами.

Вместе с папой в Авиньон переселилась и папская курия, насчитывающая тогда более 4000 чиновников. Плененные католические прелаты купили весь город у графини Жанны,

тогдашней его владелицы. Они тоже построили для себя виллы и дворцы по обеим сторонам Роны и веселились, стараясь скрасить свое вынужденное пребывание в Авиньоне.

На площади Авиньона стоит массивное, мрачное здание готического замка, в котором римские папы жили с 1309 по 1377 год. В течение всего этого времени верховные понтифики находились почти в полном подчинении у французских королей. Первое, что сделал Климент V в Авиньоне, – назначил в кардинальскую коллегию несколько французов, чем обеспечил и в будущем избрание «французских» пап. Но всего этого французскому королю казалось недостаточным, и папство вынуждено было принести в жертву Орден храмовников[36].

Папский двор в Авиньоне был богат и великолепен необычайно. Папы сумели так наладить сборы с церквей и светских владений по всей Европе, что их доходы были не ниже, чем у некоторых монархов. Подчиняясь во всем Франции, из пределов которой они не выезжали, папы между тем не хотели допустить усиления ее влияния на Италию. Они поддерживали Неаполитанское королевство, смещали в итальянских землях французских чиновников и даже объявили крестовый поход против миланского наместника Висконти, проводившего политику императора. Эта борьба требовала огромных средств, а между тем папы не могли облагать крестьян и горожан налогами, поэтому они стали изыскивать другие средства.



Миниатюра XV века «Трапеза в замке»

Виртуозом в этом деле оказался папа Иоанн XXII, который за время своего понтификатства (1316–1334) накопил 18 миллионов золотых флоринов, не считая драгоценностей более чем на 7 миллионов флоринов. Эти средства предназначались будто бы на организацию крестового похода, однако Иоанн XXII «не успел» осуществить этот поход, хотя и прожил 90 лет. Широкий размах при нем получила и торговля индульгенциями. Сначала их раздавали целыми пачками посредникам, а те уже продавали всем, «жаждущим очиститься от грехов».

Вслед за папским престолом в Авиньон устремилось много итальянцев в надежде получить хорошее место и приличное жалованье. Среди них был и нотариус Петрарка с женой и двумя детьми, так что будущий поэт и гуманист оказался связан с Авиньоном еще в раннем детстве. Дела семьи устроились, семья Петрарки поселилась недалеко от новой

столицы пап, а Франческо отправили на обучение в ближайший университет. Потом он получил должность у авиньонского кардинала Колонна, и при папском дворе о нем узнали как о поэте и прекрасно образованном человеке. Петрарку пригласили на должность папского секретаря, расширился круг знакомств молодого поэта, в уединенном местечке был куплен небольшой домик, а в самом Авиньоне его с радостью и сердечным волнением ждала белокурая Лаура.

Как указывалось выше, почти 70 лет папы были заняты обогащением, внутренними и внешними делами, а также постройками в Авиньоне и выкупом города у анжуйцев. Рим же, оставшийся без духовной и светской главы и лишенный многих доходов, вступил в полосу анархии и упадка. Судьба Вечного города – мировой столицы и освященного авторитетом апостола Петра места папского престола – волновала Франческо Петрарку, поэтому тема «Рим – Авиньон» становится одной из особо значимых в его публицистике.

Состояние авиньонской церкви видится поэту как «кораблекрушение», тяжелая болезнь с нарывами и язвами, главные причины которой – погоня за земными благами, алчность, спесь, зависть, праздность, лицемерие… Но поэту мало было только критики, мало даже яростных антиавиньонских сонетов, которые были известны всем. Петрарке важно было доказать, что бегство верхушки церкви из Рима привело к разрыву исторических, сакральных и духовно-религиозных традиций.

Вернуться из Авиньона в Рим папу Григория XI убедила Екатерина Сионская – покровительница Италии. В небольшом скверике, на подступах к замку Святого Ангела в Риме, ей был установлен изящный памятник, выполненный скульптором Ф. Мессина. А в широком дворе Авиньонского замка, где когда-то собирались католики, ожидавшие благословения папы, теперь темными вечерами дают спектакли «Свет и звук» из истории «авиньонского пленения пап».

Олесский замок на Украине

Киевская Русь была одним из самых сильных феодальных государств, но в XII веке она распалась на ряд удельных княжеств. Этим тотчас воспользовались татаро-монголы, и в 1241 году их отряды уже стояли у западных границ Галицко-Волынского княжества. Они уничтожили город Плисненск, располагавшийся в 10 километрах от Олеско, и ученые предполагают, что, возможно, именно тогда беглецы из Плисненска и заложили в труднодоступном месте городище, которое со временем превратилось в крепость.

Сам же замок, располагающийся неподалеку от нынешнего украинского поселка Олеско, построил потомок Даниила Галицкого – один из сыновей князя Юрия Львовича (Андрей или Лев). В исторических документах первое упоминание о замке относится к 1327 году. Уже тогда на крутом холме, со всех сторон окруженном непроходимыми болотами, возвышались крепостные стены, высота которых достигала 10 метров, а толщина их равнялась 2,5 метра.

Во второй половине XIV века Олесский замок оказался на границе между Литвой и Польшей, поэтому неудивительно, что оба государства стали претендовать на него. В замке несколько раз сменялись хозяева, играл он важную роль и в народной войне против польских королевских отрядов. В 1431 году эту борьбу возглавил олесский староста Ивашко Преслужич, под руководством которого жители Олеско и близлежащих сел одержали немало побед. Но силы были неравными, и в 1432 году войско польского короля Ягайло овладело Олесским замком.

Через столетие Олесский замок утратил свое оборонительное значение и превратился в резиденцию украинских магнатов, хотя за его стенами еще не раз укрывались от ордынских отрядов жители окрестных сел. В 1442–1453 годы, опустошая все на своем пути, по землям Западной Украины прошли ордынские отряды. Но в 1512 году, когда селяне в очередной раз хотели укрыться от татар в стенах замка, он осады не выдержал. Едва замок успел отстроиться, как через несколько лет татаро-монголы появились вновь.

В XVI веке Олесским замком владел род магнатов Данило'вичей, последний из которых – воевода русских земель Иван Данило'вич – в свое время был весьма заметной фигурой. На службе у него в Олеско находился Михаил Хмель – отец Богдана Хмельницкого. В 1648 году во время освободительного похода Богдана Хмельницкого в Галицию городом Олеско и замком овладели казаки.

При Иване Данило'виче развернулось строительство как в самом замке, так и за его пределами. Тогда Олесский замок приобрел черты жилого сооружения, архитектурные черты которого были характерны для градостроительства эпохи Возрождения. В замке выросли

этажи, с северной стороны к нему пристроили башню, возвели новый корпус, и он стал почти таким, каким предстает и поныне.

Олесский замок был и одной из резиденций польского короля Яна III Собесского, который собрал в нем большое количество художественных ценностей. Впоследствии замок купил Станислав Жевусский, сын которого – Северин – богато украсил интерьер замка, а у французского скульптора Леблана заказал парковые скульптуры.

Однако на рубеже XIX–XX веков Олесский замок стал постепенно приходить в упадок. Вторая мировая война довершила его разрушение, и он превратился в развалины. Но после войны в нем были проведены реставрационные работы, и замок стал музеем-заповедником X—XVIII веков. В нем собрано около 500 произведений живописи, скульптуры и прикладного искусства. Часть из них датирована и подписана, что стало возможным только после длительных поисков и исследований. Другие экспонаты еще скрывают свои тайны, и потому работа предстоит кропотливая.

Древнейшее искусство Галицко-Волынских земель X–XIII веков представлено в музее археологическими находками, затем в экспозиции в хронологическом порядке разместились образцы изобразительного искусства XIV–XVIII веков, отдельный зал отведен для живописи XV–XVI веков. В нем собраны в основном произведения иконописи – «Богоматерь Элеуса», «Пятница», «Спас Нерукотворный», «Страшный суд» и другие.

Представлен в музее и портретный жанр, получивший большое развитие после распространения гуманистических идей Возрождения: например, «Портрет Ивана Данило'вича» Ф. Сеньковича, «Портрет Яна Барановского» неизвестного художника начала XVII века и другие. В первой половине XVIII века появляются первые портреты украинских крестьян, написанные с натуры: в частности, на одном полотне изображен крестьянин с палкой, на другом – сельский знахарь.

Влияние реалистического портрета весьма ощутимо отразилось и на традиционной живописи: так, в иконах XVII века появляются бытовые мотивы, реальная среда и конкретные личности в одеяниях того времени. Все больше места в иконах стало отводиться и пейзажу, что можно заметить на алтаре 1689 года «Бегство в Египет».

Не менее полно в Олесском музее-заповеднике представлена и скульптура, образцы которой тоже размещены по историко-хронологическому принципу. Гуманизм Ренессанса проявился даже в оформлении надгробий, где образ человеческий приобрел конкретные черты, как, например, в алебастровом надгробии Анны Синявской.

Экспозиции Олесского музея разворачиваются от зала к залу, словно раскрываются страницы исторической летописи. Да и каждый зал музея – тоже своего рода экспонат. Мебель, светильники, шпалеры, гобелены, реставрированные лепные украшения, камины – все характерно для XVI–XVIII веков. Музей-заповедник разместился не только в замке, но занимает и большую территорию вокруг него, где восстановлены парковые массивы и сооружения, система водоемов и скульптуры.

Изборск – крепость на Журавлиной горе

> В лета 6838 Шелога посадник с псковичи и изборяны поставиша город Изборск на горе на Жеравии; того же лета и стену камену с плитою учиниша и ровы изрыша под городом.

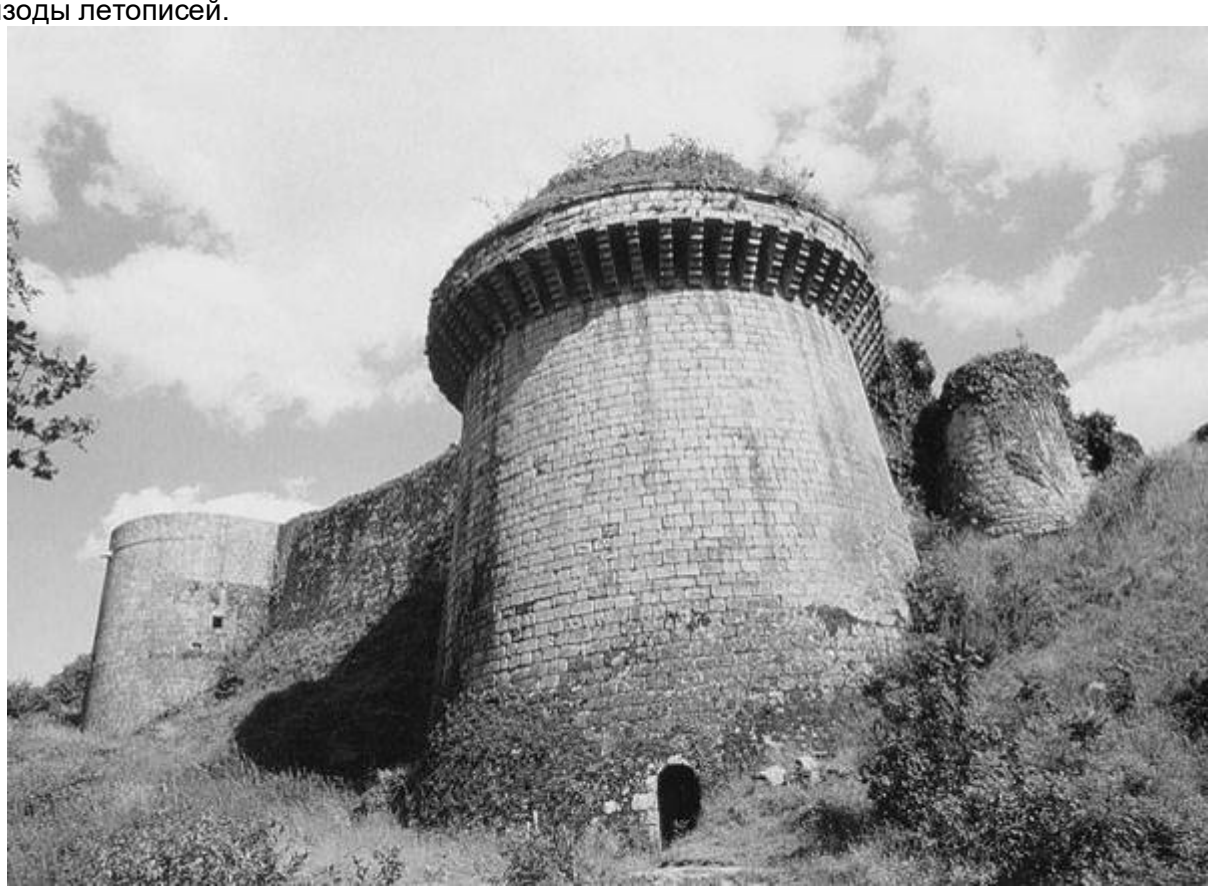
Так говорится в «Псковской летописи» об одном из древнейших городов Руси – Изборске, отстоящем на 33 километра к западу от Пскова. Согласно некоторым преданиям, Изборск древнее Пскова, о чем отмечается и в старинных летописях: «Еще бо граду Пскова не суще, но бяше тогда начальный град во стране той, завомый Избореск». Летописи первый раз упоминают об Изборске под 862 годом в легендарном сказании о призвании на Русь варяжских князей. Тогда Трувор – младший брат легендарного Рюрика – будто бы и основал город, поэтому городище рядом с нынешней крепостью в просторечии зовется Труворовым. Местные жители даже укажут место у основания холма, куда будто бы причалил Трувор на своих ладьях. Могила с каменным крестом у обрыва к озеру считается могилой варяжского князя, однако ученые установили, что «Труворов крест» и лежащие рядом исполинские каменные плиты относятся к XV–XVI векам.

Возможно, один из варяжских пришельцев какое-то время и правил Изборском. Но русские историки В.Н. Татищев и Н.М. Карамзин, заинтересовавшись происхождением Изборска и собрав все доступные им источники, предположили, что основателем города был первый русский князь Словен, так как в летописях Изборск называется еще и Словенском. Согласно другой версии, Словен был не первым русским князем, а сыном первого

новгородского посадника Гостомысла. Уйдя от своего отца в землю народа чудь, он поставил там город Словенско и княжил в нем три года. После смерти Словена основанный им город перешел к его сыну Изобору[37], от которого и получил свое название. Некоторые современные ученые считают, что название города происходит от слова «бор»: Изборск – город, вышедший из бора (из леса). Другие предполагают, что в основе названия лежит слово «сбор» (или сборище).

Изборск действительно с самого своего основания стоял на торговом пути из Руси в Западную Европу и потому долгое время был местом сбора русских ратей. Несмотря на окраинность своего положения, Изборск рано втянулся в общие события Древней Руси. Его жители участвовали вместе с киевским князем в походах на Византию, Болгарию и в печенежские степи. Когда в X веке выросло значение торговли, расположение Пскова на реке Великой оказалось более выгодным, чем месторасположение Изборска, поэтому развитие Пскова пошло быстрее. Вскоре он перерос Изборск, который из самостоятельного центра здешнего края превратился в пригород Пскова. В ту отдаленную эпоху «пригород» означал передовое укрепление, поставленное на границе государственной территории и предназначенное для борьбы с внешними врагами. Однако сам Псков был тогда пригородом Великого Новгорода, и таким образом судьба Изборска оказалась связанной и с Псковом, и с Новгородом.

Вся история Изборской крепости связана с борьбой русского народа против Ливонского ордена, когда она почти целое столетие первой встречала вражеские рати. Город не единожды выгорал дотла, но каждый раз там, где после кровопролитных осад оставались «токмо дым и земля и пепел», снова стучали топоры и поднимались новые дома. Чтобы сделать город неприступным, решено было поставить его на другом месте, «на горе на Жеравии», но была ли тогда там поставлена крепость – неизвестно. Однако на то, что какие-то деревянные укрепления в то время там уже располагались, косвенно указывают некоторые эпизоды летописей.



Древние укрепления Изборска стояли на мысе, образованном с восточной стороны долиной Городищенского озера, а с северо-запада – глубоким оврагом (руслом ручья, впадающего в озеро под острым углом). За дубовым тыном стояли деревянные постройки и места для хранения запасов; над жилищами возвышалась церковь Святого Николы, до нашего времени не сохранившаяся.

Конечно, деревянных укреплений Изборска вскоре оказалось недостаточно, особенно когда с 1230х началась борьба с немецкими рыцарями, которые еще в начале века двинулись на завоевание Прибалтики. А в 1233 году во время одной из бесконечных новгородских

междоусобиц князь Ярослав Всеволодович (отец Александра Невского) изгнал из города враждебных ему бояр, которые нашли себе приют в Пскове. Но когда изменились политические обстоятельства, псковичи тоже изгнали их из своего города, и на этот раз бояре укрылись в рыцарском городе Одемпе, который русские называли Медвежьей головой.

В то время в Одемпе проживал князь Ярослав Владимирович – вечный скиталец, всегда приносивший с собой смуту и потому отовсюду изгоняемый. Воспользовавшись благоприятными обстоятельствами, он с помощью новгородских беглецов поднял рыцарей, которые двинулись на Изборск и захватили его. Но на этот раз торжество их было недолгим: потеря пограничной крепости была для русских страшным ударом, и князь Ярослав Всеволодович с псковичами явились на подмогу и окружили Изборск. Они изгнали немцев, князя-изменника взяли в плен и, заковав его, «даша» Ярославу Всеволодовичу, который заточил его в Переславле-Залесском.

Однако этот злой гений Пскова вновь оказался на свободе и через 7 лет жестоко отомстил за свои обиды. В 1240 году князь он вместе с рыцарями опять захватил Изборск, но и на этот раз на помощь выступила псковская рать (600 человек)[38] во главе с воеводой Гаврилой. Однако псковичам не удалось скрытно подойти к Изборску, так как оставшиеся в городе тайные сторонники Ярослава Владимировича сносились с немцами. А подойти к Изборску в те времена было нелегко, потому что все пространство между городом и Псковом было покрыто густыми лесами. В этой лесной чащобе рыцари устроили засаду, на которую и наткнулось псковское войско. Произошла жестокая битва, в которой пал воевода Гаврила и множество псковичей; иные попали в плен, а другие разбежались. Рыцари двинулись к Пскову, разгромили по дороге окрестные деревни и сожгли много церквей, в которых уничтожили иконы и другую утварь. Жители Пскова заперлись в своем детинце, но изменник Твердило Иванкович открыл ворота, и город в первый и единственный раз во всю свою многовековую историю оказался в руках врагов. Рыцари владели Псковом два года, а потом были изгнаны Александром Невским.

После знаменитого Ледового побоища немцы почти 30 лет не отваживались нападать на псковскую землю и только в 1299 году решили снова попытать счастья. В этом столкновении принимал участие и Изборск. Много было нападений на город и впоследствии, но он всегда защищался, хоть имел всего лишь земляные валы и деревянные стены. Однако эти события показали, что городу нужны другие укрепления, так как к началу XIV века такая устарелая фортификация уже не соответствовала важному значению пригорода.

В 1330 году в 300 метрах от старой деревянной крепости началось возведение каменной. Незаурядным деятелем псковской истории был посадник Шелога, имя которого не раз упоминается в летописях. Еще в 1327 году он «с иными посадниками со старейшими… правил слово псковское», то есть от лица всего Пскова вел переговоры с князьями московскими. В 1330 году он отправился в Изборск распоряжаться постройкой каменной крепости, которую возводили горожане и жители окрестных деревень. В те времена выбор места для крепости был поистине всенародным и священным делом, ибо крепости ставились главным образом для защиты населения близлежащих сел и деревень.

При выборе места для возведения новой крепости остановились на горе Жеравии не только из-за ее обширной ровной площадки, но и из-за ее естественной укрепленности. С восточной стороны, обращенной к Пскову, гора высоко и круто поднималась над долиной речки Смолки, заболоченной многими ключами. Поэтому восточная сторона всегда оставалась недосягаемой, и по этой причине ливонцы никогда не могли полностью окружить крепость. С юга Жеравия отделялась глубоким оврагом, который тоже делал приступ невозможным; с северной стороны проходил менее глубокий овраг, но при возведении крепости его углубили и превратили в ров. Таким образом, верхняя площадка горы представляла собой естественную крепость с тремя укрепленными сторонами. Только четвертая сторона, обращенная в сторону Риги, не имела естественных преград, поэтому ее и называли «приступной» стороной.

Восточная и северная стены Изборской крепости не имели башен, так как над крутыми откосами и каменным неприступным обрывом они были не нужны. А западный склон Журавлиной горы был слишком малым и пологим, поэтому именно здесь и встали четыре башни каменного Изборска с ласковыми названиями – Плоскушка, Вышка, Рябиновка, Темнушка. Самой высокой башней каменной Изборской крепости является Вышка, поэтому строители украсили ее традиционным для псковской архитектуры узором, каким всегда отмечают самого сильного воина. За восточной стеной спряталась башня Луковка, оставшаяся с тех времен, когда Изборск имел еще деревянные стены, а единственная его

каменная башня исполняла роль дозорной. Когда крепость стала полностью каменной и заняла всю вершину горы, Луковка оказалась внутри ее стен.

Башня Вышка

Значение новой крепости сразу же понял дерптский епископ – ближайший сосед Изборска и наиболее опасный его противник. Поэтому через три года в 40 километрах от Изборска был возведен каменный замок Нейгаузен, обращенный прямо к псковской земле, чтобы жители Журавлиной горы не знали покоя.

Уже в 1341 году каменная крепость Изборска приняла первое боевое крещение. В этот раз псковичи воевали против немецкого ордена вместе с Литвой. В Псков пришло литовское войско под началом двух братьев – Ольгерда и Кейстута. Передовой русский отряд под предводительством мужественного князя Юрия Витовтовича дошел до Нейгаузена и здесь наткнулся на немецкое войско, которое направлялось к Изборску. Маленький отряд русских был разбит, а оставшиеся в живых вместе с князем укрылись в Изборской крепости, которую тут же окружили рыцари со своими стенобитными орудиями.

Между тем соединенное русско-литовское войско переправилось через реку Великую и встало лагерем в Камно – небольшом городке, располагавшемся в 7 километрах от Пскова. Не получая никаких известий от князя Юрия, новгородцы выслали новый передовой отряд на поиски первого. Второй отряд дошел до Халахальны, где и узнал об участи князя Юрия. С этой печальной вестью отряд вернулся к главным силам.

В это время в Камно братья Ольгерд и Кейстут почему-то решили, что русско-литовских сил слишком мало для генерального сражения, и поворотили своих воинов назад в Псков. Опасаясь за судьбу жен и детей, которые могли оказаться в полной власти литовцев, русские тоже повернули назад. Таким образом, Изборск оказался предоставленным собственной

участи. Тщетно гонец, посланный осажденными и пробравшийся сквозь лесную чащу, заявлял на псковском вече, что изборянам «притужно вельми». Ольгерд и Кейстут наотрез отказались двигаться вперед, а псковичи оставить город не решались.

Но сами изборяне и не думали о сдаче, а душой обороны стал князь Юрий Витовтович. Так как стенобитные орудия не помогли немцам, они, обнаружив вылаз к реке, решили «воду отъяша от изборян». История средневековых войн почти не знает случаев, когда бы лишенная воды крепость продолжала обороняться. Но горожане выдержали жажду, и, простояв у Изборска пять (а по другим сведения 10) дней, немцы сняли осаду.

После ухода рыцарей изборяне испытали бедствие похуже всякой осады, ибо от него нельзя было укрыться ни за какие стены. В городе появилась чума, и «мряху бо старые и молодые люди, и черницы и чернцы, мужи и жены и малые детки. Не бh бо ихъ гдh полагаху, все могилы воскопано бяше по всhмъ церквамъ; а где место вскопают или мужу или женh, и ту съ ними положат малых деток, семеро или осмеро голов в одинъ гробъ».

О дальнейшей судьбе Изборска хроники рассказывают следующее.

> Через несколько лет рыцари воспользовались войной между Псковом и шведами, когда псковское войско находились под Орешком. В июне 1348 года они внезапно вторглись в псковские земли, разорили окрестности и подступили к Изборску, но осадить его не решились.
>
> Через год ливонцы повторили свой набег в тот момент, когда изборяне готовились к освящению нового Спасо-Преображенского придела в своем Никольском соборе. Придел освятили 13 апреля, а через два дня, когда князь Юрий находился еще в Изборске, к городу внезапно подошло немецкое войско. И «бысть сеча»: князь Юрий тотчас бросился в битву и пал вместе с несколькими своими соратниками. Изборяне отбились от неприятеля, но горько оплакивали гибель храброго князя.
>
> Через 20 лет ливонцы решили, что пора покончить с упрямым Изборском. Летом 1369, собрав рать «в силе великой… со многим запасом замышлений своих, с пороки великими и грады и с затворы», они подступили к городу. Большие стенобитные машины 18 дней долбили крепость своими таранами, но на диво сложенные стены не поддавались, а к изборянам уже спешила помощь. Потеряв надежду на успех, рыцари и на этот раз сняли осаду.
>
> В 1480 году к стенам Изборска подошел с войском сам Магистр Ливонского ордена, и «начаша стрелы огненные пущати на град… И многие древеса приметавше к стене зажогша; и бе притужно вельми сущим во граде». Но Изборск выстоял и в этот раз, а ливонцам вновь пришлось уйти «взъярився и попухнев лицом… скрежеща своими многоядными зубы».
>
> А в 1607 году произошло событие, небывалое за всю историю Изборска. Этот верный боевой союзник Пскова в течение почти восьми столетий восстал и пошел на него ратью. Случилось это в ту печальную эпоху, когда по всей Руси брат восстал на брата. В Псковской области появились стрельцы, бывшие в стане Тушинского вора, которые своими рассказами о «царевиче Дмитрии» так смутили изборян, что те толпами начали присягать самозванцу. А так как псковичи оставались верны царю Василию Шуйскому, то горожане решили силой принудить их к присяге и выступили в поход. В пяти километрах от Пскова произошла кровопролитная битва, в которой изборяне потерпели поражение…

Ливонские рыцари, шведские войска, наемники Стефана Батория и другие захватчики не раз были биты под стенами каменного Изборска. С узкого уступа на восточной стороне крепости открывается необозримый простор, как будто специально созданный для того, чтобы было где развернуть своих коней былинным богатырям. И идет по этому простору дорога к горизонту, которая огибает огромные валуны, белеющие под солнцем, как высушенные столетиями конские черепа…

Все украшения крепостных стен составляют только неровные тени и грубой кладки массивные башни с подслеповатыми бойницами, стоящие в кажущемся беспорядке. Даже представить трудно, что здесь могло стоять что-то другое, так как строители меньше всего заботились о красоте: но, думая только о защите своей земли, они и создали как раз то, что неотделимо от ее красоты.

С тех пор прошло почти 700 лет. Гигантскими зубьями торчат сейчас над обрывом развалины ливонского замка Нейгаузен, который псковские летописи называли Новым городком. Складки и провалы его кирпично-красных стен занесены землей и поросли мелким кустарником… А стены Изборска до сих пор стоят и радуют своей мудрой и простой красотой, ибо созданы были как щит обороны, а не копье для разбоя.

Изборская крепость небольшая и бесхитростная: в ней нет подземных галерей и зловещих склепов, каменных мешков и таинственных переходов. Да и стоит она открыто и доступно, будто земля приподняла ее на своих ладонях. Словно птица распростер город свои крылья по выгоревшей пыльной траве, и оттого кажется он одиноким в некогда гордой стае псковских порубежных крепостей.

Ливонский замок в Нарве

Во второй половине XIII века в Прибалтике появились немецкие рыцари, пришедшие из Западной Европы. Они были обучены военному искусству и хорошо вооружены: на войну шли с ног до головы закованные в железные и стальные доспехи – в латах, шлемах и железных рукавицах. Плохо вооруженным прибалтийским народам трудно было сражаться с таким противником, и им в конце концов поневоле пришлось покориться пришельцам.

Со временем Ливонский орден подчинил своей власти весь прибалтийский край, который стал называться Ливонией. Не остановившись на этом, рыцари стали теснить и русских. Прибалтийские народы в то время были язычниками, и немцы стали проповедовать им христианство; если жители Ливонии сопротивлялись, то их крестили насильно. А так как сами рыцари были католиками, то обращать в христианство для них означало обращать в католичество. Русские люди были православными, власть римского папы не признавали, поэтому рыцари считали их тоже язычниками. Неудивительно, что между ними сразу же возникла война, в которой одолевали то те, то другие.

В 1217 году русские под предводительством псковского князя совершили особенно удачный набег на рыцарей, и на помощь им пришли эсты. Рыцарям в тот раз пришлось так плохо, что они даже обратились за помощью к датскому королю, пообещав ему отдать все земли, населенные эстами. Датский король с радостью принял это предложение и с многочисленным флотом прибыл к берегам Финского залива. Вступив в обладание Эстляндией, датчане построили здесь несколько укрепленных городов, в том числе и Нарву. Сначала город был построен на правом берегу реки Наровы, но новгородцы считали этот берег своим и очень скоро разорили датское поселение. Тогда датчане, выбрав возвышенное каменистое место, построили город на левом берегу реки.

Но датчане недолго владели землями Эстляндии. Через 100 с небольшим лет они снова уступили ее немцам, так как управлять эстами было нелегко. Они оказались народом непокорным и не раз восставали против поработителей. Датчанам же приходилось вести войны еще и с русскими, да и сами немецкие рыцари, когда прошла беда, стали косо поглядывать на своих соседей, хоть и званых.

Датский король, не желая безвозмездно потерять Эстляндию, в 1347 году продал ее за 19 000 кельнских серебряных марок Ливонскому ордену. В числе приобретенных рыцарями городов оказалась и Нарва, которая с тех пор находилась под властью Ливонского ордена более 200 лет. За это время город, населенный в основном эстонскими ремесленниками и мелкими купцами, был сильно укреплен. Опытные в военном деле немцы окружили его рвами и каменной стеной с башнями, затратив на это значительные средства. Над скученными и тесными кварталами города, разделенными кривыми и тесными улицами, поднималась высокая башня собора – единственного большого здания в Нарве.

Замок Ливонского ордена, представляющий собой каре из четырех флигелей, был заложен в 1347 году одновременно с первыми каменными стенами крепости, а западное крыло замка построили в XV веке. Французский путешественник Гильбер де Ланноа, посетивший эти земли в 1413–1414 годы, определил Нарву как «укрепленный город, командорство и замок». Вся власть в Нарве находилась в руках Ливонского ордена, но сами рыцари жили не в городе, а в возведенном в южной стороне, тоже на возвышенном каменистом берегу Наровы, замке. Отсюда они правили не только Нарвой, но и всеми подвластными им землями.

Первый этаж замка, перекрытый массивными и часто поставленными деревянными балками, занимала спальня (дормиторий); в верхних сводчатых помещениях располагались столовая (рефекторий) и зал собраний рыцарских правителей города (ремтер). Здесь до сих пор сохранились остатки большого камина, сверху прикрытого каменной плитой.

В северо-западной части замка возвышается квадратная в плане башня «Длинный Герман», возведенная из местного камня на связующем растворе. Ярусы башни разделялись балочными перекрытиями и сообщались между собой лестницей, устроенной в южной стене. В своем первоначальном виде до настоящего времени дошла только нижняя часть башни, а верхняя ее часть была восстановлена и надстроена после взрыва в 1593 году. За этим последовало соединение восточного и западного крыла замка. Тесный и грузный комплекс замковых сооружений с его тяжеловесными башнями отделялся от города глубоким рвом, через который был перекинут подъемный мост.

Ивангород сильно стеснил свободу рыцарей, способствовал упадку их торговли и крайне затруднял рыболовство, которое для жителей Нарвы было весьма существенным занятием. С тех пор они вынуждены были ездить к самому устью Наровы или даже выходить в открытое море.

К этому времени относится и старинное предание о рыцаре Беренгаупте.

> Жил в Нарве ливонский рыцарь Беренгаупт, который был женат и имел малолетнего сына. Во время одного из своих нападений на город русские ворвались в жилище рыцаря и, жаждая добычи, разбрелись по всему дому. Наконец они добрались до комнаты, в которой прятались жена и сын рыцаря. Женщина была молода, красива, и предводитель русских, прельстившись ее красотой, приказал своим воинам взять ее в плен. Когда ее уводили, на русских воинов напал рыцарь Беренгаупт, отбил жену и бесстрашно стал защищать ее. Со всех сторон на него сыпались удары, рыцарь стал ослабевать и, видя, что силы его истощаются, и не желая, чтобы жена его попала в плен к «русским варварам», заколол ее собственным мечом.
>
> В это время дом рыцаря был подожжен, и защитники, и нападавшие выбежали из него. Рыцарь упал в изнеможении на дворе и только успел увидеть, как уводили в плен его сына.
>
> В плену мальчик попал в дом воеводы, где его все полюбили. Он рос с маленькой дочкой воеводы, со временем стал забывать о своем родном доме, рос в православной вере и считал себя русским. Даже мысль, что он – сын немецкого рыцаря и может когда-нибудь встретить отца, никогда не возникала в его голове. А когда он вырос, то стал участвовать в набегах на немцев и отличился своим мужеством.
>
> Дочка воеводы тоже выросла, превратилась в красивую девушку, и молодые люди полюбили друг друга. Воевода с женой не препятствовали их счастью и дали им свое благословение. Казалось бы, молодой человек полностью счастлив, но судьба распорядилась иначе.

Рыцарь Беренгаупт остался жив, излечился от ран, но жизнь не радовала его. Ярость и отчаяние его возросли еще больше, когда он узнал, что сын его жив, отделен от него только рекой, но воспитывается в чужой вере и ненависти к своему народу. И тогда рыцарь решил прорыть через Нарову подземный ход в Ивангород, а затем пробраться по нему тайно, чтобы застать врагов врасплох и всех их перебить.

Решившись на такое дело, рыцарь Беренгаупт воспрял духом. О своем намерении он рассказал только двум самым преданным слугам, а властям заявил, что после гибели жены и потери сына мир ему стал в тягость и он хочет удалиться со своими слугами в «могилу» – глубокое подземелье в рыцарском замке, куда сажали осужденных на голодную смерть преступников.

Власти уступили желанию рыцаря, и Беренгаупт вместе со слугами отправился в подземелье. Каждый день им спускали пищу и питье, кроме того, им спустили колокол, так как было условлено, что звон колокола раздастся только тогда, когда Беренгаупт решит закончить свое уединение.

Прошло много лет. Слуги Беренгаупта умерли, и рыцарь один продолжал рыть подземный ход. Наконец раздался звон колокола, и Беренгаупта подняли из подземелья. Ход был прорыт, но Беренгаупт из некогда цветущего рыцаря превратился в сгорбленного седого старика, полуслепого от долгого пребывания во мраке. Однако он по-прежнему был бодр духом и горел только одной мыслью – отомстить врагу.

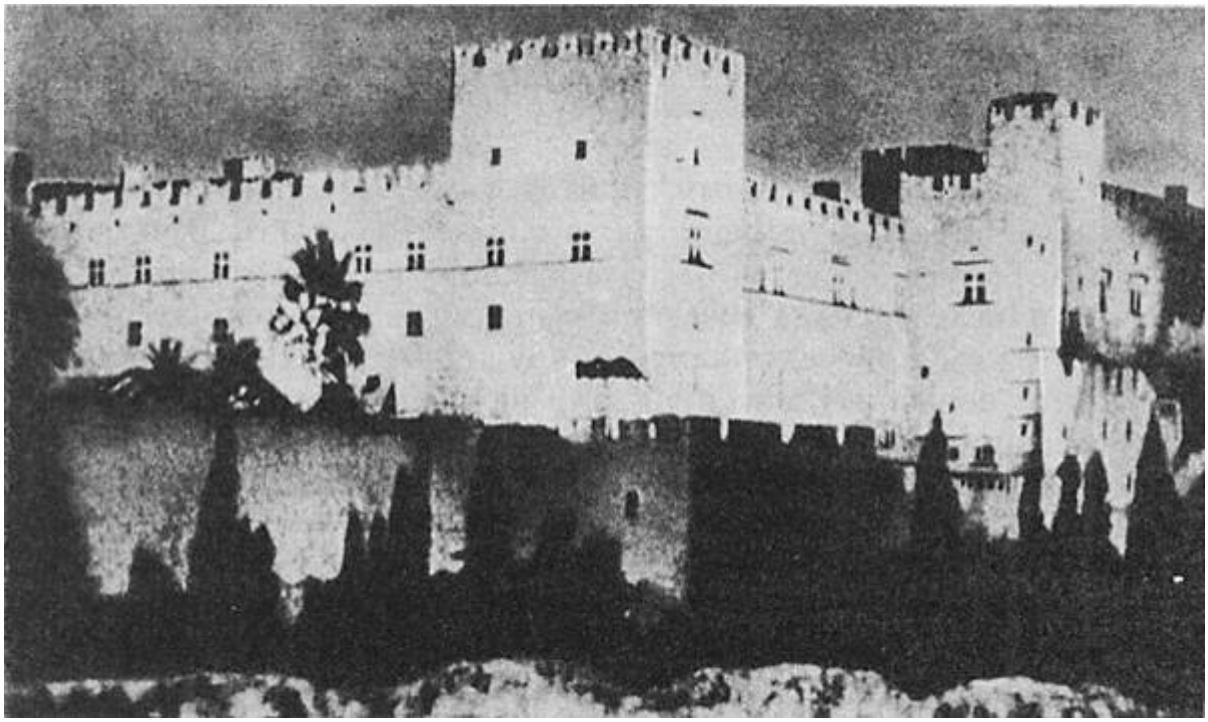
Он сообщил о своем деле властям Нарвы, и на рыцарском совете решили воспользоваться прорытым ходом и совершить внезапное нападение на Ивангород. Накануне назначенного дня Беренгаупт отважился пробраться в Ивангород один, где ему удалось отыскать сына. Он рассказал ему о его происхождении и стал уговаривать вернуться на родину. Но сын заявил, что считает себя русским, и отказался последовать за отцом. Раздраженный Беренгаупт ударил сына по щеке и удалился, пылая еще большей жаждой мщения.

На другую ночь отряд вооруженных ливонцев с факелами в руках вошел в подземный ход. Впереди шел Беренгаупт, но не дошли рыцари и до середины реки, как впереди послышались голоса, шум и бряцание оружия. Показались и огни шедших навстречу русских, которые случайно обнаружили подземный ход и решили напасть на Нарву. Впереди русских шел сын Беренгаупта. Отряды сошлись, предводители обнажили мечи, и старый рыцарь упал от удара сына. Но в это время напором воды прорвало слой земли, который отделял ход от реки, и воды Наровы сомкнулись над обоими отрядами…

Высокогорные крепости Инков

В период с X по XV век инки группировались в маленьких и средних государствах, но потом племена создали одну из величайших империй, которая узкой лентой протянулась вдоль восточного побережья Южной Америки – от берегов Тихого океана до плато в Андах. Представления инков о самих себе были совсем другими, чем у современных ученых. То, что они рассказывали испанским монахам, появившимся там в XVI веке вместе с конкистадорами, было более похоже на мифы, чем на собрание реальных фактов. К тому же испанские летописцы многое из того, о чем им сообщили инки, понимали совсем по-другому.

Инки рассказали им, что в начале XV века «божественный владыка Пахакути» – девятый по счету Инка – расширил свое маленькое государство с помощью договоров или войн с вождями соседних племен. Его усилиями и была основана величественная империя инков. Но если последние 100–150 лет существования величественной империи инков история их опиралась на записи испанцев, то более ранние времена долгое время оставались «белым пятном», на котором ярко, но обманчиво расцветали мифы. Исправить такое положение могла только археология, которая за последние полтора века открыла немало такого, что до сих пор приводит ученых в изумление.



Инки создали изысканные произведения искусства, прекрасные золотые украшения, тончайшие ткани… Не зная в то время ни колеса, ни железа, они возводили гигантские храмы и сооружения. Резиденцией Верховного Инки был город Куско, из которого божественный владыка со своим окружением правил империей Тауантинсуйу, что означает «царство четырех соединенных провинций». По своим размерам государство Тауантинсуйу превосходило Римскую империю: оно охватывало территорию, занимавшую большую часть современного Эквадора, Перу, часть Боливии, Чили, Аргентины и некоторые районы Колумбии. Куско стал символом империи, о чем один из испанских хронистов писал: «Представители отдельных народов и провинций жили в кварталах города, которые были закреплены за ними таким образом, что город представлял и всю страну, и ее отдельные части»: сюда сходились пути со всех обширных областей, завоеванных инками[39].

В одной из перуанских легенд рассказывается, что «воины инков внезапно, как бы из земли, появляются на поле боя и так же неожиданно и таинственно растворяются в неведомом поле сражения». Но откуда появлялись и куда исчезали воины-инки? И насколько вообще этому можно верить? Ответ на эти вопросы дали раскопки Куско, проводившиеся в 1972 году перуанскими и польскими археологами.

Высоко над городом высились поставленные зигзагами стены крепости **Саксауаман**. Под ее древними руинами, лежащими на высоте 3500 метров над уровнем моря, ученые обнаружили большой туннель и подземную сеть-лабиринт, соединявшие ее с городом. Археологи обследовали и второй туннель, который выходил на поверхность на улице в самом Куско, где ныне находятся развалины знаменитых «Купален инков». Этот туннель, который вторым концом выходил в долину, ученые назвали «туннелем со 100 дверями», так как нашли в нем 100 трапециевидных люков вправо и влево от основного канала. Вероятно, инкские воины совершали свои таинственные передвижения именно по этим подземным ходам. В таких ходах, соединявших башни и бастионы, легко было заблудиться, поэтому для прохода по ним воины-инки использовали длинные цветные нити.

Крепость Саксауаман

Крепость была также и хранилищем оружия, продовольствия, тканей и других запасов. Об этом можно узнать в одной из хроник:

> Был дом, в котором хранились 100 000 засушенных птиц, поскольку из их многоцветного оперения изготовлялись парадные одежды. Даже трудно себе представить, что они хранили так много различных вещей.

После падения империи Тауантинсуйу этот город долго оставался заоблачной столицей, а оплотом последнего Верховного Инки, поднявшего восстание против испанских конкистадоров, стал город-святилище Вилькампама. Сейчас его руины, возвышающиеся в перуанских Андах на высоте нескольких тысяч метров над уровнем моря, названы **«Мачу-Пикчу»** по имени приютившей их горы. Даже среди других поразительных памятников инкской культуры развалины Мачу-Пикчу выделяются своей грандиозностью. Город располагался высоко в горах за многокилометровой стеной джунглей: кругом были только лес и горы, и на одном из неприступных утесов – точнее на плато, втиснувшемся в седловину между двумя горными вершинами, и разместились Мачу-Пикчу (Старая гора) и Уайна-Пикчу (Новая гора).

Внизу город опоясывало глубокое ущелье, по которому протекает река Урубамба, а сам он был защищен толстыми каменными стенами, сложенными из огромных валунов. К тому же на всех окрестных вершинах располагались наблюдательные башни, развалины которых сохранились до наших дней. Дежурившие там часовые могли обозревать местность на десятки километров вокруг и вовремя предупредить о появлении противника. К городу-крепости вела лишь узкая тропинка, позволявшая горстке воинов отразить натиск целой армии.

Ученым удалось открыть Мачу-Пикчу только в начале XX века, а до этого о существовании «затерянного города инков» долгое время ходили лишь легенды, порождавшие множество вопросов: кто его строил, кто в нем жил и как он погиб? Впервые ученые узнали о нем из старинных перуанских легенд, родившихся еще во времена инков. В одной из них рассказывалось, что где-то в отрогах Восточных Анд стоит город, который великолепием своим «превосходил все созданное смертными». Вместе с подробностями, удивительными точностью деталей, легенды утверждали и нечто фантастическое: людям помогали строить город и крепость птицы. Ученые, конечно, знали, что эти рассказы всего лишь легенды, но…

Летом 1911 года экспедиция, которую возглавлял американский археолог Х. Бингхэм, обследовала на востоке Перу течение реки Урабамбы в поисках сооружений древних инков и

однажды остановилась на привал у подножия какой-то горы. На склоне ее работали несколько индейцев: узнав, что ищут путники, один из них вызвался показать старинные дома на вершине. И ученые увидели город. На высоте нескольких тысяч метров стояли здания, словно сами собой выросшие на нависающих одна над другой террасах. Эти террасы соединялись лестницами, вырубленными прямо в скалах. Солнечные часы на городской площади продолжали отсчитывать время, в висячих садах цвели цветы – все было как тогда, когда по улицам города ходили его жители…

Так город-легенда стал реальностью, на вершину горы снаряжаются археологические экспедиции, но многие загадки Мачу-Пикчу так и остаются пока неразгаданными. Известно, что для защиты от воинственных соседей инки соорудили целую систему мощных укреплений, стены которых поднимаются на высоту 18 метров. Тридцать тысяч человек доставляли на вершину горы огромные блоки, потом их так тщательно подгоняли один к другому, что между ними нельзя было вогнать лезвие ножа.

Совершенная техника шлифовки каменных монолитов на вершине Мачу-Пикчу, которые были положены друг на друга без всякого скрепляющего раствора, изумила ученых. А в середине XX века зоологи открыли в Андах птицу, которую индейцы называли «хакакльо» («тот, кто просверливает камень»). Эти птицы, срывая в тропическом лесу листья какого-то неизвестного до сих пор растения, переносят их в своем клюве высоко в горы и легко «просверливают» в камне гнезда глубиной до одного метра: сок этого растения словно размягчает камень. И при возведении своей крепости инки шлифовали поверхность каменных глыб с помощью сока этого растения, тайну которого им открыла птица «хакакльо». Время и землетрясения уничтожили многие замки испанцев, завоевавших страну инков, стены же Мачу-Пикчу стоят до сих пор…

Археологи установили, что в городе жило около 8000 человек. Причем в результате раскопок выяснилась странная и удивительная закономерность: на одного мужчину приходилось 10 женщин. Поэтому некоторые из ученых предположили, что город был священным убежищем легендарных «алкьяс» – целомудренных девственниц и самых красивых девушек, посвятивших себя служению богу Солнца.

А в 1938 году небольшой отряд американских летчиков-любителей, возглавляемый сыном биржевого маклера Робертом Шиппи, решил пролететь над горными районами Перу. Там, в неприступных джунглях и горах, медленно разрушались памятники древних доколумбовых культур, и молодые люди решили сфотографировать их с воздуха, чтобы хоть в снимках сохранить для будущих поколений древние сооружения. И вдруг они с изумлением увидели, как внизу, пересекая горные хребты тонкой бесконечной лентой, извивается загадочное сооружение, подобного которому здесь еще никто не видел. Самолет опустился ниже, и «змейка» превратилась в мощную крепостную стену, которая тянулась от горизонта до горизонта. Так было открыто древнее оборонительное сооружение, названное учеными «**Великой перуанской стеной».**

Роберт Шиппи и специалист в области аэрофотосъемки Джордж Джонсон обнаружили развалины еще 14 древних фортов. Была составлена карта обширных областей Перу, сделаны тысячи снимков памятников доколумбовых культур – тех, которые были уже известны науке, и тех, о которых она в те годы не имела ни малейшего представления. Так на перуанском побережье, куда нога европейца ступила четыре с половиной века назад, летчики обнаружили 80километровый извилистый редут: об этом самом длинном и с трудом поддающемся обозрению древнеперуанском сооружении никто не знал. Даже известный ученый Х.С. Тельо откровенно признался, что он, посетив каждый уголок Перу и производя раскопки в самых отдаленных местах, о подобном открытии не мог и предположить.

Но тогда ученым не удалось заняться изучением «Великой перуанской стены», и интереснейшее открытие было отодвинуто на долгие годы. Когда же в горные районы Перу отправилась экспедиция, возглавляемая Ж. Савоем – известным исследователем Южной Америки, то было сделано еще одно интересное открытие. Вместо одной Великой стены их оказалось… шесть. Вместе с множеством фортов они образовывали целую оборонительную систему, которая даже сегодня поражает своей мощностью. Ее стены достигают в высоту иногда больше 10 метров, и эти древние сооружения, протянувшиеся более чем на 400 километров, были возведены высоко в горах, куда не так-то просто добраться даже опытному альпинисту.

Так кто, когда и как воздвиг эти «Великие перуанские стены»? Изучив испанские хроники времен конкисты, ученые предположили, что они были выстроены народом государства Чиму для защиты своей столицы – города Чан-Чана – от набегов опасных соседей-инков. Значит,

возраст «Великой перуанской стены» составляет от пяти до девяти столетий. Однако археологи допускают, что эти гигантские укрепления – следы еще более древнего народа, который обладал высокой строительной техникой, но о котором исследователи еще ничего не знали…

Большой зимбабве

В главе о библейской стране Офир говорилось, что посланная португальским королем на поиски «копей царя Соломона» экспедиция никаких рудников не обнаружила. По всей видимости, как стали докладывать лазутчики, золото поступает из африканской империи Мономотапа, расположенной в глубине континента. Португальцы, которым достались библиотеки мавров, знали о существовании этой могучей державы, лежащей между реками Лимпопо и Замбези, однако им не удалось добраться до сердца сказочно богатой Мономотапы. С середины XVII века все свое внимание Лиссабон решил сосредоточить на Бразилии – своей перспективной южноамериканской колонии. Про золото Мономотапы в Европе какое-то время еще ходили легенды, и француз Жан де Лафонтен намек на нее даже вставил в одну из своих басен.

Но страна золота Офир не была предана окончательному забвению, тем более что открытие Африки, по сути, тогда лишь начиналось. Через какое-то время Офир перекочевал в Судан, затем в Нигерию, Гану и другие страны. А в конце 1860х годов произошла история, прямого отношения к «копям царя Соломона» не имевшая, но…

Осенью 1868 года американец Адам Рендерс, живший в Южной Африке, целую неделю терпеливо крался за стадом слонов, среди которых он увидел старое, едва передвигавшее ноги животное. Двое других гигантов во время дневных переходов хоботами поддерживали вожака-патриарха. Американец был убежден, что они ведут умирающего к легендарному «кладбищу слонов», и он может найти там естественный склад слоновой кости.

Взятие крепости

У берега реки Лунди путь заканчивался, и в неглубоком месте слоны переправились на другую сторону, уходя все дальше на север, а за ними неотступно следовал Адам Рендерс. В одном месте русло реки сворачивало, и американец решил обойти стадо с подветренной стороны. Он поднялся из густой травы и на высоком холме увидел… каменную крепость. Она выглядела как рыцарский замок, но это был даже не замок, а чуть ли не целый разрушенный

город, обнесенный стеной с башнями из тесаных глыб. А. Рендерс забыл о слонах, ведь он увидел Зимбабве – столицу «золотой империи» Мономотапы! Многие из белых поселенцев Южной Африки слышали о ней, но увидеть ее собственными глазами никому не доводилось.

Самое древнее из дошедших до нас описаний Зимбабве принадлежит португальскому хронисту ди Гоишу, который слышал о нем от арабских купцов.

> В самом сердце страны лежит сложенная из больших и тяжелых камней крепость. Эта удивительная и своеобразная постройка внутри выглядит так же, как снаружи, ибо камни ее скреплены без известкового раствора и ничем не обмазаны…
>
> На камне над входом выбита надпись, которая так стара, что никто не может ее прочесть. Вокруг, на той же равнине, разбросаны сооруженные таким же способом крепости. Насколько мы в состоянии судить, все эти крепости воздвигнуты для того, чтобы защитить золотые рудники…

И хотя португальские источники утверждали, что недра золотой страны давным-давно истощились, но ведь в Зимбабве они не были. Может быть, каменная крепость действительно охраняла «копи царя Соломона»?

Охотник возвратился в Трансвааль и рассказал об увиденном. Но он даже не мог толком описать эти гигантские сооружения, так как ничего подобного ранее не видел. Не указал он точно и места города-крепости, так как не собирался ни с кем делить богатство и славу первооткрывателя. Организовать экспедицию в том же году А. Рандерсу не удалось, так как между местными племенами начались боевые действия, а путь в Зимбабве лежал через опасную зону. Только зимой 1871 года он вместе со своим спутником Джорджем Филипом, тоже охотником, отправился в дальний путь. Адам Рендерс спешил как в лихорадке, и его спутник едва поспевал за ним. У самой цели американец упал, чтобы уже не подняться: лихорадочный блеск в его глазах говорил о высокой температуре, и А. Рендерс умер подле своего открытия.

Джордж Филип рассказал о развалинах города известному немецкому геологу Карлу Мауху, который приехал исследовать Южную Африку, устроившись на корабль матросом. Он странствовал по Трансваалю и соседним с ним областям уже с 1865 года, составил подробную карту этих мест. Узнав о Зимбабве, Карл Маух сразу же двинулся в путь.

В первых числах сентября 1871 года он увидел двуглавую возвышенность. Одну вершину венчал эллиптической формы «храм» (так ученый назвал его), другую – «акрополь», а в седловине между ними покоились руины жилых построек. Величественность высившихся развалин поразила немецкого исследователя. Карл Маух увидел здесь, в тысячах километров от больших городов, точную копию иерусалимского Храма царя Соломона, а на соседней возвышенности – копию дворца царицы Савской. Сейчас уже трудно установить, откуда у немецкого ученого возникла такая версия, так как до начала раскопок многое было еще неясным. Но если, как казалось ему, это так, значит, неисчерпаемый кладезь сокровищ тоже должен быть где-то неподалеку. Но подробные изыскания Карлу Мауху провести не удалось, так как хозяин округи, вождь народа макаланга, принял любознательного гостя и… оставил его у себя. Так немецкий геолог очутился под домашним арестом: он мог сколько угодно обследовать остатки Большого Зимбабве, но его попытки заняться окрестными рудниками встречали твердый отпор.

Когда в 1872 году Карлу Мауху удалось наконец вернуться домой, его подробные изыскания вызвали настоящую сенсацию в мире старателей и золотодобытчиков. Когда в междуречье Лимпопо и Замбези хлынули авантюристы и искатели сокровищ, Англия поспешила присоединить эти области хотя и с истощившимися рудниками к своим владениям в Южной Родезии.

В конце XIX века первые исследователи Большого Зимбабве полагали, что эти гигантские каменные сооружения не африканского происхождения. Стена, окружающая «акрополь», поверху выложена причудливой кладкой – настоящим каменным кружевом. В одном месте над обрывом нависает каменная эспланада, на которой сидят каменные ястребы. Поэтому первые исследователи и посчитали единодушно, что ястребы – дело рук египетских мастеров, так как они действительно напоминают птицу фараонов.

В начале XX века неподалеку от каменного комплекса, на реке Замбези, была найдена глиняная статуэтка египетского происхождения с именем фараона Тутмоса III. Отпали, казалось бы, самые малейшие сомнения: Зимбабве возведен египтянами. Но в 1927 году выяснилось, что статуэтка поддельная, а других следов египтян в этом районе обнаружено не

было. Что же касается каменных ястребов, то современные ученые утверждают, что они – творение рук негритянских мастеров.

Каменные сооружения Зимбабве разделяются на три комплекса зданий: ранний «акрополь» (или крепость на холме), эллиптический «храм», окруженный гигантской каменной стеной, и расположившиеся между ними руины. Крепость была возведена на самом гребне скалистой скалы – «спине крокодила». Скалы этой «спины», соединенные стеной из неотесанных глыб, вошли в нее составной частью. Спускаясь потом по склону 10метровой толщины, стена полукольцом охватывала большой внутренний двор. По верху стены сохранились обрубки колонн, а внутри крепости – множество помещений, где в тяжелые времена укрывались жители долины.

На обширной площадке, замкнутой огромными гранитными валунами, четко различаются фундаменты построек и внутренних стен. Ученые считают, что здесь находился дворец вождя. Через «приемную» входили в «зал», где по кругу на каменных сиденьях, спинками которых являлись каменные тотемы, располагались старейшины племени, родственники и приближенные вождя. Обыкновенным общинникам запрещалось не только видеть своего вождя, но и слышать его голос, поэтому вождь и его жены всегда были скрыты занавесками. Все переговоры велись через посредника: обычно это была ватете (сестра вождя), занимавшая видное место в семейно-родовой структуре.

Когда вождь вершил суд, то держал в руках ассегай (дротик) с золотым наконечником, которым указывал на виновного. Во время праздников вождя окружали поэты, певцы и музыканты, игравшие на разных музыкальных инструментах. Вождь являлся также верховным жрецом и отправлял религиозные обряды, которые совершались на особых «священных» холмах, где по преданиям обитали духи племени.

За «королевским дворцом» – сеть узких лазов и крытых проходов, которые ведут к ритуальной площадке, где располагалось эллиптическое здание – «Большой храм». Внешние стены его, сложенные из 900 000 гранитных блоков, украшены каменными монолитами с родовым тотемом, культом предков и изображениями птиц, сделанными из мыльного камня, дерева и глины. Изваяния орла, ястреба и голубя-трубача символизировали сверхъестественную силу и нередко связывались с кузнецом – повелителем и укротителем этих сил.

Чтобы попасть внутрь сооружения, нужно пройти по внушительным каменным ступеням, выбитым в скале: они были сделаны такой ширины, чтобы подниматься по ним мог только один человек. Ступени заканчивались площадкой из плотной местной глины – даги, по прочности не уступающей цементу. Преддверье входа по бокам суживается двумя каменными башенками 2метровой высоты, к которым прикреплена деревянная дверь, а за ней – коридор, казалось, не имевший конца (длина его 90 метров). Внутри эллиптического сооружения располагалось много других построек, самое примечательное из них – 11метровая коническая башня, вероятно, ритуальная, так как внутри она сплошь заложена камнем.

Одной из главных достопримечательностей «акрополя» была печь для отливания золотых слитков. Она очень напоминает аналогичные печи финикийцев, поэтому была высказана мысль, что, быть может, и весь комплекс возведен ими. Однако против этой версии, как и против некоторых других, говорят многие существенные детали. И однозначного ответа на вопрос: «Кто, когда и зачем построил каменный комплекс Зимбабве?» – нет и до сих пор…

«Орлиное гнездо» валашского князя

В Греции, как известно, все есть, особенно по части археологии. Но однажды ученые нашли там могилу, которой было несколько тысяч лет и которая к тому же представляла собой необычное захоронение. В результате долгих изучений было установлено, что покоившийся в ней человек был завален камнями так, чтобы не мог выбраться из могилы. Ученые предположили, что, возможно, его закопали даже живым, на что указывают некоторые особенности положения скелета. А из этого следует, что захороненный человек был обвинен в вампиризме.

В Средние века поверья о вампирах и упырях были распространены по всей Европе. Их обвиняли не только в том, что они питаются человеческой кровью, но и в том, что после смерти выходят из могил и с еще большей силой предаются своим занятиям.

Шли века, менялись религии и языки, племена и народы, но предания об упырях и вампирах оставались, как оставался и способ борьбы с ними. В 1730 году в сербской деревне Медвежда в присутствии священника и австрийских врачей вновь была завалена могила человека по имени Арнольд Паоле, умершего за 10 лет до этого. По общему мнению, он продолжал бродить по окрестностям, напал на женщину по имени Станачка и до полусмерти напугал одного гайдука. В своем отчете австрийцы подробно описали обряд заваливания могилы, и он до мелочей сходен с теми, что известны этнографам многих стран. Даже если при жизни человека не могли доказать его вампирскую сущность, то после смерти его могилу все равно старались завалить каменными глыбами. Особенно «повезло» с этим «трансильванскому графу» Дракуле, которого считали упырем, хотя никто никогда его за этим занятием не застал. Однажды родившись, легенды и предания порождали новые суеверия, надолго переживая своих героев. Предполагаемые могилы Дракулы (а их несколько) чуть ли не по сей день заваливают камнями, и уже почти никому нет дела, что был он не графом, а князем, и не в Трансильвании, а в Валахии.

Средневековая Валахия была не самым уютным уголком Европы, и даже толща крепостных и монастырских стен не обеспечивала защиту ни людям, ни документам. И хотя сейчас многое уже известно о князе Дракуле, но кое-что еще покрыто тайной, вплоть до места его захоронения: могилу в Снаговском монастыре некоторые считают кенотафом, не содержащим погребения. Год рождения будущего правителя Валахии тоже определяется лишь приблизительно: между 1428 и 1431 годом. Но построенный в начале XVI века дом на Кузнечной улице в Сигишоаре до сих пор привлекает внимание туристов: считается, что именно в нем появился на свет мальчик, при крещении названный Владом. В зрелые годы его звали Влад III и Влад Цепеш и уже после смерти – Дракула.

Сигишоара удивительно хорошо сохранилась. Конечно, город выглядит сейчас не так, как несколько веков назад, но за последние 200 лет облик его изменился незначительно. Узкие улочки также вымощены крупным булыжником, замшелые стены домов достигают метровой толщины, кое-где на черепичных крышах виднеются гнезда аистов. В тенистых внутренних двориках под тяжестью обильных плодов гнутся ветви яблонь и орешников…

Сохранилась и городская стена со знаменитой Шмидовой башней, которая последнюю осаду выдержала в 1704 году. Сейчас вокруг тихо, но можно легко представить, как в эту тишину врывался стук копыт по камням и как свирепые всадники со сверкающими саблями в руках мчались по улицам города. Постоянная готовность к обороне была в те времена главным условием выживания в окружении враждебных соседей. Но трудолюбивые монахи сохраняли мужество, чтобы спокойно заносить в хроники все, что им удавалось узнать о происходящих событиях. Их описания сохранили для будущих веков много бесценных подробностей, по которым ученым удалось отчасти восстановить облик реального, исторического Влада Тепеша.

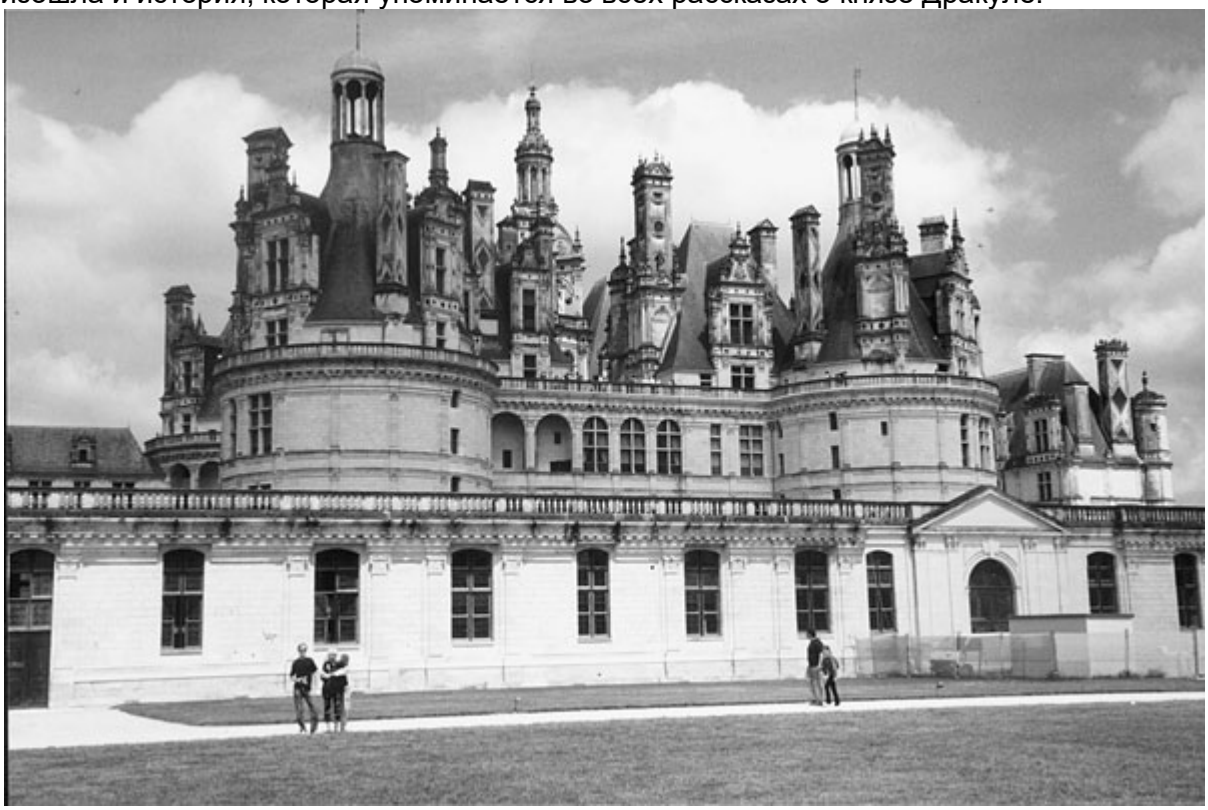
В доме, который теперь называется «домом Дракулы», жил его отец – князь Влад Дракул, состоявший в Ордене Дракона, ставившем своей целью покорение мусульман с последующим обращением их в христианство. По понятиям того времени Влад III был истинным рыцарем: храбрый воин, умелый полководец и глубоко религиозный человек, всегда руководствовавшийся в своих действиях нормами долга и чести. Как государственный деятель, он стремился освободить свою страну от иноземных захватчиков и объединить ее, развивать ремесла и торговлю, бороться с преступностью. Последнюю князь Влад III искоренил в самые короткие сроки…

Хроники повествуют, что во время его правления можно было бросить на улице золотую монету и через неделю подобрать ее на том же самом месте. Никто не осмелился бы не только присвоить чужое, но даже прикоснуться к нему. И это в стране, где за два года до того

воров и бродяг было не меньше, чем оседлого населения – горожан и земледельцев. Суд в правление князя Влада III был простым и скорым: бродягу или вора, независимо от того, что он украл, ждали костер или плаха. Та же участь была уготована и всем цыганам, как заведомым конокрадам и вообще людям праздным и ненадежным. Поэтому до сих пор большинство устных преданий о массовых казнях, производимых валашским князем, сохранилось именно в цыганских таборах. В них нередко вкрапляются и реальные исторические эпизоды, как, например, история постройки личной цитадели Влада III – замка-крепости Поэнари.

Роскошный замок в Тырговиште, столице валашского господаря, начал строить в начале XVI века еще грозный Мирча – дед Влада III. А потом князь Дракула захватил всех богомольцев, пришедших в Тырговиште из окрестных сел на праздник Пасхи, и объявил, что никто из них не вернется домой, пока не будет построена крепость. Несчастные знали, что с князем шутить не следует, и потому работа сразу же закипела. Если верить легенде, к моменту завершения строительства все они были голыми, так как одежда их износилась от непосильного труда с восхода до заката солнца. Денег на покупку новой не было, так как князь ничего им не платил.

Роскошный замок князя с великолепными садами, церковью и многочисленными служебными пристройками был окружен боярскими домами. В подвале замка Поэнари, где хранился запас княжеских вин, находились тюрьма и камеры пыток. Печально известный Тронный зал скорее всего располагался на первом этаже. Ученые предполагают, что в этом зале Влад III, его отец Дракул и дед Мирча были провозглашены господарями Валахии. В Тронном зале проходили торжественные празднества и религиозные службы: здесь же произошла и история, которая упоминается во всех рассказах о князе Дракуле.



Но стены замка, возведенные с помощью обмана и насилия, не смогли защитить его свирепого владельца. В 1462 году турки, после долгой осады, взяли Поэнари приступом и частично разрушили замок. Владу III удалось бежать из осажденной крепости и ускользнуть от врагов, но жена его, не желая попасть в руки жестоких победителей, бросилась с крепостной башни…

Тихутский перевал, где от горизонта до горизонта вздымаются зеленые волны Карпат, – одно из красивейших мест в Румынии. Безмятежную тишину здесь нарушает лишь пение птиц да редкое позвякивание колокольчиков на шеях коров. Но на одной из неприступных скал еще и сегодня можно увидеть белеющие, как кости, развалины замка Поэнари. Во дворе его до сих пор видны остатки дворцового фундамента. Многие из местных жителей продолжают верить, что призрак князя Дракулы не ушел и бродит здесь, так как душу его не приняли ни небо, ни земля. В наказание за свою жестокость он и после смерти обречен томиться жаждой

человеческой крови. Днем Дракула спит в своих родовых развалинах, а по ночам превращается в клыкастого вампира и рыщет по округе в поисках новых жертв…

За раскопки замка Поэнари взялся немецкий археолог Г. Кайхер, и в конце 2000 года всю Европу взбудоражило его сенсационное заявление: обнаружен череп Влада Цепеша. Исследовав свою находку, ученый по многим признакам определил, что этот человек страдал редким заболеванием, при котором плохо усваивается пища, увеличиваются зубы, изменяется психика. Находка передана на исследование медикам и генетикам, чтобы попытаться найти средство против этой болезни, которая не исключается и в наши дни.

Жанна д'Арк в замке Шинон

Февраль 1429 года выдался волглый. Набухшая земля сочилась стылой водой, горожане ежились, шлепая подошвами сабо по деревянным мосткам. Останавливались лишь на минуту – узнать новости: верно ли, что крестьянка из деревни Домреми приехала к ним в Шинон? Подумать только, простолюдинка добивается аудиенции у дофина! Да и то верно, если девушку послал сам Бог, может быть, и кончатся все напасти…

Франция стонала. Герцог Бургундский, сговорившись с англичанами, вторгся в Шампань, осажденный Орлеан пух от голода, крестьяне разбегались… По дорогам бродили разбойники, и из города в город рискованно было отправляться в одиночку или без оружия. Даже бароны на своих землях беззастенчиво освобождали от кошелька шедших на молитву богомольцев. А если несчастный начинал взывать к правосудию, злодеи только смеялись: «Иди-иди, жалуйся своему королю».

Неужели и впрямь дева Жанна д'Арк сумеет вселить бодрость в унылого дофина Карла, положение которого было отчаянным: большая часть королевства находилась во власти врагов, а в кошельке не насчитывалось и четырех экю. Но она утверждает, что в 18 лет ей было видение, когда при ударах церковного колокола она явственно увидела нечто необыкновенное.

> Святая Екатерина и Святая Маргарита явились ко мне с блестящими венцами на голове, и они ободрили меня быть решительной. Я отчетливо слышала в церкви их голоса: «Жанна, ты предназначена самим небом помочь дофину».

И она отправилась со своими спутниками к городу Шинон, куда они прибыли вечером, когда в лучах заходящего солнца неожиданно показались белые постройки, а над ними – холм и замок, тянущийся причудливым гребнем зубчатых стен со множеством башенок и шпилей. Дофин Карл назначил Жанне встречу в своем замке 25 (или 26) февраля, а пока она поселилась у одноглазого Роже, который держал постоялый двор на Большом перекрестке.

Замок Шинон размещается на Вьенне – одном из притоков Луары, и возникновение его относится к римско-галльской эпохе. Эту древнюю крепость на отвесной скале возводили графы Анжуйские и английский король Генрих II. В огромном вытянутом прямоугольнике (400х70 м) в ряд выстроились три замка, разделенные между собой глубокими рвами: форт Сен-Жорж, Срединная крепость («Шато де Милье») и «Шато де Кудрэ». Крепостные башни, бойницы и подъемные мосты сделали их неприступными.

Самым активным периодом жизни крепости являются XI–XV века: его стены видели Филиппа II Августа, Ричарда Львиное Сердце, Карла VII, в нем скончался Генрих II Плантагенет. До сих пор на территории замка лежат ядра старинных артиллерийских орудий… Раньше все сооружения крепости образовывали единую мощную фортификацию длиной в 500 метров, а теперь некоторые из них лежат в руинах.

Название крепости Сен-Жорж произошло от имени капеллы Святого Георгия, которая располагалась на ее территории. Когда-то крепость соединялась с центральным замком сложной оборонительной системой: мост через ров вел к Башне часов – высокому сооружению, возведенному в XIII веке. Так как основание ее невелико, то издали (особенно из города) она кажется каменной колонной, стоящей на утесе. Название башни произошло от находившегося на ней колокола, который использовали для отсчета времени[40]. В настоящее время в Башне часов разместился музей, одна из экспозиций которого посвящена Жанне д'Арк.

Центральную часть крепости составляет «Шато де Милье», где можно видеть остатки «королевского дворца». Некоторые предметы (например, камины) сохранились очень хорошо, и поэтому по ним можно представить архитектуру исчезнувшего здания. Глядя на руины Тронного зала, можно представить тот почти весенний день 1429 года, когда с Жанной беседовал дофин Карл – будущий французский король Карл VII…

Королевские апартаменты занимали крыло длиной 70 метров, возвышавшееся над городом. На первом этаже располагались винный погреб, людская, кухня и арсенал; на втором – «ковровая комната» (ее каменный пол покрывали мягкие ковры) и королевская спальня. С ней сообщался кабинет, с ним – другая комната, маленький зал и еще одна комната, в которой позднее жил гувернер дофина. Четыре маленькие лестницы, изящно украшенные камины, широкие каменные скамьи под окнами с крестообразными переплетами в южной квадратной башне и еще немногое – вот и все, что осталось сегодня от внутренних апартаментов королевских покоев.

В день приема дофином Жанна вошла в замок Шинон в костюме юного оруженосца – черном пурпурэне (короткой ватной одежде, которая надевалась под доспехи), длинных шоссах (штанах-чулках), коротком черно-сером робе (верхней одежде) и черном шерстяном шапероне (род капюшона с длинным «хвостом»), темные волосы ее были подстрижены в кружок. Людовик Бурбонский, граф де Вандом, ввел ее в зал, заполненный сотнями людей, но «освещенный едва ли пятьюдесятью факелами». По словам Гокура, коменданта Шинонского замка, она прошла через множество народа очень скромно и просто и направилась прямо к дофину. Жанна быстро узнала дофина, стоявшего среди придворных и не хотевшего выделяться. Говорят, что ее пытались сбить, выдавая за Карла других людей, да и сам дофин нарочно встал в стороне, чтобы проверить ее «сверхъестественные свойства». Но Жанна сразу же узнала дофина, хотя раньше никогда не видела его. Протиснувшись к нему, она обнажила голову, преклонила колени и попросила выслушать ее. Дофин и его свита с удивлением рассматривали девушку, которая во всеуслышание заявила, что явилась для того, чтобы короновать его в Реймсе. Дофин Карл, отличавшийся удивительным непостоянством в мыслях и поступках, сразу уловил главное в речах Жанны: наконец-то для него появилась реальная надежда стать королем Франции.

В центре «Шато де Кудрэ» ныне находится полуразвалившийся донжон, на первом этаже которого обитала Жанна во время своего пребывания в Шиноне. Тогда он представлял собой высокую башню, располагавшуюся вблизи королевских покоев. Башня живо напомнила ей «островную крепость» и игры детских лет, однако в ней повсюду выступали следы запустения – и в стершихся каменных ступенях, и в широких трещинах стен.

В Шиноне Жанна не только беседовала с дофином Карлом, но и посещала святые места крепости. У главного входа в форт Сен-Жорж располагалась часовня с таким же названием, построенная королем Генрихом II Плантагенетом. Часовня имела размеры настоящей церкви и стояла над криптой – подземной часовней.

Собрав в Шиноне большой отряд и обоз с продуктами, Жанна д’Арк выступила в поход. Под стенами осажденного Орлеана она появилась на гарцующем белом коне и с белым знаменем, на котором был начертан девиз: «С Иисусом и с Марией!» Через 10 дней Орлеан был освобожден, и с тех пор за Жанной закрепилось прозвище «Орлеанская дева». Слух о чудесной деве, посланной для спасения Франции, стремительно распространился по стране, все надежды на освобождение люди связывали с ней. Между тем Жанна освободила город Реймс, в соборе которого по давней традиции короновались все французские короли. Там же короновался и дофин – король Карл VII.

Народная война ширилась по всей стране, но под стенами Парижа удача изменила Жанне. А вскоре, в 1430 году, у крепости Компьен она попала в плен. Англичане и те из французов, кто был на их стороне, устроили в Руане процесс против Жанны, на котором ее обвинили в колдовстве и приговорили к сожжению на костре. Но почти сразу же за казнью в Руане поползли слухи, что была сожжена не Жанна, что она была заменена другой женщиной. И судя по историческим документам, в то время мало кто верил в гибель Орлеанской девы.

В ходе судебного процесса Жанна заявила, что ей неведома ее собственная фамилия, однако сообщила имена своих родителей: Жак д’Арк и Изабелла д’Арк. Но значит ли это, что сама Жанна своей эту фамилию не считала? «Может быть, здесь и кроется тайна, позволяющая объяснить неясности в истории Орлеанской девы?» – подумал современный французский историк Робер Амбелен и начал свои изыскания. Результат их был ошеломляющим: он пришел к выводу, что официальная история Жанны д’Арк – «одна из величайших фальсификаций во французской истории, возможно, самая крупная ложь такого рода». Вот несколько отрывков из его совершенно неординарного хода мыслей.

В замке Шинон Жанне д’Арк определили личный штат и военную свиту, появился у нее и секретариат в составе трех секретарей. Ей пожаловали

12 строевых лошадей и предоставили право иметь свой боевой стяг, что было привилегией знатных баннеретов.

Жанна д'Арк была награждена «золотыми шпорами», которые могли носить только рыцари, получившие традиционное посвящение в это звание. И вручал ей их сам дофин Карл. Были у Жанны и доспехи, оплаченные королевским казначейством. Кроме того, у нее был меч, принадлежавший когда-то Луи Орлеанскому, а также боевой топор, специально для нее изготовленный. На нем была выгравирована буква «J» – первая буква ее имени, увенчанная короной.

Особым указом Карл VII предоставил Жанне «право помилования», что всегда было привилегией королей. Впервые за всю историю Франции такой исключительной привилегией владела нецарственная особа и более того женщина, которая даже не исполняла обязанностей регента. Авторитет Жанны в народе сразу же поднялся, а в среде придворных распространился слух, что Жанна, несомненно, особа королевской крови.

«Можно ли было такие почести оказывать дочери простого пахаря?» – задается вопросом французский историк. По приезде в Шинон она сразу же обзавелась богатым гардеробом, в который входили пышные женские и мужские костюмы. Однако внимание Робера Амбелена привлекли цвета тканей, из которых она была сшита: это цвета Орлеанской династии. «Для девушки из народа» обладание инициалом, увенчанным короной, – не самая обычная вещь на свете. Жанне как будто не присваивали дворянских титулов, но гербы, которыми ее наделяли, говорили сами за себя: в глазах окружения Карла VII она была благородного происхождения.

Если Жанна не считала д'Арков своей семьей, то кто же были ее настоящие родители? В процессе изысканий Амбелен нашел материалы, из которых следовало, что 10 ноября 1407 года королева Изабелла Баварская, супруга короля Карла VI, родила ребенка, который якобы умер в тот же день. Необычным, однако, было то, что ребенок родился не во дворце Сен-Поль (в присутствии главных членов французской короны), а в «малых покоях королевы» во дворце Барбетт, находившемся недалеко от Парижа. Карл VI не был отцом ребенка: он уже давно не выносил вида Изабеллы, которая в ту пору была возлюбленной его брата – Луи Орлеанского.

Согласно документам, ребенок был похоронен на кладбище Сен-Дени. В летописи одного монаха Амбелен находит, кажется, то, что ищет: королева Изабелла «была погружена в глубокую скорбь преждевременной кончиной своего дитяти». Прочитав эту запись, французский историк делает неожиданный вывод: королева могла плакать и не по поводу смерти ребенка, а потому что его перевели к кормилице и разлучили с ней. По официальной

версии, «умерший» ребенок вполне мог быть найден на одной из так называемых «скамейках для подкидышей» у входа в церковь. В те времена это часто случалось, когда детей оставляли девицы, ставшие матерями вне брака.

Но зачем королеве Изабелле надо было объявлять свое дитя мертвым? И Амбелен отвечает: уйдя в мир иной, ребенок – плод греха – не будет никому причинять никаких затруднений; оставшись же в живых, он самим фактом своего существования порождал скандал, ведь этот ребенок был королевских кровей.

Амбелен предположил, что девочка была тайно перевезена в семью Жака и Изабеллы д'Арков. И если Жанна – дочь королевы, то она была сестрой дофина Карла. Тогда становятся вполне объяснимы все почести, оказанные ей в Шиноне весной 1429 года, и все полученные ею привилегии. Более того, появление их даже закономерно, ведь она – «дочь Орлеанского дома». А значит, можно и предположить, что именно знатность помогла Жанне избежать костра. Существует немало свидетельств, утверждающих, что через 4 года после возвращения из плена Жанна была узнана королем Карлом VII. Более того, в 1436 году она вышла замуж за графа Робера д'Армуаза. А о том, что граф был женат именно на Жанне, свидетельствует множество документов. Известно и место, где находилась Жанна в течение четырех лет после своей «казни» в Руане. Это замок Монротье, в главной башне которого было помещение, называвшееся «тюрьмой Девственницы». Дни своего заключения пленница отмечала черточками, вырезанными в оконном проеме. Эти отметки соответствуют именно четырем годам – тому времени, которое Жанна-Девственница должна была провести в неизвестном месте, прежде чем она стала Жанной д'Армуаз…

В замках «Синей Бороды»

Река, без которой нельзя представить Францию и которую с редким почтением скептический писатель Жюль Ренар назвал «сущностью французского духа», – это Луара. А самая знаменитая часть ее та, что получила название «Бульвара королей», где пологие берега реки заросли дубравами. Когда-то здесь помещались королевские охотничьи угодья, поэтому справа и слева, едва ли не на каждом километре, располагались замки.

Один из них, замок Оссе, стал местом действия сказки Шарля Перро «Спящая красавица». А в окруженном глухим рвом и выложенным черной черепицей замке Монпупон писатель поселил Людоеда из сказки «Кот в сапогах». Фантазии сказочника было за что ухватиться в Луарском доле, ведь к тому времени, когда Шарль Перро увидел здешние шато, многие из них были уже необитаемы. В моду вошли дворцы – подобия Версаля, и многобашенные строения на Луаре пребывали в запустении.

Замок Шантосе и его владельца Шарль Перро взял в качестве прототипов сказки «Синяя Борода». Вымысел писателя со временем вытеснил историческую истину, и многим посетителям Шантосе представляется сегодня местом, где Синяя Борода действительно убивал своих жен и подвешивал их трупы на железных крюках в таинственном подземелье.

Прототип Синей Бороды был не только реальным лицом, но и человеком, который оставил значительный след в истории Франции. Жиль де Ре, очень богатый французский вельможа, жил в период Столетней войны, был соратником Жанны д'Арк, сражался с ней в самых опасных боях. Когда Орлеанскую деву захватили в плен, он всеми силами старался ее спасти: напал на лагерь англичан, предлагал королю свое состояние за ее выкуп, но все было напрасно.

В 1965 году в Париже были изданы протоколы инквизиционного процесса над Жилем де Ре, которые берет за основу большинство авторов, так или иначе упоминающих о нем. Жиль де Лаваль де Ре родился в 1404 (или 1396) году в одной из самых аристократических семей Франции – в родовом замке **Махкуль**. Родители его были образованными людьми того времени, собрали большую библиотеку для сына, привили ему интерес к знаниям. В 11 лет Жиль осиротел, и его воспитателем стал дед по материнской линии. Он дал мальчику прекрасное образование, баловал его, ни в чем не ограничивая детских желаний и капризов внука.

Жиль был красив, обладал статной фигурой и грациозными манерами, с юности прекрасно владел мечом и шпагой, был великолепным наездником, увлекался соколиной охотой и театром. Воспитанием и ученостью он намного превосходил своих соседей, но самой большой страстью юного барона было чтение книг, чему он посвящал все свободное время. В 16 лет, «по расчету деда», Жиль женился на своей кузине Екатерине де Туар: свадьба была отмечена пышными торжествами и пирами в родовом замке деда **Тиффож**. Но молодой муж был равнодушен к жене, отдавая предпочтение пирам, фехтованию и скачкам

по окрестностям своих обширных владений, полученных в приданое за женой, – замков Шантосе и Энгранд. Юная Екатерина оплакивала свою участь и часто ссорилась с Жилем по любому поводу.

После гибели Орлеанской девы и окончания Столетней войны маршал де Ре простился с оружием и удалился в свои поместья. Дедушка его к этому времени уже умер, и Жиль вступил в наследство, став сказочно богатым, увенчанным славой и независимым. Он поселился в замке Тиффож, где собрал богатую библиотеку старинных фолиантов, за чтением которых проводил много времени. В его замке даются великолепные театральные представления с участием большого числа актеров, для каждого спектакля приобретается новый реквизит и шьются новые костюмы. По всякому поводу, а часто и без повода, маршал устраивает в замке пиры и балы, гулянья и охоты. Подобные развлечения стоили огромных денег, и вскоре их не стало хватать.

Барон де Ре начал продавать свои земли, под самые грабительские проценты брать кредиты, и главным кредитором становится его сюзерен Иоанн V – герцог Бретонский. Жизнь не по средствам вызывает серьезную ссору между супругами, баронесса де Ре покидает замок и уезжает к своим родителям, которые после этого становятся злейшими врагами Жиля.

Вскоре барону начали отказывать в кредитах и требовали уплаты прежних долгов. Соседи стали закрывать перед Жилем двери своих замков, хотя еще так недавно считали за честь принять его у себя. Обострилась давняя вражда барона с местным епископом Жаном де Мальтруа, который называл замок Тиффож «гнездом дьявола». Жоффруа Феррон, казначей герцога Бретонского, объявил войну разорившемуся аристократу и постоянно натравливал на него своего хозяина.

Барон де Ре пытался своим «чутьем, по собственной охоте» вырваться из тупика» жизни; он стремился в старинных книгах постичь «вселенной внутреннюю связь, а «на турнирах, на пиру и на охоте» жить в полный размах нравственных и физических сил. К этому времени относится и его увлечение алхимией: барон рассчитывал открыть тайну превращения металлов и получать золото. Еще древние полагали, что благородные металлы – золото и серебро – в своем естественном виде в земных недрах не содержатся. Они как бы «вызревают» из металлов неблагородных, и потому многие средневековые алхимики старались в лабораторных условиях ускорить этот процесс. Тогда считалось, что в любом металле есть две главные составляющие – ртуть и сера. Следует только найти с помощью химических опытов нужную пропорцию – и золото в ваших руках. Но в принципе алхимиков

интересовало не только само золото, а возможность превращать одни химические элементы в другие, что можно было сделать, как они полагали, имея философский камень. Много сил и времени отдали поискам философского камня такие знаменитые ученые, как Парацельс, Р. Бэкон, Леонардо да Винчи… Все они и многие другие искренне полагали, что есть способ превращать «все во все».

В мрачную лабораторию средневекового алхимика были превращены сначала замок Тиффож, а потом и специально купленный Жилем де Ре особняк Ла-Сюз в Нанте. Здесь кипели в ретортах какие-то неведомые растения, по углам были расставлены человеческие скелеты и свешивались чучела экзотических животных, привезенных из дальних стран.

Доверенные лица, посланные Жилем де Ре в Италию, пытались разыскать там самых опытных магов. Так в замок барона прибыл магистр оккультных наук Франческо Прелати, а потом еще один специалист из Англии. Однажды глухой осенней ночью в башне замка собрались сам барон, его слуги Андрие и Пуату и, конечно же, маг Ф. Прелати. Погасили свечу, в кромешной темноте зазвучали слова заклинания, которыми можно вызвать демонов:

> О, всесильные духи, открывающие смертным клады, науку и философию, явитесь! Явитесь на мой зов, и я отдам вам все, кроме жизни и души, если вы дадите мне золото, мудрость и власть!

Но духи безмолвствовали: слышен был только шорох крыльев летучих мышей да пронзительный свист ветра. В другой раз опыт повторили тоже ночью, но уже на лугу близ замка. На троекратный зов Жиля духи не явились, но грянул гром, начался ливень и незадачливым экспериментаторам, промокшим до нитки, пришлось вернуться в замок. Итальянец попытался внушить, что духи не внимают потому, что барон еще не отважился действовать, а продолжает рыться в жалком «скарбе отцов», питаясь плодами незрелой науки.

Жиль де Ре, не привыкший отступать, вызвал другого заклинателя, потом третьего… Все они довольно удачно инсценировали борьбу с чертом: слышался грохот, а при «возвращении дьявола в преисподнюю» можно было почувствовать запах серы. Но ртуть и сера в колбах не превращались в золото… Опыты длятся уже 8 лет: начал их 27летний барон, а сейчас ему уже четвертый десяток. И тогда Жиль «счел себя свободным от обязательств по отношению к Богу» и решил перейти от белой магии к черной. Он решил, что надо принести дьяволу жертву, и однажды принес своим помощникам отрубленную голову, сердце, глаза и свежую кровь… С тех пор «черная башня в его замке стала алтарем дьявола. По ночам окрестные жители слышали шум доносившихся оттуда оргий». Но хозяин замка имел вооруженную свиту, которая пресекала любые попытки проведать, что же там творится.

И еще одним делом занимались люди барона де Ре. Они ездили по всей стране и вербовали для него мальчиков в пажи. Сделать это было несложно, так как многие сами мечтали о карьере при дворе знатного аристократа, а их родителей соблазнял звон монет. И все бы было ничего, но подростки и юноши, взятые в пажи, вдруг стали пропадать! Какое-то время барон высокомерно игнорировал эти слухи, но нашлись упорные искатели истины. Однако погубить маршала Франции было делом не простым – мог вмешаться король Карл VII. Ведь замок Тиффож находился под непосредственной юрисдикцией короля, и там барон мог укрыться от своих врагов – епископа Жана Мальтруа и бретонского герцога Иоанна V, который был озабочен в это время тем, как бы лишить барона последней оставшейся у него земной опоры – неприступного замка Махкуль. В середине сентября 1440 года у ворот замка появился нантский нотариус Р. Гийомэ в сопровождении небольшого воинского отряда и от имени епископа предложил барону добровольно сдаться в руки властей и предстать перед духовным и светским судом по обвинению в колдовстве и убийстве. Уверенный в своей победе, Жиль де Ре приказал открыть ворота замка и дал арестовать себя вместе со своими слугами и монахом Э. Бланше, тоже принимавшим участие в алхимических опытах. 15 сентября 1440 года Жиля де Лаваля де Ре арестовали по обвинению в убийстве 300 мальчиков…

Но и арестовав барона, его враги все еще опасались, что план их может сорваться, ведь маршал де Ре был слишком важным лицом, чтобы с ним можно было расправиться без соблюдения законов. Учитывая ранг Жиля де Ре, ему предоставили большое помещение в Новой башне Нантского замка, а его сообщников бросили в темные камеры, где содержали обычных преступников.

На допросе под пытками слуги барона показали, что они видели в руках своего хозяина окровавленные части тела ребенка, а неподалеку лежал его обезображенный труп. Еще теплые органы вложили в стеклянный сосуд, а ночью над ними начали читать новые

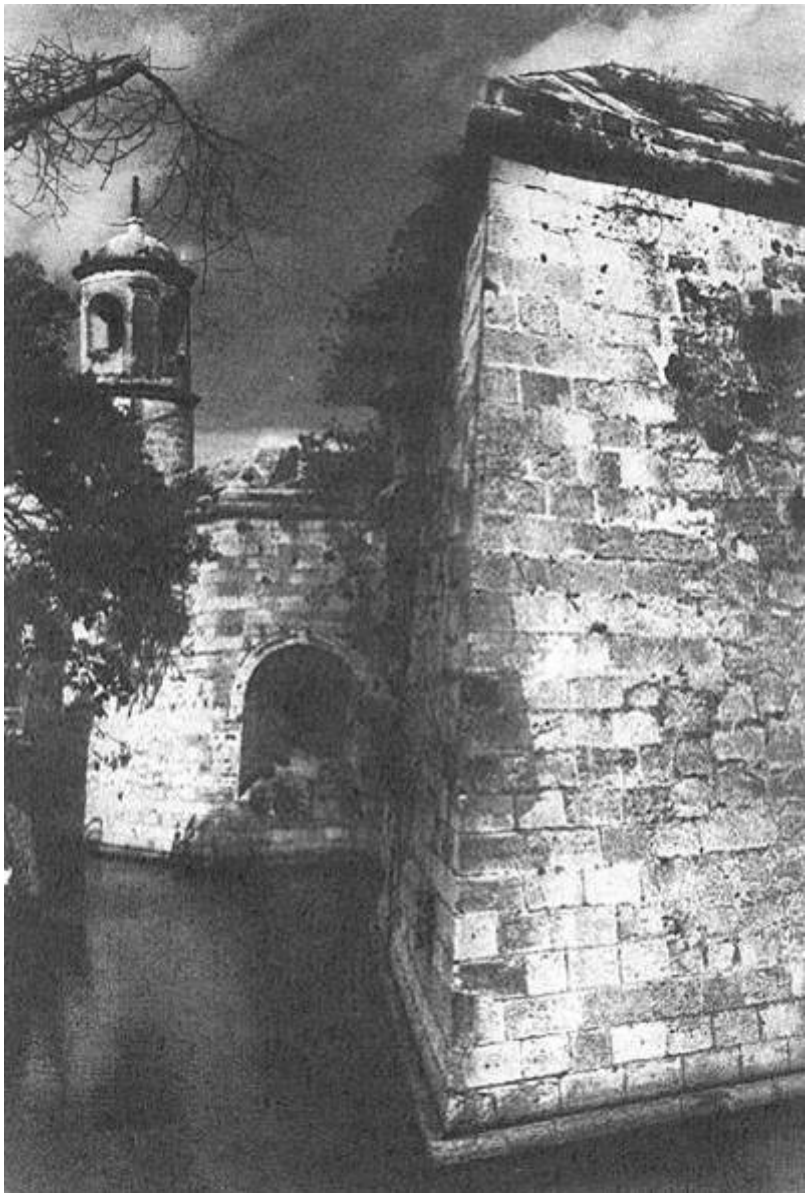
заклинания. Они сообщили также, что Жиль де Ре нанял старуху Перрину Мартен, которая заманивала ребят, а слуги барона заталкивали их в мешки и тащили в замок. Сама Перрина скончалась во время пыток, но никаких показаний не дала. Пристрастившийся к кровавым опытам алхимик убивал свои жертвы, расчленял их тела и вырывал внутренности.

На процессе барон сначала держался спокойно и даже насмешливо. Он признался в некоторых обвинениях, например, что захватил в деревенской церкви священника и заключил его в темницу в одном из своих замков. А дети? Но ведь все знают, что благочестивый сеньор де Ре любил церковную музыку и содержал большую капеллу мальчиков. Все помнили, что, даже отправляясь в походы, он возил с собой орган и хор мальчиков. Куда они девались потом? Этого он не знает и не может знать: мальчики вырастали и уходили, а их место занимали другие.

Все это выглядело убедительно, пока судьи не предъявили длинный и жуткий перечень совершенных им злодейств. Тогда Жиль де Ре начал яростно кричать: «Я не признаю вас! У вас нет права судить меня. Я это обжалую!» Он стал доказывать, что члены трибунала принадлежат к числу его врагов и потому не могут быть беспристрастными судьями, но епископ Нанта и инквизитор Жан Блойн поспешили объявить, что протест обвиняемого не имеет силы. Смертельно бледный барон с пеной на губах отрицал обвинения, но поклясться в этом спасением души наотрез отказался. Его отказ мог рассматриваться как страх перед ложной клятвой или как нежелание признавать полномочия суда, поэтому заседание было отложено.

Из тюрьмы Жиль де Ре написал письмо королю Карлу VII, в котором просил защитить его, но оно осталось без ответа. По разным причинам заседание суда не раз откладывалось, и за это время Жиль де Ре пережил тяжелый душевный кризис. Приведенный 15 октября в зал заседаний барон смиренно согласился с компетенцией своих судей и признался во всех своих преступлениях. Заливаясь слезами, он стал молить о прощении, и даже судьи не знали, что думать о таком превращении: было ли оно следствием небесного озарения, муками совести или каким-то ловким маневром. Отлучение от церкви с барона было снято, но суд решил перейти к дополнительному допросу свидетелей.

На судебных заседаниях 16 и 19 октября Ф. Прелати признал, что в замке барона занимались алхимией и пытались вызвать дьявола, а неудачу их заклинаний он объяснил барону тем, что дьяволу не понравились поднесенные ему дары. Маг также заявил, что не советовал барону приносить в жертву детей, а об убийстве пажей, которое приписывают Жилю де Ре, он только слышал. Ни о какой вербовке пажей речь в судебном разбирательстве не шла: о них говорили под пытками слуги, а родители пропавших детей почему-то не были допрошены. Ни в лаборатории замка Тиффож, ни в особняке Ла-Сюз не были найдены ни части трупов, ни отдельные внутренние органы, ни даже испачканная кровью посуда. Зато было обнаружено большое количество предметов и вещей, нужных для занятия алхимией. А вот в замках Шантосе и Махкуль нашли большую бочку, доверху наполненную обгоревшими детскими костями. Кости разложили и подсчитали: здесь было зарезано 140 детей.



На решающем заседании 20 октября барон заявил, что ему нечего возразить или прибавить к уже сказанному свидетелями. Однако такого смирения со стороны барона суду показалось недостаточно, и трибунал решил подвергнуть обвиняемого пытке, чтобы выяснить всю правду о преступлениях. Услышав о пытке, Жиль де Ре лишился чувств, и стражникам пришлось на руках нести его в тюрьму. На следующее утро обвиняемого привели в мрачную пыточную камеру, но пытку применять не пришлось: барон сам стал перечислять все свои преступления и признался в убийстве 140 мальчиков, которых держал для удовлетворения своей патологической страсти. Он сказал, что никто не принуждал его к совершению преступлений, лишь его собственные порочные желания; признался, что сначала убивать было страшно, потом он стал находить в этом все большее удовольствие. Из убийств он сделал себе развлечение, растягивая удовольствие и внимательно наблюдая за агонией жертвы. Подобно вампиру, припадал он к ней, чтобы лучше ощутить предсмертную дрожь тела; стоны умирающего ласкали его слух, конвульсии веселили сердце…

На другой день барона заставили публично повторить свои признания перед большой толпой. На этот раз казалось, что барон упивается размахом своих преступлений, ужасом кровавых злодеяний, чудовищными подробностями бесчисленных убийств и надругательств над трупами невинных жертв. Церковный трибунал признал Жиля де Ре примирившимся с церковью и передал обвиняемого в руки светского суда, который самостоятельно проводил допрос свидетелей и имел теперь основания для вынесения приговора. Суд под председательством л’Опиталя приговорил Жиля де Ре к штрафу в 50 000 ливров в пользу герцога Бретани, к смертной казни через повешение и последующему сожжению тела на костре. Барон выслушал приговор стойко, казалось, что к нему вернулась его былая отвага воина.

Некоторые историки считают, что суд над Жилем де Ре был инспирирован, чтобы присвоить богатства барона. Епископ Нантский давно уже имел зуб на своего дальнего родственника, да и герцог Бретонский не хотел чрезмерного усиления представителя дома Лавалей. Король стремился навести порядок в королевстве и подчинить своей власти тех, кто ставил себя выше закона. Они объединились, и только тогда слухам и жалобам, до которых раньше никому не было дела, дали законный ход. Герцог Бретонский с успехом захватил земли обвиняемого еще до вынесения приговора, а его сын стал владельцем имущества барона де Ре еще до того, как тот взошел на эшафот. Влиятельные сеньоры де Труа отомстили за обиду, нанесенную их дочери; церковь получила свою «десятину» от конфискованного имущества «колдуна», поэтому приговор инквизиции устраивал многих.

Такова в основных чертах фактическая канва процесса над Жилем де Ре, которая, как видит читатель, не имеет ничего общего со сказкой о Синей Бороде. Но народная молва превратила именно его в злодея, а детей – в убитых им жен. Синий же цвет бороды идет, вероятно, от другой легенды.

> Однажды богатый рыжебородый рыцарь уговаривал красивую девушку выйти за него замуж. Уже в церкви, клянясь в верности своей невесте, он сказал:
>
> – Я отдам тебе и тело, и душу.
>
> – Вот это я принимаю, – раздались громовой голос и хохот дьявола, который скрывался под видом красавицы, а теперь предстал в виде синего демона. – Помни, что с этого часа ты мой и телом, и душой!

Дьявол исчез, а рыжая борода рыцаря в знак заключенного договора стала синей. Эта легенда причудливо переплелась с историей Жиля де Ре, объединила их в один сюжет, из которого и возник мрачный образ Синей Бороды[41].

Приговор в отношении Жиля де Ре и приговоренных к тому же наказанию его слуг был приведен в исполнение 16 октября 1440 года. В день казни епископ Нанта организовал религиозную процессию духовенства и народа «ради спасения души маршала де Ре и его сообщников». Трудно себе представить, но жители Нанта приветствовали и горячо молились за – пусть и раскаявшегося – детоубийцу, когда его вели на казнь. В этот день всех детей Нанта поколотили палками, чтобы не изгладилось у них из памяти это событие…

На острове Горé

Точную цифру невольников, вывезенных с африканского континента, сейчас уже определить трудно. Сколько их было – тысячи, миллионы? Ясно одно: работорговля отняла у Африки десятки, а может быть, и сотни миллионов жизней. Первых рабов вывезли португальцы, позже их примеру последовали голландцы, англичане и французы. Не замедлили подключиться к выгодной торговле испанцы, немцы, датчане, американцы… Последний корабль с невольниками отошел от африканских берегов около 140 лет назад – в 1865 году. Но до сих пор недалеко от Дакара – столицы Сенегала – сохранился один из печальных памятников того времени.

В трех километрах от города расположен небольшой скалистый островок Горе, который за несколько часов можно исходить вдоль и поперек. Если смотреть со стороны океана, то две половинки острова различаются особенно четко. Южная часть острова Горе' – это огромный осколок базальтовой породы, на котором одиноко возвышается католический храм. На северной, равнинной, стороне удобно расположилась небольшая бухта, гостеприимно принимающая туристов.

Мореплавателям этот остров был известен с давних времен. Европейцы появились здесь в начале1440х годов. Это были португальские мореплаватели, но поскольку доступ к побережью был связан со значительными трудностями, они обосновались сначала только на одном острове. Первое упоминание об острове Бер (так тогда назывался остров Горе') относится к 1444 году, когда португалец Диниш Диас, направляясь на юг Африки, сделал здесь остановку. Тогда на острове было всего несколько хижин, но после того, как Д. Диас привез в Лиссабон первую партию рабов, в погоне за золотом и слоновой костью остров Бер стали посещать купцы, пираты и авантюристы всех мастей. Благодаря песчаному берегу и удобному рейду, остров вскоре стал базой для судов, следовавших из Португалии в Индию и Бразилию. За ружья и порох, за «огненную воду» и ткани, зеркала и всевозможные безделушки торговцы скупали у местного населения золото, слоновую кость, шкуры, кожи, мускус, амбру… Со временем в торговых сделках стал преобладать «живой товар» – началась эпоха работорговли.

В XVI веке на острове Бер появились голландцы. Они построили здесь хорошо укрепленную торговую факторию и назвали ее «Гуд риид» (хороший рейд), от которой якобы и пошло название Горе'. Остров становится важным промежуточным пунктом для голландских кораблей, направлявшихся к Золотому Берегу и в Индию, и одновременно «яблоком раздора» между могущественными европейскими державами – Англией и Францией. Ослабевшая Голландия вскоре вынуждена была «выйти из игры», и более 200 лет шла упорная борьба за обладание островом Горе'.

Несколько раз остров захватывали англичане, и столько же раз французы изгоняли их. И каждый раз разрушались, восстанавливались и строились заново военные форты и крепостные укрепления. Не одно поколение солдат полегло здесь не только от пуль, но и от смертельной лихорадки, которая беспощадно косила ряды европейцев, не привыкших к тропическому климату. Да и для успешной «охоты на живой товар» надо было застать «добычу» врасплох, поэтому корабли под покровом ночи подходили как можно ближе к берегу. Солдаты и матросы на шлюпках с обмотанными тряпками веслами перебирались на землю… Но жители прибрежных поселений уже хорошо знали, чего следует ожидать от появления больших парусных кораблей. И часто ничем не защищенные соломенные хижины, куда врывались ободряющие друг друга завоеватели, оказывались пустыми, хотя в кострах еще тлели угли. Значит, жителей кто-то предупредил, причем совсем недавно, следовательно, они не могли уйти далеко и их можно догнать. Но часто со всех сторон раздавались боевые кличи, и отряд пришельцев оказывался в кольце чернокожих воинов. На завоевателей сыпался град стрел, не причинявших им, однако, никакого вреда: легкие стрелы отскакивали от стальных шлемов солдат, от их нагрудников и щитков, прикрывавших бедра. Но наконечники стрел были смазаны ядом, и многие из захватчиков через несколько дней умирали в страшных мучениях.

На смену погибшим европейские державы гнали все новые и новые гарнизоны, ведь так велик был соблазн овладеть островом, приносившим баснословные доходы. В XIX веке на острове окончательно утвердилась Франция, которая стала использовать его как опорную базу для своей экспансии на юг и в глубь Африки. На улице Сен-Жермен до сих пор стоит свидетель той мрачной эпохи – Дом рабов, который называли еще «Невольничьим замком». Он был построен в XVIII веке – в самый разгар работорговли. В его небольшом прямоугольном дворике совершалась купля-продажа «живого товара», здесь и заканчивался пеший путь каравана невольников, так как держать их на острове до отправки в колонии Нового Света было надежнее, чем на материке. Со двора «Невольничьего замка» шел вход в подвальные помещения, сплошь застроенные мрачными камерами.

Внизу – пронизывающая до костей сырость, тяжелые цепи, мокрые каменные стены, в которые были вделаны железные кольца – к ним приковывали непокорных. Отсюда у темнокожих пленников было только два пути: один – в порт, на корабль работорговца, другой – на узкую кромку берега над пропастью, куда сбрасывали тела тех, кто не выдерживал неволи. А если кто-то и пытался бежать, то шансов добраться до родных берегов у него практически не было. Если беглеца не успевали схватить охранники, то свое дело делали акулы Атлантики…

На небольшой площади острова Горе разместилось здание полицейского участка – самое старое в городе, на берегу валяются громадные черные пушки береговой артиллерии XIX века. А на высоком скалистом берегу до сих пор остались бетонированные укрепления, устремленные слепыми бойницами на запад. Это остатки французской крепости, построенной перед Первой мировой войной.

Родосская эпопея рыцарей-иоаннитов

После захвата Иерусалима войсками египетского султана Салах-ад-Дина рыцари Ордена Святого Иоанна Иерусалимского отступили в замок Маркат, а когда в 1291 году пала Акра, последний оплот крестоносцев на Востоке, они оказались «бездомными». Однако вскоре остатки рыцарей переправились на Кипр, где дали клятву, что не вернутся на запад и будут продолжать борьбу. Здесь они построили свой флот, освоили тактику ведения морского боя и возобновили мелкие вылазки против Египта, совершая пиратские набеги на ливанские и сирийские побережья.

Великий магистр Гийом де Вилларэ пересмотрел статут ордена Святого Иоанна Иерусалимского и определил в его сословной системе место и обязанности адмирала. Однако усиление Ордена сильно раздражало правителей Кипра, которые помнили о непомерных притязаниях и могуществе рыцарей-иоаннитов в их «палестинский период».

Кипрский король опасался дальнейшего возвышения Ордена, поддерживаемого Римом. Поэтому он был только рад, когда взоры рыцарей-госпитальеров обратились к Родосу – острову, занимавшему центральное место в Эгейском море и формально принадлежавшему Византии.

Двадцать лет относительно спокойного пребывания рыцарей-иоаннитов на Кипре позволили Ордену восстановить силы, казна его пополнилась многочисленными поступлениями из Европы, а также добычей от морских побед над корсарами и турками; увеличился и приток рыцарей из Европы, так что со временем госпитальеры обрели свое былое могущество. В конце мая 1306 года Фалькон де Вилларэ, племянник прежнего главы Ордена госпитальеров, вступил в тайные переговоры с генуэзским корсаром В. Виньоли. В результате было подписано соглашение, которое определяло права и взаимные обязанности сторон, сколько и какие доходы они будут получать, кто будет представлять верховную власть на завоеванном острове и т. д.

Через месяц отряд иоаннитов находился уже на пути к острову Родос. Он состоял из двух галер и четырех судов меньшего класса, на которых находились 35 рыцарей и 500 пехотинцев. Остальные силы, обещанные вездесущими пиратами, присоединились позже. Почти 4 года продолжалась война между Византией и рыцарями за Родос, который древние греки называли «островом роз», и за соседние с ним острова. Затея оказалась не из легких, и поначалу «воинство Божье» терпело значительные неудачи. Но в конце концов на их стороне оказался слепой случай. Корабль, посланный на подмогу Родосу из Византии, потерпел крушение неподалеку от Кипра и был передан вместе с попавшим в плен экипажем в распоряжение Ордена. Капитан корабля был родом с Родоса и, спасая свою жизнь, стал уговаривать его жителей сдаться. Произошло это летом 1308 года, но еще почти два года островитяне оказывали пришельцам ожесточенное сопротивление. Однако силы были неравными, и родосцам пришлось сложить оружие.

Рыцари увидели на острове плодородные, прекрасно возделанные долины, которые лежали по обе стороны горного хребта, проходившего посередине Родоса. В центре его возвышалась гора Анаваро, с вершины которой можно было наблюдать за тем, что происходило вокруг острова, а также за побережьем Малой Азии. Родос располагал двумя прекрасными гаванями – на севере и на юге; за ними на горных склонах величественно раскинулся город Родос, о котором древнегреческий географ и путешественник Страбон говорил: «Я не знаю ничего равного или, тем более, превосходящего его».

Рыцари-госпитальеры основали на Родосе свою державу и захватили соседние острова – Тилос, Нисирос, Кос, Калимнос и Лерос, а на малоазийском побережье – город Галикарнас. Захват острова вселил в рыцарей надежду: в относительной безопасности независимый Орден мог теперь продолжить свою деятельность и заняться необходимой реконструкцией. На Родосе иоанниты вспомнили и о своей первоначальной миссии – уходе и заботе за больными и ранеными. Они начали строить странноприимный дом-госпиталь, открыли школы, возвели великолепный дворец, склады и т. д.

Иоанниты, которых с этих пор стали называть родосскими рыцарями, возвели на Родосе и прилегающих к нему островах крепостные укрепления, в результате чего была создана первая линия обороны. В период своего наибольшего расцвета родосское государство насчитывало свыше 250 000 жителей, из них примерно 200 000 человек проживали на самом острове, самих же рыцарей на Родосе было всего около 500 человек.

Государство родосских рыцарей постоянно находилось в состоянии войны с Турцией и всем мусульманским миром. Прекрасно оснащенный флот иоаннитов перенял лучшие морские достижения того времени, в частности рыцари построили большие галеры с обшивной броней. Их флот контролировал Эгейское море, и с этих пор ни военные корабли, ни торговые суда турок не могли чувствовать себя в нем спокойно.

Через два года после того, как иоанниты обосновались на Родосе, турки предприняли попытку захватить остров Амаргос, который лежал в 100 милях к северу, но в морском сражении они потеряли весь свой флот. Через 8 лет турки выступили против Родоса, но и на этот раз рыцари-госпитальеры выиграли морское сражение у острова Хиос. В 1320 году турецкий десант на 80 кораблях снова попытался высадиться на острове, но на подходе к нему 30 рыцарских кораблей разгромили и рассеяли турок.

Военные действия против турок велись почти непрерывно и рождали своих героев. Одним из них был Дьедонне де Гозон, которого в 1346 году выбрали Великим магистром Ордена. С его именем связана одна из легенд, которыми так богата история родосских рыцарей. Согласно ей,

у подножия горы Святого Стефана как-то завелся дракон. Один за другим выходили рыцари на схватку с чудовищем, но всех их ждала смерть. Тогда рыцарь Дьедонне, известный своей отвагой, решил применить военную хитрость и вышел на бой с драконом в сопровождении своих гончих псов. Собаки яростно напали на чудовище, а Дьедонне воспользовался тем, что внимание дракона было отвлечено, и отсек ему голову.

Под предводительством де Гозона родосские рыцари одержали победу над турецким флотом у берегов Смирны, и этот город оставался в их руках до 1402 года. В 1444 году египетский султан напал на Родос с флотилией из 180 кораблей, однако и его армия и флот были разгромлены. Но к середине XV века соотношение сил в восточном Средиземноморье изменилось, и не в пользу госпитальеров. В 1453 году пал Константинополь, и это стало для них сигналом смертельной опасности. В 1454 году султан Мехмет II – завоеватель византийской столицы – потребовал, чтобы родосцы платили дань – 2000 дукатов ежегодно. На это Великий магистр отвечал, что Родос приобретен кровью рыцарей, которые с радостью посвящают свои жизни защите христианства. Султан объявил войну Ордену и грозил разорить Родос: он послал 30 галер, которые опустошили берега многих островов, принадлежавших госпитальерам.

Но готовясь к постоянному нашествию турок, рыцари-иоанниты к концу 1460х годов возвели на Родосе много новых укреплений, выкопали рвы, а со стороны моря построили 100метровую стену высотой десять метров. В мае 1480 года 70тысячная турецкая армия, во главе которой стоял грек Мануил Палеолог, снова попыталась захватить Родос. С большим трудом турецкий десант высадился в заливе Трианда и атаковал форт Сант-Николас – центральный пункт обороны родосских рыцарей. Мощи турецкой армии Орден мог противопоставить только 600 рыцарей и около 2000 человек наемных войск. На стороне рыцарей сражалось и местное население, которому было роздано оружие.

В течение нескольких дней башня форта Сант-Николас подвергалась непрерывному обстрелу. В конце мая 1480 года, на шестой день осады, в стане рыцарей появился перебежчик – немецкий инженер по прозвищу «мастер Георг», главный артиллерийский эксперт турецкой армии. Великий магистр д'Обюссон, радушно приняв перебежчика, все же приставил к нему 6 рыцарей, которым приказал не спускать с него глаз. И вскоре оказалось, что предусмотрительность его пресекла коварные происки врага: «мастер Георг» был разоблачен как лазутчик, которого турки направили разведать уязвимые места обороны Родоса. Прочные крепостные укрепления острова для осадной техники тех лет оказались неприступными. В июле турки предприняли решительный штурм, но рыцари-монахи выстояли и на этот раз, после чего об Ордене иоаннитов стали говорить как о «непобедимом братстве». В середине августа турки ушли, превратив Родос в груду развалин.

Через год султан Мехмет II лично возглавил новый поход турецкой армии, однако на пути к Родосу он неожиданно скончался. Рыцари сочли, что их спасла воля Всевышнего. Когда весть о победах Ордена достигла королевских домов Европы, на Родос хлынул поток финансовой и военной помощи. Великий магистр немедленно развернул широкие работы по восстановлению разрушенных фортификаций острова, так как прекрасно понимал, что рано или поздно рыцарям снова предстоит сойтись с турками в решающей схватке.

Новая угроза нависла над островом весной 1517 года, когда турецкая армия захватила Каир и оккупировала весь Египет. Тогда рыцари пригласили из Италии знаменитого фортификатора Б. делла Скала, который обновил все укрепления, в результате были значительно утолщены крепостные стены, выкопана вторая линия рвов, надстроены башни. Из Сицилии на остров завезли большое количество продовольствия и оружия. Гарнизон крепости состоял тогда из 300 рыцарей и 7500 родосцев, итальянских моряков и критских лучников.

Весной 1522 года огромная армия турецкого султана Сулеймана I снова обрушилась на Родос, смущавший спокойствие Османской империи. Это была эскадра из 400 кораблей со 100тысячным войском, которой командовали визирь Мустафа-паша и адмирал Курдуглу; за ней подошла еще 100тысячная армия, возглавляемая самим Сулейманом I. В отличие от предыдущей осады турки не стали штурмовать Родос с моря, так как с этой стороны он был защищен наиболее сильно, и все боевые действия велись только на суше, так как турецкий султан рассчитывал на численное превосходство своей армии и артиллерии.

Турецкие орудия, кольцом расположившиеся вокруг Родоса, непрерывно обстреливали город; не раз турецкая армия штурмовала крепость, но все ее атаки были отбиты рыцарями.

Только 4 сентября осаждавшим удалось ворваться в крепость, разрушив бастионы в том месте, где оборону держали англичане. На помощь к ним с небольшим отрядом поспешил сам Великий магистр Филипп Вилье де Лиль-Адан, и турки были оттеснены, а потом и выброшены из крепости. Через пять дней Мустафа-паша вновь атаковал этот участок, и вновь турки отступили, потеряв более 3500 воинов.

Еще три месяца рыцарям удавалось отражать атаки, отчего султан Сулейман I пришел в ярость и, отстранив всех военачальников, сам возглавил свою армию. Последний отчаянный штурм турок начался 17 декабря и длился три дня. Им удалось захватить весь Внешний город, и рыцари защищались в полуразрушенной цитадели. Но силы их были уже на исходе, и Великий магистр, чтобы избежать поголовного истребления, решил вступить в переговоры с Сулейманом I, предложившим госпитальерам заключить мир на почетных условиях. 20 декабря над руинами Родоса поднялся белый флаг, Великий магистр передал турецкому султану свою шпагу…

Сулейман I обошелся с побежденными очень великодушно, предоставив рыцарям свободу, даже предложил им помощь при эвакуации с Родоса и вручил свою охранную грамоту. Перед почетной капитуляцией решением Совета Ордена и Великого магистра Филиппа Вилье де Лиль-Адана все церкви на острове были взорваны. Первого января 1523 года госпитальеры навсегда покидали Родос, увозя с собой все знамена и пушки, а волы тянули повозки, нагруженные многотомными архивами Ордена.

Измаил

Степные дали за Дунаем греки, появившиеся здесь в первом тысячелетии до нашей эры, назвали «страной чудес». Там, где сейчас стоит город Белгород-Днестровский, они заложили колонию Тира, укрепления которой уже в те времена были неуязвимы для врага. Потом появились колонии Килия, где греки держали свою торговую факторию, и Антифила, которую основали милетцы. Здесь побывали персидский царь Дарий, великий Александр Македонский, римляне под предводительством императора Траяна… На берегу Дуная по приказу Траяна рабы Рима возвели ряд крепостей и форпостов: Сморнис, Палладиум, Арбиум и другие. Крепость Сморнис находилась на левом берегу Дуная – недалеко от устья реки Репиды, где позже были воздвигнуты бастионы старой Измаильской крепости.

После римлян на придунайских землях побывали готы, затем гунны, авары и множество других племен. О появлении восточных славян на берегах Дуная впервые говорится в трудах римского географа Кастория, который в 360 году составил подробную карту этой местности с обозначением первых славянских поселений[42].

На берегах Дуная неоднократно бывал и первый киевский князь Кий. Укрепляя могущество древнерусской державы, он заложил здесь город Киевец. Киевские князья Олег и Игорь основали город Переяславец, откуда начался знаменитый поход на Византию. По сердцу пришлись эти места и князю Святославу, который говорил, что именно здесь – середина земли русской, потому что все блага сюда сходятся. На развалинах римской крепости Сморнис поднялись стены нового славянского городища Смил, как тысячу лет назад назывался Измаил.

В начале XIII века до Дуная докатились несметные полчища монголо-татаров, безжалостно опустошавших придунайские земли, сжигавших города и села. Они разрушили поселения Рени и Смил, предали смерти и увели в рабство многих жителей. В конце XIV века придунайская земля вошла в состав Молдавского княжества, образовавшегося в 1359 году. Но вскоре на Дунае и на Днестре появляются купцы-миссионеры из Венеции и Генуи, которые пытаются прочно обосноваться здесь. Из руин и пепла поднимается Смил, но теперь уже под новым названием – Синил. За короткое время он становится одним из важнейших пунктов торговли зерном и продуктами животноводства.

Турки, захватив в XV веке Византию и завоевав славянские народы на Балканах, устремились к русским землям. Несколько раз они подходили к стенам русских крепостей, в том числе и к Синилу, но отступали с тяжелыми потерями. Овладеть Синилом им удалось только в 1538 году: городу дали новое имя, назвав его звучным турецким словом «Ишмасль», что означает «услышь Бог». Ишмасль располагался в месте удобного перехода через Дунай из Бессарабии в Добруджу и занимал выгодное положение на перекрестке торговых путей. В 1569 году султан Селим II поселил в окрестностях города ногайских татар.

Население покоренных поселений не раз поднималось с оружием в руках против турецких поработителей, в чем им оказывал помощь украинский народ и особенно казаки Запорожской Сечи. В 1593 году отряд запорожских казаков во главе с Григорием Лободой

дошел до низовьев Дуная и штурмовал Килию и Ишмасль. Через год казаки овладели Ишмаслем, освободили группу единоверцев и с богатыми трофеями возвратились домой. Весной следующего года объединенные силы Григория Лободы и Северина Наливайко снова штурмом взяли Ишмасль.

Победы запорожских казаков насторожили турок: они решили укрепить Ишмасль и сделать его главным стратегическим пунктом, прикрывающим подходы к Балканам. С этой целью турки пригласили западноевропейских специалистов фортификационного дела, согнали в Ишмасль тысячи рабов, которые под палящими лучами солнца рыли рвы и насыпали валы. Цитадель старой крепости и бастион Табия были сохранены, возвели Новую крепость, их окружили новыми мощными каменными стенами, высота которых достигала 10 метров. Объединенные общим планом, каждая из них имела в свою очередь собственную систему обороны. Новая крепость, которую назвали Измаил, имела капониры, глубокие рвы, 265 орудий, а также 30тысячный, хорошо вооруженный гарнизон янычар. Крепость окружал вал, перед которым зиял глубокий ров с водой, вход в нее открывали четверо ворот, а южную сторону прикрывал широкий Дунай.

Русские впервые штурмовали Измаилом в Русско-турецкую войну 1769–1774 годов. Однако город был тогда настолько слабо укреплен, что его было назвать крепостью. Главные укрепления, которые были построены для защиты от набегов казацких флотилий, выходили на берег Дуная. Основной оборонительный рубеж перед южной частью города представлял сам Дунай, да и в западной своей части Измаил был защищен только природой – плавнями и заливом Дуная, который к тому времени уже изрядно пересох. С севера и востока город прикрывали земляные валы обычного полевого профиля – без редутов и с орудиями малых калибров.

После победы русской армии на реке Кагул в июле 1770 года часть турецких войск (в основном конница) отступила к Измаилу, надеясь перебраться через Дунай. В погоню за уходившими турками и татарами П.А. Румянцев направил корпус генерал-поручика князя Н.В. Репнина, который приблизился к Измаилу 26 июля. В городе царил хаос: начальники турецких войск имели строгий приказ оборонять Измаил, но не могли поднять боевой дух своего войска. Татарский хан Каплан-Гирей вообще продолжил отступление, минуя Измаил. Горожане уже не надеялись, что их защитят, и отправляли свои семьи в Килию и Аккерман. Накануне подхода к городу русских войск взбунтовался гарнизон города: мятежники хотели захватить суда, чтобы перебраться через Дунай. Им удалось даже арестовать начальника янычар, но все закончилось как обычно – начали грабить население.

Когда корпус князя Н.В. Репнина приблизился к Измаилу, начальники турецких войск погрузились на корабли и бежали за Дунай. Русские войска наступали в правильном боевом порядке: впереди – кавалерия, вокруг – артиллерия и четыре пехотных каре, ощетинившиеся штыками. Увидев неспешно приближавшуюся русскую армию, турецкая конница разделилась

на две части и по двум дорогам бросилась из города. Н.В. Репнин устремился было в погоню, но потом вернулся в город, чтобы занять Измаил до захода солнца. Для скорейшей развязки событий он послал в город парламентера из взятых в плен турок и пообещал пощаду всем, кто сдастся добровольно. Вскоре на крепостном валу взметнулся белый флаг, и городские ворота открылись.

Отряд Г.А. Потемкина подошел к Измаилу уже в сумерках, занял вал, но наткнулся на ружейную пальбу, которую открыли засевшие в мечети турки. Мечеть пришлось брать с боем, и только этот эпизод можно назвать «штурмом». Последний бой разгорелся на одном из островков у города, где русские егеря атаковали укрепившихся янычар. В итоге было взято почти 1000 пленных, русским достались пушки, знамена, боеприпасы и несколько тысяч голов крупного рогатого скота.

К началу Русско-турецкой войны 1787–1791 годов Измаил, который вновь был турецким, уже представлял собой сильную крепость, по тем временам считавшуюся неприступной. Она не только препятствовала освобождению Добруджи, но вместе с тем являлась прекрасным убежищем для остатков султанских армий, бежавших из крепостей Аккерман, Бендеры и Хотин, разгромленных русской армией. В то время за воротами Измаила укрывались не только эти поредевшие гарнизоны, но и много зажиточных мусульман со своими семьями.

Султан Селим III издал указ, обязывавший каждого защищать город до последней капли крови, а в случае сдачи Измаила оставшиеся в живых будут казнены без суда и следствия. На Измаильскую крепость турки возлагали большие надежды, недаром начальник гарнизона хвастливо заявлял, что «скорее Дунай потечет вспять, чем турки сдадут Измаил».

Главнокомандующий русской армией князь Г.А. Потемкин-Таврический отдал приказ овладеть крепостью, однако сначала действия русской армии были нерешительными, и потому она не могла взять Измаил ни штурмом, ни осадой. А потом из-за приближения зимы осаду вообще решили снять.

В 1790 году командование войсками, осаждавшими Измаил, принял А.В. Суворов. Русское войско встретило прославленного полководца, одержавшего перед тем блестящие победы над турками под Фокшанами и на реке Рымник, громовым «ура!». А.В. Суворов объехал войска и убедился, что армия вполне боеспособна и полна решимости идти на штурм. По его приказу у села Броска были сооружены валы и стены, подобные измаильским. Готовясь к предстоящим боям, русские солдаты днем и ночью штурмовали эти искусственные укрепления, а А.В. Суворов подбадривал их словами: «Больше пота – меньше крови!». Без взятия Измаила о победоносном завершении войны нельзя было и думать. России нужна была победа, которая заставила бы Османскую империю первой просить мира.

Штурм Измаила начался ровно в 4 часа утра 22 декабря 1790 года. Русские войска в едином порыве пошли на приступ: турки встретили их шквальным артиллерийским огнем, но ничто не могло остановить суворовских чудо-богатырей. Русским противостоял сильный и грозный противник. Валы Измаильской крепости защищали войска, которые ранее составляли гарнизоны Хотина, Бендер и Аккермана. В крепости находилось до 17 000 янычар-пехотинцев – метких стрелков и отменных рукопашных бойцов.

Русские солдаты атаковали турецкую твердыню тремя колоннами. Основная часть штурма выпала на долю пехоты и донских казаков. Состав атакующих колонн составили егеря (легкая отборная пехота) и четыре гренадерских полка. В одном из этих полков – Фанагорийском – шефом состоял сам А.В. Суворов. Солдатами этого полка в основном были ветераны, обученные (помимо всего прочего) суворовской тактике боя. И фанагорийцы оправдали надежды своего генерала: по отзывам участников штурма, они «дрались, как львы», бросаясь в самое пекло боя – туда, где начинали колебаться солдаты других полков.

В атакующих колоннах от ветеранов гренадерских полков и егерей не отставали и 8000 донских казаков, на ходу освоивших не привычный для себя бой в пешем строю. Распределенные в 3 штурмовые колонны, они ринулись на измаильские куртины, держа в руках свое основное оружие – укороченные пятифутовые пики. Слабостью их вооружения турки пользовались умело, производя внезапные вылазки из крепости. Своими саблями янычары перерубали пики казаков, а потом уничтожали их почти беззащитных. Разыгравшуюся бойню остановили подоспевшие из резерва гренадеры и мушкетеры. Они штыками отбросили турок в крепость и по их следам взошли на вал.

Русские войска дрались уже на городских улицах, а яростное сопротивление защитников не ослабевало. В первых рядах, не щадя себя, дрались турецкие офицеры, среди которых выделялся Каплан-Гирей – брат крымского хана. Но и это не спасло Измаил: штурмующие войска, которых вели храбрые русские генералы и офицеры, к 4 часам пополудни достигли

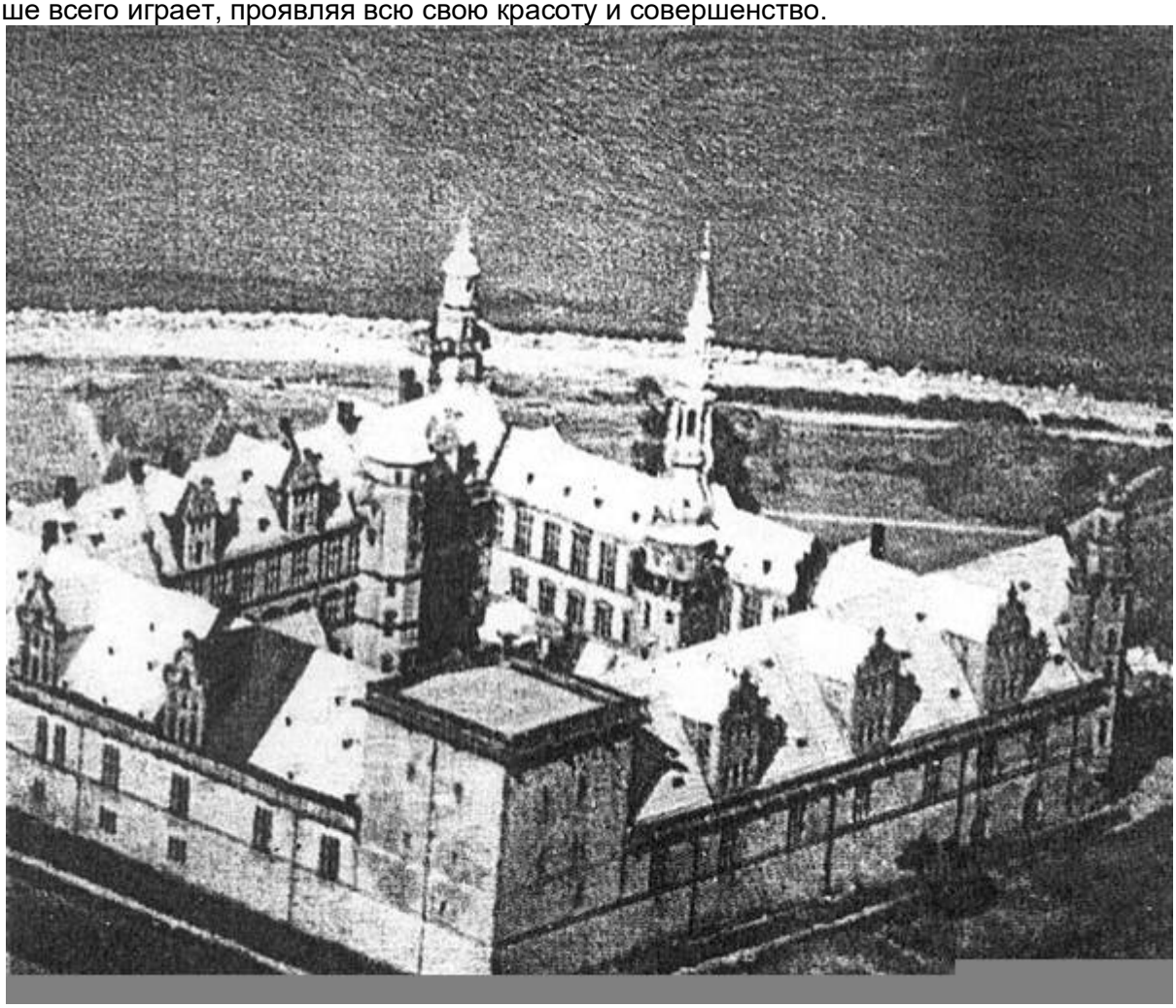
центра города и уничтожили последние очаги турецкого сопротивления. Несколько часов продолжался штурм турецких бастионов, 500 русских орудий вели непрерывный огонь по крепости.

Однако в 1791 году по Ясскому договору Измаил был вновь отторгнут Турцией. Еще раз эта крепость была взята русскими в ходе войны 1806–1812 годов. После длительной ее осады свое слово сказала артиллерия, которую в большом количестве сосредоточил здесь генерал П.И. Багратион, командовавший русской армией. 14 сентября 1809 года во время мощного обстрела крепости взорвались пороховые склады, и гарнизон капитулировал. Но навсегда Измаил был возвращен России по Сан-Стефанскому мирному договору только в 1878 году.

За воротами Голконды

Алмаз! Сколько загадок и суеверий, легенд и трагедий связано с этим драгоценным камнем! В древности его называли «адамант» («несокрушимый»), приписывая ему сверхъестественную неподатливость к удару. Плиний Старший в своем труде «Естественная история» писал: «Камни эти можно испытывать на наковальне, и они столь тверды, что железный молот раскалывается надвое, и даже сама наковальня может сдвинуться с места». Наряду с этим, в античном мире существовало и представление, что алмаз растворяется в свежей козлиной крови.

Первоначально алмазы, как и другие драгоценные камни, не гранили, и обработка их сводилась лишь к шлифовке природных граней, а природные алмазы часто имеют вид весьма невзрачный. Поэтому неудивительно, что в XIII веке их ценили ниже жемчуга, рубина, изумруда и даже хризолита. Новая страница в истории алмазов открылась в середине XV века, когда был найден способ их бриллиантовой огранки. Бриллиантом называют алмаз, которому приданы очертания октаэдра – восьмигранника. Именно в такой форме камень лучше всего играет, проявляя всю свою красоту и совершенство.



Как «страна золота и драгоценных камней» с древних времен славилась Индия. Примерно в 15 километрах от современного индийского города Хайдарабада, расположенного у слияния рек Муси и Уси, несколько веков назад располагалась Голконда – столица древнего индийского государства. Уже тогда она стала синонимом несметных

сокровищ и богатств, ведь именно здесь было найдено множество драгоценных камней, которые отсюда отправились путешествовать по всему свету. Еще в 1298 году знаменитый итальянский путешественник Марко Поло так описывал Голконду:

> В этом царстве находят алмазы, и скажу вам, много тут гор, где находят… алмазы. Пойдет дождь, вода и потечет ручьями по горам да по большим пещерам, а как перестанет дождь и только что вода сойдет, идут люди искать алмазы в тех самых руслах, что вода понаделала, и много их находят.

Прежде на месте Голконды стояла глинобитная крепость индусских раджей Варантал, но в XIV веке ее завоевал Мухаммед Тулак – мусульманский правитель Дели. Затем здесь установила свою власть династия Бахмандидов, но к началу XVI века в результате феодальной междоусобицы держава их распалась на 5 самостоятельных королевств. Тогда здесь и был построен город-крепость Голконда. Название ее произошло от слова «голлаконда», что на языке телугу означает просто-напросто «пастушеский холм».

Древняя легенда рассказывает, что один пастух указал это место Мухаммеду Кули Кутуб-шаху для главного города-цитадели основанного им королевства. Холм, на котором стояла Голконда, сложен из огромных гранитных валунов. Такие же валуны пошли и на фундаменты крепостных стен. Зубчатые стены карабкались по уступам высокой горы и тремя поясами охватывали крепость. А между стенами поднимались плоские крыши дворцов и арсеналов, караван-сараев и гаремов, минареты мечетей и купола мавзолеев.

В Голконде был знаменитый «Бриллиантовый рынок», над которым стоял несмолкаемый крик разносчиков воды, скрип разрисованных колес, звон золотых и серебряных монет. Здесь в одно смешались дорогие халаты купцов, смуглые тела ювелиров, запорошенные алмазной пылью, кривые мечи стражников, расшитые шелком камзолы редких заморских гостей, потные спины рабов и слуг, согнувшихся под тяжестью тяжелых паланкинов; высокие тюрбаны надменных королевских чиновников… И, конечно, драгоценные камни, которые до XVIII века и добывались-то только в Индии.

Богатства Голконды привлекли алчный взор Аурангзеба – правителя из династии Великих Моголов, и в 1656 году он в первый раз попытался вмешаться в дела слабеющего королевства. Несколько десятилетий он предпринимал военные походы против Голконды, но только в 1704 году ему удалось осадить главную цитадель. Осада города-крепости продолжалась 7 долгих месяцев, и все это время артиллерия Аурангзеба громила Голконду. Тяжелые ядра разбивали и рушили стены прекрасных дворцов, крушили крыши караван-сараев, срезали верхушки деревьев в прекрасных садах, дробили мрамор фонтанов. Уцелел только королевский дворец: он был расположен на самой вершине цитадели, и пушечные ядра до него не долетали. Голконда страдала от голода и жажды, она была измучена ужасом от непрекращающегося обстрела, потеряла связь с внешним миром, и ей пришлось открыть свои ворота. В крепость хлынули завоеватели, не нашедшие в ней ни одного целого здания. Абдул Хассан, последний король Голконды, был схвачен и отправлен в заточение в крепость Даулатабад. Войска Аурангзеба разграбили Голконду, вывезли королевскую сокровищницу и покинули крепость. Но еще много дней дымились ее руины: дым расстилался над закопченными развалинами, и порывы горячего ветра гнали его в Хайдарабад.

Возводя крепость, индийские зодчие создали и прекрасную систему каменных переходов. Звук от хлопка в ладоши, отражаясь от одной стены к другой, шел через всю Голконду и не терял своей первоначальной силы. Когда-то давным-давно у ворот крепости дежурили многочисленные слуги и стражники, а наверху во дворце сидел король и его приближенные. Легкий хлопок королевских ладоней – и все приводилось в «боевую готовность»: слуги и стража прекрасно знали, что предстоит королевский выезд. Но для ног человеческих тот путь, который проделывает звук хлопка, очень утомителен.

Господствовавший над цитаделью дворец был прост и просторен. Возводившие его строители искусно использовали сквозняки, поэтому во дворце всегда было прохладно, а в одном из нижних помещений даже холодно. Во дворце был подземный ход, который по преданию вел в Хайдарабад.

Массивные стены с бастионами, в бойницы которых еще в конце 1960х годов глядели жерла старинных пушек… У северной стены цитадели сверкают белокаменные купола усыпальниц королей Голконды и членов их семей. Некрополь обнесен высокой оградой, и на каменную резьбу мавзолеев падают только тени от ветвистых деревьев. Здесь очень тихо, лишь птичий гомон нарушает покой величественных могил. Внутри кладбищенской ограды

высятся каменные своды специальных ванн, в которых перед погребением обмывали и натирали благовониями царственные тела.

Теперь от прекрасных садов и дворцов Голконды остались только руины. По заросшей травой дороге, которая идет среди развалин, снуют быстрые сурки. На обвалившихся стенах дворцов с пустыми глазницами когда-то сводчатых окон щебечут веселые птицы. Зеленый вьюнок пробивается сквозь треснувшие плиты каменных ступеней, во внутренних стенах крепости зияют пробоины… Так теперь выглядит величественная цитадель династии Кули Кутуб-ханов, поражавшая европейских путешественников своим богатством и прекрасными дворцами.

Шамбор – «замок рыцарей и фей»

Замок Шамбор стоит на левом берегу Луары – в густом парке, окруженном ажурной решеткой. Как достопримечательность Луарского дола замок был упомянут уже великими французами – писателем Франсуа Рабле и поэтом Пьером Ронсаром. В романе «Гаргантюа и Пантагрюэль» архитектурный облик Шамбора придан Телемскому аббатству.

> Здание имело шестиугольную форму, и на каждом углу была выстроена большая круглая башня, диаметром в шестьдесят шагов. Все башни были одинаковы по величине и по форме. Пространство между каждой башней равнялось 312 шагам.
>
> Здание было в шесть этажей, считая подземные погреба за первый. Второй этаж был сводчатый, в виде ручки от корзины. Прочие этажи были оштукатурены фландрским гипсом. Крыши были аспидные, на карнизах красовались фигуры людей и животных, великолепно сделанные и покрытые позолотой. С них спускались водосточные трубы, расписанные по диагонали золотом и лазурью, доходившие до земли, где кончались большими желобами, ведущими под зданием в реку.
>
> В нем было 9332 комнаты, и при каждой – уборная, кабинет, гардеробная, часовня: все комнаты выходили в большой зал. В каждой башне посреди жилого корпуса была винтовая лестница, ступени которой были частью из порфира, частью из нумидийского камня, частью из мрамора-змеевика… На каждой площадке были две античные арки в ширину лестницы, через которые проникал свет и через которые входили в кабинет. Лестница поднималась до самой кровли и кончалась павильоном. По этим лестницам с каждой стороны был ход в зал и из зала в комнаты.

Франсуа Рабле пишет, что здание Телемского аббатства было в сто раз великолепнее дворцов Бонива, Шамбор и Шантильи. Так как же выглядит замок Шабор?

Места вниз по Луаре, в сторону Блуа, были лесистые, даже болотистые, и потому богатые зверьем и дичью. В.С. Турчин в своем исследовании «Замки Луары» пишет, что в 1519 году по инициативе французского короля-рыцаря Франциска I, который вошел в историю и как покровитель искусств, Шамбор сначала стали возводить как охотничий домик – на месте снесенного небольшого замка.

Шамбор строился, как и другие средневековые замки: в центре – донжон, по бокам – башни. Но во всем чувствовался размах, несопоставимый с возведением цитаделей предшествующих времен. Строительство Шамбора завершилось только через сорок лет, и потому королю Франциску не довелось жить в нем. Однако и недостроенный при жизни короля замок не мог не восхищать современников. В 1539 году Франциск I, принимая у себя испанского короля Карла V, не удержался от соблазна и повез гостя на берег Луары. «Сосредоточие искусства рук человеческих», – так отозвался о Шамборе император Священной Римской империи.

Долгий срок строительства, к тому же с некоторыми перерывами, не нанес урона задуманному замыслу. Более того, отступая от первоначального проекта, зодчие возвели здание, поражающее своими размерами, продуманностью композиции и сложностью декоративных элементов. В архитектурном стиле Шамбора прихотливо соединились традиции позднего средневекового строительства и новшества, пришедшие из Италии.

В возведении Шамбора принимали участие зодчие Жак и Дени Сурдо, Пьер Неве (прозванный Тринке) и Жан Гоберо, но все же проблема авторского замысла окончательно учеными не выяснена и сегодня, поэтому конкретного вдохновителя проекта назвать трудно. Существует упоминание о плане Д. де Картона, присланном из Италии и определившем основной характер замка; говорили об идеях Виньолы и Приматиччо… Правда, имена

последних давно уже считаются в науке легендой, так как ко времени возведения Шамбора одному из них было 12 лет, а другому – 15. Часть исследователей предполагает, что некоторые консультации давал великий Леонардо да Винчи, прибывший из Италии ко двору Франциска I, однако скорее всего великолепный ансамбль замка Шамбор складывался благодаря труду и стараниям многих мастеров – как французских, так и итальянских.

Композиционным ядром замка стал гигантский, квадратный в плане донжон с мощными круглыми башнями по углам. Но в отличие от обычного назначения такого типа феодальных укреплений, донжон Шамбора не был рассчитан на оборону. Своими монументальными формами он должен был олицетворять величие и могущество власти французского короля. Однако по традиции перед ним выкопали ров с водой[43] и установили подъемный мост.

Три этажа донжона, сложенного из крупных блоков морского известняка, декорированы плоскими пилястрами, в свою очередь украшенными арабесковыми орнаментами в итальянском вкусе. Большие окна, разрушая массив стен, придают всему зданию вид праздничный, чем существенно меняется представление о донжоне как крепости.

У туристов, посещающих Шамбор сегодня, может сложиться впечатление, что при возведении замка зодчие XVI века слишком увлеклись архитектурными излишествами. Действительно, на крыше здания возведено 365 башенок (по числу дней в году), украшенных нимфами, мифическими животными и восточным растительным орнаментом. Целый лес луковок, шпилей, фронтонов, звонниц без колоколов и люкарн образует на крыше своего рода игрушечный городок, окруженный балюстрадой. Особенно выделяется фонарь над центральной лестницей донжона, представляющий собой 4-ярусную башенку с «короной» из лепестков лилий на вершине.

Небольшой городок на крыше Шамбора был местом светского общения владельца замка и его гостей. Он имел свои улицы и маленькие площади, собиравшееся там общество могло следить за охотой, за проводимыми внизу военными парадами, праздниками и турнирами.

До конца эпохи Ренессанса в большинстве домов Европы топили по-черному. Первыми занялись трубами короли и представители церкви: в XI веке – норвежский правитель Олаф III, а в XII веке – французские монахи аббатства Фонтенбло. Затем к новой моде приобщились итальянские герцоги и английские аристократы из клана Тюдоров. И если внимательно прислушаться к словам гида, станет ясным, что каждая декоративная башенка Шамбора – это вытяжная труба от внутренних печей и каминов.

Таким же страстным охотником, как Франциск I, был и французский король Людовик XIV. При нем в замке Шамбор расцветает соколиная охота, содержатся лучшие в Европе собаки… Здесь стали также проводиться пышные празднества, звучала музыка Люлли, а кордегарию (помещение для военного караула) Шамбора король решил переделать в театр.

Король повелел привезти из Парижа труппу и поставить в замке комедию-балет, которую должен был написать Жан-Батист Мольер. Французский драматург два месяца провел в холодном гулком замке, ведь никому и в голову не пришло топить королевские печи ради какого-то комедианта. Написанная им пьеса называлась «Господин де Пурсоньяк», но королю она не понравилась. Он отбыл из Шамбора, не заплатив автору обещанный гонорар.

Замок не предназначался для жилья, короли бывали в нем один-два раза за все время своего царствования, и потому Шамбор очень часто пустовал. Одними из последних хозяев замка были изгнанный из Польши король Станислав Лещинский – тесть Людовика XV, а также маршал Мориц Саксонский – победитель в битве при Фонтенуа. Офицеры французской армии в этом сражении, когда неприятель приблизился на расстояние ружейного выстрела, вышли из рядов, приветствовали противника изысканным поклоном и любезно предложили открыть огонь первыми.

В следующие столетия замок не раз переходил из рук в руки, а во время Великой Французской революции жители близлежащего городка постановили разрушить «эту ненормальную громаду камня и построить дома для патриотов», однако исполнить задуманное им не пришлось. В 1821 году замок Шамбор купили легитимисты и преподнесли его в подарок герцогу Бордоскому, который принял титул «граф Шамбор». Это был последний представитель боковой ветви династии Бурбонов, он создал в замке оплот «белого знамени» – партии короля, мечтавшей о возвращении французского престола его наследникам, и потому воевал в рядах австро-венгерской армии.

Во время Второй мировой войны, когда Франция была оккупирована немецкой армией, замок занял гитлеровский генерал. В 1944 году, убегая, он в качестве «отвлекающего маневра» поджег Шамбор. Замок спасли партизаны-маки, и писатель Гастон Монмуссо, воевавший в долине Луары, словами одного из своих героев сказал:

Вот замок капиталистов… Я должен был бы ненавидеть этот замок с его башенками, парадными лестницами, роскошной обивкой стен. Но нет, наоборот, я его люблю, есть в нем что-то мое…

Это «что-то мое» создавалось трудом не одного поколения мастеров: каменщиков, резчиков, плотников, художников, кузнецов. Прекрасные слова об очаровании замка Шамбор сказал писатель Виктор Гюго, сравнивший его с «женщиной, у которой порывом ветра разметало волосы».

Узники замка Иф

Марсель – второй по величине город Франции, ее самые просторные морские ворота. Многим мальчишкам Марсель напоминает детство с его мечтами о дальних плаваниях и приключениях, о встречах с отчаянными контрабандистами и бесшабашными «морскими волками» в шумных портовых тавернах. И хотя сегодняшний Марсель не может в полном объеме предложить весь этот романтический набор из повестей Р. Стивенсона, романтика в городе все-таки осталась. Прежде всего это матросы – обветренные, с татуировками, в лихих беретах и белоснежных тельняшках, какими и должны быть матросы Марселя.

Марсель – это и церковь-крепость Сен-Виктор, построенная в пятом столетии и реконструированная в Средние века. При Людовике XIV в городе были выстроены форты Святого Николая и Святого Иоанна, теперь полуразрушенные. Традиционной приманкой для туристов становится остров Иф со старинным замком-тюрьмой, возведенной королем Франциском I в XVI веке. В одной из башен замка томился знаменитый Эдмон Дантес.

Кто из нас не зачитывался в детстве и юности романом А. Дюма «Граф Монте-Кристо»! Затаив дыхание, мы «глотали» страницы о таинственном узнике замка Иф – аббате Фариа, который долгие годы долбил крепостную стену, чтобы вырваться на волю, а пробился только в соседнюю камеру.

К замку Иф судно идет мимо старого мола и древних, сложенных из крупного граненого камня укреплений – грозных, но на сегодняшний взгляд уже несколько театральных. По крутой дороге, обнесенной старыми низкими стенами, туристы карабкаются на верхнюю площадку, где на обрыве над морем расположился небольшой ресторанчик. На другой стороне площадки – старая крепость-замок – «шато д'Иф», тюрьма и чумной карантин Марселя.

По винтовой лестнице туристы поднимаются внутрь башни и выходят на глубокий маленький двор – тесный и душный. В центре двора – колодезь с громадным дубовым колесом и валом, на который накручена цепь с бадьей. По сторонам двора – террасы с казематами и старыми ржавыми решетками. Над каждым казематом прикреплена памятная табличка: «Карцер человека, прозванного «Железной маской», «Кавалер Ансельм сидел здесь в 1582 году», «Граф де Мирабо провел здесь 1774–1775 годы»[44], «Тело генерала Клебера хранилось здесь с 1802 по 1818 год».

И вот наконец «Карцер Е. Дантеса, графа Монте-Кристо». Знаменитая камера по размерам довольно большая, но каземат этот страшен и мрачен. Сейчас там светит тусклая лампочка, чтобы туристы могли рассмотреть узкий подкоп, проделанный в каменной стене.

В «Графе Монте-Кристо» очень мало вымысла, как и в других произведениях Александра Дюма. Почти все они основаны на реальных событиях, почерпнутых автором из многочисленных хроник, мемуаров, полицейских протоколов и т. д. События, которые легли в основу романа «Граф Монте-Кристо», произошли в самом начале XIX века.

В 1807 году сапожный подмастерье Пико готовился вступить в блестящий брак и, упоенный успехом, хвастался своей удачей перед посетителями кафе, где постоянно обедал. «Бьюсь об заклад, что я этому помешаю», – сказал своему приятелю Аллю хозяин кафе Лупьо, которого снедала зависть. Вместе с несколькими собутыльниками он написал донос в полицию, и полицейский комиссар, признав дело чрезвычайно важным, так как оно касалось заговора против государства, передал его министру. Пико арестовали и как опасного преступника заключили в замок Фенестрель.

Через два года Лупьо женился на невесте Пико, а спустя семь лет Пико вышел из заключения. В тюрьме он преданно ухаживал за скромным миланским священником, после смерти которого оказалось, что он обладает огромным состоянием, которое целиком завещал Пико. За семь лет тюремного заключения Пико внешне так изменился, что никто не мог

узнать его. Озлобленный, он мечтал только об одном – жестоко отомстить тем, кто лишил его свободы и любимой девушки.

Ценой драгоценного алмаза стоимостью 50 000 франков, Пико выпытал у Аллю имя доносчика, потом никем не узнанный поступил лакеем в кафе Лупьо. Через несколько дней один из доносчиков был убит ударом кинжала, на котором было выгравировано: «Номер первый». Спустя неделю был отравлен другой доносчик, на гробе которого значилось: «Номер два». Подозрение пало на Лупьо, так как оба погибших были его ближайшими приятелями. Посетители перестали посещать его кафе, он разорился и запил, а жена его умерла от горя.

Вечером, после похорон жены, Лупьо встретился с Пико в саду Тюильри. Пико назвал себя и вонзил в сердце Лупьо кинжал. Но его тут же схватили, связали и перенесли в подземелье. Это был Аллю: алмаз, полученный от Пико, возбудил его алчность, и он все время следил за мстителем, чтобы завладеть его огромным состоянием.

В подземелье Пико посадили на цепь, но Аллю не собирался его убивать. Он даже обещал хорошо кормить пленника, но за каждый обед тот должен платить по 25 000 франков. Однако месть Пико уже была завершена, и ничего отрадного в жизни у него не осталось. Он умер от голода, так и не открыв, где спрятано богатство.

На смертном одре Аллю открылся священнику, который сообщил об этом в полицию.

Так эта история попала в полицейский архив, откуда ее и позаимствовал Александр Дюма: писателю оставалось лишь усложнить интригу, добавить новые эпизоды, расшить грубую ткань уголовного преступления золотым узором романтического мщения. Но если Эдмон Дантес – герой литературный, то аббат Фариа – фигура не вымышленная: Александр Дюма для своего романного персонажа воспользовался реальным прототипом.

Будущий аббат Фариа[45] родился в 1756 году в Гоа – бывшей португальской колонии – и здесь же окончил монастырскую школу. Поборник идей свободы, аббат Фариа возглавил антиколониальный заговор, но был выдан властям, и его в цепях отправили в Лиссабон. Но из тюрьмы ему удалось бежать, и он очутился в Париже, где прославился своими пламенными речами и незаурядным мастерством гипнотического внушения[46].

Судьбу молодого аббата резко изменил 1793 год. Он всем сердцем принял революцию, но когда победила якобинская диктатура, вынужден был бежать на юг страны – в Марсель. Здесь его искусство врачевания признали, и молодой брамин занялся медицинской практикой: он был принят в местное медицинское общество, а позже стал профессором академии.

Революционным своим идеалам аббат Фариа не изменил и не разочаровался в них. После свержения в 1794 году якобинской диктатуры в Париже возникло движение «Во имя равенства» во главе с Ф.Н. Бабёфом, взявшим себе имя римского трибуна Гракха. Через два года по доносу предателя он был арестован и отправлен на гильотину. Аресты его сподвижников прокатились по всей Франции, не избежал их и аббат Фариа, бывший в ту пору помощником преподавателя гимназии в городе Ним. Его заключили в замок Иф, где он просидел до 1814 года: только тренировка с помощью самовнушения спасла тело и разум аббата за долгие годы пребывания в замке. После освобождения до самой своей смерти, случившейся в 1819 году, он публично демонстрировал методы лечебного магнетизма[47].

…В 1961 году Гоа воссоединилась с Индией. Ее прежняя столица – Велья-Гоа – сохраняется как исторический заповедник. Монументы, воздвигнутые во время господства португальских завоевателей, теперь снесены, но памятник аббату Фариа сохранился. Он был установлен в Панаджи, возле дворца, построенного в XV веке султаном Биджапуром Адил-шахом. Аббат Фариа навсегда остался стоять здесь, простирая над больной женщиной свои бронзовые руки. Гоанские девушки часто приносят к подножию памятника цветы…

Форты Картахены

Когда испанский конкистадор Педро Эредия достиг в погоне за золотом южного побережья Карибского моря, он бросил якоря своих кораблей в одной из маленьких бухт. К его изумлению, племена индейцев «чичба», жившие в долине реки Магдалены, после первой же стычки с пришельцами «сменили гнев на милость» и разрешили небольшому отряду испанцев заняться поисками сокровищ в своих владениях. Некоторые потом утверждали, что

дружелюбие индейцев объясняется тем впечатлением, которое произвел испанец на вождя племени – «царицу» Финзену. Он в самое сердце поразил правительницу доверчивых краснокожих, и она даже позволила новым «бледнолицым друзьям» раскопать могилы предков, в которых испанцы нашли несметное количество золотых украшений.

Испанцы вернулись к своему исходному пункту с драгоценностями на полтора миллиона дукатов. Педро Эредия решил закрепиться на благословенной земле и назвал ее Новой Гранадой. Здесь в 1533 году и была основана Картахена-де-Индиас, которую впоследствии стали величать «жемчужиной Вест-Индии», «стражем морей» и «героическим городом». Через Картахену в Южную Америку потекли отряды вооруженных завоевателей, а встречным потоком в Испанию – несметные сокровища континента: серебро Потоси и Пуны, изумруды из Кордильер, корица, медь, олово… Звезда города заблистала так ярко, что привлекла к себе взоры людей, падких до чужого богатства. Уже через 10 лет после основания Картахену разграбил английский флибустьер Роберт Баал, через три года француз М. Коте «на паях» с пиратом по прозвищу Дон Жуан снова напал на Картахену, но на этот раз город устоял. Защитники «жемчужины Вест-Индии» воспользовались опытом ограбленных ими индейцев и стали пускать в осаждавших тысячи отравленных стрел.

В последнем налете корсаров участвовал легендарный «рыцарь удачи» Френсис Дрейк, которому удалось спастись на единственном уцелевшем барке «Юдифь». Впоследствии картахенцы не раз пожалели о том, что выпустили 23летнего пирата живым, так как в 1586 году он вновь появился у их берегов, горя желанием смыть позорное пятно. Ф. Дрейк привел 20 судов, на которых разместился отряд в 1300 человек. На этот раз смазанные ядом индейские стрелы оказались бессильны против тяжелых ядер пиратов. Грабеж Картахены продолжался два месяца, после чего корсары погрузили на свои корабли золота и драгоценностей на 400 000 песо, а также пушки с городских крепостей. А чтобы жители надолго запомнили его, Ф. Дрейк поджег город. Картахена осталась разоренной, беззащитной и немой, так как пираты прихватили с собой и все колокола.

С легкой руки Френсиса Дрейка разбойники стали все чаще появляться у стен Картахены, но это были уже не морские пираты с черной повязкой на глазу и кривым ятаганом в руках. Разбоем занялись почтенные плантаторы, отцы семейств и уважаемые граждане, занявшиеся «левым» промыслом в свободное от забот на кофейных плантациях время. Картахене пришлось срочно укрепляться, один за другим стали появляться артиллерийские редуты, крепостные стены и башни, разводные мосты и форты с толстыми стенами.

Город расположен на узком перешейке и выходит одновременно на море и на широкую полузакрытую бухту, глубоко вдающуюся в берег. Со стороны моря Картахена была неуязвима, так как подход к берегу перекрывали рифы и скальные выступы. Добраться до крепостных стен можно было только со стороны бухты, но вход в нее защищали три форта: в горловине – Бокачико, в самой бухте – Санта-Крус и перед самым городом – Сан-Лазар. Чтобы штурмовать город, надо было по очереди захватить эти цитадели.

Французский флибустьер барон де Пуэнти в 1697 году решил высадиться в стороне от Картахены, чтобы испанцы не заметили его огромную флотилию. Пройдя через лес, пираты намеревались захватить монастырь Пречистой Девы, располагавшийся на холме у пересечения дорог, которые вели из Картахены в глубь материка. С наступлением ночи флибустьеры хотели спуститься в шлюпки и начать высадку, но им помешали огромные волны, которые с грохотом разбивались о прибрежные камни. О высадке не могло быть и речи, и Пуэнти пришлось отдавать другой приказ: войти в бухту и захватить сторожевые форты.

Десант флибустьеров высадился позади форта Бокачико, и, к удивлению французов, им никто даже не попытался помешать. Ни одного испанского солдата не оказалось и в лесу, отделявшем морское побережье от форта. Ночью Пуэнти выслал разведчиков, чтобы те определили ширину наполненного водой рва, окружавшего форт. Но разведчики вернулись с известием, в которое трудно было поверить: во рву нет воды, а в самом форте не видно признаков жизни. Правда, уже утром нападавшие убедились, что это не совсем так: форт начал, хотя и вяло, отвечать на орудийные залпы с флотилии, но через три часа ему все равно пришлось сдаться.

После захвата форта Бокачико флибустьерам предстояло захватить форт Санта-Крус, который тоже выглядел вымершим. К изумлению французов, это соответствовало действительности: испанцы эвакуировали Санта-Крус, пустой оказалась и обитель Пречистой Девы. Теперь перед Картахеной оставалось последнее препятствие – форт Сан-Лазар, но о подходе вражеского войска город был предупрежден колокольным звоном. Когда главный

отряд флибустьеров приблизился к форту, там не оказалось ни одного защитника, только раненый солдат и убитый комендант.

Картахена состоит из двух частей, каждая из которых обнесена крепостной стеной. Нижний город называется Ихимани, а верхний и был собственно Картахеной. Форт Сан-Лазар располагался против нижнего города, и, когда он пал, наступила очередь Картахены. Флибустьеры разбили свой лагерь на пологом склоне и начали перетаскивать к стенам форта орудия с кораблей. Во время этой операции испанский канонир открыл огонь и ранил Пуэнти, который упал, «пораженный осколком в живот». Одежда и пояс ослабили удар, и лекарь, перевязав рану, сказал, что страшного ничего нет и нужно только несколько дней полного покоя.

Вытесненные из Ихимани испанцы побежали спасаться в верхний город, ворота которого сразу же закрылись за ними. Через день французы начали обстрел этой части Картахены, и вскоре между зубцами крепостной стены взвились четыре белых флага.

Самым знаменитым и самым грандиозным из всех, когда-либо возведенных испанцами в Южной Америке, был форт Сан-Фелипе. Сто лет строилось это чудо фортификационного искусства, которое и в наши дни может заставить побледнеть от зависти создателей знаменитой линии Мажино. Форт Сан-Фелипе высится над Картахеной на небольшом холме, напоминая египетскую пирамиду: как и грани пирамиды, его неприступные стены слегка наклонены. Вражеские ядра рикошетом отскакивают от них, не причиняя форту сколько-нибудь значительных разрушений. Мощные пушки Сан-Фелипе держали под прицелом все подступы к городу с моря и с суши; в круглых смотровых башенках, увенчивающих крепость, день за днем, год за годом, век за веком стояли дозорные… В подземных казематах хранились запасы продовольствия, рассчитанные на долгие месяцы осады. Благодаря таким мерам Картахена и выдержала осаду, предпринятую корсаром Э. Верноном.

Если в XVI веке Ф. Дрейк легко овладел городом, располагая 20 судами и отрядом в 1300 человек, то в XVIII веке Э. Вернон потерпел здесь поражение, хотя у него было 200 кораблей и 27 000 солдат. В те дни обороной Картахены руководил старый вояка Блаз де Лезо, у которого не хватало глаза, руки и ноги, потерянных им на полях многочисленных сражений. Но, как говорили жители Картахены, он «стоил десяти генералов» и «то ли еще было бы, будь у него все в порядке». С тех времен форт Сан-Фелипе почти не изменился: все в нем осталось, как было – длинные ходы и галереи, пронизывающие толщу форта, скользкие ступени, уходящие вниз… Как трудно было ковылять по ним бедняге Блаз де Лезо!

Со временем Картахена превратилась в провинциальный сонный город, который оживал лишь несколько раз в год, когда приходили корабли из Испании. Однако звезда Картахены вспыхнула еще раз – в 1810 году, когда почти одновременно в разных точках континента поднялись восстания против испанской короны. В войне за независимость Картахена стала опорным лагерем, из которого выступил в поход знаменитый Симон Боливар. Правда, когда он сражался на другом фронте, испанцам удалось отвоевать Картахену. Они захватили город после почти четырех месяцев осады, когда голод и болезни сломили защитников: были съедены все собаки, кошки и даже крысы, а на улицах гнили трупы, которые некому било убирать. И когда испанский генерал П. Морильо вступил в захваченный, но не покорившийся город, он едва не задохнулся от трупного яда.

В 1821 году войска Симона Боливара вновь подступили к стенам Картахены. Это была последняя и самая долгая осада в истории города – она длилась 14 месяцев. И хотя испанцы сопротивлялись отчаянно, им пришлось сдаться. На башнях форта Сан-Фелипе взвился трехцветный флаг Великой Колумбии…

Сегодня сквозь узкие бойницы форта видны район отелей и вилл, утопающих в кудрявых пальмах, залив с плотными рядами баркасов и старая Картахена, обнесенная крепостной стеной. За свою историю город изведал тяжкие испытания: его осаждали и штурмовали, он сражался и побеждал. И сегодня форт Сан-Фелипе хочет покоя от шумных битв и яростных штурмов; от нескончаемых ядер, которые, как мячики, отскакивали от его стен; от крови и порохового дыма, десятилетиями заслонявшего солнце, да и от мирской суеты тоже. Но не дают ему покоя…

В Картахене говорят, что есть в форте ходы, никому еще неизвестные, уходящие куда-то в глубь города. Рассказывают о кладах, замурованных в последние часы тяжких осад, и потому в поисках этих сокровищ шарят по подземельям Сан-Фелипе пришлые авантюристы.

Кубинская крепость Ла-Фуэрса

Если входить в Гавану со стороны моря, то уже при первом знакомстве увидишь, что волны не бьются о камни набережной в тщетной попытке вернуть их океану. Волны сами бегут на встречу с камнями, как истосковавшиеся по суше парусники стремятся к земле и родным огням. Вы увидите, как встречаются стихия волн и камень, и тогда станет понятной суровая красота встающих над водой крепостных бастионов.

Многие города Латинской Америки строились как посредники, а Гавана – как воин. Прибывшие на Кубу вслед за Колумбом конкистадоры не нашли здесь ни золота, ни алмазов, и остров их не заинтересовал. Зато на севере острова они нашли прекрасную бухту, своими очертаниями напоминающую кленовый лист. Ее обширная внутренняя акватория соединяется с океаном естественным узким каналом, образованным двумя полуостровками, фланкирующими пролив. Более плоский западный полуостров стал колыбелью современной Гаваны, которая тогда представляла собой всего лишь группу деревянных домов с кровлями из пальмовых листьев. Однако этот скромный поселок в первые десятилетия своего существования с честью выполнил миссию форпоста для испанских судов, рвавшихся на запад в поисках «золотых» земель.

Обнаруженные испанцами на американском континенте несметные богатства привлекли к Карибскому бассейну полчища пиратов. Вот тогда гаванская гавань и ее поселение приобрели для испанской короны неоценимое стратегическое значение. В ней собирались караваны парусных судов со всех завоеванных земель Нового Света, на которых испанскому монарху отправляли его королевскую долю золота и драгоценных камней, диковинные вазы индейцев Перу и удивительные реликвии народа майя – все, что удавалось собрать на богатых и малоизвестных тогда территориях. Гавана стала временной стоянкой военного флота и транспортных судов, и продолжалось это с 1540 года почти до конца XVIII века.

Главнейшей заботой испанцев на Кубе стала оборона гаванской бухты и стоящих в ней кораблей, нагруженных богатствами. Все выделяемые Гаване средства – денежные, материальные, людские – направлялись на возведение мощного оборонительного вала для защиты гавани от вражеского флота и пиратских кораблей. Фортификационное строительство растянулось с середины XVI до конца XVIII века. Устоявшие в битвах с пиратами и временем сторожевые башни и форты и ныне можно встретить в окрестностях старой Гаваны. Они неожиданно возникают за углом узкой улочки, за пальмовой рощей на песчаном берегу океана, в черте самой кубинской столицы и за ее пределами.

Первая крепость Гаваны до нашего времени не дошла, а самой древней, самой совершенной и лучше всех сохранившейся является крепость Ла-Фуэрса. Ее начали строить в 1558 году рядом с центральной площадью первоначального поселения. Военный инженер Б. Санчес придал крепости форму правильного квадрата, окруженного рвом с водой, с четырьмя симметричными бастионами по углам. Строил крепость мастер Ф. Калона, который и завершил ее возведение в 1577 году.

При входе в Гавану с моря она обнаруживается справа – чуть в глубине канала, за асфальтовой полосой набережной. В Ла-Фуэрса нет архитектурной красоты, ведь ее строили военные инженеры, а для них вся красота заключалась в неприступности крепостных стен, которые вырастают из воды и поднимаются к верхней площадке. С трех сторон она окружена одноэтажным строением, которое в течение двух столетий служило резиденцией испанских правителей Кубы.

Ла-Фуэрсу начали возводить почти 500 лет назад, но крупные каменные блоки до сих пор подчеркивают мощь и неприступность форта. Через широкий ров с водой переброшены два деревянных моста, которые и сегодня можно поднять на мощных цепях. Крепостные стены высотой 10 метров гладкие; бойницы в них вырезаны так, что ни с моря, ни с суши нельзя увидеть, что делается внутри. Но монолитная на вид стена хранит много секретов, в том числе инженерных. Один из них – прохлада, царящая здесь даже в июльскую жару. В четырехметровой толще стен сделаны сквозные отверстия – широкие снаружи и узкие внутри. Как воздухозаборники реактивного самолета, они засасывают воздух, создавая легкий ветерок. Но инженерное решение этой проблемы создавалось не для «услады» жизни: в крепости все должны были быть здоровы и в любой момент готовы к бою.

На верхнюю площадку крепости ведет удобная пологая лестница, которую построили уже в XVIII веке. А сначала сами защитники крепости поднимались сюда по штормовым веревочным трапам, которые при приближении противника сразу же убирались.

Главным художественным украшением фасада крепости Ла-Фуэрса служит белый мраморный герб, который венчает поле между проемом входа и карнизным валиком. Этот герб – самая старая скульптура Гаваны.

В начале XVII века на западном бастионе крепости была возведена двухъярусная дозорная башня, которую в 1634 году скульптор Х.М. Пинсон увенчал флюгером, сделанным в виде женской фигурки. Предание донесло до нас имя этой женщины – Исабелла Бобадилья де Сото. Губернатор де Сото, построив крепость Ла-Фуэрса, отправился на завоевание новых земель во Флориде, а вместо себя управлять колониями оставил жену. Она ждала его долгих четыре года, а когда узнала о гибели мужа на Миссисипи, умерла от горя. По некоторым сведениям фигурка была позолочена, и англичане, захватившие крепость в 1761 году, впоследствии увезли ее с собой. Жители Гаваны отлили новую фигурку, и теперь она стала известна повсюду как символ Гаваны: женщина с гордо вскинутой головой олицетворяет бесстрашие защитников города. Да и кто еще, кроме жителей морского города, мог так наградить женщину за верность?

Крепость Ла-Фуэрса стала ядром будущей Гаваны. Суровый характер ее архитектуры на долгие годы задал тон дальнейшему каменному строительству не только военных сооружений, но также культовых и даже гражданских построек.

Астраханский Кремль

В глубину веков уходит история города Астрахани, связанного древним родством с Волгой и Каспием. Здесь главная река России сливается с загадочным Каспием, долгие тысячелетия длится их свидание, и не кончается порожденная ими жизнь. Астрахань от времен Владимира Великого до нашествия хана Батыя, то есть в продолжение 200 лет, составляла часть Русского государства. Но в XIII веке и сам город, и часть берегов Каспийского моря отошли татарам: эта территория называлась Капчаковской (или Золотой) Ордой и управлялась своими ханами. На этой земле встал крупный торговый город Сарай-Бату – столица Золотой Орды, через которую проходил караванный путь из Азии в Европу. В XIV веке в нем жило около 75 000 человек, на широких улицах и шумных базарах города можно было встретить монголов, алан, кипчаков, черкесов, русских, греков, причем каждый народ жил в отдельном квартале. Город манил к себе купцов из самых дальних стран и славился своими дворцами и мечетями.

Сарай-Бату не имел городских укреплений, так как конное войско хана, постоянно кочевавшее вокруг города, было надежнее любых стен. Но с ослаблением Золотой Орды астраханские феодалы начали проявлять большую самостоятельность, и в 1459–1460 годах выделилось самостоятельное Астраханское ханство, первым правителем которого стал хан Махмут. Центром ханства стал город Хаджи-Тархан – исторический предшественник Астрахани. Поднявшийся на правом берегу Волги город в разное время назывался по-разному: Аштархан, Гиторхан, Цитрохань… Ученые до сих пор не могут объяснить, откуда у одного города взялось столько названий. Есть предание о племени асов, получавших от правителей тарханы – разрешение на торговлю; рассказывают также о прекрасной ханской дочери Астре…

В середине XVI века Русское централизованное государство приступило к завоеванию Среднего и Нижнего Поволжья, чтобы получить выход к Каспийскому морю и укрепить обороноспособность страны от действий Турции и Крыма. В 1552 году русские войска штурмом взяли Казань: весть об этой победе ободрила Москву и воодушевила ее на дальнейшие завоевания. С падением Казанского ханства весь великий водный путь по Волге сосредотачивался в руках русских, и лишь в низовьях реки продолжало властвовать татарское Астраханское ханство, преграждавшее путь к Каспию и странам Востока. В 1556 году отряд казаков и стрельцов во главе с воеводой Иваном Черемисиновым подошел к Астрахани: хан Дербиш-Али бежал, и город был взят без боя.

Завоеванный край был отдален от Московского государства огромными степными просторами и территориально жил совсем обособленно. Летом сообщение с Москвой проходило по Волге, зимой – по степи. Но порой эта связь полностью и надолго прерывалась из-за хозяйничавших на Волге казачьих отрядов, а в степи – крымцев и ногайцев. Поэтому охрана покоренного царства требовала мер особой военной предосторожности. Главной заботой первого астраханского воеводы И. Черемисинова, начальствовавшего вместе с товарищем своим Михаилом Колупаевым, стала охрана перевозов через Волгу и охрана налаживающегося торгового пути по этой реке. Такой же заботой являлось и содержание крепости в боевой готовности.

Но старая татарская Астрахань не имела естественной защиты и сильных укреплений и потому была слишком уязвима при вражеских набегах со стороны Крыма и Северного Кавказа. С разрешения Москвы воевода, строго исполняя государев наказ «охранять покоренное царство Астраханское», решил обосноваться и укрепиться в другом месте. Осмотрев ближайшие окрестности города, он в 9 верстах ниже татарской Астрахани, среди многочисленных бугров, нашел один, значительно превосходивший размерами и высотой все другие.

Город перенесли на левый берег Волги, где были лучшие условия для его обороны. Строительство новой Астрахани началось в 1557 году на высоком Заячьем бугре, круто обрывавшемся к основному протоку Волги. Центральная часть бугра не заливалась водой даже в самое сильное половодье, это место и решили обнести рвом и деревянной стеной. А кроме того, сам Заячий бугор с запада и севера омывался Волгой и ее рукавами, а с юга и востока его окружали непроходимые ильмени и болота, поросшие камышом и лесной порослью, что делало их практически непроходимыми.

Сотни стругов везли из Нижнего Новгорода строительный лес, а вместе с ним работных людей и стрельцов. Управлял строительством кремля опытный зодчий Иван Выродков. В первое время Иван Черемисинов не мог, конечно, поставить новый город чисто русским по внешнему облику: не было под руками в достаточном количестве главного материала – дерева, а получать его с севера было нелегко. Но к 1574 году в Астрахани под защитой

деревянных стен появился первый деревянный монастырь – Троицкий, ставший оплотом православия на этой земле, но до нас дошли только упоминания о нем.

Стратегические интересы России на юго-восточных рубежах государства требовали дальнейшего укрепления Астрахани, и в 1582 году в городе началось строительство каменного кремля. По указу царя Федора Иоанновича велено было возвести 8 больших башен в опасных местах, а в других – малые башни с тремя бойницами на каждой из них. Строительные материалы для их возведения привозили из прежней татарской столицы Сарая, а руководили строительством присланные из Москвы мастера Михаил Вельяминов и Дей Губастый. Башни нового кремля разделялись на несколько боевых ярусов, соединенных меж собой проложенными в толще стен переходами. Толщина стен самой мощной Крымской башни достигала 3,5 метра: башня имела 5 боевых ярусов и 20 бойниц. Сквозные проходы через башни соединяли боевые площадки стен, что позволяло действовать при обороне по всему периметру крепости.

Белокаменный, с отделкой из расписных изразцов, кремль как бы венчал глинисто-рыжий холм, под которым катила свои волны голубая Волга. Было чем залюбоваться, и недаром летописец восклицал:

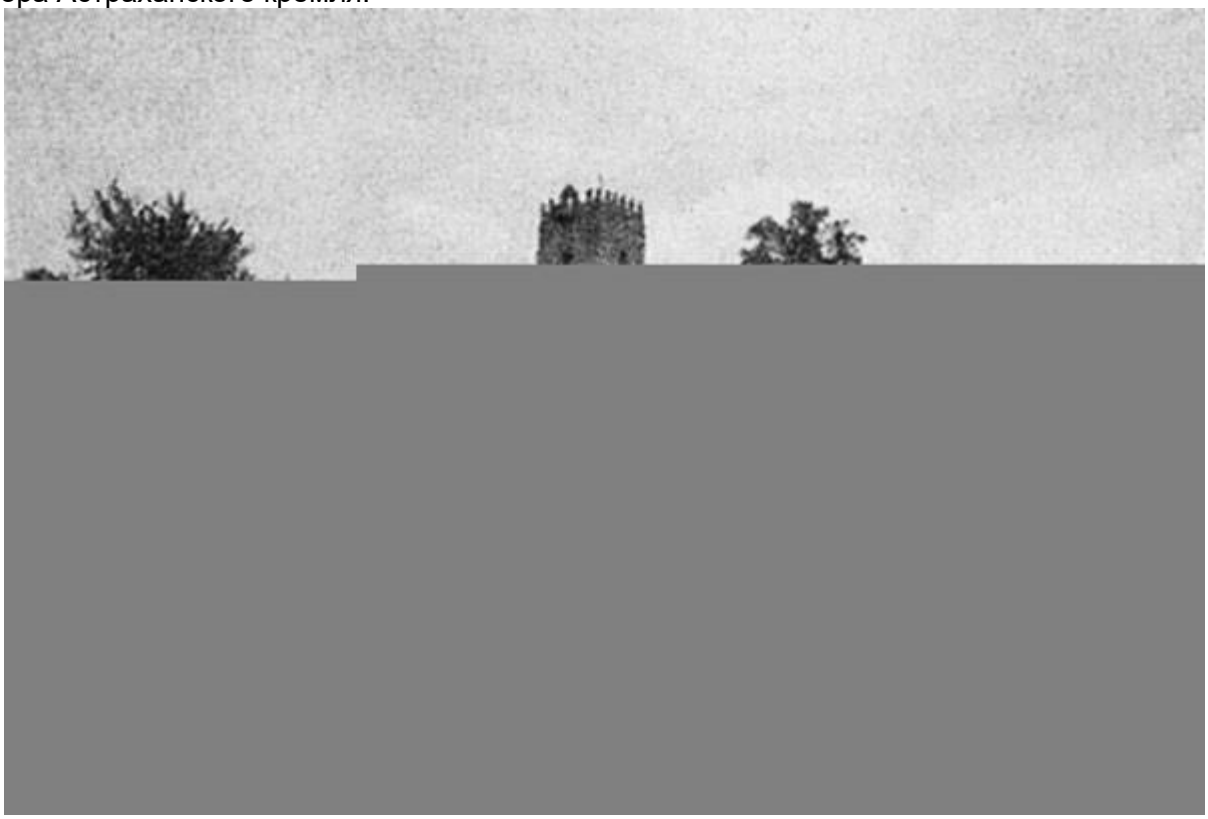
> И зделан город бесчисленно хорош, а кругом его пояс мраморен, зелен да красен, а на башнях тако же.

Украшением Астраханского кремля стал Успенский собор, на месте которого сначала находилась деревянная церковь, посвященная воспоминанию сретения иконы Богоматери, которую прислал Иван Грозный в 1564 году – через 14 лет после завоевания Астрахани. В 1602 году на этом месте была возведена каменная церковь в честь Успения Пресвятой Богородицы. В 1698 году из-за непрочности стен и сводов церковь была разобрана, и митрополит Самсоний приступил к возведению ныне существующего собора, строительство которого закончилось в 1710 году.

Успенский собор и колокольня

Успенский собор был возведен в византийском стиле с пятью главами и четырехконечными крестами на них. Вокруг собора была устроена каменная галерея, на которой основывается другая крытая галерея, идущая вокруг верхнего этажа. Верхний этаж храма – высокий и светлый, в нем проходили праздничные службы в теплое время года. В нижнем храме – сводчатом и полутемном – проходили службы зимой: одновременно он был и усыпальницей астраханских иерархов. В середине XVIII века здесь были захоронены грузинские цари Вахтанг VI и Теймураз II – сторонники дружбы с Россией.

Снаружи собор украшен белокаменной резьбой и фасонным кирпичом; в полукруглых арках с нишами – роспись на библейские сюжеты, в оконных проемах – затейливые наличники… На века обессмертил свое имя создатель этого рукотворного чуда – талантливый крепостной зодчий Дорофей Минеевич Мякишев. Известно предание, что Петр I, увидев Успенский собор, будто бы воскликнул: «Такого лепотного храма нет во всем моем государстве». И приказал выстроить в Санкт-Петербурге собор по подобию Успенского собора Астраханского кремля.



Впоследствии из окраины Русского государства Астрахань превратилась в место, отдаленное от государственных границ, и кремль потерял свое военное назначение. В XVIII–XIX веках постепенно разрушаются и сносятся до основания стены Белого города, некоторые башни кремля уничтожаются, деревянные строения заменяются каменными. Наряду с административными зданиями, оружейными складами и особняками знати, создаются уникальные творения храмовой архитектуры. Кроме уже названного Успенского собора, в кремле достраивается комплекс Троицкого собора, начатый еще в 1592 году, а также церкви – Введенская и Сретенская – и две трапезные палаты. Существующий ныне комплекс Троицкого монастыря, пережив многие испытания (пожары, запустения и т. д.), в 1919 году был отремонтирован на средства купца Обезьянина и обрел новую жизнь.

В начале XVIII века Астраханский кремль поражал иностранцев великолепием своих зданий. Путешественник Корнелий де Бруин в 1703 году рассказывал, что зубчатые кремлевские стены представляли собой усеченный с одного угла треугольник и имели четверо ворот – Никольские, Красные, Житные и Пречистенские. Главными были Пречистенские ворота, выходившие на Белый город.

Астраханский кремль примечателен и историческими воспоминаниями. В первые годы его существования в так называемом «Царевичевом дворе» было место пребывания потомков прежних астраханских владетелей. В 1614 году в кремле сын Марины Мнишек был объявлен царем Русского государства, а воевода Хворостинин лишен жизни; сюда

собирались казаки с Терека и татарские мурзы, чтобы по первому слову Заруцкого истреблять астраханских жителей…

В ночь на 22 июля 1670 года на город шли отряды разинцев. Рядовые стрельцы, работные и посадские люди не оказали никакого сопротивления, и Степан Разин свободно входит в кремль. Мятежный город не покорился царскому воеводе даже после поражения народного восстания и казни Степана Разина. Только после долгой осады царскими войсками город пал в ноябре 1671 года, и в кремле началась жестокая расправа: разинцев поднимали на дыбу, ломали кости, жгли и четвертовали. С тех пор народ стал называть Артиллерийскую башню кремля Пыточной…

«Великая осада» Мальты

После потери Родоса Орден Святого Иоанна Иерусалимского уже в который раз остался без убежища. Семь лет странствовали рыцари, побывав за это время на Кипре, в Мессине, Ницце и других местах. А потом испанский король Карл V – император Священной Римской империи – подарил им острова Мальту, Гозо и Комино, прославившиеся чудесами апостола Павла. В грамоте, подписанной Карлом V, среди всего прочего говорилось и следующее:

> Император желает, чтобы рыцари защищали его суда в Средиземноморье от атак турок и промышлявших здесь алжирских пиратов и помешали бы туркам открыть военные базы в Триполи. Орден же должен в качестве символической платы за этот дар ежегодно поставлять Карлу V одного охотничьего сокола в знак вечной признательности за щедрость.

В конце сентября 1530 года члены орденского Капитула во главе с Великим магистром прибыли в город Биргу – главный город Мальты, откуда рыцари должны были защищать южное побережье Италии от постоянных набегов тунисских пиратов. Получив в ленное владение Мальтийский архипелаг, иоанниты, которых с этих пор стали называть мальтийскими рыцарями, поклялись продолжать неустанную борьбу против мусульман и морских разбойников. Первым подвигом, который совершили рыцари-монахи, стала их помощь императорскому флоту в овладении африканской крепостью Галета – важным форпостом Средиземноморья.

Рыцарь Ордена иоаннитов

Осваивать новое место жительства рыцари начали с возведения в Биргу госпиталя и нескольких скромных обержей – общежитий для рыцарей. Однако строительные работы шли вяло и неорганизованно. В 1534 году в Мдине скончался Великий магистр Филипп Вилье де Лиль-Адан, и после его смерти в Ордене начались смуты и междоусобицы. Относительный порядок удалось навести лишь с приходом к власти Великого магистра Хуана де Хоменеса. Из Италии был приглашен известный архитектор и военный инженер А. Ферромолино, который разработал такую систему обороны Биргу, что город мог выдержать мощный напор противника.

Турки, стремившиеся к господству в Средиземном море, уже с середины XVI века неоднократно нападали на Мальту. В 1551 году, не рискнув атаковать Биргу, расположенную вблизи укрепленной гавани, они разграбили другие районы Мальты и плохо защищенный остров Гозо. После этих событий мальтийские рыцари предприняли энергичные меры по укреплению острова: особенно широкий размах строительство фортификаций приобрело в 1557 году, когда Великим магистром был избран гасконец Жан де ла Валлетт Паризо – один из самых выдающихся деятелей Ордена иоаннитов. Еще при жизни о нем складывали легенды, барды и менестрели воспевали его в своих балладах, священники с амвонов превозносили христианские качества Ла Валлетта. В 28 лет он участвовал в обороне Родоса, и султан Сулейман Великолепный впоследствии горько жалел о своем великодушии, когда узнал, что Ла Валлетт был среди покинувших остров рыцарей.

Ла Валлетт понимал, что рано или поздно турки нападут на остров, поэтому начал свою деятельность на Мальте с того, что пригласил на остров Бартоломео Гонга – одного из выдающихся военных инженеров Европы. Но, к несчастью, тот умер еще до того, как началось основное строительство, и его дело продолжил Б. Ланчи. У входа в Большую гавань был выстроен форт Сент-Эльмо, укреплены форт Сент-Анжело и город Биргу, для защиты города Сенглеа соорудили форт Сан-Микаэль. В 1563 году римский папа дал наконец согласие на финансирование новых крепостных сооружений, однако к этому времени опасность турецкого нашествия была уже столь велика, что разворачивать строительные работы не имело смысла.

Осенью 1564 года венецианские купцы (агенты рыцарей в Стамбуле) сообщили, что в турки готовят огромную армию для отправки в Западное Средиземноморье. Их донесение было написано невидимыми чернилами из лимонного сока и спрятано на одном из кораблей среди купеческих счетов. Получив донесение, Великий магистр немедленно направил быстроходную галеру на Сицилию с письмом вице-королю. Он просит о помощи, но ему неведомо, что под самым носом у Ордена орудуют лазутчики турецкого султана Сулеймана Великолепного. Два инженера, славянин и грек, под видом рыбаков посетили Мальту, пересчитали все пушки, отметили расположение батарей, нанесли на карту размеры и систему укреплений острова. К этому времени Орден имел в своем распоряжении укрепленные города Биргу и Сенглеа и два форта – Сент-Анжело и Сент-Эльмо. Возведение последнего форта велось инженером, который хорошо знал свое дело. Форт представлял собой мощный, хорошо вооруженный бастион с сильными артиллерийскими позициями.

Ранним утром 18 мая со стен форта Сент-Эльмо рыцари увидели далеко в море огромную турецкую армаду, которая состояла из 200 кораблей. Так началась «Великая осада Мальты», вписавшая, наверное, самую славную страницу в историю Ордена иоаннитов. Силы противоборствующих сторон были явно неравны: на острове находились всего 600 рыцарей и 7000 солдат из вспомогательного войска и мальтийских ополченцев, а у турок было не менее 35 000 человек. Вся Европа следила за начавшимися военными событиями, а английская королева Елизавета сказала в те дни: «Если турки овладеют Мальтой, трудно даже предвидеть, какие опасности могут последовать для остальных христианских государств».

У Ордена мальтийских рыцарей было всего 8 галер и несколько вспомогательных судов, поэтому бессмысленно было идти навстречу турецкому флоту. Великий магистр, которому было тогда 70 лет, решил дать бой на суше – на хорошо укрепленном острове, хотя общее число его защитников составляло всего 9000 человек.

На рассвете 19 мая 30тысячная турецкая армия, состоявшая из янычар, под командованием сераскера Мустафы-паши прибыла на Мальту. Турецкий флот подошел к гавани Мерсамшетт, однако рыцари не могли помешать их высадке, так как не располагали достаточным количеством пушек. Основным же объектом атаки турок стал форт Сент-Эльмо, артиллерия которого контролировала два узких скалистых залива. Уже после первых турецких атак в форт было переброшено несколько сотен человек подкрепления и рота испанских аркебузиров, которые отбивали по несколько атак в день. Турки не смогли взять форт штурмом и поэтому начали готовить артиллерийские позиции для его обстрела. Несмотря на сильный огонь из крепости, они проложили в скалистой почве углубления, которые давали возможность обстреливать рыцарей из разного рода пушек. В результате этого внешние стены и укрепления форта превратились в развалины, и через несколько дней туркам удалось подойти к самым его стенам. Они решили пойти на приступ, однако нападение их было плохо подготовлено, осадные лестницы оказались короткими, и рыцарям удалось отбить атаку, забросав нападавших камнями и поливая их кипящей смолой.

В начале июня на помощь туркам подошел пират Драгут, начавший осаду Сент-Эльмо с организации его систематического обстрела. На мысе были сооружены новые артиллерийские позиции, кроме того, турецкие пушки были установлены и на оконечности полуострова Сиберас, который ограничивал вход в Большую гавань с другой стороны. Избранная Драгутом тактика быстро дала свои плоды: гарнизон форта, взвесив соотношение сил, решил, что сопротивление бесполезно. Однако против эвакуации решительно выступил Великий магистр Ла Валлетт, авторитет которого был столь велик, что весь орденский Капитул поддержал его. Когда защитникам Сент-Эльмо передали приказ Великого магистра защищаться до последней капли крови, среди них начался ропот. Более 50 рыцарей поставили свои подписи под обращением к Ла Валлетту, в котором заявляли: если Великий магистр хочет их гибели, они готовы вступить в бой с турками и честно в нем погибнуть.

Под покровом ночи из Биргу в форт переправилась комиссия, которой было поручено обследовать положение дел на месте. Ла Валлетт направил защитникам записку, в которой разрешал всем желающим покинуть форт, однако предание рассказывает, что ни один из оборонявшихся не покинул своего места. Комиссия решила, что форт еще можно защищать, и 11 ее членов решили лично возглавить оборону.

В середине июня туркам удалось совершенно отрезать Сент-Эльмо от внешнего мира. Но хотя турецкая артиллерия и разрушала его стены, проникнуть внутрь форта им не удавалось. Это сильно деморализовало армию султана, к тому же осколком ядра был смертельно ранен Драгут. 22 июня турки пошли в решающую атаку, но и она была отбита защитниками форта. Однако новую атаку сильно поредевший гарнизон Сент-Эльмо отбить уже не мог, и ворвавшиеся в форт турки перебили всех оставшихся в живых. Безжалостной расправы избежали лишь несколько рыцарей, которые попали в руки людей Драгута, знавших о том, что Орден готов уплатить за пленников огромный выкуп. Однако ярость турок была так велика, что Мустафа-паша приказал обезглавить даже тела погибших рыцарей, а потом приколотить их к деревянным крестам и пустить этот страшный груз в сторону форта Сент-Анжело.

На следующее утро тела четырех рыцарей прибило к противоположному берегу, и Ла Валлетт увидел в этом объявление «войны на уничтожение», в которой побежденный не мог рассчитывать на пощаду. Великий магистр ответил такой же жестокостью: все пленные турки в городе и форте Сент-Анжело были обезглавлены. Их головами зарядили две самые большие пушки-василиски, которые по команде Великого магистра дали залп в сторону турецких позиций. Противникам по обе стороны бухты стало ясно: пленных в этой войне не будет…

Огромная турецкая армия плотным кольцом охватила Биргу, но в этот критический момент рыцарям улыбнулась удача. Воспользовавшись сумятицей в лагере врага, в город сумел пробраться отряд, прибывший из Сицилии и насчитывавший в своих рядах 42 рыцарей и 1000 аркебузиров. Утром звон церковных колоколов и смех стоявших на стенах рыцарей известили турок, что госпитальеры получили подкрепление.

С первых дней июля турки начали методично обстреливать бастионы Биргу и форт Сент-Анжело, а потом предприняли массированную атаку на позиции госпитальеров и с суши, и с моря. Однако их всегда встречал дружный огонь рыцарей, а однажды нескольким десяткам мальтийцев удалось вплавь добраться до турецких судов, доставивших десант. С криками «Отомстим за форт Сент-Эльмо!» они перерезали находившуюся там охрану.

Во второй половине июля Мустафа-паша решил изменить тактику и отправил на десяти судах тысячу отборных янычар в обход основных укреплений. Если бы им удалось высадиться с южной, слабо защищенной стороны форта Сент-Анжело, рыцари оказались бы на грани поражения. Но они предвидели подобный исход дела и оставили у подножия форта замаскированную батарею, которой командовал французский рыцарь де Гираль. Увидев приближающиеся суда, он подпустил их на 200 ярдов и выстрелил сразу из всех орудий. Девять из десяти судов сразу же пошли на дно, унося с собой не менее 800 воинов султанской армии.

Следующую атаку турки предприняли 7 августа, когда пошли на штурм Биргу. У многочисленных пробоин в городских стенах завязались кровопролитные схватки: турки несли огромные потери, но упорно рвались вперед. Небольшой гарнизон рыцарей, оставшихся в Мдине, воспользовался тем, что Мустафа-паша бросил на штурм Биргу все свои силы, и совершил удачную вылазку в тыл турецкой армии, разграбив и спалив их огромный лагерь. Отчаянию Мустафы-паши не было предела…

Схватки были яростными с обеих сторон, рвы фортов заполняли трупы. Турки закладывали мины под стены, метали зажигательные снаряды, но Великий магистр знал, что мужество осажденных не иссякнет. Его беспокоило только одно: «Если подкрепления не придут до того, как кончится пища и боеприпасы, то мужество окажется бесполезным».

Еще раз турки попытались овладеть Биргу 18 августа. Во главе защитников встал сам Великий магистр Ла Валлетт, не ушедший с поля боя даже тогда, когда его ранили в ногу. Оруженосец уговаривал его отправиться в госпиталь, но Великий магистр, указав на турецкий бунчук, ответил: «Я никогда не покину моих солдат, пока эти знамена развеваются над Мальтой!» Адмирал турецкого флота Пиали-паша считал, что армия султана не выдержит длительной осады, и стал настаивать на возвращении в Стамбул до наступления осенних штормов.

Третья неделя августа стала наиболее тяжелой для мальтийских рыцарей. Госпиталь был переполнен ранеными, боеприпасы и продовольствие – на исходе, но в этот момент им вновь улыбнулась удача. В начале сентября на северо-восточное побережье острова высадилось прибывшее с Сицилии 8тысячное подкрепление, давно обещанное испанским королем. И хотя численное превосходство все равно оставалось на стороне турок, армия которых насчитывала около 20 000 человек, Мустафа-паша и Пиали-паша решили снять осаду и вернуться в Стамбул.

Когда турки уже начали грузиться на корабли, в бухте Святого Павла на них внезапно напали вчерашние осажденные и сицилийские аркебузиры. Христиане не берут пленных: они мстят за своих погибших товарищей и хотят преподать врагу урок на будущее. Прозрачные голубые воды залива окрашиваются кровью, сотни тел устилают его дно…

Осада Мальты была снята 8 сентября – в день Рождества Богородицы. К победным ударам колоколов церкви Святого Лаврентия над руинами Биргу присоединился праздничный перезвон всех церквей Мальты. Испанский аркебузир Бальби, участник великой обороны, вспоминал впоследствии: «Я не мог поверить, что звук колокола может быть столь приятен для человеческого уха. Три месяца кряду колокола Мальты звали нас только в бой».

Только после снятия осады рыцари начали по-настоящему обживать остров. Стены Витториозо[48] были полуразрушены, поэтому решено было возводить новую столицу в соответствии с требованиями военной науки.

Старая Касба в Алжире

Утопающий в буйной зелени финиковых пальм, банановых деревьев, эвкалиптов, агав, гигантских кактусов и кипарисов город Алжир предстает как будто из сказки. На синеве всегда безоблачного неба – белые дома, украшенные разноцветной мозаикой, стройные минареты белых мечетей, белоснежные здания школ, театров, дворцов, музеев… А рядом зеленые воды Средиземного моря.

Алжир начинался с моря. Пришли с моря римляне, основавшие здесь свою колонию Икозиум; приходили византийцы и арабы, испанцы и турки… Возле берега в давние времена выглядывало из моря несколько клочков земли, благодаря которым город и получил свое название «Эль-Джезаир» (острова), которое впоследствии превратилось в Алжир.

Пират Хайр эд-Дин, высадившись на этих островах, дамбой соединил их с материком, выстроил огромный мол и создал укрепленную гавань, выставив из бойниц 300 пушек. Неслучайно город завоевал в свое время славу неприступного логова морских пиратов: 11 раз пытались взять его со стороны Средиземного моря, и всякий раз безуспешно.

Случалось, что Барбаросса (так звали Хайр эд-Дина на Западе) оставался в Алжире, занимаясь государственными делами и укрепляя власть на завоеванной территории. После того как он захватил Тунис, испанский король Карл V понял, что речь идет уже не о пиратстве, а о возобновлении смертельной схватки между крестом и полумесяцем. И он бросил против Барбароссы весь свой флот – 600 кораблей под командованием потомка знатного генуэзского рода Андреа Дориа, который уже прославился своими победами на суше и на море. В октябре 1541 года испанская армада двинулась на Алжир, чтобы выгнать пиратов из их логова.

Испанский король был настолько уверен в победе, что пригласил с собой на борт флагманского корабля гостей и нескольких знатных испанских дам. Среди приглашенных находился и Э. Кортес, завоеватель Мексики, и два высокопоставленных англичанина. Карл V был бы еще больше уверен в победе, если бы знал, что Барбароссы в Алжире нет. Гарнизон города и стоящий на рейде флот находились под командованием Гассана – самого слабого из помощников Барбароссы.

Когда испанский флот подошел к алжирским берегам, разразилась буря, не дававшая целых три дня спустить лодки на воду. Белые стены крепости вырисовывались на фоне почти черных небес, но только на четвертый день, когда ветер немного стих, король приказал начать высадку. Шлюпки спустили на воду, но у самого берега вдруг выяснилось, что они могут разбиться о скалы. Испанским солдатам пришлось прыгать в воду, которая доходила им до плеч, и идти к берегу, держа оружие и порох над головой. Пушки большого калибра с испанских кораблей и десантная пехота начали обстреливать город, и, когда в стенах открылись две бреши, пехота пошла на приступ. Но тут начался проливной дождь, сопровождавшийся ледяным ветром. Укрытий для шедших на приступ солдат не оказалось, так как палатки остались на борту кораблей. Их вместе с припасами предполагалось доставить на берег после высадки десанта, а буря между тем крепчала с каждым часом, и

корабли ничем не могли помочь солдатам – ни послать подкрепление, ни даже выгрузить палатки. Непогода продолжалась всю ночь, и к утру атакующее войско превратилось в группу замерзших и упавших духом людей, к тому же тонущих в грязи. Но хуже всего было то, что подмокший порох превратился в кашу и огнестрельное оружие вышло из строя.

Не покидавший наблюдательную башню крепости Гассан решил, что наступил благоприятный момент для контратаки. Его люди, сохранив порох сухим, отбросили испанскую пехоту к морю. Когда буря немного утихла, А. Дориа попытался подогнать испанские корабли к берегу, чтобы спустить шлюпки и забрать обессилевших солдат. Но те под натиском арабов прыгали прямо в море, и многие из них утонули или попали в плен. Когда побежденный испанский флот, так и не вступив в битву, взял 2 ноября курс на Испанию, снова разыгралась буря. Она разметала армаду, многие испанские корабли выбросило на берег, и солдаты и матросы с них тоже попали в плен. Из 12 000 испанских солдат на алжирскую каторгу попало столько рабов, что цена на этот товар сильно упала: за одного раба давали в прямом смысле слова луковицу.

Власть янычар, жестокость местных беев, безудержный разгул морских пиратов – все создавало в Алжире атмосферу извечной вражды, алчности и кровопролитных схваток. Много крови видели камни площади Мучеников, бывшей местом казней и экзекуций: сожжения, колесования, крючкования являлись в то время будничным делом. Здесь же продавали в рабство пленных, которых было великое множество. К началу XVII века в городе находилось 25 000 рабов, что в те времена считалось признаком экономического благосостояния. Здесь зловеще и беспрестанно звенели своими цепями рабы-христиане, которые каждое утро выходили из своих помещений, где они спали в подвешенных один над другим гамаках. Запряженные вместо мулов в повозки, рабы возили камни для строительства; прикованные к веслам, они гребли на галерах, отсюда в гаремы местных владык отправляли невольниц…

В 1575 году на площадь Мучеников привели капитана испанского королевского флота Мигеля Сервантеса де Сааведра с чугунным ядром на ноге – знаком рабства. Будущего автора бессмертного романа «Дон Кихот» захватил в плен арнаут Дали-Мами, и он пять лет томился в рабстве, мужественно терпя его ужасы и устраивая побеги – себе и другим. Снова попадал в плен и снова пытался бежать, и так до тех пор, пока за него не выплатили положенный выкуп.

Но сначала этого Алжира не было, а потом в нем смешались века и стили в самых неожиданных сочетаниях, так что город стал похож на наглядное пособие по архитектуре. Но даже и здесь не сыщется места более самобытного, чем Касба. Арабский «город в городе» с белыми кубиками домов и извилистыми улочками, со слепыми фасадами и редкими крохотными зарешеченными окошками… Колоннада набережной и площади Мучеников как бы служат основанием архитектурного треугольника, который уходит отсюда вверх на 120 метров. Здесь и расположились жилые кварталы Касбы – старой берберской крепости, перестроенной в XVI веке в мусульманский город. Сама природа сделала Касбу неприступной, к тому же, как указывалось выше, пират Хайр эд-Дин обнес ее высокой крепостной стеной, построил несколько фортов и окружил земляным валом. И время почти не тронуло ее: до сих пор облик старой крепости остался практически прежним, если не считать небольших разрушений, произведенных пожарами и обстрелами колониальных войск.

В Касбе нет ни единого деревца или кустика, нет площадей, а жилища не только лепятся друг к другу, но и перебрасываются над узенькими переулками, закрывая небо причудливыми сводами. Ширина этих переулков равняется полутора-двум метрам, что делает их похожими на подземные переходы или тесные ущелья, кое-где даже рук нельзя развести в сторону. Узенькие улочки пересекаются здесь так причудливо, что, завернув за угол, рискуешь не вспомнить, откуда ты только что вышел. Если заупрямившийся ослик остановится поперек такой улицы, по ней уже никому не пройти. Часто над улочкой вместо неба – каменные своды. Но стоит сделать несколько шагов по ступенькам вверх, и снова виднеется полоска моря в каменной раме переулков. Еще несколько шагов – и море снова пропадает из виду, а Касба уводит по своим террасам и лестницам все выше и выше – распутывать вязь своих переулков и свою живую историю. На более широких улочках, где прохожие могут хотя бы разойтись, в нишах и подвалах притаились лавочки и магазинчики с разнообразными товарами в витринах и на прилавках.

В сегодняшней Касбе особая архитектура домов: каждый отдельный дом в крепости – это куб или купол, оконца в них встречаются редко, и они очень маленькие. Да и похожи они не на обычные окна в нашем представлении, а на бойницы крепостных башен.

В старой части Алжира, как и любого другого арабского города, дома собираются в тесные толпы, сверкают белыми площадками крыш и фасадов вперемежку с резкими тенями задних дворов, стен и проемов. Украшения в таких домах сведены до минимума: на пыльной уличной жаре их некому да и некогда рассматривать. Скрываясь от зноя, человек старается открыть и побыстрее закрыть дверь. Поэтому только дверь и несет украшения, да и сама она может быть самой причудливой формы. Украшают ее обычно подвесным кольцом и узким орнаментом – резным или выложенным по контуру кафелем…

К резиденции дея примыкал комплекс зданий – помещения для гарема и министров, склады пороха и оружия. Подробное описание дворца алжирского дея оставил русский путешественник и геолог П.А. Чихачев, побывавший в Алжире в конце 1870х годов. Рисуя красоты двухэтажных покоев дея, он упомянул и беседку, расположившуюся на деревянной галерее. В этой беседке в 1827 году был нанесен знаменитый «удар веером», когда во время аудиенции французский консул держался дерзко и вызывающе, а дей был вспыльчив и скор на руку…

Это происшествие стало для Франции поводом объявить военно-морскую блокаду берегов Алжира, а через три года начать колонизацию страны. Во время долгой борьбы Алжира за свою независимость Касба была главным оплотом для патриотов страны. Не раз сюда в поисках оружия и «подозрительных» врывались французские солдаты, но пока их башмаки грохотали по каменным ступеням, улицы безлюдели, а обыски ничего не давали. Слишком много здесь укромных уголков, переходов с крыши на крышу и тайников, известных одним только старожилам.

Кронборг – «замок Гамлета»

Почти все наиболее приметные сооружения Копенгагена связаны с именем короля Христиана IV, правившего в первой половине XVI века. Действительно, Круглая башня, здание биржи с позеленевшей бронзовой крышей и витым шпилем, дворец Розенборг, бывшая загородная резиденция королей Фредериксборг – все это было возведено в годы правления короля Христиана IV, которого за его страсть к созиданию прозвали Строителем. Даже замок Кронборг в Хельсингере (Эльсиноре) после пожаров и разрушений тоже был окончательно перестроен при этом короле.

Помните, как у Андерсена? «Есть в Дании старинный замок Кронборг. Он стоит на берегу залива Эресунн, по которому каждый день проплывают сотни больших кораблей. Среди них встречаются и английские, и русские, и прусские. Все они приветствуют древний замок пушечными залпами – бум-бум, и пушки замка тоже отвечают им – бум-бум».

На берегу Зундского залива, почти в самом узком его месте, с древних времен стояла кирпичная крепость Кроген. Располагалась она севернее города Хельсингера, что неизбежно вызывает ассоциации с героем Вильяма Шекспира. На самом деле принц датский здесь никогда не бывал – его родина и владения находились в Ютландии. Но гений английского драматурга навсегда переселил Гамлета из ютландских владений в Хельсингер.

В середине XVI века крепость Кроген снесли и на ее месте построили загородную королевскую резиденцию. Оставаясь крепостью, она в то же время должны была стать первым большим замком дворцового типа, не уступающим замкам других европейских государств.

Строительство резиденции началось в 1574 году под руководством Ганса Паске. Через семь лет архитектор был обвинен в злоупотреблениях и заключен в тюрьму, а на его место был назначен голландец Антониус Опберген. Новый замок стал называться «Кронборгом» (Коронный замок). Он был освящен в 1582 году, а окончательно выстроен к 1585 году. При его возведении, наряду с кирпичом, использовали камень, который привозили из Голландии, Норвегии и с острова Готланд.

Кронборг стал первой монументальной резиденцией датских королей и единственным датским замком, который был облицован тесаным камнем. Он имел форму почти правильного прямоугольника, по углам которого располагались башни. Вход в замок на его северной стороне отмечен воротами с порталом, фланкированным колоннами и богато украшенным резьбой по камню. Первоначально ворота располагались отдельно от замка, перед рвом, позднее к ним были пристроены крепостные казематы.

Замок Кронборг с трех сторон окружен валами и рвами с угловыми бастионами. Четвертая сторона замка, обращенная к морю, первоначально была более низкой, одноэтажной и не возвышалась над бастионами, поэтому вид на море открывался широкий.

Главное значение имел бастион Фредерика, перестроенный из устаревшего бастиона старой крепости Кроген. К нему вел подземный ход от самых ворот замка.

Во времена короля Христиана IV Кронборг как королевский замок утверждал величие страны. Как государственная крепость он защищал вход в проливы и напоминал о зундских пошлинах – настоящем «золотом дне» для Дании. Пошлиной облагался всякий корабль, который проходил мимо Дании, а она в то время владела обоими берегами Зундского пролива. Миллионы талеров, получаемые с мореплавателей, стали основой экономического благополучия Хельсингера. Когда в середине XIX века «зундскую пошлину» отменили, казалось, что процветанию города неминуемо придет конец. Однако жители Хельсингера быстро переориентировались и стали собирать другую дань – «шекспировскую» (или «гамлетовскую») с туристов.

Ежегодно на Иванов день датские и зарубежные актеры ставят шекспировский шедевр под открытым небом… Каждый год в Хельсингер приезжает новая театральная труппа и показывает свою версию бессмертной трагедии. Традиции этой уже около 70 лет: впервые здесь выступала английская труппа, а роль Гамлета исполнял знаменитый Лоуренс Оливье. Представления всегда разыгрываются на каменных плитах огромного внутреннего двора – именно здесь, согласно пьесе, датский принц показывал бродячим комедиантам, как надо лицедействовать.

Но Кронборг знаменит не только «Гамлетом». Сердцу каждого датчанина близка народная легенда о короле Хольгере Данске, находящемся в подземелье древнего замка.

> Легендарный основатель датского государства сидит в кресле, закованный в железные латы, длинная борода его приросла к мраморному столу. Он крепко спит, но и во сне видит, что делается на его родине. И спокойно спать он будет, пока Дании не угрожает смертельная опасность. А настанет эта грозная минута, поднимется старый Хольгер во весь свой огромный рост, да так стремительно воспрянет, что мраморная доска стола треснет, когда он потянет свою бороду. Выйдет он из своего подземелья на волю, чтобы сразиться с врагом, и так ударит мечом, что гром раздастся по всему свету.

Ханс Кристиан Андерсен уверял, что, когда в апреле 1801 года английская эскадра адмирала Горацио Нельсона напала на Копенгаген, отбиться удалось только с помощью легендарного витязя Хольгера Данске. Он принял образ матроса, приплыл из замка на флагманский корабль «Дания» и спас отечество в опасный для него час. Великий сказочник писал, что король Хольгер может явиться людям в любом обличье, чтобы прославить Данию. Это он водил рукой драматурга Людвига Хольберга, когда тот писал свои бессмертные творения; он воплощался в астрономических трудах Тихо Браге и гениальных скульптурах Бертеля Торвальдсена.

Каждый посетитель Кронборга может увидеть изображение короля Хольгера Данске, только латы и щит у него не железные, да и сам он изваян скульптором. И спит он, опираясь не на мраморный стол, а скрестив руки на мече. Так ему будет легче встать на защиту родины.

Сами датские короли тоже умели быть мудрее других монархов и быстрее делали выводы из чужих ошибок. Когда в 1848 году вся Европа бурлила от революций, король Фредерик, прислушиваясь к донесениям своего посла в Париже, через год даровал своей стране конституцию. Поэтому в Дании не было революций, разрушавших дворцы и грабивших храмы. Оттого в Копенгагене, да и по всей стране, сохранилось множество самых прекрасных сооружений, среди которых и величественный Кронборг – «Коронный замок» датских королей.

Крепость Интрамурос в Маниле

В 1564 году из мексиканского порта Ауденсия отплыла испанская экспедиция под командованием Мигеля Лопеса де Легаспи, главной целью которой было завоевание далеких островов. Основав первое поселение на Панае, в мае 1570 года Л. де Легаспи отослал своего помощника на остров Лусон, и уже через год здесь, на берегу удобной морской гавани, разместилась штаб-квартира испанских конкистадоров.

У каждого города есть своя сердцевина, откуда он начинался. Маниле положила начало средневековая крепость Интрамурос – «город в городе». Более 500 лет стоит она на земле, и многое видели ее темно-серые стены, поросшие мхом. Заложенная в устье реки Пасиг, крепость была окружена широким рвом, наполненным водой: она надежно защищала вход в бухту от внезапных, как шторм, пиратских набегов.

В крепости размещались первые резиденции губернатора и архиепископа, отсюда испанцы 350 лет правили Филиппинами; отсюда раздавался колокольный звон – густой и протяжный благовест, заставлявший весь город цепенеть, а идущих с полей крестьян креститься и преклонять колена.

На площади перед ратушей по вечерам собирались полковые оркестры; во дворец губернатора приезжали «на музыку» и на светские рауты. Отсюда «вице-король» отправлялся на прогулку в коляске, эскортируемый взводом улан и жокеями. А на плацу Интрамуроса испанские солдаты муштровали босых тагальских солдат; вились вокруг них, как коршуны, рассыпая удары бамбуковых палок то на голые плечи, то на пятки, то на затылки провинившихся.

Давно высохла вода во рву, искрошились каменные плиты метровой толщины, обнажив оранжевую кирпичную кладку. Но уцелел первоначальный фасад крепости – искореженный войной и землетрясениями, но по-прежнему невыразимо прекрасный.

Сверху крепость Интрамурос представляет собой неправильный 5угольник, от центра которого радиусами расходятся прямые, как стрелы, улицы. Город хранит черты испанской средневековой архитектуры, а в старину строили, помня закон изящного: «Красота – в пропорциях». До сих пор на узких улочках стоят двухэтажные дома «с непрерывной каймой висячих балконов», с черепичными крышами, галереями и забранными жалюзи окнами, за которыми когда-то мелькали то «быстрый поворот женской головки», то заспанное лицо старого испанца.

Манила давно уже стала высотным городом, поэтому стены Интрамуроса сейчас не сразу заметишь за бетонными конструкциями. А раньше первое, что видел путешественник, подъезжая к Маниле, были «уставленный пушками каменный вал» и высокая крепостная стена, из-за которой «глядели купола и кресты церквей». На стене ходили часовые в темных суконных мундирах с белой перевязью, у крепости бегали полуголые ребятишки, в тени деревьев лежали буйволы с закинутыми за спину рогами.

Западной стороной крепость Интрамурос выходит к морю и укреплена фортом Сантьяго-де-Вера. Как и подобает средневековому форту, он имеет длинные казармы, в которых жили солдаты; глухие подземелья, в которых хранили порох; потайные выходы к морю, королевские ворота с подъемным устройством и башней, непробиваемые стены и узкие зарешеченные окна-бойницы.

У форта Сантьяго мрачная история, так как при испанцах он служил еще и тюрьмой для филиппинских патриотов, боровшихся за независимость своей страны. В застенках Сантьяго провел последнюю ночь перед казнью писатель и поэт Хосе Рисаль – гордость и слава филиппинского народа. Он был замечательным врачом-окулистом, философом, историком,

лингвистом и если бы выбрал только поэзию, то мог бы стать одним из крупнейших в мире художников XIX века. Но он выбрал еще и борьбу ради освобождения своей родины от колониального гнета испанцев, в 1892 году создал освободительную организацию «Филиппинская лига» и в том же году был арестован.

В 7 часов утра 29 декабря Хосе Рисалю был зачитан приговор, во второй половине дня к нему допустили мать и трех сестер, а после этого началась психологическая атака на приговоренного к смерти поэта. Монахи, особенно иезуиты, прекрасно понимали, что через несколько часов к славе Хосе Рисаля как национального героя прибавится ореол мученической смерти. А как было бы хорошо, если бы поэт, безжалостно высмеивающий их в глазах всего мира, перед смертью отрекся бы от своих «заблуждений»! Тогда церковь и весь колониальный режим упрочили бы свое положение…

И иезуиты принялись за дело. Семь монахов, сменяя друг друга, обрабатывали Хосе Рисаля, но все их усилия были напрасны. Поведение поэта перед смертью свидетельствует, что он до конца сохранял присутствие духа. В половине 7го утра поэт отправился из камеры смертников в свой последний путь. Безупречно одетый, в котелке, Хосе Рисаль спокойно шел, сопровождаемый иезуитами. На месте казни собралась огромная толпа народа. Поэт отказался надеть на глаза повязку и стать на колени. Он попросил капитана, командовавшего расстрелом, разрешить ему стать лицом к палачам. В этом ему было отказано, но просьбу стрелять не в голову, а в спину – удовлетворили. Военный врач, за три минуты до расстрела проверявший пульс приговоренного, с изумлением отметил, что пульс был нормальным. Ударили барабаны, капитан отдал команду, и раздался залп… В предсмертном усилии Хосе Рисаль повернулся лицом к восходящему солнцу и упал на спину.

Во время Второй мировой войны в форте Сантьяго японские оккупанты пытали и расстреливали бойцов филиппинского Сопротивления. После войны в подвалах форта было обнаружено 600 трупов. Удалось установить 130 имен, и они выбиты на мемориальной доске; другие герои остались безымянными, но все они захоронены в общей братской могиле и над всеми одинаково распростерся белый мраморный крест.

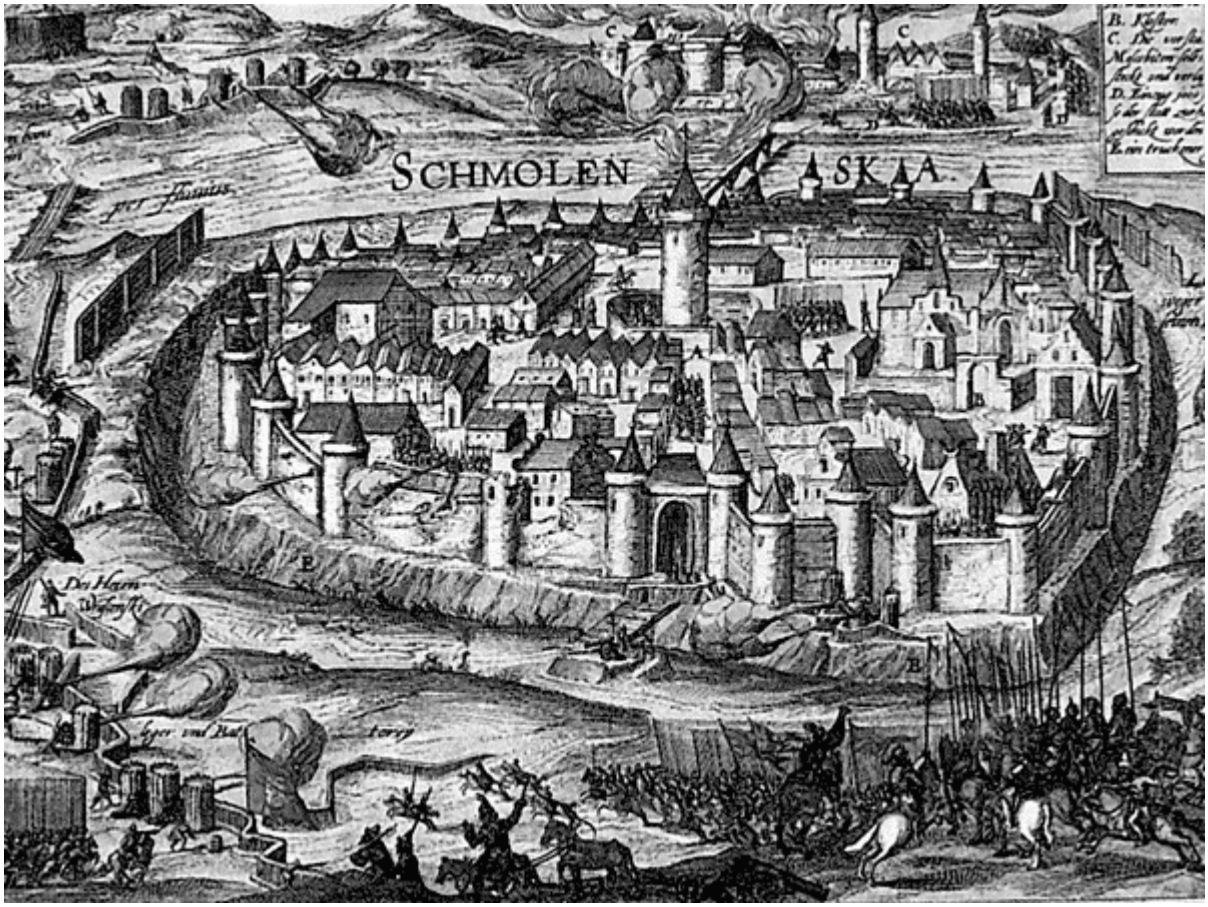
Сегодня форт Сантьяго стал мирным. Ежедневно в 6 часов вечера отсюда раздается пушечный выстрел, возвещающий об окончании очередного трудового дня. Вечером под открытым небом зажигает огни импровизированный театр имени раджи Саливана-Мэйнила, когда-то владевшего местом, на котором была возведена крепость. Нет в театре бархатных кресел, нет кондиционеров; вместо люстр горят факелы и цветные лампочки в кронах деревьев. Но нет у театра и недостатка в зрителях: здесь часто выступают поэты, экспонируются работы художников и выставляются археологические находки. А еще в форте Сантьяго размещается небольшой, но очень любопытный музей. В нем собраны автомобили всех президентов Филиппин, начиная от старенького «шевроле» до современного «мерседеса». На некоторых машинах видны пулевые отверстия – следы покушений.

Манила уже давно шагнула за стены Интрамуроса, оставив его сторожить вход в гавань. У королевских ворот крепости высится самое старое здание в городе – собор Сан-Августин, стены которого сначала были деревянными. Собор часто поджигали, разрушали и грабили пираты, поэтому со временем решили возвести каменные стены.

Сан-Августин возводился по проекту монаха Хуана де Эррера – сына архитектора, создавшего в Мадриде дворец и усыпальницу испанских королей Эскориал. Монах ежедневно взбирался по неустойчивым строительным лесам из бамбука, чтобы лично наблюдать за работами. Однажды, поскользнувшись, он сорвался с лесов и разбился. Эта смерть вызвала много разговоров: в ней видели дурное предзнаменование и говорили, что собор простоит недолго. В июне 1574 года – в день, когда Манила была провозглашена столицей Филиппин, собор открыл для прихожан свои двери. С тех пор прошло уже пять столетий, собор пережил многое и стоит так же прочно.

Сан-Августин с высокими арками и легким стройным куполом – одно из самых красивых зданий Манилы. Его массивные двери из темного дерева с нежными прожилками покрыты тонкой резьбой. Со смотровой площадки Сан-Августина открывается великолепная панорама филиппинской столицы, которая начиналась с крепости Интрамурос, сложенной из серого камня, зеленой травы, тусклой позолоты… И тишины, потому что сегодня Интрамурос – это заповедное место.

Смоленские стены



Точная дата возникновения Смоленска пока не установлена. Но уже в Устюжском летописном своде рассказывается, как князьям Аскольду и Диру, плывшим к Киеву по Днепру, открылся на его берегах красавец-город, но завладеть им они не решились. Смоляне в то время не платили никому дани и управляли собой сами. У соборного храма висел вечевой колокол, звон которого собирал граждан на торговую площадь, где всем миром решались важные дела.

Расположенный на берегу Славутича (Днепра), Смоленск занимал выгодное географическое положение. Через город проходил знаменитый путь «из варяг в греки», связывавший Балтийское и Черное моря. И ганзейские купцы привозили в Смоленск товары, производимые чуть ли не во всех странах света, а вывозили оттуда главным образом мед, меха, воск, после татарского нашествия еще и лошадей. От торговли с иноземными купцами Смоленск разбогател и разросся по соседним холмам. Смоляне окружили город земляными валами, и к началу Русского государства Смоленск был большим и крепким городом, крупным торговым, культурным и ремесленным центром. Город был и щитом Русского государства, недаром шли на него литовцы, поляки, французы и немцы.

Киевский князь Владимир Красное Солнышко крестил Смоленск, а потом отдал город своему младшему сыну Святославу. Он и стал первым князем Смоленска, хотя в город по малолетству не приехал, а потом вскоре умер. Последние удельные князья ссорились между собой, от этого Смоленское княжество слабело, и им захотели овладеть соседи – литовские князья. В июле 1404 года литовский князь Витовт подошел к Смоленску и голодом заставил его жителей сдаться. Только через 110 лет московский князь Василий III осадил Смоленск и так стеснил его, что литовским воеводам пришлось сдать город.

Царь Федор Иоаннович по совету Бориса Годунова решил укрепить Смоленск как можно лучше. В 1587 году была заложена каменная стена, но возведение ее впоследствии остановилось и возобновилось только в 1595 году, когда за дело взялся сам «ближний великий боярин» Борис Годунов.

> Князю Василию Андреевичу Звенигородскому, да Семену Владимировичу Безобразову, дьякам Поснику Шипилову и Нечаю Порфирьеву, да городовому мастеру Федору Савельевичу Коню ехати в Смоленск делати государеву отчину город Смоленск каменной…

Декабрьским днем, когда солнце уже склонялось к заснеженным холмам, стоял Федор Конь на ветру, не слыша колокольного звона. Он видел, как взбегала на холмы и ныряла в

овраги деревянная стена, темная от времени и сырости. Видел своим внутренним взором, как вырастает на ее месте стена каменная – могучая и нарядная своей силой, перехваченная гордыми башнями. Видел, как остроконечными тесовыми кровлями они вонзались в низкие свинцовые тучи, а в черных прорезях их бойниц поблескивали пищали… И потянулись в Смоленск со всей Руси каменных и иных дел мастера, да и просто голодный и бесприютный люд, прослышав про государев указ:

> Наймовати охочих людей, уговариваясь с ними, а наем им давать из государственной казны, смотря по делу, от чего что пригоже.

Шли и одни мужики, и семьями, шли целые артели – невпроворот было всякого люду на улицах Смоленска. В городе царило необыкновенное оживление: всюду лежали груды самого разного материала – кирпичей, камней, бревен, досок, железа. Пахло известью, талой водой, свежей щепой, лошадиным потом… Тысячи возов с камнем, кирпичом, тесинами и глиной окружали Смоленск, и десятки тысяч людей ждали, когда Борис Годунов повелит «заложить град».

С Запада нависала угроза вторжения, а путь на Москву был открыт, и потому смоленские стены ставили спешно, «не мешкая, с великим радением». И строили так, как никогда еще на Руси до этого не строили, да и в Европе такого бескрайнего размаха не бывало. Был даже издан царский указ о запрещении под страхом смертной казни производить на Руси какие-либо каменные работы во время сооружения Смоленского кремля, ибо его стена «строилась всеми городами Московского государства». Летописцы потом отмечали, как «во все грады» были посланы царевы люди, которые искали «письменных и неписьменных каменщиков и кирпичников, и горшечников, и кувшинников, и гончаров, и печников, и мастеров, которые делают жернова и точила». Везли и «их детей, и братьев, и дядьев, и племянников, и учеников, и казаков, и всяких людей, которые дела делают… в Смоленск для каменного и кирпичного дела».

Из-за тяжелых условий работы, голода и болезней, к которым прибавились еще холодные дожди и ранние морозы, в 1599 году на строительстве вспыхнул бунт, но работы не останавливались. После вступления на престол Борис Годунов усилил свое внимание к Смоленску: в 1600 году прислал в город 200 000 рублей, увеличил плату рабочим, на стройку стали принимать всех желающих, благодаря этому смоленскую стену удалось закончить в 1602 году.

Возводя крепостные стены, мастер Федор Конь предусмотрел трехъярусное ведение боя и увеличил количество башен, в цоколе устроили трубы для стока воды, а отверстия заделали решетками. Среди башен особое место занимала Фроловская (северная), звон ее набатного колокола оповещал смолян обо всех важных событиях. С юга приезжих встречали величественные Молоховские ворота, существовало еще семь башен с воротами, остальные были глухими.

К весне 1602 года были убраны последние строительные леса: сооружение сильнейшей в мире крепости, имевшей четыре оборонительные линии, было закончено. Перед днепровским мостом и перед Копытенскими и Молоховскими воротами были сооружены палисады и остроги; в восточной, западной и южной сторонах шел ров с водой, потом мощно возвышалась крепостная стена высотой в 13–19 метров с двухметровыми зубцами и могучими башнями. За ними, как третья линия обороны, сохранилась старая крепость на литовском земляном валу, а внутри самой крепости имелись еще два укрепления. К ним относились бывший литовский княжеский двор «Довжон» и Соборная гора, на которой со времен князя Ростислава расположилась резиденция епископа, со временем превратившаяся в замок.

Следуя прихотливым изгибам оврага, но сохраняя «строгость и регулярность», стена уходила на юг к Днепру. Она вырастала из земли неспешным каменным откосом и на высоте двух метров, словно набрав скорость, взлетала в бескрайне распахнутое небо. Вдоль всей стены, чуть выше белокаменного цоколя, перебегая со стен на башни, тянулась ниточка искусно выложенного из белого камня валика. Он не был нужен стене, если смотреть на нее только как на «фортификацию», но зато как упруго стянул он всю массу стены воедино, уничтожив тем самым ее закономерную монотонность.

При возведении Смоленского кремля свободного времени не было ни одного часу, и в 1600 году кладку восточной части стены вели даже осенью, чего раньше никогда не делали. Но несмотря на невероятные темпы строительства, зодчий Федор Конь творил не только по законам целесообразности, но и по законам высокого искусства, поэтому бойницы были украшены наличниками, какими украшали на Руси окна мирных домов. Но камень был «столь

тверд, что подобной доброты при многих опытах сделать было невозможно». Молва гласит, что Борис Годунов назвал смоленские стены «красотой неизглаголенной, подобно которой нет во всей поднебесной».

> Как на важной боярине красовито лежит многоценное ожерелье, прибавляя ей красоты и горделивости, так Смоленская стена станет теперь ожерельем всея Руси Православной на зависть врагам и на гордость Московского государства.

Смоленские стены были возведены своевременно, потому что уже в 1609 году к городу приблизилась 22тысячная армия польского короля Сигизмунда III. Предпринимая поход на Смоленск, польский король надеялся, что жители сдадут ему город, в чем его уверяли литовские магнаты. Тем более что в Москве происходили беспорядки, и 3000 ратных людей ушли из Смоленска на помощь столице. Но, прибыв под Смоленск, польский король убедился, что обманулся в своих ожиданиях: город сдаваться не думал, а жители его решили защищаться до последней капли крови.

Обо всех замыслах Польши смоленский воевода М.Б. Шеин знал, так как посылал туда своих лазутчиков, которые и доставляли ему всевозможные сведения. При известии о походе поляков воевода, посовещавшись с дворянами и именитыми гражданами, приказал выжечь посады и слободы вокруг города, а все жители их закрылись в крепости. На крепостных стенах разместили чугунные и каменные ядра, а перед крепостными воротами устроили блокгаузы (деревянные срубы) для удержания неприятеля. Русские войска воевода приказал разместить по всей смоленской стене и дал им подробные указания, как действовать во время осады.

Горели дома, частоколы и сараи, черный дым повис над Днепром. От крытого деревянного моста, соединявшего посад с крепостью, остались лишь обугленные сваи, торчавшие из серой воды. Перед польским войском лежал близкий, но недоступный Смоленск, окруженный могучей каменной стеной. Одна из бойниц заволоклась белым дымом, а через мгновение глухой звук выстрела достиг горящего посада, и в жидкую грязь упало ядро. Так началось двухлетнее «смоленское сидение», ставшее легендой.

С самого начала осада Смоленска пошла для поляков неудачно. Король Сигизмунд приказал громить смоленские стены пушками, но ядра или не долетали до вершины косогора, где стояла крепость, или падали к подножию высоких и крепких башен без всякого для них вреда. Огонь же осажденных смолян был намного действеннее, причем они позволяли себе дерзкие вылазки. На рассвете 12 сентября 1609 года польский король приказал своим отрядам идти на приступ. Разбив Аврамиевские ворота петардой, часть войска ворвалась было в город, но, не получив подкрепления от своих, вновь была вытеснена. После еще нескольких неудавшихся штурмов врагам стало ясно, что приступом город не взять. В конце сентября 1609 года Сигизмунд III предложил смолянам сдаться. Польский король послал им манифест, в котором говорилось, что

> после смерти последнего Рюриковича, царя Федора, московскими государями стали люди не царского рода и не по Божию изволению, но собственной волей, насилием, хитростью и обманом. После чего восстали брат на брата, и многие люди, видя гибель Московского государства, били челом Сигизмунду, чтобы он, как царь христианский и ближайший родич Московского государства, вспомнил братство свое со старинными московскими государями и сжалился над их гибнущим государством. И потому польский король пришел с войском своим не для того, чтобы проливать русскую кровь, а чтобы оборонить русских людей, стараясь более всего о сохранении православной русской веры. Поэтому смоляне должны открыть въезд в город и встретить его хлебом-солью. И тем положить всему делу доброе начало, а в противном случае его войско никого не пощадит…

На послание Сигизмунда III последовал ответ: «Всем помереть, а польскому королю и его панам отнюдь не поклониться». Врагу не помогали ни подкопы, ни ночные приступы, ни обстрел крепости раскаленными ядрами, ни уговоры, ни обещание наград и подарков: на все предложения о сдаче жители города отвечали отказом.

В конце сентября войско короля Сигизмунда подступило к большим воротам, у которых произошло жестокое кровопролитие. Неприятель везде был отбит, и с тех пор уже не выходил из своего стана, только день и ночь стрелял по городу, чтобы проломить стену, и вел подкопы. Эти подкопы полякам не удавались, так как по всей стене имелись тайные

«подслухи», а в глубине земли – ходы, которые помогали определять места тайной работы неприятеля. В свою очередь смоляне делали контрмины и взрывали польские подкопы с людьми на воздух.

Смоляне надеялись на помощь Москвы, но в июне 1610 года войска, шедшие на помощь городу, были разбиты под Клушином. И тогда городские бояре и дворяне начали выступать за сдачу крепости, более стойкими оставались посадские люди и крестьяне. Некоторые из них ушли из крепости и стали создавать партизанские отряды, а оборонявшиеся продолжили боевые вылазки. Однажды среди бела дня шесть воинов, внезапно переплыв Днепр, появились у стана литовского маршала Дорогостайского, схватили вражеское знамя и возвратились в крепость.

В 1610 году московская Семибоярщина направила в Смоленск посольство с требованием присягнуть польскому королевичу Владиславу и сдать город. Но Смоленск не открыл своих ворот и стал готовиться ко второй зимней обороне. Бесконечная артиллерийская канонада сотрясала город, не хватало дров и воды, поэтому начался голод и стали распространяться болезни. Зимой 1610 года каждый день хоронили по 30–40 человек, к лету уже по 100–150, но «окаменевший в своем упорстве Смоленск» стоял… Огромное войско польского короля, одно из лучших в Европе, беспомощно топталось у смоленских стен, почерневших от порохового дыма, потеков застывшей смолы и крови…

Исход осады решило предательство. Андрей Дедешин – один из тех, кто помогал мастеру Федору Коню возводить Смоленский кремль, перебежал в лагерь к неприятелю и указал врагу на тот участок стены, который был слабее остальных. В полночь 3 июня 1611 года польская конница и казаки под началом Стефана Потоцкого забрались по лестницам на вал и успели через пролом в стене прорваться в крепость; полк Вейгера в это время овладел стеной с другой стороны. У смолян оставалось последнее убежище – собор, каменным холмом высившийся над горящим городом. Под защиту его стен собрались 3000 человек – старики, женщины, дети. И когда стало ясно, что стены собора не выдержат натиска штурмующих, осажденные предпочли смерть поруганию и плену. Один из смолян пробрался к пороховому погребу и бросил туда зажженный факел… Русский историк Н.М. Карамзин так описывал жестокую резню поляков, которые не щадили никого.

> Бились долго в развалинах, на стенах, в улицах; при звуке всех колоколов и святом пении в церквах, где жены и старцы молились. Ляхи, везде одолевая, стремились к главному храму Богоматери, где заперлись многие из граждан и купцов с их семействами, богатствами и пороховой казной. И когда уже не было спасения, россияне зажгли порох и взлетели на воздух с имением своим и детьми, но с любовью в сердце своем к Отечеству и с упованием на Бога. От страшного грома и треска, произведенного взрывом, неприятель оцепенел и даже на время забыл о своей победе. Он только с ужасом видел весь город, объятый огнем, в который жители бросали все, что имели драгоценного, а потом бросались туда сами с женами, чтобы оставить врагу только один пепел. На улицах и площадях лежали груды сожженных тел, и не Польша, а Россия могла торжествовать в этот день – великий в ее истории.

Теперь на месте, где не сдавшиеся врагу смоляне погребли себя в горящем каменном кургане, вознесся Успенский собор, возведенный в память героической обороны города в 1609—1611е годы.

Родовое гнездо д’Артаньяна

В 1700 году вышла скандально знаменитая книга «Мемуары господина д'Артаньяна, капитан-лейтенанта 1й роты королевских мушкетеров, содержащие множество частных и секретных вещей, которые произошли в правление Людовика Великого». Их автором был Гатьен де Куртиль де Сандрас, достигший к 1678 году чина полкового капитана, но дальнейшей военной карьерой он пренебрег ради писательства. Имея знакомых среди представителей высшей знати, де Сандрас долгие годы записывал чужие рассказы и хронику дня, собирал слухи, интересовался семейными архивами, приобретал редкие издания, в результате накопил множество интересных сведений. Он написал десятки романов, очерков, памфлетов и фельетонов на исторические, политические и амурные темы, а также о тайнах, интригах и интимных подробностях жизни французского двора.

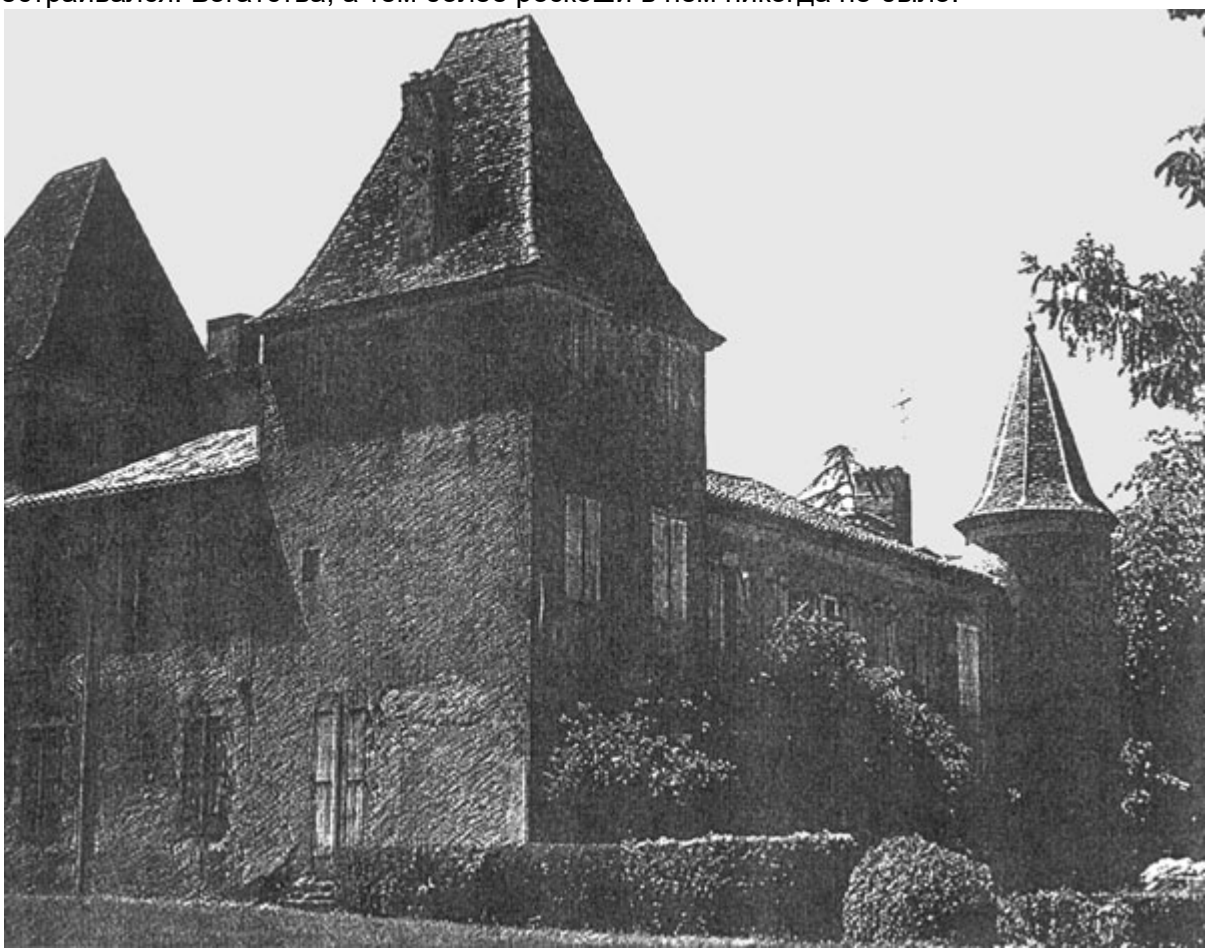
При Людовике XIV напечатать это было совершенно невозможно, и в 1683 году де Сандрас уезжает в Голландию, где и начинает серию публикаций – иногда под своим именем,

иногда под псевдонимом Монфор, а порой и анонимно. Но как только он вернулся на родину, его тут же арестовали, чтобы припугнуть. Выйдя на свободу, Куртиль де Сандрас снова уехал в Голландию и до 1702 года не выпускал пера из рук. Составленная якобы со слов самого д'Артаньяна книга описывала его невероятные приключения, в которых были замешаны крупные политические фигуры того времени. Они-то и не спустили автору такого легкомыслия: вернувшись на родину во второй раз, он угодил в Бастилию на 9 лет.

А капитан королевских мушкетеров д'Артаньян действительно существовал, только настоящее его имя было Шарль де Баатц. Их родовое поместье находилось в нынешнем французском департаменте Верхние Пиренеи. К концу XIX века в селении Артаньян, давно уже пришедшем в упадок, проживало чуть более 600 человек. Но в Средние века местный замок был цитаделью графства в Беарне – южной части Гаскони.

Когда король Наварры и частично владетель Гаскони стал французским королем Генрихом IV, вслед за ним в Париж потянулись и некоторые обитатели южного края. Они покровительствовали друг другу, тащили товарищей «наверх» и образовали во французской столице настоящее землячество. Поскольку Генрих IV и его сын Людовик XIII более доверяли землякам, то подразделение королевских конных мушкетеров состояло почти из одних гасконцев. Немало гасконцев было и среди королевских гвардейцев. В таких родах войск и служили предки д'Артаньяна.

Отцом реального д'Артаньяна был Бертран II, барон де Баатц, граф де Кастельмор, чьи предки приобрели все эти титулы, купив их у казны. Граф де Кастельмор женился на Франсуазе де Монтескью – представительнице куда более известного рода. В замке Кастельмор («Замок мавра») в 1611 году[49] и родился Шарль де Баатц – будущий «неистовый гасконец». Замок представлял собой небольшой одноэтажный дом, который много раз перестраивался. Богатства, а тем более роскоши в нем никогда не было.



Замок Кастельмор

Около 1640 года молодой человек записался на королевскую службу в гвардию под фамилией матери – де Монтескью. А поскольку тогда принято было иметь боевое прозвище, он придумал себе псевдоним «д'Артаньян» – по названию земель и замка, принадлежавших его матери.

Отличившись в осаде Арраса в 1640 году, где прошел школу молодечества с такими забияками, как Сирано де Бержерак, д'Артаньян с 1644 года стал служить в королевских мушкетерах. С 1646 года он находился в свите кардинала Мазарини, который его очень ценил и поручал выполнять свои самые тайные и ответственные поручения. Например, в 1664 году на д'Артаньяну поручили арестовать знаменитого суперинтенданта Николу Фуке. Заработав денег на королевской службе, он отправляет их в деревушку Лупияк, где находился его родовой замок, чтобы достроить недостающую башню. Сейчас в нем видны две башни явно разной постройки.

Год смерти д'Артаньяна известен точно: он геройски пал в 1673 году при осаде голландского города Маастрихт. Предание гласит, что бой был заведомо безнадежным, и д'Артаньяна, дослужившегося к тому времени до чина полевого маршала, просили в него не ввязываться. Но он якобы ответил: «Я – гасконец, и этим все сказано. Я должен там быть».

Потеряв всю семью (их сыновья прожили недолго), супруга д'Артаньяна отправилась оканчивать свои дни в монастырь, а родовой замок унаследовали родственники. Во время Великой Французской революции их потомки бежали в Испанию, а незадолго до Второй мировой войны родовое поместье гасконца купили англичане, но быстро с ним расстались. С послевоенных времен замком владеет семья Риспа, но и по сей день замок называется Кастельмор.

В 1840-х годах забытую уже к этому времени книгу Гатьена де Куртиля де Сандраса прочитал Огюст Маке – преподаватель истории лицея Карла Великого, и ему пришла в голову идея приключенческого «исторического» романа. Александр Дюма, ознакомившись с «мемуарами д'Артаньяна», тоже загорелся этой идеей. Писатель и историк начали вылавливать из старинной книжки сочные и странные имена – Атос, Портос, Арамис – и дали им новую жизнь. Они дописывали, переписывали, кроили и перекраивали произведение де Сандраса, в котором д'Артаньян – только грубый вояка, охотник за богатыми вдовами[50], шпага и доверенное лицо кардинала Мазарини. Александр Дюма наградил его умом, храбростью, хитростью, верностью в дружбе, оживил и одухотворил его, и родился новый д'Артаньян – более славный, чем в мемуарах, и потому ставший бессмертным.

Роман Александра Дюма «Три мушкетера» произвел фурор: имена д'Артаньяна и его верных друзей – Атоса, Портоса и Арамиса – были у всех на устах. А неистовый гасконец в глазах восторженной публики сделался национальным героем, которого возвели на пьедестал чуть ли не рядом с Жанной д'Арк. Патриоты добились установки мушкетерам памятников и открытия мемориальных досок в тех местах, где действовала отважная четверка.

В настоящее время в замке Кастельмор единственным местом, где более или менее сохранилась обстановка той эпохи, остается кухня. Стены из дикого камня, закопченный камин, медные кастрюли и сковородки, связки чеснока, темная массивная мебель… Среди сковородок есть одна довольно странная – с отверстиями по кромке и на длинной ручке. По ночам в замках было холодно, особенно зимой, и постель обогревали такой грелкой-сковородкой с углями внутри. Высокий шкаф – единственный сохранившийся современник д'Артаньяна, остальные вещи принадлежат к более позднему времени.

В старой библиотеке замка Кастельмор до сих пор хранится томик с пожелтевшими страницами: «Мемуары господина д'Артаньяна, капитан-лейтенанта 1й роты королевских мушкетеров, содержащие множество частных и секретных вещей, которые произошли в правление Людовика Великого». А сам д'Артаньян стоит подбоченившись посередине каменной лестницы, спускающейся к реке Жер от собора Святой Марии. Он смотрит на нижний город, совершенно равнодушный к событиям жизни чуждого ему времени. Судьба сделала его бессмертным, и даже если когда-нибудь разрушится старая лестница и не выдержит коррозии позеленевшая бронза памятника, это уже ничего не изменит. Д'Артаньян умрет только тогда, когда исчезнет память человеческая, потому что капитан мушкетеров – это больше, чем литературный герой. Это совершенно особое явление, созданное богатой историей Франции и буйной фантазией Александра Дюма.

Пиратская крепость Удайя

В переводе с арабского Рабат, вернее ар-Рибат, означает «лагерь», «укрепленное военное поселение». В VIII веке из далекого Хиджаза, с Аравийского полуострова, на территорию нынешнего Марокко пришли конные и пешие полчища арабов, ранее покорившие другие земли Северной Африки, начиная с Египта и Ливии. В своем движении на запад

завоеватели натолкнулись на непреодолимое препятствие – безбрежное «Темное море», как они называли Атлантический океан.

Одна часть арабов форсировала Гибралтарский пролив и захватила многие провинции современной Испании, другая – двинулась на юг через Западную Сахару и Мавританию к Сенегалу. В Марокко, оттеснив коренное берберское население в Атласские и Рифские горы, арабы создали на равнинных просторах рибаты – военные поселения, и в их числе будущую столицу Марокко. Город Рабат был построен в XII веке во время правления династии Альмохадов. Глинобитные стены рибатов служили в те времена надежной защитой от набегов берберов и других племен Северной Африки. Ныне эти стены с башнями, тяжелые деревянные ворота которых были обиты железом, сохраняются как памятники старины – наряду с минаретом «Тур Хасан», мечетью Хасана и крепостью Удайя.

Старые стены этой крепости могли бы рассказать многое, если бы умели говорить. Помнят они паруса пиратских кораблей, наводивших ужас на купеческие суда и на жителей побережья Атлантики вплоть до Британских островов, слышали они и звон невольничьих кандалов. Эти стены были современниками знаменитых корсаров из Сале, имя которых стало нарицательным и распространялось вообще на всех пиратов Северной Африки. Об этих корсарах рассказывали легенды, ими пугали детей, а европейские монархи искали союза с ними, чтобы бороться со своими врагами.

Древний город Сале, получивший название от основанного еще римлянами города Сала, издавна стал прибежищем пиратов. Уже в XIV веке отсюда отплывали корабли «рыцарей удачи», но только в XVII веке пиратский промысел превратился в основное занятие жителей этих мест. А началось все в 1609 году, когда на берега реки Бу-Регрег, разделяющей слившиеся теперь города Рабат и Сале, прибыли бежавшие из Испании мусульмане, изгнанные в ходе реконкисты. Потом к ним присоединилось много соотечественников-единоверцев, которые спасались от инквизиции. Пришельцы обосновались на левом берегу реки в запущенном монастыре, построенном еще в X веке, и под его стенами. Поселение назвали Новым Сале в отличие от старого Сале, расположенного на противоположном берегу. Старинные стены монастыря-крепости были восстановлены и подняты до высоты 8—12 метров, на них втащили самые мощные по тому времени пушки, отлитые в Голландии.

Среди изгнанников оказалось немало бывших судовладельцев, купцов и ростовщиков, которые успели прихватить на новую родину нажитые богатства. Движимые жаждой мщения, многие из них снарядили корабли, наняли команды и отправили их захватывать испанские суда, шедшие из колоний с драгоценными грузами, пряностями и рабами, либо в колонии – с оружием, мануфактурой и предметами роскоши.

Обстановка благоприятствовала корсарам: самые оживленные морские пути были как раз у берегов Марокко и западнее Гибралтара. Кроме того, европейским державам, занятым тогда Тридцатилетней войной 1618–1648 годов, было не до охраны этих путей, а в самом Марокко упадок правящей династии Саадийцев привел к обострению междоусобиц и фактическому отдалению окраинных районов, в том числе и Нового Сале.

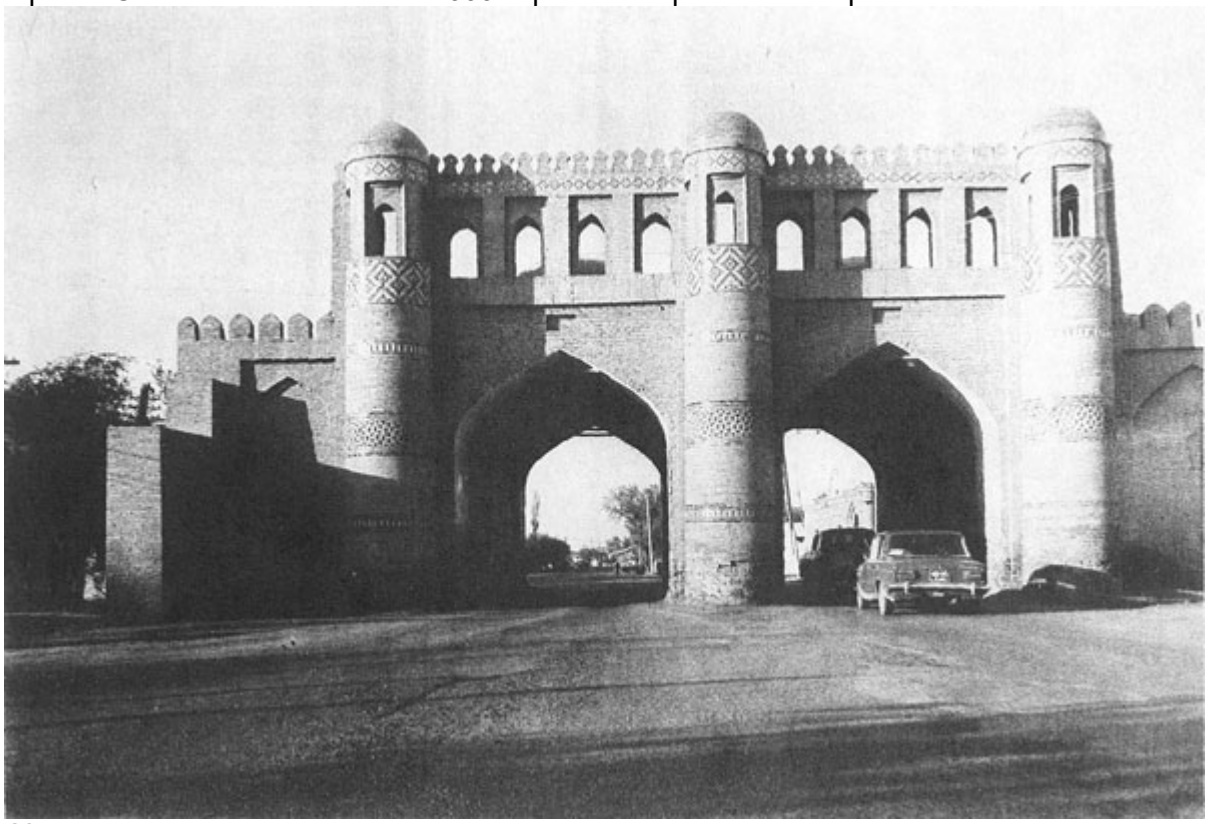
Сначала у корсаров было всего четыре корабля, но в 1637 году английский адмирал Рейнсборо видел уже 50 пиратских кораблей, хотя порт был рассчитан всего на 30–40 судов. Очень скоро пираты совсем перестали подчиняться центральной власти и в 1627–1641 годы были совершенно независимы: не платили никаких налогов суверену и создали собственное государство – «Республику Бу-Регрег», столицей которой стала крепость Удайя. «Президент» ее избирался всеми гражданами сроком на один год, он председательствовал в совете, который управлял этой «республикой», жившей доходами от морских грабежей. В задачу «президента» входило и улаживание часто возникающих конфликтов между различными сословиями этой «республики», а также между нею и старым Сале.

Первыми и поначалу единственными жертвами корсаров были испанские и португальские купцы. Однако позднее нападениям стали подвергаться и английские корабли, и суда других стран, проходившие через Гибралтарский пролив. Голландия, установившая тесные контакты с пиратами из Сале, всячески поощряла их, пользуясь их услугами не только против Испании – своего противника в Тридцатилетней войне, но и против Англии – своего главного торгового соперника.

Обычно пиратские корабли отправлялись на свой промысел небольшими группами – по два-три судна, которые рыскали западнее Гибралтарского пролива, вдоль побережья Испании и Португалии. Но нередко они добирались и до устья Темзы, подняв флаги дружественных или нейтральных государств и поджидая неосторожное судно, чтобы взять его на абордаж.

Европейские государства страдали от пиратов «Республики Бу-Регрег», но ничего не могли сделать с ними: мелководье и тяжелые орудия крепости Удайя не позволяли кораблям Англии и других морских держав даже приблизиться к берегу. Самое большее, чего им удавалось иногда добиться, – это выдача пленников, захваченных во время набегов. Кроме того, усилия правительств европейских стран порой расходились с интересами некоторых своих подданных, которые предпочитали поддерживать «деловые отношения» с корсарами, поставляя им необходимое оружие и снаряжение и наживаясь на посредничестве при выкупе пленников.

Появилась и особая категория европейских купцов, которые наживали целые состояния на скупке и перепродаже товаров с кораблей, захваченных пиратами из Сале. Обычно эти товары продавались с торгов за четверть их стоимости, а затем контрабандным путем ввозились в Европу. Современники свидетельствовали, что только за 10 лет (1620–1630) корсары из Сале захватили более 1000 кораблей европейских стран.



Хроники сохранили имена некоторых самых знаменитых пиратских адмиралов. Наибольшую известность приобрел Ян Янсен, уроженец Голландии, прославившийся под именем Морат-раис. Осев в Новом Сале в 1619 году после многих громких дел, совершенных в Средиземном море вместе с алжирским пиратом Солейманом-раисом, он совершал набеги на побережье Ла-Манша, Ирландии, Исландии и даже своей родины. В 1636 году после одного из набегов на побережье Англии Морат-раис доставил в Сале 200 пленников. В подземельях крепости Удайя в это время уже томились 3000 пленников. В 1640 году Морат-раис был захвачен мальтийскими рыцарями, но сумел бежать и до конца своей жизни был губернатором Уалидии – одной из провинций Марокко.

Во второй половине XVII века пиратство в Сале пошло на убыль. Этому способствовало укрепление династии Алауитов, которая пришла к власти в 1666 году. На Новое Сале распространилась власть марокканских султанов, назначивших туда своего губернатора. Уже в 1672 году пираты едва смогли снарядить и вооружить всего десяток кораблей, и вскоре порт в устье Бу-Регрег опустел.

Однако новые власти стремились только подчинить пиратство своему контролю, а не полностью ликвидировать его. Поэтому еще долгое время Новое Сале оставалось гнездом корсаров, хотя и далеко не таких деятельных, как прежде. Последний из их «подвигов» – захват австрийского корабля – был зарегистрирован в 1829 году.

Сегодня у подножия крепости Удайя мирно плещутся воды Атлантического океана да неугомонная детвора гоняет мяч на песчаной полоске пляжа, зажатой между водой и неприступными когда-то крепостными стенами. Старинные орудия, как и века назад, внимательно смотрят своими черными жерлами, будто стараются что-то разглядеть в

необозримой дали океана. Соляной налет на их позеленевших от времени стволах, как седина в волосах старца, придает орудиям сходство с древними мудрецами, равнодушно взирающими на суету этого мира…

Замки древнего Гондара

Город Гондар, расположенный в горах на высоте 3000 метров над уровнем моря, был славой средневековой Эфиопии. Но прежде чем Гондар стал столицей страны, государство пережило смутные времена. До того в нем не было столичных городов, и Эфиопию называли «страной блуждающих столиц»: столица была там, где в данный момент находилась резиденция «негуса». Негусы Эфиопии вели весьма подвижный образ жизни, перемещаясь вместе со всем своим двором по строго определенному маршруту. Даже Ангобер, первая оседлая резиденция негусов, была всего лишь зимней ставкой на период больших дождей.

К XV веку мусульманские государства монополизировали выгодную караванную торговлю на побережье Аденского залива и Индийского океана. Особенно осложнилось положение Эфиопии, когда правитель Харэра Ахмед Грань объединил мелкие эмираты побережья и начал совершать опустошительные набеги на внутренние области страны. С 1527 года за несколько походов его воины захватили значительную часть Эфиопии, включая и ее древнюю столицу – город Аксум. Положение осложнилось еще и тем, что с юго-запада на страну надвигались племена Оромо, а на севере – на побережье Красного моря – высадились войска Османской империи.

Эфиопским послам удалось добраться до могущественной тогда Португалии и просить о помощи. В июне 1541 года в Эфиопию прибыл отряд во главе с Криштованом да Гама, который сразу же включился в борьбу эфиопских войск с мусульманами. С переменным успехом борьба продолжалась два года, и только в 1543 году удалось изгнать завоевателей из страны.

Португальских воинов было всего 500 человек, но впоследствии они стали сильно преувеличивать свое значение в этой победе, чтобы усилить в Эфиопии свое политическое влияние. К тому же в стране начали активную миссионерскую деятельность различные католические ордены, особенно иезуиты. Император Сусейнос, приняв вместе со своими приближенными католичество, объявил его государственной религией. Это вызвало народное недовольство, переросшее в гражданскую войну, во главе которой, как и при любом другом массовом движении Средневековья, встало духовенство. Главным лозунгом этой религиозной борьбы было возвращение к «вере отцов», а результатом ее стало отречение императора Сусейноса в пользу своего сына Фасилидаса. В малоизвестном до того времени селении Гондар новый негус собрал собор духовенства, решением которого Эфиопия вернулась к прежней вере, а все миссионеры-католики были изгнаны из страны. «Те, кто не пожелал подчиниться, – как сказано в одной из хроник, – были убиты».

В 1636 году негус Фасилидас превратил Гондар в свою столицу, и на холме Гимпе («Царском холме») был возведен замково-храмовый комплекс, окруженный высокой каменной стеной. Он занимал огромную территорию (около 7 гектаров) и состоял из целого ряда построек. В стене было 12 ворот, и над некоторыми из них были сооружены надвратные башни.

Негус Фасилидас, победитель «нечестивых» приверженцев «латинской веры», был человеком глубоко религиозным. В его замке были возведены четыре круглые угловые башни, и каждая из них смотрела на церковь. Набожный император поочередно молился в одной из них, обращаясь лицом к церкви.

На территории самого замкового комплекса в то время не было отдельных церковных зданий, поэтому члены царской семьи выходили молиться за пределы крепостных стен. Для этой цели был построен мост, проходивший над дорогой на главный рынок Гондара и соединявший двор замка с церковью. По древнему этикету при приближении императора, его придворных и просто знатного лица простому народу полагалось снимать головной убор. На мосту были устроены высокие глухие ограды, за которыми не было видно, идет ли по нему кто-нибудь. Так что народу почти всегда приходилось обнажать голову – на всякий случай. Даже сегодня этот мост, которым давно уже не пользуются, называется «Местом, где снимают шляпы».

Архитектура замка Фасилидаса была очень необычной: многоэтажные (от 2 до 4 этажей) здания, что было совсем не характерно для Африки и давало пищу самым разнообразным версиям. Кого только не называли строителями замка! Португальцев и индийцев, указывали и на подражание архитектуре Южной Аравии… Однако последующие исследования показали:

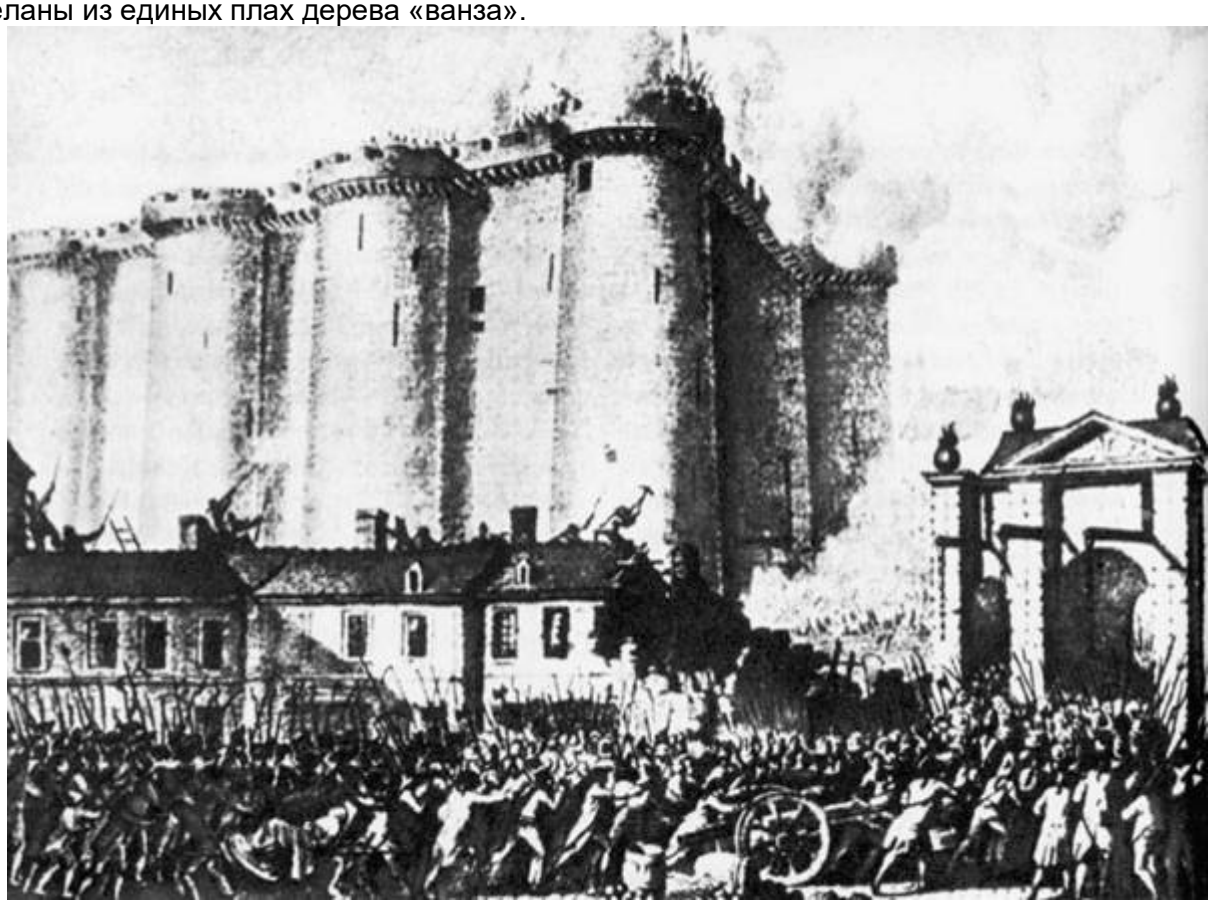
«гондарский» стиль не вытеснил старый, а сосуществовал с традиционным, для которого характерны были круглые в плане постройки, крытые соломой или травой.

Все сооружения гондарского замка (прямоугольные или квадратные) строились из камня и нередко окружались стенами. В них устраивались внутренние и внешние каменные лестницы, чаще всего под углом к зданию. Крыши либо сводчатые, либо плоские: последние часто использовались как открытые террасы.

Любил Фасилидас устраивать и своеобразные состязания. На верхнем этаже замка была устроена открытая площадка, разделенная пополам невысоким гребнем. В конце площадки располагалось кереро – небольшое помещение в форме церковного барабана. Там хранились церковные принадлежности, посохи с перекрестием наверху (мекамна) и праздничное облачение священников (дептера). Клир двух церквей, облачившись в эти одежды, выстраивался на разных половинах площадки, и начинались песнопения, сопровождавшиеся музыкой и ритмическими танцами. Император как строгий судья выносил решение, и церковь-победительница получала пожертвования из его рук.

Когда поднимаешься по крутой лестнице на второй этаж замка Фасилидаса, на светлом фоне оштукатуренных стен под высоким потолком зала, служившего для проведения судебных разбирательств, видишь темные красно-коричневые знаки. Их оставили как свидетельство своего участия каменщики, строители и архитекторы, возводившие замок. В его сооружении действительно принимали участие строители из Индии и Португалии, но их архитектурные идеи, как говорилось выше, наложились на уже готовые традиции. Каменщиками-исполнителями были, конечно же, местные жители. В первом ряду знаков – узорчатые окна в стиле восточной и арабо-иберийской архитектуры: их оставили португальцы и индийцы. Наверху – звезда Давида, которую оставили ремесленники фалаша. Этот народ, исповедовавший иудаизм эпохи до Талмуда, издавна жил вокруг Гондара.

Самым внушительным зданием является 3этажный дворец негуса Фасилидаса. Он хорошо сохранился до наших дней и представляет собой настоящий замок с толстыми стенами, четырьмя угловыми башнями и множеством залов. Створки их тяжелых дверей сделаны из единых плах дерева «ванза».



Зал суда, по-видимому, назывался «Дом Льва», о чем неоднократно упоминается в хрониках Гондара. В другом зале происходили приемы, но сейчас в нем остались только «люстры» – подвешенные к потолку равноконечные кресты-светильники из темно-коричневого дерева. Их форма, как полагают некоторые исследователи, свидетельствует об уважении и сыновней любви Фасилидаса к отцу-католику. В «Зале приемов» можно увидеть

необычную даже для «гондарского» архитектурного стиля деталь – сквозной камин в стене межу вторым и третьим залами, а внутри стены – дымоход.

Третий зал предназначался для дворцовых женщин, ведь негусы Эфиопии, хоть и подчеркивали свою приверженность христианству, имели несколько жен и официальных наложниц. В стенах этого зала были устроены многочисленные ниши, заменявшие шкафчики, в которых хранились парфюмерные кувшинчики, коробочки с украшениями и т. д. – все, что было необходимо знатной женщине.

По соседству с замком, в отдельном здании, располагалась сокровищница, а рядом с ней – глубокий водоем, в котором когда-то разводили рыб. Рядом с ним были сооружены лечебные ванны, вода в которых подогревалась при помощи глиняных труб, проходивших под ними. Для более серьезного лечения и длительных купаний примерно в 4 километрах от замка для негуса построили отдельное сооружение, известное как «Бани Фасилидаса». Это было небольшое здание, стоявшее посреди бассейна и возведенное в том же «гондарском» стиле – с балконами и зубчатой крышей. В настоящее время бассейн не используется по своему прямому назначению, но один раз в год, в праздник Тимката (Крещения), он наполняется водой и здесь проводятся религиозные массовые церемонии.

Негус Иоханнес, сын Фасилидаса, построил собственный дворец – небольшой и уютный, который трудно назвать дворцом, тем более замком. Даже среди подчеркнуто религиозных правителей Гондара негус Иоханнес выделялся своей набожностью, и потому дворец его назывался «Домом любви к церкви». В хрониках мало говорится о воинских доблестях этого негуса, зато много сказано о его благочестии, богатстве и пышности двора.

Во время правления негуса Иоханнеса в царской сокровищнице хранилась не только государственная казна, но и праздничное одеяние и атрибуты верховной власти негуса – трубы, барабаны, красный зонт. Царские барабаны (негарит) отличались от церковных: они имели полусферическую форму с одним днищем и скреплялись попарно. В них били перед торжественными выходами негуса, во время битв и перед оглашением царских указов. Самый большой из барабанов имел собственное имя – «Медведь-лев».

Если для Фасилидаса главной заботой было укрепление власти, то для его преемников эта забота хоть еще и оставалась насущной, но уже постепенно отступала на второй план. Копилось царское богатство, которое с удовольствием демонстрировалось; архитектура, теряя понемногу свой мощный стиль и грозную монументальность, приобретала черты изящества, появлялись декор, прорезные окна и многочисленные балконы.

Неподалеку от замка Фасилидаса стоит в руинах замок Иясу I: оба сооружения между собой соединялись стенами, высота которых равнялась 5 метрам. Стены имели зубчатую ограду, а наверху по ним проходила дорога. Дворец негуса был богато убран, о чем в эфиопской хронике сказано следующее:

> А из чертогов его царских одни были возведены с украшениями золота червонного и серебра чистого, а другие расписаны красками заморскими цвета разного… А все стены были в зеркалах заморских – чистых и отражающих, и видели в них себя все люди стана ясно. А еще расстелены были внутри ковры заморские, дорогие и многокрасочные. А была еще башня, построенная из изразцов заморских.

К словам хроники можно добавить свидетельства французского врача Шарля Пансе, побывавшего в Гондаре в 1699 году:

> После того, как меня провели через более 20 комнат, я вошел в зал, где император восседал на своем троне. Это было нечто вроде кушетки, покрытой красным шелковым покрывалом, расшитым золотыми цветами. Этот трон с ножками из массивного серебра помещался в глубине зала под балдахином, который весь сиял золотом и лазурью. Император был облачен в шелковое одеяние, отороченное золотом, с очень длинными рукавами.

К сожалению, многие строения, возведенные при негусе Иясу I, не сохранились, в частности, «Головной дом» (малый приемный зал) и «Аддараш» (в нем устраивались обязательные пиры). Когда не хватало и этого обширного зала, например, во время недельного пира по случаю праздника Мескаэль, приходилось сооружать временные постройки. Не сохранилось и здание «Йеблань Леангете» (Горе моей шее), в котором решались важные государственные дела и названное так из-за низких сводов в переходах и на лестницах.

Неподалеку от замкового комплекса негуса Фасилидаса стоит еще одно сооружение, косвенно связанное с императором Иясу II. Это замок Микаэля Сухута – предводителя тиграйцев, выступивших против центральной власти и вынудивших негуса на военный поход – единственный за время его правления. Противники встретились у Аксума, но Иясу II, хоть и располагал численным превосходством своего войска, предпочел кровавому столкновению переговоры. В результате, согласно обычаю, Микаэль Сухута с камнем на шее – в знак покорности – вошел в шатер императора. Он был помилован, а войско его включили в армию центрального правительства. Со временем М. Сухута достиг такого высокого положения, что смог построить собственный замок, не уступающий дворцовому комплексу негуса Фасилидаса. Еще несколько десятилетий назад в нем можно было увидеть золотые ванны, раковины и унитазы, которые показывали тем немногим, кто попадал в замок.

Почти все правители «гондарского периода» Эфиопии были покровителями литературы и искусства, но особенно Иясу I, Иясу II и императрица Мынтуваб. Они приглашали певцов, поэтов, острословов и на широких открытых террасах своих дворцов устраивали ученые беседы. Появилась при дворе и особая должность придворных историографов, которые написали целый ряд «Истории царей» и их «Житий». Вот как, например, открывается «История царя царей Адьям Сагада»:

> Слушайте же все и читайте книгу сию, ибо дает она вам душу бодрую и разум твердый. Она снимает ржавчину с помышлений страшащегося и удерживает, как якорь корабельный, мятущегося сердцем и сомневающегося, когда повествует, как Господь спасает от смерти боящихся его… Эта история вкуснее соли…

А в хронике о деяниях негуса Иоханнеса сказано, что история эта «слаще меда и сахара, лучше золота и камня топаза драгоценного… побуждает уста вещать, а уши – слушать».

Замково-храмовый комплекс Гондара неоднократно разрушался: в XVII–XVIII веках он пострадал от пожара, в XIX – был разрушен махдистами, а в XX веке дважды подвергся бомбардировкам – сначала итальянской артиллерией, а потом британской авиацией. Во время правления императора Хайле Селассие I замок был превращен в его резиденцию…

Тортуга – гнездо французских флибустьеров

После того как Христофор Колумб открыл Америку, туда, почуяв наживу, из Европы хлынули обедневшие дворяне, авантюристы, искатели приключений и кладов, разбойники, воры и прочий бесшабашный люд. В XVII веке пиратство во многих европейских странах даже считалось вполне «дворянским делом». Один из писателей того времени замечал, что «почти каждый джентльмен западного побережья Англии принимает участие в пиратстве». Папы, князья и короли выдавали «рыцарям наживы» пергаментные свитки с большими сургучовыми печатями, разрешавшие захватывать и грабить чужие суда. Лица, заручившиеся такими свидетельствами (за них, кстати, взималась немалая плата), становились «законными разбойниками» и пользовались покровительством властей. И называли их уже не пиратами, а корсарами (или каперами).

Европейские монархи выдавали каперские свидетельства на грабеж кораблей той страны, с которой воевали, а войны в XVI–XVII веках велись почти непрерывно. Каперы платили королям определенную часть своей добычи, поэтому неудивительно, что дело это всячески поощрялось многими государствами. Например, по закону французского короля Людовика XIV капер признавался собственником любого имущества, которое побывало в его руках в течение суток. Морской разбой поощрялся даже церковью, и нередко владельцами кораблей, которые предоставлялись корсарам, были представители духовенства.

Каждую весну испанцы посылали в Америку сильную военную флотилию, которая через океан перевозила в Мадрид золото и серебро. Нападать на такую мощную армаду пираты не решались, поэтому рыскали в поисках отдельных кораблей, отставших от флотилии или потрепанных бурей. Совершали они нападения и на испанские города, которые обычно были хорошо укреплены, но охранялись небольшим гарнизоном.

Для таких нападений нужны были базы вблизи испанских колоний в Южной и Центральной Америке, и многочисленные острова в теплых водах Карибского моря, казалось, самой природой были специально созданы для подобных целей. Одна из таких морских баз была организована французами на небольшом островке Тортуга.

Это был крохотный клочок суши, безвестный островок среди тысяч других. Христофор Колумб, проплывая мимо, даже не обратил на него внимания. Великий мореплаватель сошел на другом острове, расположенном по соседству, но гораздо большем по размеру. Воткнув там флаг испанского короля и установив крест, он назвал его Эспаньолой[51].

Пираты с Тортуги называли себя флибустьерами – «свободными мореплавателями». Авантюристы всех мастей и рангов, беглые преступники, еще недавно таскавшие на ногах тяжелые кандалы, каторжники с галер, дезертиры, перекупщики рабов – все устремились к берегам Америки и осели на Тортуге. На своих легких суденышках-баллагу, быстрых и увертливых, они рыскали по всему Карибскому морю и хорошо знали узкий фарватер, который вел к их базе, защищенной самой природой.

Северный берег Тортуги, состоявший из нагромождения скал, был обращен к открытому морю; на юге, где берег устилал мягкий песок, через кишевший акулами пролив шириной около 10 километров лежала Эспаньола. На два века этот остров оказался связанным с крохотной Тортугой, которая подчас блистала ярче своего соседа.

Поначалу Эспаньола служила флибустьерам с Тортуги продовольственной базой, откуда они доставляли отличную говядину. Свежее мясо пираты закупали самым честным образом у буканьеров[52], осевших в северной части Эспаньолы. Выгнать с Тортуги пиратов было главнейшей задачей испанцев. Они не видели разницы между буканьерами и флибустьерами и поначалу накинулись на мирных охотников Эспаньолы. Высадив на острове не один десант, испанцы перебили несколько сотен охотников, когда те спали. Эта карательная экспедиция

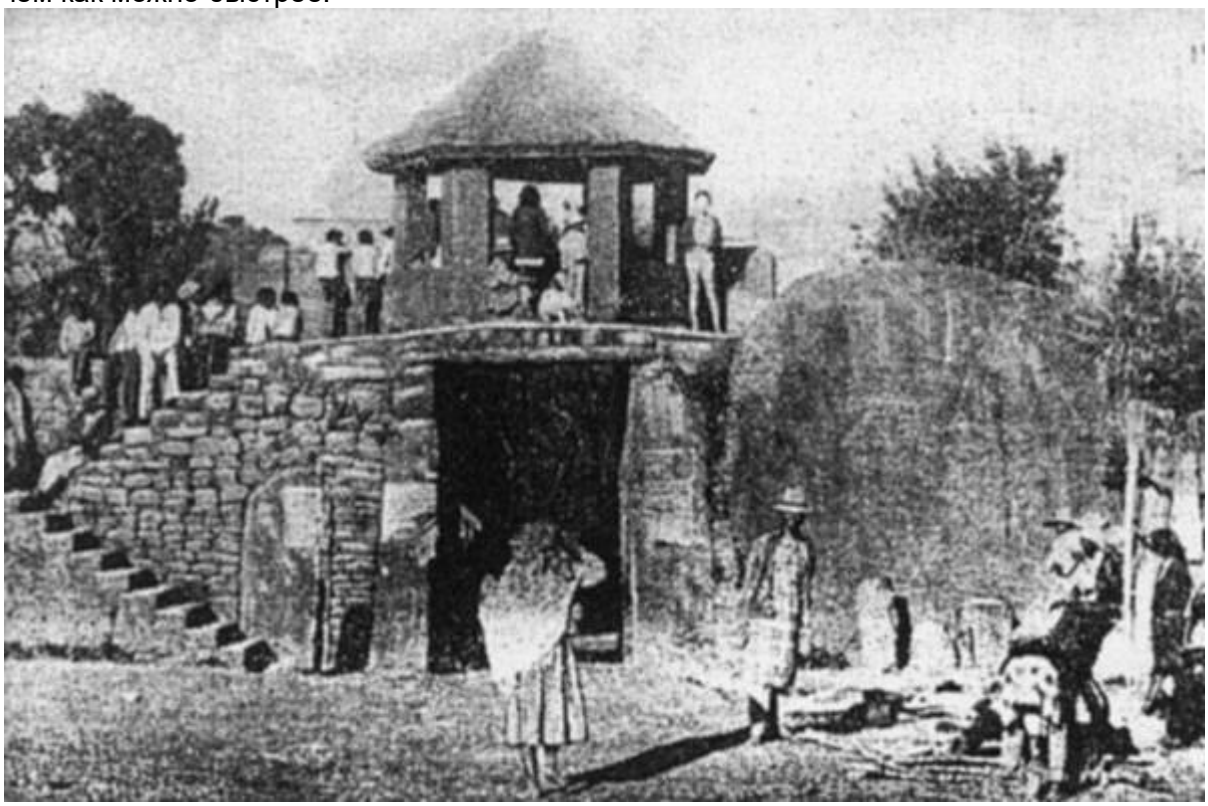
вызвала бурную ярость специалистов по заготовке мяса. А так как они были отменными стрелками, то на острове развернулась настоящая война на уничтожение, и буканьеры, действовавшие небольшими отрядами, быстро взяли верх. Испанские плантации были сожжены, фермы разрушены, жители небольших поселков, располагавшихся в глубине острова, истреблены все до единого. Гарнизоны и наскоро вооруженные испанские ополченцы оказались бессильными против охотников, которые мгновенно исчезали в лесу, откуда их стрелы били без промаха.

Тогда испанские власти решили уничтожить весь скот на острове, чтобы задушить пиратов голодом. За два года живность на острове была выбита настолько, что многим буканьерам пришлось сменить профессию. Однако вскоре испанцы поняли, что в разбойном морском промысле маленький остров Тортуга играет куда более важную роль, чем большая Эспаньола.

В 1638 году испанцы подогнали к Тортуге десяток галеонов и высадили на острове мощный десант. Жорж Блон, французский исследователь истории пиратства, полагает, что тогда на острове было совсем немного орудий, может быть, даже ни одного. Испанцы выждали время, когда флибустьеры отправились на Эспаньолу заготовлять мясо, а оставшиеся поселенцы оказались практически безоружными. Они перестреляли сопротивлявшихся, сдавшихся на милость победителей – повесили, и только небольшой горстке уцелевших удалось скрыться в лесу.

Испанцы решили оставить в пиратском логове небольшой гарнизон, но у солдат душа не лежала к службе, заключавшейся в том, чтобы присматривать за морем и прочесывать из конца в конец остров, выискивая уцелевших жителей. Поэтому высадившиеся на Тортуге в начале 1639 года англичане захватили испанцев врасплох и выгнали их с острова. Прослышав об этом, сюда быстренько возвратились французские флибустьеры, радостно встреченные вылезшими из укрытий поселенцами.

Но англичане были вооружены до зубов, и французы согласились встать под начало их предводителя – капитана Виллиса. Со временем Тортугу вновь заселили в основном французы, и захудалый островок в Карибском море стал превращаться в стратегический форпост, претендовавший на роль подлинной пиратской митрополии в Карибском море. На него обратили внимание и «деятели» более крупного масштаба, одним из которых был французский дворянин-гугенот Левассер, решивший скинуть с острова английского капитана, причем как можно быстрее.



В последний день августа 1640 года Левассер высадился со своим отрядом на Тортуге. Их атака была молниеносной, да и враждебное отношение местных жителей к англичанам сыграло свою роль. Вскоре на острове была учреждена торговая фактория, одновременно Левассер решил построить форт. Единственным местом на острове, куда могли приставать

большие суда, был только один залив, пригодный для гавани, обращенной к проливу, разделяющему Тортугу и Эспаньолу. Над гаванью Бас-Тер возвышался могучий утес, который в то время назывался просто Горой. Лучшего места для возведения форта и придумать было нельзя.

Вход в залив прикрывала высокая скала, на которой пираты построили крепость, назвав ее «Эль Паломар» (Голубятня). Скальный форт был возведен по образцу феодальных замков, где в случае опасности могла укрываться добрая половина населения средневекового города. Гору венчал 10метровый отвесный уступ, на вершине которого и была сооружена каменная квадратная площадка со стороной в 20 метров. На ней установили две железные и две бронзовые пушки, сколотили казарму, а в пещере устроили два склада – для продовольствия и для боеприпасов. И хотя казарма получилась действительно больше похожа на голубятню, в ней могли разместиться 400 человек – огромный гарнизон по масштабам того времени.

Вырубленные в скале ступеньки вели к подножию уступа, но на площадку можно было забраться только по железной лестнице, которую в случае опасности втаскивали наверх. Дополнительно французы установили еще и широкий, обитый железом короб, внутри которого была пропущена веревочная лестница. Крутые обрывы надежно защищали подходы к острову со стороны суши, и поэтому стволы пушек были повернуты только к морю.

Сейчас от этого сооружения ничего не осталось, но в свое время форт полностью соответствовал своему назначению. Испанцы, не знавшие о нем, в 1645 году попытались отбить Тортугу и подошли к острову на пяти галеонах, на борту которых находились 600 солдат. Однако им пришлось отступить с большими потерями…

Обеспечив свою безопасность, остров Тортуга сделался «выгодным предприятием». Его губернаторы от имени французского короля бойко торговали каперскими свидетельствами, и не только французскими. Если между Испанией и Францией воцарялся мир, они ставили на такие свидетельства подложную португальскую или голландскую печать.

Тысячи пиратов собрались на Тортуге, совершая из этого безопасного уголка набеги на испанские суда. Флибустьеры Тортуги выходили в море с поручительствами и всю свою добычу свозили в гавань Бас-Тер, где осели наехавшие из Европы негоцианты и ростовщики. В базарные дни берег возле гавани представлял живописнейшую ярмарку, где грудами продавали рыбу, черепах, ламантинов, лангустов, вяленое мясо, бычьи шкуры, овощи и птицу. Рядом торговали золотой и серебряной посудой, инкрустированной мебелью, парчой и богатой церковной утварью. Здесь толпились колонисты в шляпах с широкими полями, оборванные пираты, почти голые черные рабы и индейцы; сами флибустьеры подчас одевались по последней парижской моде. Возвратившись из удачного похода, они порой спускали за несколько дней все, швыряя деньги направо и налево, после чего вновь облачались в дырявое тряпье.

Немало было громких имен среди пиратов «Свободного братства», и одно из них – Бартоломео Португалец. Однажды он захватил богатую добычу, но не успел с нею скрыться. Его захватили возле Кампече и стали строить виселицу на самом берегу. Из своей темницы на борту корабля Бартоломео Португалец смотрел, как ее сколачивают. А ночью, накануне казни, он заколол кинжалом охранявшего его матроса, бросился в море и уплыл, держась за пустой бочонок. Не прошло и недели, как флибустьер вернулся со своими дружками на длинной пироге и увел этот самый корабль из гавани. Правда, вскоре он его потерял во время урагана, но о подвигах Бартоломео Португальца, захлебываясь от восторга, говорили во всех тавернах и притонах. На зеленых островах Карибского моря гремела слава и о многих других бесстрашных удальцах. В кабачках Тортуги рассказывали истории об огромных богатствах, награбленных и растраченных ими; о могучих кораблях, захваченных и потопленных; о золоте и серебре, которое пираты грудами сваливали на палубы своих кораблей…

Для французов острова Карибского моря были еще и надежным местом, куда ссылали преступников. Однако страна заботилась и о благе своих блудных сынов, поэтому отправила пиратам Тортуги 1200 невест. Правда, многие из них сразу же занялись ремеслом более прибыльным, чем положение супруги флибустьера.

После гибели Левассера губернатором Тортуги был назначен Анри де Фонтенэ – потомок старинного дворянского рода и рыцарь Мальтийского ордена. Забрав бразды правления в свои руки, он уверенно направлял удары флибустьеров и стал кумиром всей оборванной братии. Из Мадрида, обеспокоенного беспрерывными потерями, грозно отчитывали своих наместников на Кубе. Но кавалер де Фонтенэ стал еще больше укреплять Гору: рабы и рабочие по обе стороны уже имевшейся площадки построили два бастиона, где установили

дополнительные батареи. Однако это не остановило испанцев, которые составили эскадру из пяти крупных галеонов и десятка галиотов – небольших, но очень крепких суденышек. Втянувшись в узкий пролив между Тортугой и Эспаньолой, ранним утром 10 января 1654 года флотилия подошла к гавани Бас-Тер. Несмотря на сильный заградительный огонь французских батарей, испанские корабли продолжили движение. Гавань окутали плотные клубы черного дыма, но, когда ветер разгонял их, испанцы видели, как группы вооруженных людей спускались из форта к причалу. Наблюдалось движение и в самой гавани, однако испанские капитаны приняли все меры, чтобы не дать пиратам пойти на абордаж. Но, к своему удивлению, они увидели, как суда флибустьеров, не выходя из гавани… начали тонуть. Так распорядился кавалер де Фонтенэ, чтобы враг не смог подойти к берегу.

Предпринимать высадку десанта, когда орудия форта непрерывно изрыгают огонь, было невозможно. Но испанцы и не собирались этого делать: нападение на Бас-Тер было их отвлекающим маневром. Пока грохотали пушки и все внимание было сосредоточено на гавани, отставший галеон и несколько галиотов приблизились к берегу в том месте, где он не был укреплен. С галиотов высадился штурмовой отряд, орудия и боеприпасы были погружены на мулов, и все двинулись в глубь Тортуги. Все было проделано быстро и слаженно, а французы и не ожидали нападения с тыла.

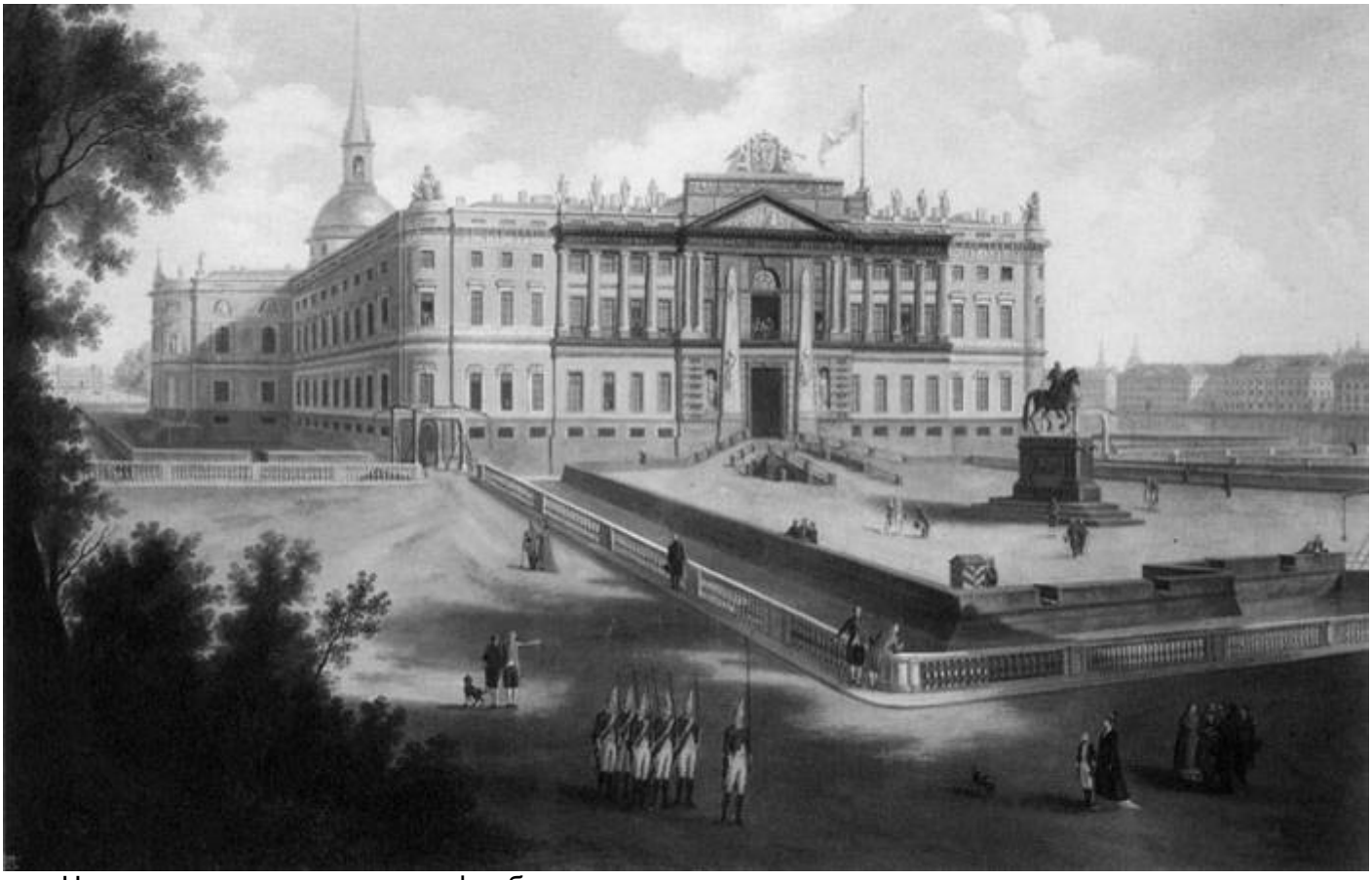
Испанцы установили на вершине соседней горы батарею и открыли огонь по Скальному форту в надежде, что внезапное нападение сломит сопротивление французов. Но Анри де Фонтенэ приказал строить под огнем неприятеля дополнительный бруствер, и защитникам форта удалось продержаться еще несколько дней. Потом огонь французских батарей начал стихать, а вскоре орудия и вовсе замолчали…

Весть о потере Тортуги дошла до Парижа весной 1654 года, но не вызвала там никакой тревоги. Францию все еще терзали раздоры Фронды, страна приглядывалась к своему новому королю, которого только что венчали на царство в Реймсе. Заинтересованными оказались лишь горстка банкиров, негоциантов и несколько личностей из различных слоев общества. Среди них оказался и Жереми Дешан – отпрыск старинного дворянского рода, но он был младшим сыном и потому не мог рассчитывать на владение имением. Однако он добился, чтобы его назначили губернатором Тортуги, и мечтал захватить остров, чтобы превратить его в свою безраздельную вотчину.

Вынужденные покинуть Тортугу после нападения испанцев, французские флибустьеры обосновались у западного побережья Эспаньолы и на островке Марго, где построили несколько причалов и деревень. Эти поселения образовали своего рода независимую республику без верховной власти и писаного закона. Вот сюда и прибыл со своими тридцатью «сорвиголовами» Жереми Дешан, встреченный радостными возгласами. Он решил отвоевать колыбель французских флибустьеров и начал готовить к этому пиратскую общину.

Нападение на Тортугу произошло в декабре 1659 года при спокойной погоде, что было учтено Жереми Дешаном, когда он назначал не только день, но и час выступления. Тот день казался испанцам ничем не примечательным, и патрули, произведя вечерний обход, возвратились в казармы на Горе. Но как только совсем стемнело, 600 человек под предводительством Ж. Дешана оказались на острове. Впоследствии он говорил, что «не раздалось ни единого орудийного выстрела, только несколько ружейных хлопков».

Однако надо было захватить еще и скальную крепость, и Жереми Дешан применил новую военную хитрость, которая тоже дала блестящий результат. На 150 легких суденышках он подошел не к южному побережью, находившемуся под усиленным присмотром испанцев, а к обрывистому северному берегу, неприступному для крупных судов. Люди, с трудом цепляясь за выступы, целый день просидели в воде, дожидаясь темноты. Как только выглянула луна, они стали карабкаться вверх и вскоре оказались на круче. Большая часть войска спустилась с откоса и, обогнув Скальный форт, растворилась в долине. Другая приблизилась на 20 шагов к батарее без малейшего шороха и звука. Потянулись долгие часы ожидания, так как этот отряд должен был захватить батарею испанцев только с рассветом.



Часовые первыми увидели флибустьеров, но успели дать лишь несколько выстрелов. Выскочившие по тревоге расчеты бросились к орудиям, но вынуждены были поднять руки, так как нападающие держали их под прицелом мушкетов. Поднятый в ружье гарнизон спустился в долину, но тут их встретил флибустьерский отряд под командованием самого Ж. Дешана. Захваченные врасплох испанцы заметались во все стороны и через полчаса капитулировали…

В истории Тортуги прогремели имена еще нескольких флибустьеров, отличившихся чудовищными насилиями и кровожадными подвигами (в частности, Жан-Франсуа Олоне). Но начиналась новая эпоха в походах карибских пиратов, и символом ее стал уже другой человек…

Порт-Ройал под флагом «веселого Роджера»

Англичане не хотели отставать от своих предприимчивых французских коллег, и в английских колониях в Америке тоже стали возникать международные центры пиратства. Одним из них был знаменитый город Порт-Ройал на Ямайке. Индейское название острова – «Шаймала», что означает «край вод и лесов». Ученые предполагают, что коренные жители – рыбаки-араваки – использовали этот клочок суши уже с 1300 года. Они выращивали маниоку, сладкий картофель, маис, табак и были счастливы на своей земле. Горе и беды пришли с появлением испанцев, и за полтора века их господства на Ямайке араваки были полностью истреблены.

На юго-восточной оконечности острова находилась небольшая защищенная бухта, в которую вдается длинная песчаная коса Палисадоуз, протянувшаяся на 13 километров. Длинная и узкая, как меч, она издавна была приспособлена для наблюдения и отражения атак непрошеных гостей. На конце этой косы и расположилось поселение Порт-Ройал, и хоть не всегда оборонительные укрепления выдерживали натиск неприятеля, сооружению их уделялось большое внимание.

Экспедиция, посланная Оливером Кромвелем в 1655 году, отбила остров у испанцев – прямых наследников Христофора Колумба, которому Ямайка была пожалована в качестве королевского подарка. Со временем остров стал основной базой карибских пиратов, а также рынком сбыта их добычи. Уже в 1658 году комодор Мингс, вставший во главе обосновавшихся в Порт-Ройале английских пиратов, взял штурмом мексиканский город Кампече и несколько городов в Венесуэле, после чего свез все награбленное в свое ямайское убежище.

К 1664 году английская колония на Ямайке выглядела уже более представительной, чем гнездо французских флибустьеров на Тортуге: процветающий город был значительно многолюднее, а его глубоководная гавань с множеством причалов – шире. Прельстившись легкой добычей, в Порт-Ройал хлынули представители разных рас и народов. Здесь поистине творилось вавилонское столпотворение: африканцы, мулаты, метисы и другие люди с бронзовой, черной, желтой и белой кожей. Голландцы, немцы, французы, испанцы, португальцы, ирландцы и скандинавы открывали кабаки, трактиры, публичные и игорные дома, ремесленные мастерские и торговые лавки…

У длинного дощатого причала теснилось множество кораблей, пришедших с грузом или ожидавших его. В Порт-Ройале никого не интересовало происхождение товара или прошлое его владельца. Прилавки магазинов ломились от драгоценностей, бархата, шелка, парчи и других товаров, вся торговля в городе преследовала только одну цель – облегчить карманы жаждавших развлечений пиратов.

Хотя город был построен на песке, в нем насчитывалось около 2000 каменных, кирпичных и деревянных зданий, причем некоторые из них имели по четыре этажа. В Порт-Ройале находились четыре рынка, церкви, синагога, католическая часовня, молитвенный дом квакеров, обширные складские помещения, военные плацы, и, конечно же, город был хорошо укреплен.

Ямайка занимала еще более выгодное, чем Тортуга, стратегическое положение: Санто-Доминго и Куба, Флорида и Мексика – все было рядом. Остров лежал в 180 морских лье от Панамы, куда свозились сокровища Золотых флотов. В условиях конкуренции с Испанией английское правительство сознательно поддерживало своих «джентльменов удачи», главными целями которых как раз и были испанские корабли. Большая часть пиратских богатств оседала в сундуках городских торговцев, таких же алчных, как и сами флибустьеры. Их сейфы и склады были переполнены самыми разнообразными товарами: золотыми и серебряными слитками, ювелирными изделиями с драгоценными камнями, парчовыми и шелковыми тканями. И даже иконами! Все это богатство дожидалось отправки в Англию или на континент…

Темперамент пиратов, которых становилось все больше и больше, определял и образ жизни Порт-Ройала. Слава о распутном городе разнеслась по всему свету, и недаром его называли «пиратским Вавилоном». Его жители славились как «самые неверующие и развращенные люди», обычным явлением в пиратском городе были оргии, насилия и убийства. Вдоль улиц тянулись многочисленные кабачки, таверны и притоны, в которых наперебой предлагали хмельной ром, обильную пищу и женщин всех цветов и оттенков кожи. Злачных мест, где бурно процветали азартные игры, было намного больше, чем на Тортуге. Их просторные залы вмещали сколько угодно народу, и потому никому не приходилось прокладывать путь к столу кулаками или дожидаться на улице, пока освободится место.

Зенита своей славы Порт-Ройал достиг при Генри Моргане – «величайшем негодяе эпохи негодяев», вошедшем в историю как самый яркий предводитель пиратов своего времени. Когда на Ямайку прибыл 30летний Генри Морган, губернатором острова был Т. Модифор, получивший из Лондона приказ прекратить бесчинства флибустьеров. Но все прекрасно понимали, что этот документ нельзя воспринимать как руководство к действию.

Хотя флибустьеры Карибского моря и раньше разоряли испанские колонии, но Генри Морган первым понял, что захват больших населенных пунктов, пусть даже и хорошо защищенных, сулит гораздо большую выгоду, чем морские рейды. Он был убежден, что «там, где испанцы, защищаются, есть чем поживиться». В 1667 году Г. Морган решил захватить Панаму – город, который заложил губернатор Педро Ариас Давила, прозванный Жестоким. В 1519 году он облюбовал это место на Тихоокеанском побережье, так как оно было более сухим, чем берег Дарьена. Проводники-индейцы одобрили его выбор и, обведя бухту рукой, сказали: «Панама», что означало «рыбное место»[53].

По красоте и богатству с Панамой не мог сравниться никакой другой город в Новом Свете, не зря его называли «Чашей золота». Городские склады были доверху набиты слитками золота и серебра; порой на них не хватало места, и драгоценный металл лежал прямо на улицах. Никто даже не пытался стащить эту непомерную тяжесть!

Вслед за конкистадорами в Панаму потянулись и купцы, которые сначала трусливо сжимались от любого звона стали. Но вскоре именно они стали истинными хозяевами Панамского перешейка: торговцы поднимали цены на продовольствие, прибирали к своим рукам драгоценности и получали прибыли, которые даже подсчитать было трудно. Обосновавшиеся в Панаме генуэзские работорговцы выстроили для своего «товара» огромные помещения, где в бесчисленных клетушках сидели черные рабы, которых продавали тому, кто больше заплатит. На складах, принадлежащих королю, хранилась десятая часть всего, что производили эти щедрые земли. Раз в год приходили караваны судов, сокровища переправляли через Панамский перешеек на мулах, грузили на корабли и отправляли в Испанию. Поистине «чашей золота» была Панама!

Полстолетия испанцы утолщали стены Старой Панамы. Казна истратила на это столько денег, что королевский двор в Мадриде вопрошал, уж не из золота ли складывали их строители. Кроме того, после нападения на город в конце XVI века английских пиратов под командованием Ф. Дрейка, этот порт был еще сильнее укреплен и стал тщательно охраняться. Самые отборные войска караулили королевские кладовые, казармы с рабами и конюшни с тысячами мулов. Когда до Панамы дошли слухи, что на них идет ужасный Генри Морган, все восприняли это как забавную выдумку. Однако недобрые вести ползли со всех сторон, и вскоре горожане уже обезумели от страха. Они стали вспоминать о жестоких

расправах, которые творили пираты в захваченных городах, и многие бледнели от этих рассказов.

Для задуманной экспедиции Г. Моргану нужно было столько людей, сколько никогда еще до этого не собиралось. «Каждый разбогатеет, если мы добьемся успеха», – гласило его послание, и клич этот был услышан. Вскоре корабли и люди начали собираться в условленном месте: прибыло буйное братство с Тортуги, видавшие виды пираты из Гоава и бесстрашные авантюристы со всего света.

Генри Моргана нисколько не смущало, что за год до намечаемой им экспедиции английский и испанский короли заключили договор, по которому англичане обязывались не разорять испанские владения. Он решил напасть на Панаму с суши, со стороны Атлантического океана, пройдя через болота и тропические леса. Первая стычка произошла у форта Сан-Лоренцо, располагавшегося в устье реки Чагрес. Генри Морган легко овладел крепостью, которую защищал гарнизон в 200 человек, и оставил в ней собственный отряд, чтобы обезопасить свой тыл. Он знал, что река Чагрес судоходна для больших судов только на отрезке в 40 миль, и потому взял с собой несколько каноэ, на которых решил потом идти дальше вверх.

В конце пути отряду Генри Моргана приходилось продираться через тропические джунгли. Не привыкшие к подобным переходам пираты терпели суровые и жестокие лишения; на пути их попадались аллигаторы, ядовитые змеи, ягуары и пумы. Но и это еще было не самым большим злом, «джентльмены удачи» мучительно страдали от укусов москитов, пауков и ядовитых муравьев, которыми кишели джунгли Центральной Америки.

Вскоре войско Г. Моргана достигло места сужения реки. Собрать и рассадить на пироги, баркасы и шлюпки 1400 человек было делом непростым, но вот наконец флибустьеры двинулись в путь. Жорж Блон в упоминавшейся уже книге пишет, что в местечке Хуан-Кальего, где стоял слабый испанский гарнизон, Генри Морган хотел перебить его и захватить провизию. Но расчет этот не оправдался, так как домишки и жалкие хижины оказались пусты, и в них не было ни кукурузы, ни одного поросенка, даже собаки не бегали по улицам. Пришлось и дальше двигаться на голодный желудок.

Испанцы опустошили всю местность на пути следования флибустьеров, и люди оказались более голодными, чем даже в пустыне. Как-то пираты обнаружили несколько

канастр (сшитых из шкур ларей), которые были, конечно же, пустыми, но люди уже настолько оголодали, что начали есть эти шкуры. А в районе поста Крус произошла совсем странная вещь. Люди, шедшие во главе колонны, вдруг стали падать замертво, хотя кругом стояла полная тишина и врага не было видно. Раненые пытались вытащить из своих тел индейские стрелы, колонна смешалась, многие бросились назад… А потом селение Крус заполыхало, и вскоре огонь не оставил ничего. Не успели сгореть только склады с каменными стенами, в которых пираты нашли несколько ящиков прошлогодних сухарей. Этими зачерствевшими сухарями они заедали кошек и собак, которых удалось выловить и зажарить. В погребах обнаружили бочки с вином, но Генри Морган предупредил, что оно может быть отравлено…

После тяжелейшего перехода отряд пиратов увидел наконец изумрудные воды Панамского залива и красивый город на его побережье. Защитники Панамы придумали, казалось бы, хитрую уловку: они погнали на нападающих несколько сот голов дикого скота, однако план этот обернулся против них самих. Обезумев от выстрелов, животные кинулись вспять и смяли следовавшую за ними испанскую кавалерию. Генри Морган взял город приступом, разграбил его и сжег. Добыча была так велика, что пираты неделю грузили ее на мулов. Но Панама продолжала обороняться даже и в то время, когда церковное золото, серебро и другие драгоценности уже грузились на пиратские корабли.

На Ямайке их ждал триумф, однако Порт-Ройалу суждена была не слишком долгая жизнь. В июне 1692 года, около полудня, мощные подземные толчки разрушили знаменитую столицу пиратов и работорговцев. И многие восприняли эту катастрофу как ниспосланную городу Божью кару.

Небо в тот день было безоблачным, Карибское море – спокойным, солнце уже клонилось к зениту, и Порт-Ройал дремал в потоках дурманящего зноя. Около 20 кораблей со спущенными парусами лениво покачивались на гладкой поверхности гавани. Приближался час обеда, и в медных котлах многих таверн уже закипала вкусная похлебка из говядины и черепашьего мяса. Однако эта духота все-таки тревожила горожан, ведь почти каждый год именно в такую жаркую и безветренную погоду отмечались подземные толчки. Впрочем, к ним жители тоже привыкли, поэтому казалось, ничто не может нарушить привычного течения жизни.

И вдруг задрожала земля. С гор донесся глухой грохот, напоминавший отдаленные раскаты грома, а потом землю потряс новый мощный удар, за ним еще один, и еще… Массивные стены форта Джонс и форта Карлейль развалились в мгновение ока. Глубокие трещины, расколовшие землю, жадно поглощали здания и охваченных паникой людей. С грохотом упала колокольня церкви Святого Павла, стоявшая неподалеку от берега; колокол отчаянно зазвенел и стих только тогда, когда над развалинами церкви сомкнулись волны. А в море уже рождалась новая огромная волна, она поднималась все выше и выше и, докатившись до города, затопила уцелевшую его часть. Через несколько минут все было кончено. Катастрофа унесла жизни 2000 человек, а сам Порт-Ройал исчез под морской гладью…

Петропавловская крепость

Возникновению многих городов сопутствовали красивые и причудливые легенды: молоком мифологической волчицы вскормлены основатели Рима, Киев ведет свое начало от славянина Кия, в землю Карфагена лег пепел царицы Элиссы… Но нет ничего деловитей, чем рождение Санкт-Петербурга, потому что невская столица «стала есть» от чертежа и от строгого расчета, которые в 1703 году легли на зыбкую болотистую почву.

Для России тот год был знаменательным. Тогда русские войска вернули государству невские берега, отторгнутые Швецией по Столбовскому договору, и открыли выход к Балтийскому морю. Еще во время подготовки к осаде и штурму Ниеншанца Петр I с рабочими и солдатами Семеновского и Преображенского полков на 60 лодках спустился вниз по Неве для обследования ее фарватера и берегов. Уже тогда русский царь оценил расположение небольшого островка Эни-саари (Заячий остров) длиной 600 и шириной 400 метров, расположенного в самом широком месте Невы – у разветвления ее на рукава. И он распорядился именно здесь начать возведение крепости, которая бы обезопасила невские берега и закрепила их за Россией навечно.

Проект новой крепости был составлен самим Петром I, еще в юности изучавшим фортификационное дело. Контуры крепости определялись по естественному очертанию берегов… В одном из старых описаний Петропавловского собора сохранился следующий рассказ об основании крепости:

Осматривая остров Енисари, Петр I взял у солдата башнет, вырезал два дерна и, положив их крестообразно, сказал: «Здесь быть городу». Затем взял заступ и первый начал копать ров; в это время в воздухе появился орел и стал парить над царем. Когда ров был выкопан около двух аршин, в него 16 мая 1703 года – в день Святой Троицы – поставили ящик, высеченный из камня. Духовенство окропило этот ящик святою водою, государь поставил в него золотой ковчег с частью мощей Святого апостола Андрея Первозванного, после того царь прикрыл ящик каменною доскою, на которой была вырезана следующая надпись: «От воплощения Иисуса Христа 1703 года мая 16, основан царственный град Санкт-Петербург государем царем и великим князем Петром Алексеевичем, самодержцем всероссийским».

Однако архивные данные говорят, что в день основания Петра Великого не было на Заячьем острове, и будущая Петропавловская крепость была заложена А.Д. Меншиковым. А Петр I был в тот день в Лодейном Поле, где осматривал строящиеся корабли. И закладывалась тогда крепость, призванная защищать вход в Неву, а вовсе не будущая столица Российской империи.

Строительство велось быстро, почти 40 городов выделяли ежегодно 40 000 работных людей. Здесь, на финском болоте, они выкорчевывали лес, покрывавший остров и берега Невы, и осушали болота; если не хватало шанцевых инструментов, землю подносили в мешках, рогожах и даже в полах одежды. Почти все лето 1703 года было холодным и ветреным, и оттого заболоченные невские берега казались еще более сырыми, чем обычно. Шведская эскадра постоянно держала невское устье под прицелом своих орудий, так как Карл XII ожесточенно и настойчиво пытался вернуть невские берега себе. Однако возведение крепости не прекращалось ни на один день: за ходом строительства сам Петр I осуществлял неустанный надзор, чуть ли не ежедневно появлялся на стройке. Порой, чтобы поддержать дух рабочих, он сам принимался за работу и «возил землю к крепостному строению в тележке, собственными же его руками сделанной».

Для лучшей организации и ускорения работ строящаяся крепость была разбита на шесть участков – по числу возводимых бастионов. Три бастиона встали на южном берегу, омываемом Невой, и три – на северном, который омывался небольшим невским протоком. Петр I лично наблюдал за возведением одного из южных бастионов, который и получил название Государева. За возведением остальных пяти бастионов наблюдали его приближенные, и потому бастионы назвали их именами: А.Д. Меншикова, К.А. Нарышкина, Ю.Ю. Трубецкого, Г.И. Головкина и Н.М. Зотова.

Вдоль всего острова прорыли узкий канал, чтобы в случае осады он мог снабжать гарнизон крепости водой. В куртине, соединявшей Государев бастион с бастионом Меншикова, были устроены главные крепостные ворота, подходы к которым прикрывали Равелин и поперечный ров. От этих ворот на большой соседний остров навели через невский проток наплавной мост, который назывался Красным, а в самом протоке устроили главную стоянку военных кораблей, и она находилась здесь более 10 лет.

Небольшие размеры Заячьего острова позволили быстро возвести укрепления на всей его территории, свободной оставалась лишь узкая полоска прибрежной суши. Уже через полтора месяца земляная крепость Санкт-Петербург была закончена и подготовлена для вооружения. 29 июля 1703 года Петр I и все строители торжественно праздновали окончание работ и закладку деревянного собора во имя Петра и Павла, а саму крепость назвали на голландский манер – Санкт-Питербурхом. Уже в сентябре 1703 года ставку русского главнокомандующего и главный русский военный лагерь перевели из Шлотбурга под защиту новой крепости на расположенный рядом большой остров. Поздней осенью в крепости установили 300 орудий из числа трофейных шведских и снятых с упраздненной Новгородской крепости. Внутри крепостных валов предполагалось разместить гарнизон коменданта крепости, гауптвахту, цейхгаузы, провиантские магазины, арсенал и пороховые склады. Для этого по обе стороны канала возвели четыре ряда деревянных домиков, крытых черепицей или просто дерном на бересте.

Благодаря тому, что Заячий остров находится у разветвления Невы на два рукава, крепостные орудия могли держать под прицелом вражеские корабли, если бы те попытались пройти вверх по течению Невы или Большой Невки. Но земляная крепость была несовершенна и не являлась постоянным и надежным фортификационным сооружением. К 1706 году на Балтике был уже русский флот, выстроенный на Адмиралтейской верфи;

граница на западе отодвинулась за Нарву, взятую в 1704 году, и можно уже было, не опасаясь неожиданных нападений со стороны шведов, приняться за сооружение долговременных укреплений.

Петр I повелел перестроить крепость в камне, которую и заложили 30 мая 1706 года – в день его рождения. В торжественной обстановке царь заложил в фундамент мраморный куб с высеченным на нем своим именем и датой закладки. В память этого события была выбита медаль, а в «Журнале Петра Великого» записали: «Заложили в Петербурхе болварк князя Александра Меншикова камнем, и был того дня банкет в доме Его Величества».

Строительство и на этот раз было развернуто широкое. Камень, кирпич и глину подвозили из окрестных мест на специальных судах; по-прежнему здесь работало много солдат и рабочих, пригнали даже каторжников. Они разравнивали земляные валы, копали котлованы, забивали сваи, выкладывали крепостные стены уже из камня и кирпича. Петр I и на этот раз внимательно следил за ходом строительства, вникая во все детали. Уезжая 10 декабря в Нарву, он оставил подробную записку с распоряжениями, что делать в его отсутствие. В частности, в ней указывалось: «по сошествии льда тотчас кронверк делать с прилежным поспешанием, чтоб к будущему лету… совсем отделать. Сей кронверк надлежит делать простыми фланками и орлионами и прочим по образцу укрепить».

Руководил возведением каменной Петропавловской крепости итальянский архитектор Д. Трезини, который еще с 1703 года работал в Санкт-Петербурге. В 1708 году началось возведение каменного бастиона Трубецкого, но в конце августа все строительные работы в крепости пришлось прекратить, так как на Санкт-Петербург двинулся шведский кавалерийский корпус, которым командовал генерал-майор Г. Либекер. Шведам удалось переправиться через Неву приблизительно в 20 милях выше ее дельты, и они собирались атаковать город с юга. Несколько недель крепость находилась в состоянии полной боевой готовности. Сюда были свезены почти все наличные в округе запасы хлеба, к югу от Невы спешно строились дополнительные укрепления, но и на этот раз даже приблизиться к крепости шведам не дали.

Задерживалась и постройка бастиона Меншикова, так как в июле 1706 года в крепости случился большой пожар. Огонь не успел добраться до основных пороховых запасов, которые хранились в деревянных казематах, устроенных внутри земляных стен, иначе бы вся крепость взлетела на воздух.

После смерти Петра I строительство в крепости не останавливалось, и уже в июне 1725 года был заложен в камне бастион Нарышкина, который впоследствии назвали Екатерининским. Петр II тоже стремился закончить каменную крепость как можно быстрее, поэтому в середине июня 1728 года он издал указ об окончательной отделке Санкт-Петербургской крепости. Обер-директором над фортификацией был назначен военный инженер Б.Х. Миних, под руководством которого и достроили каменный бастион Зотова, заложенный еще в 1707 году. В мае 1729 года на Меншиковском бастионе повторно произошла церемония закладки, впоследствии этот бастион переименовали в Петровский – в честь Петра II.

В 1733 году под руководством Б.-Х. Миниха началось с западной стороны крепости сооружение каменного, с воротами в обоих фасах, Алексеевского равелина, который прикрывал Васильевскую куртину. С востока был возведен Иоанновский равелин: оба они отделялись от самой крепости рвами с водой, через которые были переброшены подъемные мосты, подводившие к крепостным воротам.

На протяжении всей своей дореволюционной истории Петропавловская крепость никогда не являлась лишь чисто военным объектом. Очень рано она стала одним из центров торжеств, где праздновались военные победы русских. Первый победный салют раздался с ее стен 14 мая 1704 года в честь Нарвской победы; потом в 1710 году – по случаю взятия Выборга – в деревянный Петропавловский собор внесли трофейные шведские знамена, и эта церемония положила начало собиранию в соборе памятников русской военной славы.

Долгое время в крепости находился небольшой бот, изготовленный в XVII веке в Англии и подаренный отцу Петра I – царю Алексею Михайловичу. В 1688 году, в амбарах своего деда в одном из подмосковных поместий, юный Петр отыскал эту незнакомую для него лодку, которая могла ходить под парусами по ветру и против ветра. Иноземная диковинка заинтересовала царевича, а в Немецкой слободе отыскался мастер, который починил ботик, спустил его на воду и научил Петра управлять им. Этот ботик и стал первым судном, на котором царевич Петр плавал по Яузе и Переяславскому озеру в окрестностях Москвы. Весной 1723 года бот перевезли в Санкт-Петербург, где его торжественно встретили «при звуках музыки, кимвалов, труб и всякого сорта других инструментов и при пушечной пальбе» и установили на пьедестал. Одна из надписей на нем гласила: «Детская утеха принесла мужеский триумф».

Однако крепость порой использовалась для совершенно неподходящих целей. Так как земляные валы возвышались довольно высоко, этим решил воспользоваться комендант крепости Бахметов. Адмиралтейская коллегия по его требованию постановила: «К строению в Санкт-Петербургской крепости на больварках ветряных мельниц на валах дубовый лес отпустить из того, который собран на Ладожском озере». Таким образом, на земляных валах Петропавловской крепости стали строить ветряные мельницы, крылья которых были более доступны ветрам. Но необычное зрелище крепостных стен с махающими крыльями ветряных

мельниц вызывало всеобщие насмешки, и поэтому довольно скоро они исчезли. Однако чуть ли не одновременно с мельницами в крепости стали устраиваться и другие хозяйственные учреждения, например, построили земляные амбары, из которых соль развозили по другим районам города (они существовали вплоть до 1782 года).

Были в Петропавловской крепости и винные магазины, так как вино сначала привозилось в крепость, а уж оттуда развозилось по кабакам. Однако хранение вина было признано местом не вполне подходящим для крепости, и для него был устроен специальный винный городок на Васильевском острове.

Когда для усиления Петропавловской крепости начали возводить кронверк, его сначала сооружали в виде неправильного многоугольника с довольно широкими рвами. Но если крепость довольно скоро потеряла свое стратегическое значение, то кронверк его никогда и не имел. А так как он не отличался и декоративностью, то на него долгое время вообще не обращали внимания. В 1757 году был утвержден проект графа П.И. Шувалова о построении кронверка в виде контргардного укрепления, но за неимением средств работы так и не начались. В 1805 году кронверк уступили министерству финансов, которое через три года завело в нем училище торгового мореплавания. Очень оригинально министерство стало использовать валы и рвы кронверка: каждое лето они обрастали травой, которую сдавали для сенокосов. В дальнейшем с кронверком происходили и другие метаморфозы.

Петропавловская крепость из временной земляной постепенно перестраивалась в каменную. К 1740 году она была прекрасно укреплена в соответствии с передовой для того времени системой крепостного строительства. Через 30 с лишним лет здесь снова развернулись строительные работы: в 1779 году был издан указ облицевать крепостные стены, обращенные к Неве, камнем. Но со временем стены, открытые на Неву, стали быстро выветриваться и разрушаться, поэтому нужно было остановить этот процесс.

Работы по облицовке крепостных стен гранитом и плитным камнем осуществлял военный инженер И.А. Ганнибал – прадед А.С. Пушкина по матери. Он вел работы в отдельных частях крепости без изменения ее общего плана. Исследователи предполагают, что в создании нового облика Петропавловской крепости со стороны Невы, возможно, принимал участие и Ю.М. Фельтен. В 1779 году на среднем бастионе, обращенном на Неву, начались грандиозные работы, которые продолжались почти 10 лет. Со стороны Невы крепость приобрела законченный вид, и Екатерининская куртина украсилась в эти годы гранитной пристанью перед Невскими воротами.

В дальнейшем работы в крепости велись постоянно, но они сводились в основном к ремонтам и застройке ее внутренней территории разными зданиями. К началу XIX века военное значение Петропавловской крепости резко упало, так как Финляндия в 1808 году была объявлена русской провинцией, и российская граница передвинулась далеко на запад и северо-запад.

К этому времени в Петропавловскую крепость все чаще стали заточать политических преступников, и возникла мысль о превращении ее в постоянную тюрьму для крамольников и вольнодумцев. А одним из первых, особо важных узников Петропавловской крепости был царевич Алексей, арестованный в марте 1718 года и заключенный в каземат Трубецкого бастиона. В июне того же года ему был вынесен смертный приговор, но до приведения его в исполнение царевич не дожил. Было объявлено, что царевич скончался, однако существует предположение, что его задушили, причем сделал это будто бы сам Петр I подушкой. Проверить это старинное предание сейчас уже трудно, и наиболее правдоподобной считается версия, что царевич не выдержал допросов и пыток и скоропостижно скончался.

Сначала считалось, что царевич был заключен в Алексеевский равелин, который будто бы и назвали его именем. Но этого быть не могло, так как равелин начали строить только в 1733 году.

Петропавловская крепость погребла в своих мрачных казематах не одного царственного узника. Если с венценосными заключенными обходились так жестоко, то простым смертным приходилось еще хуже. В Петропавловской крепости сидел И. Посошков – один из выдающихся русских умов первой четверти XVIII века. Он был заключен сюда за свое сочинение «О скудости и богатстве», которое явилось целой программой переустройства русского общества. Но ведь «реформы исходят от трона», а подданные не смеют заниматься измышлением реформ, пусть бы они даже и были благожелательны для трона, как это было в случае с И. Посошковым – защитником абсолютной монархии.

А однажды чуть ли не через весь Петербург к Петропавловской крепости проследовала странная процессия, окруженная воинским караулом. Впереди тащилась деревенская кляча,

запряженная в крестьянские сани, в которые была накидана солома. На ней полулежал в красной шубе на лисьем меху и в дорожной шапке поверх парика Остерман – бывший канцлер и сподвижник Петра I. За санями один за другим шли граф Головкин, барон Менгден, обер-гофмаршал Левенвольд и действительный статский советник Тимирязев. Перед Сенатом был устроен высокий эшафот, окруженный рядами войск, между которыми толпился народ. Так новая царица Елизавета Петровна сводила счеты с теми, кто окружал и защищал свергнутую ею правительницу Анну Леопольдовну и ее малолетнего сына – российского императора Иоанна Антоновича. Среди опальных был и фельдмаршал Б.-Х. Миних, который в свое время укреплял Петропавловскую крепость и возводил равелины.

Главнейшей государственной тюрьмой царской России долгое время был Алексеевский равелин, о жизни в котором не ведали даже те, кто служил в Петропавловской крепости. П.Е. Щеголев в своей книге «Алексеевский равелин» писал:

> Кто сидел там, этого не дано было знать не только чинам комендантского управления, но и тем, кто служил в этой самой тюрьме. Для заключения в эту наисекретнейшую тюрьму и для освобождения отсюда нужно было повеление царя. Вход сюда дозволялся коменданту крепости, шефу жандармов и управляющему III отделением. В камеру заключенных мог входить только смотритель и только со смотрителем кто-либо другой. Попадая в эту тюрьму, заключенные теряли свои фамилии и могли быть называемы только номером.
>
> Когда заключенный умирал, то тело его ночью тайно переносили из тюрьмы в другие помещения крепости, чтобы не подумали, будто в этой тюрьме есть заключенные. Утром являлась полиция и забирала тело, а фамилию и имя умершему давали по наитию, какие придутся.

В одном из казематов Петропавловской крепости от злейшей чахотки умерла княжна Тараканова, которая даже перед кончиной, на исповеди, не открыла тайны своего происхождения[54]. В начале сентября 1790 года один из казематов Петропавловской крепости открылся для А. Радищева, преступление которого состояло в издании «Путешествия из Петербурга в Москву». Эта книга была наполнена

> самыми вредными умствованиями, разрушающими покой общественный; умаляющими должное ко власти уважение, стремящимися к тому, чтобы произвести в народе негодование противу начальства и начальников, и, наконец, оскорбительными и неистовыми изражениями противу сана и власти царской.

За столь преступное сочинение суд приговорил А.Н. Радищева к смертной казни, но Екатерина II смягчила приговор, и писатель был сослан в далекую Сибирь.

В октябре 1820 года в Петропавловскую крепость доставили роту Семеновского полка – 167 человек, а на следующий день туда были препровождены и остальные семеновцы, возмутившиеся против полкового командира Шварца. Это было первое массовое заключение, предшествовавшее заключению в крепость декабристов.

Для наиболее «злонамеренных декабристов» Алексеевский равелин открыл свои казематы в 1825 году. Гуляя по садику, они видели небольшую могилку, в которой по преданию и была похоронена таинственная княжна Тараканова. Со времен декабристов Алексеевский равелин и приобрел свою мрачную и страшную славу. Врач Петропавловской крепости Вильямс как-то сказал одному из заключенных: «Я старик и голова моя поседела тут на службе, а не помню, чтобы отсюда куда-нибудь увозили иначе, как на кладбище или в сумасшедший дом».

Каменная тюрьма в Алексеевском равелине была возведена в 1797 году на месте старой деревянной пристройки. Декабрист Д.И. Завалишин так описывал ее:

> Небольшой мостик соединял равелин с крепостью: со стороны равелина на нем дежурили два инвалида, а со стороны крепости – два гвардейских часовых из сменявшегося ежедневно гвардейского караула. Заключенные в равелине были известны уже не под своим именем, а под номером комнаты, в которой содержались. Когда требовали кого-нибудь в Следственный комитет, то посылался плацадъютант крепости с бумагой о присылке номера такого-то. Посланный останавливался на мостике, передавал бумагу начальнику инвалидной команды, выходившему всегда

навстречу. Это бывало всегда поздним вечером или ночью. Арестанту надевали на голову черный мешок и так вели в Следственный комитет.

В 1849 году в Алексеевском равелине сидели 13 петрашевцев; арестованный 7 июля 1862 года Н.Г. Чернышевский пробыл здесь 678 дней. В это время режим содержания заключенных был сравнительно мягким: они могли получать книги, писать и даже печататься. Но «мягкость» эта была относительной: двери всех камер выходили во внутренний коридор, а в каждой двери находилось небольшое окошечко, прикрытое со стороны коридора зеленой шерстяной занавеской. По коридору ходили два часовых с обнаженными саблями.

После упразднения Алексеевского равелина местом заключения политических становится Трубецкой бастион, внутри которого в 1870–1871 годы возвели новое здание тюрьмы. Это была так называемая «секретная тюрьма», в которую через год заточили многих народников.

Следует помнить, что политические узники, месяцы и годы томившиеся в казематах Трубецкого бастиона, не были судимы. Они не принадлежали к приговоренным преступникам, которые несли наказание за свои проступки по закону. Политические на неопределенно долгое время лишались защиты и самозащиты, но подвергались наказанию, будто вина их уже была доказана. Если даже политический преступник и признавался судом виновным и приговаривался к каторге, то его не отсылали в Сибирь, как это делали с уголовниками. Его заключали в непроницаемый каземат, в так называемое «каторжное отделение Петропавловской крепости» или в одну из маленьких клетушек «Центральной тюрьмы», и держали там два-три и даже пять лет.

Сырость в казематах Петропавловской крепости доходила до того, что, как писал народоволец М. Фроленко, «весь пол к утру оказывался покрытым будто каким-то серебряным налетом. За ночь грибки успевали вырастать настолько, что получалась сплошная беловатая корка». К этой ужасающей сырости прибавлялся еще и холод, так как заключенным не давали теплой одежды, а заставляли ходить в особом шутовском костюме. Он состоял из серых штанов с вырезами для продевания кандалов (в эти вырезы всегда проникал холодный воздух) и короткой серой куртки с черными рукавами и тузом на спине.

К XX веку Трубецкой бастион из тюрьмы для отбывания наказания превратился в место предварительного заключения, поэтому длительные сроки заточения в него стали редким исключением. Однако и при сравнительно небольших сроках (не более полугода) заключенные претерпевали много физических и нравственных страданий. Безвестные колодники и родовитые дворяне, ниспровергатели существовавшего строя и их гонители… Кто только не становился за два века узником Петропавловской крепости! Посетивший в XIX веке Петербург французский писатель А. Дюма-отец писал:

> История Петропавловской крепости, если бы ее удалось написать, была бы ужасна. Эта крепость все видела и все слышала, но до сих пор она держит все в тайне. Однако настанет день, когда распахнутся ее ворота. Тогда люди придут в ужас перед кромешным мраком ее сырых казематов. Настанет время, и крепость заговорит, подобно замку Иф.

Первая крепость русского флота

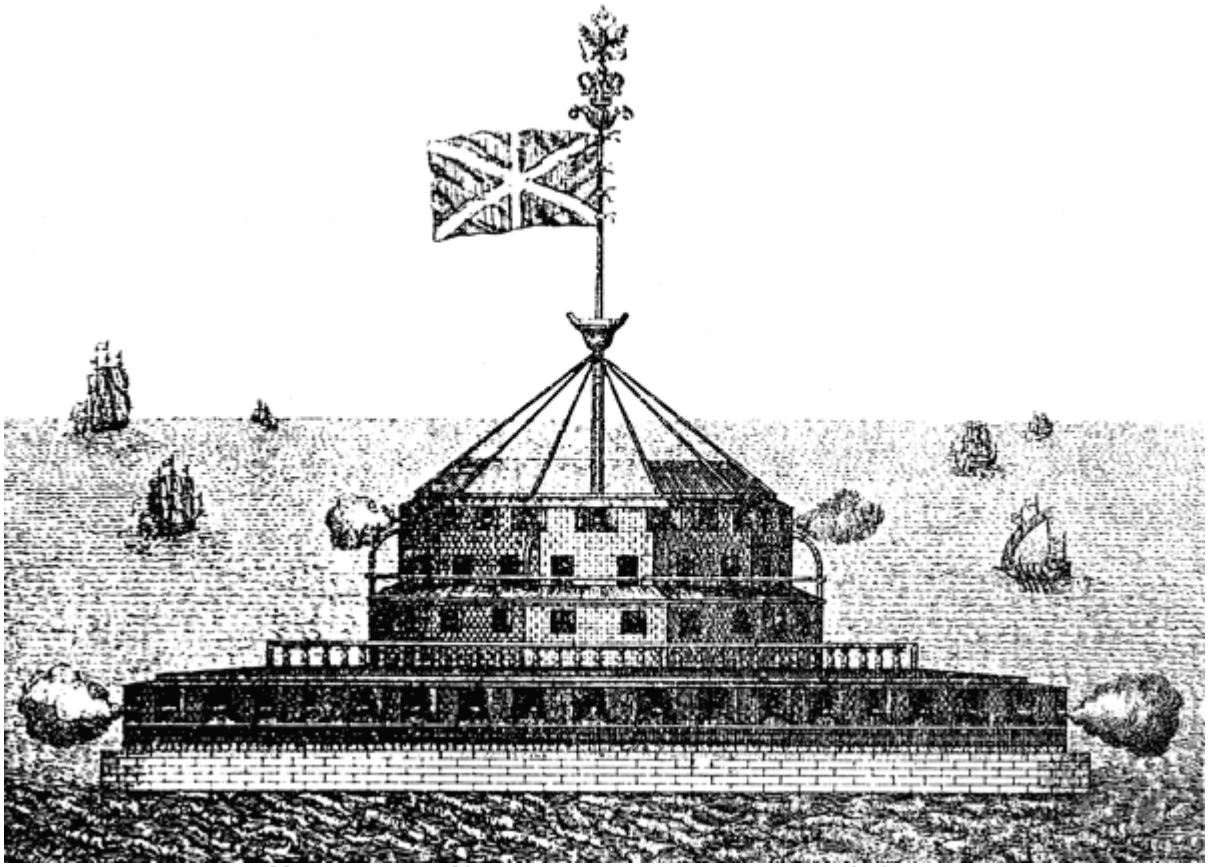
Слава города не зависит от его размеров. На нашей планете есть такие маленькие города, которые отмечены не на всех географических картах, но названия их известны всему миру. Таков и Кронштадт, выросший на клочке суши в восточной части Финского залива.

Недостаточная для прохода больших кораблей глубина воды в устье Невы побудила Петра I еще до заложения Санкт-Петербурга искать место, где бы можно было возвести военную и купеческую гавань. Борьба за устье Невы и за Прибалтику потребовала от русского народа огромных усилий и жертв, затяжной и кровопролитной оказалась и война со Швецией. Поэтому, когда уже начал строиться Санкт-Петербург, во что бы то ни стало нужно было найти подходящее место для постройки крепости, которая бы защищала город от набегов вражеского флота.

В 1703 году таким местом был выбран остров Котлин, стратегическое значение которого Петр I оценил сразу же. Расположенный на расстоянии 16 миль к западу от Санкт-Петербурга, Котлин словно самой природой был предназначен к тому, чтобы на нем расположился русский форпост на Балтийском море. Сделав промер между островом и мелью, лежащей к югу от него, русский царь решил возвести на ней крепость. Возложив строительство на А.Д. Меншикова, Петр I уехал в Воронеж, откуда прислал модель деревянной 3-ярусной башни с земляными насыпями, по которой она и сооружалась.

Деревянную оборонительную постройку в 1704 году начали возводить солдаты, руководимые А.Д. Меншиковым. Несмотря на зимнее время и связанные с этим трудности, форт создавался с «великой поспешностью» и в великой тайне от шведов, поэтому точная дата его закладки неизвестна. Строительство велось быстро, и к весне постройка была закончена. Основанием башни служили рубленные из круглых бревен ящики-ряжи, загруженные булыжным камнем и затопленные на глубину мели – 3,35 метра. Это был старинный прием устройства подводных оснований, использовавшийся на Руси повсеместно при возведении мостов, плотин и мельниц. Верх ряжей заканчивался помостом, расположенным на 1,37 метра ниже воды; на помост поставили сплошные срубы до отметки 1,37 метра выше воды, а потом здесь установили сплошной бревенчатый накат-мост, который в плане имел вид 10гранника. На мосту возвели трехъярусную мазанковую башню в деревянном каркасе, тоже 10гранную. Стены башни были выполнены из деревянного каркаса, заполненного глиной, смешанной с песком и измельченной соломой: толщина их достигала полутора метров. Башня завершалась шатровой крышей, увенчанной фонариком со смотровой площадкой. Выше фонарика возвышался флагшток для подъема государственного и сигнальных флагов. Общая высота башни от ординара воды до верха флагштока составляла 36,57 метра.

В мае 1704 года Петр I в сопровождении митрополита Новгородского и других особ отплыл из Санкт-Петербурга для освящения новой крепости, после чего началось трехдневное торжество. Потом уже из северной столицы последовал царский указ, чтоб «никто новопостроенную крепость каланчею или цитаделью не называл, а называли бы Кронштлот».



Укрепление Кронштлот, выстроенное в 1704 г.

Первым гарнизоном крепости стал полк Тимофея Трейдена, а сам он – первым комендантом форта. Ему в крепости была вручена инструкция по использованию артиллерии форта, ритуалу встречи судов и другим вопросам. Она наглядно отражала те задачи, которые форт должен был решать в начале XVIII века.

> Содержать сию ситадель с Божиею помощью, аще случится хотя до последнего человека и когда неприятель захочет пробиться мимо оной, тогда стрелять, когда подойдет ближе, и не спешить стрельбою, но так

стрелять, чтобы по выстрелении последней пушки первая… была готова и чтоб ядер даром не стрелять.

Сначала новый форт вооружили только четырнадцатью 6дюймовыми орудиями, но уже тогда вражеский флот не мог беспрепятственно подойти к Санкт-Петербургу и вынужден был вступать в бой за 25 верст от него. Современники и единомышленники Петра I прекрасно понимали значение первого русского форта на Балтике и называли его «чудом-делом». Вскоре коменданту Кронштлота пришлось применить инструкцию на практике. Уже 12 июня на горизонте показались паруса шведской эскадры – 1 линейный корабль, 5 фрегатов и 8 небольших судов. Не сумев прорваться к Санкт-Петербургу мимо Кронштлота, шведы попытались высадить на остров Котлин десант, но были отброшены. Затем они двое суток обстреливали крепость, но издали попасть в маленький форт им не удавалось, а подойти ближе они не решались из-за плотного огня русских.

После неудачи летнего нападения шведы предприняли зимний набег на Котлин. В конце января 1705 года 1000 шведов ночью перешли Финский залив, напали на остров, истребили его гарнизон, сожгли город, дворец и зимовавшие корабли. Так сказано об этом набеге в изложении одного шведского историка, но русские корабли не зимовали у Котлина до 1710 года, а город и дворец были построены еще позже. Однако шведы, видимо, все же побывали на острове, так как об этом есть намек в письмах Петра I, но их нападение уже не могло задержать дальнейшего развития крепости.

Было ясно, что неприятель не отступится, было ясно и то, что оборону Котлина и Кронштлота следовало усилить. Учитывая опыт боевых действий, вице-адмирал К.И. Крюйс (перешедший в русскую службу из Голландии) в своих донесениях и письмах Петру I постоянно указывал на необходимость усилить на острове артиллерию, построить укрепления, рассчитанные на размещение в крепости постоянного гарнизона в 1500 человек, и соорудить вблизи Кронштлота еще одну морскую крепость.

Шведский король Карл XII вначале не придавал значения приобретениям России: шведы имели тогда мощный флот, но по ряду причин не могли использовать его против нарождающегося русского флота. Шведский король был занят низвержением польского короля Августа, а кроме того, в 1704 году силы шведов отвлекала Лифляндия. Только взятие русскими войсками в 1704 году Нарвы и Дерпта заставило Швецию принять решительные меры против водворения России на Балтике, поэтому с весны 1705 года они начали усиленно готовиться к новому походу.

Карл XII поставил перед адмиралом Анкерштейном задачу во что бы то ни стало захватить Санкт-Петербург, сровнять его с землей, а Кронштлот разбомбить ядрами. Русский царь и командующий молодым Балтийским флотом вице-адмирал К.И. Крюйс понимали, что борьба с сильным и коварным противником предстоит упорная. 22 мая 1705 года русский флот, состоявший из восьми 24пушечных фрегатов, шести шняв, трех галер, двух брандеров и нескольких бригантин в первый раз вышел из Санкт-Петербурга и бросил якорь у Кронштлота. Первым распоряжением К.И. Крюйса, под начало которого поступила оборона Котлина, было устройство на южном берегу острова батареи, которая получила название Святого Иоанна. Это он поручил своему сыну Ивану, а полковнику Толбухину – возвести батарею на западной косе. Флот российский расположился севернее Кронштлота, в двух линиях, первую из которых составляли фрегаты. Проход между крепостью и берегом был заперт плавучими рогатками и подводными остриями.

Шведский флот в 22 парусах показался 4 июня: суда неприятеля подошли к самым рогаткам, но, не выдержав яростного обстрела со стороны русских, вернулись к остальной эскадре, стоявшей в безопасном месте. На следующий день шведы подошли к русскому флоту на пушечный выстрел и, бросив якорь, открыли по нему и по батареям огонь. Но русские солдаты укрылись в окопах и не несли урона. После длившейся три часа канонады защитники Котлина вдруг увидели, что шведы спускают шлюпки. Под прикрытием артиллерии и в облаках порохового дыма они решили высадиться на косе, но пушки Толбухинской батареи открыли такую яростную стрельбу, что атака шведов захлебнулась.

Озлобленные неудачей шведы и на другой день открыли яростный огонь, к тому же они имели превосходство не только в количестве орудий, но и в их калибре. У русских же крупных орудий тогда было мало, и шведские бомбардирные корабли, стоя в глубине своих боевых порядков, иногда заставляли русских поволноваться.

Когда наступало временное затишье, защитники Котлина укрепляли оборону острова. Из Санкт-Петербурга были получены большие пушки, мортиры и гаубицы, которые установили в тех местах, к которым примеривались шведы. Была поставлена вторая Толбухинская

батарея, которая могла вести огонь и по Южному, и по Северному фарватеру. И когда шведы возобновили активные действия, «им добрый ответ чинили».

Танец изгнания «злых духов»

Шведы простояли в виду Котлина до 21 июня, а потом ушли в Бьёркозунд, где получили 1500 человек подкрепления. В середине июля они вновь появились с решительным намерением овладеть островом. После 5часовой канонады, не причинившей защитникам Котлина почти никакого вреда, шведы начали подтягивать десант. Но их атака окончилась полной неудачей. Адмирал Анкерштейн с горечью и досадой наблюдал, как захлебываются и тонут его солдаты. Тех же, кому удалось выбраться на берег, встречал шквал ядер, картечи и пуль. Это была последняя угроза Котлину в Северной войне, и на печальном для себя опыте шведы убедились в неприступности русской крепости.

В заповедной Хиве

Три города Средней Азии привлекают особое внимание – Самарканд, Бухара и Хива. Хива возникла в X веке и сразу же стала быстро развиваться, так как располагалась на оживленных торговых путях. Но облик города, который известен нам сейчас, сложился только в XVII веке, когда Хива была столицей Хорезма.

Как и у многих других городов мира, у Хивы есть своя легенда.

> Как-то Сим, сын Ноя, кочуя со своим племенем по пустыне, остановился на ночлег в одном переходе от реки. Незадолго до рассвета приснилось ему великое множество огней, словно шло по барханам несметное войско, и каждый воин нес над головой пылающий факел. Проснувшись и поразмыслив над видением, Сим разбудил своих соплеменников и велел им насыпать из песка большой холм, придав ему очертания городища. А так как строители вскоре начали испытывать жажду, то рядом вырыли колодец, вода в котором оказалась на редкость вкусной. «Хей-вах! – восхищались люди. – Чудо, а не вода!».

Скорее всего именно с этого колодца и начиналась Хива, ведь в пустыне люди могут надежно и надолго обосноваться только там, где рядом есть источники воды. По одной версии от восклицания «Хей-вах», выражающего чувство восторга, и произошло название будущего города. Другие исследователи считают, что оно произошло от персидского слова «хаваи», что означает «пустой, тощий». А вот в рукописи «Сердце радостей» историк-летописец Х. Кошмухаммед в 1831 году писал, что «Хива есть имя мужчины».

Среди многочисленных городов оазиса Хорезм лишь Хива выдержала все невзгоды природы и истории. За свою многовековую историю город не раз переживал периоды подъема и упадка, часто становился жертвой иноземных захватчиков. Но Хива выдержала все испытания временем и сохранила шедевры своей древней архитектуры. Путешественник, прибывающий в этот старинный город, оказывается словно на ковре-самолете перенесенным в одну из сказок Шахерезады. На каждом шагу в Хиве можно увидеть резные деревянные двери, изумительный орнамент из майоликовых плиток, чеканные предметы из меди и другие предметы старины, которые были свидетелями минувших эпох.

Лучшие из памятников Хивы – монументальные архитектурные ансамбли, дворцы, медресе, мечети и минареты – сосредоточены главным образом внутри песчано-серой крепости Ичан-калы. Когда-то Хива, как и другие города Средней Азии, делилась на три

части: цитадель – крепость Куня-Арк, предместье Дишан-кала, а собственно городом была как раз **Ичан-кала**, которая соответствовала городской территории Хивы примерно до XVIII века.

Сейчас Ичан-кала серо-желтой громадой лежит в окружении садов и кварталов современной Хивы. Внутренняя крепость была ориентирована по сторонам света, правда, с некоторыми отклонениями по азимуту (примерно на 25°). Ичан-кала, площадь которой составляла 26 гектаров, была окружена крепостной стеной длиной около 2200 метров: толщина стен равнялась 7–8 метрам, а толщина их на внутреннем уровне земли – 5–6 метрам.

Крепостная стена с многочисленными мощными полукруглыми башнями и сплошной лентой стрельчатой галереи с бойницами и зубцами придавала Хиве вид неприступной твердыни. На осях Ичан-калы расположены архитектурно выделенные ворота, которые открывали въезд в город с четырех сторон света. На ночь все ворота крепости запирались, и вооруженная стража зорко следила за тем, чтобы никто посторонний не проник в шахристан из предместья.

Снаружи у крепостных стен находятся захоронения разного времени: из-за близости подземных вод жители Хивы издавна старались располагать их на возвышенных местах.

Справа от ворот Палван-дарваза, при выходе из Ичан-калы, до 1843 года размещался невольничий рынок, а в нишах ворот содержались в ожидании своей участи беглые или непокорные рабы. Позднее здесь и в нишах перед воротами расположились торговые и ремесленные ряды.

Колодец Хейвак располагался у северо-западной стены Ичан-калы. Если всмотреться в его прохладный полумрак, можно заметить, что в верхнем ярусе каменная кладка колодца восьмигранная, в среднем – четырехугольная, в нижнем – цилиндрическая.

В 1842 году после очередного набега на Хорасан 20 000 жителей южных районов были насильно переселены в Хорезм и его столицу – Хиву. В результате в том же году под руководством государственного министра Мухаммед Якубмехтора за 30 дней удалось соорудить вокруг города мощную стену длиной 6 километров и с десятью воротами. В черту города вошли и загородные дворцы Хана-Рафаник и Нуруллабай, и с тех пор большое кольцо Хивы известно под названием **Дишан-кала**. Здесь не увидишь, как в Ичан-кале, узких, тесно застроенных улочек, на которых почти нет ни одного зеленого кустика и не журчат арыки с прохладной водой. Просторная Дишан-кала с ее садами и хаузами была застроена редко…

У западной стены Дишан-калы находится **Куня-арк** – «крепость в крепости», цитадель хивинских ханов. Главный вход в крепость, сделанный в форме обычных монументальных ворот, находился примерно в центре восточной стены; за воротами южной стены располагались конюшня и хозяйственные дворы.

По мощности культурных наслоений ученые определили, что эта территория (площадью примерно в 1 гектар) заселена была издавна. Возможно, что именно здесь и была первоначальная застройка, положившая начало городу. По свидетельству Абулгази-хана, в 1590-х годах в Хиве цитадели не было. Известно также, что в XVII веке при Аранг-хане на этом месте построили курыниш-хану (зал приемов), который через 100 лет из-за ветхости снесли.

На ее месте возвели новый дворцовый комплекс, в который входили ханский дворец с диван-ханой (канцелярией) и курыниш-ханой, гарем, летняя и зимняя мечети, монетный двор, арсенал с пороховыми складами, мастерские, конюшни, караульные помещения… Но неумолимое время пощадило только некоторые из этих зданий.

Нынешняя курыниш-хана была возведена в начале XIX века при Элтузар-хане – родоначальнике кунградской династии правителей. Во всем облике курыниш-ханы – в тонко выполненных деревянных колоннах, в отделке потолков, орнаментальном плетении бело-голубой майолики, облицовке стен – нашли воплощение достижения хивинского зодчества первой половины XIX века.

Над всей крепостью с ее мощной стеной, полубашнями и зубцами «кунгра» возвышался замок. Сейчас от него остались только бастион, сложенный не из кирпича и камня, а из необожженной глины. Когда-то замок был известен под поэтическим названием «Ашик бобо» (Влюбленный старец), по другой версии – «Акшик бобо» (Белый шейх).

По описанию одной из посольских миссий, путь от ворот до курыниш-ханы проходил через три двора. В первом небольшом дворе, некогда примыкавшем к воротам, послы ожидали ханского приема; во втором – стояли семь орудий с лафетами, в третьем собирался ханский совет. И только после коридора открывался самый большой двор курыныш-ханы, где в центре круглой площадки была установлена юрта и подле нее восседал хан. Из этого зала

дверь в северо-западном углу (противоположном входу) вела через коридор в гарем и на холм Акшик-бобо, где размещались пороховой склад и дозорная служба.

Гарем занимал всю северную часть Куни-арка и был построен позже курыниш-ханы и летней мечети – уже в правление Мухаммед Рахим-хана II. В настоящее время гарем привлекает внимание посетителей только ханским айваном с башенками, выполненным из кирпича. Колонна его все еще сохраняет высокий стиль хивинской резьбы, но в отделке стен вместо богатой майоликовой облицовки – только отдельные вкрапления глазурованных зеленых кирпичиков и простейшая резьба по ганчу. Помещения самого гарема, где жили ханские наложницы и их прислуга, оформлены еще проще.

Путешествуя по замкам Маркиза де Сада

От многих замков и крепостей Прованса остались только развалины, но многие из них до сих пор хранят в своих замшелых камнях источники вдохновения, из которых били родники поэзии – будь то письма мадам де Севиньи или божественная лирика Петрарки. В Провансе находились и некоторые замки маркиза Донасьена Альфонса Франсуа де Сада, имя которого навеки утвердилось как символ чудовищной извращенности и стало синонимом наивысшей степени проявления жестокости – как физической, так и моральной. В свое время и имя его, и произведения были преданы проклятию, а потом на долгие годы и вовсе забыты. В наши дни оно вышло из забвения, и отношение к личности маркиза де Сада стало постепенно меняться, тем более что многие исследователи творчества скандально известного писателя приходят к выводу, что его сделали «козлом отпущения» за собственные грехи те, кто был ему близок по классу и по духу.

Донасьен Альфонс Франсуа де Сад родился в 1740 году. Отец его был дипломатом, мать – придворная принцессы Конде, в доме которой Донасьен и появился на свет. Маркиз учился в иезуитском колледже Людовика Великого, где получил глубокое и всестороннее образование, а также пристрастился к театру. В 14 лет, согласно обычаям того времени, он поступил в легкую кавалерию, поочередно получал звания. В 19 лет маркиз де Сад стал капитаном Бургундского кавалерийского полка, но был не удовлетворен этим и даже хотел переменить полк с понижением в чине. Как придворный офицер маркиз вел жизнь бурную, притом со всей присущей ему страстностью и необузданностью. Он обожал эту веселую жизнь и женщин, любил хорошо выпить и закусить – в общем, был типичным представителем своего безнравственного времени. Он делал то же самое, что и другие аристократы, разве только держал себя более вызывающе по отношению к церкви и нормам христианской морали.

В 23 года маркиз женился на Рене Пелажи Монтрель – дочери президента Податного суда, которая считалась очень некрасивой. Рассказывали, что в день, когда молодых представляли ко двору короля Людовика XV, Донасьен даже не явился, и вся церемония прошла без него. Но Рене Пелажи не была красива, может быть, только на первый взгляд: все ее очарование сосредоточилось в нежных и выразительных глазах, подернутых меланхолической дымкой, как будто прикрывающей глубокую сердечную тайну. Это была обаятельная молодая девушка, но очарование ее не сразу бросалось в глаза.

Сердце маркиза завлекла младшая сестра – Луиза де Монтрель, и в первый же удобный момент любовники бежали в Италию. После этого в лице тещи маркиз на всю жизнь приобрел своего самого заклятого врага. В течение нескольких месяцев, останавливаясь лишь в небольших городках, любовники объехали весь Пьемонт. Маркизу де Саду казалось, что он достиг полноты своих желаний и счастья, которые ему давало обладание чистой девушкой. А Луиза де Монтрель старалась волнениями страсти и бродячей жизни заглушить угрызения совести и не переставала думать о матери, пораженной ее внезапным бегством, и о своей доверчивой сестре, по отношению к которой она сделалась предательницей. Среди удовольствий в стране, где все говорит о любви, она не могла изгнать воспоминаний прошлого, и неизбывная горечь отравляла ей часы самых пылких увлечений.

В первых числах декабря 1772 года в Шамоери любовники были арестованы: Луизу отправили во Францию, а маркиза заточили в савойский замок **Миолан**. Никаких документов и записей при нем не нашли, вещей практически тоже не было. Де Сада привезли в замок только в том, что было на нем надето, были еще кое-какие мелочи из белья и посуды да две его любимые легавые собаки. За ним последовал в заключение и его слуга Латур.

Историк Манабреа в своих записях писал уже в 1856 году, что «своими величественными башнями в строгом стиле, толстыми стенами, возвышающимися на утесе высотой в 100 футов, замок не утратил ничего из своей древней гордости и доминировал над всеми

окрестностями». Крепость, возведенная на утесе над извилистой долиной реки Изер, имела неправильно вытянутую форму: ее стены представляли собой то ломаные, то дугообразные линии, так как возводились в соответствии с очертаниями огромного утеса, ставшего ее основанием. С этого горного утеса, как будто самой природой предназначенного сторожить всю страну, можно было видеть зеленые леса, ленты полей и виноградников, окаймленные рекой, а на горизонте возвышались Альпы.

Маркиза поместили в сторожевую башню, цокольный этаж которой прозвали «Адом», так как о его подземных карцерах рассказывали леденящие душу истории. Над «Адом» располагалось «Чистилище» – тюремная камера с камином и каменной скамьей, а выше «Чистилища» – на этаже «Трезор» (Казна) – проживал в двухкомнатном помещении комендант Миолана.

«Графу Мазану» (так назвался маркиз де Сад) отвели одно из самых почетных помещений замка – «Большую надежду», где он и разместился со своими собаками, а слуга Латур расположился в крохотной смежной комнатушке. В прихожей «Большой надежды» всегда находился караульный.

На другой день после заключения комендант предложил «графу Мазану» подписать следующую бумагу:

> Я обещаю и даю честное слово, что… буду исполнять все приказания, которые мне будут отданы господином комендантом, и ничем не нарушу его запрещений, не сделаю никаких покушений к побегу, не выйду из сторожевой башни замка и не позволю этого сделать моему слуге, разве буду иметь на то особое разрешение.

Заключенным доставили кровати, матрацы, столовое и постельное белье, столы, стулья и другие необходимые вещи. Солдатам было строго-настрого запрещено выполнять какие-либо поручения барина и его слуги без разрешения коменданта, который не позволял маркизу ни получать, ни отсылать письма прежде, чем он сам их не прочтет. Побег из замка действительно считался невозможным, о таком здесь никто и не помнил. Но маркиз с первого дня заключения думал только о том, как бы освободиться – даже без согласия своих тюремщиков. В ожидании свободы он старался разнообразить томительность своего заключения игрой в карты, но чаще проигрывал, и это его страшно раздражало.

С некоторого времени он решил усыпить бдительность своих стражников и при всяком удобном, а порой и неудобном, случае выражал свое раскаяние. Еще недавно такой гордый и заносчивый, он вдруг сделался тихим и вежливым. Комендант с удовольствием заметил эту перемену, не подозревая, что маркиз уже получил «важные сведения» из Шамбоери и по его указанию начались приготовления к побегу.

Маркиза де Сад прибыла в Дофине, где нашла 15 решительных и хорошо вооруженных людей. В ночь с 1 на 2 мая небольшой отряд расположился неподалеку от замка и ждал только условного сигнала. Сопротивления небольшого гарнизона они не боялись, так как большинство солдат было подкуплено, только комендант ни о чем не догадывался. Предупрежденный заранее маркиз вышел, без шума направился к маленькому отряду, вскочил на коня и ускакал…

Но иллюзии маркизы, надеявшейся возвратить супруга в лоно семьи, вскоре развеялись. Маркиз долго скитался, меняя города и жилища, чтобы сбить преследователей с толку, но это вовсе не означало, что он утихомирился и стал вести порядочный образ жизни. Слухи о его сексуальных бесчинствах доходили до Франции, где президентша Монтрель тем временем заручилась тайным королевским указом на арест де Сада. И как только маркиз оказался на родной земле, он тут же попал в руки полиции, и в 1777 году за ним закрылись ворота **Венсенского** замка. Свое новое местопребывание маркиз так описывал жене:

> Я нахожусь в башне, запертой девятнадцатью железными дверями, свет я вижу через два крошечных окошка, каждое из которых закрыто двадцатью решетками. На десять-двенадцать минут ко мне приходит человек, приносящий еду. Остальное время я провожу один, в слезах.

Пленник имел право лишь на час прогулки «в замкнутом дворе, где можно дышать только запахом стражников и кухни». Маркиза приводило в отчаяние и ужас то, что связь с внешним миром прервалась; теща распоряжалась его состоянием и продавала земли, словно он уже умер; воспитанием детей занимались те, кого он презирал… Полной пыткой для маркиза была и полная неопределенность: тайный приказ короля не ставил предела сроку заключения, и де Сад чувствовал себя замурованным, лишенным всякой возможности действовать. Тюремное заключение он воспринимал как несправедливое:

Если я заслужил смерть на эшафоте, я не прошу милости. Но если я виновен в том, что делают все, чему можно наблюдать сотни примеров на дню, я не должен терпеть несправедливость.

В заключении маркиз де Сад берется за перо: в 1782 году он пишет философский труд «Диалог между священником и умирающим», в котором изобразил духовного пастыря, который, желая вернуть заблудшую овцу в лоно церкви, сам в конце концов утрачивает веру в Бога. В этом произведении маркиз не стремился следовать правдоподобию и описывать типическое: свои собственные «моральные истины» он расценивал как нечто особенное и частное, и в собственном поведении не видел всеобщности.

Через два года маркиза переводят в **Бастилию** – в камеру, которая находилась на втором этаже башни Свободы. Заключенный в узкий каземат, маркиз терзался бесконечными пространствами за стенами тюрьмы, но активность его проявлялась только в творчестве. В Бастилии он составляет «Сводный каталог» своих произведений, в который включены и «120 дней Содома» (своеобразная энциклопедия сексуальных извращений), и две версии романа «Превратности судьбы», и «Жюстина, или Превратности добродетели», и другие.

В июле 1789 года парижане готовились к штурму Бастилии, и маркиз де Сад из окна своей камеры криками подбодрял их и призывал к более активным действиям. Его срочно перевели в **Шаратон –** приют для душевнобольных, куда помещали и особых «государственных сумасшедших», то есть людей, которым приписывали умственное расстройство только за то, что они беспокоили или стесняли власти.

Итак, маркиз де Сад – пациент Шаратона и его достопримечательность. Сюда приезжала любопытствующая публика, чтобы позабавиться и пощекотать нервы театральными представлениями, которые маркиз (как драматург и режиссер) давал время от времени с труппой таких же заключенных и отверженных, как и он сам.

С именем маркиза де Сада-драматурга – автора многих пьес, которые не имеют ничего общего с его скандальными романами, связан замок **Мазан**, более похожий на спокойный и величественный дворец. Он находится в Провансе, где еще в 1772 году маркиз создал свою театральную труппу, а в замке отстроил театральный зал со сценой и занавесом. До конца жизни он мечтал увидеть свои пьесы на сцене парижских театров, но этому не суждено было сбыться. А в Мазане маркиз ставил пьесы Вольтера, Дидро, Реньяра и, конечно, свои собственные.

Огромный особняк строгого стиля XVIII века сейчас находится в хорошем состоянии, так как в нем разместился Дом престарелых. На тихую узкую улочку выходит потайная дверь, через которую маркиз уходил из замка незамеченным.

А вот другой замок маркиза – **Лакост** – лежит в руинах: от него остались только полуразрушенная башня да мрачная серая стена, которые сегодня производят впечатление удручающее, хотя именно здесь маркиз чувствовал себя всемогущим, недосягаемым и защищенным от всяких бед. В свое время именно в этом замке де Сад поселился с актрисой Ла Бовуазьен, с которой они придумали вызывающую акцию. Они решили поселиться в Провансе, объявив себя мужем и женой: здесь никто не видел законную маркизу де Сад, и это обстоятельство на какое-то время обеспечило безопасность их спектаклю.

Замок Лакост стоял в угрюмом месте среди скал, вблизи него не было никакой зелени, никакого укрытия от палящего солнца, лишь в деревне кое-где виднелись тутовые, оливковые и миндальные деревья. Два с лишним месяца «молодые супруги» принимали поздравления и восторги знати Прованса: по вечерам они давали приемы, устраивали спектакли, а под утро предавались самым изощренным любовным утехам. На один из таких приемов маркиз пригласил своего дядю-аббата, который, увидев и осознав происходящее, пришел в ужас и ярость. Он сообщил обо всем теще маркиза, и обычное хладнокровие после такого известия изменило ей. Президентша Монтрель ясно увидела всю нерадостную перспективу супружеской жизни своей старшей дочери…

Сейчас в развалинах замка Лакост гуляет ветер, и может почудиться, что это бродит призрак де Сада, выглядывая из черных проемов и безликих окон. К замку вела только одна дорога, потому к нему нельзя было подкрасться незаметно. И маркизу казалось, что отсюда он правит миром и властвует над всеми.

В декабре 1792 года, когда маркиз находился в Париже, замок был захвачен взбунтовавшимися крестьянами. Охрана разбежалась, и потому крестьяне разграбили все, что только можно было разграбить. Позднее маркиз де Сад продал то, что осталось от замка, но очень неудачно. Впоследствии этот участок ходил по рукам, его делили и продавали по частям, а перед Второй мировой войной местный учитель английского языка взялся

восстановить замок, скупил все разрозненные участки и приступил к реставрации. Но так как денег у него было недостаточно, он восстановил только часть стены, использовав при этом дешевый материал.

Маркиз де Сад скончался 10 декабря 1814 года в Шаратонском приюте. Рукописи, хранившиеся в его доме, сразу же конфисковали жандармы: все они были прочитаны и изучены, часть наиболее крамольных (по мнению полиции) сожжена, остальные по разрешению префектуры распроданы. Все их оптом за 175 франков купил сын маркиза – Клод-Арман – и, погрузив в ящики, отвез в свой замок **Конде-ан-Бри**, где и спрятал на чердаке. С того времени имя маркиза ни разу не произносилось в семье, словно его в роду никогда и не существовало.

Молчание длилось до 1947 года – до того времени, пока этот замок не унаследовал граф Ксавье де Сад. Во время Второй мировой войны особняк заняли немцы, сильно повредившие замок. После их ухода старинные книги, ценные бумаги и рукописи валялись кучей; повсюду вырванные страницы, которые ветер гонял, как сухие осенние листья. Понадобилось целых 25 лет, чтобы восстановить замок: во время ремонта и были обнаружены ящики с бумагами – архивы семьи и рукописи маркиза де Сада. От имени его произошло слово «садизм», хотя он в своих похождениях и произведениях не придумал никаких новых ужасающих пороков, которым так охотно и сладострастно предавался высший свет: все уже было до него и продолжает существовать поныне.

На «голубом холме» в царстве Имерина

Несколько столетий назад в Европе уже знали: если обогнуть Африку, то на пути в Индию встретится огромный таинственный остров Мадагаскар, берега которого покрыты непроходимыми тропическими джунглями или пустынными песками. Но в центре острова – там, где Марко Поло видел когда-то таких гигантских птиц, что перо их превышало рост человеческий, – на горах и плоскогорьях находится могущественное царство Имерина с князьями, графами, крепостными, ремесленниками и, конечно, рабами.

Это царство возникло в XVI веке, но более полные сведения о нем, собранные европейскими миссионерами и путешественниками, относятся к началу XVII века. Тогда под властью царей Имерины – государства народа мерина – практически был объединен весь Мадагаскар. Родоплеменная верхушка общества превратилась в феодальных властителей, среди которых наибольшее влияние имели родственники царя. Вместе с потомками вождей некоторых племен они стали владетелями «вудивуна» (поместий), которые передавались по наследству, но не могли быть проданы. Живущие на земле вудивуна крестьяне несли повинности в пользу владельцев поместий и платили подати государству.

На земле нет такого народа, который бы не гордился славными страницами своей истории, не хранил бы в памяти имена людей, поднявшихся над безликой суетой бытия ради общего благоденствия, и не берег бы связанные с их деятельностью места. Поэтому любой прохожий в Антананариву объяснит, как добраться до «голубого холма», расположившегося в 25 километрах от столицы, проводит спросившего доброжелательной улыбкой и пожелает «счастливого пути». Там, на «голубом холме», стоит священная для малагасийцев Амбухиманга – старинная королевская резиденция, хозяином которой на рубеже XVIII–XIX веков был великий Андрианампуйнимерина, снискавший признательность и уважение своих соотечественников. Чем же выделился он из череды прочих монархов, большей частью, как и положено быть, своенравных и жестоких? Судя по передававшимся из поколения в поколение рассказам и легендам, незаурядность угадывалась в нем еще с ранних лет.

> Как-то Андриамасинавалуна, дед будущего великого короля, приготовил подарки и позвал всех своих внуков: выбирай, кто что хочет! Дети тут же растащили соблазнительные вещицы, лишь один мальчик отошел в сторону, взяв с собой просто пригоршню земли. «Ему и достанется мое королевство!» – воскликнул престарелый монарх. Этот внук стал именоваться Андрианампуйнимериной, что означало «желанный принц Имерины».

Но путь юного принца к власти оказался тернистым, так как тайные интриги, заговоры и политические убийства были тогда обычным делом не только при дворах европейских монархов. Его дядя, Андриандзафи, севший на трон после кончины Андриамасинавалуны, нарушил завет отца и объявил наследником собственного сына, а племянника замыслил умертвить. Народ ненавидел злобного короля, пошедшего против воли усопшего родителя,

что в глазах малагасийцев было страшным преступлением. Вскоре Андриандзафи понял, что намерения его безнадежны, и пытался спастись бегством, но был схвачен и казнен.

В 1788 году молодой, высокий и сильный король Андрианампуйнимерина с лицом, светившимся умом и энергией, в разукрашенной набедренной повязке и пурпурной накидке-ламбе, торжественно короновался в Амбухиманге. С первого дня своего правления он поставил целью окончательно объединить существовавшие на острове мелкие государства в могучую державу, которая, по его любимому выражению, не имела бы других границ, кроме моря. Не раз подолгу глядел он с «голубого холма» на просторы родной земли и думал, что сначала надо покончить с междоусобицами, раздирающими Имерину. А потом привести к покорности лежащий внизу заманчивый Антананариву, осеняемый в закатные часы розовыми облаками…

Все удалось великому королю. Ко времени его смерти в 1810 году далеко на север и на юг простиралось единое государство с принципиально новой административной структурой. Общественная жизнь упорядочивалась законами, сельское хозяйство процветало благодаря превращению болот в рисовые поля, ремесленники выплавляли и обрабатывали металлы, делая из них довольно сложные орудия труда, зарождалась местная индустрия… Весьма ощутимый толчок для развития получили шелководство и гончарный промысел, оживилась торговля. Всего этого Андрианампуйнимерина добился за короткий по историческим меркам срок, ибо был не только храбрым полководцем им самим же созданных вооруженных отрядов, но также тонким дипломатом и искушенным в хозяйственных делах человеком. Кроме того, он оказался и прекрасным психологом, полагая, что проще принять во внимание умонастроения народа, чем тщиться переломить их. Умирая, Андрианампуйнимерина завещал своему сыну, Радаме I, похоронить его в Амбухиманге.

«Голубой холм», величественно возвышающийся над соседними, виден еще издалека. Покрытый иссиня-зеленоватым лесом, он и впрямь кажется голубым. К холму ведет пустынная асфальтированная дорога, которую обступают эвкалиптовые и сосновые рощи. Создается впечатление, что и поныне действует закон короля, запрещавший рубить здесь деревья. Нарушитель подвергался штрафу – отдавал быка, послабление делалось только для беременных женщин.

Все на «голубом холме» дышит историей. Крутая лестница карабкается к замшелой каменной стене, за которой спрятана бывшая резиденция малагасийского монарха. Со стены смотрят три чугунные пушки, назначение которых было самое мирное – выстрелами созывать народ, когда король пожелает обратиться к нему с речью. Над главными воротами был устроен сторожевой пост, защищенный от частых дождей и палящего солнца соломенным навесом. Этими воротами пользовались только короли и их приближенные, остальные входили через другие.

В крепости Амбухиманга раздавалась довольно необычная команда: «Закатить ворота!»: именно «закатить», а не закрыть. Для защиты своей резиденции от непрошеных гостей король Андрианампуйнимерина приказал закрывать вход в крепость воротами из самого надежного в то время материала – камня. Искусные каменотесы вырубили из гранита огромный овальный диск (диаметром около 4 м и весом около 12 тонн), поставили его изнутри ребром вдоль проема в крепостной стене, а с другой стороны оградили двумя каменными столбами. Надо освободить ворота – диск откатывают в сторону; настало время закрывать крепость – его снова ставят на место.

Король правил из потемневшего от времени тесового строения с островерхой черепичной крышей. Всякого, кто вступает на порог этого дома, поражают простота и скромность жилища. Поистине, король Андрианампуйнимерина был плоть от плоти народа, не роскошествовал, чем и приумножил свою популярность. Единственная комната, довольно средних размеров, служила ему и спальней, и кухней, и столовой. На стенах ее развешана незамысловатая глиняная и металлическая посуда, в углу – подпертая узенькой лестницей «антресоль», где почивал король; внизу, на полу, – кровать его супруги.

Во дворе крепости, повыше обнесенного каменной оградой котлована, где забивали быков, выдолблены в скале два бассейна. В меньшем и сейчас плавают рыбы, как и в те дни, когда их вылавливали для королевского стола. Большой бассейн некогда служил резервуаром для воды, которую доставляли из священного озера Ампарихи, располагавшегося у подножия холма. Один раз в год, 14 июля, устраивалось торжественное купание королевы в этом бассейне. Рассказывают, что и поныне многие малагасийцы приносят в сосудах воду из озера на холм, выливают ее в бассейн и тут же зачерпывают обратно. Согласно поверью, после такой процедуры вода приобретает магическую силу и может излечить от всех болезней.

Михайловский замок

Недолгое пребывание Мальтийского ордена в России сопровождалось передачей рыцарям ряда зданий в Санкт-Петербурге и его окрестностях. Иоаннитам отдали церковь Рождества Иоанна Предтечи, выстроенную архитектором Ю. Фельтеном на Каменном острове: в ней кавалеры Ордена принимали присягу, на церковном кладбище хоронили мальтийских рыцарей. В парадных анфиладах Павловского дворца по проекту архитектора В. Бренны был отделан Кавалерский зал, предназначавшийся для церемоний Ордена. В Гатчине сохранилось лучшее творение архитектора Н. Львова – Приоратский дворец, задуманный как резиденция приора и Капитула мальтийских рыцарей. Были и другие здания и сооружения, но самым известным памятником пребывания Ордена Святого Иоанна Иерусалимского в России стал Михайловский замок – «любимое детище» императора Павла I.

Последний дворец императора был не просто очередной резиденцией, а осуществлением его многолетней мечты. Необычная для Санкт-Петербурга архитектура и планировка всего возводившегося ансамбля воплощали идею замка как рыцарской твердыни. Последовательно проводя эту идею, Павел I переименовал все императорские дворцы в замки: даже Зимний дворец именовался «Зимним замком». Михайловский замок должен был стать рыцарским не только по названию, но и по сути. Рвы, подъемные мосты, пушки, полубастионы – все было данью западноевропейской средневековой традиции и результатом увлечения русского императора рыцарской символикой.

Возведение Михайловского замка началось сразу же после утверждения проекта, а церемония закладки первого камня, на которой присутствовала царская фамилия со свитой, состоялась 26 февраля 1797 года. Ритуал соблюдался неукоснительно: стояли выстроенные в каре войска, а после торжественного молебна прокатились громоподобные раскаты орудийного салюта Петропавловской крепости.

На другой день начались основные строительные работы, каторжные и изнуряющие: рытье котлованов в промерзшем грунте, забивка свай, кладка фундаментов… По распоряжению императора строительство велось днем и ночью – при свете фонарей и факелов, так как Павел I требовал отстроить замок вчерне в тот же год. В наиболее напряженные периоды число людей, занятых на строительстве, достигало 6000 человек.

Михайловский замок строился в крайней спешке, в конце 1798 года он был подведен под крышу и можно было приступать к внутренней отделке его жилых помещений. Именно в это время Павел I дал согласие принять на себя титул Великого магистра Мальтийского ордена и подписал указы, касающиеся деятельности Ордена в России. Поэтому, разрабатывая

проекты внутреннего убранства Михайловского замка, император мыслил его дворцом Великого магистра Ордена Святого Иоанна Иерусалимского, а не только как очередную резиденцию династии Романовых.

Михайловский замок мало походит на дворцовые сооружения северной столицы: в отличие от них он выглядит холодным, суровым и даже мрачно-замкнутым. Российский император, задумывая его возведение, отталкивался от распространенной в европейских столицах схемы построения прямоугольного в плане замка с прямоугольным же внутренним двором и круглыми угловыми башнями. Подобные планы впоследствии были обнаружены среди собственноручных чертежей Павла I.

Широко развернувшееся строительство необходимо было обеспечить материалами, поэтому для ускорения дела были разобраны несколько павильонов в Царском Селе и дворец в Пелле, а также использован мрамор для строящегося по проекту А. Ринальди Исаакиевского собора. К концу октября стены Михайловского замка были подведены под крышу, а для защиты от дождей и снега его покрыли временной кровлей. В следующем году началась внутренняя и наружная отделка здания, однако готовиться к ней начали значительно раньше. В Риме было заказано большое количество копий с античных скульптур, выполненных из белого мрамора; к выполнению живописных работ привлекались и русские художники.

Своим главным (южным) фасадом замок выходил прямо на гранитный берег канала, отчего казался с этой стороны прямо вырастающим из воды. Своим неприступным видом он действительно напоминал средневековые рыцарские замки и крепости. Это впечатление усиливал и гранитный парапет площади с полубастионами и амбразурами для шести бронзовых пушек, смотревших в сторону тех, кто приближался к замку. Такое же количество пушек было обращено в сторону Невы.

Павел I переселился в Михайловский замок, когда еще даже не успели просохнуть стены нового здания и, по свидетельству очевидцев, в помещениях «стоял такой густой туман, что несмотря на тысячи восковых свечей, едва мерцавших сквозь мглу, всюду господствовала темнота». Замок стал убежищем, в котором затворник-император в любой момент мог отгородиться от мира. Неслучайно его называли «архитектурным автопортретом Павла I».

В Михайловском замке намечалось проводить собрания и торжественные церемонии мальтийских рыцарей, что нашло свое отражение в отделке его парадных апартаментов. Например, в оформлении фасадов строящегося замка неоднократно повторялся восьмиконечный мальтийский крест. Проход в парадную анфиладу замка шел в юго-западной части здания по широкой двухмаршевой лестнице, словно зажатой между мраморными стенами. Винченцо Бренна основным элементом убранства Парадной лестницы сделал цветной камень – мрамор и гранит.

Взгляд входящего в Михайловский замок в первую очередь упирался в бронзовый герб Российской империи, установленный на центральной стене Парадной лестницы. Герб был исполнен в новом варианте, утвержденном в августе 1799 года, – с введенным в него мальтийским крестом, и должен был свидетельствовать о высоком предназначении Михайловского замка как места пребывания Мальтийского ордена[55].

Для торжественного собрания кавалеров Ордена предназначалась Мраморная галерея. Пышное великолепие ее интерьера, богато отделанного цветным камнем, исходило из увлечения Павла I различного рода церемониями. В центре Мраморной галереи находилась глубокая ниша с мраморным камином, инкрустированная лазуритом и яшмой, в торце галереи располагались мраморные хоры для оркестра. Длинную стену напротив окон прорезали четыре небольшие ниши, облицованные редким и потому очень ценным мрамором «gipolino antiko», напоминающим зеленое окаменелое дерево. В нишах размещались статуи античных богов – Вакха, Меркурия, Флоры и Венеры, а дополняли убранство Мраморной галереи бронзовые вазы, канделябры и часы.

За галереей мальтийских кавалеров располагалась Малая (или Мальтийская) тронная зала. Всего в Михайловском замке тронных зал было пять: две – самого государя-императора, потом государыни, великого князя и наследника Александра Павловича и его брата Константина, имевшего титул цесаревича. Даже число ступеней у тронов в этих залах зависело от достоинств занимавших их лиц: восемь ступеней в Большом тронном зале и три в Мальтийском вели к императорскому трону: Павел I ревниво охранял свое величие и потому был весьма щепетилен в вопросах формы.

Купол в Мальтийской тронной зале поддерживали 16 фигур парных атлантов; здесь господствовали царственные цвета – пурпур и серебро, а стены, императорский трон и мебель были обтянуты красным бархатом с серебряным шитьем. Выступающие из стен панели и пилястры облицованы светло-красным стуком, лепной фриз и карнизы – позолочены.

Однако из-за недолгого пребывания императорского двора в Михайловском замке орденские покои практически не использовались по назначению. Единственным парадным приемом стала аудиенция датскому министру графу Левендалю, данная 24 февраля. Павел I принял его в Мальтийской тронной зале, и больше никаких церемоний, связанных с Орденом, в Михайловском замке не проводилось.

Кирпично-красный цвет Михайловского замка одни современники связывали с галантной любезностью императора, подобравшего на балу лайковую перчатку своей фаворитки – княгини А.П. Гагариной. Другие эту нетипичную для Санкт-Петербурга окраску здания объясняли традиционным цветом Мальтийского ордена.

После смерти Павла I замок был заброшен до 1823 года, но даже во время запустения он воспринимался как рыцарский. В XIX веке, когда в его стенах разместилось Инженерное училище, мальтийская символика вошла в оформление интерьера парадного Воскресенского зала и сохранялась в нем довольно длительное время.

Находка в Ренн-ле-Шато

Маленькая вначале горная деревушка Ренн-ле-Шато, расположившаяся в восточных отрогах Пиренеев, к VI веку, как об этом говорится в старинных хрониках, уже была городом с населением в 30 000 человек и какое-то время даже столицей вестготов. Но еще за полтора столетия до этого, в августе 410 года, войска вестготского короля Алариха I захватили Рим, и город был на три дня отдан победителям на разграбление. Историк Прокопий Кесарийский писал, что Аларих захватил «сокровища Соломона, царя иудеев, которые были украдены римлянами из Иерусалима». С тех пор сокровища и документы с дополнениями и добавлениями, и не без потерь, не один раз меняли своих владельцев: из Первого

Иерусалимского храма они попали сначала в руки римлян[56], потом вестготов, а от них к катарам и тамплиерам.

В ходе двадцатилетних альбигойских войн Ренн-ле-Шато часто переходил из рук в руки, и потому во многие исторические хроники вплетаются рассказы о несметных сокровищах и документах катаров, а также о сокровищах и таинственных документах рыцарей-тамплиеров, которые обладателю их дадут огромную власть. Из семьи катаров происходил и Бертран де Бланшефор, четвертый Великий магистр Ордена тамплиеров. В 1170 году он стал магистром еще неокрепшего ордена, но впоследствии превратил его в дисциплинированный и действенный институт со строгой иерархической системой. Через 40 лет после смерти Бертрана де Бланшефора члены этого аристократического рода вместе с другими катарскими аристократами сражались против северофранцузских и немецких крестоносцев, возглавляемых Симоном де Монфором.

Прошло несколько столетий, и вот почти в самом конце XIX века в маленькой деревушке Ренн-де-Шато произошли события, которые облетели сначала Францию, а потом и всю Западную Европу. В общих чертах история эта, как ее излагают английские писатели М. Бейджент, Р. Лей и Г. Линкольн, выглядит следующим образом.

В первый день июня 1885 года в деревню Ренн-ле-Шато прибыл новый священник – кюре Беранжер Соньер. Это был красивый молодой человек, 32х лет от роду и хорошего происхождения, и, казалось бы, его должна была ждать более блестящая карьера. Товарищи по семинарии тоже прочили умному и достаточно ловкому Беранжеру местечко где-нибудь под Парижем или, в крайнем случае, под Марселем. Однако тот сам настоял на приходе в деревеньке Ренн-ле-Шато, которая располагалась в 40 километрах от Каркассона – центра лангедокской культуры. В этом Богом забытом селении проживало всего 200 человек, но Беранжер Соньер был уроженцем этих мест, наверное, это и влекло его на родину.

В среднем он получал довольно незначительную сумму – около 150 франков в год, но если прибавить к ним приношения благодарных прихожан, то средств ему хватало на жизнь вполне безбедную. Беранжер Соньер даже нанял себе экономку – 18летнюю крестьянскую девушку Мари Денарно, которая впоследствии стала его доверенным лицом и верной спутницей.

Первые шесть лет молодой кюре вел жизнь почти ничем не примечательную. Он охотился в горах, ловил рыбу в небольшой речушке, гулял по окрестностям. В нескольких километрах от Ренн-ле-Шато возвышался холм Ле Безу, на котором были живописно разбросаны руины средневековой крепости, когда-то принадлежавшей тамплиерам. На другом холме, всего в полутора километрах от деревни, высились полуразвалившиеся стены родового замка Бертрана де Бланшефора, который принес в дар Ордену тамплиеров свои земли в этих окрестностях. Великий магистр вызвал сюда немецких рабочих, для которых установили строгую дисциплину, запретив любые контакты с местным населением. Они должны были разрабатывать золотые шахты, расположенные на склонах горы, но впоследствии выяснилось, что шахты эти были опустошены римлянами почти 1000 лет назад и никакие разработки на этой территории не производились. Тогда что же делали на горе немецкие шахтеры? Ученые выдвигали разные версии, и одна из них предполагала, что они рыли здесь подземный ход или помещение для кладовой.

В конце XIII века сюда был вызван отряд тамплиеров, которых поселили на горе Ле Безу, где они соорудили часовню и сторожевой пост, чтобы охранять безопасность этих мест и дорогу на Сантьяго-де-Компостеллу. Деревня Ренн-ле-Шато до сих пор сохранила следы этого пути, по которому в древности передвигались паломники из Северной Европы через Францию и Лангедок на север Пиренейского полуострова. Согласно старинному преданию, в Сантьяго-де-Компостелла находилась гробница Святого апостола Иакова – небесного покровителя христиан Испании.

Названные выше английские писатели считают эту версию не столь уж безупречной, так как особой необходимости вызывать сюда небольшой отряд тамплиеров не было. По соседству уже было войско, готовое обеспечить защиту окрестностей. Местные предания повествуют, что дополнительный отряд тамплиеров имел несколько целей: откопать золото из шахт, закопать его в подземных тайниках или сторожить уже спрятанные сокровища. Но об их истинной миссии так никто никогда и ничего не узнал. Однако тамплиеры этого приората были единственными, кто не был арестован во Франции после 13 октября 1307 года.

Вот такая богатая история была у маленькой деревушки Ренн-ле-Шато. Свободного времени у Беранжера Соньера было достаточно, он много читал, совершенствовался в латыни, учил греческий и даже древнееврейский язык. Все текло, казалось бы, по раз и

навсегда заведенному распорядку, пока священник – «по наитию свыше» – не занялся реставрацией старинной церкви, которая стояла на вестготском фундаменте конца VI века. И, конечно, к концу XIX столетия храм находился в таком безнадежном состоянии, что грозил обрушиться и на самого кюре, и на его паству.

Получив поддержку священника из соседней деревни и взяв немного денег в долг из приходской кассы, кюре энергично принялся за ремонт храма. Кое-как подперев крышу, приходский кюре сдвинул алтарную плиту, покоившуюся на двух балках, и вдруг заметил, что одна из них что-то уж очень легкая. Балка оказалась полой, Беранжер Соньер просунул внутрь ее руку и извлек 4 опечатанных деревянных цилиндра. Забыв обо всем на свете, священник начал срывать запыленные и позеленевшие от времени печати.

Дома он лихорадочно развернул один из древних пергаментов и увидел в нем отрывки из Нового Завета, написанные по-латыни. Но на одной стороне пергамента слова располагались без пробелов и в них были вставлены лишние буквы. На обратной стороне этого свитка строчки были в беспорядке, а некоторые буквы написаны над другими.

BERGERE PAS DE TENTANION QUE POUSSIN TENIERS GARDEN LA CLEF PAX DCLXXXI PAR LA CROIX ET CE CHEVAL DE DIEU J'ACHEVE CE DAEMON DE GARDIEN A MIDI POMMES BLEUES[57].

Долго вглядывался Беранжер Соньер в этот непонятный текст и вдруг заметил, что если читать буквы, расположенные выше строк, то получается следующее послание: A DAGOBERT II ROI ET A SION EST CE TRESOR ET II. EST LA MORT (Это сокровище принадлежит королю Дагоберту II и Сиону, и там оно погребено).

На следующий день священник отправился в Париж и там рассказал руководителям семинарии Сен-Сюльпис – аббату Бьелю и его 21летнему племяннику Эмилю Оффе – о своей находке. Несмотря на молодость, Э. Оффе был уже известным лингвистом, хорошо разбирался в тайнописи и палеографии. Он был вхож во многие мистические и масонские круги, а также в тайный (полукатолический-полумасонский) Орден для избранных[58].

Беранжер Соньер пробыл в Париже три недели, где его принимали с распростертыми объятиями. В Лувре он заказал репродукции трех картин: портрет римского папы Целестина, полотна «Отец и сын» фламандского живописца Д. Тенирса и «Аркадские пастухи» Н. Пуссена. Но навсегда осталось тайной, о чем он беседовал с церковными иерархами…

После возвращения в Ренн-ле-Шато священник начал вести жизнь, свойственную очень богатому человеку. Первым делом он соорудил надгробную плиту на могиле маркизы Мари де Бланшефор – жены Великого магистра Бертрана де Бланшефора. А ведь прежний надгробный камень был установлен аббатом Бигу – личным капелланом семьи де Бланшефор! Причем надпись на нем представляла анаграмму того странного послания, которое содержалось в найденном Б. Соньером документе. Может быть, он хотел уничтожить эту надпись, чтобы другие не проникли в тайну, которой он овладел?

Невесть откуда взявшиеся деньги аббат из Ренн-ле-Шато стал тратить направо и налево: он стал заядлым филателистом и нумизматом, построил себе замок Бетания (в котором не жил), возвел в средневековом стиле башню Магдала… Церковь Марии Магдалины была не только отреставрирована, но и оборудована самым пышным и причудливым образом. Над входом в нее была выбита надпись: TERRIBI EST LOGOS ISTE (Место это ужасно); чуть пониже и более мелкими буквами помещалась еще одна анаграмма, которую ученые расшифровали следующим образом: «Катары, альбигойцы, тамплиеры – рыцари истинной церкви».

«Два мавра с верблюдом»

В самой церкви за порталом помещалась статуя князя демонов Асмодея – стража скрытых сокровищ и (по Талмуду) строителя Храма Соломона. На стенах церкви были развешаны пестро разрисованные доски с изображением Крестного пути, однако в деталях рисунков видны скрытые (а порой и нарочито откровенные) отклонения от тех изображений, которые в католицизме являлись общепризнанными. Например, ребенок, наблюдающий за погребением Иисуса Христа, был нарисован в клетчатом пледе; на заднем плане – ночное небо и полная луна. А ведь в Новом Завете сказано, что Сын Божий был внесен в пещеру погребения при дневном свете. В отремонтированном храме было много надписей на древнееврейском языке, который, как указывалось выше, Беранжер Соньер усердно изучал…

Деревенского кюре стали посещать знаменитые люди тогдашней Европы, а кузен австрийского императора Франца Иосифа перевел на счет Б. Соньера довольно крупную сумму денег. Но за какие заслуги?

В середине января 1917 года 65летний священник Беранжер Соньер слег от инфаркта. Но еще за пять дней до этого его служанка Мари Денарно заказала гроб для своего господина, хотя тогда он был еще бодр и свеж, как и в течение всей своей жизни. Для исповеди и отпущения грехов к умиравшему пригласили священника из соседнего села, но тот, пробыв в комнате Б. Соньера совсем немного времени, стремглав выбежал из нее. И с тех пор, как потом говорили очевидцы, священник впал в меланхолию и никогда не улыбался…

Беранжер Соньер умер 22 января 1917 года – без исповеди и причастия, погребение тоже происходило не по католическому обряду. Тело его облачили в мантию, украшенную пурпурными кистями, а потом труп посадили в кресло, которое поместили на террасе башни Магдала. Проститься с покойным прибыла вся элита парижского общества, церемония прощания была странной и опять же совсем не походила на погребение католика.

После смерти священника его служанка Мари Денарно вела безбедную жизнь, проживая в замке Бетания, однако оставленные Беранжером Соньером деньги тратила и на благотворительные цели. Однако после Второй мировой войны правительство Шарля де Голля стало проводить денежную реформу и одновременно выявлять тех, кто скрывался от

налогов и кто нажился на войне. При обмене старых франков на новые надо было представить доказательства честного получения денег, но Мари Денарно не стала менять деньги, обрекая тем самым себя на бедность. Очевидцы оставили потом записи, что видели, как она сжигала в саду целые пачки банкнот…

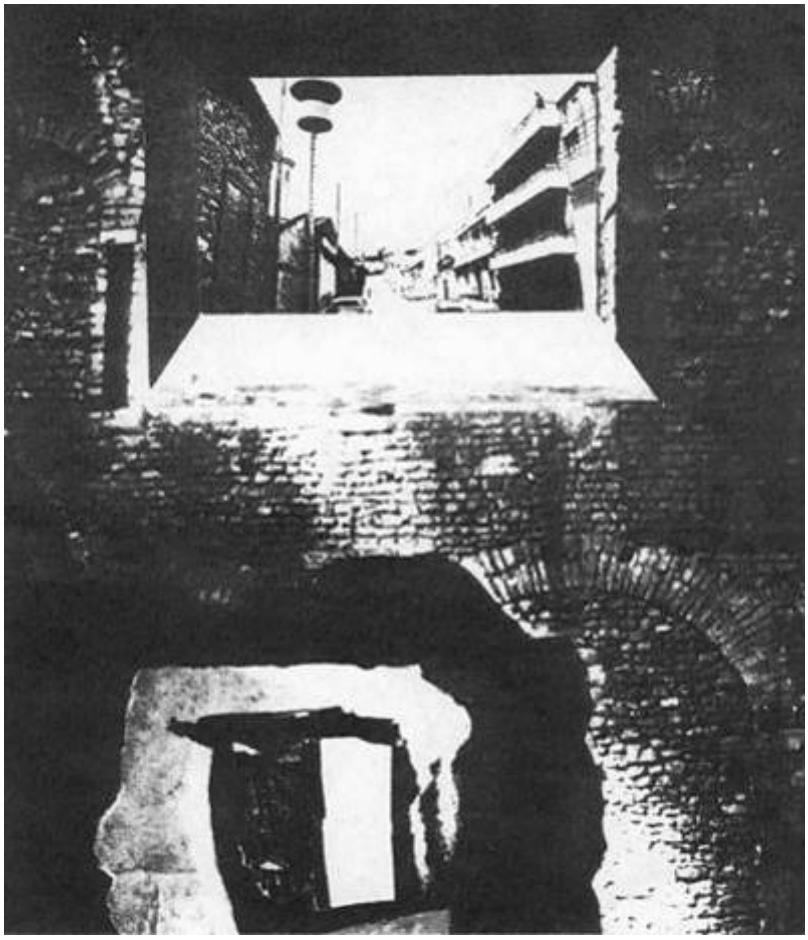
Но, может быть, сельский священник просто нашел клад? Ведь некоторые письменные источники содержат неясные намеки, что в Лангедоке (в частности, в районе Каркассона и Ренн-ле-Шато) могли быть зарыты сокровища катаров и тамплиеров. Вспомним, что в найденных Беранжером Соньером пергаментах упоминается имя короля Дагоберта II. С V по VIII века Франкским государством правила первая королевская династия Меровингов, родоначальником которой был легендарный Меровей. Меровинги были династией родовой франкской знати, а не тех удачливых военных вождей, которые свою родословную могли начинать почти что с «нуля». Род Меровингов олицетворял единство франкского народа, его представители в глазах франков обладали определенным магическим могуществом, благодетельным для всего народа «королевским счастьем». Среди монархов этой династии был и Дагоберт II, в царствование которого деревушка Ренн-ле-Шато служила вестготским бастионом, а сам король был женат на вестготской принцессе.

Можно предположить, что в какой-то момент Дагоберт II зарыл в этом районе добытые на войне сокровища, а Беранжер Соньер более чем через 1000 лет нашел их. Но, видимо, были в этом кладе не только материальные ценности, а нечто гораздо более ценное, может быть, даже легендарные сокровища из Иерусалимского храма. Однако это все только предположения, а источник внезапного богатства Беранжера Соньера так и остался тайной. Как не разгадано и то, почему католический священник неожиданно сошелся с оккультистами и тайными обществами, которые считали себя наследниками катаров и тамплиеров.

«Новый Лебединый Камень» Людвига Баварского

На высокой скале, где на фоне небес
Дикой чащей разросся чернеющий лес,
Где среди тишины водопад лишь шумит,
Белый замок, как лебедь, над лесом парит.

Эти строки написаны о замке Нойшванштайн – сбывшейся наяву фантазии, замке-сказке, который расположился среди заснеженных вершин баварских Альп. Вырезанный как будто из кости, Нойшванштайн больше похож на мечту, чем на реальность, – это одно из самых необычных зданий, когда-либо возведенных человеком. До сих пор замок Нойшванштайн вызывает споры: одни называют его чудом и сказочным дворцом, другие – уродцем и прихотью безумца.



Самого хозяина замка, баварского короля Людвига II, некоторые считали чудаком, другие (в конце его жизни) просто сумасшедшим, но подданные называли его своим «сказочным королем». Так кто же он – этот таинственный баварский монарх, о котором сохранились такие противоречивые мнения?

«Единственный подлинный король XIX столетия», – сказал о нем французский поэт Поль Верлен. Сам Людвиг II, цитируя трагедию Ф. Шиллера «Мессинская невеста», говорил: «Загадкой вечной буду я себе». Он стал загадкой и для многих историков, и загадки эти начались с самого его рождения. Поэтому говорить о замках баварского короля можно лишь, рассказывая о нем самом, так тесно они связаны с его личностью.

В полночь 25 августа 1845 года вся Бавария ожидала известий из королевского дворца Нимфенбург, где должен был появиться на свет ребенок кронпринца Максимилиана Баварского и его супруги Марии Прусской. С раннего детства мечтательный ум Людвига погружался в романтические фантазии. Больше всего он любил бывать в рыцарском замке Охеншвангау, с которым связана легенда о благородном рыцаре-лебеде, баварском Лоэнгрине. При реставрации замка, построенного воинами и менестрелями, лучшие художники Мюнхена расписали его фресками, изображавшими все связанные с замком исторические и легендарные предания. Легенды заполнили одинокое детство Людвига, когда мать ограждала его от общения с товарищами низкого происхождения. Во всевозможных видах был изображен символический лебедь: на картинах, в лепнине, в сотнях безделушек, украшавших залы замка. На пруду в старом парке жили стаи белых лебедей.

Людвига и его младшего брата Отто воспитывали по-спартански: ранний подъем, скудная пища, суровые наказания за малейшие провинности, многочасовые занятия науками и искусствами, не приносившими, впрочем, юному кронпринцу никакого эстетического наслаждения. Неудивительно, что мечтательный Людвиг, тяготившийся дворцовой муштрой, начал искать реальную жизнь в окружавшей его мифологии – литературной, театральной, музыкальной, живописной. Юный кронпринц часами рассматривал росписи на стенах. Это были сцены из эпоса о Нибелунгах: подвиги Зигфрида и романтическая любовь бесстрашного рыцаря и прекрасной принцессы Кримхильды. Здесь же он увидел и картины, иллюстрирующие поэму средневекового поэта Вольфрама фон Эшенбаха о Лоэнгрине.

В пятнадцать лет Людвиг побывал на представлении вагнеровской оперы «Лоэнгрин» и ушел из театра потрясенный. Этот персонаж стал любимым героем будущего наследника

престола, и, видимо, тогда у него и родилось первое, пока еще смутное, отождествление себя с рыцарем-лебедем.

Взрослея, Людвиг обнаружил еще одно королевство, которое лежало за пределами замка, – прекрасные баварские Альпы. Во время прогулок и долгих поездок на лошадях он нашел для себя покой в общении с природой, полюбил общество простых крестьян. Окруженный романтической природой и легендами о героических предках, Людвиг мечтал о великой судьбе и ждал дня, когда вступит на престол. В это же время он познакомился с великим Рихардом Вагнером, приобрел все его произведения: партитуры композитора сопровождали короля всю жизнь.

Людвиг унаследовал королевский трон и получил власть в 18 лет, и одним из первых его государственных деяний было приглашение Р. Вагнера в Мюнхен, где юный король предоставил в распоряжение композитора свою загородную виллу. Теперь, обладая деньгами и властью, он стал меценатом Рихарда Вагнера, заплатил за композитора долги и пообещал и впредь оплачивать все его расходы, чтобы тот «мог свободно расправить могучие крылья своего гения в чистом воздухе восхитительного искусства». Кроме того, Людвиг II намеревался учредить фестиваль для исполнения вагнеровских произведений, в которых композитор с большим размахом переносил на сцену мир немецких легенд и сказаний, стараясь увлечь зрителей драмой извечного противоборства Добра и Зла. Так началась дружба между двадцатилетним королем и уже зрелым композитором.

Когда Людвиг II вступил на трон, он ничего не знал о жизни и еще меньше о политике. Он хотел стать героем своего народа, но правительству нужен был не герой, а номинальная фигура – только образ короля. Потерпев неудачу в политике, а потом и в любви, Людвиг Баварский решил построить замок своей мечты. Он построил три замка – Нойшванштайн, Линдерхоф и Херенкимзее, но самое знаменитое его творение, безусловно, замок Нойшванштайн.

Еще его отец, король Максимилиан II, намеревался восстановить и реставрировать полуразрушенный старый замок Шванштайн (Лебединый Камень), родовое гнездо рыцарей Швангау, от которых и берет свое начало династия баварских королей Виттельсбахов. После смерти отца Людвиг решил снести руины старого замка и построить новый, поэтому несколько изменилось и название: Нойшванштайн – это Новый Лебединый Камень. Нойшванштайн начали возводить в 1869 году, но уже к окончанию строительства стало ясно, что замок превратился в памятник романтизму и храм Рихарда Вагнера, которого сам Людвиг II называл королем. Однако это начинание, равно как и многие другие решения юного монарха, все больше склоняли окружающих к мысли, что король повредился в рассудке и как правитель не способен смотреть на вещи здраво. Строителя чудесного альпийского замка объявили невменяемым: «Его Величество страдает той формой душевного заболевания, которая хорошо известна психиатрам под названием паранойя». Это было сказано о короле, по повелению которого был возведен замок, парящий над вульгарным миром; замок, где должны были царить только истина, благородство и красота.

По замыслу и архитектурному стилю Нойшванштайн повторял с детства любимый Людвигом замок Охеншвангау, но он был намного больше его по размерам и великолепнее. При жизни короля Людвига полностью было построено только здание дворца, а все остальные его элементы сооружались уже после смерти баварского монарха. Узкие витые башни и широкие парадные лестницы, искусственный сталактитовый грот, покои в готическом, мавританском и барочном стилях, Тронный зал… Этот великолепный зал просто ослепляет своим величием, блеском и живописью, он поражает сиянием символических и мистических знаков.

Зал, который носил скорее церковный, чем светский характер, исполнен в византийском стиле. Его верхнюю галерею поддерживают небольшие колонны из белого мрамора и ляпис-лазури; нижняя колоннада состоит из 16 больших колонн из красного порфира. Мозаика пола в Тронном зале представляет собой изображения животных и растений. Все богатое убранство этого зала говорит о божественном происхождении королевской власти. Как никто другой, баварский король сознавал святость своего королевского положения и видел свой долг в укреплении его, мечтал о возвращении абсолютной монархии. Короли являются посредниками между небесами и землей: «Королей назначает Бог» – такова основная идея Тронного зала.

В полукруглой нише в глубине зала – «Христос во славе», окруженный херувимами и венком из звезд; по сторонам – Святая Дева и Иоанн Креститель, молящиеся за все человечество. Над ними изображены Семь даров Святого Духа. Одна из картин этого зала

изображает Святых Апостолов – носителей Божественного закона, другая – проповедников веры и закона всех времен и народов: Гермеса, Заратустру, Ману, Солона, императора Августа.

На противоположном конце Тронного зала – Георгий Победоносец на белом коне и в костюме рыцаря-лебедя; архангел Михаил – покровитель Баварии, поражающий дракона; ниже – шесть святых королей: Казимир Польский, Стефан Венгерский, германский король Генрих, французский король Людовик XIV, испанский король Фердинанд, английский король Эдуард, а также святые королевы Елизавета и Клотильда.

Потолок Тронного зала представляет собой звездные небеса, а между небесами и землей парит позолоченная люстра в форме королевской короны. Люстра-корона, выполненная известным мастером Воленвебером, была очень тяжелой: нагруженная 96 свечами, она весила около тонны и опускалась с помощью лебедки.

Поднявшись этажом выше, можно оказаться на небольшой площадке, которая служила вестибюлем. Свод, тоже изображавший небо с золотыми звездами, поддерживается колонной в виде пальмы, сделанной из цельного куска мрамора. Под зеленой перистой кроной пальмы ярко краснеют спелые плоды, а у подножия извивается белый мраморный дракон, как бы стремящийся дотянуться до плодов. Рассказывают, будто король Людвиг подолгу останавливался перед этим изваянием, погруженный, может быть, в думы о том, что и сам он всю жизнь старался уловить недостижимый идеал.

В спальне короля в замке Нойшванштайн поставлена тяжелая готическая кровать. Ореховый балдахин для нее резали 17 мастеров в течение почти пяти лет. В пологе кровати были сделаны искусственные месяц и звезды, чтобы король мог представлять, что он ложится спать под открытым небом.

Обстановка рабочего кабинета Людвига II богата и вместе с тем строга: портьеры и ширмы, отделяющие кабинет от домашней молельни, сделаны из тяжелого зеленого шелка и расшиты золотом. Зеленой бархатной скатертью был прикрыт письменный стол со вставками из малахита. Все письменные принадлежности короля – из чистого золота, слоновой кости и драгоценных камней, и на всем изображен символический лебедь. Особенно он изящен в эмали на золоченом поле бювара, где предстает в рамке из разноцветных камней.

На алтаре в молельне – чудесное распятие из слоновой кости, а перед алтарем – «prie Dieu», обшитое бархатом, потертым от коленопреклонений короля. «Потертый бархат говорит о благочестии короля яснее, чем даже религиозные картины Тронного зала. Там блистают великие законодатели и учителя, здесь можно увидеть верующего христианина, молящегося за нас».

За рабочим кабинетом Людвига Баварского в Нойшванштайн располагается грот из искусственных сталактитов, который напоминает сцену из вагнеровской оперы «Тангейзер». Раньше на месте грота находился зимний сад с изящным фонтаном из каррарского мрамора. Стеклянной дверью, на прозрачном стекле которой нарисовано матовое изображение лебедя, грот отделяется от балкона. С него открывается дивный вид на дальние окрестности с их ярко-зелеными долинами, холмами и озерами.

При жизни Людвига, как уже указывалось выше, отделочные работы полностью были завершены только на третьем и четвертом этажах, где располагались личные апартаменты короля – Тронный и Певческий залы. Певческий зал предназначался для постановок опер Р. Вагнера. Стены его украшены картинами, которые художники писали по указаниям самого Людвига Баварского. На одной из картин изображен Парсифаль, сражающийся с Красным рыцарем.

Когда замок был готов, мало кто, кроме Людвига II и нескольких приближенных, посещал его. Только король проводил здесь долгие часы своего привычного одиночества. Он спал днем и вставал только к ночи, когда луна освещала своим таинственным светом окрестные горы, которые никто в этот час, кроме него, не видел. Следствием его застенчивости стали одиночные катания на санях.

Эксцентричное поведение Людвига II давало пищу для многочисленных слухов. В королевской семье опять заговорили, что баварский монарх окончательно повредился рассудком, что его любовь к германской литературе, особенно к сагам о Зигфриде, приобрела форму болезненной одержимости. На самом деле беспокойство членов баварской королевской фамилии вызывалось тем, что король Людвиг на свои прихоти тратил огромные суммы, которые королевская семья копила в течение 800 лет.

И вскоре все закончилось так, как это, к сожалению, часто заканчивается. Строителя чудесных замков объявили невменяемым: светлой июньской ночью 1886 года его арестовали

и отправили в летний дворец Берг, который располагался на берегу Штарнбергского озера. Вечером 13 июня лишенный короны Людвиг II вместе с врачом-психиатром Гудденом отправился на прогулку вдоль озера. К ночи они не вернулись, а отправившиеся на поиски слуги обнаружили тела обоих на мелководье у самого берега. Людвиг Баварский был прекрасным пловцом, и потому слухи о его смерти распространялись самые различные. Но похоронили «сказочного короля», не особенно выясняя причины его гибели. При огромном стечении народа гроб с его телом поставили в склепе мюнхенского храма Святого Михаэля и написали: «Чудеснейшему из королей». А в роскошном парке, раскинувшемся вокруг дворца Берг, стоит небольшая часовенка, от которой крутой спуск ведет к Штарнбергскому озеру. Там, метрах в 6–7 от берега, из воды поднимается большой деревянный крест, которым отмечено место, где были найдены тела короля и его врача.

Железный канцлер Бисмарк сказал впоследствии: «После смерти Людвига II мир изменит свое мнение об этом выдающемся короле. И государственная деятельность его отнюдь не была глупостью». Королевские ненавистники не раз повторяли, что «безумец-транжира» оставил долгов на сумму более 14 миллионов золотых марок. Но до сих пор тысячи людей приезжают в баварские Альпы к «королевскому очагу искусств» – в замок, где никогда не гремело оружие, не стреляли пушки и где не совершались кровавые злодеяния. Но где всегда звучала музыка и где жил «сказочный король», который говорил: «Меня называют безумцем. Неужели и Господь Бог, призвав меня к себе, тоже назовет меня этим словом?»

Долина Кулу, замок в Наггара и праздники

Барельефы из храма Шивы в Наггара

Об индийской долине Кулу, как пишет индолог Л. Шапошникова, мы знаем много и в то же время очень мало, так как реальные события прошлого тесно переплелись с вымыслом и легендами. И отделить их друг от друга часто бывает очень трудно. Легенды рассказывают о великих мудрецах – риши, которые обитали в долине Кулу тысячи лет назад; предания повествуют об Арджуне и о риши Виасе, который собирал знаменитый индийский эпос «Махабхарату» и написал последнюю из Вед. Из глубины ушедших веков легенды доносят воспоминания о забытых завоевателях, о ранних ариях и других племенах, осевших здесь. А «Веды» повествуют о людях «кунинда» (или кулинда) – предках нынешних жителей долины.

Старинное название долины – Кулута: она лежала на древнем караванном пути, который вел из далекого Китая через заснеженные просторы Тибета в плодородную долину Индии. Волны завоевателей проносились над ней и откатывались, оставляя следы, как волны морские оставляют складки на песчаном берегу. Но эти «складки» оставались на поверхности, а в самой долине Кулу, как рассказывают предания, есть подземные ходы, высеченные в горах древними пришельцами. Рассказывают и об исчезнувшем хранилище древних книг, привезенных с Тибета, и о погребенных где-то в окрестностях Манди ламах-пророках, которые время от времени появляются в долине.

Долина Кулу – это острые пики снежных Гималаев, плодородные поля, бушующий Биас, бурлящие потоки горячих источников, храмы с богами, священные рощи с тысячелетними деодарами, забытые погребения, развалины крепостей и замков. Один из таких замков расположился в конце узкой улочки древнего поселка Наггара. Стены неуклюжей квадратной башни замка сложены из узких камней на каркасе из массивных кедровых балок. Теперь в замке размещается приезжая публика, которая заселяет четыре его номера. А в старину замок видел немало правителей – и тибетцев, и раджпутов, и мусульман. Во дворе замка расположилось небольшое святилище, где лежит плоский камень «джакти патх».

По преданию камень этот принесли пчелы. Каждый день смотритель замкового храма сыплет на священный камень желтые цветы «пилла пхуль». Рядом со священным камнем

лежит еще один, на котором высечен след богини. И пчелиный камень, и цветы, и след богини связывают замок в Наггара с древними традициями долины Кулу, которую называют «долиной тысячи богов». Но есть и еще один важный атрибут: известно, что во всяком уважающем себя замке должно быть собственное привидение. Есть оно и в замке Наггара, чем очень гордятся местные жители. Они рассказывают, что в ясные лунные ночи во дворе замка появляется белая фигура: она медленно пересекает двор, проходит узкой улочкой через Наггара и выходит на тропу, ведущую в горы. Старожилы клянутся, что видели привидение собственными глазами, и даже несколько раз.

Привидение появилось в замке давно, может быть, несколько веков назад. Сначала никто не мог понять, чье оно, потом кто-то опознал в нем старого раджу Нарсинга. Тогда пророки и раджи долины Кулу собрались на совет, долго ломали головы, но не могли найти подходящего занятия привидению. А оно продолжало разгуливать лунными ночами и до смерти пугать одиноких путников. И хотя привидение было аристократического происхождения, все равно люди боялись его. Поэтому после долгих споров пророки подыскали Нарсингу подходящую должность: его сделали богом-хранителем долины Кулу. Вот тогда привидение и поселилось в маленьком деревянном храме, который выстроили напротив замка. Задобренное почетом и привилегиями, оно прекратило свои ночные прогулки, правда, иногда все же появляется, но только для того, чтобы где-то навести порядок.

Кроме богов, в долине Кулу много духов – добрых, злых, озорных… Последние очень часто утаскивают одежду у купающихся девушек. У каждого из духов должно быть свое жилище, поэтому они водятся везде: в домах, в деревьях, лесах, источниках, горах. Отличить бога от духа и наоборот порой бывает очень трудно даже самим жителям долины. Время от времени духи долины Кулу устраивают сборища в священном лесу, расположенном недалеко от Наггара. В конце лета над лесом появляются летающие огоньки – духи, в честь которых устраивается праздник. Поэтому люди забирают своих богов, зажигают факелы и немедленно отправляются в священный лес, так как боги захотели пойти в гости к лесным духам. А чтобы и самим людям не было обидно, они устраивают на поляне в ночном лесу пир, достойный богов и духов.

Вначале резвятся не только духи, но и более опасные, хотя и прекрасные существа – феи с птичьим именем «черелл». Феи, как и духи, тоже бывают злыми и добрыми, но их отличить друг от друга легко: у злых ступни ног повернуты назад, так они и ходят задом наперед. А так как они злые, то их никто не жалеет. А вот от богов фей отличить трудно: с женским коварством они превращаются одни в других. Для фей-черелл тоже устраивают святилища, складывают о них легенды и считают их защитницами и покровительницами рожениц. Лунными ночами они устраивают пляски на лесной лужайке: их излюбленное место – неподалеку от виллы Рерихов, в деодаровой роще, где растут черные ядовитые лилии с лепестками, похожими на кожу змеи.

В кедровой роще стоит 3ярусный деревянный храм – настоящее лесное святилище, посвященное богине Хирман. Низкий деревянный фасад храма покрыт резьбой: воины, богини, олени, цветы, священные деревья… Над входом прибиты черепа оленя и горного козла, внутри храма – полутемное помещение, напоминающее пещеру. Стена напротив входа образована огромными валунами, прокопченные массивные балки уходят куда-то вверх, теряясь в призрачной темноте, паутине и лохмотьях пыли. В земляном полу – яма, прикрытая большим плоским камнем: в яме стоят две бронзовые фигурки богини и лежат крупные красные цветы. Сверху свисает тяжелая медная цепь, на ней – колокол… Вся земля в храме пропитана кровью – священной кровью человеческих жертв, и теперь она всходит на земле красными цветами.

Храм этот очень древний: более 5000 лет назад богиня Хирман подарила эту землю местному радже, тогда и построили храм в роще, где лежит священный жертвенный камень. Он находится здесь с тех пор, как был сотворен мир, и уже тогда приносили человеческие жертвы.

> Шумят над головой древние кедры, и низкие звезды застряли в их ветвях. Мечутся языки священного жертвенного костра, огонь освещает стволы деревьев, красными бликами скачет по лицам людей и по связанной жертве, лежащей на плоском камне. Как зловещие вороны, кружат в ритуальном танце жрицы, из-под черных платков развеваются их седые космы… Старухи машут черными крыльями-рукавами, и неумолчно звучит их песня в честь богини Хирман. Круг жриц двигается все быстрее и

быстрее, затем он внезапно распадается, и старшая жрица кричит в исступлении: «Жертву благословенной богине! Жертву нашей заступнице и защитнице!»

Человеческие жертвы сейчас, конечно, не приносятся, но до сих пор рядом с плоским камнем вырыт очаг, в котором зажигают священный огонь в честь богини Хирман Деви. А кто захочет увидеть богиню, должен придти к храму ночью. Верхом на белом коне появится Хирман Деви – очень красивая и богато одетая. Все на ней сверкает: и золотые браслеты, и драгоценные камни, и красные волосы…

В древних храмах долины Кулу поклоняются и змеям – мудрым нагам и их еще более мудрым женам – нагиням. В каждом древнем храме находится сокровищница, в которой хранятся тайные реликвии и ценности, накопленные веками. Жрецы рассказывают, что в сокровищницах спрятаны жемчуг, богатые одежды богов, их золотые и серебряные маски.

Своеобразным, ярким и многолюдным праздником жителей штата Химачал-Прадеш, расположенного в предгорьях Западных Гималаев, является «дасера» в Кулу. Он отмечается в октябре, когда еще не наступили холода. Торжество посвящено герою эпоса «Рамаяна» – Раме, известному здесь под именем Рагхунатха. Золотые, серебряные или медные изваяния Рагхунатха и других местных богов несут на паланкинах, богато украшенных цветами. Возглавляют процессию музыканты, играющие на народных инструментах, передающихся из поколения в поколение. Во время праздника горцы исполняют самый любимый свой танец – «нати». Танцоры, взявшись за руки, движутся по кругу, и на первый взгляд танец может показаться однообразным. На самом же деле ритм его очень сложен, а движения танцоров многообразны, просто неискушенному глазу трудно уловить перемены в шаге. Грациозное движение рук подчеркивается платками, прикрепленными к кистям. Врожденное чувство ритма дает возможность танцорам продолжать «нати» буквально до упаду, не сбиваясь с такта. Когда одна группа танцоров устает до изнеможения, ее сменяет другая, и так иногда проходит вся ночь. Начавшись в медленном темпе, «нати» постепенно убыстряется, и в конце его участники по одному или парами демонстрируют свое мастерство в своеобразном соревновании.

Раньше для ритмического сопровождения танца использовали глиняный горшок, но сейчас можно увидеть и большой барабан, в который ударяют с обеих сторон, и барабан с узким основанием. Духовые инструменты из меди достигают трех метров в длину, и музыкантам приходится прилагать немало усилий, чтобы извлечь из них протяжную мелодию. «Нати» сопровождают один или несколько певцов, а сами танцоры дополняют свои движения выкриками.

Боги и богини, духи и феи, мудрые наги, священные леса и источники, горы и пещеры, жертвенные камни – все это мир исконной религии и древних реликвий долины Кулу. Сейчас здесь проложили современные дороги и провели электричество, построили школы и отели, но где-то в глубине остается и живет, как много веков назад, древняя Кулу.

Дзонги «Страны драконов грома»

Королевство Бутан, зажатое высокогорными скалами величественных Гималаев, в течение многих веков было полностью изолировано от внешнего мира. «Страна утраченных горизонтов», «государство спрятанных сокровищ»! Загадочность этих образов тоже долгое время определялась отсутствием каких-либо данных о государстве, да и сегодня история королевства Бутан полностью еще не рассказана. Похоже, что жители страны и сами не торопятся раскрывать миру свои сокровенные тайны. В сокровищницах их главных монастырей хранятся тысячи книг, в которых записаны хроники великих князей и лам – властителей крепостей Тонгса и Пунакха, Джакара и Лхунци. Счастливцем окажется тот, кто получит доступ к ним, но за толстенные стены громадных цитаделей запрещен вход иностранцам и женщинам. Здесь действует только «кашаг» – пропуск с двумя драконами на королевской печати: еще и в середине XX века все «туристы» объявлялись персональными гостями королевской семьи, а приезжавших сюда европейцев можно было сосчитать по пальцам.

Сами бутанцы предпочитают называть свое государство более звучным имеем: «Друк-Юл» – Страна драконов грома. Древнейший этап бутанской истории зафиксирован лишь в народных сказаниях и легендах, однако сказания эти грустны, а легенды печальны, так как долгое время страна находилась под властью индийских правителей. Но на основе даже таких зыбких фактов ученые установили, что господство индийских раджей закончилось где-

то к VII веку. Упадок внешней власти привел к тому, что Бутан распался на несколько княжеств, которые подвергались буйным набегам тибетцев.

Через два столетия отряды тибетского правителя Трилал-чана, отправленные за богатой добычей, не вернулись: «страна на границах Тибета» так им понравилась, что они решили остаться. Вся злоба и гнев их короля вылились в придуманное для дезертиров прозвище «милог» – «те, кто не вернулись». Но вскоре этим обидным именем пришлось назвать еще несколько тысяч человек – монахов-ламаистов, которых поразила девственная красота Бутана. К тому же страна оказалась для них поистине землей обетованной, так как их влияние здесь расширилось настолько, что к XVII веку «друкла» (название их религиозной организации) стала определять название страны.

Последующие столетия в истории Бутана были не слишком спокойными, но и не слишком бурными. Князья продолжали воевать друг с другом, а в перерывах между сражениями возводили монастыри, которые, разрастаясь, превращались в величественные крепостные сооружения – дзонги. В них постепенно сосредотачивалась не только духовная, но и административная власть страны.

В Бутане нет городов в обычном понимании этого слова, и их не с чем сравнить, так как в Европе аналогов им нет – ни по размерам, ни по значению. Дзонг – это не просто монастырь и не просто крепость; это замкнутые автономные миры в открытом море, только вместо воды вокруг них теснятся горы. Дзонг – целый город, центр цивилизации, где сотни, а иногда и тысячи людей живут за общей массивной дверью, пробитой в стене. Тут и ремесленники, и мясники, и повара, и монахи рядом с целым сонмом господ, слуг, солдат…

Ламаистский монастырь в Гималаях – это не только обитель монахов. Это может быть и одинокий замок, где в одной-единственной келье живет отшельник, или даже целый город с населением, доходящим до 6000 человек. В Гималаях, где расстояния измеряются в днях, а то и в неделях пути, в монастырях находят приют и одинокие путники, и целые караваны.

В дзонги приходят жить монахи из более мелких монастырей, на заседания административных советов сюда являются главы всех деревень округи; крестьяне приходят сдать продукты, воины – получить оружие. Заведует дзонгом тримпон («властитель закона»), который вершит правосудие в своем округе.

До 1964 года главным дзонгом страны была Пунакха, похожая на какой-то фантастический корабль, своего рода каменный ковчег. Пунакха выстроена на холмистом мысу, а маленький рукав реки Мачу огибает ее с тыла, так что стены дзонга защищены со всех сторон. Твердыня поднимается над рекой на высоту 10этажного дома и вытягивается в длину на 300 метров. Ее стены, слегка отклоняющиеся назад, делают этот дзонг продолжением холма.

В Пунакха ведут два марша крутых ступенек; по обе стороны колоссальных ворот, усеянных стальными заклепками, располагаются маленькие тоннели, пробитые в толстой стене. Выше виднеются узкие бойницы, через которые ведется наблюдение за окрестностями. Укрытая в знойной долине, отрезанная со всех сторон зимними снегами и летними разливами, Пунакха выглядит совершенно неприступной. И такой она является в действительности, так как за всю историю существования этого дзонга им никто не мог овладеть. Бутанцы, засев за стенами этой цитадели, бросали вызов всему Тибету и всем завоевателям.

Знаменит и монастырь Тактсанг («Логово тигра»), возведенный безвестными монахами в конце VIII века: он замечателен уже тем, что не всякий может попасть в него. Обитель одной стеной упирается в скалу, а другой нависает над пропастью. К монашеским кельям не ведут горные тропы, так как они неожиданно обрываются, а дальше путь вверх идет только по деревянным лестницам, скрипящим от любого порыва ветра. Монументальные постройки Тактсанга, хоть и пришли за прошедшие века в запустение, но до сих пор поражают человеческое воображение. Купола их покрыты чистым золотом, «Зал 1000 будд» погружен в таинственный полумрак, а в соседнем помещении, вырубленном прямо в скале, находится знаменитая статуя гигантского тигра, впившегося когтями в голову двух зазевавшихся созерцателей…

По преданию в расщелинах этой скалы когда-то обитали тигры и злые духи. Монахи-отшельники вызвались разделаться со злыми духами, которые доставляли им и жителям городка Паро немало хлопот. Борьба была упорной, затянулась не на один год, и монахам пришлось построить кельи, где они могли бы укрыться от ночного холода.

Злых духов они все же изгнали, а чтобы увековечить столь славную победу, монахи-отшельники и возвели монастырь «Логово тигра».

Этот монастырь, выдержав много испытаний, стал не только крупнейшим центром паломничества, но и символом великого мастерства зодчих «Страны драконов грома»: он был выстроен без единого гвоздя.

Летней столицей Бутана является Тхимпу… Высоко вверх возносятся белокаменные стены крепости-монастыря Тонгса, в котором живут и несут нелегкую службу тысячи монахов. Здесь же располагается и летняя резиденция верховного ламы, власть которого равняется власти короля. Даже королева не имеет права заходить в цитадель Тонгса, потому что вход туда разрешен только мужчинам. Властительница страны живет у подножия крепости – во дворце, который представляет собой модель жилища богинь из тибетской мифологии. Окружающий дворец сад густо засажен ивами, окунающими свои ветви в многочисленные ручейки, берега которых расцветают от желтых и оранжевых ирисов. В уголках королевского сада стоят домики для детей и приглашенных гостей. На столбах, в центре вымощенного двора, возвышается четырехэтажная пагода…

Со всех сторон вымощенного плитами двора Тонгса поднимаются 5—6этажные дома, опоясанные галереями. Справа обрывается головокружительно крутой склон, так что этот дзонг занимает такое стратегическое положение, что может контролировать торговые пути всей округи. Цитадель, примыкающая к склону горы, заканчивается полукруглой башней, которая выдвинута вперед – на самый гребень. Эта башня называется тандзонг (форпост) и вместе с центральной башней и четырьмя бастионами поменьше составляет в плане римскую цифру V, причем угол цифры направлен на гору.

Анфиладой идут громадные залы и коридоры, а по мощеному двору мечется ледяной ветер. Без привычки ночлег здесь может показаться не то что неуютным, просто невозможным, но монахов такой ночлег устраивает. А холод? Ну что ж, холод в здешних местах царит почти восемь месяцев в году, так стоит ли обращать на него внимание!

Монахи просыпаются рано – в 5 часов утра, когда на низкой крыше каменной пристройки раздадутся звуки длинных (3метровых) труб. По сигналу послушники должны немедленно вскочить и свернуть свой спальный коврик, а для лежебок дополнительным стимулом становятся щелкающие плетки в руках монахов-надзирателей. Одевание тоже не составляет проблемы, так как послушники, как и монахи, спят в одежде. Ее составляет тога из крашеной верблюжьей шерсти и жилет из красного шелка.

Монастырская кухня помещается в глубине цитадели. Вдоль стен сложены глиняные очаги с решетками, на которых молодые монахи готовят себе чай. Этот напиток не имеет ничего общего с нашим чаем: в него кладут масло, молоко яков, соль, сырое яйцо и совсем немного плиточного чая. Все это перемешивается, затем в чай-суп добавляют вареный рис или ячменную муку. Омовение послушники Тонгса обычно совершают один раз в неделю. Целой процессией они спускаются к реке, где стирают свою одежду, окунаются в воду с головой и при этом резвятся так, словно они на загородной прогулке.

Для младшего отпрыска многодетной семьи идти в послушники – единственный выход. В Бутане мало пригодной для обработки земли, поэтому по вековой традиции крестьяне не делят ее, а передают целиком старшему сыну. За это он должен содержать младшего брата, отданного на ученье в монастырь. Бедные ученики ищут монастыри побогаче или работают на состоятельных монахов.

Послушников порой называют бездельниками, но это ошибочно и несправедливо. Во-первых, каждый член братии должен платить за науку – деньгами или работой. Послушники сами делают бумагу, сами изготовляют из сажи и жира чернила, возделывают монастырское поле, чинят стены и крышу своей обители. Кроме того, они готовят на продажу посуду и ткани, выделывают шкуры, шьют меховые одежды. Чтобы перейти в следующий класс монастырской школы, монах-послушник должен выдержать экзамен, который чаще всего устраивается во дворе монастыря. Ученик садится на «скамью ответов», а перед ним на низеньких стульчиках восседают экзаменаторы. Если послушник ошибется в ответе, он тут же получит щелчок по лбу и уступит свое место следующему. Сдать экзамен непросто, ведь в каждом монастыре может быть строго определенное число монахов среднего и высшего ранга. Только без запинки ответив на все коварные вопросы, ученик получает свое первое звание.

Важнейшей частью религиозного культа является искусство священного танца, в котором духи смерти и зла терпят поражение от добрых сил, несущих свет учения Будды. Вот загудели два длинных серебряных рога, раздался звон цимбал, барабан начинает отбивать

быстрый ритм… И вдруг, словно молния, из шатра танцоров вырывается какое-то белое бесформенное существо, за ним – еще трое. Так появляется смерть – нелепая, отвратительная и вместе с тем грозно величественная. Барабан замедляет ритм, словно успокоившись, что породил этих чудовищ в масках.

Костюмы играют существенную роль в этих ритуальных церемониях: у каждого персонажа танца строго определенные маски и тоги. Например, в «Пляске смерти» участвуют только «статисты» – потомки тех, кто был захвачен в плен во время войн, часто случавшихся в те времена, когда крепости воевали друг с другом. Рабы-статисты танцуют «Пляску смерти» каждый день, и горе тому, кто не воспринимает ее всерьез: он тут же получит по ногам удар кнутом.

В «Пляске смерти» белые широкие балахоны четырех мужчин заканчиваются рукавами с громадными перчатками. Необычайно больших размеров маски изображают черепа с провалами глазниц и оскаленными зубами. Актеры смотрят не через прорези для глазниц, а через широко разверстые рты… Медленно кружась, танцоры олицетворяют ужас, которым охвачено каждое живое существо перед лицом смерти. Этот страх преследует души до момента перевоплощения, когда дух достигнет совершенства, ибо только так можно разорвать адское вращение человеческой жизни на колесе бытия, приводимом в движение богом смерти.

Второй танец в этой ритуальной церемонии немного повеселей: 35 мужчин облачены в туники, сшитые из оранжевых, красных, синих и зеленых шарфов и перехваченные широким поясом, грудь закрывает парчовый передник. Несколько часов подряд они выделывают сложные движения под звуки пронзительной музыки, сражаясь деревянными мечами с демонами. Шуршат шелковые туники, ярко переливаясь красками… Задубевшие пятки (все танцы исполняются босиком) вырывают пучки травы с поверхности лужайки…

Выше указывалось, что гималайский дзонг – это обитель и крепость (одновременно он еще и тюрьма). Потому и строят их в неприступном месте – на откосе или на вершине горы, чтобы обитателей не застали врасплох. Через реки и горные пропасти перекинуты сплетенные из бамбука мосты. Бамбук – не только гибкий и прочный строительный материал, но и надежная система обороны. При опасности такие мосты свертывают, как ковровую дорожку, и тем самым надежно изолируют себя от непрошеных гостей.

Местом уединенного размышления в цитадели Тонгса является гунь-кхань – молельня, расположенная над часовней. Кроме того, это еще и своеобразный арсенал, где собрана внушительная коллекция сабель, кольчуг, серебряных шлемов, щитов из шкур носорогов и дубин, инкрустированных золотом. А еще здесь выставлены длинные кожаные цилиндры, опоясанные металлическими кольцами. Это пушки конца XIX века, сделанные из многих слоев ячьих шкур, скрепленных вместе и прошитых проволокой. Стволы их получались крепкими и в то же время намного легче металлических. В свое время англичане были потрясены, увидев их в действии. Подумать только, сшить пушки из кож и поднять их в самые недоступные места! Действительно, когда солдаты английской короны отважились вступить в Гималаи, на них вдруг обрушился огонь с таких уступов, куда, казалось бы, совершенно было невозможно затащить артиллерию.

В «Волчьем логове» Гитлера

Почти за 20 лет до начала нападения на Советский Союз в своей книге «Майн кампф» Адольф Гитлер сформулировал среди прочих и такую важную задачу, как изыскание «безопасного для жизни места в России и на ее территории». У Гитлера было семь укрепленных ставок: «Фельзеннест» (Гнездо в скалах) – на горном правобережье Рейна, «Таннеберг» (Еловая гора) – в горных лесах Шварцвальда, «Медвежий зал» – в трех километрах от Смоленска и другие. Но самое мощное и самое крупное убежище было построено в лесисто-болотистом крае Восточной Пруссии – близ тогдашней германо-советской границы, в 8 километрах на северо-восток от Растенбурга[59] – в укромном, Богом забытом местечке, располагавшемся в стороне от главных дорог. Местных жителей там можно было по пальцам пересчитать, а безопасность фюрера охраняли не только болота, но и ряды колючей проволоки, минные поля, многочисленные посты охраны и бетонные бункеры с многометровыми потолками. Недаром сам Гитлер назвал свою ставку «Вольфшанце» – «Волчье логово».

Кто, как и почему выбрал это место среди мазурских болот и озер, могут сказать только нацистские астрологи, рассчитавшие эту точку на земле по звездам. Ни в каких других «гнездах», «ущельях» и «тоннелях» Гитлер не чувствовал себя так защищенно, как в

«Вольфшанце», хотя его бункеры не были подготовлены к наземной обороне. Никто и мысли не допускал, что сюда могут дойти войска противника, и потому персональные бункеры Адольфа Гитлера, Мартина Бормана, Генриха Гиммлера, Йозефа Геббельса и Германа Геринга перемежались со специальными бункерами ПВО, откуда скорострельные зенитные орудия и пулеметы могли прикрыть ставку огненным зонтом… Обитатели «Волчьего логова» больше всего боялись неба и ударов с воздуха, о чем свидетельствуют наклонные стены укреплений без амбразур, но с огромным многометровым бетонным покрытием.

В статье Е. Кочнева «Тайны «Волчьего логова» говорится, что строительство «Вольфшанце» на «прилежащих к фронту границах» началось осенью 1940 года, то есть незадолго до утверждения плана «Барбаросса» и нападения на Советский Союз. Официально «организация Тодт» будто бы возводила здесь корпуса химического завода «Аскания», и работали на строительстве только немцы – 2000–3000 человек. Уже на начальном этапе строительства «логово» было тщательно замаскировано и защищено, рядом со ставкой одновременно строились два аэродрома – основной (в 5 км к югу) и запасной (непосредственно на территории «Вольфшанце»).

Перебраться в еще не законченное «Волчье логово» А. Гитлер решил сразу же после нападения на Советский Союз, почувствовав возросшую для него опасность, особенно после первой бомбардировки Берлина. В конце июня 1941 года вслед за фюрером в возведенные в болотах под Растенбургом бункеры начали прибывать его генералы со своими штабами. Так среди сосновых лесов возник зловещий и таинственный городок, откуда в течение трех с лишним лет шло управление самой страшной войной в истории человечества. Здесь принимались решения о судьбах целых стран и народов, о строительстве новых «лагерей смерти», о создании сверхмощного оружия массового поражения и т. д.

Почти всю войну Гитлер находился в «Вольфшанце», лишь изредка приезжая в Берлин. Все время он безотлучно жил в своем бункере, покидая его лишь для прогулок, которые совершал со своей овчаркой Блоди по узкой дорожке, проложенной между минными полями. Изредка фюрер позволял себе и более отдаленные прогулки по окрестностям – к вилле на берегу живописного озера, располагавшегося неподалеку, где он мог провести несколько приятных часов в обществе Евы Браун.

«Вольфшанце» представлял собой комплекс различных строений (около 80), располагавшихся на сравнительно небольшой территории. Среди них – семь тяжелых бункеров, несколько средних и десятки легких, именовавшихся «бараками». Вдоль ставки с железнодорожной станции Гёрлиц проходила одноколейная дорога. «Бараки» представляли собой одноэтажные бетонные здания с плоской крышей и окнами, которые закрывались стальными ставнями. Размеры этих строений просто колоссальны: длина и ширина – 30–50 метров, толщина стен – 4–6 метров, потолков – 6–8 метров, а в бункере Гитлера она достигала 10–12 метров.

Внутри все помещения были отделаны деревом, а потолки укреплены защитными броневыми листами. Крыши тяжелых бункеров были снабжены пологими кромками, чтобы авиационные бомбы «отскакивали» от них. Непосредственно перед бункерами высадили огромные деревья, а на крышах посеяли траву, что должно было служить естественной маскировкой.

Самым крупным сооружением «Вольфшанце» был, естественно, бункер Гитлера, в плане имевший П-образную форму. Его фундамент, в отличие от других объектов, уходил на глубину 6 метров. С фасада бункера были две входные двери, ведущие в длинный поперечный коридор, от которого вели ходы в два конференц-зала площадью по 150–200 квадратных метров. С правой стороны к нему примыкало одноэтажное бетонное здание кухни, слева – псарня.

В тяжелый бункер Гитлер перебрался после неудавшегося покушения на него и приказал в одном из залов оборудовать спальню. Это было помещение без естественного освещения – темное и мрачное, с голыми стенами и стальным потолком. В нем стояли кровать, письменный стол и несколько стульев. Бункер имперского маршала Германа Геринга располагался в нескольких десятках метров от железной дороги и был поскромнее: он имел только один конференц-зал, но деревянная отделка его отличалась особой роскошью, которую можно было здесь позволить.

Никто из генералитета не любил приезжать в «Вольфшанце», и все старались пореже бывать там. Высших чинов Третьего рейха доставляли сюда самолетами, и они даже не представляли, в каком районе находятся. Местные жители тоже не подозревали о том, что за несколько километров от них располагалось «Волчье логово», в котором фюрер отсиживался

почти безвыездно. Сам он говорил: «Это одно из немногих мест в Европе, где я могу свободно и безопасно работать».

В середине 1990х годов в этих местах побывал российский писатель Н. Черкашин с братом. Посреди поляны они увидели зияющие люки и бетонные ступени, лепившиеся по стенам… В бункер Гитлера ведет тесный полузаваленный коридорчик, со всех сторон сдавленный многотонными блоками. В конце его располагался зал, похожий на погребальную камеру в пирамидах египетских фараонов. Пробираться дальше было опасно, так как над головой на прутьях арматуры висели глыбы, взрывами поднятые на воздух…

Н. Черкашин в своем рассказе приводит и историю инженера-геодезиста Отто Ренца, связанного с «Вольфшанце», хотя тот был в этих местах всего один раз, и то после войны, как обычный турист. В детстве этот немецкий юноша мечтал стать востоковедом и всегда интересовался исторической родиной своей матери (Кяхтой), но отец хотел видеть сына только инженером, человеком с надежно обеспеченным будущим. Поэтому он настаивал, чтобы Отто поступал учиться в Берлинскую высшую школу автомобильного транспорта. В конце концов оба сошлись на компромиссе: сын будет инженером, но в области геодезии и картографии.

Будучи студентом Берлинской высшей школы автомобильного транспорта, Отто по-прежнему штудировал книги по Востоку и посещал единственную в Берлине буддийскую кумирню Буддишерхауз, устроенную в одном частном имении во Фронау (на севере немецкой столицы). Здесь старый тибетский монах учил его искусству медитации, а потом помог совершить путешествие на Тибет, о чем Отто Ренц всегда мечтал.

В этой же кумирне несколько раз бывал и Адольф Гитлер, но еще до того как стал рейхсканцлером. Гуру предсказал ему тогда победу на выборах в рейхстаг с точностью до одного голоса. И фюрер потом благоволил к Буддишерхаузу и его обитателям.

В один из своих приходов в кумирню весной 1940 года Отто Ренц встретил там Гиммлера (рейхсфюрера СС), сидевшего в оранжевой мантии, наброшенной поверх черного мундира. Ренцу предложили отправиться на Тибет и там произвести геодезическую съемку – снять план одного «объекта», о котором ему сообщат на месте.

Отто Ренц прошел специальный инструктаж, фирма «Цейс» непосредственно для него изготовила портативный теодолит, который легко разбирался на отдельные части. Причем оптический визир вставлялся в старинную подзорную трубу, выглядевшую так допотопно, что она ни у кого не могла вызвать подозрения. Так же искусно маскировалась и тренога, собиравшаяся из двух костылей и трости. О. Ренцу выдали документы на имя гражданина Маньчжоу-Го – коммивояжера одной из харбинских фирм, направлявшегося в глубокие районы страны. Гуру из Буддишерхауза снабдил его охранной грамотой, адресованной духовным вождям Тибета, на которых Отто мог рассчитывать в трудную минуту.

Целью путешествия О. Ренца был высокогорный монастырь «Хранимый небом», подниматься к которому пришлось 11 дней. Монастырь открылся короткой цепочкой грубых построек с покатыми стенами. Только золоченое навершие главного храма ослепительно сияло на густо-синем небе – таком разреженном, что казалось, будто сквозь него проступает чернота космической бездны. Трудно даже представить, что весь строительный материал для возведения монастыря был доставлен снизу, из долин. Скорее представлялось, что все монастырские здания и храмы спущены с небес в готовом виде.

В этой части Тибета боготворили Цзонхаву – основателя нового направления – «пути добродетели», известного также под названием «пути желтошапочников». В окрестностях монастыря почитали следы святого, оставленные в камне – его палец, локоть и стопу. А в монастыре поклонялись самой главной реликвии – сердцу Цзонхавы, которое представляло собой большой кусок базальта. Он хранился в главном храме (дугане), вокруг которого в определенном мистическом порядке располагались сумэ – малые часовни. Дуган и одно из сумэ опоясывала пешеходная тропа, повторявшая форму сердца Цзонхавы. Считалось, если человек обойдет храм по этой тропе 3333 раза, он навсегда будет избавлен от сердечных болезней.

Вернувшись в Берлин, Отто Ренц отдал план монастыря «Хранимый небом» гуру Буддишерхауза. Здесь история прерывается более чем на 20 лет, в течение которых жизнь Отто была богата и другими приключениями. А в 1960-х годах он попал в Польшу действительно как турист и, увидев на информационном щите план главной ставки Гитлера, был потрясен. Почти один к одному этот план повторял тот его чертеж, который был сделан на Тибете.

В основе плана многих тибетских монастырей (и даже отдельных храмов) лежит символический чертеж устройства мира – так называемый принцип «Мандалы». Взаиморасположение храмов, кумирен и келий символизирует неразрывность центральной единой сущности с порожденной ею множественностью.

> Мандала («круг», «диск», «круглый», «круговой» и т. д.) – один из основных сакральных символов в буддизме. Наиболее универсальной является интерпретация Мандалы как модели Вселенной, предполагающая, что внешний круг обозначает всю Вселенную в целостности, очерчивает ее границы и пределы в пространственном плане.
>
> Во внешний круг вписан квадрат, стороны которого моделируют пространственные координаты Вселенной, точки входа которых в обитаемый мир заслуживают особого внимания и охраны. Вписанный в квадрат внутренний 8лепестковый круг (янтра) символизирует женское начало, детородное лоно, внутри которого часто помещается ваджра – знак мужского начала. Соотношение геометрических символов в центре Мандалы усиливается ритуально-мифологическим мотивом: призываемое божество спускается с небес в самый центр Мандалы, обозначенный лотосом, где оно и совершает акт, приносящий плодородие, изобилие и успех. В Тибете и Монголии Мандала часто рассматривается как место обитания божества или божеств…

Именно так и были расположены бункеры «Вольфшанца»: все они обращены на север, как алтари в тибетских храмах. Бункер Гитлера (дуган) и домик Бормана (сумэ) опоясывала дорожка, имевшая форму сердца. Бункеры Гиммлера, Геринга, Геббельса, Шахта располагались в точном соответствии с местоположением малых храмов тибетского монастыря. Таким образом, получается, что снятый Отто Ренцем план лег в основу возводимого «Вольфшанце», а строения второстепенного назначения (бункеры для гостей, представительства различных родов войск) были сооружены уже вне схемы Отто Ренца, но тоже имели магическое значение.

Фюрера уверяли, что «Вольфшанце» недосягаемо для авиации, так как оно расположено в трансформированном пространстве, то есть приподнято над землей до уровня высокогорного монастыря «Хранимый небом». Поэтому все вражеские самолеты пролетают не над бункерами, а под ними: и действительно, за всю войну над «Волчьим логовом» не упала ни одна бомба.

Разведки союзных армий (американской, русской и английской) так и не смогли установить, где же располагается главная штаб-квартира Гитлера. Фюрер покинул свое «логово» в ноябре 1944 года, когда войска 2го и 3го Белорусского фронтов уже вплотную подошли к границам Восточной Пруссии. После того как высшее командование Третьего рейха отбыло в Берлин, бункеры занял штаб 4й армии генерала Хоссбаха, но ему недолго пришлось отсиживаться здесь. В середине января 1945 года советские войска двинулись на запад, и немцам пришлось в панике бежать отсюда и спешно заметать следы.

Гитлеровцы сами взорвали свои бункеры. Сюда пришел саперный батальон, и в опустевших укрытиях 24 января загремели громоподобные взрывы, разбудившие жителей близлежащих деревень. Но даже мощные тротиловые заряды не могли до конца сокрушить железобетонные монолиты. Одна из стен бункера Гитлера застыла в вечном падении, и туристы подпирают ее бревнами, что стало уже почти ритуалом.

Долгое время считалось, что под бункерами находились подвалы глубиной 8—12 метров, в которых хранились важные архивы Третьего рейха и даже драгоценности, вывезенные с Востока, в том числе и знаменитая Янтарная комната. Однако никаких затопленных подземелий здесь никогда не было, и легенды о многоэтажных подземных бункерах с электростанциями, метрополитенами, складами и тайниками так и остались не более чем легендами. Да и как могли гитлеровцы оставить там что-то важное и ценное, если они эвакуировались с немецкой аккуратностью – планомерно и не спеша. Обитатели «Вольфшанце» хоть и прятались, но не зарывались в землю слишком глубоко, ведь они боялись только неба…

Брестская крепость

Славянское поселение Берестье появилось на острове у слияния рек Западный Буг и Мухавец около 1000 лет назад. Многие ученые считают, что название «Берестье» произошло от одной из пород дерева вяза – береста, древесина которой очень ценилась в старину как

хороший материал для изготовления саней, дуг и т. д. Однако существует и другое мнение: произошло это название от бересты – березовой коры, игравшей большую роль в хозяйстве древних славян.

Географическое расположение поселения Берестье было неслучайным, так как в те времена именно крупные реки являлись основными путями сообщения. По ним на гребных и парусных судах купцы перевозили свои товары, по ним осуществлялись все деловые связи между княжествами Древней Руси, в составе которых прошли начальный путь своего развития первые города Беларуси. В силу своего выгодного географического положения поселение не раз подвергалось опустошительным набегам жестоких завоевателей. Его грабили и предавали мечу князья Киевской Руси, татаро-монгольские орды, рыцари Тевтонского ордена, литовские и польские феодалы. И потому жителям Берестья, впоследствии Бреста, не раз приходилось воздвигать мощные земляные и деревянные укрепления и вступать в смертельные схватки с вражескими полчищами.

Брест начал укрепляться при волынском князе Владимире. В 1276–1289 годах в городе возводятся высокая каменная башня и пятиугольный замок, которые просуществовали до 1831 года, а потом были разобраны для возведения новых крепостных сооружений. В 1319 году Брест на несколько столетий вошел в состав Великого княжества Литовского, а затем и Речи Посполитой. С ростом города основная его часть была перенесена на второй, более крупный остров, где и сложилась торговая площадь с культовыми зданиями. Затем город расширил свои границы на соседние берега рек Мухавец и Западный Буг.

В XIV веке рыцари Тевтонского ордена устремились на восток, чтобы захватить восточнославянские земли и покорить жившие на них народы. Они захватили Пруссию и часть Великого княжества Литовского, а в 1379 году сожгли и разграбили Брест, однако крепость им взять не удалось. В 1500 году город пострадал от набега крымского хана Менгли-Гирея, но потом снова был построен и даже расширен. В 1554 году Брест получил свой герб, на красном поле которого изображалась каменная башня.

Основу городу составлял замок, стены которого с пятью сторожевыми башнями возвышались над водами Мухавца и Западного Буга. Внутри замка располагались здания городского самоуправления, церковь, монастырь, рынок и дома зажиточных горожан. За стенами замка начинались предместья, где жили мелкие ремесленники, мещане и городская беднота.

Тяжелые испытания выпали на долю Бреста и во время войны России с Речью Посполитой. В 1657 году войска шведского короля Карла X, воспользовавшегося этой войной, захватили Брестский замок и опустошили город. Еще раз шведская армия, на этот раз короля Карла XII, захватила и разграбила город в 1706 году – во время Северной войны.

Когда в 1795 году Брест и прилегающие к нему земли вошли в состав России, военно-стратегическое значение города возросло еще больше, и встал вопрос о превращении его в неприступный форпост государства. В 1796 году генерал-инженер войск русской армии К.И. Опперман разработал инструкцию «Для обозрения новой границы с Пруссией и Австрией» и план к ней, по которому предполагалось возвести 9 мощных крепостей первой линии: в их числе была и крепость Брест-Литовск. Вскоре был составлен ряд проектов по возведению этих крепостей, однако нашествие армий Наполеона надолго отодвинуло реализацию этих планов. К вопросу об укреплении Бреста вернулись только в 1829 году.

В 1830 году были образованы Строительный комитет во главе с Малецким и инженерная команда под руководством капитана Вильмана. При возведении крепостных сооружений было решено многие городские здания перенести на новые места, но еще в период подготовки к строительству вспыхнул пожар, уничтоживший более 500 домов. Это стихийное бедствие ускорило расчистку территории, на которой должны были возводиться будущие крепости.

В торжественной обстановке, 1 июня 1836 года, заложили первый камень будущей крепости, в основание которой замуровали доску и шкатулку с монетами[60]. За несколько лет тысячи русских солдат и крестьян, направленных сюда правительством, проделали огромную работу: вручную перекопали и перенесли сотни тысяч кубометров земли, насыпали огромные земляные валы и прорыли каналы.

Весной 1842 года работы были завершены, и над Брестской крепостью взвился военный флаг. На четырех островках, образованных реками Западный Буг и Мухавец и искусственными обводными каналами, раскинулись Кобринское, Волынское и Тереспольское предмостные укрепления и центральная часть крепости – Цитадель. Под огромными земляными валами, ограждавшими предмостные сооружения, находились каменные казематы и складские помещения.

Цитадель представляет собой сомкнутую массивную двухэтажную казарму, сложенную из темно-красного кирпича. Длина здания по внешней окружности центрального острова составляла 1,8 километра; в его стенах, толщина которых равнялась почти 2 метрам, были проделаны бойницы и амбразуры для ведения огня из орудий и стрелкового оружия. Казармы Цитадели вмещали 12 000 солдат.

С появлением в армиях европейских стран новых артиллерийских систем возникла необходимость провести дополнительные оборонительные работы по укреплению Брестской крепости. В 1860-х годах по предложению генерала Э.И. Тотлебена – известного русского инженера-фортификатора – в крепости укрепляется главный земляной вал, строятся редуты на Кобринском укреплении, насыпаются траверсы, строятся новые пороховые погреба. Укрепление Брестской крепости производилось и позднее: перед Первой мировой войной, например, решено было в 6–7 километрах от Цитадели соорудить вторую линию из 9 мощных фортов. История строительства крепости связана и с именем талантливого русского военного инженера Д.М. Карбышева, служившего в чине капитана в Брестской крепости с августа 1911 года по ноябрь 1914 года. Под его руководством проводились работы по укреплению 7го форта на левом берегу Западного Буга, возведению форта «И» и других сооружений.

В годы Первой мировой войны в Брестской крепости формировались резервные части для фронта и размещались склады. Когда в 1915 году немецкие войска в ходе наступления на Восточном фронте приблизились к Бресту, русское командование эвакуировало гарнизон крепости; была вывезена также большая часть складов, а некоторые укрепления взорваны. До конца войны в крепости хозяйничали оккупанты, а в 1918 году в здании бывшего Белого дворца был подписан Брестский мир.

В 1921 году Польша при поддержке стран Антанты добилась отторжения западных областей Украины и Белоруссии, и до сентября 1939 года в Брестской крепости дислоцировались части польской армии. После присоединения Западной Белоруссии к советскому государству в Брестской крепости, уже утратившей к тому времени свое былое военное значение, разместилось несколько частей Красной Армии. Весной 1941 года здесь оставались 6я Орловская Краснознаменная и 42я стрелковая дивизии. В начале лета полки этих соединений, а также артиллерийские и танковые подразделения выехали в лагеря. В крепости оставались только отдельные разрозненные подразделения и хозяйственные службы.

На рассвете 22 июня 1941 года на город и крепость обрушились тысячи авиабомб, мин и снарядов. Окрестность озарили сполохи огня, земля дрогнула, закачались полутораметровые стены караульного помещения Цитадели, вылетали стекла, железные переплеты окон свернулись, как сухие листья… Гитлеровцы были уверены, что через некоторое время им навстречу выйдут с поднятыми руками русские солдаты и офицеры, ведь так уже не раз было во многих городах Европы.

Немецкое командование планировало захватить Брестскую крепость в первый же день – к 12 часам, ведь непосредственный штурм крепости был поручен штурмовым отрядам 45й дивизии, сформированной в горах Верхней Австрии – на родине Гитлера и потому отличавшейся особой преданностью фюреру. Для штурма крепости дивизию усилили тремя артиллерийскими полками, девятью мортирами, тяжелыми минометными батареями и сверхмощными осадными орудиями «Карл» и «Тор». Но здесь было иначе, чем в Европе. Бойцы и офицеры выбегали из домов и казарм, какое-то мгновение осматривались, но, вместо того чтобы поднять руки, прижимались к стенам зданий и, используя любое прикрытие, начинали стрелять. Одни, изрешеченные немецкими пулями, оставались там, где приняли свой первый и последний бой; другие, продолжая отстреливаться, уходили…

В первые часы враг захватил территорию крепости, многие здания и укрепления, но оставшиеся в руках советских бойцов были так удачно расположены, что позволяли держать под обстрелом значительные участки. Защитники были уверены, что долго обороняться им не придется – вот-вот подойдут регулярные части и сметут гитлеровцев. Но проходили часы и дни, положение защитников ухудшалось: продуктов почти нет, воды не хватает… Мухавец рядом, да разве до него доберешься! Многие бойцы ползли за водой – и не возвращались…

Фашисты не принимали всерьез сопротивления разрозненных, не имеющих даже связи между с собой групп, и ожидали, что очень скоро осажденные поднимут белый флаг. Но крепость продолжала сражаться, и вскоре гитлеровцы поняли – русские не собираются сдаваться. И тогда с пронзительным визгом понеслись из-за Буга снаряды тяжелой артиллерии, а потом гитлеровцы снова пошли в атаку, и опять им пришлось отступить, оставляя убитых и унося раненых.

С каждым днем фашисты усиливали натиск, но потери их были так велики, что командующий армией приказал прекратить штурм крепости. В бой была брошена авиация и подтянута дополнительная артиллерия. Казалось, что после артобстрела и бомбежек с воздуха в крепости уже не сможет уцелеть ни один человек. Но едва фашисты начинали очередную атаку, их снова встречал ружейный и пулеметный огонь.

Через несколько дней после начала войны немцы бросили на крепость бронемашины и танки, но когда те приблизились, в них полетели связки гранат. Несколько машин загорелось, но остальные продолжали двигаться. И вдруг – взрыв, за ним второй, третий… Это взрывались противотанковые мины, незаметно расставленные защитниками крепости. Уцелевшие танки поползли назад, а над крепостью снова появилась фашистская авиация. В ярости гитлеровские летчики стали сбрасывать с самолетов бочки с горючим: в крепости забушевало море огня, и она стала адом. Казалось, что огонь окончательно уничтожит все живое, когда же пламя погасло и фашисты вновь пошли в атаку, их встретили пули и штыки защитников крепости.

На семнадцатый день штурма немцы объявили о взятии крепости, но это было не так. Еще около месяца оборонялась Брестская крепость – горсточка советских бойцов против почти целого корпуса фашистов. Гитлеровцы вошли в крепость только после того, как там остались одни лишь тяжелораненые, находящиеся без сознания бойцы и офицеры.

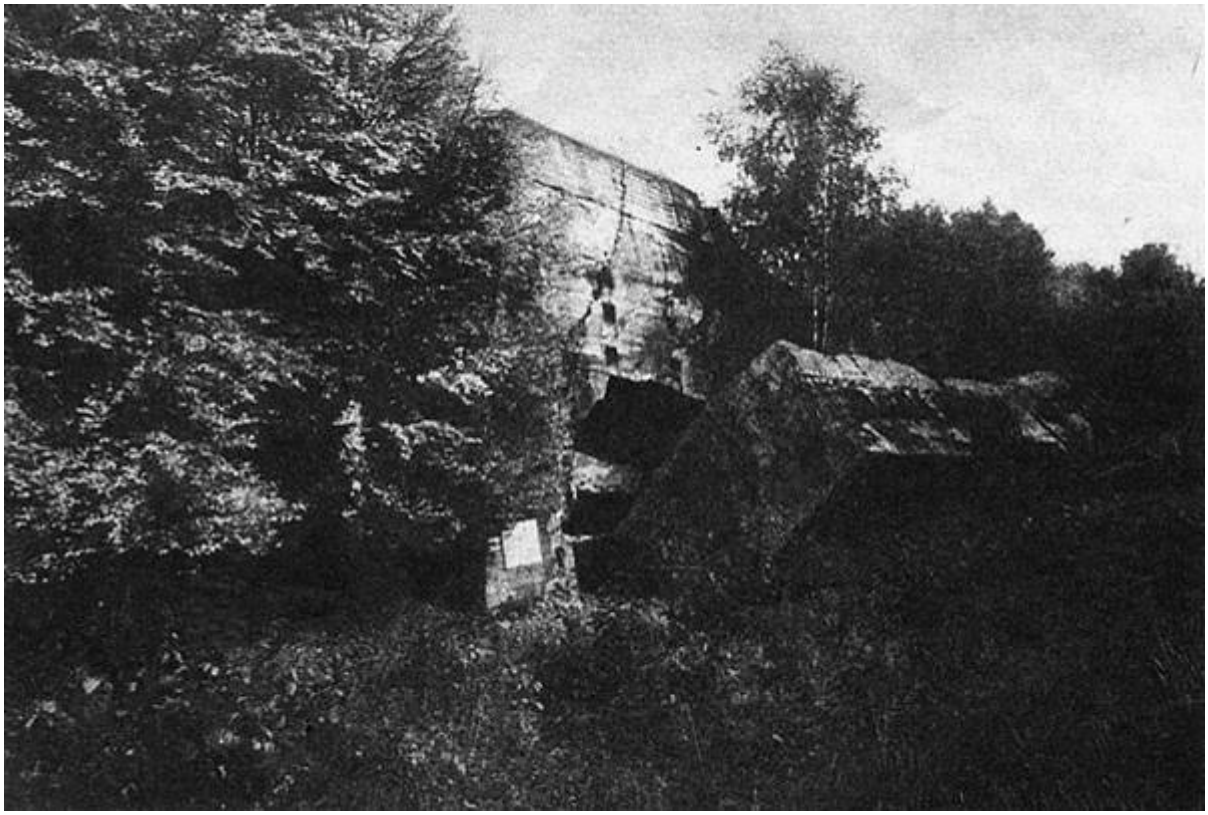
Даже враги с невольным уважением позже говорили о стойкости и мужестве защитников Брестской крепости. В частности, Отто Скорцени в своей книге «Специальное задание» потом напишет:

> Русские в центральной крепости города продолжали оказывать отчаянное сопротивление. Мы захватили все внешние оборонительные сооружения, но мне приходилось пробираться ползком, ибо вражеские снайперы били без промаха. Русские отвергли все предложения о капитуляции и прекращении бесполезного сопротивления. Несколько попыток подкрасться и завладеть крепостью штурмом окончились неудачей. Мертвые солдаты в серо-зеленых мундирах, усеявшие пространство перед крепостью, были красноречивым тому свидетельством… Русские сражались до последней минуты и до последнего человека.

Гарнизон подземного Аджимушкая

В мае 1942 года ударной группировке немецко-фашистских войск под командованием генерал-фельдмаршала Э. Манштейна удалось прорвать Крымский фронт, и советским войскам под непрерывными бомбардировками врага пришлось эвакуироваться с Керченского полуострова. Днем и ночью над степью и морем гремела канонада, небо застилал дым пожарищ, под бомбовыми ударами и артиллерийско-минометным огнем советские части стали переправляться на Таманский берег.

После оставления Керчи борьба против фашистов продолжалась, хотя боевые части и подразделения как таковые перестали существовать, и оборону в основном держали наскоро сформированные сводные отряды и группы. В районе поселка Аджимушкай одним из таких отрядов командовал полковник Павел Максимович Ягунов – начальник Отдела боевой подготовки штаба Крымского фронта. Объединенные им разрозненные арьергардные части, отряды и боевые группы командиров и рядовых, пограничников и морских пехотинцев, кавалеристов и танкистов, саперов и связистов оказались на пути фашистского танкового корпуса, успешно отбивали все атаки противника и играли важную роль в обороне восточной оконечности Керченского полуострова. Приняв основной удар на себя, они обеспечили эвакуацию на Таманский полуостров более 100 000 советских солдат. Им досталась нелегкая доля – прикрывать отход армии, и они стояли насмерть, сколько было сил. Если бы они совершили на войне только это, то все равно заслужили бы бессмертную славу. Но 18 мая 1942 года фашисты, обойдя Аджимушкай, окружили отряд П.М. Ягунова, и бойцы и командиры ушли в каменоломни. Они продолжили свой подвиг, укрывшись под многометровыми толщами известковой скалы, и впереди у них было еще 170 дней борьбы и обороны…



Бывшие входы в каменоломни

Летом на этой земле стоит тягучий зной, горько пахнет полынью на Царском кургане, слепят глаза стены белых домиков Аджимушкая, ветерок со стороны Керченского пролива то и дело доносит густой запах тмина. Тропинка с Царского кургана ведет к лазу Центральной штольни Больших Аджимушкайских каменоломен. Сотни лет поколения камнерезов пилили в этих скалах сухой белый известняк, из которого строился весь Крым, да и не только Крым. Вырубая пласт за пластом, камнедобытчики уходили все дальше и дальше под землю, оставляя за собой целые лабиринты. Ходы сходились и расходились, изгибаясь так же, как изгибались пласты камня. Так постепенно вырос запутанный подземный город, который «не пожелавшие сдаться в плен», как доносили о них в ставку Гитлера, превратили в очаги сопротивления.

Раньше в этом подземном лабиринте располагался штаб Крымского фронта, здесь остались склады с оружием и боеприпасами, армейский госпиталь и фронтовой клуб. Сюда стекались бойцы и командиры Красной Армии, которым не удалось переправиться на Кавказский берег; тянулись местные жители, не желавшие оставаться на оккупированной земле. В условиях почти постоянной темноты и сырости, полуголодные, лишенные воды и медикаментов, они проявляли удивительную стойкость и мужество. Не выдерживал металл, ржавело и отказывало оружие, но люди стояли насмерть!

Так началась подземная оборона Аджимушкая, вторая за полвека, так как еще в годы Гражданской войны в каменоломнях базировались партизаны, действовавшие против войск П.Н. Врангеля. И на этот раз сырые, мрачные штольни подземелий приняли тысячи бойцов. Наверху свет, солнце, весна, жизнь, а внизу не хватало самого необходимого – воды и продовольствия. Никто не ждал здесь прихода людей, никто не готовил им запасов. Все это им надо было добывать самим, чтобы жить и бороться.

Дерзкие вылазки, смелые разведывательные операции, уничтожение солдат и офицеров противника, постоянное психологическое воздействие на врага… Керченская земля в буквальном смысле слова горела под ногами оккупантов, и они с бесчеловечной жестокостью стремились уничтожить подземный гарнизон. Фашисты минировали, заваливали камнями и оплетали колючей проволокой все известные им выходы на поверхность, а потом стали производить взрывы вдоль основных штреков, и бойцам подземного гарнизона приходилось отходить в дальние штольни. Говорят, что немцы имели планы и схемы каменоломен, но, находясь наверху, все равно нельзя было точно угадать и проследить на поверхности все разветвления и повороты ходов. Поэтому многие их взрывы не достигали цели, оставляя на

поверхности лишь неглубокие воронки, так как взрывчатка не брала крепкий камень. Немецким саперам удалось взорвать и засыпать несколько ходов недалеко от Центральной штольни, но точно над ней ни один взрыв произведен не был. Однако там, где взрыв приходился точно над входом, разрушения были огромны: тогда на поверхности образовывалась воронка глубиной в 10–20 метров.

Перед входом в каменоломни немцы установили громкоговорители, каркающий голос которых доносился под землю, обещая жизнь, воду, пищу… Но каменоломни в ответ молчали, и никто из них не выходил. Когда же гитлеровцы попробовали сунуться внутрь, их встретили огнем. Убедившись в бесплодности своих попыток «выкурить» из-под земли «фанатичных комиссаров», фашисты применили газовые атаки со взрывами. Немецкие саперы выбивали в камне глубокие ямы и закладывали в них фугасы и авиабомбы: гремели взрывы, от детонации в штольнях и штреках рушились своды и стены, обвалы рождали новые обвалы. Это был страшный день – 24 мая. Каменоломни заполнились газом, но полузадохнувшийся радист Казначеев смог передать в эфир открытым текстом радиограмму, подписанную полковником П.М. Ягуновым:

> Всем народам Советского Союза! Мы, защитники обороны Керчи, задыхаемся от газа, умираем, но не сдаемся!

К этому времени горючее уже закончилось и движок в штольнях не работал. И тогда защитники стали делать факелы из кусков автомобильных покрышек, разрезанных на длинные полосы. Они давали неяркий и коптящий, но долгий свет. Главной заботой и главной ценностью в каменоломнях была вода. Люди сосали камни, от известковой воды разъедало кожу, кровоточили десны… И все же это была вода! Драгоценные капли собирали в котелки, чтобы напоить тех, кто лежал в подземном госпитале, кто охранял входы в подземелье.

Командир подземного гарнизона, душа обороны с первого и до последнего часа, П.М. Ягунов погиб в каменоломнях в июле 1942 года. Рассматривая оружие и боеприпасы, добытые бойцами во время удачной ночной вылазки, он взял гранату, и она взорвалась… Хоронили его все бойцы и командиры подземного гарнизона: он лежал в гробу, сделанном из бортов полуторки, который потом зарыли в одном из подземных залов. В этом районе были сильные завалы, и сейчас точно неизвестно, где находится могила прославленного героя Аджимушкайской обороны. Известно только, что на холм был положен металлический лист, на котором одиночными автоматными выстрелами кто-то выбил его фамилию.

Стояла поздняя осень 1942 года. Затихли июльские бои в Севастополе и на мысе Херсонес, где сражались последние защитники героического города. Фашисты временно оккупировали Тамань и Кубань, заняли Новороссийск… А в Больших и Малых каменоломнях Аджимушкая под Керчью, в глубоком немецком тылу, оставался неприступным кусок советской земли, который обороняли бойцы и командиры Красной Армии.

О последнем сражении защитников каменоломен ходят легенды. В свой последний бой бойцы и командиры Крымского фронта вышли после пятимесячной героической обороны как воины регулярной армии – в форме и со знаками различия. Бородатые, черные, в изорванной одежде, они шли, поддерживая раненых товарищей, щурясь от яркого, нестерпимого дневного света. Это было страшное и не понятное для врага зрелище…

Но каменоломни недолго оставались пустыми. Вскоре туда, как вода сквозь камни, просочились новые отряды бойцов, и снова керченские каменоломни стали наводить на фашистов суеверный ужас…

Подземный гарнизон полковника П.М. Ягунова был не единственным. В Булганакских каменоломнях оказались в окружении несколько десятков раненых солдат, офицеров и весь персонал санитарного батальона азербайджанской дивизии Крымского фронта. Когда подошли фашисты, медики увели раненых в глубь катакомб, выставив дежурные посты, которые своим огнем помешали врагу с ходу проникнуть вниз.

А в Малых Аджимушкайских каменоломнях укрывалась часть личного состава 1го запасного полка и других частей Красной Армии. Организатором и руководителем обороны в этих катакомбах был лейтенант М.Г. Поважный – командир одной из батарей этого полка. С первых дней обороны он учел все имеющееся продовольствие и установил строгую норму выдачи, но, несмотря на это, люди порой умирали от голода и нехватки воды. Вот что было записано в дневнике старшего лейтенанта Клабухова, найденном в начале 1944 года.

> **30 июня 1942 г.** Трое умерло только от того, что они ели лошадиные шкуры: жарили их на костре и ели, а потом часами сосали воду, вот и конец.

26 июля. Чувствую слабость. Это от того, что я наелся вареной травы… Не есть траву: зубы шатаются, десны болят. Соли нет, 3 грамма на сутки, и те растворяются незаметно. Трудно, но что делать? Нужно терпеть, бороться. Только борьба и сила воли помогут делу…

Находясь в полном окружении, без связи с Большой землей, гарнизон несколько месяцев приковывал к себе огромные силы противника, оттягивая их с линии фронта. Они не пали духом, всегда надеясь на освобождение из подземной крепости. О них знали и помнили! О них доносили командованию советские посты на мысе Чушка, радировали моряки-разведчики с полузатопленных пароходов «Шахтер» и «Горняк». Взрывы, ракеты и светящиеся трассы наблюдали, подняв свои перископы, советские подводные лодки. Видели, вылетая на задание, экипажи ночных бомбардировщиков…

В ноябре 1943 года части Отдельной Приморской армии форсировали Керченский пролив и освободили поселок Аджимушкай. Спустившиеся в каменоломни бойцы и командиры молча шли по подземным штольням: у закопченных стен, среди многотонных каменных завалов лежали останки погибших, но не сдавшихся врагу героев. На стене одной комнаты – рисунок, выцарапанный чем-то острым: красноармеец и фашист стоят в профиль друг к другу. На голове фашиста – характерная каска, на левом боку – кобура, в руках – винтовка с широким штыком; красноармеец одет в гимнастерку и пилотку со звездочкой… Какой неизвестный художник и в какой из 170 дней оставил по себе эту память?

Много тайн хранили Аджимушкайские катакомбы, и одна из них – о существовавшем архиве подземной крепости, о котором говорили оставшиеся в живых участники обороны, советские документы тех лет и даже свидетельства противника. Защитники Аджимушкая вряд ли решились бы навсегда расстаться с летописью своей борьбы, и поисковая экспедиция, организованная в 1960-х годах, нашла сейф с частью этих бесценных документов. Здесь были наградные листы, записки и донесения о героизме и мужестве бойцов гарнизона и другие воинские реликвии 15 000 защитников Аджимушкая, из которых в живых осталось только 49 человек.

Сокровища замка Кенигштайн

В ходе Пражской наступательной операции советские войска овладели крепостью Кенигштайн («Королевский камень»), лежащей в Рудных горах Саксонии. Крепость располагалась на скалистом плато, а в долине лежал небольшой городок с тем же названием; с севера к нему примыкал населенный пункт Тюрмсдорф.

Скалу венчала мощная крепость Кенигштайн, на протяжении нескольких столетий служившая и убежищем саксонских королей, и хранилищем их богатств, и местом размещения военного гарнизона, и государственной тюрьмой. В разное время здесь томились Август Бебель – видный вождь рабочего движения, русский революционер Михаил Бакунин, Фриц Геккерт – один из основателей Коммунистической партии Германии и многие другие.

Когда 26й военно-воздушный десантный полк, входивший в состав 5й гвардейской армии генерала А.С. Жадова, неожиданно появился около крепости, подступы к ней обороняли подразделения СС, а в самой крепости стоял военный гарнизон. Сначала советские войска решили атаковать и уничтожить противника в Тюрмсдорфе, чтобы с ходу ворваться в городок Кенигштайн, а потом уж штурмовать крепость.

Когда город был взят, оставшиеся в живых фашисты бежали в горы. Советское командование понимало, что силами одного полка крепость взять будет очень трудно, может быть, даже невозможно. Поэтому нужна была помощь артиллерии, танков, саперов и поддержка авиации. Но этого не было, а время не ждало. Попытались было связаться с крепостью по телефону, но связь не работала. Тогда, чтобы избежать кровопролитного и бесполезного сопротивления, предложили немцам сдаться. К штыку винтовки привязали белый платок, и генерал-майор Н. Штыков с переводчиком и двумя автоматчиками двинулись в сторону крепости… Открылись тяжелые башенные двери, и парламентарии вошли. Ультиматум о сдаче в плен немцами был принят, и комендант крепости построил свой гарнизон – 15 офицеров, 35 унтер-офицеров и 115 солдат. Через некоторое время в Кенигштайн прибыли офицеры советского штаба и взвод автоматчиков. Когда все отправились осматривать крепость, из окон башни Магдалены вдруг послышалось пение «Марсельезы»: это были пленные французские офицеры и генералы, которых тут же освободили.

Вознесенный на вершину скалы замок толщиной стен и неприступностью подтверждал еще одно свое название – «Каменный орешек». Но весной победного 1945 года советским

воинам удалось раскусить одну из самых сокровенных тайн этого позднесредневекового замка. Опасаясь налетов авиации противника, главари Третьего рейха спрятали в разных тайниках Кенигштайна многие шедевры мирового искусства из собрания Дрезденской галереи. По тайному приказу из Берлина из бывшей резиденции саксонских курфюрстов в Кенигштайн были вывезены самые ценные экспонаты знаменитой «Шатцкаммер» (Музея сокровищ) – ювелирные изделия легендарного «Зеленого подвала», секретной казны немецких князей из династии Веттинов.

> Для тайного хранилища золота, драгоценностей и важнейших государственных документов курфюрсты из дома Веттинов подобрали в своем Дрезденском замке подвал с каменными сводами – самое надежное от огня и грабителей помещение. Наружные стены «Грюне Гевельбе» (Зеленые своды) достигали толщины двух метров, окна были защищены тяжелыми решетками и железными ставнями. Потолки – высокие, сводчатые. Спрятанная внутри кирпичной кладки винтовая лестница была единственным доступом в подвал и вела в жилые комнаты курфюрстов. Так что даже мышь не могла незамеченной проскользнуть в секретную казну…
>
> Дрезденская «Шатцкаммер» была основана в 1560 году курфюрстом Августом, но еще более полутора веков владетельные князья держали в тайне сокровища «Зеленых сводов», и только в 1724 году приоткрыли свои золотые чертоги и на зависть всей Европе основали в замке «Музей сокровищ». Доступ в «Зеленые своды» был возможен лишь через один-единственный ход, который проделали во внутренней стене, смежной с соседними помещениями замка, присоединенными к «Зеленому подвалу». Свое название секретная сокровищница курфюрстов получила еще в ту пору, когда ее своды были выкрашены в зеленый цвет.

В феврале 1945 года, менее чем за три месяца до окончания войны, 1400 английских и американских бомбардировщиков тремя волнами сбросили на Дрезден 3750 тонн зажигательных и фугасных бомб. К счастью, для мирового искусства шквал войны не коснулся последнего убежища коллекции «Зеленого подвала».

И хотя весной 1945 года комендант Кенигштайна неохотно показывал замок, советские гвардейцы облазали все его башни, средневековые строения с лабиринтами ходов и подземелья. И неожиданно наткнулись на 450 больших деревянных ящиков, которые были спрятаны в юго-западной и северо-западной частях замка. В замке Кенигштайн оказалось около 70 картин (среди них полотна Рафаэля, Рубенса, Лиотара, Каналетто и др.); здесь же были спрятаны уникальные коллекции костюмов саксонских курфюрстов, образцы различного оружия, палатка турецкого султана и т. д. Вскоре предметы коллекции саксонских курфюрстов были перевезены в Москву – в сейфы Министерства финансов СССР, где и находились до 1958 года, а потом были переданы немецкому народу.

Сокровища «Зеленых сводов» почти без потерь пережили страшную Вторую мировую войну и остались целы. Теперь в их коллекциях 3000 произведений ювелирного искусства: изделия из золота и серебра, благородных камней и слоновой кости, черного дерева и янтаря, стекла и горного хрусталя, меди и бронзы… Среди особо ценных раритетов «Зеленых сводов» – знаменитый шедевр «Двор Великого Могола Аурангзеба в Дели в день его рождения», созданный замечательным немецким ювелиром XV века И.М. Динлигером для курфюрста Августа[61].

Есть среди сокровищ «Зеленого подвала» и золотой ковш Ивана Грозного, о чем отмечено в каталоге:

> Древнерусский сосуд для питья царь Иван Грозный… приказал изготовить из золота покоренному им в 1563 году городу Полоцку.

В начале XVII века Петр I подарил золотой сосуд королю Польши и курфюрсту Августу Сильному – своему союзнику по Северной войне. С именем Петра Великого связана история еще одного экспоната «Зеленых сводов». На мраморной доске поблескивает золотая чаша диаметром около 20 сантиметров с впаянными в нее античными римскими монетами. Выгравированная на чаше надпись поясняет, что в 1508 году она была подарена Августину Кезенброту – канцлеру Венгерского королевства. После его смерти чашей завладели солдаты турецкой армии, которая двигалась по Дунаю к Вене. Когда в 1696 году русские войска Петра I штурмом овладели крепостью Азов, они обнаружили там эту золотую чашу. И вскоре канцлер

саксонского княжества Бейхлинген приобрел ее для курфюрста Августа и доставил в Дрезден…

В самом центре Каракаса

Первыми поселенцами долины реки Гуайре, где у подножия горы Авила раскинулась столица Венесуэлы, были индейские племена торомайкас. Европейцы, проникшие впоследствии в этот район, постоянно слышали от них слово «каракас», которым аборигены называли растение с длинными стеблями, распространенное по всему побережью. И, как пишет исследователь Э.Н. Мария в книге «История конкисты и основание Каракаса», «этого было достаточно, чтобы название «каракас» дать всем местным племенам, всем землям и всей провинции».

Первым представителем испанской короны, кто проник в долину у подножия Авилы и основал первое европейское поселение, был метис Франсиско Фихардо. Он родился на острове Маргарита от брака испанца дона Диего Фахардо и индейской принцессы Гуайкери, которой дали христианское имя Исабель. Но основателем Каракаса считается капитан Диего де Лосада, который и составил первый план застройки города.

Каракас был заложен на квадрате, поделенном на кварталы прямыми и перпендикулярными улицами. Центром стала главная площадь – Пласа Майор, на которой из вручную сформованных и высушенных кирпичей построили храм с крышей из пальмовых листьев.

Полное название города, которое в 1567 году ему дали испанские конкистадоры, звучит так: Сантьяго-де-Леон-де-Каракас. И хотя львы в Венесуэле, как и вообще в Латинской Америке, не водятся, именно этот зверь стал символом нового города, что запечатлено и на его гербе: изрыгающий пламя лев с мечом в лапе.

Старинную крепость Сан-Карлос испанцы построили в начале XVIII века. Сначала здесь размещался гарнизон, затем – арсенал и даже какое-то время монастырь. Во времена правления президента Р. Бетанкура она была превращена в тюрьму, куда за почти трехсотлетние стены упрятывали политических противников. Любой подозрительный слушок, каждый сомнительный человек – все сразу становилось известно секретной службе Венесуэлы, поэтому тюрьма никогда не пустовала.

В Венесуэле много тюрем, но своих главных врагов тюремщики предпочитали держать в неприступной крепости Сан-Карлос, расположенной в самом центре Каракаса. Но прежде чем заключенных привезут сюда, многих из них держат в застенках жандармской охранки СИФА в так называемом «Белом доме» – прямо напротив президентского дворца «Мирафлорес».

Каждый раз, когда полиция пыталась вырвать у заключенного признание, его вели в специальную камеру «Ла Кава». Она закрывается герметической дверью, и потому оттуда не слышны никакие крики. А специалисты работали в СИФА хорошие, и они прекрасно знали, куда бить, чтобы добиться признания. Обычно арестованного сажали на специальный стул, раздевали догола и, заломив руки за спину, приступали к делу. Побои продолжались иногда несколько дней и ночей подряд – до тех пор, пока заключенный «не запоет».

После «Ла Кавы» истерзанного и избитого человека отправляли либо в тюрьму, либо передавали в трибунал, который и выносил приговор – обычно смертный. Тогда приговоренного бросали в кузов машины и везли в какое-нибудь удаленное от столицы место. Его могли убить по дороге, а могли отвезти в «партизанскую зону», где заносили в списки убитых при стычках с «бандитами», как официально называла партизан.

Внутри крепость Сан-Карлос разделена на несколько секторов, которые охраняли не менее 300 человек. Все они прошли полугодовой курс специальной подготовки по охране политических преступников. Хесус Фариа, генеральный секретарь компартии Венесуэлы, сидевший в этой тюрьме в 1960-х годах, вспоминал впоследствии, что в камерах солдаты часто искали оружие и «средства для побега». Гремят железные двери, и охранники начинают обшаривать каждый уголок, придирчиво ощупывать все: пол, стены, потолок, матрацы, одежду, ботинки и личные вещи заключенных. Некоторые камеры крепости-тюрьмы размещались в так называемой «Дымной пещере», где в прежние времена помещалась гарнизонная гауптвахта. В этот каменный мешок никогда не пробиваются лучи солнца.

Сложная система сторожевых вышек, решеток, броневиков, цензуры, обысков – все служит одной цели: подавить и сломить волю заключенных, показать не только безнадежность их положения, но и вообще всякой борьбы. Однако и из Сан-Карлоса пытались бежать. В свое время прославился побегом из крепости Теодоро Петков, добившийся, чтобы его перевели в госпиталь. Он симулировал тяжелую болезнь, что сделать

было очень трудно, так как Т. Петков считался одним из самых опасных заключенных. А потом он спустился по 40метровой веревке с седьмого этажа в сад, исчез и долго находился на свободе.

В одной из камер сектора «Ф-2» долго оставались следы неудавшейся попытки подкопа. Это было настоящим безумством – рыть туннель из самой камеры… Как можно было спрятать вход от охранников, когда те постоянно держали в поле зрения все камеры? Оставался только один выход – рыть туннель извне, от соседнего с крепостью дома, к ближайшей камере. И Хесус Фариа придумал предлог, чтобы его перевели именно в эту камеру.

Товарищи Х. Фариа на воле арендовали небольшой бар на углу между улицами Хабанерия и Амакура – как раз там, где было нужно. В этом баре они открыли лавочку «Абастос Сан-Симон», хозяину которой – после строгого допроса и обыска – выдали разрешение на владение помещением и пропуск в «военную зону». Ему также разрешили пользоваться автостоянкой, располагавшейся позади крепости. Однако работы по сооружению туннеля сразу начинать было нельзя, чтобы не вызвать подозрение соседей.

Лавка начинала работать с раннего утра и закрывалась в 8 часов вечера. Охранники крепости пользовались в ней небольшими привилегиями, так как Симон отпускал им товар в кредит, по сниженным ценам и давал деньги взаймы. Солдаты часто заходили к нему выпить бутылочку кока-колы, купить сигарет или просто поболтать. Специально для них было отведено небольшое помещение, где они в дни увольнений могли переодеться в штатскую одежду. А в холодные вечера, когда охранники несли караульную службу, хозяин выносил им по рюмочке рома.

Потом рядом с лавкой было арендовано еще одно помещение, где Симон оборудовал гараж и склад. Двери гаража устроили так, чтобы в них свободно проходил грузовичок, который потом стал вывозить землю из туннеля. Хозяин лавки установил хорошие отношения со всеми соседями, а солдаты относились к нему так прекрасно, что со временем он стал свободно проходить на территорию крепости.

Вход в туннель решили рыть в одном из углов гаража. «Ответственному землекопу» Карлосу необходимо было проникнуть в гараж тайно, чтобы охрана крепости ничего не заподозрила. Кроме того, он должен был спать и питаться в самом гараже, и ему запрещалось куда-либо выходить.

Копать туннель начали в январе 1965 года, и работа началась с того, что надо было пробить каменный пол гаража. Товары в лавке отпускались так, чтобы всячески заглушить удары молотка, поэтому радиоприемник всегда включали на полную громкость. На рытье входа в туннель ушло 15 дней, но работа получилась ювелирной: с первого взгляда обнаружить отверстие было нельзя, да и специальная акустическая прокладка выдерживала любое простукивание. К апрелю был сделан и начальный колодец, из которого вывезли 80 мешков земли. Доставлять землю на поверхность было трудно, так как каждый мешок надо было наполнить доверху, дотащить до входа, поднять в гараж и незаметно уложить в грузовичок. А ведь один мешок весил 50–60 килограммов!

По мере того как увеличивалась длина туннеля, жара в нем становилась почти невыносимой. Запах влажной земли и недостаток кислорода вызывали у Карлоса приступы кашля, пот покрывал все тело и заливал глаза. После часа работы начинало ломить мышцы, и случалось, что он падал в обморок. Если же в лавке находился кто-то посторонний, ему приходилось часами лежать внутри почти герметически закрытого подземелья. Поэтому наверху его часто приходилось приводить в чувство. А в июне строительство туннеля остановилось, так как надо было искать человека, который бы заменил Карлоса. Это должен был быть человек не только молодой и сильный, но и надежный.

В конце июня полицейские неожиданно забрали хозяина лавки Симона, которого арестовали за то, что один из офицеров крепости предложил ему купить автомашину, которая оказалась краденой. Пока разбирались обстоятельства дела, проведение операции «Туннель» остановилось, и возобновилась работа только после 19 августа, когда выпустили Симона.

После того как туннель был прокопан от гаража до кромки тротуара, его надо было повернуть к стене сектора «Ф-2», где находилась камера Х. Фариа и его товарищей, – как раз к сторожевой вышке. Длина всего туннеля на данном этапе составляла более 46 метров, и внешне он был похож на букву «Z».

В декабре 1965 года новое обстоятельство остановило работу. Судебный исполнитель наложил эмбарго на все имущество в лавке Симона за то, что тот вовремя не оплатил аренду

помещения. К Новому году нужная сумма была найдена, и работа в туннеле продолжилась. А в самом начале января 1966 года около лавки появились солдаты, которые стали простукивать асфальтовое покрытие улицы тяжелым брусом. Была удвоена и охрана в крепости Сан-Карлос: на сторожевых вышках, где обычно стоял один часовой, теперь торчало несколько касок. Каждые пять минут по улице проходили вооруженные патрули, в лавке Симона начался обыск…

Тщательный обыск проводился и в тюремных камерах, особенно в камере Х. Фариа: в ней простукивали каждый сантиметр, изучали каждую трещину. Солдаты переворачивали кровати и стулья, простукивали стены и потолок, прикладывали ухо к полу, пытаясь уловить какой-либо подозрительный шум. Постоянные обыски, по три раза на день, подтвердили подозрение, что полиция знает о туннеле и ищет его.

Только к середине апреля строительство туннеля начало подходить к концу, оставалось прорыть всего несколько метров. Но организаторов побега постигло еще одно разочарование: оказалось, что замеры были сделаны не совсем правильно. Они надеялись, что туннель дошел под землей уже до камеры, а он был прокопан только до середины улицы. И вместо задуманной буквы «Z» получилась буква «S»…

Последним препятствием оказался фундамент самой крепости, который осложнил всю работу. Старинная колониальная постройка отличалась удивительной прочностью, так как испанцы замешивали известь на молоке. Пробить такую толщу было трудно, к тому же любой посторонний шум мог привлечь внимание часовых.

К октябрю 1966 года, за два с половиной года работы, было прорыто 77 метров, вынуто 500 мешков земли, что составляет около 25 тонн. Расходы, которые компартия Венесуэлы потратила на строительство и проведение всей операции, равняются приблизительно 200 000 боливаров.

Наконец наступил день побега – 5 февраля 1967 года. В Каракасе начинался карнавал, а в такие дни обысков обычно не бывает. И вот пол в камере Х. Фариа заколебался, поднялась бетонная плита: заключенные покинули свои мрачные казематы и влились в шумное и безудержное веселье карнавала…

Примечания

1 Впоследствии ученые установили, что царь Приам жил на 1000 лет позднее.

2 Правда, в трудах Фукидида утверждается, что чужестранцы никогда не переселялись в Аттику.

3 По другому преданию, бог Посейдон произвел лошадь, но и она была признана менее полезной для жителей Аттики.

4 Эгида – чешуйчатый панцирь с изображением головы Медузы-Горгоны посередине и со змеями по краям.

5 По некоторым сведениям Эрехтейон не достроили, иначе его архитектура оказалась бы еще более сложной.

6 О дальнейшей судьбе Карфагена можно подробнее прочитать в книге «100 великих городов мира».

7 С современным Севастополем он не имеет ничего общего.

8 Да настоящего времени сохранились только два павлина, которые теперь находятся в Ватиканском саду.

9 Великолепное повествование о том, как нормандцы завоевали Англию, сохранилось на ковре, который хранится в городе Байе.

10 В этот день в Англии никто не работает по случаю Бэнк Холидей (Банковского выходного).

11 В XVII веке его несколько видоизменили.

12 Подлинный «Кохинор» хранится в Виндзоре.

13 В то время ворота назывались Субботними, так как в этот день там проводились базары.

14 Ныне город Станке-Димитров.

15 По другой версии Пражский Град был основан его сыном Спытигневом.

16 Нижний этаж этого дворца сохранился под современным Владиславским залом.

17 В Белград город был переименован через 10 веков после своего основания.

18 Подробнее о Софийском соборе Новгорода можно прочитать в книгах «100 великих чудес света» и «София новгородская. Памятник мскусства и истории».

19 Постройка была завершена к 1490 году, и в основных своих чертах тот Детинец сохранился до наших дней. Последующие перестройки были не очень значительными и основного архитектурного облика его не изменили.

20 В европейском произношении «Алеппо».

21 Подробнее о нем можно прочитать в книге «100 великих наград».

22 Так до нашествия татар назывались башни.

23 О Грановитой палате подробнее можно прочитать в книге «100 великих дворцов мира».

24 То есть сатана у них, вопреки довольно распространенному мнению, не равен Богу.

25 В XIII веке Гапсаль стоял на берегу судоходного пролива, а не у закрытого залива, как сейчас.

26 Расположение Зала Капитула в этом месте является спорным до сих пор.

27 По преданию от племени титанов «ад» и произошло название города.

28 Эти трофеи и по сей день стоят у стен лондонского Тауэра.

29 Grod (в буквальном смысле) – крепость, замок; в бытовом – судебное место.

30 Его стены были выложены разноцветным мрамором.

31 Этот плафон занимает огромную поверхность – 150 квадратных метров.

32 Подробнее о послевоенной Варшаве можно прочитать в книге «100 великих городов мира».

33 Подробнее о дворцах Красного форта можно прочитать в книге «100 великих дворцов мира».

34 Впоследствии этот рукав обмелел, а потом и вовсе исчез.

35 Такая же участь постигла и некоторые другие замки Тевтонского ордена, например, Бальга и Бранденбург.

36 Об этом подробнее будет рассказано в отдельной главе.

37 По другим сведениям князь Избор будто бы заново построил город.

38 По некоторым сведениям псковичей было гораздо больше, так как одних убитых насчитывалось 800 человек.

39 Куско был и религиозным центром страны. Здесь находился Кариканче (Золотой двор) – грандиозный ансамбль величественных храмов, посвященных Солнцу, Луне, Грому и другим индейским богам. О городе Куско и его богатствах можно подробнее прочитать в книгах «100 великих сокровищ» и «100 великих городов».

40 Механизм был установлен в ней в 1399 году мастером Анри Крессоном.

41 Есть еще один «кандидат» на роль Синей Бороды, о котором подробно рассказал писатель В. Смирнов в статье «Синяя Борода не злодей, а жертва» (журнал «Чудеса и приключения», 1997, № 12).

42 Сведения Кастория другими источниками пока не подтверждаются.

43 В XVIII веке ров засыпали.

44 Этот деятель Французской революции был посажен в замок как соблазнитель и банкрот.

45 При рождении он получил имя Жозе Куштодиу.

46 В Париже аббат Фариа издал первую на Западе книгу о гипнозе.

47 Попутно скажем, что аббат Фариа сидел и в Бастилии, где осчастливил человечество изобретением стоклеточных шашек.

48 Так были названы в честь великой победы сросшиеся города Биргу и Сенглеа.

49 Некоторые источники днем рождения Шарля де Баатца называют 1610, 1615 и даже 1620 годы.

50 Он женился на мадам Анне де Шанлеси – наследнице многих имений.

51 Позже флибустьеры окрестили его Санто-Доминго, а теперь это остров Гаити.

52 Буканьерами называли охотников, которые заготовляли мясо зверей по индейскому способу «букана». Мясо разрезали на длинные полосы, солили, потом подсушивали и коптили на решетках на углях. Приготовленное таким образом мясо долго сохранялось в тропических условиях. От слова «букан» и произошел термин «буканьеры», который потом стали применять и для наименования флибустьеров.

53 По другой версии слово «панама» означает «много бабочек». Уточнить это сейчас уже не у кого, так как исконные жители этих мест исчезли с лица земли более 300 лет назад. Однако следует отметить, что косяки рыб подходят к берегу именно в то время, когда зацветают деревья и появляется много бабочек.

54 Подробнее о княжне Таракановой будет рассказано в книге «100 великих узников».

55 Этот герб – единственная мальтийская реликвия, сохранившаяся в замке до настоящего времени.

56 В 70 году римские солдаты императора Тита сровняли с землей Иерусалим, Храм Соломона был разграблен, а иудейские святыни увезены в Рим.

57 Пастушка нет соблазна что Пуссен ТЕНИРС ХРАНЯТ КЛЮЧ РАХ DCLXXXI крестом и этой лошадью Бога я ДОБИВАЮ ЭТОГО ДЕМОНА ХРАНИТЕЛЯ в Полдень синих яблок.

58 Членами этого Ордена были также французский композитор Клод Дебюсси, поэт-символист Стефан Малларме, бельгийский драматург Морис Метерлинк и др.

59 Ныне маленький и тихий польский городок Кентшин.

60 Сейчас эти экспонаты хранятся в областном краеведческом музее.

61 Подробнее об этом можно прочитать в книге «100 великих сокровищ».